ISSN 0321-0391

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

4

«НАУКА»

1997

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
ЦЕНТР СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. М.В. ЛОМОНОСОВА

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

JOURNAL OF ANCIENT HISTORY

4(223)

Октябрь–Ноябрь–Декабрь

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН В 1937 г.

МОСКВА 1997 "НАУКА"

Редакционный совет

академик РАН *М.Л. Гаспаров* (председатель), член-корр. РАН *С.С. Аверинцев*, д. филол. н. *В.И. Абаев*, член-корр. АН Азербайджана *И.Г. Алиев*, д.и.н. *О.Д. Берлев*, д. филол. н. *А.К. Гаврилов*, д.и.н. *А.А. Губаев*, член-корр. АН Грузии *Г.Г. Гиоргадзе*, д.и.н. *И.М. Дьяконов*, д.и.н. *Ю.К. Колосовская*, д.и.н. *В.И. Кузищин* (зам. председателя), член-корр. АН Украины *С.Д. Крыжицкий*, д.и.н. *А.М. Лесков*, д. филол. н. *В.А. Лившиц*, акад. АН Таджикистана *Б.А. Литвинский*, д.и.н. *И.Л. Маяк*, акад. АН Грузии *Г.А. Меликишвили*, д.и.н. *Н.Я. Мерперт*, академик РАН *В.И. Молодин*, д.и.н. *Р.М. Мунчаев*, акад. АН Узбекистана *Г.А. Пугаченкова*, акад. АН Армении *Г.Х. Саркисян*, д.и.н. *И.С. Свенцицкая*

Редакционная коллегия

Г.М. Бонгард-Левин (главный редактор)

Ю.В. Андреев, *Е.В. Антонова*, *Л.С. Баюн*, *Ю.Г. Виноградов* (зам. главного редактора), *М.Л. Гаспаров*, *В.А. Головина* (зам. главного редактора), *Е.С. Голубцова*, *М.А. Дандамаев* (зам. главного редактора), *С.Г. Карпюк* (зам. главного редактора), *И.С. Клочков*, *Г.А. Кошеленко*, *В.И. Кузищин*, *Л.П. Маринович*, *А.И. Павловская*, *А.В. Подосинов*, *Д.С. Раевский*, *С.Ю. Сапрыкин* (ответственный секретарь), *В.М. Смирин*, *М.К. Трофимова*, *В.И. Уколова*, *Э.Д. Фролов*, *С.В. Шкунаев*

Заведующая редакцией *И.К. Малькова*

Editorial Board

G. Bongard-Levin (Editor-in-Chief),

Yu. Andreyev, *Ye. Antonova*, *L. Bayun*, *M. Dandamayev*, *E. Frolov*, *M. Gasparov*, *V. Golovina*, *Ye. Golubtsova*, *S. Karpyuk*, *I. Klochkov*, *G. Koshelenko*, *V. Kuzishchin*, *L. Marinovich*, *A. Pavlovskaya*, *A. Podosinov*, *D. Raevsky*, *S. Saprykin*, *V. Smirin*, *S. Shkunayev*, *M. Trofimova*, *V. Ukolova*, *Yu. Vinogradov*

Head, Editorial Office *I. Malkova*

© Российская Академия наук,
Отделение истории РАН,
Институт всеобщей истории РАН, 1997 г.

© 1997 г.

Н.Ф. Боровская

ЛИРЫ ИЗ «ЦАРСКИХ ГРОБНИЦ» УРА КАК ПАМЯТНИКИ ШУМЕРСКОЙ КУЛЬТУРЫ РАННЕДИНАСТИЧЕСКОГО ПЕРИОДА

В изучении культурного наследия Шумера Раннединастического периода (XXVI–XXIV вв. до н.э.) памятники из «царских гробниц» в Уре занимают важное место. Обширное собрание вещей, разнообразных по характеру и назначению, создает достаточно глубокое представление об особенностях исторической и духовной жизни того времени. В этом собрании – такие известные вещи, как «царский штандарт» и «козел в зарослях», шлем Мескаламдуга и головной убор Пу-аби, многочисленные печати со сценами «фриза сражающихся». Но, пожалуй, самыми интересными и сложными из них можно считать лиры – музыкальные инструменты, обнаруженные в трех захоронениях из шестнадцати. Детальное изучение этих инструментов дает материал, который нельзя получить при работе с изображениями, и это сразу было оценено специалистами, главным образом музыковедами. Однако подлинное значение этих памятников еще не выявлено до конца. В литературе до сих пор можно столкнуться с неточностями и домыслами: инструменты часто называются арфами и даже лютнями, высказываются неверные суждения об их археологическом состоянии, из-за чего их ценность несправедливо подвергается сомнениям. Урские лиры упоминаются во всех работах по шумерской культуре, но разговор о них ведется на чисто описательном уровне, без попыток осознать смысл формы инструментов и их декоративной системы. Серьезный материал, полученный музыковедами, также нуждается в дополнительном рассмотрении, так как большинство исследователей ограничивается изучением механического устройства инструментов, не пытаясь взглянуть на них более широко.

Необходимость подробно рассмотреть урские лиры как историко-культурный феномен вызвана, с нашей точки зрения, двумя причинами: во-первых, уникальная система декора ставит их в число выдающихся памятников изобразительного искусства. Во-вторых, сложное религиозно-мифологическое содержание, заключенное, на наш взгляд, в этой системе, позволяет предполагать, что инструменты могли быть важным ритуальным объектом, чья роль выходила за рамки музыкального оформления действа.

Комплекс «царских гробниц» является частью грандиозного некрополя (1850 захоронений), обнаруженного в 1927–1929 гг. в ходе работ на месте древнего Ура Объединенной экспедиции Британского музея и Пенсильванского университета под руководством Л. Вулли. Он состоит из 16 захоронений, расположенных в юго-восточной части священного участка (теменоса) под стеной времени Навуходоносора II. Почти все погребения имели прямоугольный план и включали в себя три части: наклонный спуск-дромос, каменную погребальную камеру с кирпичным перекрытием[1] и «открытый двор», в котором располагалась свита покойного с жертвенными дарами. В этом комплексе нас особенно интересуют три захоронения – 1237, 789 и 800В, поскольку именно в них были найдены инструменты.

[1] *Вулли Л.* Ур халдеев. М., 1961. С. 80.

Гробница 1237, названная Л. Вулли «большая погребальная шахта», по своей структуре отличалась от остальных. Судя по остаткам поперечных кирпичных стен, скоплениям известняковых блоков в юго-восточной части и массы кирпича вперемешку с известняком в юго-западном конце шахты, гробница могла изначально соединять в себе несколько камер[2]. Поражала она также обилием человеческих жертв: 75 костяков, из них 68 – женщины в парадных одеяниях. В районе юго-восточной стены (т.е. недалеко от главной камеры) были обнаружены четыре лиры, три из них удалось спасти. Это «золотая лира» U. 12353 (высота 1,20 м, длина перекладины 1,40 м, высота резонатора 0,33 м), «серебряная лира» U. 12354 (высота 1,06 м, длина 0,97 м), «серебряная лира-ладья» U. 12355 (высота 1,16 м, длина 1,40 м)[3].

Деревянный резонатор «золотой лиры» U. 12353 погиб, но его форма хорошо определяется по уцелевшему почти полностью орнаментальному бордюру из раковины и лазурита с добавлением красной пасты. Хорошо сохранились и вертикальные колонки, сочетавшие мозаику с полосами листового золота. По обмерам мозаичной окантовки (сделанным еще до ее извлечения из шахты) была изготовлена новая деревянная модель резонатора, орнамент перенесен на нее неразрушенным и закреплен специальной смесью воска с битумным порошком. Ширина торцовой части (65 см) определялась размерами прекрасно сохранившихся плакеток с инкрустациями. Там же, на торце, должна была помещаться и золотая голова быка, не имевшая каких-либо серьезных повреждений[4].

Большие сложности возникли при реставрации двух лир, имевших обшивку из листового серебра (U. 12354, U. 12355). Из-за исчезновения деревянной основы стенки резонаторов сплющились, и только тонкий слой пыли разделял их. Хрупкие кусочки металла в некоторых местах больше напоминали порошок. Лиры извлекались на поверхность вместе с землей при помощи «воскового бандажа» и специального деревянного каркаса. В лабораторных условиях отделенные друг от друга деки, боковые колонки и перекладины укреплялись деревянными и металлическими стержнями, а также пропитанной воском тканью. Для предотвращения дальнейшего разрушения металла между слоем серебра и новым остовом резонатора вливался расплавленный воск[5]. Но и после этого состояние «лиры-ладьи» внушало опасения, ее пришлось частично погрузить в гипс, и теперь мы можем видеть ее только с одной стороны[6].

При всех утратах лиры из гробницы 1237 сохранились лучше других. Иначе обстоит дело с двумя другими инструментами из гробниц 789 и 800В, известных как «гробница царя» и «гробница Пу-аби». Если первая оказалась почти полностью разграбленной, то «гробница Пу-аби», напротив, прекрасно сохранилась: в ней нашли более 267 ценных изделий, среди них – знаменитый головной убор Пу-аби, игорный столик с инкрустациями, золотые и серебряные сосуды[7].

Фрагменты известной лиры U. 10556 были обнаружены в северо-западной части двора гробницы 789. Судя по слабым отпечаткам в земле, это очень крупный инструмент: высота передней колонки –1,17 м, задней – 1,40 м. Резонатор не имел ни

---

[2] *Woolley L.* UE II. L., 1934. P. 113–116; *Лойд С.* Археология Месопотамии. М., 1984. С. 117.

[3] Обмерные данные инструментов см. *Raschid S.A.* Mesopotamia (Musikgeschichte in Bildern). Lpz, 1984. Четвертый инструмент (U. 12356) был утрачен. Он не имел ни металлической обшивки, ни мозаичной окантовки. После месяца работы с остатками декора выяснилось, что на нем находились две бронзовых фигурки оленей, опиравшихся на дерево, по аналогии с лирой U. 12355. Л. Вулли предполагал отнести его к типу «лиры-ладьи» (Op. cit. Pl. 193. № 18; Pl. 194. № 22).

[4] Ibid. P. 122 f., 252 f.

[5] Ibid. P. 256.

[6] Ibid. P. 122. Летом 1949 г. находящаяся в Британском музее лира U. 12354 начала разрушаться. В ходе двухлетней реставрации (1962–1964) на задней стороне серебряной обшивки обнаружились следы дерева неизвестной нам хвойной породы. После специальной обработки кусочков серебра, насаженных на плексиглазовую раму, удалось точно сохранить все уцелевшие детали. О ходе работ см. *Barnett R.D.* New Facts about Musical Instruments of Ur // Iraq. L., 1969. 31. P. 97–103; *Organ R.M.* The Reclamation of the Wholly Mineralized Silver in the Ur Lyre // Application of Science to the Examination of Works of Art. Boston, 1967. P. 3–10.

[7] Л. Вулли предполагал, что Пу-аби была вдовой человека, похороненного в гробнице 789.

мозаики, ни металлической обшивки, и от лиры уцелел только декор. Инкрустация находилась в отличном состоянии, потребовалось лишь укрепить битумный фон и горизонтальные линии, разграничивающие ярусы. Большие опасения внушала голова быка, сделанная из дерева с наложением тонкого слоя листового золота. Из-за утраты деревянного каркаса откатились в сторону уши и рога, лазуритовые пряди челки провалились внутрь золотой маски и была повреждена серебряная пластинка, закреплявшая бороду. Однако, по словам Л. Вулли, реставрация была проведена так тщательно, что возможность какого-то отклонения от оригинала исключена[8].

Еще более сложная ситуация возникла с фрагментами инструмента, обнаруженного в юго-западной части двора гробницы 800В. После реконструкции он выглядел довольно странно: массивная, круглая задняя колонка, завершающаяся раструбом, плавным изгибом переходила в невысокий подиум, на котором помещался типичный для лиры прямоугольный резонатор с традиционным декоративным набором (голова быка и плакетки с инкрустациями). Передней колонки и перекладины нет, а струны, как на арфе, закреплены по диагонали. Ощущение искусственности и нелогичности этой структуры появляется сразу. Однако именно этому инструменту, названному «арфой Пу-аби», Л. Вулли уделяет особое внимание, стремясь аргументировать каждую деталь[9]. Долгое время его реконструкция принималась безоговорочно, и только в 1957 г. В. Штаудер предположил, что Вулли соединил лежавшие рядом фрагменты двух инструментов в один[10]. Это были лира (от нее сохранились декор и мозаическая окантовка резонатора) и арфа (от которой уцелели подиум, золотое навершие колонки в виде раструба, отпечаток от нее в грунте и золотые колки – гвоздики). Идея Штаудера подтвердилась после того, как М.Е. Мак-Грегор обнаружила в полевых записях Л. Вулли рисунок, ясно показывающий два инструмента, поставленных друг на друга. На основании выводов В. Штаудера, М.Е. Мак-Грегор и Р.Д. Барнетта была проведена повторная реконструкция, в результате которой «арфа Пу-аби» превратилась в традиционную лиру[11]. Отметим также, что ее декор прекрасно сохранился.

Таким образом, экспедиции Л. Вулли удалось спасти пять инструментов. Из них наиболее полно сохранились два – U. 12354 и U. 12355; лиры U. 12353, U. 10412, U. 10556 реконструированы, но хорошее состояние их декора и ясные отпечатки в грунте позволяли точно воспроизвести форму. Подробно рассматривая изначальное состояние лир, мы делаем попытку изменить широко распространенное отношение к ним как к материалу археологически неполноценному. Это касается не только функциональных частей, но и декора, который по непонятным причинам также объявлялся реконструктивным «новоделом», не заслуживающим научного изучения.

При всей своей известности урские лиры не были предметом серьезного анализа. В литературе речь идет в основном только о декоре лиры U. 10556. Но если существует точный вариант ее реконструкции, необходимо говорить об инструменте как о целостном организме, в котором система декора обусловлена формой. Другие три образца этого типа не разбирались вообще, а ведь каждый из них имеет свои интересные нюансы в иконографии, стиле и технике исполнения.

В урских гробницах представлены два типа инструментов: 1) прямоугольный резонатор сочетается с двумя колонками и перекладиной, вместе образующими трапецию; на торце резонатора расположены голова быка (или коровы) и инкрустационная композиция. Таковы лиры U. 12353, U. 12354, U. 10412, U. 10556; 2) инструмент также имеет две колонки и перекладину, но форма резонатора напоминает маленькую изящную ладью; возле передней колонки помещена фигурка оленя, иконографически близкая знаменитой золотой статуэтке «козел в зарослях». Этот тип представлен только одним образцом – «лирой-ладьей» U. 12355. Л. Вулли предположил, что резонатор

---

[8] UE II. P. 64–84. От второй лиры (U. 10557) уцелели только три сильно пострадавшие плакетки и слабый отпечаток в земле.

[9] Ibid. P. 250–252.

[10] *Stauder W.* Die Harfen und Leiern der Sumerer. Frankfurt am Main, 1957. S. 20 ff.

[11] *Barnett.* Op. cit. P. 96–103; *Raschid.* Op. cit. S. 96.

трапециевидной лиры – это схематичное изображение туловища лежащего быка[12]. Беглое замечание Вулли подтверждается как при анализе изображений лиры на печатях и рельефах[13], так и рядом математических терминов, обнаруженных А.Д. Килмер в старовавилонском тексте А3553, который включает в себя список коэффициентов геометрических фигур[14], а именно: ḫasis sammîm (GEŠTU. ZÀ. MÍ), обозначающий трапецию и дословно переводящийся как «ухо лиры», apsamikkum (ÁB. ZÀ. MÍ), который относится к вогнутой поверхности и имеет странно звучащий дословный перевод «корова лиры». С трапецией связано еще и выражение pūt alpim (SAG. KI. GUD.) – «лоб быка». По мнению А.Д. Килмер, оно также обязано своим происхождением лире, хотя слово «лира» – sammúm (^{giš}ZÀ. MÍ.) – в нем и не употребляется[15].

Все это не только подтверждает правоту Л. Вулли, но и наводит на мысль о том, что в Двуречье в сознании людей понятия «бык» («корова») и «лира» прочно соединились в некий целостный образ (геометрическим эквивалентом его была трапеция). Для нас же это необычно. Хорошо известно, что форма любого музыкального инструмента подчинена решению двух задач: обеспечению наилучшего звучания и удобства игры на нем. Конкретная изобразительность, как правило, отсутствует, каждая деталь строго функциональна и по форме абстрактна. Трапециевидная лира с головой быка (или коровы) – замечательный пример особого типа инструмента, не имеющего аналогов в истории музыки, который можно назвать «инструмент-изображение». Резонатор лиры, несущий основную изобразительную нагрузку, органично сочетает элементы скульптуры и декоративно-прикладного искусства, а функциональные части – струны, боковые колонки, перекладина – решены как его логическое продолжение, образуя вместе с ним четкую, гармоничную в пропорциях, изящную форму. Такой тип был распространен не только в Уре; мы сталкиваемся с ним на рельефах и печатях из Фары, Урука, Ниппура и других центров[16]. По предположению Г. Франкфорта, бронзовая голова быка из храма Сина IX в Хафадже также является частью декора музыкального инструмента[17]. Ясность продуманность всех деталей «инструментов-изображений» из Ура – результат длительной эволюции, которую можно проследить по изобразительным памятникам начиная с первого этапа Раннединастического периода (2900–2750)[18].

Когда и почему возникли ассоциации инструмента с обликом быка? Вопрос этот чрезвычайно сложен, и точно ответить на него сейчас невозможно. Но задуматься о нем необходимо, так как, вероятно, имелась в виду не просто фигура животного. «Свирепый бык молодой, круторогий... с бородой лазуритовой, исполненный красоты»[19] – одна из ипостасей бога луны Нанны (Сина), покровителя города Ура. Считать головы быков на лирах изображением именно этого божества стало почти неоспоримой традицией, хотя подобные утверждения нуждаются в серьезной проверке. Мы не располагаем источниками, раскрывающими связь трапециевидной лиры с представлениями о каком-либо божестве, в частности о Нанне. Можно лишь предположить существование такой связи исходя из логических соображений: культ Нанны имел прямое отношение к теме смерти и загробного мира, и появление изображений быка с лазуритовой бородой в гробницах Ура, «городе Нанны», может считаться напоминанием о нем в контексте погребальной церемонии. Следуя традиции, мы предполагаем,

---

[12] *Вулли.* Ук. соч. С. 68.

[13] См. стелу из Ниппура: *Raschid.* Op. cit. S. 61. Печати из гробниц 10554, 1287: *Amiet P.* La glyptique mésopotamienne archaîque. P., 1961. № 1193, 1194.

[14] *Kilmer A.D.* Two New Lists of Key Numbers for Mathematical Operations // Orientalia. 1960. 29. P. 273–309.

[15] *Kilmer A.D., Leier A.* Philologisch // RLA. 1932. S. 375.

[16] *Raschid.* Op. cit. Abb. 19–21, 36.

[17] *Frankfort H.* More Sculpture from the Diyala Region. Chicago, 1940. P. 42.

[18] *Raschid.* Op. cit. Abb. 19 ff.

[19] *Якобсен Т.* Сокровища тьмы. М., 1995. С. 17. Строки, взятые из довольно позднего гимна Нанне, отражают, по мнению Т. Якобсена, очень древние представления.

что лиры U. 12353, U. 10412, U. 10556 дают изображения Нанны, а лира U. 12354 – изображение его супруги Нингаль.

Сразу же нужно уточнить, что характер этих изображений весьма специфичен. Перед нами скорее знак, зооморфный символ божества, нежели его обычное представление в зооморфном обличье. На наш взгляд, об этом говорит соединение в художественном решении лир противоположных устремлений: с одной стороны – к натуроподобию (голова животного), с другой – к предельной обобщенности и условности (туловище-резонатор). Противоречие это, парадоксальное для нас, естественно для изобразительного языка раннединастической эпохи, сочетавшего присущие ему качества с отголосками древнейших установок и представлений. Одной из таких установок была тяга к геометризации фигур животных и людей[20]. В наших памятниках, синкретически объединяющих в себе музыкальное и изобразительное начала, подобный «архаизм» вызван прежде всего функциональными требованиями (созданием нужного акустического эффекта, удобства в обращении и т.д.). Но с известной осторожностью мы можем говорить о нем и как о непроизвольном художественном приеме, придающем изображению необходимую в данном случае «знаковость».

Голова быка (или коровы) занимает господствующее место в изобразительной системе лиры. На трех инструментах (U. 12353, U. 10412, U. 10556) представлен один и тот же тип: большое, сильное животное с крупными рогами в форме полумесяца, с низко посаженными раструбами ушей, с челкой и бородой в виде декоративных прядей со спиралевидными завершениями. Голова на лире U. 12353 сделана из золота, на двух других – из дерева с наложением тонкого золотого листа и использованием лазурита с белой раковиной для инкрустации глаз, челки и бороды. Серебряная голова коровы на лире U. 12354 выглядит скромнее из-за уменьшения размеров всех деталей, но не уступает в качестве исполнения, будучи столь же точной в пропорциях и гармоничной по общему облику, но отличаясь от других особой мягкостью моделирования. Особенность этого изображения ярче ощущается в сопоставлении с золотой головой быка U. 12353. Находясь в одном захоронении, эти инструменты, возможно, составляли пару, которая ассоциировалась с Нанной и Нингаль.

Если через форму инструмента дается общее «знаковое» изображение Нанны в виде быка, то инкрустационная композиция берет на себя основную иконографическую нагрузку. В литературе истолкованию подвергалась только композиция лиры U. 10556, а остальные инструменты обходят молчанием. К тому же плакетки обычно рассматриваются изолированно друг от друга, тогда как на каждом инструменте они должны, на наш взгляд, представлять собой единую композицию с общей идеей.

Основой всех композиций стали сюжеты глиптики, в частности, наиболее популярные сцены «фриза сражающихся». Из-за отсутствия других образцов такого типа трудно сказать, существовала ли какая-то устойчивая традиция в подборе сюжетов именно для лиры (мы даже не знаем, было ли это вообще характерно для оформления резонаторов или урские памятники являются исключением). Однако наличие некоего общего принципа во всех трапециевидных лирах из Ура очевидно:

U. 10556	U. 10412	U. 12353	U. 12354
1. Обнаженный герой, обнимающий пару быков-андрокефалов	Анзуд, держащий пару газелей	Человекобык с двумя леопардами	Пара оленей в «зарослях»
2. Шествие животных с жертвенными дарами	Пара газелей «в зарослях»	Пара козлов «в зарослях»	Два льва, терзающие козла
3. Сцена музицирования животных	Человекобык с двумя леопардами	Два льва, терзающие козла	Лев, терзающий козла
4. Человек-скорпион в сопровождении козленка	Лев, терзающий козла	Бык «в зарослях»	–

[20] Аналогичную композиционную основу можно увидеть при сравнении трапециевидной лиры с росписями керамики из Самарры или Суз V–IV тыс. до н.э. См., например: Памятники мирового искусства. Вып. 2. Искусство древнего Востока. М., 1969. Илл. 164–166.

В трех случаях из четырех мы сталкиваемся с двумя типами композиций, хорошо известных по «фризу сражающихся»: это «сцены терзаний» с участием хищников, травоядных и монстров и изображение травоядных животных «в зарослях», т.е. в условно обозначенном пейзаже, которое ряд исследователей соотносит с идеей плодородия[21]. Семантика «сцен терзаний» связывалась, как правило, с темой защиты стад[22], но это значение никогда не считалось единственным; борьба хищников с травоядными могла иметь отношение к теме жертвы и жертвенных даров[23]. Согласно теории П. Амье, у «сцен терзаний» существует дополнительный скрытый смысл, связанный с борьбой стихий, контрастных начал во вселенной или космической деятельностью богов. В результате одна и та же композиция может трактоваться как в реально-бытовом, так и в космогоническом планах[24]. В.К. Афанасьева разделяет точку зрения П. Амье, но утверждает, что сложный символический подтекст возможен только в произведениях, созданных для узкого элитарного круга[25]. Подобная «полифункциональность» характерна, по мнению исследователей, и для отдельных персонажей – участников этих сцен. Так, например, львиноголовый орел Анзуд олицетворял четыре понятия, связанные с богом Нингирсу, – войну, ураган, наводнение и плодородие. Но он же мог считаться и стражем загробного мира[26]. По-разному трактуются также функции человекобыка: в зависимости от контекста он может выступать и как защитник стад, и как страж владений божества[27]. Вероятно, эти герои принадлежали к числу «универсальных» действующих лиц месопотамской глиптики, в символике которых соединились представления разных периодов. Каждая последующая эпоха, добавляя свои нюансы, не уничтожала предыдущие, благодаря чему один герой иногда может выступать в нескольких ипостасях одновременно. Поэтому, предлагая свой вариант прочтения композиций на лирах, мы рассматриваем его лишь как один из множества возможных путей.

Прежде всего необходимо уточнить порядок чтения композиций. Вопрос этот непрост: по поводу ярусных структур существуют разные мнения. Наиболее убедительной представляется точка зрения В.К. Афанасьевой, считающей традиционным направление снизу вверх, так как только в этом случае мы можем ощутить течение времени: «Если мы станем рассматривать сцены сверху вниз, временная последовательность исчезнет, все сцены разобьются на главные и второстепенные, передний план и фон... Изображения... движутся вперед и вверх, догоняя свое будущее и становясь убегающим прошлым»[28]. Добавим, что только в этом случае можно увидеть связующую нить, которая объединит, на первый взгляд, разрозненные сцены в единую структуру.

В композиции лиры U. 10412 две нижних плакетки («сцены терзаний») и изображение газелей «в зарослях» указывают, вероятно, на функцию Нанны – защищать стада и покровительствовать плодородию. Но космогонический аспект, на наш взгляд, также не исключается, поскольку в верхнем ярусе присутствует Анзуд. Для памятника, найденного в погребении, именно это значение представляется нам определяющим, так как оно выявляет еще одну крайне важную сторону в культе Нанны.

---

[21] *Frankfort H.* The Art and Architecture of the Ancient Orient. Harmondsworth, 1954. P. 63; *Lloyd S.* The Art of the Ancient Near East. L., 1974. P. 89.

[22] *Афанасьева В.К.* К вопросу об изображениях на печатях Раннединастического и Аккадского периодов // СГЭ. 1964. № 25. С. 44.

[23] *Антонова Е.В.* Представление обитателей Двуречья о назначении людей и глиптика конца IV – начала III тыс. до н.э. // ВДИ. 1983. № 4. С. 88–96.

[24] *Amiet.* Op. cit. P. 152–153.

[25] *Афанасьева В.К.* Гильгамеш и Энкиду. Эпические образы в искусстве. М., 1979. С. 68.

[26] *Frankfort.* The Art... P. 89.

[27] *Афанасьева.* Гильгамеш... С. 59.

[28] *Афанасьева В.К.* К проблеме толкования шумерских рельефов // Культура Востока: древность и раннее средневековье. Л., 1978. С. 21.

Понять ее помогает небольшой фрагмент погребальной элегии на табличке из ГМИИ, опубликованной С.Н. Крамером:

Уту, великий владыка Ада,
Когда превратит темные места в светлые,
Он будет судить тебя (благожелательно).
Пусть бог Нанна решит твою судьбу
(благожелательно) в День сна[29].

Нанна вместе со своим сыном Уту – богом солнца – участвует в суде над душами умерших, появляясь в загробном мире в «День сна», т.е. в 28-й день каждого месяца. Появление Анзуда представляется нам намеком именно на это событие, в результате иконографическую программу «инструмента-изображения» U. 10412 можно прочитать следующим образом: Нанна – защитник стад, покровитель плодородия, судья умерших в загробном мире.

В композиции лиры U. 12353 также присутствуют темы защиты стад и плодородия, причем на них, вероятно, ставится основной акцент (судя по расположению в верхнем ярусе сцены с участием человекобыка). То же можно предположить и по отношению к лире U. 12354, связанной с Нингаль. Интересно, что в этом случае набор сюжетов еще скромнее: число ярусов сокращено до трех, среди персонажей нет ни одного монстра.

На наш взгляд, точное представление о семантике «инструментов-изображений» из гробницы 1237 можно составить, только рассматривая их как части единого ансамбля с общей программой, включающего в себя, кроме двух трапециевидных инструментов, две «лиры-ладьи», из которых сохранилась только одна – U. 12355. Этот тип, судя по изобразительным источникам, был более редким. Конкретно-изобразительное начало выражено в нем еще сильнее, но его семантика, в отличие от трапециевидной лиры, не читается без специального контекста: она могла олицетворять полумесяц – один из многочисленных ликов божества луны[30]. Ладья – средство передвижения Нанны по небесам, когда он наблюдает за нескончаемыми «звездными стадами»[31]. Позволим себе предположить, что в данном контексте ладья выступает как знак путешествия Нанны в подземный мир, о котором уже говорилось выше. В итоге ансамбль из гробницы 1237 и лира из «гробницы Пу-аби» воплощают разными средствами одну иконографическую программу, с тем лишь отличием, что в комплексе лир Нанна представлен еще и как супруг Нингаль, покровительницы плодородия.

Тема нисхождения Нанны в подземный мир в «День сна», на наш взгляд, является основой содержания композиции лиры U. 10556, отличающейся иным подходом к выбору сюжетов. На сей раз только сцена верхнего яруса имеет отношение к «фризу сражающихся». На печатях она обычно составляет ядро развернутой композиции, где на быков-андрокефалов нападают хищники или антропоморфные персонажи. Отождествление нагого героя с Гильгамешем (согласно толкованию А. Парро и Н.Д. Флиттнер[32]) вряд ли правомерно. Известно, что одна из его наиболее важных функций – быть гением-хранителем, стоящим на страже владений божества. В большинстве случаев это водная стихия (Apsû), но на некоторых печатях он связан и с солнечным божеством, так как изображался с лучами за спиной[33]. На нашем изображении лучей нет, но герой показан в сопровождении пары быков-андрокефалов. По утверждению П. Амье, основанному на изучении раннединастической и аккадской глиптики и соот-

---

[29] *Крамер С.Н.* Две элегии на табличке ГМИИ им. А.С. Пушкина. М., 1980. С. 18. Запись шумерского текста из Ниппура датируется ок. 1700 г. до н.э., но сочинен он был значительно раньше.

[30] *Jacobsen Th.* The Treasures of Darkness. L., 1976. P. 124.

[31] Ibid. P. 127; *Sjöberg Ä.* Der Mondgott Nanna-Zuen in der sumerischen Überlieferung. Stockholm, 1960. S. 44–46.

[32] *Флиттнер Н.Д.* Культура и искусство Двуречья и соседних стран. М.–Л., 1958. С. 121–123; *Parrot A.* Sumer. P., 1962. P. 150.

[33] *Amiet.* Op. cip. P. 133 f.; *Афанасьева.* Гильгамеш... С. 34, 142.

ветствующих параллелей в египетской и хеттской мифологиях, быки-андрокефалы соотносятся с местом обитания солнечного божества и символизируют контрастные элементы (день – ночь, небо – земля, луна – солнце и т.д.). В таком случае перед нами, вероятно, композиция, указывающая на владения бога солнца Уту, сына Нанны.

Сцены с участием животных и человека-скорпиона не получили вразумительного объяснения в литературе; толкование их как сатирических, сказочных или басенных не представляется удачным[34]. На наш взгляд, ближе всего к истине П. Амье: связав три сцены в единое целое, он утверждает, что все персонажи – обитатели «недоступной», т.е. космической сферы. Музицирующих животных он называет «певцами, призванными охранять ворота солнца», а человека-скорпиона – атлантом, держащим небесный свод и исполняющим «космический» танец под их музыку[35]. В торжественном шествии с жертвенными дарами (уже другой регистр) мы усматриваем намек на церемонию, аналогичную празднику ešeš, посвященную нисхождению Нанны в царство мертвых[36].

Итак, в композициях на торцах резонаторов могут быть указания на три важных функции божества луны: суд на душами умерших, защита стад и покровительство плодородию. Недостаток материала не позволяет точно установить, является ли подобная иконография обязательной для лиры вообще или составляет характерную особенность урских инструментов. Позволим себе предположить, что данный комплекс лир создавался специально для «царских гробниц» и должен был составлять единый ансамбль с остальными вещами. К этой гипотезе приводит прежде всего тематика инкрустаций, а также иконографическое и стилистическое сходство лир с другими вещами из гробниц 789, 800 и 1237, позволившее внести уточнения в датировку[37].

Особенности семантики «инструментов-изображений» заставляют думать, что роль лир не сводилась только к музыкальному сопровождению ритуала. Сказать по этому поводу что-то более конкретное мы не можем, так как погребальный обряд нам практически не известен. Предполагаем, что в общем контексте лира – это знак присутствия божества, аналогичный статуе, стоящей в храме. Вероятно, и звук лиры вызывал к себе особое отношение, может быть, даже воспринимался как «голос божества». Основание для подобных утверждений имеется не только в иконографии (хотя это и решающий фактор). Шумерское слово ^{giš}ZÀ. MÍ. (аккад. sammûm) – «лира» – без детерминатива переводится как «хвалебный», что указывает на предназначение лиры для сопровождения панегирических гимнов и песен. Они представляли собой специальный жанр с тем же названием – ZÀ. MÍ. Возможно, это был любимый инструмент шумерских и аккадских правителей – не случайно царь III династии Ура Шульги причислял к своим особым талантам умение играть на лире[38]. Еще один важный момент – звуковые качества лиры, точнее любопытный акустический эффект, который могла создавать инкрустация в сочетании с металлической обшивкой резонатора. Скорее всего они выполняли функции сурдины – особого глушителя, который, уменьшая силу звука, придавал ему специфическую тембровую «изюминку»[39].

Заговорив о звуковых качествах, мы подходим к конструктивным и функциональным особенностям урских лир. Прежде всего необходимо обратить внимание на функциональное назначение элементов, несущих, на первый взгляд, только изобразительную нагрузку. Еще Л. Вулли предположил, что голова животного могла указывать на тембр и регистр инструмента, так как самые большие (и самые низкие) лиры увенчивались головой бородатого быка, лира средних размеров (и среднего регистра) – головой коровы, а самая маленькая (и самая высокая) «лира-ладья» – фигуркой

---

[34] *Parrot*. Op. cit. P. 150.

[35] *Amiet*. Op. cit. P. 133–134, 158.

[36] *Jacobsen*. Op. cit. P. 123.

[37] Не имея возможности в данный момент подробно говорить о датировке, укажем только, что считаем датой появления лир период РД IIIa-2, т.е. вторую половину 2500-х годов до н.э.

[38] RLA. P. 572–574.

[39] Информация об акустических свойствах материалов получена в беседе с мастером струнных инструментов А.С. Кочергиным.

оленя[40]. Принимая эту гипотезу, отметим, что самые сложные изображения украшают инструменты низкого регистра, предназначенные в ансамблевом звучании для аккомпанемента. Означает ли это, что ритуальные и прикладные функции одного и того же инструмента неодинаковы по значимости? А если соответствие между ними все же было, то, следовательно, отношение к низким регистрам в шумерскую эпоху в корне отличалось от традиционных европейских представлений? Воспитанные на стилистике мышления XVIII–XIX вв., мы привыкли воспринимать высокие голоса как основу, определяющую структуру музыкальной ткани. Однако в истории музыки были периоды, когда, напротив, подобная роль отводилась низким голосам. Относится ли шумерская эпоха к их числу?

Особенности механического устройства лир восстанавливались как по изобразительным источникам, так и по археологическим данным, поэтому необходимо снова вернуться к проблеме изначального состояния инструментов. При раскопках возле перекладины лиры U. 12354 были обнаружены 11 тонких серебряных «гвоздиков», которые Л. Вулли справедливо считал колками. На самой же перекладине были ясно видны черные пятна – следы истлевших кусочков ткани, фактурно похожей на холст. Изображения лиры в глиптике[41] натолкнули его на вывод, что струны и колки соединялись с перекладиной с помощью особых холщовых петель. Для закрепления струн на резонаторе существовало два способа: 1) использование для этой цели специального деревянного мостика, вмонтированного в деку, как у лиры на «царском штандарте»; 2) струны, проходя через мостик, крепятся на дне резонатора. На этот способ указывают следы в виде белых линий на серебряном покрытии лиры U. 12354, а также прерванный мозаичный орнамент в нижней части резонатора «золотой лиры» и помещенный чуть выше рисунок из красных и белых линий. Расположение струн было асимметричным с резким сдвигом к задней колонке. Именно в этом месте на лирах U. 12353 и U. 12354 верхняя кромка резонатора слегка изогнута. Подобный вариант размещения струн не был единственным. Изображения лиры на рельефах и печатях показывают, что струны могли также располагаться на равном расстоянии от обеих колонок (так называемый симметричный способ размещения). В свою очередь асимметрично натянутые струны могли быть ориентированы по-разному: либо веерообразно (как показано в сцене музицирования животных на композиции лиры U. 10556), либо диагонально (как на изображении на «царском штандарте»)[42].

Судя по датировкам имеющихся изображений, все эти способы существовали в практике одновременно. Перечисленные конструктивные детали представляют нам урские инструменты как весьма зрелые образцы. Асимметричное расположение струн наиболее удобно для исполнителя, а с помощью мостика и курватуры в верхней части резонатора достигается необходимая степень удаления струн от корпуса, улучшающая общую систему колебаний. Однако одновременно сосуществование в исполнительской практике инструментов такого типа с более архаичными по структуре (а лиры с симметричным натяжением струн, на наш взгляд, именно таковы) приводит к мысли, что в создании инструментария шел постоянный поиск новых возможностей, и основные конструктивные признаки инструмента никогда не были устойчивыми.

Осознав этот факт, мы сможем объяснить феномен «лиры-ладьи» – образца столь необычного, что исследователи поначалу сомневались в точности его реконструкции. Так, В. Штаудер, а позже Х. Хартманн утверждали, что Л. Вулли, по аналогии с «арфой Пу-аби», ошибочно соединил фрагменты двух разных инструментов в один. Однако Р.Д. Барнетт, тщательно изучив фотоматериалы раскопок, доказал правоту Л. Вулли и подтвердил, что на сей раз мы имеем дело с сознательным соединением в рамках одной структуры элементов лиры и арфы[43]. Однако, несмотря на принадлеж-

---

[40] *Вулли*. Ук. соч. С. 68.

[41] UE II. Pl. 193. № 8; Pl. 194. № 22.

[42] Подробнее см. RLA. P. 576–580.

[43] *Stauder*. Op. cit. S. 48; *Hartmann H*. Die Musik der sumerischen Kultur. Frankfurt am Main, 1960. S. 33; *Barnett*. Op. cit. P. 100–103.

ность к одному семейству (струнных щипковых) и много общего в способах звукоизвлечения, эти инструменты существенно отличаются друг от друга. Коротко скажем об этих различиях, так как в литературе, не связанной с историей музыки, до сих пор наблюдается досадная терминологическая путаница. Шумерская арфа имеет форму дуги, образованной резонатором и выходящей из него круглой вертикальной колонкой. Резонатор в форме ладьи невелик по объему, струны разной длины закрепляются по диагонали: с одной стороны – на колонке, с другой – на верхней деке. Настройка осуществляется с помощью колков в виде «гвоздиков» с небольшими круглыми шляпками. Шумерская трапециевидная лира – это инструмент с более крупным прямоугольным резонатором, двумя вертикальными прямоугольными колонками и круглой перекладиной, на которой с помощью холщовых петель закрепляются струны и колки. Струны лиры одинаковы по длине и отличаются друг от друга толщиной и степенью натяжения, колки сделаны в форме маленьких тонких стержней.

Поскольку с увеличением объема корпуса растет сила звука и понижается регистр, можно предположить, что изначально лира была мощнее по силе звука и ниже по регистру, чем арфа. Многовариантность размеров привела к формированию семейств арф и лир, а значит – к широким регистровым градациям внутри каждого из них. Возможно, в итоге у лиры и арфы, равных по габаритам, звуковысотные различия сводились к минимуму, и гораздо важнее было тембровое своеобразие. Предположим также, что в этом плане возможности лиры были богаче, так как в ее структуру могли входить сурдинящие материалы – металлическая обшивка и инкрустация. «Лира-ладья» соединяет типичный для арфы маленький резонатор в форме ладьи с элементами лиры – двумя колонками и перекладиной. Причем задняя колонка, как у арфы, плавно «перетекает» в резонатор, а передняя, как у лиры, поставлена под углом. Из-за разной высоты колонок перекладина расположена диагонально, вероятно, это было нужно для закрепления струн разной длины характерным для арфы способом (т.е. на верхней деке, а не на боковой, как у лиры). Относиться к этому инструменту, на наш взгляд, следует как к экспериментальной попытке найти новые регистровые возможности и тембровые нюансы и таким образом обогатить звуковой арсенал обоих инструментов.

Каковы могли быть постановка и техника игры на урских инструментах? Изображения музыкантов с лирами в глиптике и мозаике дают лишь простейшие сведения. Очевидно, играли на лире двумя руками без использования медиатора или других побочных средств звукоизвлечения. Общее положение фигуры исполнителя представлено в следующих вариантах.

1. Музыкант сидит за стоящей перед ним лирой (по аналогии с современным арфистом. См. печать из Ура IM 14597). Это вариант для очень крупных инструментов, и не исключено, что именно так играли на лире U. 10556.

2. Музыкант стоит перед лирой, которую держат другие, подняв ее до уровня его груди (печать из Ура 30–12–3)[44]. Это возможно при небольшом, но тяжелом инструменте.

3. Музыкант также стоит, но лиру держит сам, по-видимому, с помощью специальной перевязи, надетой через плечо («царский штандарт»). Это самое непонятное из всех изображений, так как не показана точка опоры инструмента.

4. Сидящий музыкант держит лиру на коленях. Этот способ зафиксирован только на печати IM 33287 (XXII в. до н.э.), но он настолько прост и удобен, что вполне мог появиться и раньше[45].

Любой из этих способов мог использоваться при игре на урских лирах, но сказать что-либо более конкретное невозможно; вероятно, различия в постановке связаны с разницей в весе, а этот показатель нам не известен. Во всех изображениях необходимо отметить важную общую черту: инструмент держится всегда прямо без

---

[44] Оба варианта: *Amiet*. Op. cit. № 1193, 1194.

[45] *Raschid*. Op. cit. Abb. 41–42.

наклона к плечу исполнителя. Следовательно, мензура (расстояние между струнами) на раннединастических лирах была маленькой, так как именно ее увеличение вызывает необходимость наклонить инструмент. К тому же при такой постановке музыкант слегка отстранен от лиры и может слышать ее звучание без акустических искажений, неизбежных, если инструмент расположен близко к уху.

При изучении устройства струнного инструмента очень важен вопрос о количестве струн. Почти все исследователи изобразительного материала единодушно считают, что развитие лиры шло по пути постепенного увеличения количества струн от 4–5 до 11–15. Однако в этом отношении изображения на печатях страдают наибольшим схематизмом и требуют особенной осторожности в выводах. Так, на оттисках из Фары периода РД II показаны лиры с 4–5 струнами. Но то же самое можно увидеть и на урских печатях периода РД III. В. Штаудер утверждает, что следующим этапом после 4–5-струнной лиры стала 8-струнная, ссылаясь на сцену музицирования животных из композиции лиры U. 10556, а итогом развития считает 11-струнный инструмент, показанный на «штандарте». Но сцена музицирования и «штандарт» датируются одним и тем же периодом (РД III), не исключена даже ситуация, что изображение 8-струнной лиры могло быть частью декора 11-струнной. Даже если предположить, что развитие шло от простых вариантов к сложным, ситуация все равно не столь однозначна. Архаичные структуры с меньшим числом струн, вероятно, сохранялись в практике наряду с новыми, следовательно, диапазон лиры не был определен окончательно. По мнению Л. Вулли, урские лиры имели 11 струн, судя по тому, что 11 серебряных колков было обнаружено возле лиры U. 12354. На снимке, сделанном сразу после заливки гипсом отпечатка в грунте от утраченной лиры U. 12351, ясно видны следы 10 струн. Конечно, для твердых выводов этих данных недостаточно, но мы можем предполагать, что диапазон урских лир насчитывал не менее 10–11 звуков – на тот период достаточно солидный показатель.

Таким образом, даже беглый анализ функциональных особенностей урских лир показывает, что перед нами зрелые структуры с широким диапазоном и оптимальным решением акустических задач. Сложность и большая религиозная значимость семантики, высокий художественный уровень соединяются со столь же высоким уровнем технического устройства, и это делает инструменты из Ура поистине уникальной частью культурного наследия древней Месопотамии.

LYRES FROM THE ROYAL TOMBS OF UR AS MONUMENTS OF SUMER CULTURE OF THE EARLY DYNASTIC PERIOD

N.F. Borovskaya

Lyres from the Royal Tombs of ancient Ur are a unique example of a musical instrument containing in its shape a representational source, which makes it possible to consider them a peculiar type of «instrument-representation». They offer a zoomorphic representation of the Sumerian Moon-god Nanna, protector of Ur. An inlaid composition on the bult end of the resonator makes clear some iconographic nuances, i.e. it gives an indication of the specific functions of the Moon-deity. It can be supposed that these functions include protection of cattle herds, fertility and Nanna's journey to the netherworld to pass judgement on the souls of the dead. It can also be presumed that the lyres were made specifically for the Royal Tombs and, apart from musical accompaniment to the ceremony, they could have performed a purely ritual function on the analogy of temple statues. An analysis of the structural peculiarities of the lyres from Ur shows that they are mature samples of instruments with a wide (for the time) range and an optimum solution of acoustic problems.

© 1997 г.

И.Е. Суриков

ПЕРИКЛ И АЛКМЕОНИДЫ

Наверное, ни одна из многочисленных работ, посвященных Периклу, не обходится без упоминания о его принадлежности по женской линии к роду Алкмеонидов. Некоторые исследователи прямо называют Перикла Алкмеонидом[1]. Однако дальше констатации факта дело обычно не идет: при характеристике родословной Перикла приводятся некоторые общие сведения из истории Алкмеонидов, иногда дается стемма и... этим, как правило, экскурс заканчивается[2]. В качестве наиболее значимого исключения из данного правила следует назвать в высшей степени интересную статью Р. Сили «Вступление Перикла в историю» (впервые опубликованную в 1956 г.), в которой предпринимается аргументированная попытка проследить связь между происхождением Перикла и его политической деятельностью[3]. Однако статья эта появилась уже сорок лет назад, кроме того, многие ее положения спорны и даже сознательно-дискуссионны. Безусловно, попытки связать «политику и генеалогию» в жизни и деятельности Перикла предпринимались и позднее[4], но не в специальных работах об этом деятеле, а в исследованиях более общего характера, авторы которых не задавались целью осветить проблему в совокупности всех ее аспектов.

Вопрос, прежде всего встающий в свете отмеченной выше родственной связи Перикла с Алкмеонидами, заключается в следующем: проявлялась ли эта связь в его жизни и деятельности, и если проявлялась, то каким образом, когда и при каких обстоятельствах? Данный вопрос представляет интерес еще и потому, что Алкмеониды – род в афинской истории уникальный во многих отношениях: по своей роли в политической жизни Афин VII–V вв. до н.э., по сравнительному обилию относящегося к нему источникового материала, наконец, в религиозном плане – постольку, поскольку над ним тяготело старинное родовое проклятие (Килонова скверна). Этот последний фактор не следует сбрасывать со счетов: связанная с ним античная традиция не позволяет пренебречь им как маловажным[5]. Памятуя о том, что весьма

---

[1] Например, *Burn A.* Pericles and Athens. L., 1948. P. 240; *Knell H.* Perikleische Baukunst. Darmstadt, 1979. S. 2; *Schmidt G.* Fluch und Frevel als Elemente politischer Propaganda im Vor- und Umfeld des Peloponnesischen Krieges // Rivista storica dell' antichità. 1990. 20. P. 17; *Lavelle B.* The Sorrow and the Pity: A Prolegomenon to a History of Athens under the Peististratids, c. 560–510 B.C. Stuttgart, 1993. P. 62. На это есть все основания. Так, Алкивиад у Фукидида (VI.89.4) прямо называет себя Алкмеонидом, а он также принадлежал к этому роду лишь по матери.

[2] Именно такой подход характерен для работ: *Delcourt M.* Périclès. P., 1939; *De Sanctis G.* Pericle. Milano, 1944; *Homo L.* Périclès. P., 1954; *Schwarze J.* Die Beurteilung des Perikles durch die attische Komödie und ihre historische und historiographische Bedeutung. München, 1971; *Châtelet F.* Périclès et son siècle. P., 1990; *Kagan D.* Pericles of Athens and the Birth of Democracy. N.Y., 1991.

[3] *Sealey R.* The Entry of Pericles into History // Perikles und seine Zeit. Darmstadt, 1979. S. 144–161.

[4] *Bicknell P.J.* Studies in Athenian Politics and Genealogy. Wiesbaden, 1972. P. 77–83; *Littman R.J.* Kinship and Politics in Athens 600–400 B.C. N.Y., 1990. P. 193–223; *Fornara C.W., Samons L.J.* Athens from Cleisthenes to Pericles. Berkeley, 1991. P. 1–36.

[5] Подробнее см. *Суриков И.Е.* Килонова скверна в истории Афин VII–V вв. до н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1994.

важная роль родственных связей в политической жизни V в., особенно для старой аристократии, со времен исследований Р. Сили, Р. Коннора и др.[6] стала в определенной степени общим местом историографии, уже a priori представляется маловероятным предположение, что «алкмеонидовское» происхождение Перикла не влекло за собой никаких последствий.

В антиковедении существуют различные точки зрения относительно того, отражала ли политика Перикла интересы Алкмеонидов или же он руководствовался исключительно благом Афин. Первого взгляда придерживался в свое время Эд. Мейер[7], считавший даже, что Перикл планировал ввести в Афинах наследственное правление Алкмеонидов с Алкивиадом в качестве преемника (это последнее предположение, на наш взгляд, не находит никакого подтверждения в источниках). В значительно смягченной форме этот тезис высказывался в течение последних десятилетий Р. Сили, П. Бикнеллом, Р. Литтманом, Ч. Форнарой и Л. Сэмонсом в вышеупомянутых работах (см. прим. 3 и 4).

Нет недостатка и в примерах противоположной точки зрения. Так, В. Эренберг считал, что Перикл не руководствовался интересами Алкмеонидов, несмотря на родственные связи с ними; аналогичные связи с этим родом (по жене) были и у Кимона, политического противника Перикла[8]. М. Финли полагал, что Перикл (как за столетие до него Писистрат), напротив, принципиально боролся с влиянием аристократических родов[9]. По мнению Дж. Обера, хотя по происхождению и богатству Перикл был выходцем из традиционной аристократии, по типу практиковавшихся им в политической деятельности связей он принадлежал уже к новому типу «элиты» в демократическом полисе[10]. В любом случае подчеркивается, что Перикл – переходная фигура, знаменующая собой определенную границу, веху в истории афинской политической борьбы. Методы этой борьбы, механизмы влияния, да и сами действующие лица в послеперикловскую эпоху совсем иные, чем до нее. Перикла по достоинству можно назвать последним представителем старой аристократии у власти в Афинах[11]. Этот резкий перелом произошел именно в годы длительного фактического правления «первого человека» (Thuc. I. 139.4), и ясно, что он, как никто другой, своей деятельностью способствовал перемене. Как же выйти из столь парадоксальной ситуации: Перикл – знатнейший аристократ и Перикл – политик, резко снизивший роль аристократии, расчистивший дорогу демагогам? Безусловно, в пределах данной статьи нет возможности дать ответ на столь глобальный вопрос. Мы рассмотрим лишь те его аспекты, которые прямо связаны с Алкмеонидами.

Штрихи к генеалогии Перикла. Перикл, сын Ксантиппа из Холарга, по мужской линии происходил из знатного аттического рода Бузигов (Βουζύγαι), о чем свидетельствует комедиограф конца V в. до н.э. Евполид (Aristid. XLVI. 130 cum schol. = Eupolis Fr. 96 Kock). В конце прошлого века У. Виламовиц выступил против такой идентификации[12], опираясь на тот факт, что Бузигом в другом месте у Евполида (fr. 97 Kock = Schol. Aristoph. Lys. 397), а также у Аристофана (Lys. 397 – точнее,

---

[6] *Connor W.R.* The New Politicians of Fifth-Century Athens. Princeton, 1971. P. 10–14; *Sealey R.* A History of the Greek City States ca. 700–338 B.C. Berkeley, 1976. P. 157. Cp. *Daverio Rocchi G.* Politica di famiglia e politica di tribù nella polis ateniese (V secolo) // Acme. 1971. V. 24. Fasc. 1. P. 13–44; *Frost F.J.* Tribal Politics and the Civic State // American Journal of Ancient History. 1976. 1. 2. P. 66–75; *Finley M.I.* Politics in the Ancient World. Cambr., 1984. P. 64–65; Ober J. Mass and Elite in Democratic Athens. Princeton, 1989. P. 84–86; *Littman.* Op. cit. Passim.

[7] *Meyer Ed.* Geschichte des Altertums. 9 Aufl. Essen, 1984. Bd 6. S. 532. Критику взгляда см. *Kagan D.* The Archidamian War. Ithaca–London, 1974. P. 125.

[8] *Ehrenberg V.* From Solon to Socrates. L., 1968. P. 207 f.

[9] *Finley.* Op. cit. P. 47.

[10] *Ober.* Op. cit. P. 90.

[11] Ср. *Залюбовина Г.Т.* Динамика становления государственности в Афинах (роль родовой аристократии) // Раннеклассовые формации. М., 1984. С. 19.

[12] *Wilamowitz-Moellendorff U. von.* Aristoteles und Athen. Bd 2. B., 1893. S. 86; cp. *Ehrenberg V.* Sophocles and Pericles. Oxf., 1954. P. 75.

«Холозигом», Χολοζύγης) назван Демострат, оратор конца V в. Однако, насколько можно судить, данный аргумент иррелевантен. Если Демострат был Бузигом, из этого отнюдь не вытекает, что Перикл таковым не являлся. В таком случае они были родственниками, что, кстати, косвенно подтверждается двумя обстоятельствами. Во-первых, в пародийном «Холозиге» Аристофана (смесь слов χολή, «желчь», и Βουζύγης) явственно слышится еще и аллюзия на дем Холарг, к которому, очевидно, принадлежал Демострат. Перикл, как известно, тоже был из Холарга. Во-вторых, в 415 г. Демострат выступал как активный сторонник Алкивиада (Aristoph. Lys. 391 sqq.; Plut. Alc. 18; Nic. 12), близкого родственника Перикла. Таким образом, отрицать принадлежность Перикла к Бузигам нет достаточных оснований[13].

Род Бузигов не относился к числу наиболее блестящих и влиятельных афинских родов, как Филаиды или Алкмеониды, но также был весьма древним и почтенным. Род этот был жреческим (ἱερός, ср. Schol. Aristid.loc. cit.), т.е. контролировал локальный культ (впрочем, такой контроль осуществляла скорее всего одна из семей рода, и вряд ли это была семья, из которой происходил Перикл). Это был культ основоположника рода, героизированного под именем Эпименид (Hesych. s.v. Βουζύγης). Этот Бузиг-Эпименид принадлежал к окружению известного земледельческого героя Триптолема и почитался как первый человек, впрягший быков в ярмо (отсюда – название рода). Статуя Эпименида стояла в Афинах рядом с храмом Триптолема и медным изваянием быка. Павсаний (I.14.4) перепутал его с Эпименидом Критянином. Таким образом, Бузиг входил в круг элевсинских героев (Serv. in Verg. Georg. I.19), что подтверждается жреческими обязанностями рода Бузигов в Элевсине по содержанию священных быков уже в историческую эпоху (Schol. Aristid. loc. cit.). А это говорит о том, что сам род, вероятнее всего, элевсинского происхождения.

Однако одна из ветвей рода, а именно та, из которой происходил Перикл, очевидно, уже в весьма раннюю эпоху переселилась в Афины и заняла там достаточно влиятельное положение. В списке пожизненных афинских архонтов, сохранившемся у эллинистического историка Кастора (FGrHist 250 F4), фигурирует имя некоего Арифрона. Арифрон – очень редкое имя, в Афинах зафиксированное только у Бузигов. Это дает основание полагать, что уже в период ранней архаики Бузиги находились в отношениях родства с правящей династией Медонтидов[14]. Кстати, аналогичное родство с Медонтидами наблюдается в это время и у Алкмеонидов, о чем говорят имена Мегакл и Алкмеон, встречающиеся в том же списке.

Резиденцией данной семьи рода Бузигов уже тогда, судя по всему, был Холарг, впоследствии дем городской триттии филы Акамантиды, находившийся в долине Кефиса, к северо-западу от Афин, по соседству с внешним Керамиком[15]. Именно в Холарге проживал отец Перикла Ксантипп на момент клисфеновских реформ, к этому дему были приписаны и его потомки (Plut. Per. 3). Проживание на аттической равнине (πεδίον), в непосредственной близости от города для знатной и богатой семьи, как правило, влекло за собой раннее участие в политической жизни, контакты с другими влиятельными родами. И действительно уже в VI в. до н.э. можно обнаружить тесные связи Бузигов (так мы для краткости будем впредь называть семью Перикла по мужской линии) как с Писистратидами, так и с Алкмеонидами.

Дед Перикла Арифрон, насколько можно судить, был достаточно заметной фигурой в Афинах середины VI в. Сохранившийся на одном из оксиринхских папирусов фрагмент философского диалога неизвестного автора позднеклассической эпохи изображает Арифрона в качестве собеседника Писистрата (Pap. Oxy. IV. 664. 101–

---

[13] Из работ последнего времени, где признается принадлежность Перикла к Бузигам: *Строгецкий В.М.* Полис и империя в классической Греции. Нижний Новгород, 1991. С. 55; *Schwarze.* Op. cit. S. 130; *Châtelet.* Op. cit. P. 105–111.

[14] *Arnheim M.* Aristocracy in Greek Society. L., 1977. P. 42–51.

[15] *Homo.* Op. cit. P. 7; *Gomme A.W.* The Population of Athens in the Fifth and Fourth Centuries B.C. Repr. ed. Westport, 1986. P. 37–39.

102)[16], т.е. близкого к нему лица. Что касается ранних связей Бузигов с Алкмеонидами, необходимо остановиться на выдвинутой П. Бикнеллом[17] в высшей степени интересной гипотезе, согласно которой жена Арифрона (следовательно, мать Ксантиппа и бабка Перикла) происходила из этого рода. Данное предположение не может считаться окончательно доказанным, но прекрасно вписывается в исторический контекст, позволяет непротиворечиво разрешить некоторые дискуссионные проблемы (подробнее см. ниже), а в последнее время получает новые косвенные подтверждения[18].

Реконструкция событий, вытекающая из гипотезы Бикнелла, имеет примерно следующий вид. Связи между Бузигами, Алкмеонидами и близкими к последним в тот период Писистратидами существовали еще в первой половине VI в. до н.э. (все эти роды относились к окружению Солона[19]). После изгнания Писистратом Алкмеонидов в 546 г.[20] Бузиги, судя по всему, остались в Афинах. После смерти Писистрата произошло примирение сыновей тирана с Алкмеонидами и возвращение последних (и ряда других аристократических родов) в Аттику. В это время Алкмеониды восстанавливают свои старые связи посредством ряда политических браков. С одной стороны, Гиппократ, брат архонта 525/4 г. Клисфена, женится на дочери Гиппия (от этого брака родилась Агариста, будущая мать Перикла[21]). С другой стороны, тогда же сестру Гиппократа и Клисфена (имя ее неизвестно) выдают замуж за Арифрона; от их брака около 526 г. на свет появился отец Перикла Ксантипп, в самом имени которого с корнем ἵππος звучит аристократизм происхождения, что подметил еще Аристофан (Nub. 64 cum schol.). Характерно, что такого рода «гиппотрофические» имена часты у Алкмеонидов и особенно Писистратидов, но больше не встречаются у Бузигов (не считая старшего сына Перикла – Ксантиппа, названного по деду).

В 514 г. до н.э. Алкмеониды были в очередной раз изгнаны из Афин, вероятно, в связи с неудавшимся заговором Гармодия и Аристогитона, к которому они были причастны. В это изгнание Бузиги, судя по всему, последовали за Алкмеонидами. Их связи продолжали укрепляться. Гиппократ (брат Клисфена и дядя по матери Ксантиппа), брак которого с дочерью Гиппия был расторгнут, около 511 г. женился вторично, на этот раз на своей племяннице, дочери Арифрона и сестре Ксантиппа (имя неизвестно[22]). Сын, родившийся от этого брака, также получил имя Ксантипп. Этот Ксантипп, сын Гиппократа, был впоследствии архонтом-эпонимом 479/8 г. (Marm. Par. A52; Diod. XI. 27.1); не следует путать его с Ксантиппом, отцом Перикла, который в том же году был стратегом (Diod. XI. 27.3)[23].

Жизнь и деятельность Ксантиппа, сына Арифрона, – одного из крупнейших политических деятелей и полководцев раннеклассических Афин – крайне скудно и фрагментарно освещены античной традицией и в силу этого практически не были

---

[16] Впервые этот факт отмечен в работе: *Figueira T.J.* Xanthippos, Father of Pericles, and the Prutaneis of the Naukraroi // Historia. 1986. 35. 3. S. 257–279.

[17] *Bicknell P.J.* Athenian Politics and Genealogy: Some Pendants // Historia. 1974. 23. 2. S. 146–163.

[18] *См. Суриков И.Е.* По поводу новой публикации острака // ВДИ. 1996. № 2. С. 143–146.

[19] *Littman.* Op. cit. P. 81–106.

[20] Сам Бикнелл (*Bicknell P.J.* The Exile of the Alkmeonidai during the Peisistratid Tyranny // Historia. 1970. 19. 2. S. 129–131) склонен отрицать изгнание Алкмеонидов Писистратом, однако его аргументация недостаточно убедительна. В настоящее время этот факт можно считать твердо установленным. Ср. *Stahl M.* Aristokraten und Tyrannen im archaischen Athen. Stuttgart, 1987. S. 120–133; *Camp J.* Before Democracy: Alkmaionidai and Peisistratidai // The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy. Oxf., 1994 (далее – AAAD). P. 7.

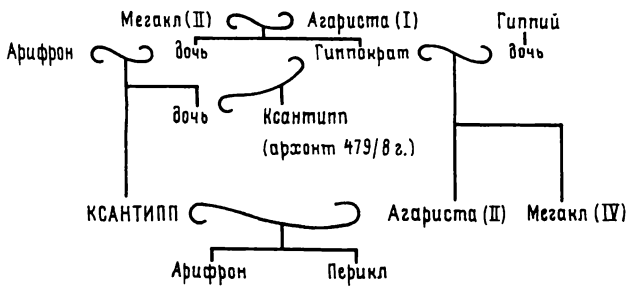
[21] Таким образом, Перикл приходился праправнуком Писистрату. Бикнелл считает, что именно в этом причина внешнего сходства между ними, которое отмечали (*Plut.* Per. 7).

[22] Одной из самых больших сложностей, встающих в связи с занятиями аттической просопографией, является именно крайне редкое упоминание источниками женских имен. См. по этому поводу *Gomme.* Op. cit. P. 80–81. В классических Афинах упоминать личные имена женщин из порядочных семей было просто не принято (*Schaps D.* The Woman Least Mentioned // CIQ. 1977. 27.2. P. 323–330).

[23] О Ксантиппе, сыне Гиппократа, см. *Figueira.* Op. cit. P. 257.

предметом исследования[24]. Ксантипп уже в силу своего происхождения в течение всей жизни был тесно связан с Алкмеонидами. Его близость к этому роду оказалась для молодого политика весьма полезной после возвращения Алкмеонидов в Аттику (510 г.)[25] и их фактического прихода к власти в Афинах во главе с Клисфеном (507 г.). Таким образом, Ксантипп получил возможность начать политическую карьеру в рядах наиболее влиятельной группировки. Он продолжил линию своей семьи на все более тесные связи с Алкмеонидами, вступив около 496 г.[26] в брак с Агаристой (Herod. VI. 131.2), дочерью Гиппократа и своей двоюродной сестрой. От этого брака родились двое известных нам сыновей: старший – Арифрон[27] и младший – Перикл, появившийся на свет около 494 г.[28], а также дочь (Plut. Per. 36.7), вероятно, бывшая несколько моложе.

Возникшее в результате перечисленных «политических» браков крайне сложное переплетение семейных связей не могло не повести к тому, что Ксантипп (а следовательно – и его потомство) воспринимался современниками всецело в контексте Алкмеонидов.



В этот период Ксантипп уже был видной фигурой в афинской политической жизни. Следует, на наш взгляд, внимательно отнестись к словам Аристотеля (Ath. pol. 28.2) о том, что Ксантипп сменил Клисфена в роли лидера демократической группировки (τοῦ δήμου προειστήκει). В исследованиях последнего времени неоднократно и справедливо отмечалось, что дуальная схема «демократы–олигархи», предлагаемая Стагиритом, для V в. до н.э. является безусловным упрощением; реальная картина политической борьбы была намного сложнее. Политическая жизнь раннеклассических Афин была не биполярной, а полицентричной: существовало большое количество малых политических групп, из которых формировались коалиции в связи с конкретной ситуацией[29]. Очевидно, данный пассаж «Афинской политики» следует трактовать в

---

[24] *Timocreon* ap. *Plut.* Them. 21; *Arist.* Ath. pol. 22.6; 28,2. Лишь несколько статей посвящены отдельным эпизодам деятельности Ксантиппа, в частности его остракизму: *Raubitschek A.E.* The Ostracism of Xanthippos // AJA. 1947. 51. 3. P. 257–262; *Broneer O.* Notes on the Xanthippos Ostrakon // AJA. 1948.52.2. P. 341–343; *Schweigert E.* The Xanthippos Ostracon // AJA. 1949. 53. 3. P. 266–268; *Wilhelm A.* Zum Ostrakismos des Xanthippos, des Vaters des Perikles // Anzeiger der Österreich. Akad. der Wiss. Philosoph.-hist. Kl. 1949. 86. 12. S. 237–243; *Merkelbach R.* Nochmals das Xanthippos-Ostrakon // ZPE. 1986. 62. S. 57–62; *Figueira.* Op. cit. Единственная обобщающая работа: *Schaefer H.* Xanthippos (6) // RE. Reihe 2. Hlbd 18. Stuttgart, 1967. Sp. 1343–1346.

[25] Последняя известная нам работа по этому эпизоду: *Robinson E.W.* Reexamining the Alkmeonid Role in the Liberation of Athens // Historia. 1994. 43. 2. S. 363–369.

[26] См. *Davies J.K.* Athenian Propertied Families, 600–300 B.C. Oxf., 1971. P. 459 f.

[27] Поскольку Арифрон получил имя деда, он был, бесспорно, старшим сыном.

[28] Датировка рождения Перикла ок. 500 г. или ранее (*Fornara, Samons.* Op. cit. P. 24) значительно менее вероятна.

[29] *Connor.* Op. cit. P. 30–32; *Williams G.M.E.* Athenian Politics 508/7–480 B.C.: A Reappraisal // Athenaeum. 1982. 60. 3/4. P. 521–544; *Littman.* Op. cit. P. 165–191. Кстати, тот же полицентризм, «сегментацию политической жизни» Л.П. Маринович (Греки и Александр Македонский. М., 1993. С. 56–134) обнаруживает даже в Афинах эпохи Демосфена.

том смысле, что Ксантипп был после Клисфена главой группировки, концентрировавшейся вокруг Алкмеонидов.

Это представляется весьма вероятным. Зачастую считается, что главой Алкмеонидов в это время стал Мегакл, сын Гиппократа, а это вряд ли соответствует действительности. Мегакл, любитель колесничных бегов, пифийский победитель 486 г. до н.э. и друг-гостеприимец поэта Пиндара, совершенно неизвестен как политик; к тому же он был, судя по всему, моложе Ксантиппа. Логичнее предположить, что Алкмеонидов в начале V в. возглавил именно Ксантипп, связанный с ними теснейшими узами.

Характерно, что после Марафонского сражения Ксантипп, в отличие от большинства Алкмеонидов (Herod. VI. 115.2), не навлек на себя обвинений в персидской измене, и авторитет его еще в 489 г. был весьма высок: об этом можно судить по тому факту, что им был выигран судебный процесс против Мильтиада, проходивший не в дикастерии, а непосредственно в народном собрании (δῆμος, ср. Herod. VI. 136); иск носил форму προβολή[30]. Интересно, что по сообщению одного позднего автора (Schol. Aristid. XLVI.160), Мильтиад был обвинен Алкмеонидами. Это еще один косвенный аргумент в пользу нашего предположения, согласно которому Ксантипп был лидером Алкмеонидов и их группировки.

В 484 г. до н.э. Ксантипп стал жертвой четвертой остракофории. Острака, относящиеся к ней, пока не обнаружены археологами. Найдено несколько десятков острака с именем Ксантиппа, относящихся к другим, более ранним остракофориям. В их числе – должно быть, самый интересный из всех найденных острака, содержащий эпиграмму (элегический дистих), в которой Ксантипп назван «оскверненным» (ἀλειτηρός)[31]. Недавно опубликованные[32] острака против другого Алкмеонида – Мегакла, сына Гиппократа – также называют его ἀλειτηρός. Таким образом, не остается никаких сомнений относительно того, о каких «оскверненных» идет речь. Имеется в виду знаменитая Килонова скверна; в связи с ней античными авторами (Thus. I.126.11; Eupolis fr. 96 Kock; ср. Andoc. I.130–131; Lycurg. Leocr. 117) употребляется термин ἀλιτήριος (= ἀλειτηρός). Перед нами новое свидетельство того, что Ксантипп, а значит и Перикл, в общественном мнении был неразрывно связан с оскверненными Алкмеонидами (мнение Дж. Дейвиса, что после 489 г. эта связь была разорвана[33], не имеет под собой достаточных оснований).

Подробный экскурс в генеалогию Перикла по мужской линии был необходим для демонстрации того факта, что его связь с Алкмеонидами была глубже и уходила древнее, чем может показаться на первый взгляд. Бузиги давно, уже по меньшей мере с VI в. до н.э., имели тесные отношения с родом «проклятых». Если следовать изложенной выше гипотезе П. Бикнелла (а она находит все новые подтверждения и принята в настоящее время многими исследователями[34]), Перикл был даже не наполовину, а на три четверти Алкмеонидом. К тому же роду принадлежала и его первая жена, имя которой неизвестно[35].

Место Алкмеонидов в афинской политической жизни. Необходимо прежде всего терминологическое уточнение относительно применения к Алкмеонидам обозначения

---

[30] *Carawan E.M.* Eisangelia and Euthuna: The Trials of Miltiades, Themistocles, and Cimon // GRBS. 1987. 28. 2. P. 192–196.

[31] См. *Суриков.* По поводу новой публикации острака. С. 144.

[32] *Brenne S.* Ostraka and the Process of Ostrakophoria // AAAD. P. 13–24.

[33] *Davies.* Op. cit. P. 459–460; ср. *Rhodes P.J.* A Commentary on the Aristotelian Athenaion Politeia. Oxf., 1981. P. 274.

[34] *Littman.* Op. cit. P. 193 ff.

[35] *Bicknell.* Studies... P. 77–83; *Cromey R.D.* Perikles' Wife: Chronological Calculations // GRBS. 1982. 23. 3. P. 203–212. Впоследствии Р. Кроми идентифицировал жену Перикла с Диномахой, матерью Алкивиада (*idem.* On Deinomache // Historia. 1984. 33. 4. S. 385–401). Однако при всей заманчивости этой гипотезы ее приходится отвергнуть (подробнее см. *Суриков И.Е.* Женщины в политической жизни позднеархаических и раннеклассических Афин // Античный мир и его судьбы в последующие века. Докл. конф. М., 1996. С. 47–48). Первая жена Перикла была родной сестрой Диномахи.

«род»: такое словоупотребление может показаться уязвимым в свете имеющихся в антиковедении существенных разногласий по поводу определения природы афинского рода (γένος). Этот вопрос был и остается одним из наиболее оживленно дискутируемых в литературе[36]. Для лучшего понимания феномена рода очень важное значение имеют вышедшие в 1970-е годы работы французских ученых Ф. Буррио и Д. Русселя[37], противопоставивших традиционному пониманию греческого рода как клана (идущему еще от Дж. Грота, Л.Г. Моргана, Ф. Энгельса и др.) альтернативную концепцию. В частности, согласно Буррио[38], слово γένος не являлось terminus technicus и в разные эпохи имело различный смысл. В целом в Афинах можно выделить три типа объединений, в отношении которых употреблялся термин γένος: жреческие корпорации (Керики, Евмолпиды), древние общины, сохранившие собственные культы (Гефиреи, Саламинии), наконец, политически влиятельные семьи (οἶκοι), к которым термин γένος начинает применяться лишь с IV в. до н.э. (Алкмеониды, Филаиды). Наличие в Афинах древней клановой организации с родовой земельной собственностью, родовыми усыпальницами и т.п. ученый отрицает. Эта точка зрения с теми или иными вариациями становится все более популярной в науке[39], хотя встречаются и принципиальные возражения[40].

Существует и промежуточная точка зрения, согласно которой γένος (род) был реалией, но действовал на политической арене не как таковой, а посредством одной или нескольких своих важнейших семей или «агнатных групп»[41].

Все вышесказанное в полной мере относится к Алкмеонидам. Еще в 1931 г. Г. Уэйд-Гери высказал предположение, что они являлись не родом, а семьей (οἰκία)[42]. Эта гипотеза была подхвачена рядом исследователей[43]. Действительно, ни один из авторов V в. до н.э. (ни Пиндар, ни Геродот, ни Фукидид) не именует Алкмеонидов родом (γένος) в «техническом» смысле. На наш взгляд, в случае с Алкмеонидами понятия γένος и οἶκος на практике совпадают, в отличие от некоторых других родов (например, Кериков). Однако здесь в нашу задачу не входит окончательное суждение по этому вопросу; мы только хотели бы обосновать употребление нами слова «род» по отношению к ним. Мы опираемся на то обстоятельство, что в русском языке слово это (как и греческое γένος, по замечанию Буррио) не имеет технического смысла и может употребляться в разных значениях. Так, говоря о русских дворянских родах, имеют в виду вовсе не какой-то клан, а семью (или систему семей), связанную происхождением от общего, отнюдь не фиктивного предка. Именно в этом смысле мы употребляли до сих пор и будем впредь употреблять термин «род», безотносительно к его конкретному смысловому наполнению.

Относительно происхождения Алкмеонидов существуют две взаимоисключающие традиции. С одной стороны, Павсаний (II.18.8–9) выводит их из Пилоса, считая потомками династии Нелеидов. С другой стороны, Геродот если и не называет прямо Алкмеонидов автохтонами (его ἀνέκαθεν в VI.125.1 можно истолковать в этом смысле), то, во всяком случае, посвящая Алкмеонидам немало пассажей, нигде ни словом не

---

[36] Последняя известная нам работа, касающаяся этого сюжета: *Ленская В.С.* Аристократический этос в Афинах VII–V вв. до н.э.: Дис... канд. ист. наук. М., 1996. С. 20 слл. (правда, трактовка автора ставит больше новых проблем, чем разрешает уже имеющиеся).

[37] *Bourriot F.* Recherches sur la nature du genos. Little, 1976; *Roussel D.* Tribu et cité. P., 1976.

[38] *Bourriot.* Op. cit. P. 1347–1365.

[39] *Roussel.* Op. cit. P. 21–22; *Starr Ch.G.* The Economic and Social Growth of Early Greece 800–500 B.C. N.Y., 1977. P. 137 f.; *Ober.* Op. cit. P. 55–60; *Ellis W.M.* Alcibiades. L., 1989. P. 99–102.

[40] Наиболее последовательный противник данной концепции – Р. Литтман (Op. cit. P. 15–23), упрекающий Буррио в игнорировании данных социальной антропологии.

[41] *Залюбовина.* Ук. соч.; *она же.* Рудименты агнатного права в раннеклассовых обществах Греции // Ранние цивилизации: государство и право. М., 1994. С. 3–16. Ср. *Bicknell.* Studies... P. 59 f.

[42] Перепечатано в книге: *Wade-Gery H.T.* Essays in Greek History. Oxf., 1958. P. 106–110.

[43] *Roussel.* Op. cit. P. 62–63; *Bourriot.* Op. cit. P. 10–13, 378–382, 549–560, 717, 1291–1292; *Dickie M.W.* Pindar's Seventh Pythian and the Status of the Alcmaeonids as Oikos or Genos // Phoenix. 1979. 33. 3. P. 193–209; *Stahl.* Op. cit. S. 81; *Fornara, Samons.* Op. cit. P. 3.

упоминает об их неафинском происхождении. В то же время о неафинских корнях Писистратидов (V.65.4), Филаидов (VI.35.1), Гефиреев (V.57) он говорит вполне однозначно[44]. Каких-то иных свидетельств о происхождении Алкмеонидов не существует, помимо не вполне ясного указания лексикона Суды (s.v.'Αλκμαιωνίδαι), выводящего род от некоего Алкмеона, жившего (в Афинах?) во времена Тесея (τοῦ κατὰ Θησέα).

В данной ситуации любое суждение о корнях этого рода может опираться только на сравнительную ценность сообщений Геродота и Павсания. Мы склонны вслед за рядом исследователей[45] отдавать предпочтение молчанию «отца истории» перед свидетельством периегета II в. н.э., который, кстати, в том же месте без какой бы то ни было аргументации косвенно отвергает абсолютно аутентичную традицию о нелеидском происхождении Писистратидов. Павсаний, очевидно, отразил более позднюю (аттидографическую?) традицию, о которой Геродоту еще ничего не известно. Можно с достаточной долей уверенности утверждать, что, во всяком случае, в середине V в. до н.э. Алкмеониды рассматривались в Афинах как автохтонный евпатридский род[46].

Земельные владения и резиденции Алкмеонидов бесспорно зафиксированы в двух других регионах. Во-первых, это три дема в ближайших окрестностях Афин, к югу от города – Алопека (ныне Куцоподи), судя по всему, являвшаяся главной резиденцией, Агрила (ныне Панкрати) и Ксипета (ныне Агиос-Сотир). Во-вторых – демы в собственно Паралии, т.е. на юго-западном побережье Аттики вне окрестностей Афин: Анафлист, Фреарры, Эгилия. Недавнее предположение Дж. Кэмпа[47] «расширить» районы контроля Алкмеонидов, введя туда демы юго-восточного побережья (Торик, Стирия, Прасии, Потамии), а также рудники Лаврия и святилище Посейдона на Сунии (которое в таком случае оказывается их культовым центром), до появления дальнейших археологических свидетельств нельзя назвать достаточно убедительным; в то же время оно противоречит устойчивому мнению, согласно которому Алкмеониды не имели собственного локального культового центра.

В течение всей своей истории Алкмеониды проводили чрезвычайно активную матримониальную политику, направленную на установление внутриполисных межродовых связей, на формирование разного рода коалиций[48]. «Алкмеонидовские» имена среди пожизненных архонтов (Castor, FGrHist 250 F4) говорят о том, что уже в эпоху ранней архаики Алкмеониды породнились с Медонтидами. Впоследствии, в VI–V вв., эта тенденция была продолжена и упрочена. Просопографические исследования последних десятилетий (особенно работы П. Бикнелла) все в большей степени открывают огромный размах внутриаттических брачных связей Алкмеонидов. К VI в. до н.э. восходят связи с Писистратидами, Бузигами (о чем говорилось выше), Кериками (семья Каллия–Гиппоника), возможно, также с Гефиреями. В V в. были установлены подобные же союзы с Филаидами (семья Мильтиада–Кимона), Саламиниями (семья Алкивиада–Клиния) и др.

---

[44] В первых двух случаях для обозначения происхождения употреблено именно слово ἀνέκαθεν. Объяснение умолчания Геродотом о неафинских корнях Алкмеонидов его «симпатиями» к этому роду не выдерживает критики: распространенное мнение об этих «симпатиях» имеет под собой весьма шаткие основания, как показали: *Строгецкий В.М.* Геродот и Алкмеониды // ВДИ. 1977. № 3. С. 145–155; *Strasburger H.* Herodot und das perikleische Athen // Historia. 1955. 4. 1. S. 1–25; *Schwartz J.* Hèrodote et Périclès // Historia. 1969. Bd 18. Ht 3. S. 367–370; *Lachenaud G.* Mythologies, religion et philosophie de l'histoire dans Hèrodote. Lille, 1978. P. 153 suiv; *Develin R.* Herodotos and the Alkmeonids // The Craft of the Ancient Historian. Lanham, 1985. P. 125–139; *Ostwald M.* Herodotus and Athens // ICS. 1991. 16. 1/2. P. 142; *Lavelle.* Op. cit. P. 22.

[45] *Колобова К.М.* К вопросу о возникновении афинского государства // ВДИ. 1968. № 4. С. 41–55; *Davies.* Op. cit. P. 369; *Shapiro H.A.* Painting, Politics and Genealogy // Ancient Greek Art and Iconography. Madison, 1983. P. 87–96.

[46] Афинских евпатридов мы трактуем как собственно афинскую, городскую знать в противоположность знати аттических местечек (ср. Bekker Anecd. I.257).

[47] *Camp.* Op. cit. P. 9.

[48] О «политических браках» см. *Gernet L.* Anthropologie de la Grèce antique. P., 1968. P. 344–359; *Humphreys S.C.* The Family, Women and Death. L., 1983. P. 24.

Характерно, что при заключении брачных альянсов Алкмеониды отличались исключительной политической интуицией, всякий раз устанавливая именно те контакты, которые могли оказаться наиболее полезными в данный момент, и не останавливаясь перед разрывом этих контактов в случае необходимости. Матримониальная политика Алкмеонидов распространялась и за пределы Афин (Эретрия, Сикион). Впрочем, практиковались в этом роде также и эндогамные браки (например, брак Мегакла (IV) и его двоюродной сестры Кесиры, дочери Клисфена[49]); последние, насколько можно судить, вообще характерны для греческой аристократии.

Ряд ученых высказывал (порой весьма категорично) мнение, согласно которому Алкмеониды уже с очень раннего времени, с VII в. до н.э. были как бы «отчуждены» от общей массы афинской аристократии, даже противопоставлены ей[50]. Возможно, эта отчужденность несколько преувеличена и во всяком случае не имеет принципиальной идеологической подоплеки[51]. Тем не менее сам ее факт отрицать трудно. Действительно, существовала определенная (порой весьма существенная) специфика в механизмах влияния, применявшихся Алкмеонидами. В их политике бóльшую роль, нежели у других родов, играли такие факторы, как внешние связи, проявление щедрости (μεγαλοπρέπεια), в частности, затраты на победы в состязаниях[52], династические браки, наконец, прямая апелляция к демосу[53]. В конечном счете именно представители Алкмеонидов (Клисфен, Перикл) сыграли первостепенную роль в становлении политической системы афинской демократии. Многие исследователи обоснованно отмечают, что в этих и других особенностях деятельности Алкмеонидов можно проследить немаловажное влияние Килоновой скверны, особого положения «оскверненного рода»[54].

Начало политической карьеры Перикла и Алкмеониды. Детство Перикла пришлось на десятилетие между Марафоном и Саламином. На него, вне всякого сомнения, оказали тягостное впечатление очередные «гонения» на Алкмеонидов, развернувшиеся в это время[55]. В 486 г. до н.э. был изгнан остракизмом его дядя по матери Мегакл, два года спустя – его отец Ксантипп[56]. Подвергались угрозе изгнания многие другие члены рода (их имена прочитаны на острака). На Алкмеонидов сыпались обвинения в Килоновой скверне (ἀλιτήριοι), персидской измене (προδόται, Μῆδοι), связях с тиранами (φίλοι τῶν τυράννων). Когда сам Перикл позже вступил на политическую арену, обвинения подобного рода должны были предъявляться и ему лично; не случайно, по замечанию Плутарха (Per. 7), в молодости Перикл очень боялся остракизма.

Первое упоминание о Перикле как о практическом деятеле относится к 472 г. до н.э. (IG II^2. 2318, 9–11). В этом году Перикл выступил в качестве хорега при постановке эсхиловских «Персов». На этом эпизоде карьеры начинающего политика стоит остановиться подробнее. В 472 г. Перикл был юношей 22 лет, и вряд ли хорегия была

---

[49] На это впервые обратил внимание Т.Л. Шир: *Shear T.L.* Koisyra: Three Women of Athens // Phoenix. 1963. 17. 2. P. 99–112.

[50] *Jacoby F.* Atthis: The Local Chronicles of Ancient Athens. Oxf., 1949. P. 271; *Lévêque P., Vidal-Naquet P.* Clisthène l'Athénien. P., 1964. P. 33 suiv.; *Vernant J.-P.* Mythe et pensée chez les Grecs. T. 1. P., 1971. P. 231–214; *Stein-Hölkeskamp E.* Adelskultur und Polisgesellschaft. Stuttgart, 1989. S. 155.

[51] *Forrest W.G.* The Emergence of Greek Democracy. L., 1966. P. 146.

[52] Первым афинским олимпийским победителем в состязании колесниц-четверок (592 г.) был Алкмеон (*Herod.* VI. 125; *Isocr.* XVI. 25; ср. *Moretti L.* Olympionikai. Roma, 1957. № 81). К 486 г. Пиндар (Pyth. VII. 13–17) насчитывает уже, помимо победы Алкмеона, пять побед Алкмеонидов в Истмийских и две в Пифийских играх. В 436 г. Мегакл (V) одержал еще одну олимпийскую победу, тоже в состязании четверок (Schol. Pind. Pyth. VII. hypoth; ср. *Moretti.* Op. cit. № 320).

[53] *Davies.* Op. cit. P. 369 ff.

[54] *Williams G.W.* The Curse of the Alkmaionidai: Themistokles, Perikles, and Alkibiades // Hermathena. 1952. 80. P. 58–71; *Bourriot.* Op. cit. P. 560; *Arnheim.* Op. cit. P. 136.

[55] *Burn.* Op. cit. P. 13.

[56] Весьма вероятно, что в 485 г. был изгнан остракизмом еще один Алкмеонид – Каллий, сын Кратия (о нем см. *Shapiro H.A.* Kallias Kratiou Alopekethen // Hesperia. 1982. 51. 1. P. 69–73). Ср. *Arist.* Ath. pol. 22.6, где имя этого изгнанного не названо.

возложена на него лично. Судя по всему, первоначально литургом был Ксантипп. В таком случае он умер в конце 473 или начале 472 г.[57], и хорегию перенял его сын.

Хорегия, как и всякая литургия, была в Афинах прекрасной возможностью зарекомендовать себя для любого гражданина, вступающего на политическое поприще (ср. Thuc. VI.16.3 – в связи с Алкивиадом). Думается, совершенно не случайно в ходе этой хорегии рядом оказались имена Перикла и Эсхила. Связи хорега и драматурга не были, как правило, вызваны простым совпадением. Они знаменовали личную и политическую близость (как, например, у Фемистокла и Фриниха). В связи с этим упомянем два интересных факта. Во-первых, Эсхил был родом из Элевсина, откуда, как мы выяснили, происходил род Бузигов. Во-вторых, имя последнего афинского пожизненного архонта (755/4–754/3 гг. до н.э.), упоминаемое Кастором, – Алкмеон, сын Эсхила[58]. Афинская аристократическая ономастика – тема почти не исследованная, но известные факты говорят о том, что имена в этой среде давались отнюдь не случайно. Каждый знатный род имел более или менее устойчивый набор личных имен; перемещение последних из рода в род, как правило, являлось знаком родственных и матримониальных связей (наиболее ясно это видно как раз на примере Алкмеонидов). Таким образом, можно с немалой долей вероятности утверждать, что личные связи Эсхила и Перикла были давними, унаследованными от предков. Кстати, Эсхил был ровесником или почти ровесником Ксантиппа.

Неоднократно отмечалось, что в ряде драм Эсхила присутствуют аллюзии на личность Перикла, на историю рода Алкмеонидов, в частности, в связи с Килоновой скверной[59]. Такие аллюзии почти несомненны в «Эвменидах» и вообще в «Орестее», весьма вероятны в трагедии «Семеро против Фив», возможны в «Прометее». Цель их в общем можно определить как оказание поддержки молодому Периклу на заре его политической деятельности, в частности, оправдание начинающего и перспективного политика от дискредитирующих его наветов, связанных с Алкмеонидами, от обвинений в родовом проклятии.

Вероятно, уже тогда у Перикла возникло желание избавиться от обременительного наследия Алкмеонидов, по возможности уменьшить свою зависимость от «проклятого» рода. Но это было для него еще совершенно невозможно: любая политическая деятельность в первой половине V в. до н.э. обусловливалась прежде всего поддержкой родственников[60]. Перикл же начинал свою карьеру по всем правилам афинской политики. После хорегии 472 г. мы встречаем его в конце 460-х годов в качестве стратега (Plut. Cim. 13). Эта, судя по всему, первая стратегия Перикла странным образом была упущена из вида Ч. Форнарой. В своей монографии об афинских стратегах V в. до н.э. он датирует первую стратегию Перикла лишь 454/3 г. (Thuc. I.111.2)[61]. Э. Бадиан, первым обративший серьезное внимание на указанный пассаж Плутарха (точнее, Каллисфена, на которого тот ссылается), относит его к 465–463 годам[62]. Кажется, внутри этого временного промежутка можно обозначить и более точную дату. Принимая 494 г. как год рождения Перикла и помня о возрастном цензе для занятия должности стратега (30 лет), мы должны будем отнести первую стратегию Перикла к 464/3 г. Кстати, он исполнял эту магистратуру совместно с Эфиальтом, к группировке которого в тот период примыкал (Arist. Pol. 1274a10; Plut. Per. 9; Mor. 812d). Естественно, уже с молодости выступал Перикл и в качестве оратора в народном собрании и судах, сразу снискав себе репутацию великолепного мастера красноречия.

---

[57] После 479 г. Ксантипп исчезает из источников (*Schaefer*. Op. cit. Sp. 1346).

[58] Этот Алкмеон обычно признается лицом историческим (*Bicknell*. Studies... P. 60).

[59] См. о данном сюжете подробнее: *Суриков И.Е.* Афинский ареопаг в первой половине V в. до н.э. // ВДИ. 1995. № 1. С. 37–39; там же библиография вопроса.

[60] *Connor*. Op. cit. P. 10–18.

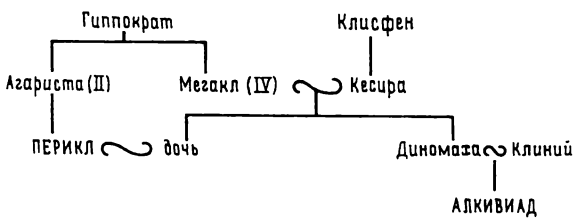
[61] *Fornara C.W.* The Athenian Board of Generals from 501 to 404. Wiesbaden, 1971. P. 47. Кстати, и эту стратегию Перикла резоннее датировать 455/4 г. (*Badian E.* From Plataea to Potidaea. Baltimore–London, 1993. P. 102).

[62] *Badian*. Op. cit. P. 13–14, 101.

Таким образом, уже с первых лет политической деятельности Перикла в ней сочетались и соперничали две тенденции: опора на Алкмеонидов, на их обширные связи, и отталкивание от них. Будучи реалистом, Перикл не мог не понимать, что без поддержки рода успеха достичь практически невозможно[63], и поэтому в первый период его карьеры, до середины 440-х годов, первая тенденция безусловно преобладала. Набирающий силу политик действовал поначалу всецело в ключе традиционных для Алкмеонидов механизмов влияния, в первую очередь укрепляя внутриродовые и межродовые связи[64]. В середине 450-х годов он женился на своей двоюродной сестре, бывшей жене Гиппоника из рода Кериков (Plat. Prot. 314e; Plut. Per. 24)[65]. Этим, кстати, укреплялись уже существовавшие связи Алкмеонидов с названным родом. Такие связи небезосновательно предполагаются уже в VI в.[66] Около 480 г. до н.э. был заключен мощный матримониальный союз между Алкмеонидами, Кериками и Филаидами: Исодика из рода Алкмеонидов была выдана замуж за Кимона, а сестра Кимона Эльпиника – за Керика Каллия, отца Гиппоника[67].

Старший из двух сыновей, родившихся от первого брака Перикла, был назван Ксантиппом, а второй – Паралом (Πάραλος), что должно было засвидетельствовать связь с Паралией, простатами которой издавна выступали Алкмеониды.

Перикл расширил матримониальные связи Алкмеонидов на ветвь рода Саламиниев: есть веские основания предполагать, что брак свояченицы Перикла Диномахи с его старым другом и соратником Клинием (Plat. Alc.I.105d, 123c) состоялся именно по его инициативе[68]. Не случаен тот факт, что после гибели Клиния в 447 г. опекуном его малолетнего сына, будущего знаменитого Алкивиада, стал именно Перикл (Isocr. XVI. 28; Plat. Alc. I. 104, 118e, 124c; Plut. Alc. 1; 3). Они были достаточно близкими родственниками: Алкивиад приходился самому Периклу двоюродным племянником, а его жене – родным.



Греческие авторы называют Алкивиада ἀνεψιαδοῦς Перикла. Правда, Корнелий

---

[63] Безусловно, юридически аристократия в Афинах V в. не имела ровно никаких привилегий. Однако Р. Литтман (Op. cit. P. 210) остроумно замечает, что, будь Перикл, скажем, бедняком откуда-нибудь из Марафона, выходцем из безвестной семьи, не имевшей разветвленных родственных связей, вряд ли ему, при всех его политических талантах, удалось бы стать «первым гражданином».

[64] Впечатляющую картину действий Перикла в этом ключе дает Р. Сили (The Entry of Pericles... Passim), хотя порой она, на наш взгляд, страдает преувеличениями и односторонностью.

[65] Именно в такую последовательность ставит эти браки Плутарх. Попытки ряда исследователей (Сили, Дейвиса) «поменять» их местами (вначале брак с Периклом, затем – с Каллием) заставляют прибегать к произвольным эмендациям текста источника и, кроме того, приводят к противоречиям в хронологии: Каллий, сын этой женщины от Гиппоника, был, несомненно, старше ее детей от Перикла.

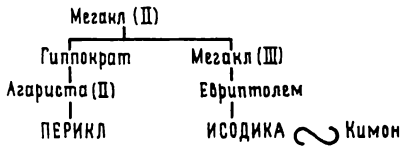
[66] *Bicknell*. Studies... P. 64–76.

[67] *Davies*. Op. cit. P. 305; *Bicknell*. Studies... P. 89–95.

[68] Генеалогия семьи Алкивиада–Клиния была в течение долгого времени предметом острых дискуссий (*Dittenberger W*. Die Familie des Alkibiades // Hermes. 1902. 37. 1. S. 1–13; *Vanderpool E*. The Ostracism of the Elder Alkibiades // Hesperia. 1952. 21. 1. P. 1–8; *Raubitschek A.E*. Zur attischen Genealogie // Rheinisches Museum für Philologie. 1955. 98. 3. S. 258–262; *Thompson W.E*. The Kinship of Pericles and Alcibiades // GRBS. 1970. 11. 1. P. 27–33; *Stanley P.V*. The Family Connection of Alcibiades and Axiochus // GRBS. 1986. 27. 2. P. 173–181; *Ellis*. Op. cit. P. 1–9), в ходе которых, кажется, удалось восстановить достаточно полную стемму.

Непот (Alc. 2) считает, что Алкивиад был его «пасынком» (privignus)[69], но это стоящее особняком сообщение – скорее всего плод нередкой у римского биографа путаницы.

Неровно развивались отношения Перикла с Филаидами. Связи родства, безусловно, не могли не давать о себе знать: Перикл и Исодика, жена Кимона, были троюродными братом и сестрой.



С другой стороны, отцы Перикла и Кимона были врагами: Ксантипп в свое время добился осуждения Мильтиада. Напряженность между семьями была отчасти снята брачным альянсом 480 г., но в целом в отношениях Перикла и Кимона, насколько можно судить, чередовались периоды коалиции и конфликта[70].

Во многом в русле родовой, аристократической политики лежит еще и известный закон Перикла о гражданстве 451 г. до н.э.[71], согласно которому афинскими гражданами считались те, кто мог подтвердить свою принадлежнось к гражданскому коллективу и по мужской, и по женской линиям. Если ранее в этой сфере действовал старинный принцип, учитывавший лишь принадлежность отца и не принимавший в расчет происхождение матери (этот принцип прослеживается еще у Эсхила, ср. Eum. 657–666), то Перикл привлек внимание афинян к женской линии. Этим, помимо прочего, наносился удар по Кимону, матерью которого была фракийская царевна Гегесипила (Plut. Cim. 4; Marcellin. Vita Thuc. 17). Интересно, что в данном случае Перикл вел весьма рискованную игру: возбуждение интереса к женской линии косвенно ударяло и по нему, напоминая, что он причастен к Килоновой скверне по матери. Однако, будучи изощренным и талантливым политиком, Перикл не боялся удара по этой «болевой точке»: он знал, что возбуждать вопрос о родовом проклятии отнюдь не в интересах Кимона, имевшего детей от «оскверненной» Исодики.

Вопрос о детях Кимона относится к числу дискуссионных. Автор V в. до н.э. Стесимброт в произведении «О Фемистокле, Фукидиде и Перикле» (FGrHist 107 F6) считает Лакедемония и Улия (Элея) рожденными от матери-аркадянки (из города Клитор); в таком случае только Фессал оказывается сыном Исодики. Однако Стесимброт не пользуется репутацией авторитетного источника[72]. Видимо, ближе к истине сообщение периегета Диодора (FGrHist 372 F 37), согласно которому все три сына Кимона были рождены в законном браке с Исодикой[73]. Очевидно, Перикл, ведя не вполне чистую политическую игру, попросту публично клеветал на сыновей Кимона, попрекая их матерью-неафинянкой (Plut. Per. 29) и этим заставляя их самих раскрывать свое истинное происхождение от «проклятых».

Разрыв. К середине 440-х годов до н.э. Перикл достигает полного успеха, покончив

---

[69] Именно на этом свидетельстве строит свою гипотезу Р. Кроми (On Deinomache...)

[70] Наиболее подробно этот сюжет освещен в работе: *Sealey*. The Entry of Pericles... P. 144 ff. Впрочем, серьезные возражения вызывает характеристика, даваемая Сили Периклу как человеку из окружения Кимона. Их противостояние, согласно всей античной традиции, все же имело место, и отрицать его нет никаких оснований. Ср. *Cox C.A.* Incest, Inheritance and the Political Forum in Fifth-Century Athens // Classical Journal. 1989. 85. 1. P. 34–46.

[71] *Arist.* Ath. pol. 26.4; *Plut.* Per. 37; *Ael.* Var. hist. VI. 10; XIII. 24.

[72] О нем см. *Pearson L.* The Local Historians of Attica. Repr. ed. Ann Arbor, 1981. P. 49 f.

[73] Высказывалось даже мнение (*Raubitschek*. The Ostracism...; *Cromey R.D.* The Mysterious Woman of Kleitor // AJPh. 1991. 112. 1. P. 87–101), что в кодексы Плутарха вкралась ошибка переписчика и вместо Κλιτορίας следует читать ἀλιτηρίας («оскверненной»). Однако оснований для такой конъектуры явно недостаточно.

со всеми серьезными соперниками (в 444 г. был изгнан остракизмом Фукидид, сын Мелесия, породнившийся с Филаидами[74]) и заняв исключительное положение в афинском полисе. Теперь он, в принципе, не нуждался в существенной поддержке рода или какой-либо политической группировки и мог опираться на собственные силы, выступая от имени всего демоса.

В этих условиях происходит быстрое отчуждение Перикла от Алкмеонидов. Около 445 г. он разводится со своей первой женой и вступает в брак с неафинянкой Аспасией[75]. Вокруг Перикла, насколько можно судить, именно в период его близости к Аспасии складывается знаменитый кружок деятелей культуры, не имевший ничего общего с традиционными гетериями, строившихся на принципах родства, клиентелы и «политической дружбы» (φιλία)[76]. Новые соратники Перикла не были ни его родственниками, ни в большинстве случаев и афинянами. Анаксагор происходил из Клазомен, Протагор – из Абдеры, Геродот – из Галикарнасса; Фидий, хотя и являлся афинским гражданином, был, как и подобало художнику, мало привязан к какому-то конкретному полису, работая во многих городах Эллады – Дельфах, Олимпии, Платее и др.[77]

Здесь необходимо отметить, что «кружок Перикла» зачастую приобретает в литературе чрезмерно широкие, расплывчатые очертания. Порой в него стремятся включить едва ли не всех представителей греческой интеллектуальной элиты V в., так или иначе связанных с Афинами[78]. Так, по распространенному мнению, к этому кружку примыкал Софокл. Однако несомненно, что, во всяком случае, в начале своей деятельности Софокл пользовался поддержкой Кимона (Plut. Cim. 8), как Эсхил – Перикла. Виктор Эренберг посвятил монографию[79] доказательству того, что по крайней мере в области мировоззрения Перикл и Софокл были антиподами. Софокл являлся характерным представителем традиционного, консервативного благочестия, что с особой силой сказывалось на его неизменно пиетическом отношении к Дельфам. Но это неизбежно должно было противопоставить его Периклу и в политической сфере, поскольку в течение Пентеконтаэтии отношения между Афинами и Дельфами, не в последнюю очередь благодаря Перикловой политике (см. ниже), неуклонно ухудшались. С другой стороны, нет оснований отрицать близость к Периклу Геродота (вспомним кстати об участии последнего в выведении Фурий), хотя из этого, разумеется, отнюдь не вытекает с неизбежностью мнимая «проперикловская» позиция историка. Интересно, что Геродот, судя по всему, был близок к Софоклу (Plut. Mor. 785b).

Именно к периоду после 445 г. следует, судя по всему, отнести и свидетельство Плутарха (Per. 7) о едва ли не демонстративном отказе Перикла от тесного общения с друзьями и родственниками. Даже на свадебном пире своего двоюродного брата Евриптолема[80] он не остался до конца. Традиция сохранила заявление Перикла (очевидно, пользовавшееся популярностью), что он не поступится ради дружбы законностью и общественной пользой (Plut. Mor. 186b; 531c; 808ab). Иными словами, Перикл отказался от услуг гетерии.

Чрезвычайно интересен еще один факт. Автором декрета (IG I^2.77), относящегося, судя по всему, именно ко второй половине 440-х годов (или чуть позже) и устанавливающего наследственные почести потомкам тираноубийц Гармодия и Аристогитона, был именно Перикл, если верно никем не оспариваемое восстановление его имени из

---

[74] О датировке см. *Andrewes A.* The Opposition to Pericles // JHS. 1978. 98. P. 7.

[75] *Plut.* Per. 24; *Lucian.* Gall. 19; *Athen.* XI. 533d; Schol. Aristoph. Ach. 527.

[76] *Connor.* Op. cit. P. 25–32.

[77] *Gauer W.* Das Athenerschatzhaus und die marathonischen Akrothinia in Delphi // Forschungen und Funde. Innsbruck, 1980. S. 129 f.; *Mattusch C.* The Eponymous Heroes: The Idea of Sculptural Groups // AAAD. P. 74–75.

[78] Ср., например, *Schachermeyr F.* Religionspolitik und Religiosität bei Perikles. Wien, 1968. S. 46. Критику данной тенденции см. *Stadter Ph.* Pericles among the Intellectuals // ICS. 1991. 16. 1/2. P. 111–124.

[79] *Ehrenberg.* Sophocles and Pericles.

[80] П. Бикнелл (Studies... P. 89 ff.) считает этого Евриптолема сыном Мегакла (IV).

сохранившегося [....] κλες[81]. Таким образом, и в данном вопросе Перикл если и не опровергает прямо, то, во всяком случае, отнюдь не разделяет бытовавшую среди Алкмеонидов традицию, согласно которой честь освобождения Афин принадлежала их роду, а не тираноубийцам. В противовес «алкмеонидовской» версии событий Перикл опирается на общеафинскую, особенно популярную в широких слоях демоса.

Внешняя политика Перикла во многих отношениях также не только вышла из русла алкмеонидовской традиции, но и приобрела противоположную направленность. Особенно ясно это видно в отношении Перикла к Дельфам[82].

Хорошо известны давние и прочные связи Алкмеонидов с этим авторитетнейшим религиозным центром греческого мира. Связи эти восходят еще к началу VI в. до н.э., к Первой Священной войне[83]. Тогдашний глава рода Алкмеон в 595 г. командовал афинским военным контингентом в этом конфликте (Plut. Sol. 11); впоследствии он был настолько влиятелен в кругах дельфийского жречества, что смог оказать весьма серьезное содействие прибывшим к оракулу послам лидийского царя (Herod. VI. 125). Установленные контакты не прерывались, судя по всему, в течение всего VI в. Во всяком случае, в период своих изгнаний из Афин при тиранах в 546–527 и 514–510 гг. до н.э. Алкмеониды избрали местом своего пребывания именно Дельфы, где и приняли участие в реставрации после пожара храма Аполлона. Алкмеониды завершили восстановление этого сооружения, взявшись за него в период своего второго изгнания, т.е. после 514 г.[84]; видимо, строительство продолжалось и после возвращения Алкмеонидов в Афины, в 500-х годах.

Во многом благодаря расположению со стороны Дельфов Алкмеонидам удалось в 510 г. вернуться на родину, добившись изгнания тиранов спартанским войском Клеомена I[85]. Высказывалось мнение, что в ликвидации афинской тирании была более всех заинтересована Спарта, использовавшая и Дельфы, и Алкмеонидов лишь для прикрытия[86]. Безусловно, эта акция прекрасно укладывалась в русло общей антитиранической политики Спарты в VI в. до н.э.[87]; освобождение Афин могло способствовать вовлечению этого полиса в спартанскую сферу влияния, вплоть до включения его в Пелопоннесский союз. Однако, по нашему мнению, нельзя сбрасывать со счетов и религиозный авторитет Дельфов, и большое значение, придававшееся их оракулам (в частности, только Дельфы могли санкционировать разрыв ксении между Спартой и Писистратидами), и, наконец, действительно серьезное отношение спартанцев к религии, в особенности к оракулам[88].

---

[81] *Podlecki A.J.* The Political Significance of the Athenian «Tyrannicide» – Cult // Historia. 1966. 15. 2. S. 129–141; *Lavelle.* Op. cit. P. 41, 52; *Forrest W.G.* Aristophanes, Lysistrata 231 // ClQ. 1995. 45. 1. P. 240.

[82] Религиозной политике Перикла (и, в частности, его отношениям с Дельфами) посвящена упомянутая специальная монография Ф. Шахермайра, на ее выводах мы во многом и основываемся.

[83] *Глускина Л.М.* Дельфы в период Первой Священной войны // ВДИ. 1951. № 2. С. 213–221; *Forrest W.G.* The First Sacred War // BCH. 1956. 80. 1. P. 39–42; *idem.* Delphi, 750–500 B.C. // CAH. 2 ed. V. 3. Pt. 3. Cambr., 1982. P. 312 ff.

[84] *La Coste-Messelière P. de.* Les Alcméonides à Delphes // BCH. 1946. 70. P. 271–288; *Prontera P.* Gli Alcmeonidi a Delfi // RA. 1981. 2. P. 256; *Maass M.* Die wirtschaftlichen und politischen Umstände der delphischen Tempelbauten // Ktema. 1988. 13. P. 9. Трудно согласиться с У. Чайлдсом, датирующим завершение восстановления храма временем ок. 530 г. (*Childs W.* The Date of the Old Temple of Athena on the Athenian Acropolis // AAAD. P. 1).

[85] *Herod.* V. 63–65; *Aristoph.* Lys. 614 sqq., 1150 sqq.; Arist. Ath. pol. 19. 4–6.

[86] *Макаров И.А.* Тирания и Дельфы в рамках политической истории Греции второй половины VII–VI в. до н.э. // ВДИ. 1995. № 4. С. 130; *он же.* формы идеологического обоснования раннегреческой тирании: Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1995. С. 22; *Parke H.W., Wormell D.E.W.* The Delphic Oracle. V. I. Oxf., 1965. P. 144–150; *Littman.* Op. cit. P. 125–130.

[87] Мы пока не видим достаточных оснований разделять тотальный скептизм И.А. Макарова (Тирания и Дельфы... С. 129–131) по отношению к весьма ранней и авторитетной (*Herod.* V. 92.1; *Thuc.* I. 18. 1) традиции об антитиранической тенденции во внешней политике позднеархаической Спарты.

[88] Ср. *Залюбовина Г.Т.* Архаическая Греция: особенности мировоззрения и идеологии. М., 1992. С. 51; *Залюбовина Г.Т., Щербаков В.И.* Афины в период становления гражданской общины: афинские тираны и

При этом вовсе не обязательно принимать версию Геродота о прямом подкупе оракула Клисфеном. Даже всех богатств Алкмеонидов, безусловно, попросту не хватило бы, чтобы подкупить жречество богатейшего в Греции святилища. Собственно, подкуп как таковой был и не нужен: Дельфы симпатизировали Алкмеонидам как в силу их давних взаимоотношений, так и в связи с реставрацией храма τοῦ παραδείγματος κάλλιον (Herod. V. 62.3).

Близость Алкмеонидов к Дельфам проявилась и в покровительстве последних реформам Клисфена, в частности, в благоприятном ответе Пифии на запрос афинян, связанный с переименованием фил (Arist. Ath. pol. 21.6). При негативном отношении к реформам оракул мог бы дать прямо отрицательное, как в аналогичной ситуации Клисфену Сикионскому (Herod. V. 67. 3), или двусмысленное прорицание[89].

После Клисфена, в начале V в. до н.э., симпатии Дельфов к Алкмеонидам не прекращаются. Умеренно проперсидская позиция, занятая Алкмеонидами в Афинах накануне мидийских войн, вполне совпадала с позицией дельфийского жречества[90]. Отнюдь не случайно Мегакл (IV), изгнанный из Афин остракизмом в 486 г., практически сразу оказался в Дельфах, где в том же году стал победителем в Пифийских играх. На его победу написал VII Пифийскую оду Пиндар. Этот близкий к Дельфам поэт находился, судя по всему, в весьма тесных отношениях с Алкмеонидами. Ему принадлежал также трен на смерть Гиппократа – отца Мегакла, брата Клисфена и деда Перикла (Pind. fr. 137)[91].

VII Пифийская ода отличается более интимным, личным тоном, чем большинство других од Пиндара. Чувствуется, что автор лично знает заказчика, его семью, находится с ним в дружеских отношениях. В оде проходят аллюзии на постройку Алкмеонидами храма Аполлона (ст. 10–12), на их победы в панэллинских играх (ст. 13–17), на недавний остракизм Мегакла (ст. 18–19). Ни словом не упоминается Марафон, где роль Алкмеонидов была двусмысленной.

Итак, вплоть до Перикла многолетние связи Алкмеонидов и Дельфов отличаются прочностью и стабильностью. Однако затем происходит достаточно серьезный перелом. Вся эпоха Перикла становится временем резкого ухудшения отношений между Афинами и Дельфами. К моменту начала Пелепонесской войны оракул оказывается всецело на стороне Спарты (Thuc. I. 118. 3). В самом требовании «изгнать скверну», направленном спартанцами афинянам в 432 г. (Thuc. I. 126–127; Plut. Per. 33), ощутимо дельфийское влияние[92]. Таким образом, при Перикле традиционная дружба Дельфов с его родом решительно пресеклась.

Думается, причина недружелюбия дельфийского жречества к Периклу та же, что в свое время к Писистрату и Писистратидам[93]. Имперские притязания перикловых Афин распространялись не только на политическую, но и на религиозную и культурную сферы. И вот здесь они вступали в прямое противоречие с интересами Дельфов, по-прежнему отстаивавших свой авторитет как главного общегреческого религиозного

полисная религия // Ранние цивилизации... С. 29; *Sealey*. A History... P. 146; *Lewis D.M.* The Tyranny of the Pisistratidae // CAH. 2 ed. V. 4. Cambr., 1988. P. 300–302; *Zahrnt M.* Delphi, Sparta und die Rückführung der Alkmeoniden // ZPE. 1989. 76. S. 297–307; *Robinson*. Op. cit.

[89] *Picard Ch.* Le «présage» de Cléoménès (507 av. J.-C.) et la divination sur l'Acropole d'Athénes // REG. 1930. 43. P. 262–278; *Schachermeyr F.* Die frühe Klassik der Griechen. Stuttgart, 1966. S. 68; *Shapiro H.A.* Religion and Politics in Democratic Athens // AAAD. P. 123.

[90] *Parke, Wormell*. Op. cit. V. 1. P. 162.

[91] Об Алкмеонидах и Пиндаре см. *De Sanctis*. Op. cit. P. 15–16; *Schachermeyr*. Die frühe Klassik... S. 246 f.; *Ehrenberg*. From Solon to Socrates... P. 174 f.; *Webster T.B.L.* Athenian Culture and Society. Berkeley, 1973. P. 168–169; *Dickie*. Op. cit.

[92] Ср. *Nilsson M.P.* Geschichte der griechischen Religion. 2 Aufl. Bd 1. München, 1955. S. 640.

[93] В настоящее время ни один серьезный исследователь, за исключением стоящего на гиперкритических позициях И.А. Макарова (Тирания и Дельфы... С. 122), не оспаривает традиции о напряженности, существовавшей между династией афинских тиранов и дельфийским святилищем. Ср. *Parke H.W.* The Oracles of Zeus. Cambr. Mass., 1967. P. 131–134, 185 f.; *Boardman J.* Herakles, Delphi and Kleisthenes of Sikyon // RA. 1978. 2. P. 227–234; *Littman*. Op. cit. P. 153–155. Судя по всему, Писистратиды вели курс на превращение Афин в один из крупнейших самостоятельных религиозных центров Греции, независимых от Дельфов.

центра. Вся деятельность Перикла и объективно, и субъективно была направлена на подрыв этого дельфийского авторитета. В замыслах афинского «олимпийца» именно Афины, а не Дельфы и не какое-нибудь другое место, должны были стать первой святыней Эллады[94].

Антидельфийская направленость видна во многих мероприятиях Перикла. Следует отметить предпринятую им в 448 г. (после возобновления Каллиева мира) попытку созыва в Афинах общеэллинского конгресса, главными вопросами которого должны были стать культовые – восстановление сожженных персами греческих храмов и благодарственные жертвоприношения по поводу победы (Plut. Per. 17). В случае удачи этой акции Афины, несомненно, приобрели бы огромное значение в религиозной жизни Греции. Однако усилиями лакедемонян конгресс был сорван. Открыто афино-дельфийская враждебность проявилась во Второй Священной войне (наиболее вероятная дата – 448 г.[95]; можно рассматривать ее как одну из кампаний Малой Пелопоннесской войны). В ходе военных действий Дельфы были временно отбиты Периклом у дельфийского жречества, поддерживаемого Спартой, и переданы фокидянам (Thuc. I. 112. 5; Plut. Per. 21).

В этом же контексте следует рассматривать основание в 443 г. по инициативе Перикла и под эгидой Афин общегреческой колонии Фурии в Италии (Strabo. VI. 263; Plut. Per. 11). Данная акция не могла не быть вызовом дельфийскому Аполлону, традиционно считавшемуся покровителем колонизации. О религиозном значении основания Фурий говорит уже тот факт, что ойкистом колонии (по крайней мере, со стороны афинян) был назначен известный прорицатель Лампон[96]. Лампон был заметной фигурой в перикловых Афинах[97]. Он являлся не только прорицателем (χρησμολόγος καὶ μάντις, ср. Schol. Aristoph. Av. 521), но и жрецом (θύτης), и экзегетом (Eupolis fr. 297 Kock), а, кроме того, принадлежал к ближайшему окружению Перикла (Arist. Rhet. 1419a2; Plut. Per. 6).

Наконец, следует сказать несколько слов и о грандиозной строительной программе Перикла, в ходе реализации которой город украсился архитектурными памятниками, величественностью и красотой превосходившими все, что дотоле приходилось видеть афинянам, да и не только им (ср. Plut. Per. 12–13)[98]. Было бы непростительным упрощением трактовать эту программу только в рамках афино-дельфийского соперничества, однако существуют серьезные основания полагать, что и этот аспект в ней также присутствовал. Перикл стремился сделать родной город не только политическим гегемоном греческого мира, но и его важнейшим культурным, религиозным центром; он видел в Афинах не только столицу морской державы, но и «школу Эллады» (Thuc. II. 41. 1). Если же в предшествующую эпоху какой-нибудь город и мог заслужить столь почетное наименование, то это были именно Дельфы, санкционировавшие своим авторитетом ряд важных новшеств в идейном развитии архаической эпохи (в частности, феномен раннего греческого законодательства). Теперь эту роль готовились перенять перикловы Афины, что никак не могло быть встречено с энтузиазмом в Аполлоновом святилище.

Отметим в связи с вышесказанным два интересных обстоятельста. Во-первых, начало строительства на Акрополе относится к 440-м годам, т.е. как раз к тому периоду,

---

[94] Ср. *Knox B.* Sophocles and the Polis // Entretiens sur l'antiquité classique. 1983. 29. P. 27.

[95] Хронологию см. *Badian.* Op. cit. P. 103. Подробнее о войне см. *Hornblower S.* The Religious Dimension to the Peloponnesian War // Harvard Studies in Classical Philology. 1992. 94. P. 177–184.

[96] *Diod.* XII. 10; *Plut.* Mor. 812d; Schol. Aristoph. Nub. 332; *Hesych.* s.v. θουριομάντεις.

[97] О нем см. *Schachermeyr.* Religionspolitik... S. 26 ff.

[98] Мы не имеем здесь возможности подробно рассмотреть этот вопрос. См. *Nilsson M.P.* Greek Piety. Oxf., 1948. P. 66–71; *Boersma J.S.* Athenian Building Policy from 561/0 to 405/4 B.C. Groningen, 1970; *Donnay G.* Politische Anspielungen in der attischen Kunst des 5. Jahrhundert // Perikles und seine Zeit... S. 379–394; *Knell.* Op. cit.; *Zinserling G.* Das Akropolisbauprogramm des Perikles // Kultur und Fortschritt in der Blütezeit der griechischen Polis. B., 1985. S. 206–246; *Corso A.* Monumenti Periclei. Venezia, 1986; L'esperimento della perfezione: Arte e società nell' Atene di Pericle / A cura di E. La Rocca. Milano, 1988; *Castriota D.* Myth, Ethos and Actuality: Official Art in Fifth-Century B.C. Athens. Madison, 1992. P. 134–229.

когда произошло отчуждение Перикла от Алкмеонидов. Во-вторых, среди перикловых построек мы обнаруживаем почти исключительно храмы и другие культовые сооружения. Афинский «олимпиец» совершенно пренебрегал гражданской архитектурой, общественными зданиями утилитарного назначения[99]. Не удивительно, что обновленные Афины почти сразу же стали центром паломничества греков (ср. Aristoph. Nub. 300 sqq.).

В то время как Афины демонстративно противопоставляли себя Дельфам, Спарта систематически подчеркивала свое почтение к оракулу, давая понять, что она не претендует на духовное господство в Элладе, довольствуясь политической гегемонией. Это и обусловило недвусмысленно лаконофильскую позицию жречества Аполлона в Пелопоннесской войне. Характерно, что и в самих Афинах противники Перикла, лаконофилы высказывали пиетет к Дельфам. Так, Кимон посвятил в дельфийский храм скульптурную группу работы Фидия (Paus. X. 10. 1)[100].

Впрочем, некоторые исследователи[101], опираясь на зафиксированный в источниках (Thuc. II. 13. 1; Plut. Per. 33) факт ксении, существовашей между Периклом и спартанским царем Архидамом, считают, что и Перикл был политиком скорее расположенным к Спарте, нежели враждебным ей. Рассматриваемая ксения была скорее всего заключена в 479 г., в тот момент, когда отец Перикла Ксантипп и дед Архидама Леотихид командовали греческим флотом при Микале. В период ухудшения афино-спартанских отношений эта ксения, очевидно, надолго отошла на задний план, о ней едва ли не забыли. Аналогичная ксения со Спартой (с семьей эфора Эндия) в семье Алкивиада была попросту разорвана в 460-х годах[102]. Ксенов в Спарте имели многие афинские политики, и не только лаконофилы Исагор (Herod. V. 70. 1) или Кимон (Plut. Cim. 14), но и те, о симпатии которых к Спарте ничего не известно, – упоминавшийся выше Алкивиад, а также семья Каллия-Гиппоника (Xen. Hell. V. 4. 22; VI. 3. 4). Таким образом, спартанская ксения не может служить свидетельством тесных контактов Перикла со Спартой.

«*Возмездие*». Годы фактического правления Перикла, второй период его деятельности можно охарактеризовать как время нарастания рационализма в афинском обществе[103]. Опора на личные отношения уступает место безличным соображениям законности и государственного интереса. Пример самого лидера, демонстративно порывающего с семейными, родовыми связями, становится парадигматичным для властных структур полиса. Кстати, не лишено оснований предположение, что именно к «Периклову веку» относится изменение порядка избрания стратегов: теперь они избираются не по филам, как прежде, а из всего состава граждан[104]. Это означает тот же крен от традиционных связей и структур к рациональной консолидации полиса.

---

[99] К таковым можно отнести разве что Одеон, однако и в сооружении такого назначения религиозная семантика должна была быть не менее значимой, чем политическая. В высшей степени интересно наблюдение И.А. Макарова (Формы идеологического обоснования... С. 23), что аналогичная «религиозная» и демонстративная направленность строительной политики характерна для тиранов архаической эпохи, в частности для Писистратидов. Резкий контраст представляет эпоха Клисфена с решительным преобладанием гражданских построек (ср. *Camp*. Op. cit. P. 11–12; *Shear T.L.* Ἰσονόμους τ' Ἀθήνας ἐποιησάτην: The Agora and the Democracy // AAAD. P. 225–248.

[100] *Mattusch*. Op. cit. P. 73–74.

[101] *Sealey*. The Entry of Pericles... P. 152; *Littman*. Op. cit. P. 205.

[102] *Thuc*. V. 43. 2, ср. VIII. 6. 3; *Plut*. Alc. 14. См. *Kebric R.B*. Implications of Alcibiades' Relationship with Endius // Mnemosyne. 1976. 29. 1. P. 72–78. Подробнее о ксениях см. *Herman G*. Ritualised Friendship and the Greek City. Cambr., 1987.

[103] Ср. *Зайцев А.И*. Перикл и его преемники // Политические деятели античности, средневековья и Нового времени. Л., 1983. С. 25–28.

[104] *Arist*. Ath. pol. 61.1; ср. *Philoch*. FGrHist 324 F38; см. *Ehrenberg V*. Pericles and his Colleagues between 441 and 429 B.C. // AJPh. 1949. 66. 2. P. 113–134; *Fornara*. Op. cit. P. 26 (Ч. Форнара относит эту реформу к чуть более раннему времени). М. Хансен (*Hansen M.H*. The Athenian Board of Generals // Studies in Ancient History and Numismatics Presented to R. Thomsen. Aarhus, 1988. P. 69–70) без серьезных оснований относит реформу к середине IV в. – такая датировка крайне маловероятна.

Судя по всему, рационалистом был Перикл и в религиозной области[105]. По мнению Ф. Шахермайера, он являлся человеком глубоко религиозным, но представителем новой, «просвещенной» религиозности, приходившей в столкновение со старой, традиционной. К тому же Перикл не мог не понимать важности почитания богов для внутренней и внешней политики. Даже скептически относясь к приметам, он как государственный деятель в случае появления таковых не вправе был пренебречь консультацией экзегета (Plut. Per. 6; ср. 13)[106]. Б. Нокс[107] обратил внимание на то, что в знаменитой надгробной речи Перикла (Thuc. II. 35–46) ни разу не встречается слово θεός, и вообще Фукидид нигде не вкладывает ему в уста этого слова. Растущая δύναμις Афин – вот реальный объект религиозного чувства Перикла.

Однако традиционное мировоззрение было еще, в сущности, непоколебимо в массе афинян; не удалось пошатнуть его устои и Периклу. Во второй половине 430-х годов до н.э. набирает силу оппозиция афинскому «олимпийцу», в которой сливаются как его старые аристократические противники (возвратившийся из изгнания Фукидид, сын Мелесия), так и радикальные демагоги (Клеон). Тех и других объединяло неприятие именно рациональных начал в перикловской политике: с одной стороны, его пренебрежения связями родства, с другой – его «просвещенной религиозности», подрывавшей устоявшиеся представления о богах и божественном[108].

Оппозиция, в кругах которой сложилась настоящая антиперикловская традиция (ярче всего проявившаяся у авторов древней комедии, цитатами из которых буквально усеяна плутарховская биография Перикла), наносила удар за ударом по стареющему первому стратегу, в том числе и по одной из главных его болевых точек – по алкмеонидовскому происхождению Перикла, о котором он так хотел бы забыть. Вновь всплыли старые обвинения Алкмеонидов в дружбе с тиранами, в персидской измене, в родовом проклятии. Периклу и его «мозговому центру» пришлось вступить в эту войну пропаганды, изыскивая опровержения и оправдания[109].

Атака на Перикла достигла апогея в череде судебных процессов против членов его кружка. С бóльшим или меньшим успехом обвинениям подверглись Анаксагор, Фидий, Аспасия (Plut. Per. 31–32; Diog. Laert. II. 12). Характерно, что во всех этих процессах фигурировала ἀσέβεια (нечестие) или аналогичные категории. С одной стороны, в этом виден протест против рационализма Перикла и его окружения в религиозных вопросах; с другой – древнее преступление Алкмеонидов во время подавления мятежа Килона было именно асебией[110].

В контексте антиперикловских выступлений следует рассматривать и требование «изгнать скверну» (τὸ ἄγος ἐλαύνειν), предъявленное в 432 г. афинянам Спартой[111].

---

[105] *Cic.* De rep. I. 16. 25; *Plut.* Per. 35; 38. Мировоззрение Перикла наиболее подробно освещено в книгах: *Ehrenberg.* Sophocles and Pericles...; *Schachermeyr.* Religionspolitik...

[106] Наиболее характерные места источников, свидетельствующих о религиозных взглядах Перикла: *Thuc.* II. 64. 2; [*Lys.*] VI. 10; *Plut.* Per. 8 in fine. Все эти пассажи претендуют быть цитатами из речей самого Перикла.

[107] *Knox.* Op. cit. P. 27.

[108] См. *Корзун М.С.* Социально-политическая борьба в Афинах в 444–425 гг. до н.э. Минск, 1975. С. 40 слл.; *Залюбовина Г.Т.* Εὐσέβεια и ἀσέβεια в общественной жизни эллинов архаического и классического периодов // Социально-политические, идеологические проблемы истории античной гражданской общины. М., 1992. С. 37–42; *Kienast D.* Der innenpolitische Kampf in Athen von der Rückkehr des Thukydides bis zu Perikles' Tod // Gymnasium. 1953. 60. 3. S. 210–229; *Frost F.J.* Pericles, Thucydides Son of Melesias and Athenian Politics before the War // Historia. 1964. 13. 4. S. 385–399; *Schachermeyr F.* Religionspolitik... S. 71 ff.; *Mansfeld J.* The Plot against Pericles and his Associates // Mnemosyne. 1980. 33. 1/2. P. 17–95; *Ostwald M.* From Popular Sovereignty to the Sovereignty of Law. Berkeley, 1986. P. 191–198; *Châtelet.* Op. cit. P. 233–234.

[109] На отражение борьбы пропагандистских версий, например, у Геродота обратили внимание уже старые комментаторы этого автора: *How W.W., Wells J.* A Commentary on Herodotus. V. 2. Oxf., 1912. P. 115 ff.; о пропагандистской борьбе этого времени см. также *Podlecki.* Op. cit. P. 140 f.; *Ferrarese P.* Caratteri della tradizione atripericlea nella «Vita di Pericle» di Plutarco // CISA. 1975. 3. P. 21–30; *Lavelle.* Op. cit. P. 130–131.

[110] Так с полным основанием считают: *Stroud R.S.* Drakon's Law on Homicide. Berkeley, 1968. P. 70–74; *Littman.* Op. cit. P. 59; ср. *Badian.* Op. cit. P. 153 (где с наибольшей ясностью прослежена связь между двумя событиями).

[111] *Thuc.* I. 126–127; *Plut.* Per. 33; ср. *Aristoph.* Equ. 442 sqq.

В антиковедении существует тенденция недооценивать роль этого требования, сводить его к обычному пропагандистскому маневру, к тому же совершенно не достигшему цели[112]. Впрочем, есть и попытки отнестись к инциденту более внимательно. Так, по замечанию Э. Берна, спартанцы, помимо обычного выбора религиозного casus belli, еще и направляли свой удар персонально против Перикла, стремясь подорвать доверие к нему[113]. На это указывают также Л. Пирсон, Дж. Уильямс, Л. Омо, Ф. Шахермайр, Ф. Эдкок и Д. Мосли, Д. Джиллис, Ч. Форнара и Л. Сэмонс[114]. По мнению М. Нильсона, спартанское требование показало влияние Дельфов и живучесть представлений о родовом проклятии[115]. На последнее обстоятельство обращают внимание также А.И. Доватур, Р. Паркер, У. Эллис[116]. Как отметил Г. Бенгтсон, данное требование свидетельствует о важной роли общественного мнения в рассматриваемую эпоху[117]. Л. Пранди, Д. Кэген находят прямую связь между спартанским ультиматумом и пошатнувшимся внутренним положением Перикла[118].

Требование Спарты «изгнать скверну» было возможно при следующих двух предпосылках. Во-первых, Перикл должен был восприниматься (во всяком случае, его противниками) как один из Алкмеонидов. Во-вторых, память о скверне двухсотлетней давности была еще достаточно жива, чобы если и не привести к удовлетворению ультиматума, то, во всяком случае, «получить наилучший повод к войне» и заронить в сознание афинян подозрения в отношении Перикла (Thuc. I. 126. 1; 127. 2). Весьма вероятно, что спартанцы переняли лозунг «изгнания скверны» у афинских противников Перикла. Безусловно, они не рассчитывали на его немедленное изгнание. Их планы были более реалистичными, но также далеко идущими: дискредитировать афинского лидера, добиться подрыва его авторитета. На первых порах это не удалось: афиняне (очевидно, по инициативе самого Перикла) отпарировали ответным требованием к спартанцам – очиститься от «собственных» скверн (Thuc. I. 128).

Однако первые годы Полепоннесской войны изменили ситуацию. Особую роль сыграла разразившаяся в Афинах эпидемия – «чума» (λοιμός), по определению Фукидида (II. 54. 3). Афиняне скоро связали болезнь со своим лидером, причем на двух уровнях. С одной стороны, осознавалось, что эпидемия и ее размах стали во многом следствием избранной Периклом оборонительной тактики с эвакуацией сельского населения в город, вызвавшей перенаселение Афин и антисанитарные бытовые условия (ср. Thuc. II. 17). С другой стороны, на уровне религиозных представлений чума, неизменно ассоциировавшаяся со скверной, была расценена значительной частью населения как кара богов за родовое проклятие Алкмеонидов. В сочетании с обвинениями против Перикла как представителя этого рода, со спартанским уль-

---

[112] Ср., например, *Nesselhauf H.* Die diplomatischen Verhandlungen vor dem Peloponnesischen Kriege // Hermes. 1934. Bd 69. Ht 3. S. 294; *De Sanctis.* Op. cit. P. 239–240; *Bowra C.M.* Periclean Athens. N.Y., 1971. P. 245; *Ste Croix G.E.M. de.* The Origins of the Peloponnesian War. Ithaca, 1972. P. 322; *Sealey R.* The Causes of the Peloponnesian War // ClPh. 1975. 70. 2. P. 108; *Lévy E.* Athènes devant la défaite de 404. P., 1976. P. 53; *Rhodes P.J.* Thucydides on the Causes of the Peloponnesian War // Hermes. 1987. Bd 115. Ht 2. S. 154–165.

[113] *Burn.* Op. cit. P. 200 f.

[114] *Pearson L.* Propaganda in the Archidamian War // ClPh. 1936. 31. 1. P. 43–45; *Williams G.W.* Op. cit.; *Homo.* Op. cit. P. 309; *Schachermeyr.* Religionspolitik... S. 71; *Adcock F., Mosley D.J.* Diplomacy in Ancient Greece. N.Y., 1975. P. 141; *Gillis D.* Collaboration with the Persians. Wiesbaden, 1979. P. 52; *Fornara, Samons.* Op. cit. P. 1–2.

[115] *Nilsson.* Geschichte... Bd 1. S. 640.

[116] *Доватур А.И.* Феогнид и его время. Л., 1989. С. 103–105; *Parker R.* Miasma: Pollution and Purification in Early Greek Religion. Oxf., 1985. P. 183 f.; *Ellis.* Op. cit. P. 3.

[117] *Bengtson H.* The Greeks and the Persians from the Sixth to the Fourth Centuries. L., 1969. P. 160; ср. *idem.* Griechische Staatsmänner des 5. und 4. Jahrhunderts v. Chr. München. 1983. S. 136.

[118] *Prandi L.* I processi contro Fidia, Aspasia, Anassagora e l'opposizione a Pericle // Aevum. 1977. 51. 1/2. P. 10–26; *Kagan D.* The Outbreak of the Peloponnesian War. Ithaca–London, 1981. P. 316 ff. Вопрос подробно разобран Э. Бадианом (Op. cit. P. 152 ff.), принимающим в расчет все вышеуказанные обстоятельства и даже пытающимся спрогнозировать ход событий в случае удовлетворения спартанского требования. Специально трактующая вопрос статья Г. Шмидта (см. прим. 1) довольно поверхностна.

тиматумом 432 г., наконец, с однозначно антиафинской позицией Дельфов – все это повело к новой и наиболее серьезной атаке на Перикла[119].

«Первый гражданин» и фактический командующий вооруженными силами, стремительно впав в немилость, был досрочно отстранен от должности стратега. Судя по всему, именно в этот период состоялся и судебный процесс против Перикла по обвинению в финансовых злоупотреблениях (Thuc. II. 65. 3; Plut. Per. 32. 35). Характерно, что его противники постарались придать суду сакральный характер: было выдвинуто предложение (впрочем, не прошедшее), чтобы процесс проходил на Акрополе и судьи брали камешки для голосования с алтаря Афины, оскверненного в свое время Алкмеонидами[120].

Высказывалось предположение, что тогда же, в начале Пелопоннесской войны, при посредничестве Никия было организовано очищение Аттики с помощью привезенных с Крита святынь, связанных с Эпименидом[121]. Такая акция, если она действительно имела место, также должна была вызывать однозначную ассоциацию с проклятием Алкмеонидов: в начале VI в. до н.э. именно Эпименид очистил Афины от Килоновой скверны. Интересно, что к Никию был близок Диопиф (Schol. Aristoph. Equ. 1085) – прорицатель, начавший в конце 430-х годов кампанию нападок на кружок Перикла, внесший псефизму против «безбожников», ἀπερειδόμενος εἰς Περικλέα δὶ Ἀναξαγόρου τὴν ὑπόνοιαν (Plut. Per. 32). Диопиф является также, судя по всему, соперником и врагом Лампона (Aristoph. Av. 988 cum schol.). Близок к Никию в эти годы был и Софокл (Plut. Nic. 15), о позиции которого будет сказано ниже. Возможно, в то же время, в тех же очистительных целях на Акрополе была поставлена статуя Килона, которую еще во II в. н.э. видел Павсаний (I. 28. 1)[122].

Около 429 г. до н.э. была поставлена трагедия Софокла «Эдип-царь»[123]. Творчеству Софокла, как и Эсхила, отнюдь не были чужды аллюзии на конкретные политические события, в той или иной мере проявлявшиеся в отдельных его драмах[124]. Не следует забывать и того, что сам драматург был активным политиком – занимал должность эллинотамия, дважды был стратегом (о второй стратегии Софокла см. Plut. Nic. 41; Anonym. Vita Sophocl. 9), уже в преклонных годах входил в состав коллегии пробулов (Arist. Rhet. 1419a25)[125]. Вполне резонной поэтому представляется попытка обнаружить в «Эдипе» отклик на общеизвестные перипетии времени, в которое он был поставлен.

Софокл пошел по тому же пути, что и Эсхил в «Эвменидах»[126], уже в первых строках драмы задавая контекст, вызывающий вполне определенные ассоциации. Описание чумы в Фивах (Oed. Rex 1–30) является очевидной параллелью к афинской эпидемии; в этих условиях Эдип в сознании зрителей должен был отождествляться с Периклом. Это отождествление затем подкрепляется обращением жреца к Эдипу (Oed. Rex 33): ἀνδρῶν πρῶτος; ср. πρῶτος ἀνήρ – так античные авторы (например, Thuc. I. 139. 4) обычно характеризуют положение Перикла в Афинах. Связь чумы с родовым прокля-

---

[119] *Алексеев А.Н.* О так называемой чуме в Афинах // ВДИ. 1966. № 3. С. 141 сл.; *Pearson.* Propaganda... P. 44; *Delcourt.* Op. cit. P. 241–242; *Ehrenberg.* Sophocles and Pericles... P. 150; *Allison J.W.* Pericles' Policy and the Plague // Historia. 1983. 32. 1. S. 14–23; *Schwartz J.D.* Human Action and Political Action in Oedipus Tyrannos // Greek Tragedy and Political Theory. Berkeley, 1986. P. 196; *Giuliani A.* Atene e l'oracolo delfico // CISA. 1993. 19. P. 90; *Badian.* Op. cit. P. 153.

[120] Ср. *Корзун.* Ук. соч. С. 68–69; *Mansfeld.* Op. cit. P. 47–51.

[121] *Huxley G.* Nikias, Crete and the Plague // GRBS. 1969. 10. 2. P. 235–239; *Schmidt.* Op. cit. P. 19. Возражения см. *Connor.* Op. cit. P. 161.

[122] *Stroud.* Op. cit. P. 72.

[123] Датировку см. *Whitman C.H.* Sophocles. Cambr. Mass., 1951. P. 55.

[124] См. *Fuscagni S.* Sacrilegio e tradimento nell' Atene del V secolo // CISA. 1981. 7. P. 66; *Vickers M.* Alcibiades on Stage: Philoctetes and Cyclops // Historia. 1987. 36. 2. S. 171–197.

[125] Отметим, что все должности, занимавшиеся Софоклом, замещались на выборной основе, а не по жребию.

[126] См. *Суриков.* Афинский ареопаг... С. 38.

тием Эдипа рождает аллюзию на скверну Алкмеонидов и Перикла даже у исследователей XX в.[127]

В дальнейшем цепь ассоциаций продолжается. Эдип в изображении Софокла предстает просвещенным правителем, рационалистически подходящим к религиозным вопросам (Oed. Rex 387 sqq., 964 sqq.), в частности, неоднократно высказывающим сомнение в правоте вещаний дельфийского оракула. Кстати, само введение дельфийской темы напоминает о роли и позиции Дельфов в начале Пелопоннесской войны. Во многих чертах интеллектуально одаренной, рассудительной, красноречивой Иокасты видится Аспасия. Финал драмы – крушение всех планов и надежд Эдипа, его вынужденное признание правоты оракула (Oed. Rex 1182) – вызывает в памяти тяжелую предсмертную болезнь Перикла, кончину его детей, опалу, духовный кризис в конце жизни[128].

На лексическом уровне слова ἄγος, ἐλαύνειν и производные от них, исключительно часто употребляемые Софоклом в отношении Эдипа[129], вполне могут быть реминисценцией требования спартанцев в 432 г. до н.э. (Thuc. I. 126. 2) – τὸ ἄγος ἐλαύνειν (имеются в виду Алкмеониды и Перикл). Ученый-филолог прошлого века Дж. Магаффи даже отрицал датировку Эдипа-царя первыми годами Пелопоннесской войны, считая, что в таком случае это была бы проспартанская, антиафинская и антиперикловская пьеса[130]. Действительно, такая направленность выглядит достаточно странно, если считать Софокла человеком из кружка Перикла.

Однако В. Эренберг в упоминавшейся книге «Софокл и Перикл» убедительно показал, что Перикл и Софокл были представителями противоположных мировоззрений. По политическим убеждениям Софокл, кажется, был приверженцем «правления лучших», не исключено, что и лаконофилом; об этом говорят и его близость к Кимону, и его участие в коллегии пробулов и установлении олигархии Четырехсот. В религиозной же области для Софокла характерна недвусмысленно продельфийская ориентация. Несмотря на прямую враждебность к Афинам со стороны Дельфов, в обстановке распространившегося в среде афинян скептицизма и индифферентности по отношению к прорицаниям и мантике вообще (Thuc. II. 17. 1; 103. 2; VIII. 1. 1) драматург занял позицию полного приятия и почтения к оракулу Аполлона. В трех из четырех дошедших до нас его трагедий периода Пелопоннесской войны («Эдип-царь», «Электра», «Эдип в Колоне») важнейшую роль играют именно дельфийские прорицания. Ф.Ф. Зелинский относил к продельфийским также дошедшие во фрагментах трагедии Софокла «Гермиона» и «Креуса»[131]. В этих условиях позиция поэта поневоле становилась не только религиозной, но и политической. В свете вышесказанного не кажется столь необычной направленность анализируемых аллюзий в Эдипе-царе. Направленность эта явно не в пользу Перикла.

Характерно, что, как только Перикл лишился сыновей и заболел сам, афиняне не только полностью простили его, вновь избрав стратегом (Thuc. II. 65. 4), но и оказали редкую милость, внеся в списки граждан его незаконнорожденного сына вопреки закону, предложенному ранее самим же Периклом (Plut. Per. 37). По словам Плутарха, афинские граждане сочли, «что постигшее его несчастие есть кара разгневанного

---

[127] *Wilamowitz-Moellendorff U. von.* Der Glaube der Hellenen. 3 Aufl. Bd. 1. Basel-Stuttgart, 1959. S. 293; *Vernant J.-P., Vidal-Naquet P.* Myth et tragédie en Grèce ancienne. T. I. P., 1981. P. 117 suiv.

[128] Наличие «перикловских» аллюзий в «Эдипе-царе» признается в работах: *Macurdy G.H.* References to Thucydides, Son of Melesias, and to Pericles in Sophocles OT 863–910 // ClPh. 1942. 37. 3. P. 307–310; *Whitman.* Op. cit. P. 135 f.; *Ehrenberg.* Sophocles and Pericles... P. 114–116, 150; *Schachermeyr F.* Sophokles und die perikleische Politik // Perikles und seine Zeit... S. 359–378; *Kagan.* Pericles of Athens... P. 249–256; *Fornara, Samons.* Op. cit. P. 2; *Giuliani.* Op. cit. P. 90–92. Возражения см. *Delcourt M.* Stérilités mystérieuses et naissances maléfiques dans l'antiquité classique. P., 1938. P. 16–22; *Dodds E.R.* The Ancient Concept of Progress and Other Essays on Greek Literature and Belief. Oxf., 1985. P. 69–75; *Redfield J.* Drama and Community // Nothing to Do with Dionysos? Athenian Drama in its Social Context. Princeton, 1990. P. 325.

[129] *Soph.* Oed. Rex 28, 98, 100, 255, 263, 402, 418, 656, 805, 921, 1261, 1426.

[130] *Магаффи Дж.* История классического периода греческой литературы. Т. 1. М., 1882. С. 272.

[131] *Zieliński Th.* L'évolution religieuse d'Euripide // REG. 1923. 36. P. 459–479.

божества» (перевод С.И. Соболевского). Видимо, выработалось мнение, что Перикл, претерпев удары судьбы, искупил проклятие рода. Возможно, именно по этой причине вопрос о скверне Алкмеонидов, насколько можно судить, после Перикла больше никогда не вставал в открытой форме. Даже Алкивиаду не предъявлялись обвинения подобного рода, в том числе и такими ярыми его врагами, как Лисий или Псевдо-Андокид[132].

В общем и целом противникам Перикла (как внешним, так и внутренним) удалось добиться своего. Измученный преследованиями и болезнью, в последнюю пору своей жизни «афинский олимпиец» переживал тяжелый душевный кризис (Plut. Per. 36; 38)[133]. Бремя родового проклятия Алкмеонидов всей своей тяжестью легло на политика, который приложил в течение своей карьеры максимум усилий, чтобы от него избавиться.

PERICLES AND THE ALCMAEONIDAE

I.E. Surikov

Was Pericles an aristocratic politician typical of early classical Athens whose policies reflected interests of his family, his *genos*, or an impartial statesman guided exclusively by the Athenians' good? To what extent did his Alcmaeonid origin influence his activities? Were his ties with that *genos* apparent in his life, and, if so, how, when, and under what circumstances? An answer to these questions may well lie in the sphere of chronology.

From the very beginning of Pericles career two tendencies combined and competed in his political behaviour. He sought both to lean upon the Alcmaeonidae for support, to use their extensive connections, and to move away from the "accursed" family, to minimize his dependence on it. Since any political activity in Athens of the first half of the Vth century B.C. was conditioned by kinsmen's backing, the former trend in Pericles' policies prevailed entirely during his early career (till mid 440s B.C.). Pericles (half, if not 3/4, an Alcmaeonid, although formally a member of the Buzygae *genos*) started as an Alcmaeonid politician using methods characteristic of this family. First of all he strengthened matrimonial links inside and outside the *genos*.

After Pericles' complete victory over his rivals that occurred about mid 440s the statesman won an exceptional place within the *polis*. Since than he had had no need in a considerable backing by a family or a party and could act as the spokesman of the whole *demos*. Under such circumstances the latter trend in his policies soon triumphed over the former one. Pericles' move away from the Alcmaeonidae was manifest in a number of his steps. In 445 or so he divorced his first wife (his cousin, an Alcmaeonid, whose name is unknown) and married Aspasia who was a non-Athenian. Pericles and Aspasia became the centre of a circle of intellectuals (most of them also non-Athenians) who had nothing to do with traditional Athenian *hetairiai*. Pericles renounced close contacts with his kinsmen and *philoi*. Some features of his home and foreign policy at that time are also contrary to the Alcmaeonid tradition (e.g. his attitude to the tyrant-slayers, or his anti-Delphian actions), But in his declining years the «Olympian of Athens» was destined to learn once again the burden of his ancestral curse.

[132] *Lévêque, Vidal-Naquet*. Op. cit. P. 117; *Schmidt*. Op. cit. P. 28; *Forrest*. Aristophanes... P. 240.
[133] Cp. *Burn*. Op. cit. P. 240.

© 1997 г.

Ж.-П. Гилембе

МИФИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ДОМОВ П. ВАЛЕРИЯ ПУБЛИКОЛЫ

Интерес к одному из отцов-основателей Римской республики Публию Валерию Публиколе (или Попликоле), которому приписывают, например, учреждение секулярных игр (Val. Max. 2. 4. 5) или распоряжение, «чтобы ликторы, которые шествовали перед консулами, каждый месяц переходили от одного из них к другому» (Cic. Rep. II. 31), заметно оживился в последние годы. Этому немало способствовала находка голландскими археологами в 1977 г. надписи из Сатрика: какими бы ни были вопросы детальной интерпретации, которые ставит этот эпиграфический документ, он теперь рассматривается огромным большинством ученого мира как гарантия исторической реальности в конце VI в. до н.э. персонажа по имени «Публий Валерий»[1]. Разумеется, это наглядное подтвержение вовсе не означает, что все приписываемые Публиколе дела и поступки должны отныне считаться твердо установленными фактами[2], но, несомненно, привлекает внимание к связанным с ними данным традиции.

Однако исторический анализ этой основополагающей фигуры, которая для многих исследователей обрела таким образом историческую глубину, каковой ее лишал гиперкритицизм, не входит ни в нашу компетенцию, ни в нашу задачу. Также нет у нас и намерения рассматривать во всей полноте и сложности, в той мере, насколько это позволяют сделать косвенные и фрагментарные данные источников, «мифическую модель»[3], каковую все еще представлял собой этот персонаж в ходе последних десятилетий Римской республики. Здесь мы хотели бы только подвергнуть анализу образы и слова, которыми пользовались римские господствующие классы того времени, перерабатывая их и при случае придумывая, в том, что касалось городских домов этого знаменитого персонажа, консула суффекта первого года Республики. Уже этим сказано, до какой степени данное сообщение относится к изучению представлений, а не истории архаического периода, к анализу ментальностей, а не реалий.

Поскольку нам довелось исследовать поведение и предпочтения римских сенаторов последних десятилетий Римской республики в сфере городского жилища[4], представ-

---

[1] См. публикацию: *Stibbe C.M. et alii. Lapis Satricanus.* Archaeological, epigraphical and historical Aspects of the new Inscription from Satricum (Arch. Stud. van het Ned. Inst. te Rome. Scripta minora, 5). s'Gravenhage, 1980. Из последующих, уже бесчисленных, исследований отметим: *Coarelli F.* Il Foro romano. I. Periodo arcaico. Roma, 1983. P. 56–63; *idem.* Roma sepolta. Roma, 1984. P. 79–83; *idem.* Note sui *Ludi saeculares* // Spectacles sportifs et scéniques dans le monde étrusco-italique. Actes de la table ronde de Rome 3–4. V. 1991 (Coll. EFR 172). Rome, 1993. P. 211–245, особенно 221–227; *La Rocca E.* La riva a mezzaluna. Roma, 1984. P. 12–20. Из самых последних см. *Arcella L.* L'iscrizione di Satrico e il mito di Publio Valerio // SMSR. 1992. 58. P. 219–247, более критическое, хорошо документированное исследование с новейшей библиографией. О политической интерпретации упоминаемых ниже фактов, но в рамках истории начала Республики, см. одну из последних работ, в которой приводятся ссылки на предыдущие: *Cels-Saint-Hilaire J.* L'enjeu des «sécessions de la plèbe» et le jeu des familles // MEFRA. 1990. 102. 2. P. 723–765, особенно 752–757, с картой (p. 749).

[2] Ср. *Martin P.M.* L'idée de royauté à Rome, des origines au Principat augustéen. I. De la Rome royale au consensus républicain. Clermont-Ferrand, 1982. P. 315 (диссертация).

[3] Несомненно, именно это понятие лучше, чем «политический миф», подходит для обозначения представлений, которыми обросла фигура Публиколы; о предлагаемых определениях см. *Girardet R.* Mythes et mythologies politiques. P., 1986 или Mythes et politique / Éd. par C.O. Carbonell. Toulouse, 1991.

[4] В докторской диссертации, написанной в Университете Прованса под руководством профессора П. Гро и защищенной в феврале 1995 г. Это исследование будет опубликовано в серии BEFAR под названием «*Habitavi in oculis* (Cic. *Planc. 66*). Recherches sur les résidences urbaines des sénateurs romains des Gracques à Auguste: la maison dans la Ville».

ляется, что действительно в сюжетах, передаваемых традицией относительно домов (domus) Публиколы, отражаются и превосходно кристаллизуются политические цели размещения жилища сенатора в городе Риме. Оставляя пока в стороне их богатство и разнообразие, рассматриваемые эпизоды можно резюмировать следующим образом: заподозренный в претензиях на царскую власть (после наступления libertas), Публикола будто бы сам разрушил свое жилище на вершине одного из римских холмов прежде, чем получил от римского народа участок для постройки дома внизу.

Детальный разбор данных литературной традиции, сообщающих об этих различных моментах, заслуживает нового рассмотрения[5], с тем чтобы иметь основания показать затем, во второй части статьи, то, каким образом каждый из существенно важных аспектов повествования оказывался в последующие века римской истории в центре полемики или политической пропаганды[6].

Источники, хорошо известные и легко доступные, не нуждаются во всеобъемлющем цитировании, и достаточно напомнить ссылки:

– о разрушении и переносе дома: Cic. Rep. II. 31. 53; Liv. II. 7; Dionys. V. 19; Val. Max. 4. 1. 1; Plut. Publ. 10. 2–3 et Quaest. rom 91 (285 F); Flor. I. 3; [Aur. Vict.] De vir. illustr. 15; Serv. ad Aen. IV. 410;

– о предоставлении участка общественной земли для постройки нового дома: Cic. De Harusp. resp. 16; Varro et Hyg. ap. Ascon. In Pis. 52 (Clark, p. 13); Plin. NH. 36. 112; Plut. Publ. 10. 6[7].

Первый дом на вершине Велии и две версии относительно его переноса. Источники прежде всего настаивают на резком осуждении римлянами первого дома Валерия в то время, когда тот после смерти Брута остался единственным консулом (этот дом авторы помещают на Велии[8], за единственным исключением: Сервий указывает более

---

[5] Все же более пристальное изучение различных традиций мы позволим себе отложить до последующего исследования: едва ли разумно предпринимать Quellenforschung по столь ограниченной теме, как городское жилище.

[6] Из последних работ см. *Coarelli F.* Domus: P. Valerius Publicola // Lexicon Topographicum Urbis Romae (=LTUR) / Ed. E.M. Steinby. Roma. V. 2. P. 209–210. В общем виде история Публиколы недавно излагалась в работах: *Edwards C.* The Politics of Immorality in Ancient Rome. Cambr., 1993. P. 156 f.; *Mustakallio K.* Death and Disgrace. Capital Penalties with *Post Mortem* Sanctions in Early Roman Historiography (Annales Academiae Scientiarum Fennicae. D.H.L. 72). Helsinki, 1994. P. 28 f. Подробный перечень отрывков Плутарховой биографии Публиколы, свидетельствующих о переосмыслении его действий в свете политической борьбы II–I вв. до н. э. приводится в статье *Affortunati M., Scardigli B.* Aspects of Plutarch's Life of Publicola // Plutarch and the Historical Tradition / Ed. P.A. Stadter. L.– N.Y., 1992. P. 109–131, особенно 114.

[7] См. *Lugli G.* Fontes ad topographiam veteris Urbis Romae pertinentes. V. III. Lib. XI. Roma, 1955. P. 315 sq. Источники жизнеописания Публиколы у Плутарха, который дает самое подробное изложение этих эпизодов, к сожалению, известны недостаточно, отчасти из-за отсутствия ссылок у биографа: можно упомянуть Фенестеллу, Кальпурния Пизона, Дионисия Галикарнасского и, возможно, Тита Ливия, Валерия Антиата и Валерия Мессалу Корвина (см. *Flacelière R.* Plutarque. Vies. T. II. P., 1961. P. 52–55). Что касается «De viris illustribus», Л. Браччези в своем «Введении» не рассматривает источники этого отрывка (*Braccesi L.* Introduzione al *De viris illustribus*. Bologna, 1973). Необходимо сразу же упомянуть о колебаниях, с которыми преномен и номен нашего персонажа передаются в рукописях или у разных авторов, с тем чтобы указать, что в дальнейшем эти разночтения учитываться не будут.

[8] О Велии, кроме топографических словарей (*Platner S., Ashby T.* A Topographical Dictionary of Ancient Rome. L.-Oxf., 1929. P. 550; *Richardson L.* A New Topographical Dictionary of Ancient Rome. Baltimore – London, 1992. P. 407 f.), см. *Quilici L.* Scomparsa di un colle dalla faccia di Roma // A Viva. 1982. 1. 3. P. 62–71; *Dubourdieu A.* Les origines et le développement du culte des Pénates (Coll. EFR 118). Rome, 1989. P. 392 suiv.; 441–445; *Carandini A.* // La Grande Roma dei Tarquini / a cura di M. Cristofani. Roma, 1990. P. 38 sg.; *Palombi D.* Tra Palatino ed Esquilino: Velia, Carinae, Fagutal. Storia urbana di tre quartieri di Roma antica. (INASA. Suppl). Roma, 1997; *Terrenato N.* Velia and Carinae. Some Observations of an Area of Archaic Rome // Papers of the Fourth Conference of Italian Archaeology. The Archaeology of Power. 2 / Ed. E. Herring, R. Whitehouse and J. Wilkins. L., 1992. P. 31–47. Последний автор предлагает признать в Велии укрепленный, но располагавшийся за пределами померия акрополь, связанный с первоначальным городом на Палатине. Совсем недавно М.А. Томеи (*Tomei M.A.* A proposito della Velia / MDAI(R). 1994. 101. P. 309–338, особенно 325–326) снова выдвинул предлагавшуюся некоторыми топографами XIX в. (P. Rosa, O. Gilbert) идею о локализации Велии в восточной части Палатина; по причинам, которые невозможно изложить здесь, это предположение не кажется нам допустимым.

широкую его локализацию – на Эсквилине, in Esquiliis). Такие упреки неразрывно связаны с данными традиции, относящимися к этому холму, который древние считали связанным с древнейшей историей Рима: Антистий Лабеон включает его в Септимонтий(Fest. 474 L), Варрон связывает его с Палатином и наделяет одним из Аргейских святилищ (LL. V. 54). К тому же считалось, что холм этот уже с царской эпохи занимали жилые постройки, в частности, как мы увидим, дворец царя Тулла Гостилия[9]. Это особое значение места оказывается в центре толков, окружающих здание и замыслы консула Валерия. Так, в речи, которую вкладывает в его уста Тит Ливий в момент, когда тот оправдывается перед народом, отчетливо проявляется противопоставление места и личности того, кто его занимает: «значит, основы вашего доверия столь непрочны, что для вас важнее знать, где я, нежели кто я»[10].

Топографическое расположение дома в общем обозначается настойчивым упоминанием о его размещении на вершине: «на вершине Велии» (Liv.: in summa Velia), «на самой высокой точке Велии» (Cic.: in excelsiore loco Veliae), «место, достойное порицания, на довольно высоком и обрывистом холме, нависшем над форумом» (Dionys.: ἐν ἐπιφθόνῳ τόπῳ... λόφον ὑπερκείμενον τῆς ἀγορᾶς ὑψηλὸν ἐπιεικῶς καὶ περίτομον...), «в самой высокой точке» (Val. Max.: excelsiore loco), «вход в него был тяжел и труден из-за крутизны» (Plut.: ...δυσπρόσοδον δὲ πελάσαι καὶ χαλεπὴν ἔξωθεν...), «его дом в господствующем положении» (Flor.: eminentis aedis suas), «очень высокий дом» (Serv.: domum... altissimam).

Внешний вид постройки соединялся с местоположением, делая из дома крепость и даже arx inexpugnabilis у Тита Ливия, который, как считается, передает здесь народную молву: «на этом высоком и весьма укрепленном месте (ibi alto atque munito loco) у него была бы неприступная крепость». Тот же мотив, естественно, обнаруживается как у Флора («по внешнему виду крепость», specie arcis), так и в «De viris illustribus» («в очень защищенном месте», tutissimo loco).

И здесь весьма умело вводится сравнение с arx по преимуществу – arx Capitolina: «да живи я хоть в самой крепости на Капитолии...» (ego, si in ipsa arce Capitolioque habitarem...), продолжается защитительная речь Валерия в изложении Тита Ливия. Очевидно, мы в праве заподозрить здесь анахронизм[11] в результате наложения более позднего эпизода – истории осужденного в 385/384 г. за стремление к царской власти и нарушение fides М. Манлия Капитолийского, который жил в крепости, блистательно спасенной им от галльской опасности несколькими годами раньше: дом героя, ставший очагом мятежа, был снесен[12]. Сопоставление неодобрения, которое навлек на себя Публикола, и санкции, наложенной на Манлия Капитолийского, к тому же ясно выражено у Плутарха, в 91-м «римском вопросе», где автор предлагает объяснять запрет патрициям жить на Капитолии не столько действиями второго, сколько более далекими воспоминаниями об угрозе, которую ощутили сограждане первого. В этом тексте, сосредоточившись на существе своего толкования, Плутарх, конечно, не уточняет местоположение жилища основателя Республики: он ограничивается более расплывчатым указанием на то, что «полагали, будто оно представляет собой угрозу для форума». Этот сугубо политический, не слишком военный подход к пониманию опасности, какую могло представлять расположение жилого дома, вновь обнаруживается в биографии Публиколы (10. 3), где греческий эрудит упоминает «дом, который нависал над форумом и взирал сверху на все, что там происходило. Вход в него был тяжел и труден из-за крутизны, так что когда он оттуда спускался, то создавалось впечатление

---

[9] In Veliis (*Varr.* De vita p.R. apud *Non.* 852 L); in Velia (*Solin.* I. 22); см. также ниже данные, содержащиеся у Цицерона. Однако некоторые авторы помещают тот же самый дворец на Целии (*Liv.* I. 30.1; *Dionys.* III. 1. 5).

[10] *Liv.* II. 7. 10: Adeone est fundata leviter fides ut ubi sim quam qui sim magis referat?

[11] Однако необходимо заметить, что, как считалось, уже царь сабинского происхождения Тит Таций жил на Arx: *Plut.* Rom. 20. 5; *Solin.* I. 18.

[12] О связи между тиранией и крепостью-цитаделью см., например: *Jaeger M.K.* Custodia Fidelis Memoriae: Livy's Story of M. Manlius Capitolinus // Latomus. 1993. 52. 2. P. 350–363.

царского по пышности выхода»[13]. Попутно заметим, до какой степени публичный образ domus связан в римской политической культуре с кортежами при входе и выходе, которые хозяин дома организует во время важных перемещений, особенно в решающие моменты своего cursus (выборная кампания; успех, одержанный на выборах или в суде; отправление магистратуры в сопровождении эскорта ликторов; окончание срока магистратуры...)[14].

Столь же примечательно и то, что именно «остаточный» царский характер самого места, в сочетании с тем, что Валерий не обзавелся новым коллегой по консульству взамен Брута, усиливало выдвинутое против консула обвинение в стремлении к возвращению монархии. Во всяком случае, согласно Цицерону (единственному автору, который при локализации aedis настаивает на этом), дом находился «на том самом месте, где раньше жил царь Тулл (Гостилий)» (eo ipso ubi rex Tullus habitaverat). Согласно традиции, этот правитель, пораженный гневом Юпитера за неверное исполнение обряда, погиб в огне при пожаре собственного дома[15]. Если допустить обоснованность замечания о тождественности места, позволительно даже задаться вопросом, не подразумевает ли оно, что Валерий таким образом пользовался на Велии участком общественной земли, который наряду с прочим царским имуществом был конфискован гражданской общиной[16].

Как бы там ни было, перед лицом таких подозрений и нападок Валерий проявляет инициативу, чтобы самому поменять расположение своего жилища, начав с его разрушения. Здесь в повествовании об этом решении проявляется расхождение между двумя разными прочтениями. С одной стороны, смягченный вариант, стремящийся приуменьшить пункты обвинения, – ему следуют Цицерон и Тит Ливий: строительство было едва начато[17], достаточно было перенести заготовленные материалы (materia). Совпадения и сходство между этими двумя авторами в этом пункте не случайны: систематический анализ, убедительно проведенный С. Боскерини, позволил этому ученому предложить Кальпурния Пизона в качестве общего источника Цицерона и Тита Ливия[18]. Другая традиция, напротив, упоминает о настоящем разрушении, более или менее зрелищном, настолько что Ф. Дюпон без колебаний говорит об «информационном ударе» (coup médiatique)[19]: «он разрушил свой дом» (aedes suas diruit: Val. Max.); «он спешно собрал множество рабочих и в ту же ночь приказал снести и полностью сровнять свой дом с землей» (...ἀλλα ταχὺ πολλούς συναγαγῶν τεχνίτας ἔτι νυκτὸς οὔσης κατέβαλε τὴν οἰκίαν καὶ κατέσκαψεν εἰς ἔδαφος πᾶσαν: Plut. Publ. 10. 5); «он послал людей разрушить свой дом» (immisit, qui domum suam diruerent: De vir. ill.); «он его снес» (eam complanavit: Serv.). Для полноты укажем, что вариант Дионисия Галикарнасского остается более расплывчатым: он дает основания полагать, что дом уже был готов (οἰκίαν...

---

[13] ...καὶ βασιλικὸν τῆς προπομπῆς τὸν ὄγκον. Напротив, из рассуждения Плутарха о величине и красоте дома нельзя выудить ничего определенного: писатель явно разукрашивает вышивкой канву рассказа (Publ. 10. 2; 5).

[14] Эта тема исследована в четвертой главе нашей диссертации.

[15] *Liv.* I. 31. 8; *Val. Max.* 9. 12. 1; [*Aur. Vict.*]. De vir. ill. 4; *Eutrop.* I. 4. Согласно Плинию (NH. 28. 14), источником этого рассказа был Пизон; может быть, Цицерон заимствовал у него эту деталь, которую остальные писатели не сохранили? Варрон уточняет кроме того, что отныне место бывшего царского дома занято храмом Пенатов (см. *Dubourdieu.* Op. cit. P. 399–419).

[16] Похожие вопросы были поставлены и в отношении места капитолийского жилища Манлия, о котором уже говорилось: см. *Giannelli G.* Il tempio di Giunone Moneta e la casa di M. Manlio Capitolino // BCAR. 1980–81 [1982]. 87. P. 7–36; *Grandazzi A.* Le roi et l'augure. A propos des *auguracula* de Rome // Caesarodunum. Suppl. 56. 1986. P. 122–153; *Ziolkowski A.* Between Geese and the Auguraculum: The Origin of the Cult of Juno on the Arx // CPh. 1993. 88. 3. P. 206–219.

[17] Цицерон: «...после того как он приступил к строительству...» (posteaquam... coepisset aedificare...); Тит Ливий: «он начал строить...» (aedificabat: имперфект глагола обозначает незавершенное действие в ходе его исполнения).

[18] *Boscherini S.* Una fonte annalistica su Valerio Publicola // *Boldrini S. et alii.* Gli storiografi latini tramandati in frammenti. Atti del Convegno, Urbino 9–11. V. 1974. StudUrb (B) (49.1). 1975. P. 141–150.

[19] *Dupont F.* La vie quotidienne du citoyen romain sous la République. P., 1989. P. 171–172.

κατεσκευάσατο), но после упоминает только о перемене места (μετατίθεται), без разрушения.

Во всех случаях этот поступок явным или неявным образом, в зависимости от источников, интерпретируется как исполнение наказания, которое, как считалось, сам Валерий наложил на постройки царей после подавления заговора, направленного на реставрацию их власти (Cic. Rep. I 62; Liv. II 5. 1–2; Dionys. V. 13. 2; Plut. Publ. 8. 1), и на сторонников возврата к монархии (Cic. Dom. 101–102; 114; Liv. II. 8. 2; Dionys. V. 19. 4; Plut. Publ. 12. 1). Доказывая таким образом свое безразличие к материальным благам и богатству, Валерий к тому же воплощает добродетель нового порядка Свободы, а участь, выпавшая на долю его жилища, придает его намерениям наглядности. В этом отношении версия Плутарха самая ясная, ибо у этого автора народ выдвигает упреки против дома, «который больше снесенного по его (т.е. Валерия) приказу царского жилища» (Publ. 10. 2: ἐξ οἰκίας τοσαύτης τὸ μέγεθος ὅσην οὐ καθείλε τὴν τοῦ βασιλέως), но и в речи у Тита Ливия Валерий сетует на то, что его низвели до уровня Аквилиев и Вителлиев, заговорщиков, известных тем, что они совершили попытку восстановления монархии. Напротив, дом консула должен быть вне подозрения, и его доблестное поведение по сути можно сравнить с поведением Брута, который бесстрастно участвует в осуждении своих собственных сыновей, замешанных в заговор, замышляемый против Республики (Liv. II. 5). Однако П.М. Мартэн, следуя внутренней логике повествования Ливия, справедливо замечает: «потрясающе двусмысленный поступок (...), наложить на себя самого наказание, предусмотренное за преступление, в котором заподозрен, – это любопытный способ доказать беспочвенность этого подозрения!»[20].

Таким образом, превращения domus вписываются в совокупность данных традиции, наделяющей одного из первых консулов отчетливо монархическими чертами. И все же обстоятельства разрушения и искоренения жилища, вызвавшего подозрения и навлекшего позор, недостаточны для определения идеального образа жилища «республиканского» правителя: они в лучшем случае всего лишь его предварительное условие. Зато более отчетливо этот образ проявляется в характерных чертах нового здания: «прежде слишком вызывающий за́мок», domus Публиколы становится «домом образцового гражданина», как пишет Ж. Гаже[21].

Новый дом: domus на участке общественной земли. Сам по себе выбор нового места уже в высшей степени символичен: «не только на ровное место, но к самому подножью холма перенесу я свой дом, чтобы жить вам выше меня, неблагонадежного гражданина», говорит у Тита Ливия консул, заботясь о том, чтобы обрести свою прежнюю популярность[22], прежде чем историк уточнит, что дом разместился «у подножья Велии» (infra Veliam) и «под самым склоном» (in infimo clivo). Это указание подкрепляется данными других древних авторов: sub Veliis у Варрона, «на равнине» (in plana) у Флора. Дионисий уточняет, что «он перенес свое жилище к подножью холма» (καὶ τὴν οἰκίαν ἀπὸ τοῦ λόφου μετατίθεται κάτω) и добавляет очень интересное замечание: «чтобы, как он сам сказал перед собранием народа, римляне могли бросать в него сверху камнями, если сочтут его виновным в какой-либо несправедливости». Валерий и его дом, таким образом, восстанавливают уровень гражданской справедливости и, кроме того, располагаются в пределах досягаемости для побития камнями – наказания, грозившего архаическому тирану[23]. Сверх того, и более определенным образом, этот перенос повторяет, переводя в сферу топографии,

---

[20] *Martin.* Op. cit. P. 318.

[21] *Gagé J.* Les chevaliers romains et les grains de Cérès au Ve siècle avant J.-C. A propos de l'épisode de Spurius Maelius // AESC. 1970. 25. 2. P. 288.

[22] *Liv.* II. 7. 11: deferam non in planum modo aedes, sed colli etiam subiciam, ut vos supra suspectum me civem habitetis.

[23] *Dionys.* V. 19. 2: ...ἵν' ἐξείη Ῥωμαίοις, ὡς αὐτὸς ἐκκλησιάζων ἔφη, βάλλειν αὐτὸν ἄνωθεν ἀπὸ τοῦ μετεώρου τοῖς λίθοις, ἐάν τι λάβωσιν ἀδικοῦντα. См. *Gras M.* Cité grecque et lapidation // Du châtiment dans la cité. Supplices corporels et peine de mort dans le monde antique (Coll. EFR 79). Rome, 1984. P. 84.

другой, не менее символический поступок, приписываемый Валерию и совершенный им, согласно разным источникам, незадолго до того или чуть позже: то, что он склонил перед народным собранием фасции – знаки власти, унаследованные от монархии[24]. Перемена места domus, таким образом, ясно вписывается в логику определения отношений, которые должны отныне устанавливаться между руководителями нового режима и массой гражданства.

Условия получения нового участка, уточняемые некоторыми авторами, целиком это подтверждают. Формы предоставления участка и статус этого второго дома (domus)[25] описываются недвусмысленным образом: земля, на которой возводится новое жилище, была предоставлена народом[26]. Интерес к этому вопросу снова привлекли соображения, недавно высказанные А. Мастрочинкве по поводу носимого Валерием cognomen[27]. По его мнению, поскольку древнейшим вариантом этого когномена было Publicola (а не Plebicola), прозвище это означает не «тот, кто заботится о народе, чтит народ (colere), друг народа...», но скорее «тот, кто проживает на общественной земле», в соответствии со способом словообразования, известным для таких существительных, как agricola, caelicola, canalicola, silvicola. В ту эпоху publicum не могло обозначать части народа, но лишь весь народ в целом, вооруженный народ, что исключает первое значение, на которое обычно ссылаются. По мнению исследователя, двойная традиция, связанная с погребением Публиколы на общественный счет и с тем, что двери его дома отворялись наружу и вход был обращен к общественному месту, а не вовнутрь, как то бывало обычно (об этих двух сюжетах см. ниже), подкрепляют эту интерпретацию. Кроме того, существование впоследствии на этом месте храма еще раз подтверждает общественный характер земельного участка. Это толкование в общих чертах было намечено Ж. Гаже, но в конце концов тот от него отказался[28]; с сильными сомнениями встретил его и Ж.-К. Ришар[29]. Сохраняя верность позиции, которую мы заявили в начале, отметим, что в нашу задачу сейчас не входит вступать в явно запутанную и изнурительную дискуссию: однако стоит подчеркнуть, что, насколько нам известно, в античных источниках эта соблазнительная этимология ни разу не выдвигалась и даже не упоминалась. Коннотации, которыми окружен когномен Publicola, заимствованный другими gentes и пользовавшийся определенной популярностью, в частности, во времена Августа, не обнаруживают прямой связи с идеей общественного жилища. Даже авторы, по личным причинам наиболее пристрастные, при упоминании Публиколы не прибегают к этимологической игре такого рода.

Среди таких авторов в первый ряд следует поставить Цицерона, который в 56 г. до н.э. напоминает о благодеяниях, полученных им от римского государства осенью предыдущего года во время возмещения и компенсации ему недвижимого имущества, разрушенного и захваченного его врагом П. Клодием в период трибуната последнего в 58 г. При этом он использует лестную для себя параллель с основателем Республики: «Если П. Валерий за свои огромные заслуги перед республикой получил дом на Велии

---

[24] Здесь снова, как тонко замечает С. Боскерини (Op. cit. P. 143. Not. 4), версия Цицерона смягчена (употреблением глагола demittere = «склонять» вместо submittere = «опускать»).

[25] См. *Lenaghan J.O.* A commentary on Cicero's Oratio *De haruspicum responsis*. The Hague, 1969. P. 102 (*ad loc.*), где автор комментария, допуская путаницу, полагает, что место, которое было получено, – это то, где находился первый дом, еще до обвинений в стремлении к монархии и осуществленного Валерием переноса.

[26] См. *Marshall B.A.* A Historical Commentary on Asconius. Columbia, 1985. P. 102–106.

[27] *Mastrocinque A.* Il cognomen Publicola // PP. 1984. XXXIX. 216. P. 217–220; *idem.* Lucio Giunio Bruto. Ricerche di storia, religione e diritto sulle origini della repubblica romana. Trente, 1988; особенно p. 101–103.

[28] *Gagé J.* La chute des Tarquins et les débuts de la République romaine. P., 1976. P. 79–80. Предлагая, в сослагательном наклонении, ту же самую этимологическую гипотезу, этот ученый отмечал, что другой Валерий, также получивший дом на общественной земле, ни брал, ни получал такой же cognomen. В конце концов Гаже предпочел видеть в нем «обиходный, разговорный дублет» magister populi (p. 87).

[29] В своей рецензии на книгу А. Мастрочинкве (REL. 1989. 67. P. 349) и затем в статье (*Richard J.C.* A propos du premier triomphe de Publicola // MEFRA. 1994. 106. 1. P. 407. Not. 13) Ж.-К. Ришар считает, что древнейшая форма – Poplicola, и приходит к выводу, что всякий раз как такое прозвище появляется – у Геллиев или Випстанов в Риме или у человека по имени C. Cartilius Poplicola в Остии, – это происходит «столь же мало понятным образом».

за государственный счет, то я удостоился восстановления моего дома на Палатине; он получил место, а я, сверх того, стены и кровлю; он должен был сам защищать его (дом) при помощи частного права; мой же от имени государства должны защищать все магистраты»[30]. Не возвращаясь к вопросу о локализации, по необходимости более неопределенной в этом отрывке из речи Цицерона в защиту его собственного дома[31], необходимо подчеркнуть, что консул 63 г. до н.э. строго различает земельный участок и строение, а в своей речи против Пизона летом 55 г. до н.э. он еще раз настаивает на этом[32].

То, что гражданская община предоставила лишь земельный участок, подтверждается всеми другими источниками, кроме одного. Плиний употребляет слово area, обозначающее участок земли; Варрон (которого цитирует Юлий Гигин в ссылке, приведенной у Аскония) указывает на «дарение государством места под дом» (aedium publice locum – текст, полученный после внесения совершенно логичного исправления в рукописное чтение); Тит Ливий не упоминает о дарении участка, но указывает, что Валерий использовал свои собственные строительные материалы, что иным образом выражает частный характер постройки. И только Плутарх[33] позволяет предположить, что народ взял на себя также и строительство: «в самом деле, Валерия приютили друзья, до тех пор, пока народ не отвел ему место и не выстроил ему дом скромнее прежнего» (...τόπον ἔδωκεν ὁ δῆμος αὐτῷ καὶ κατεσκεύασεν οἰκίαν ἐκείνης μετριωτέραν...: Publ. 10. 6). Следовательно, представляется разумным принять более общепринятую версию, рискуя высказать предположение, что сообщение, упоминаемое греческим биографом, обязано своим происхождением либо его собственной неточности, либо замечанию Валерия Антиата, который был не прочь еще более приукрасить память о Публиколе.

Изложение сведений относительно второго дома иногда завершается замечанием относительно использования места, на котором тот стоял, на протяжении последующих столетий. Эти сообщения пытались увязать с характером выделенной под дом земли. Тит Ливий, который на характере земельного участка внимание не акцентирует, указывает при этом, что дом расположен «на месте, где ныне (nunc) находится храм Вики Поты». Р.М. Огилви[34] так комментирует это замечание: «Тит Ливий не имеет в виду, что храм заменил собой дом Валериев; он сохранился, тогда как дом исчез». Конечно, храм мог служить только ориентиром в городском пространстве, но ничто не мешает, как нам кажется, думать о преемственности существования дома и

---

[30] *Cic.* De har. resp. 16: P. Valerio pro maximis in rem publicam beneficiis data domus est in Velia publice, at mihi in Palatio restituta; illi locus, at mihi etiam parietes atque tectum; illi quam ipse privato iure tueretur, mihi quam publice magistratus omnes defenderent. Замечание Л. Ричардсона (Op. cit. P. 140) по поводу дома Публиколы («Цицерон в Har. resp. 16 говорит, что сам дом был подарен государством, но, должно быть, он в этом ошибается»), не слишком понятно.

[31] Впрочем, выражение «in Velia publice» получено в результате исправления к чтению рукописей, в которых стоит villa publica либо ulla publica. Вопреки мнению Л. Ричардсона (Op. cit. P. 140), эта формулировка не «ошибочна»: в латинском словоупотреблении такая формула (in + название холма) обнимает собой и сам холм, и его подножье.

[32] *Cic.* In Pis. 52: «понтифики, консулы, сенаторы водворили меня на место и в мою пользу (чего ранее не делалось ни для кого) постановили, чтобы мне выстроили дом на средства государства» (...mihique, quod ante me nemini, pecunia publica aedificandam domum censuerunt).

[33] Однако именно эта версия Плутарха с легкостью принята большинством комментаторов: см., например, *Ogilvie R.M.* A Commentary on Livy. Books I–V. Oxf., 1965. P. 250, который пишет, что согласно Цицерону (De Har. resp. 16, цит. выше), Попликола получил дом in Velia при помощи сбора средств по общественной подписке; *Volkmann* // RE. II. R. 8. 1. Stuttgart, 1955. Sp. 182–183; *Dubourdieu.* Op. cit. P. 393; *Coarelli.* Il Foro romano. P. 82 (но ср. LTUR. II. P. 210) также считают, что дом был выстроен на общественный счет. Фраза Дионисия Галикарнасского (V. 39. 4: «Римляне проголосовали за триумф двум консулам вместе, а в качестве особенной награды постановили даровать одному из них, Валерию, место для постройки дома на лучшем месте Палатина, а также выделить средства на его строительство из государственной казны»), порой по ошибке связываемая с домом Публиколы (*Platner, Ashby.* Op. cit. P. 196; *Lugli.* Op. cit. P. 315–316. Not. 93) в действительности относится, вне всякого возможного сомнения, к дому его брата Валерия Максима.

[34] *Ogilvie.* Op. cit. P. 252.

святилища на одном и том же месте. Формулировка Плутарха до точности похожа: «на том месте, где теперь стоит храм, называемый святилищем Вики Поты»[35]. Варрон, цитируемый Асконием, использует похожую формулу, но называет святилище храмом Виктории, в чем нет никакого противоречия, учитывая характер Вики Поты в представлении эрудитов конца Республики[36]. Насколько необоснованной и маловероятной представляется высказанная недавно К. Мустакаллио[37] идея о связи учреждения этого культа с утверждением победы республики над царской властью, настолько же нетрудно выделять связи самого Валерия Публиколы или Валериев с тематикой победы. Так, в 504 г. до н.э. (согласно Плутарху), Публий был основателем секулярных игр, учрежденных, между прочим, pro victoria[38]. Впоследствии один из Валериев носил когномен Potitus, связанный с исходным кругом понятий Поты, что позволяет допустить предположение о гентильной связи с этим божеством[39]. Должны ли мы видеть в существовании храма скрытое подтверждение общественного статуса земельного участка? Дело не столь очевидно, каким кажется, ибо в данном случае, как и в других, известных для более поздних времен, история места никогда не излагается настолько детально, чтобы можно было бы определить точную правовую природу предоставления участка и причины возможных изменений в последующее время[40]. Напомним в связи с этим, что Ф. Коарелли предложил видеть новое жилище Валерия в остатках раскопанного Дж. Бони архаического дома, расположенного у Священной дороги возле храма Антонина и Фаустины, графическую реконструкцию которого ранее дал Э. Гьерстад: вместе с тем, как подчеркивает А. Циолковский, никаких следов храма Вики Поты[41] in situ найдено не было.

Теперь стоит ненадолго вернуться к мотиву предоставления места под строительство, чтобы отметить, что у разных авторов он представлен по-разному. Цицерон при этом употребляет весьма расплывчатую формулу («за его огромные заслуги перед Республикой»). Варрон определенно связывает его с законодательным предложением, сформулированным самим П. Валерием: значит можно предположить наличие lex Valeria de domo publica, о котором, однако, нигде больше не упоминается[42]. Что касается Плиния, то он выводит дарение из звания триумфатора; к этому нам еще придется вернуться. Только Плутарх, подчеркивая непостоянство толпы, нагружает исторический анекдот моралью; он прямо увязывает выделение земельного участка с добровольным разрушением первого дома на Велии и упоминает лишь один «триумфальный» дом – тот, что был предоставлен брату Публиколы. Итак, Плиний a fortiori оказывается единственным, кто наделяет дом Публиколы «славнейшим

---

[35] *Plut.* Publ. 10. 6: ...ὅπου νῦν ἱερόν ἐστιν Οὐίκας Πότας ὀνομαζόμενον.

[36] Ср. *Cic.* De leg. II. 28; об этом божестве см. *Weinstock St.* // RE. II. 8. 2. Stuttgart, 1958. Sp. 2014–2015; о святилище см. *Ziolkowski A.* The Temples of Mid-Republican Rome and their Historical and Topographical Context. Rome, 1992. P. 171–172, 129–131. Реконструированная этимология, согласно которой Вика Пота – «владычица народа (или городов)», (*Hoeing Ch.* // AJPh. 1903. 24. P. 323–326), не лишена аналогий с этимологией cognomen, носимого Валерием.

[37] *Mustakallio.* Op. cit. P. 29.

[38] *Richard.* A propos du premier triomphe... P. 421. Not. 62; по этому вопросу см. также цитированную выше статью Ф. Коарелли.

[39] *Gagé.* La chute des Tarquins. P. 103–104; *idem.* L'épreuve rituelle du «gradus» et les origines du culte de Mars Gradivus // Sodalitas. Scritti in onore di A. Guarino. I. Napoli, 1984. P. 21–38; особенно 30–33.

[40] Так, М. Торелли (Ostraka. 1992. I. 1. P. 273) предлагает иную интерпретацию, включая эту замену дома Публиколы местом культа триумфальной направленности в ряд свидетельств об использовании под культовые сооружения царских жилищ.

[41] *Gjerstad E.* Early Rome. IV. 2. Lund, 1966. P. 403–417; *Coarelli.* Il Foro romano. P. 79–82; *idem.* Roma sepolta. P. 57–59; *Ziolkowski.* Op. cit. P. 172. Строгие предостережения относительно достоверности этой реконструкции, успех которой был столь велик, что она послужила основой при изготовлении макетов к выставке «Великий Рим Тарквиниев» (сегодня хранятся в Риме, в Музее римской цивилизации), высказывались одновременно и по поводу строительных периодов, и в отношении формы самой постройки: см. *Melis F., Rathje A.* Considerazioni sullo studio dell' architettura domestica arcaica // Archeologia laziale. VI. Quad. AEI. 1984. 8. P. 387–389 (где авторы сообщают о подготовке более полного исследования).

[42] Ср. *Rotondi G.* Leges publicae populi Romani. Milano, 1912. P. 191.

отличием домов триумфаторов»[43], которое он выводит из дополнения к решению о выделении участка под строительство: высшим почетом было то, что двери дома отворялись на улицу. Путаница с домом Валерия Максима, брата Публиколы, здесь очевидна. Тот был награжден за общественный счет домом на Палатине, и, согласно Плутарху (Publ. 20. 3) и Дионисию Галикарнасскому (V. 39. 4), это жилище было единственным, пользовавшимся такой привилегией. Следовательно, сообщение Плиния должно быть отброшено.

Наконец, привлекают внимание обстоятельства и условия похорон и погребения Валерия: решение о похоронах принято голосованием народа, гражданская община берет на себя расходы, женщины надевают траур[44], для погребения Публиколы предоставлен участок, которым могут пользоваться также и его потомки[45]. Однако место погребения локализуется неподалеку от расположения дома: «совсем близко от форума, у подоножья Велии» (Dionys. V. 48. 3: σύνεγγυς τῆς ἀγορᾶς... ὑπὸ Οὐελίας), «внутри города, возле холма, называемого Велия» (Plut. Publ. 23. 5: ἐντὸς ἄστεος παρὰ τὴν καλουμένην Οὐελίαν)[46]. Совпадение в расположении обоих объектов не дело случая, но, напротив, подчеркивает экстраординарный характер оказанной почести.

Образ Валерия Публиколы и идеальные представления римских сенаторов о городском доме. Существует искушение поискать за картиной, организованной именно так, как та, чьи основные линии мы только что напомнили (в ней друг друга сменяют образ дома потенциального adfector regni и образ domus государственного деятеля, увенчанного почестями Республики), приметы определенного автора. Вообще считается, что решающая роль в придании связности и блеска традиции, окружающей предка gens Valeria, принадлежит Валерию Антиату; вполне возможно, что роль эту следовало бы несколько приуменьшить[47], например, отдавая предпочтение влиянию сочинений Кальпурния Пизона. При этом традиция оказалась бы зафиксированной уже в конце II в. до н.э., но следует признать, что отличить одного из этих двух историков от другого – дело тонкое и непростое[48].

Чтобы воссоздать целостность образа, который при исследовании одной темы поневоле растворяется, нужно также вспомнить о том, что Цицерон как в своих философских произведениях, так и в речах неизменно преуменьшает все сколько-нибудь

---

[43] *Plin.* NH. 36. 112: Hoc erat clarissimum insigne inter triumphales quoque domos.

[44] *Cic.* De leg. II. 23; *Liv.* II. 16. 7; *Dionys.* V. 48. 3; *Plut.* Publ. 23. 5; Quaest. rom. 79; [*Aur. Vict.*]. De vir. ill. 15. 6; *Eutrop.* I. 11. Публикола, таким образом, воплощает дорогие для mos maiorum добродетели бескорыстия и умеренности.

[45] Два элогия Валериев I в. до н.э., найденные позади базилики Максенция на улице Храма Мира, даже если они и были, возможно, перемещены, свидетельствуют о сохранении (или возобновлении в эпоху Августа?) присутствия gens Valeria на этом месте. Надпись на герме П. Валезия Попликолы занесена в CIL (VI. 1327) также с указанием «sub Velia». Б. Фришер (*Frischer B. Monumenta et Arae Honoris Virtutisque Causa:* Evidence of Memorials for Roman Civic Heroes // BCAR. 1982–83. 88. P. 51–86) поместил эти данные в рамки более широкого исследования алтарей, колонн и почетных надгробных памятников и обратил внимание на то, что источники не дают оснований думать, будто Валериев и в самом деле хоронили на этом месте.

[46] Если погребение вблизи общественного места – почесть, хорошо известная в греческом мире, то здесь вместе с Т. Моммзеном (CIL I^2. 1. P. 190) можно видеть еще один отзвук смутного воспоминания о первоначальном погребении покойников прямо в доме, которое сохранялось у римлян (ср. *Serv.* ad Aen. V. 64; VI. 152).

[47] Влияние Антиата на Цицерона отрицает, например, С. Боскерини (Op. cit. P. 146). Зато представляется очевидным, что ему можно безоговорочно приписать распространение традиции на других Валериев: это ясно в случае с домом М. Валерия Максима по Асконию (см. также *Ogilvie.* Op. cit. P. 14). Возможно, в своем труде он стремился прославить gens как семью «популяров» по контрасту, в частности, с Клавдиями. Однако остается открытым вопрос о датировке произведений Валерия Антиата, в частности о том, писал ли он раньше Варрона: о расхождении взглядов по этому вопросу см. *Ogilvie.* Op. cit. P. 13; *Cloud J.D.* The Date of Valerius Antias // LCM. 1977. 2. P. 225–227; *Wiseman T.P.* Clio's Cosmetics. Three Studies in Greco-Roman Literature. Leicester, 1979. P. 117–135.

[48] *Musti D.* Tendenze nella storiografia romana e greca su Roma arcaica. Studi su Livio e Dionigi d'Alicarnasso (QUUC, 10). Roma, 1970. P. 148.

неприятные стороны «тиранической» традиции ради того, чтобы найти в Валерии Публиколе первый пример, который сам он, как считает, превзошел по масштабу почестей, полученных от гражданской общины. Образ слуги Республики при этом остается незапятнанным: Публикола воплощает правильно занятую позицию, которая сохраняет авторитет магистрата, полностью оберегая при этом и интересы народа; итак, он оказывается очищен от «популярских» (populares) коннотаций и включается в концепцию роли правителя, присущую «оптиматам». Если расширить рамки исследования и рассматривать все творчество Цицерона, не ограничиваясь ни отрывками, относящимися к domus, ни речами, в наибольшей степени подверженными исторической деформации, то это впечатление целиком и полностью подтвердится[49]. Публикола предстает основоположником общественной свободы (Flacc. II. 25). Во II книге «Академических трактатов» (Lucul. V. 13) он – один из образцов, на которых останавливается выбор мятежных граждан, имеющих обыкновение превозносить некоторых из знаменитых деятелей прошлого за то, что те были «популярами», для того чтобы самим казаться на них похожими[50].

Последнее утверждение естественным образом побуждает к попытке определить, поведение кого из политиков могло бы соответствовать в той сфере, которая нас здесь интересует, поведению, приписываемому Публиколе. Если и не представляется возможным привести примеры собственноручного разрушения domus[51], то читателю «Параллельных жизнеописаний» Плутарха при мысли об отказе от первого дома на Велии на ум сразу же приходит поступок Гая Семпрония Гракха. Согласно биографу (CG. 12. 1), в 222 г. до н.э. по возвращении из Африки, в момент, когда он стремился вернуть себе популярность, чтобы в третий раз добиваться трибуната, Гай «первым делом покинул свой дом на Палатине, чтобы обосноваться в более скромном квартале, пониже форума, где проживало большинство простых людей и бедноты»[52]. «Поступок, в высшей степени политический по своему характеру», как подчеркивает Ц. Явец[53], это показательное переселение отчетливо вписывается в традицию популяров (popularis), приписываемую Публиколе[54]. Возможно, в реальности это было осуществлено путем переезда с самого аристократического в то время холма Рима в район проживания простонародья, расположенный внизу, например Велабр[55]. В политическом плане контекст не лишен сходства: речь шла о том, чтобы повернуть общественное мнение в то время, когда Ливий Друз, начавший раздавать демагогические обещания, вероятно, стал подвергать сомнению некоторые чрезмерные расходы, совершенные бывшим трибуном (Plut. CG. 2. 4). Сходство это тем более волнующее, что Плутарх приписывает Гракху также и другой поступок, странным образом напоминающий образ действий Публиколы: по своей собственной инициативе и при помощи набранных им рабочих он за одну ночь снес платные помосты, установленные на Форуме перед

---

[49] Ср. *Rambaud M.* Cicéron et l'histoire romaine. P., 1953. P. 28.

[50] ...facere idem quod seditiosi cives solent cum aliquos ex antiquis claros viros proferunt quos dicant fuisse populares, ut eorum ipsi similes esse videantur. Repetunt iam a P. Valerio qui exactis regibus primo anno consul fuit... Для того, чтобы поместить этот отрывок в его контекст, см. *Lévy C. Cicero Academicus.* Recherches sur les Académiques et sur philosophie cicéronienne (Coll. EFR 162). Rome, 1992. P. 159–160.

[51] Единственный пример, представляющий некоторое сходство, – это разрушение роскошного domus П. Ведия Поллиона на Эсквилине, произведенное получившим его в наследство Августом (*Ovid.* Fast. VI. 639 sq.; *Dio Cass.* 54. 23. 6) с тем, чтобы выстроить на его месте общественное здание, porticus Liviae.

[52] Ἐπανελθὼν δὲ πρῶτον μὲν ἐκ τοῦ Παλατίου μετῴκησεν εἰς τὸν ὑπὸ ἀγορὰν τόπον ὡς δημοτικώτερον, ὅπου πλείστους τῶν ταπεινῶν καὶ πενήτων συνέβαινεν οἰκεῖν.

[53] *Yavetz Z.* The Living Conditions of the Urban Plebs in Republican Rome // Latomus. 1958. 17. P. 506.

[54] В том же духе см. *Vanderbroeck P.J.J.* Popular Leadership and Collective Behaviour in the Late Roman Republic (ca. 80–50 B.C.). Amsterdam, 1987. P. 118. Not. 66; *Botteri P., Raskolnikoff M.* Diodore, Caius Gracchus et la démocratie // Demokratia et Aristokratia. A propos de C. Gracchus: mots grecs et réalités romaines / Éd. par C. Nicolet. P., 1983. P. 91.

[55] См. *Coarelli F.* La casa dell'aristocrazia romana secondo Vitruvio // *Munus non ingratum.* Proceedings of the International Symposium on Vitruvius' *De Architectura* and the Hellenistic and Republican Architecture / Ed.H. Geertman and J.J. De Jong (BABesch. Suppl. 2). Leiden, 1989. P. 184. Можно было бы думать также и о Субуре или Аргилете, хотя их топография подходит в меньшей степени.

гладиаторскими боями, с тем чтобы обеспечить бесплатный доступ к зрелищу для плебса (ibid. 12. 5–6). Надо ли делать из этого вывод, что сходства между Публиколой и младшим из Гракхов представляют собой выдумку, которую следует целиком отнести на счет греческого эрудита, единственного, кто сообщает эти детали? Если и верно, что в упомянутом выше отрывке Цицерона среди почитателей Публиколы Гай не назван (но фигурирует Л. Аппулей Сатурнин, плебейский трибун 100 г. до н.э.), то прямая ссылка на «мятежных граждан», которые выдвигали на первый план provocatio, дает все основания включать Гракха в число исторических примеров, о которых мог думать автор «Академических трактатов».

Зато гораздо менее убедительным кажется нередко предлагавшееся сопоставление с предпочтениями Цезаря в выборе городского жилья: Светоний отмечает только, что будущий владыка Рима проживал в скромном доме в Субуре до своего избрания великим понтификом, которое вынудило его обосноваться в «официальной резиденции» на Священной дороге[56]. Что же до прочих лидеров популяров, наши знания о городских домах, которые они могли занимать, не допускают никаких серьезных сравнений.

Итак, чтобы понять всю значимость и разработанность данных традиции о жилищах Публиколы, так же как и их основополагающий характер, нужно покинуть область прямых (или обнаруживаемых с большой долей вероятности) упоминаний. В самом деле, некоторые штрихи, могущие показаться всего лишь анекдотическими или назидательными, когда они прочитываются в биографии одного из основателей Республики, образуют «направляющие линии» позиции, занимаемой римскими правителями в вопросах городского жилища[57].

Порицания в адрес дома, расположенного на высоте, – топос, разрабатываемый в риторических школах в связи с жилищем тирана, – неоднократно оказывались вписанными в рамки топографии Рима. Так, историю некоторых vici, расположенных в нижних частях города, эрудиты связывают с намерением поселить вызывавшие опасение этнические или социальные группы поодаль от городских высот (Varr. LL. V. 46. 2; Fest. 247 L). Мы уже имели случай заметить, что обвинение в желании восстановить монархию, адресованное М. Манлию, увязывалось с тем, что у него был дом на холме, занимавшем центральное положение (Liv. VI. 19. 1). В политической полемике эпохи, более надежно документированной в историческом плане, тяжкие обвинения высказывались в 52 г. до н.э. против domus Милона in clivo Capitolino (Cic. Mil. 64), против дома Гн. Пизона, который возвышался над Форумом в 20 г. н.э. (Tac. Ann. III. 9. 3), против дома М. Вестина Аттика, консула 65 г. н.э. (Tac. Ann. XV. 69. 1) в момент подавления антинероновского заговора, против дома брата Вителлия во время гражданской войны 69 г. (Tac. Hist. III. 70. 1–2). Во всех случаях подчеркивалась именно угроза, нависшая над Форумом, политическим сердцем города. Бдительность в отношении нависавших над Римом domus и традиции, устанавливавшие пределы, в которых те не подпадали под критику, были, таким образом, весьма живучи. В «Панегирике» Траяну (47. 4–6) Плиний Младший все еще противопоставляет устроенную Домицианом для себя самого на Палатине «крепость» (arx) общественным зданиям (aedes publicae), в которые превратилось это сооружение теперь, в царствование хороших императоров Нервы и Траяна: контраст не лишен переклички с историей Публиколы.

Пожалование земельного участка или domus гражданской общиной – награда, которая не была предназначена исключительно для нашего героя. Только из числа римских граждан, отправлявших магистратуры, кроме другого Валерия, о котором уже упоминалось, подобного отличия удостоились М. Манлий Капитолийский ([Aur. Vict.]. De vir. ill. 24. 5), Маний Курий Дентат, консул 290, 275 и 274 гг., цензор 272 г. до н.э.

---

[56] *Suet.* Iul. 46. 1; *Vanderbroeck.* Op. cit. P. 118. Not. 66; *Weinstock St.* Divus Iulius. Oxf., 1971. P. 278–279, где автор выделяет сходства и различия между обоими эпизодами.

[57] Здесь мы ограничимся упоминанием нескольких направлений исследования, которые детально разработаны в нашей диссертации.

(ibid. 33. 10; cf. Fest. 49 L), Г. Фабриций Лусцин, консул 282, 278 гг., цензор 275 г. до н.э. (Ps. Placidus F 36), один плохо отождествляемый Сципион Назика II в. до н.э. (Dig. I. 2. 2. 37), Цезарь в 45 г. до н.э. (Dio Cass. 43. 44. 6), Октавиан в 36 г. до н.э. (ibid. 49. 15. 5)[58]. При одном только чтении списка награжденных не составит большого труда понять и престиж, которым могла быть окружена эта практика, и то, что она была возобновлена в честь Цезаря (если историческая реальность не искажена состоянием наших источников). Более детальное просопографическое исследование показывает, что устанавливаемая Плинием Старшим (NH 36. 112) связь этой награды с триумфом могла, пожалуй, объяснить самые древние примеры, но также и то, что она не может служить единственным объяснением для конца Республики (в частности для Октавиана в 36 г. до н.э.). Как это часто бывает, сообщение энциклопедиста, в котором, быть может, сохранилась память о реалиях архаического триумфа, основано прежде всего на контрасте между славным и давно минувшим прошлым и безобразиями его собственного времени. Куда в большей степени, чем неясность, которой окутано происхождение этого типа дарения, о символических преимуществах, связанных с получением жилья от государства, нам сообщает гиперболическая, риторическая и мистифицирующая эксплуатация Цицероном темы возвращения ему его собственного дома: оратор доходит до уподобления своего дома самой res publica (De har. resp. 14–16; In Pis. 52)!

В случае с Публиколой не следует оставлять без внимания, наконец, и расположение предоставленного ему земельного участка: близость к Форуму и Священной дороге обеспечивали еще больший престиж благодаря тому, что дом стоял на виду, открытый взглядам всех сограждан. Эта необходимость находиться в центре, в сердце общественного пространства города, была одним из неизменных условий, определявших выбор виднейшими римскими сенаторами места для своего жилища[59].

Вместо заключения. Временна́я глубина исторической традиции, окружающей Валерия Публиколу, и разнообразие тематических мотивов, связанных с его городскими домами, побуждают рассматривать эту историческую фигуру, отказавшись от некоторых упрощенных подходов, состоящих в том, чтобы видеть во всем этом простонапросто исторический роман, выдуманный в более позднюю эпоху одним-единственным анналистом, обслуживавшим интересы амбициозного рода (gens).

В действительности совокупность данных образует настоящий диптих. Сперва дом Валерия соединяет в себе многие характерные черты жилища царя и тирана. Затем новый дом (domus) того, «кто любит народ», как своего рода архетип иллюстрирует некоторые предпочтения, позиции и стремления, которые мы вправе связывать с имевшейся у популяров концепцией политического деятеля и его городского жилища. Это впечатление усиливается еще более, если не пренебрегать указанием, которое дает только Плутарх (Publ. 4. 5): согласно ему, еще до избрания Валерия консулом «его дом всегда был открыт для самых простых людей, которые хотели поговорить с ним или попросить о помощи». В самом деле, это замечание непосредственно связано с идеальным образом domus римского политика, в частности плебейского трибуна (ср. Plut. Quaest. rom. 81, 283 D): в любой момент его жилище должно считаться открытым для прямого доступа продолжением гражданского пространства[60]. В конечном счете эта двойственность и эта контрастная противоположность подспудных политических

---

[58] Впрочем, не тот ли это дом (тесно связанный с храмом Аполлона, строительство которого было предпринято в то же время), что был открыт под именем «дома Августа» в ходе раскопок, ведущихся на Палатине с начала 60-х годов?

[59] Ср. *Cic*. Cael. 17–18; *Sall*. Cat. 40. 5; *Plut*. Mar. 32. 1–2; Cic. 8. 6; Pomp. 66. 2; Caes. 42. 2; Dig. I. 2. 2. 37.

[60] Читатель наверняка заметил, что это сообщение Плутарха представляет проблему: если относить его к первому дому, то оно оказывается в некотором противоречии с сообщаемыми затем сведениями (ibid. 10. 3) о затрудненном доступе и грозном характере жилища. Эта непоследовательность кажется нам показательной для желания Плутарха или его источника дополнить идеальную картину замечанием, необходимым в качестве общего места. Ср. также ibid. 10. 6 (цит. выше), где с одобрением отмечается скромность нового дома.

позиций не позволяют воспринимать наши источники как простую кальку с текста Валерия Антиата[61].

Таким образом, в биографии Публиколы собраны замечательно интересные сведения относительно domus правителя в древнем Риме. Внимание, уделяемое выбору места для дома, настоятельная необходимость того, чтобы «республиканский» дом не вызывал подозрений, выделение участка общественной земли для строительства на нем жилища как высшее проявление признательности со стороны гражданской общины, доступность и открытость жилища всему коллективу сограждан в действительности представляют собой характерные особенности, определяющие идеальный «стиль жизни» (mode d'habiter)[62] римских правителей. Фигура Публиколы благодаря самоцензуре, осуществленной им в вопросе жилища в Риме, предстает как одна из тех, кем были заложены основы норм mos maiorum[63].

С точки зрения взаимодействия между частной архитектурой и политической жизнью Публикола постольку, поскольку упоминания о нем не связаны с одной лишь родовой практикой Валериев[64], может, таким образом, по праву рассматриваться как «основополагающий миф» Республики. Этот мифологический рассказ имеет объясняющий (мотив о происхождении дарения частички общественного пространства) и в то же время вполне связный характер (оба его «сегмента», относящиеся каждый к одному из домов, использовались Цицероном до того, как оказались собранными вместе у Плутарха, а варианты в конечном счете касаются лишь деталей[65]). То, что его переписывали или адаптировали на протяжении времени, в частности, в ходе последнего столетия Республики, из которого, определенно, происходит основная часть нашей информации, вовсе не обязательно означает, тем не менее, что составляющие его элементы были искусственным образом придуманы ex nihilo.

Ссылки на Валерия Публиколу все еще сохраняли свою действенность в тот момент, когда республиканский порядок клонился к своему упадку[66]. Может быть, Публикола рядом со своим братом Максимом[67] даже фигурировал среди великих людей Рима, запечатленных в экседре Форума Августа, как то осторожно предполагает Л. Браччези[68]? Если следовать блестящим гипотезам Ф. Коарелли[69],

---

[61] Валерий Антиат представляется как анналист, связанный скорее с традицией, благосклонной к делу патрициев, сената и Суллы. Ср. в том же духе: *Affortunati M.* Plutarco. Vite parallele. Solone – Publicola. Milano, 1994. P. 305. О двух образах Публиколы см. *Martin.* Op. cit. P. 315–320.

[62] Об этом удобном понятии см. *Coquery N.* Les hôtels parisiens du XVIIIe siècle: une approche des modes d'habiter // RHMC. 1991. 38. P. 205–230.

[63] Разумеется, есть и другие фигуры, воплощающие mos maiorum, например, в отношении всего того, что связано с отказом от luxuria и от украшения domus военными трофеями. Среди них мы снова встречаем Мания Курия Дентата, консула 290, 275 и 274 гг., цензора 272 г. до н.э. (*Cic.* Par. stoic. V. 38; [*Aur. Vict.*]. De vir. ill. 33. 8–9) и Гая Фабриция Лусцина, консула 282, 278 гг., цензора 275 г. до н.э. (*Dionys.* XIX. 15. 1; *Val. Max.* 4. 3. 6; *Aul. Gell.* NA. I. 14. 1); далее следуют М. Клавдий Марцелл, консул 222, 215, 214, 210 и 208 гг. до н.э. (*Cic.* 2 Verr. 4. 121; De rep. I. 14. 21) и Л. Эмилий Павел Македонский, консул 182, 168 и 164 гг. до н.э. (*Cic.* De off. II. 76; *Val. Max.* IV. 3. 8; *Plut.* Aem. Paul. 28. 11).

[64] См. различие, проводимое Цицероном (2 Verr. IV. 81) в связи со Сципионом Африканским. В том же духе см. *Weinstock.* Op. cit. P. 279. Not. 6.

[65] См. *Musti.* Op. cit. P. 108.

[66] Об использовании чередования Publicola/Plebicola в последний век до нашей эры см. *Wiseman T.P.* Cinna the Poet and other Roman Essays. Leicester, 1974 («Who was Gellius?», p. 121–125).

[67] Действительно, Маний Валерий Максим, вероятно, диктатор 494 г. до н.э., почти наверняка фигурировал в ряду summi viri: его элогий был найден в Ареццо и еще один фрагмент – в Риме, правда, на Капитолии (Inscriptiones Italiae. XIII. 3. № 78, p. 57 sqq.; № 60, p. 37 sq.). Однако он не появляется в «De viris illustribus» – единственное исключение среди исторических личностей, чьи элогии засвидетельствованы эпиграфически.

[68] *Braccesi L. De viris illustribus* e falsificazioni augustee. In margine ai primi due consoli della Repubblica // RFIC. 1978. 106. 1. P. 63–75. Интерес Юлия Гигина в первой книге его «De viris claris» к двум братьям Валериям (согласно Асконию, цит. выше) служит указанием, пусть и слабым, в пользу данной гипотезы, постольку поскольку этому эрудиту, так же как и самому принцепсу, охотно приписывают авторство текстов Форума Августа. См. однако возражения Ж.-К. Ришара (Op. cit. P. 414–417).

[69] *Coarelli F.* // Società romana e impero tardoantico / a cura di A. Giardina. V. 2. Roma – Bari, 1986. P. 20; 401. Not. 90.

окажется даже, что соотнесение с Публиколой и, в частности, с самим местом его дома на Велии, было живо еще и в начале IV в. н.э. Возможно, император Максенций, носивший имя Валерий, прибег к нему для того, чтобы топографически и идеологически привязать к этому холму свои постройки – последние великие свершения архитектуры языческого Рима*.

THE MYTHICAL PATTERN OF P. VALERIUS PUBLICOLA'S HOUSES

J.P. Guilhembet

This article deals with the urban dwelling-houses of P. Valerius Publicola, one of the founders of the Roman Republic, often identified with the personage of *Lapis satricanus*. With the intention of understanding the representation of Publicola's «way of inhabiting» Rome as a model for late republican rulers, it analyses in detail all the texts about Publicola's first house at the top of the Velia hill. In them, it is seen as a fortified and tyrannical *domus* and as a potential threat above the forum. Later, it is moved or pulled down by its owner (punishment traditionally imposed on the *adfectator regni*'s house). Then Publicola built himself a new house at the bottom of the Velia, on a plot of land conceded by the people, but apparently this gift cannot explain the etymology of his *cognomen*. All these episodes present shades of ambivalence to such an extent that they can hardly arise directly from Valerius Antias; moreover, they form a set of references which exceeds the *gens Valeria*. For instance, C. Sempronius Gracchus may have conformed to the pattern that they outline (Plut. *CG* 12; Cic. *Acad.* II. 5. 13). Furthermore, the narrative about Publicola's houses condenses, in an archetype, two major themes of political polemic or ideal, recurrent at Rome: the dominant houses and the dwelling granted by the city. Thus, it may be considered as a "founding myth" of the Roman Republic.

* Перевод Е.В. Ляпустиной. (При передаче отрывков из сочинений Плутарха, Тита Ливия и Плиния Старшего учтены соответствующие русские переводы В.П. Алексеева, С.П. Маркиша, Н.А. Поздняковой, В.М. Смирина и Г.А. Тароняна.)

ПУБЛИКАЦИИ

© 1997 г.

В.М. Зубарь, Т. Сарновский

НОВАЯ ЛАТИНСКАЯ СТРОИТЕЛЬНАЯ НАДПИСЬ С АЙ-ТОДОРА И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РИМСКОЙ ВОЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В ТАВРИКЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ II в. н.э.

Таврический, или современный Крымский, полуостров на протяжении почти пяти веков своей истории был тесно связан с Римской империей. Здесь, в частности, располагались римские гарнизоны, охранявшие древние морские пути, которые шли вдоль южного побережья Таврики. С середины II в.н.э. Херсонес Таврический становится центром римского военного присутствия в Таврике. Несмотря на то что изучение римских древностей на юге Украины ведется уже давно, до настоящего времени остается еще много белых пятен, которые требуют дальнейшего изучения. Важным источником для работы в этом направлении являются эпиграфические памятники, которые, к сожалению, встречаются крайне редко. Поэтому каждая новая, даже фрагментарная, надпись представляет несомненный интерес и требует специальной публикации[1].

В 1984 г. в ходе спасательных археологических работ, проводившихся на территориях центральной и юго-западной частей римского укрепления[2], отождествляемого с Хараксом Птолемея[3], при расчистке одного из помещений, предполагаемого здания претория[4], экспедицией Института археологии НАН Украины под руководством К.К. Орлова было обнаружено восемь фрагментов плиты из плотного белого мрамора с латинской надписью, представляющей собой правую часть документа на латинском языке в профилированной рамке, нижняя часть которого уже публиковалась без развернутого комментария[5]. Учитывая огромное значение латинских эпиграфических

---

[1] Авторы выражают сердечную благодарность за консультации профессору Института антиковедения Кельнского университета В. Эку.

[2] *Орлов К.К.* Архитектурные комплексы Харакса // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. Киев, 1988. С. 19–21.

[3] Geog. III. 6.2; ср. *Rostowzew M.* Römische Besatzungen in der Krim und das Kastell Charax // Klio. 1902. 2. S. 95.

[4] *Орлов*. Ук. соч. С. 20–21 (Рис. 1. Сводный план раскопок Харакса в 1977–1985 гг. 6-й – преторий). Не следует ли, однако, отождествлять эту постройку, расположенную в центральной части крепости, севернее терм, со зданием комендатуры (principia), как, впрочем, предполагал М.И. Ростовцев (Святилище фракийских богов и надписи бенефициариев в Ай-Тодоре // ИАК. 1911. Вып. 40.4), а не с praetorium'ом (резиденцией командира гарнизона)? Ср. *Sarnowski T.* Das römische Heer im Norden des Schwarzen Meeres // Archaeologia. 1988. 38. S. 84.

[5] *Орлов*. Ук. соч. (на обложке сборника). Ср. *Зубарь В.М.* Херсонес Таврический и Римская империя. Очерки военно-политической истории. Киев, 1994. С. 64. Рис. 21; *Sarnowski T.* L'organisation hiérarchique des vexillationes Ponticae au miroir des trouvailles épigraphiques récentes // Actes du Congrès «Hiérarchie (Rangordnung) de l'armée romaine sous le Haut-Empire». P., 1995. P. 325.

Рис. 1. Латинская строительная надпись из раскопок Харакса (фото)

памятников для древней истории Северного Причерноморья, в настоящей работе предпринимается попытка дать ее реконструкцию и на этой основе уточнить некоторые неясные вопросы римской военной организации в Таврике[6].

Публикуемая надпись состоит из 10 строк, вписанных в профилированную и покрытую красной краской рамку (tabula ansata). В правом нижнем углу, под рамкой, имелось изображение мужской маски. От другого изображения внутри рамки сохранились лишь незначительные следы заглубления. До настоящего времени дошла приблизительно одна треть документа[7], который первоначально был вырезан на плите размерами

---

[6] К.К. Орлов уже многие годы не работает в Институте археологии НАН Украины, поэтому, руководствуясь «Уставом Института археологии НАН Украины», в котором авторские права за исследователем закреплены только в течение пяти лет, авторы сочли возможным опубликовать этот памятник полностью. В настоящее время надпись хранится в Ялтинском историко-литературном музее Министерства культуры Украины.

[7] Высота сохранившихся и сложенных вместе обломков плиты 61 см, длина 47 см, толщина 3,2 см. Размеры поля с надписью 57 × 29 см, ширина профилированной рамки 4 см.

около 140 × 80 см[8]. Надпись нанесена на отполированную поверхность без линеек. Буквы высотой 3,5–5 см вырезаны глубоко, тщательно и красиво. За исключением буквы S и T в 3-й стк., а также четырех лигатур (стк. 6: T+E; стк. 8: E + R и V + E; стк. 9: E + N), все остальные буквы расположены на значительном удалении друг от друга. Слова в надписи разделены точками треугольной формы. В конце последней строки помещен листик плюща. Шрифт памятника напоминает scriptura monumentalis и близок надписи на фронтоне небольшой постройки из Тиры времени Антонина Пия[9], а лигатуры – посвятительной надписи из Херсонеса 185 г.[10] (рис. 1).

Сохранившаяся часть документа читается следующим образом:

1 – – – IBVS
– – – NO·ET·
– – – GVSTIS
– – – HICIS·//
5 – – – IIII·OP/ – – –
– – – /TEGVLIS
– – – ANVS
– – – ER VEXILLAT
– – – AGENTE
10 – – – XI CL

В конце 4-й стк., после HICIS и разделителя, сохранились остатки двух первых букв следующего слова: вертикальная гаста первой и апекс второй. В конце 5-й стк. видна вертикальная гаста с апексами, а на поврежденной поверхности плиты перед NVS в 7-й стк. виден нижний конец наклонной линии буквы A, R или X.

Пять первых строк документа содержат титулатуру двух Августов (сткк. 2–3; [– –] NO ET/ [– – – AV] GVSTIS), которые именовались Парфянскими (стк. 4: [– – – PART]HICIS) и одновременно в тот же самый раз (стк. 5: IIII или [V]IIII)[11] были императорами. Первый из упомянутых императоров носил имя на -nus (стк. 2: [– – –]NO). Учитывая эти данные, двух Августов можно отождествить с Марком Аврелием и Луцием Вером, которые в 166 г. стали в четвертый раз императорами[12]. Почетное имя Parthicus maximus они получили около середины того же года после победы над парфянами (victoria Parthica)[13]. Следовательно, надпись может быть датировна второй половиной 166 г. или началом 167 г., так как, вероятно, уже в 167 г. оба Августа были в пятый раз императорами, а Марк Аврелий в 171 г. стал им в шестой раз[14]. Можно заключить, что в 5-й стк. надписи, кроме IMP, перед цифрой, были помещены только прозвища Августов – Medici, которые были получены ими также летом 166 г.[15]

Можно предположить и то, что перед [PART]HICIS в 4-й стк. во множ. числе стоял титул Armeniacus, который Луций Вер носил с осени 163 г., а Марк Аврелий – с середины 164 г.[16] В 5-й и 6-й сткк. памятника упоминались в винит. пад. либо какие-то сооружения (OP[ERA]) с черепицей (TEGULI[S]), либо в творит. пад. пристройка или

---

[8] Не исключено, что при продолжении археологических исследований Харакса могут быть обнаружены недостающие фрагменты надписи.

[9] *Сон Н.А.* Новая латинская надпись из Тиры // ВДИ. 1986. № 4. С. 60–68. Рис. 1, 2.

[10] CIL. III. 14214, 34=IOSPE. I^2, 417= *Соломоник Э.И.* Латинские надписи Херсонеса Таврического. М., 1983. С. 37. № 9.

[11] Маловероятно, что эта цифра относилась к прозвищу императора, как это было со времени правления императоров Валериана и Галлиена.

[12] Ср. *Kienast D.* Römische Kaisertabelle. Grundzüge einer römischen Kaiserchronologie. Darmstadt, 1990. S. 139, 144.

[13] *Johne K.-P.* Zu den Siegerbeinamen der Kaiser Marc Aurel und Commodus // Klio. 1967. 48. S. 178; *Kneissl P.* Die Siegestitulatur der römischen Kaiser. Göttingen, 1969. S. 97.

[14] *Kienast.* Op. cit. S. 139, 144.

[15] Ibid.

[16] Ibid.

отделка, которой (например, opere tectorio – лепным декором) вместе с черепицей было дополнительно украшено существующее здание. Трудно сказать, шла ли в слове TEGVLI[S] речь о черепичной крыше или, например, об используемых часто в воздушном отоплении tegulae mammatae. В следующей 7-й стк. говорилось о том, что такой-то (имя на -ANVS) построил, восстановил или украсил неизвесное нам сооружение. Название должности этого лица, скорее всего в сокращенном виде, занимало начало 8-й стк. надписи. Как и в тирской строительной надписи времени правления императора Траяна[17], вероятно, это был легат провинции Нижняя Мезия. В то время этот пост мог занимать либо М. Сервий Максим, либо М. Потий Лелиан[18]. Однако нельзя исключить и того, что здесь упомянуто какое-то иное должностное лицо римской администрации[19]. Но так или иначе строительные работы в крепости были осуществлены солдатами вексилляции или вексилляций (стк. 8: [P]ER VEXILIAT[IONEM или -IONES])[20], попечением (стк. 9: [CVRAM] AGENTE) неизвестного нам центуриона XI Клавдиева легиона (стк. 10: [– – – > LEG] XI CL), штаб-квартира которого располагалась в Дуросторуме (Нижняя Мезия). Из нескольких возможных восстановлений утраченного в 9-й стк. названия вексилляции или вексилляций наиболее приемлемым представляется засвидетельствованное одним типом керамических клейм из Харакса[21] наименование провинции (Moesia inferior), откуда в Таврику откомандировывались солдаты для несения службы.

Если предложенные выше наблюдения и замечания справедливы, то новая надпись из Харакса восстанавливается следующим образом (рис. 2):

1 [Imperatoribus Caesar] ibus
[M. Aurelio Antoni] no et
[L. Aurelio Vero Au]gustis
[Armeniacis Part]hicis [Ma]–
5 [ximus Medicis imp.] IIII op[– – –]
[– – –] tegulis
[– – –] anus
[– – – p]er vexillat(ionem или -iones)
[– – – curam]agente
10 [– – –] > (centurione) leg(ionis) XI Cl(audiae).

Судя по керамическим клеймам вексилляции Равеннской эскадры (VEX/GRAV SP), которые были обнаружены в Хараксе[22] и обычно датируются концом правления

---

[17] *Nicorescu P.O.* Inscriptie a imparatului Traian gasita la Cetatea Alba // Analele Academiei Romane. Memoriile sectiunii istorice. 1944. Ser. III, 26. Sp. 502, 503= *Карышковский П.О.* Надписи Тиры // ВДИ. 1959. № 4. С. 116, № 5.

[18] *Stein A.* Die Legaten von Moesien. Budapest, 1944. S. 76–79; *Pitz J.* Die Laufbahn der Statthalter in der römischen Provinz Moesia Inferior. Weimar, 1966. S. 47–48; *Thomasson B.E.* Laterculi Praesidum: Moesia, Dacia, Thracia. Gothoburgi, 1976. Sp. 20, 22; *Alföldy G.* Konsulat und Senatorenstand unter den Antoninen. Prosopographische Untersuchungen zur senatorischen Führungsschichte. Bonn, 1977. S. 232.

[19] Ср. CIL. VIII. 619 =ILS. 2747 = *Saxer R.* Untersuchungen zu den Vexillationen des römischen Kaiserheeres von Augustus bis Diokletian. Bonn, 1967. S. 42, 92, № 74; *Беляев С.А.* К пониманию CIL. VIII. 619 // ВДИ. 1968. № 4. С. 127–137.

[20] По мнению профессора В. Эка, при написании текста надписи не имелась в виду передача удвоения L (Lgeminata) одной буквой, как первоначально думали авторы публикации, но такое написание – vexill – было обычным в надписях, хотя поперечный штрих в нижней части второй буквы L значительно короче, чем в первой L.

[21] CIL. III. 14215,4 = *Rostowzew*. Op. cit. S. 93 = *Saxer*. Op. cit. S. 92, № 270: Per L. A (– – –) C (– – –) > (centurionem) / leg(ionis) I It(alicae) praep(ositum) / vex(illariorum) Moes(iae) inf(erioris).

[22] CIL. III. 14214,5 = *Ростовцев М.И.* Римские гарнизоны на Таврическом полуострове и Ай-Тодорская крепость // ЖМНП. 1900. Март. С. 154–155. № 1–3. Рис. 1; *Rostowzew*. Op. cit. S. 93; *Блаватский В.Д.* Харакс // МИА. 1951. № 19. С. 287. Рис. 25; *Соломоник Э.И.* О римском флоте в Херсонесе // ВДИ. 1966. № 2. С. 165. Рис. 1; *Saxer*. Op. cit. S. 92, № 271; *Sarnowski*. Das römische Heer... S. 63, № 7. Рис. 3; *Зубарь*. Херсонес... С. 61. Рис. 20.

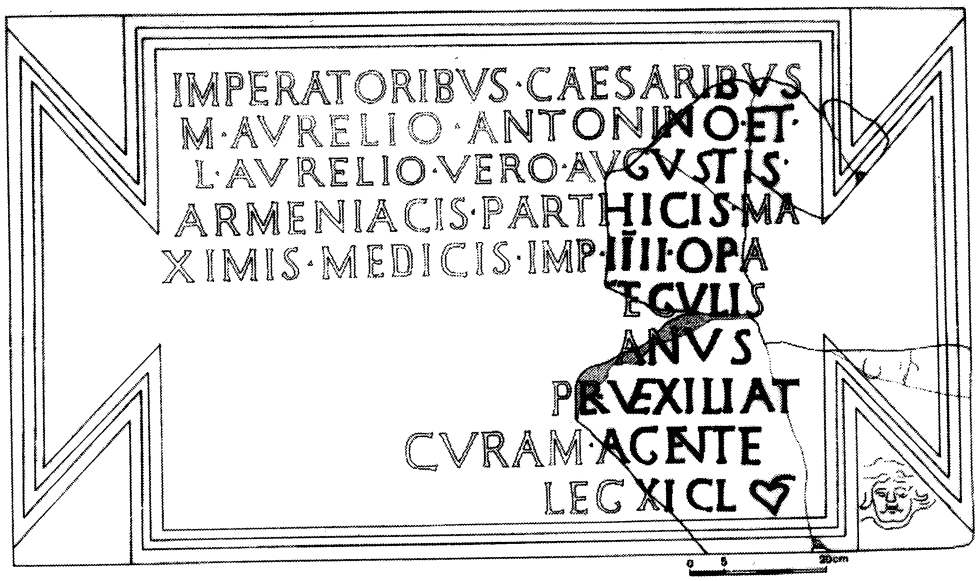


Рис. 2. Реконструкция латинской строительной надписи из Харакса

Нерона или началом правления Флавиев, римские военнослужащие на мысе Ай-Тодор впервые появились в 60-х годах н.э. В пользу такой датировки говорит отсутствие в клеймах титула Praetoria, полученного италийскими флотами не ранее правления императора Веспасиана[23]. Пока не ясно, где располагался в это время римский опорный пункт (пост, лагерь или маяк с подсобными помещениями)[24], так как черепица и кирпичи с клеймами Равенской эскадры обнаружены на мысе Ай-Тодор вне четкого археологического контекста, в строительных остатках более позднего времени. Однако уже около 120 г. н.э. там размещался пост бенефициариев легата Нижней Мезии Уммидия Квадрата, которым командовал М. Геминий Фортис[25]. Этот алтарь и две другие посвятительные надписи бенефициариев[26] были обнаружены в развалинах святилища, недалеко от оборонительных стен. Вполне возможно, что солдаты поста бенефициариев по крайней мере частично использовали сооружения, построенные в свое время моряками Равеннской эскадры.

По мнению М.И. Ростовцева и В.Д. Блаватского, около середины II в. н.э. на мысе Ай-Тодор вновь дислоцируется сравнительно сильный римский гарнизон, и солдаты его возвели здесь римскую крепость[27]. Это заключение хорошо согласуется с публикуемым на этих страницах новым эпиграфическим памятником, одним из самых ранних

---

[23] *Reddé M.* Mare Nostrum. Les infrastructures, le dispositif et l'histoire de la marine militaire sous l'Empire romain. Rome, 1986. P. 263–264, 515–521.

[24] В послевоенные годы, по сообщению П.Я. Павлова, бывшего смотрителя ай-тодорского маяка, рядом с современной башней и домом 1876 г. был открыт фундамент большого круглого строения. См. *Орлов*. Ук. соч. С. 19, 22. Два римских маяка в Довере (Dover) и один у Булони (Boulogne), были довольно далеко удалены от стоянок подразделений Британского флота (classis Britannica). См. *Wheeler R.E.M.* The Roman Lighthouses of Dover // Archaeological Journal. 1929. LXXXVI. P. 47–58; *Johnson S.* Dover // The Saxon Shore. Exeter, 1989 (= Exeter Studies in History 25). P. 145–152; *Brulet R.* The Continental Litus Saxonicum // The Saxon Shore. Exeter. 1989 (=Exeter Studies in History 25). P. 62–72.

[25] IOSPE. I². № 674. К датировке ср. *Sarnowski*. Das römische Heer... S. 78; *Зубар В.М.* Нотатки з латинськоі епіграфіки Херсонеса і Харакса // Археологія. 1990. № 2. С. 112 сл.

[26] IOSPE. I². № 675, 676 = *Schallmayer E. и.а.* Der römische Weihebezirk von Osterburken I. Corpus der griechischen und lateinischen Benefiziarier-Inschriften. Stuttgart, 1990. № 659, 661.

[27] *Ростовцев*. Римские гарнизоны... С. 151; *Блаватский*. Ук. соч. С. 259.

известных сейчас документов, свидетельствующих о римском военном строительстве в Таврике[28]. Исходя из восстановленного текста, можно говорить, что не позднее 166 г. н.э. здесь уже велось достаточно масштабное строительство, связанное с размещением на мысе Ай-Тодор римского гарнизона. Причем содержание надписи соответствует результатам археологических исследований, проводившихся здесь К.К. Орловым. В ходе этих работ было установлено, что целый ряд сооружений, в том числе оборонительные стены и термы, построены скорее всего не ранее II в. н.э.[29]

Из 8-й и 9-й сткк. надписи следует, что в ней речь идет о каких-то строительных работах. На мысе Ай-Тодор отсутствовали источники питьевой воды, и вода поступала только по специальному водопроводу из родников с горы Ай-Петри к резервуарам-накопителям[30]. Поэтому с известной долей вероятности можно предполагать, что в надписи упоминалась постройка, связанная с водой, например opera thermarum или nymphaei[31]. В связи с этим интересно, что помимо терм и одного ряда казарменных помещений, раскопанных внутри крепостных стен Харакса, здесь были открыты два резервуара[32]. В одном из них обнаружено довольно много кровельной черепицы и фрагмент надписи, упоминающей [N]ym[p]h[aeum][33]. Причем особое значение, которое придавалось здесь хранению воды, объясняется не только нуждами гарнизона, но и экипажей римских военных кораблей, курсировавших вдоль южного побережья Таврики и осуществлявших связь Харакса с Херсонесом, где располагалась главная штаб-квартира римских войск[34].

Судя по тексту надписи, римскими солдатами (vexillarii), дислоцировавшимися в Хараксе в 166 г., командовал офицер XI Клавдиева легиона, хотя до настоящего времени считалось, что военнослужащие этого соединения появляются в Таврике в отличие от Ольвии не ранее рубежа II–III вв. н.э.[35] Поэтому упоминание в новой надписи с мыса Ай-Тодор XI Клавдиева легиона позволяет несколько по-иному реконструировать систему римской военной организации в этом районе и проследить динамику ее развития.

В настоящее время установлено, что в 160-х годах н.э. для охраны Тиры, Ольвии и, видимо, Харакса выделялись солдаты из всех нижнемезийских легионов, поэтому вексилляции, дислоцировавшиеся в этих пунктах, были смешанными[36]. Причем, в

---

[28] 250 г. н.э. по консулам датируется новая, еще не опубликованная латинская строительная надпись из Херсонеса. Из текста надписи следует, что М. Ратин Сатурнин, центурион I Италийского легиона и командир херсонесской вексилляции, на свои средства отремонтировал схолу принципалов. См. *Зубарь*. Херсонес... С. 126. Ср. также другие латинские строительные надписи из Херсонеса: IOSPE. I². № 656 = *Соломоник*. Латинские надписи... С. 27, № 2; IOSPE. I². № 449 = *Соломоник*. Латинские надписи... С. 23, № 3; IOSPE. I². № 655 = *Соломоник*. Латинские надписи... С. 31–32, № 5; IOSPE. I². № 450.

[29] *Орлов*. Ук. соч. С. 24, 26; *он же*. Исследование римской крепости Харакс // Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР. Тез. докл. республ. конф. молодых ученых. Киев, 1981. С. 85; *он же*. Раскопки терм Харакса // АО за 1981. М., 1983. С. 299. Гарнизонные термы на территории цитадели Херсонеса возведены не ранее середины II в. н.э. См. *Зубарь*. Херсонес... С. 47.

[30] *Блаватский*. Ук. соч. С. 289; *Орлов*. Архитектурные комплексы Харакса... С. 22.

[31] Ср., например, восстановленное солдатами XXII легиона в Могунтиакуме opus the[rmarum] (CIL. XIII. 6804), aquae ductus et nymphaei opu[s] в Ламбезисе (CIL. VIII. 2658), но и opu[s] valetudinar[ii] (CIL. XIII. 8009). О нимфее в лагере III Августова легиона в Ламбезисе см. *Rakov F*. Das Groma – Nymphaeum im Legionslager von Lambaesis // RM. 1979. 86. S. 374–389.

[32] *Блаватский*. Ук. соч. С. 282, 287 сл. Рис. 19, 22; *Орлов*. Архитектурные комплексы Харакса... С. 21.

[33] IOSPE. I². № 680.

[34] Подробнее см. *Зубарь*. Херсонес... С. 55 сл.

[35] Подробнее см. *Зубар*. Новий латинський напис з Болгарії і деякі питання історії Таврики // Археологія. 1991. № 1. С. 121 сл.; *он же*. Херсонес... С. 57.

[36] Ср. *Nicorescu P*. Garnizoana romană in sudul Basarabiei // Analele Academiei Române. Memoriille secţiunii istorice. 1937. Ser. III 19. P. 218. Fig. 3,4 = *Saxer*. Op. cit. S. 90, № 266; *Крыжицкий С.Д., Клейман И.Б.* Раскопки Тиры в 1963 и 1965–1976 гг. // Античная Тира и средневековый Белгород. Киев, 1979. С. 34. Рис. 13; *Sarnowski*. Das römische Heer... S. 73. № 15. Anm. 4, *1*; *Сон Н.А*. Тира римского времени. Киев, 1993. С. 33–34. Рис. 4: Leg(io) I It(alica), leg(io)/V M(acedonica), leg(io) XI Cl(audia)/et aux(ilia) s(ub) At(– – –) P(– – –) > (centurione) leg(ionis) I I(talicae); IOSPE. I², № 322 = *Зубарь В.М., Сон Н.А*. Об интерпретации ольвийской

Ольвии и Хараксе они находились под командованием центурионов XI Клавдиева, а в Тире – I Италийского легионов. В последней трети II в. н.э. положение меняется. Если относительно Тиры и Ольвии сейчас что-то определенное сказать трудно, то в отношении Херсонеса и Харакса твердо установлено[37], что ядро римских гарнизонов в этих пунктах состояло из солдат I Италийского легиона и они находились под командованием офицеров этого соединения. В частности, об этом свидетельствуют один тип керамических клейм из Харакса[38] и эпиграфические памятники из Херсонеса. Следовательно, можно предположить, что в последней трети II в. н.э. в системе римской военной организации произошли определенные изменения, а это требует объяснения.

В свое время С.А. Беляев, анализируя эпитафию Т. Плавтия Феликса Феррунтиана, который наряду с прочим являлся «препозитом понтийских вексилляций в Скифии и Таврике» в ранге военного трибуна, вслед за М.И. Ростовцевым указал, что в 80-х, а может быть даже в 90-х годах II в. он командовал всеми римскими войсками, дислоцированными в Тире, Ольвии, Херсонесе и даже в Пантикапее. Не вдаваясь в анализ источников, С.А. Беляев, вновь ссылаясь на М.И. Ростовцева, писал: «Хорошо известно, что греческая и римская историография под Таврикой *всегда* (курсив мой. – *В.З.*) понимала весь Крымский полуостров, а под Скифией – примыкающие к Северному берегу Черного моря степи»[39]. Это мнение представляется весьма спорным, а ссылка на М.И. Ростовцева некорректной, так как в указанной работе последний ничего подобного не писал.

Более того, мнение С.А. Беляева о том, что в конце II в. под Таврикой греками и римлянами понимался весь Крымский п-ов, а под Скифией – степная зона Северного Причерноморья, противоречит источникам. Еще Геродот и Псевдо-Скилак называли Таврикой лишь горную часть современного Крыма[40]. Более поздние авторы, такие надежные, как Страбон и Плиний Старший, также локализовали тавров или тавроскифов в горной части полуострова, между Херсонесом и Феодосией[41]. Так что называть Таврикой весь Крымский п-ов сейчас вряд ли можно.

Что же касается географического понятия Скифия, то и оно к концу II в. претерпело определенные изменения. Уже Страбон, говоря о Малой Скифии, ограничивал ее «Таврическим или Скифским» п-овом и, возможно, территорией за Перекопским перешейком до Борисфена[42]. На карте Агриппы степная зона Северного Причерноморья именовалась Сарматией[43], а Клавдий Птолемей, живший во II в., в своем географическом описании четко разграничивал Европейскую Сарматию и Херсонес Таврический – нынешний Крымский п-ов[44]. В ольвийском декрете, обнару-

---

надписи с упоминанием трех римских легионов // Ольвия-200. Тез. докл. Николаев, 1994. С. 52–54: [– – –]x vexil(latio)/([leg(ionum) XI Cl(audiae)] I Ital(icae) V Mac(edonicae)/[ped(es) CCVI ma(nu/[– – –]lico > (centurione) leg(ionis) XI Cl(audiae). Вероятно, когда V Македонский легион принимал участие в Парфянской войне 162–166 гг. (см. *Ritterling E.* Legio // RE. 1925. XII. Хр. 1578), его единичные подразделения оставались в составе нижнедунайских и северопричерноморских вексилляций (ср. *Sarnowski.* Das römische Heer... S. 90–91). Не известно, когда точно легион был переведен в Потаиссу в Дакии, скорее всего это произошло около 168 г. См. *Bărbulescu M.* Din istoriă militara a Daciei romane. Legiunea V Macedonica şi castrul de la Potaissa. Cluj-Napoca, 1987. P. 22–24; *Piso J.* Fasti provinciae Daciae. I. Die senatorischen Amtsträger. Bonn, 1993. S. 88–89.

[37] Публикуемый памятник позволяет вновь критически рассмотреть некоторые вопросы, связанные с дислокацией римских войск в Скифии и Таврике. Далее следует комментарий В.М. Зубаря, а затем Т. Сарновского, отмеченный специальной ссылкой.

[38] См. прим. 21.

[39] *Беляев.* К пониманию... С. 132; Ср. *Ростовцев М.И.* Новые латинские надписи с юга России // ИАК. 1908. Вып. 27. С. 65.

[40] Подробно см. *Ольховский В.С.* До етнічної історії давнього Криму // Археологія. 1990. № 1. С. 28.

[41] *Strabo.* VII. 4.5; *Plin.* NH. IV. 85; *Соломонік Е.І.* Про значення терміну «тавроскіфи» // АП УРСР. 1962. Т. II. С. 154 сл.; *Ольховский В.С.* Население Крыма по данным античных авторов // СА. 1981. № 3. С. 53–56.

[42] *Strabo.* VII. 4. 1–5.

[43] *Ростовцев М.И.* Скифия и Боспор. Пг., 1925. С. 43–44.

[44] *Ptol.* III. 5.1–6; 6. 1–5.

женном под Мангупом, который Ю.Г. Виноградов датирует второй половиной I в., говорится о том, что ольвиополиты отправили посольство в Аорсию[45]. Не приходится сомневаться, что Аорсия находилась где-то в непосредственной близости от Ольвии и ее правители играли в жизни города в то время важную роль[46]. Таким образом, если учесть все сказанное, становится очевидным, что во II в. под Таврикой римляне понимали горную часть Крыма, а за степной зоной Северного Причерноморья и районом Ольвии прочно закрепилось географическое понятие Сарматия.

Со времени Страбона, а может быть и ранее, под Скифией понималась степная и предгорная часть Крыма, за исключением горной его части и частично прибрежной полосы, где жили тавры[47]. В этом отношении показательно, что Арриан в своем перипле говорит о скифской Керкинитиде и Калос-Лимене, т.е. о городах, расположенных в Скифии[48]. В связи с этим следует отметить интересное наблюдение Э.И. Соломоник о том, что в эпитафии Т. Плавтия Феликса Феррунтиана предлог aput с акузативом следует переводить не как «в», а как «у». Тогда, как считает исследовательница, интересующее нас место в эпитафии следует читать не как «в Скифии и Таврике», а как «у (берегов) Скифии и Таврики»[49], что хорошо согласуется с действительным положением римских военных постов и гарнизонов, известных по археологическим и эпиграфическим данным.

В настоящее время установлено, что помимо Херсонеса и Харакса римские посты и небольшие гарнизоны дислоцировались на Северной стороне нынешнего г. Севастополя, на городище Алма-Кермен и, видимо, на Усть-Альминском городище – на территории Скифии, а также на Гераклейском п-ове, в районе современной Балаклавы и скорее всего в районе нынешней Алушты, т.е. в Таврике[50]. Следовательно, если исходить из сообщений древних авторов и данных археологии, то понтийские вексилляции, упомянутые в эпитафии Т. Плавтия Феликса Феррунтиана, нет нужды искать за пределами Крымского п-ова. Именно римские гарнизоны в указанных пунктах и находились в подчинении Т. Плавтия Феликса Феррунтиана, как впрочем и других военных трибунов, известных по эпиграфическим памятникам Херсонеса[51]. Командованию римскими войсками была подчинена и вексилляция, дислоцировавшаяся на территории Харакса, т.е. в Таврике[52].

Говоря о Пантикапее, который, согласно мнению С.А. Беляева, также находился в зоне командования Т. Плавтия Феликса Феррунтиана, следует еще раз подчеркнуть, что стационарных римских вексилляций здесь не было. За исключением войск, находившихся под командованием А. Дидия Галла на начальном этапе римско-боспорской войны 45–49 гг., а также римских войск, участвовавших в так называемой Боспорской войне в конце II в.[53], наличие на Боспоре римских воинских контингентов представляется весьма проблематичным. Если они и стояли в боспорских городах, то должны были выделяться не из состава Мезийской армии, а военным командованием провинции Вифиния-Понт[54], и Т. Плавтий Феликс Феррунтиан не мог под своим коман-

---

[45] *Виноградов Ю.Г.* Очерк военно-политической истории сарматов I в. н.э. // ВДИ. 1994. № 2. С. 167.

[46] *Зубарь В.М.* Ольвия, сарматы и Рим во второй половине I в. н.э. // ВДИ. 1994. № 3. С. 218–222.

[47] *Ольховский В.С.* Население Крыма... С. 53–56; *он же.* До етнічної історії... С. 32, 33.

[48] Arr. PPE 30; ср. Anon. PPE 83/57.

[49] CIL. VIII. 619 = ILS. 2747; trib(unus) milit(um) leg(ionis) I Itali(ae), praepositus vexillationibus Ponticis aput Scythia ⟨m⟩ et Tauricam; *Соломоник Э.И.* О пребывании римского флота в Крыму // АДСВ. 1973. Вып. 10. С. 144.

[50] Подробно см. Зубарь. Херсонес... С. 68–78. Рис. 11.

[51] IOSPE. I^2. № 404, 417; Ср. *Ростовцев.* Римские гарнизоны... С. 1.

[52] *Зубарь.* Херсонес... С. 74–77.

[53] Подробно см. *Зубар.* Новий латинський напис... С. 118–127; Ср. *Sarnowski T.* Barbaricum und Bellum Bosporanum in einer Inschrift aus Preslav // ZPE. 1991. Bd 87. S. 137–144. III Taf.

[54] *Шелов Д.Б.* Римляне в Северном Причерноморье во II в. н.э. // ВДИ. 1981. № 2. С. 61–62; *Speidel M., French D.H.* Bithynian Troops in the Kingdom of the Bosporus // Epigraphica Anatolica. 1985. Ht/6. P. 97 – 107; *Зубарь В.М., Шмалько А.В.* Римско-боспорская война и Херсонес // Древности Степного Причерноморья и Крыма. Запорожье, 1993. С. 225–230.

дованием объединять вексилляции, находившиеся в подчинении администрации разных провинций.

Итак, публикуемая надпись и другие источники позволяют заключить, что в последней трети II в., скорее всего после вывода V Македонского легиона в Дакию, в системе римского военного контроля в Северном Причерноморье происходят определенные изменения. Вексилляции Тиры и Ольвии, небольшие в количественном отношении, вероятно, по-прежнему были подчинены непосредственно военной администрации Нижней Мезии. А римские гарнизоны, дислоцировавшиеся в Херсонесе, Хараксе и других пунктах Таврики, были объединены под единым региональным командованием, представителем которого в Херсонесе являлся римский офицер в ранге военного трибуна. Именно этот пост в разное время занимали Т. Плавтий Феликс Феррунтиан, Флавий Сергиан Сосибий и Аррий Алкивиад[55].

Сейчас трудно сказать, чем объясняются отмеченные изменения. Но, видимо, не будет большим преувеличением предположить, что они были связаны с расширением масштабов римского военного присутствия в Таврике, что делало невозможным общее руководство вексилляциями и постами с территории Нижней Мезии. Причем интересно, что отмеченное явление хронологически совпадает с комплексом мер по реорганизации Мезийского лимеса, связанной с Маркоманнскими войнами[56].

Солдаты (vexillarii), выполнявшие в Хараксе в 166 г. какие-то строительные работы, находились под командованием офицера XI Клавдиева легиона[57]. Костяк вексилляции, вероятно, но не обязательно[58], состоял из солдат этого же легиона. Судя по аббревиатуре одного типа керамических клейм из Тиры[59] и одной надписи из Ольвии[60], в состав вексилляции могли входить военнослужащие I Италийского, а может быть, и V Македонского легионов, а также солдаты вспомогательных подразделений нижнемезийской армии[61]. Об этом, как представляется, свидетельствует должность praep(ositus) vex(illariorum) Moes(iae) inf(erioris) центуриона I Италийского легиона, известная по одному из керамических клейм из раскопок Харакса[62]. Из названия этой должности следует, что по крайней мере команды, изготовлявшие в Таврике строительные материалы, были смешанными и действовали за пределами провинции, или что наряду с военнослужащими указанных подразделений в Хараксе и на южном берегу Крыма одновременно дислоцировались солдаты из подразделений, дислоцировавшихся в других частях Римской империи. Это пока полностью исключить нельзя, и не только исходя из упомянутой должности препозита и ай-тодорских клейм Равеннской эскадры, вопрос о датировке которых еще окончательно не решен, но и благодаря надгробию помощника препозита вексилляции I Фракийской когорты, выделенной, возможно, из состава вооруженных сил провинции Вифиния-Понт[63]. К этому следует добавить, что в Херсонесе известно надгробие молодого солдата II Луцензиевой когорты, которое по шрифту датируется II в.[64] А ведь хорошо известно, что не

---

[55] CIL. VIII. 619; IOSPE. I^2. № 404, 417.

[56] *Fitz J.* A Military History of Pannonia from the Marcomann War to the Death of Alexander Severus (180–235) // AAH. 1962. T. 14. Fasc. 1–2. P. 72; *Sarnowski T.* Wojsko rzymskie w Mezji Dolnej i na Połnocnym wybrzeżu morza Czarnego. Warszawa, 1988. S. 143.

[57] Далее до конца статьи комментарии Т. Сарновского.

[58] Ср. CIL. III. 6505 = *Saxer*. Op. cit. S. 84 (Schlossau в Горной Германии): vexil./coh. I/Seq et Raur./eq. sub cur./ Antoni Nata/lis > leg. XXII P./p.f. ob burgum ex/plic. См. прим. 36.

[59] *Сон*. Тира... С. 33–34. Рис. 4.

[60] IOSPE. I^2. № 322 = *Зубарь, Сон*. Об интерпретации... С. 52–54.

[61] См. прим. 36.

[62] См. прим. 21.

[63] *Ростовцев*. Святилище... С. 38. Табл. III, *3* = *Speidel M.P.* Furius' Gravestone from the Crimea // The Eastern Frontier of the Roman Empire. II. Oxford, 1989. P. 515 = Ann. Épig. 1990. № 871 (возможно из Харакса): D(is) M(anibus)/ L(ucio) [F]urio Sev(ero)/ [se]q(utori) p[r(aepositi)] / [v]ex(illationis) coh(ortis) I T [hr(acum)]: *Зубарь*. Херсонес... С. 63.

[64] IOSPE. I^2. № 555 = *Соломоник*. Латинские надписи... С. 47 сл., № 19.

позднее 136 г. это вспомогательное подразделение вошло в состав римских вооруженных сил провинции Фракия[65].

Если действительно во второй половине II в. существовала такая ситуация, то название «vexillationes Ponticae» – титулатуры чрезвычайной (?) должности Т. Плавтия Феликса Ферруntиана, трибуна всаднического ранга I Италийского легиона[66], отражало единичные вексилляции подразделений, которые не входили в состав армии Нижней Мезии. Новая строительная надпись из Харакса не позволяет окончательно решить вопрос о составе постоянного гарнизона этого римского опорного пункта. Однако вполне возможно, что там был размещен смешанный отряд, состоявший из военнослужащих нескольких подразделений римской армии Нижней Мезии. С другой стороны, нельзя исключить здесь одну или несколько вексилляций вспомогательных войск, так как в Хараксе помимо упоминавшихся памятников, поставленных от имени легионных бенефициариев, засвидетельствованы только военнослужащие вспомогательных отрядов, в том числе vexil(larii, – larius или – latio) a[lae] Arreva[corum] = Avacorum[67]. Как в первом, так и во втором случаях, препозитами таких вексилляций могли быть центурионы I Италийского и XI Клавдиева легионов. Подобно тому как это было в Монтане в Нижней Мезии[68], они довольно часто менялись на постах командиров в удаленных от основных римских лагерей опорных пунктах, одним из которых во второй половине II в. был Харакс.

A NEW LATIN INSCRIPTION FROM AI-TODOR AND SOME QUESTIONS OF THE MILITARY ORGANIZATION IN TAURIS IN THE SECOND HALF OF THE 2ND C. A.D.

V.M. Zubar, T. Sarnovsky

The article is devoted to the publication of a fragmented Latin inscription discovered when clearing the presumed praetorium on the territory of the Roman fortification on the Ai-Todor promontory. Proceeding from the reconstruction of the inscription suggested by the authors, it may be concluded that ca. 166, in the period of the joint reign of Marcus Aurelius nd Lucius Verus, the soldiers of a Roman vexillatio (or vexillationes) headed by a centurion of the legio XI Claudia built a structure with a tiled roof on the territory of the Roman fortress Kharaks.

On the basis of the text of the inscription and some other data, the authors have come to the conclusion that in the 3rd quarter of the 2nd c. A.D. the Roman garrison in Kharaks was mixed and, probably, consisted of soldiers of several detachments of the Moesian army. In the last third of the 2nd c. after a gradual withdrawal of the detachment of the legio Vth Macedonica to Dacia, certain changes took place in the system of the Roman military control in the Northern Black Sea region. The vexillationes of Tyras and Olbia were still subordinated directely to the military command of Moesia Inferior and were headed by legion centurions, whereas the Roman garrisons in Tauris were united under the single regional command headed by an officer having the rank of a military tribune. At different times this post was held by T. Plautius Felix Ferruntianus, Flavius Sergianus Sosibius and Arrius Alcibiades. Their headquarters were probably located on the territory of the citadel of Chersonesus.

---

[65] *Velkov V.* Cohors II Lucensium equitata in Moesia and Thrace // AAH. 1989. 31. P. 250. Ср., однако, иную, чем здесь и у В. Велкова, датировку херсонесского надгробия временем до 136 г.: *Крыкин С.М.* Deus Sanctus Porobonus // ВДИ. 1992. № 3. С. 142 сл.; *Зубарь.* Херсонес... С. 35 сл.

[66] См. прим. 18.

[67] IOSPE. I^2. № 677. Ср. *Зубарь.* Херсонес... С. 63–64. О кавалерийском подразделении алы I Gallorum Atectorigiana в Таврике см. *Зубар В.М., Антонова І.А., Савеля О.Я.* Надгробок римського кавалериста з околиці Балаклави // Археологія. 1991. № 3. С. 102–108.

[68] В 155–167 гг. в Монтане засвидетельствованы два центуриона I Италийского (CIL. III. 12371; Ann. Épigr. 1987. № 879 = *Велков В., Александров Г.* Епиграфични паметници от Монтана и района // Монтана. 1994. Т. 2. С. 26. № 50, 51) и два XI Клавдиева легионов (CIL. III. 7449; Ann. Épigr. 1987. № 867 = *Велков, Александров.* Ук. соч. С. 2,7 сл., № 1 и 10), а в III в. в качестве praepositus NCR известны один центурион I Италийского и один XI Клавдиева легионов (Ann. Épigr. 1987, № 887; Ann. Épigr. 1985. № 746 = *Велков, Александров.* Ук. соч. С. 16, 32, № 16 и 65). Ср. *Sarnowski.* Wojsko rzymskie... S. 84–87, 186–187. Tabl. 4.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Глиптика Средней Азии и Ближнего Востока

© 1997 г.

А.-П. Франкфор

ПЕЧАТИ ОКСА: РАЗНООБРАЗИЕ ФОРМ И ИЗМЕНЯЕМОСТЬ ФУНКЦИЙ

Печати и «амулеты» цивилизации Окса по праву привлекали внимание многих исследователей как вследствие их многообразия, так и из-за того, что они являются одним из первостепенных источников по иконографии этой цивилизации.

Замечательный проект всестороннего изучения печатей, основанного на серьезной классификации, которая в свою очередь базировалась бы на корпусе находок, сделанных во время официальных раскопок, окажет услугу всем исследователям, которые пытаются понять, как функционировала эта цивилизация. В качестве вклада в подобное исследование я предложил бы привлечь внимание к некоторым особенностям печатей и «амулетов», позволяющим цивилизации Окса занять особое место среди протоисторических цивилизаций древнего мира, в каждой из которых пользовались печатями.

Для начала следует напомнить, что сравнение материала и датировки, полученные радиоуглеродным методом, уже давно заставляют нас относить цивилизацию Окса к периоду примерно с 2300 до 1600 г. до н.э. с возможными на современном уровне знания поправками в 100–200 лет для каждой из крайних дат[1]. Мы также предполагаем, что цивилизация Окса пережила архаическую фазу возникновения в первой половине III тыс. до н.э., когда сформировались ее характерные особенности. Эта фаза представлена поселениями эпохи Намазга III – Геоксюр в Туркменистане, а также такими поселениями, как Саразм в Таджикистане, Мундигак и Теликан в Афганистане. Это необходимо удревненная хронология, которую мы не собираемся вновь здесь обсуждать, но которая подтверждается каждой новой датировкой[2], установила одновременность фазы расцвета цивилизации Окса с культурами аккадской эпохи и времени III династии Ура в Месопотамии, с культурами эламской эпохи в Западном Иране, с Гиссаром IIIC в Северо-Восточном Иране, с Намазга V–VI в. в Туркменистане и цивилизацией Инда в бассейне этой реки[3]. Нетрудно найти хронологические таблицы, где

---

[1] *Francfort H.-P.* Commentaires // Central Asia. Palaeolithic beginnings to the Iron Age (Synthèse, V. 14). P., 1984. P. 249–265; *idem.* The Early Periods of Shortughaï (Harappan) and the Western Bactrian Culture of Dashly // South Asian Archaeology. 1981. Cambr., 1984. P. 170–175; *idem.* La civilisation de l'Oxus: une zone marginale des civilisations du Proche-Orient? // Grand Atlas de l'Art. Encyclopaedia Universalis. P., 1993. P. 112–113; *Francfort H.-P. et al.* Fouilles de Shortughaï: recherches sur l'Asie centrale protohistorique // Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie centrale. V. II. P., 1989. P. 260–263 (о Бактрии), 378–381 (о Маргиане).

[2] *Клочков И.С.* Знаки на черепке с Гонура (К вопросу о маргианской письменности // ВДИ. 1995. № 2. P. 58; *Salvatori S.* Protohistoric Margiana: on a Recent Contribution // Review of: IASCCA (International Association for the Study of the Cultures of Central Asia). Information Bulletin 19. Moscow, 1993 // Rivista di Archeologia, 1995. XIX. P. 41–47.

[3] *Francfort et al.* Fouilles de Shortughaï... P. 389–421.

наглядно представлены временные соответствия между культурами Персидского залива, Южного Ирана, а также мира степей. Такое сосуществование современных друг другу цивилизаций и, следовательно, археологических культур в течение некоторого промежутка времени – важная составная часть проблемы печатей цивилизации Окса.

Действительно, предварительная типология, разработанная И. Клочковым, представляет собой веер из 13 основных типов для корпуса в 150 объектов, найденных на раскопках (всего известно 1500 печатей). Очевидно, что такое типологическое разнообразие чрезвычайно велико и едва ли встречается где-либо еще в протоисторическом мире той эпохи (Дьюринг-Касперс находит глиптику цивилизации Окса «поразительно богатой и разнообразной», показывая бесконечное многообразие материала, техники и форм[4]; Франке-Фогт дает таблицу типов печатей Инда, Ирана и Персидского залива[5]). Для удобства этой предварительной классификации я, не располагая всем корпусом находок, упростил бы типологию и свел бы ее к пяти следующим макротипам: многогранные, цилиндрические, чечевицеобразные, крестовидные и металлические перегородчатые[6]. Даже так, с пятью типами, разнообразие все еще остается значительным, слишком большим для обычной цивилизации этой эпохи. Это ставит важную проблему значения и функций печатей в соотношении с их морфологией.

Чтобы лучше понять этот вопрос, я проиллюстрирую его цитатой из К. Ламберг-Карловски: «Сходным образом наличие общей идеологии и общего понимания некоторых вещей можно вывести из печатей. Использование очень отличных друг от друга высоко индивидуализированных стилей и форм печатей в долине Инда (квадратные), в Персидском заливе (круглые), в Месопотамии (цилиндрические) и в Туркменистане-Сеистане (перегородчатые) в середине III тыс. до н.э., по моему убеждению, далеко не случайно. Считается, что печати во всех названных выше странах выполняли сходные функции: ими опечатывали товары, указывая на собственника. Эти товары могли затем отправляться для обмена на дальние расстояния, а могли оставаться на месте. Печати, однако, служили не только для указания на собственника. Они позволяли определить родину купца и происхождение товара, не распаковывая его, что облегчало хранение, обложение налогом, дальнейшее продвижение товара и другие процедуры. Одним словом, печати являлись ясным указанием на этническое происхождение, а также удобным средством регулирования торговли. Любопытно заметить, что распространение печатей определенных типов совпадает с распространением столь же определенных типов керамики. Такие предметы, как печати, выражают уникальный "познавательный набор" – собрание ментальных конструктов, которые усваиваются, изменяются и разделяются членами определенного общества. Таким образом, различие в стилях и формах печатей на упомянутых выше территориях было не беспорядочным и случайным, а полным смысла для разделения районов с разными культурами. Как заметил Барт, этнические группы нуждаются в "постоянном выражении и подтверждении своего единства через ясные сигналы и знаки" (символы) и "в основных ценностных ориентациях" (инстинктивная политико-религиозная ориентация печатей). Я полагаю, что такая концепция помогает объяснить не только функции печатей, но и их конструктивное значение на этих широких пространствах. Можно добавить, что поиски постоянных отличительных черт в функциональных типах столь же важны, как и фиксирование типологических параллелей, которые предполагают взаимосвязи и соприкасающиеся области археологических культур»[7].

---

[4] *During-Caspers E.C.* Triangular Stamp Seals from the Arabian Gulf once again // Proceedings of the Seminar for Arabian Studies. 1994. 24. P. 104.

[5] *Franke-Vogt U.* The «Early Period» at Mohenjo-Daro // From Sumer to Meluhha: Contributions to the Archaeology of South and West Asia in Memory of George F. Dales (Wisconsin Archaeological Reports, V. 3). Madison, 1994. P. 40, fig. 3, 7.

[6] *Francfort et al.* Fouilles de Shortughaï... P. 364–367.

[7] *Lamberg-Karlovsky C.C.* Third Millenium Modes of Exchange and Modes of Production // Ancient Civilization and Trade, Albuquerque, 1975. P. 362f.

При чтении этого текста, который я счел нужным привести полностью, создается впечатление, что цивилизация Окса представляет собой очевидную аномалию, ибо она объединяет в себе все типы, отмеченные К. Ламберг-Карловски: квадратные, круглые, цилиндрические, перегородчатые печати, относящиеся к культурам Ида, Персидского залива, Месопотамии и Туркменистана. Как можно объяснить (если только речь не идет о привезенных печатях) такую аномалию сравнительно с соседними культурами того же времени?

Во-первых, невозможно признать, что выводы К. Ламберг-Карловски, который установил соответствия между морфологией печатей и региональными культурами, в полной мере подходит лишь для середины III тыс. до н.э., но их уже нельзя применить для следующего периода. В самом деле, те же культуры продолжают свое существование на протяжении всей второй половины III тыс. до н.э. На современном уровне знаний достаточно заменить термин «Туркменистан–Сеистан» термином «Центральная Азия» и обогатить эту категорию печатями крестовидного типа и некоторых подтипов многогранных печатей, чтобы понять, что исчезновение региональной культуры (несмотря на то, что поселения могут исчезнуть) не отметет эту концепцию. Должны ли мы в таком случае признать, что цивилизация Окса переживала за время своего существования один за другим периоды господства, гегемонии или преобладания соседних культур различного происхождения: индской, эламо-месопотамской – или различных местных элементов (Туркмения, Бактрия-Маргиана), что отразилось в использовании различных печатей, сменяющих, согласно этой точке зрения, друг друга? Я полагаю, что такая хронологическая последовательность не является окончательным объяснением. Конечно, справедливо будет сказать, что наблюдается бесспорное различие во времени присутствия тех или иных типов печатей на поселениях, как это показывает, к примеру, небольшой набор печатей, найденных в захоронениях Сапаллитепа и Джаркутана, которые датируются эпохой древнейших фаз существования цивилизации Окса. Все эти печати принадлежат к местным типам, однако заметно отсутствие некоторых как местных, так и «экзогенных» (мы используем этот термин для обозначения позднего возникновения типа, а не привезенного объекта) типов: всего одна цилиндрическая печать в Джаркутане[8], отсутствуют фигурные перегородчатые печати, амулеты Мургаба и т.д. Между тем, по моему мнению, такое отсутствие многих типов отражает скорее географическую маргинальность данного региона по сравнению с основными центрами Бактрии и Маргианы, которая усиливается в период упадка крупных торговых путей международного обмена после 1800–1700 гг. до н.э., т.е. в «постгородскую» эпоху, когда, собственно, эти поселения переживали подъем[9]. Речь, таким образом, идет не о появлении местных форм печатей, сменяющих печати «экзогенные», так как местные печати, обнаруженные в Сапаллитепа и Джаркутане (многогранные, круглые, каменные или металлические крестовидные, геометрические перегородчатые), существовали в Центральной Азии в различные эпохи и появились до начала этой фазы. Это доказывают другие поселения Миргианы и Бактрии, относящиеся к различным эпохам, в которых находят печати, принадлежащие как к местным, так и к «экзогенным» типам[10]. Если

---

[8] *Аскаров А.А., Ширинов Т.Ш.* Ранняя городская культура эпохи бронзы юга Средней Азии. Самарканд, 1993. Табл. 43, II, № 6.

[9] *Francfort et al.* Fouilles de Shortughaï... P. 370–388.

[10] По данному вопросу существует обширная библиография; см., например: *Amiet P.* Antiquités de Bactriane // La revue du Louvre et des Musées de France. 1978. 3. P. 153–164; *idem.* Iconographie de la Bactriane protohistorique // Anatolian Studies. 1983. XXXIII. P. 19–27; *idem.* Antiquities of Bactria and Outer Iran in the Louvre collection // Bactria. An Ancient Oasis Civilization from the Sands of Afghanistan. Venice, 1989. P. 159–188; *idem.* Quelques sceaux élamites // Cinquante-deux réflexions sur le Proche-Orient ancien offertes en hommage à Léon de Meyer (Mesopotamian History and Environment, Occasional Publications. V. II). Louvain, 1994. P. 59–66; *Максимов И.С.* Изучение памятников эпохи бронзы низовьев Мургаба / СА. 1979. № 1. С. 111–131; *он же.* Новые находки печатей эпохи бронзы с низовьев Мургаба // СА. 1981. № 2. С. 132–150; *Pittman H.* Art of the Bronze Age. Southeastern Iran, Western Central Asia and the Indus Valley. N.Y., 1984; *Sarianidi V.I.*

формы чисто индского происхождения редки и могут относиться либо к хараппскому типу[11], либо к типу, характерному для Персидского залива[12], то можно заметить параллельный феномен существования в индской цивилизации так называемых центральноазиатских форм (крестовидные, перегородчатые) или цилиндрических печатей, которые также относительно редки[13]. Иначе обстоит дело в цивилизации Окса с цилиндрическими печатями, которые не были поздним привнесением, поскольку появляются в Центральной Азии очень рано, на архаической стадии в Бактрии[14] и Саразме[15] параллельно с печатями, традиционно рассмариваемыми как местные: перегородчатыми и геометрическими из металла или камня, как печати Мундигака[16], и в ту же эпоху, что протоэламские цилиндрические печати, такие, как печати Шахр-и Сохте[17]. Цилиндрические печати использовались по крайней мере до конца древней фазы, как это показывают находки в Маргиане от Келлели до Тоголока и Гонура, хотя они и отсутствуют собственно на Намазга VI и в позднюю эпоху цивилизации Окса[18]. Что касается плоских многогранных печатей и амулетов Мургаба, прямоугольных в плане и чечевицеобразных в разрезе, поскольку они не появляются с самого начала и не используются до самого конца существования цивилизации Окса, они представляют собой местный элемент, прототипы которого нужно искать в древнейших печатях Ирана и особенно Луристана, опубликованных П. Амье[19]. Показательно, что в предгорьях Туркменистана странным образом отсутствуют цилиндрические печати, которые тем не менее находят вплоть до Ида и Сибри[20]. Следовательно, если, как нам кажется, на протяжении некоторого времени – с 2200 до 1800 г. до н.э., а то и дольше – можно найти в цивилизации Окса одновременно все типы печатей, нельзя ли сделать вывод, что мы имеем дело с полиэтнической или поликультурной цивилизацией и что каждая группа, входящая в нее пользовалась своей

Anthropomorphic divinities of ancient Bactria // Festschrift Jettmar. P. 515–525; *Сарианиди В.И.* Древние земледельцы Афганистана. М., 1977; *Sarianidi V.I.* Seal-Amulets of the Murghab Style // The Bronze Age Civilization of Central Asia, N.Y., 1981. P. 221–255; *Сарианиди В.И.* Об одной группе древнебактрийской глиптики. М., 1982. С. 297–306; *Sarianidi V.I.* The Bactrian Pantheon // IASCCA Information Bulletin. 10. M., 1986. C. 5–20; *idem.* Le complexe cultuel de Togolok 21 en Margiane // Arts Asiatiques. 1986. XLI. P. 5–20; *idem.* Cult symbolism of Bactrian and Margiana amulets // Orientalia Iosephi Tucci Memoriae Dicata (Serie Orientale. Roma, 1988. V. LVI, 3). P. 1281–1294; *idem.* Excavations at Southern Gonur // Iran. 1993. XXXI. P. 25–37; *idem.* New discoveries at Ancient – Gonur // Ancient Civilizations. 1995. 2(3). P. 289–310; *idem.* Aegean-Anatolian Motifs in the Glyptic Art of Bactria and Margiana // BA. I. 1996. 8 (1994). P. 27–36.

[11] О бактрийской имитации индской печати см. *Сарианиди.* Об одной группе... Рис. 2 и 2а, С. 301, 303 сл.

[12] *During-Caspers E.C.L.* Further evidence for 'Central Asian' materials from the Arabian Gulf // JESHO. 1994. XXXVII. P. 33–53; *idem.* Triangular stamp seals... P. 97–114; о современном состоянии изучения связей между цивилизациями Окса и Персидского залива см. *Potts D.T.* A New Bactrian find from Southeastern Arabia // Antiquity. 1993. 67. P. 591–596; *Сарианиди.* Древние земледельцы Афганистана. Табл. I, № 4, 6 и Рис. 50; С. 96 – о печатях, сделанных в манере печатей Персидского залива.

[13] *During-Caspers E.C.L.* Non-Indus glyptics in a Harappan context // Iranica Antiqua. 1994. XXIX. P. 84–106; *idem.* Widening horizons; Contacts between Central Asia (the Murghabo-Bactrian culture) and the Indus Valley Civilization towards the Close of the third and the Early Centuries of the Second Millenium B.C. // Annali. 1994. 54(2). P. 171–197.

[14] О протоэламских цилиндрических печатях см. *Amiet P.* Bactriane protohistorique // Syria. 1977. LIV (1–2). P. 120, Fig. 22; *idem.* Antiquites de Bactriane. P. 159.

[15] *Исаков А.И.* Раскопки на Саразме // АО. 1984. М., 1986. С. 480; *Isakov A.I.* Sarazm: An Agricultural Center of Ancient Sogdiana // BAI. 1996. 8 (1994). Fig. 10.

[16] *Casal J.-M.* Fouilles de Mundigak // MDAFA. 1961. XVII. Pl. XLV.

[17] *Amiet P., Tosi M.* Phase 10 at Shahr-i Sokhta: Excavations in Square XDV and the Late 4th Millenium B.C. Assemblage of Sistan // East and West. 1978. 28 (1–4). Fig. 35.

[18] *Francfort et al.* Fouilles de Shortughaï... P. 364.

[19] *Amiet P.* À propos des dons de M. Mohsène Foroughi. Quelques aspects peu connus de l'art iranien // La Revue du Louvre. 1973. P. 215–224; *idem.* L'iconographie archaïque de l'Iran. Quelques documents nouveaux // Syria. 1979. LVI (3–4). P. 333–352.

[20] *Jarrige C., Jarrige J.-F., Meadow R.H., Quivron G.* Mehrgarh. Fields Reports 1974–1985 from Neolithic Times to the Indus Civilization. Karachi, 1996. № 360d, 411c, 412a.

собственной формой печати, или же – что перед нами культура, которая выделяла особые формы печатей для различных целей.

Здесь необходимо вернуться к функции печатей.

Назначение клейм – клеймить, печатей – опечатывать, удостоверяя невидимое содержание (качество, количество) емкости (тюка, сосуда, помещения) путем указания ответственного (политически, экономически, в качестве уполномоченного) лица (персоны, коллектива). Обычная форма опечатывания – глиняная булла с оттиском одной или нескольких печатей и обозначением опечатанного объекта. Однако их в цивилизации Окса известно очень немного – это буллы Южного Гонура, на одной из которых есть только оттиск печати[21] без обозначения опечатанного объекта (?) – возможно, она не была использована, на другой имеются оттиски и след крепления[22]. В остальном чаще всего встречаются оттиски печатей на керамических сосудах. Эти оттиски могли быть оставлены только на мягкой массе до обжига и их нельзя было изменить. В таком случае речь идет не об опечатывании. Известные оттиски на сосудах оставлены только цилиндрическими или перегородчатыми печатями. Безусловно, проблема этих оттисков та же, что проблема надписей, сделанных до обжига на протоисторических сосудах, или штампов на родосских или фасосских амфорах в Греции: были ли они знаками гончаров, штампами владельцев или метками, гарантирующими емкость путем приложения печати «должностного лица»? Трудно ответить на этот вопрос, но я склоняюсь к третьей точке зрения: они в то же самое время устанавливают определенную мастерскую и указывают на общее происхождение. Я почти не верю в чисто декоративные функции[23], ведь даже изображения на керамике являются не только украшениями, но и определяющим происхождение культурным знаком, забытым в Центральной Азии к моменту становления цивилизации Окса. Естественно, многочисленные оттиски различных печатей на сосудах не были ни простой заменой рисунков, ни пережитками архаической системы административного контроля за производством и торговлей[24]. Наложение печатей на сосуд до обжига кажется характерной практикой цивилизации Окса, которая использовалась также цивилизацией Инда (Ламберг-Карловски и Този приводят многочисленные примеры подобного использования оттисков в индской цивилизации – один оттиск индской печати на сосуде из Тепе-Яхья IV А[25]). Действительно, ничто не подтверждает, что очень редкие оттиски перегородчатых печатей на керамике Мундигака единственный известный оттиск в Мундигаке IV 3[26]), Шахр- и Сохте (один оттиск периода Шахр- и Сохте III, оканчивающегося около 2500, 2350 или 2100 г. до н.э.[27]) и явно более могочисленные оттиски с Шахдада[28] относятся к более древним слоям, чем цивилизация Окса. Самый известный пример – оттиск металлической перегородчатой печати на вазе из Шахдада, который точно соответствует перегородчатой печати из Бактрии[29] , но в этом случае и еще меньше – в случае с оттисками цилиндрических печатей на вазах или черепках из Маргианы мы не можем утверждать, что речь идет об импорте из Бактрии, так как мы остаемся в пространстве если не одной культуры,

---

[21] *Sarianidi*. Excavations at Southern Gonur. Pl. X, a, b; *idem* New discoveries at Ancient Gonur. P. 289–310.

[22] *Hiebert F.T.* Production evidence for the Origins of the Oxus Civilization // Antiquity. 1994. 68. P. 380. Fig. 8.

[23] *Idem*. Origins of the Bronze Age Civilization in Central Asia (American School of Prehistoric Research, V. 42). Cambr., 1994. P. 61.

[24] *Ideim*. Production evidence... P. 380.

[25] *Lamberg-Karlovsky C.C., Tosi M.* Shahr-i Sokhta and Tepe Yahya: Tracks on the Earliest History of the Iranian Plateau // East and West. 1973. 23 (1–2). P. 34. Fig. 137.

[26] *Cascal*. Fouilles de Mundigak. P. 153. Fig. 105, № 519.

[27] *Tosi M.* Development, Continuity and Cultural Change in the Stratigraphical Sequence of Shahr-i Sokhta // Prehistoric Sistan 1 (ISMEO Reports and Memoirs, V. XIX, 1). Rome, 1983. P. 157. Pl. LXXIII, *74*.

[28] *Amiet P.* L'âge des échanges inter-iraniens. 3500–1700 avant J.-C. P., 1986. P. 163. Fig. 118; *Hakemi A.* Catalogue de l'exposition LUT xabis (Shahdad). Premier Symposium Annuel de la recherche Archéologique en Iran, Téhéran. 1972. Pl. XXIIB, XXIIIB, XXIVC, XXIVB.

[29] *Amiet*. L'âge des échanges... Fig. 118, 176.

то по крайней мере – одной широкой общности. В этих условиях, когда можно благодаря оттискам установить семантическое поле для емкостей, но не для содержимого, которое может быть безразлично или не обозначено из-за стандартности внутри одной сферы цивилизации, одного бытия или «надкультурного слоя»[30], трудно допустить, что печати имели только одну функцию, связанную с межкультурным и межрегиональным обменом, если не признать, что общество цивилизации Окса состояло из гетерогенной этнической мозаики в том, что касается печатей, но было гомогенным в остальном – в керамике, архитектуре, иконографии и т.д., что весьма маловероятно. Представляет большой интерес и сулит больший успех предположение, что цилиндрические печати цивилизации Окса выражают местную символику, что доказывают их иконография и стиль, а также элемент на торце печати, который имеет не эламо-месопотамское происхождение, а является местным изобретением[31]. Истоки такого эклектизма в форме печатей следует искать в генезисе цивилизации Окса в первой половине III тыс. до н.э., когда интегрируются элементы различных регионов (Мундигака, Саразма, Туркменистана), а также вклад степей, Инда[32] и особенно сильное влияние Элама, блестяще выявленное П. Амье во многих статьях[33]. В ходе этого синтеза, завершившегося около 2300 г. до н.э., родилась эклектическая цивилизация, которая сохраняет следы старых составляющих, тем более, что связи с окружающими регионами-источниками не прекратились.

Но возвращаясь к вопросу о печатях и их разнообразии, следует заметить, что значительная их часть не оставила оттисков ни на одном известном объекте (большие перегородчатые печати, чечевицеобразные печати Мургаба, крестовидные печати, большая часть многогранных), а те, которые оставили оттиски (геометрические перегородчатые, цилиндрические, некоторые многогранные), очень редко фигурируют на подлинных опечатываниях. Из этого мне хотелось бы сделать вывод, что печати цивилизации Окса, которая – не будем этого забывать – представляла собой известную аномалию и была организована в небольшие единицы вокруг дворцов, а не в крупные городские конгломераты[34], были скорее символическими знаками индивидуального статуса, а не действительно административными атрибутами, предназначенными для почти государственного контроля над производством и торговлей. К тому же в протоэламскую эпоху истоки протогосударственной административной системы, скопированной с Месопотамии, появляются вплоть до Восточного Ирана вместе с печатями, буллами и табличками Сиалка, Тепе-Яхья и Шахр-и Сохте; впоследствии эта система исчезает: «...те же самые инструменты администрации, несомненно, существовавшие в Месопотамии в рамках государственно регулируемой экономики, могли быть приняты на дальней периферии с негосударственным домашним способом организации производства. То, что эта система не сохранилась на таких отдаленных поселениях, как Тепе-Яхья, хорошо согласуется с тем фактом, что она не была связана с развитием хорошо интегрированной, иерархически выстроенной и географически широко распространенной бюрократии»[35]. Возможно, небезынтересно будет отметить, что в Сибри, расположенном вблизи от поселений индской цивилизации, хотя

---

[30] Об этом понятии см. *Francfort et al.* Fouilles de Shortughaï... P. 409–413.

[31] Об этом, правда, с устаревшей датировкой цивилизации Окса см. *Ishida K.* The Ancient near Eastern Stamp-cylinder seals // BAOM. 1983. V. P. 281–296.

[32] *Jarrige J.-F.* Introduction // Mehrgarh. Fields Reports 1974–1985 from Neolithic Times to the Indus Civilization. Karachi, 1996. P. 41–50.

[33] О синтезе см. *Amiet.* L'âge des échanges...

[34] *Francfort H.-P.* Fortifications et sociétés en Asie centrale protohistorique // De l'Indus aux Balkans. Recueil à la mémoire de Jean Deshayes. P., 1985. P. 379–388; *idem.* Fondations de Bactriane et de Margiane protohistoriques // Nuove Fondazioni nel vicino oriente antico: realtà e ideologia. Atti del colloquio 4–6 dicembre 1991. Pise, 1994, P. 269–297; *Lamberg-Karlovsky C.C.* The bronze Age khanates of Central Asia // Antiquity, 1994. 68. P. 398–405.

[35] *Lamberg-Karlovsky C.C., Tosi M.* The proto-elamite community at Tepe Yahya: tools of administration and social order // South Asian Archaeology 1985 (Scandinavian Institute of Asian Studies, Occasional Papers, V. 4). Londres, 1989. P. 111.

он и является объектом довольно ограниченных раскопок, обнаружено не только множество печатей различных типов, но также объекты (сферические, дисковидные) с оттисками печатей[36]. Напротив, на Тепе Гиссар III С были найдены только три оттиска печатей несмотря на интенсивные раскопки[37], а доступная публикация находок из Шахдада упоминает всего одну сферу с оттисками[38]. Хотя невозможно представить себе полную картину как из-за качества старых раскопок, так и из-за характера памятников, на которых проводились раскопки, я думаю, необходимо разграничить использование печатей для торговых или административных, городских или государственных целей – так сказать, нормальное использование печатей – и употребление их в качестве отличительного знака представителей элиты, явно менее связанной с торговлей.

Печати цивилизации Окса во всем их многообразии связаны со следами протоэламского влияния, от которого сохранились только наиболее выраженные внешние знаки, на культуру, которая, хотя и не имела крупных городских образований, была городской из-за сложности ее составляющих, но не была протогосударственной, так что ее можно определить как псевдогосударственную[39]. В некотором роде это были знаки отличия, сделанные в подражание печатям, которые носили властитель и местная знать параллельно с другими символами их статуса: топорами или роскошными металлическими молотами. Отталкиваясь от этой базовой гипотезы, можно вернуться к рассмотрению классификации печатей, которая будет не только морфо-типологической, но должна учитывать также материал, сюжет и функции, рассмотренные нами.

Я полагаю, что в предыдущих статьях[40] мне удалось показать, что в цивилизации Окса иерархию сверхъестественного мира возглавляет женское божество, повелительница животных и госпожа дракона. Этот дракон, чудовище, порождающее змею, нападает на млекопитающих, но его побеждает дух с орлиной головой, повелитель животных. Кроме того, существуют натуралистические версии этого мифа: птица, схватившая змею. На этой основе, описанной кратко и схематично, можно выдвинуть следующие предположения:

– изображение главного женского божества появляется только на металлических перегородчатых печатях из меди, серебра или золота, но никогда не встречается на печатях из камня;

– дух с орлиной головой, как и дракон (лев или змея), фигурирует на перегородчатых металлических печатях, а также на цилиндрических, многогранных и чечевицеобразных печатях;

– некоторые геометрические, животные, растительные мотивы и натуралистическая версия (птица и змея) мифа о борьбе (дракон и орлиный дух) засвидетельствованы только на каменных печатях, другие иногда встречаются на медных.

Хотя еще слишком рано идти дальше в исследовании этих соотношений, можно тем не менее предположить, что иерархии сюжетов соответствует в целом иерархия форм и материалов: поскольку антропоморфное представление мифа может выражаться только в драгоценном металле, богиня появляется на печати, перегородчатой с лицевой стороны и позолоченной сзади. Менее благородные, более приземленные сюжеты появляются на хуже обработанных (медных) или более простых (каменных) печатях. Следует отметить, что тончайшая золотая работа – дело рук лучших ремесленников, которые, как можно думать, были связаны с самыми блистательными дворами наиболее крупных династий. В этом отношении, если только разграбление гробниц не заставляет нас ошибаться относительно Маргианы, Бактрия, вероятно, играла

---

[36] *Jarrige et al.* Mehrgerh. Field Reports 1974–1985... P. 361a, c, 412c.

[37] *Schmidt E.F.* Excavations at Tepe Hissar Damghan. Philadelphia, 1937. P. 200.

[38] *Hakemi.* Catalogue... Pl. XXII, A.

[39] *Francfort et al.* Fouilles de Shortughaï... P. 340–371.

[40] *Francfort H.P.* Dungeons and Dragons: Reflections on the System of Iconography in Protohistoric Bactria and Margiana // South Asian Archaeology Studies. New Delhi–Bombay–Calcutta–Oxford, 1992. P. 179–208; *idem.* The Central Asian Dimension of the Symbolic System in Bactria and Margiana // Antiquity. 1994. 68 (259). P. 406–418.

более важную роль. Доступ к полезным ископаемым Гиндукуша и Бадахшана, а также к золоту Окса был, с моей точки зрения, одной из причин этого расцвета. Можно также предположить наличие греко-бактрийского сценария, при котором после эпохи зависимости от более развитого мира вне Центральной Азии цивилизация Окса развивалась, используя свои ресурсы прежде всего для себя, как общество оригинального протогородского типа. Можно легко предположить, что бактрийские и маргианские династии находились в контакте с миром от Инда до Анатолии и имели средства благодаря золоту, ляпис-лазури, олову приобретать себе ремесленников и изображения, подходящие для выражения их видения мира.

В связи с этим я полагаю, что в сценах тавромахии или в орлиноголовых духах Бактрии нельзя видеть следствие миграции народов с эгейского или сиро-хеттского запада. Скорее, как мне кажется, речь идет о проведении выбора из перечня художественных форм, имевшихся в распоряжении той эпохи, чтобы найти среди них лучшую возможную иллюстрацию драгоценного мифа, структурный анализ которого показывает, что он был чисто местным, т.е. центральноазиатским в широком смысле.

Если же, как мы только что попытались показать, печати цивилизации Окса являлись знаками распознавания статуса в недрах символической системы со структурой и даже иерархией, вопрос остается запутанным. Пока еще невозможно различить цилиндрический тип и тип "амулетов Мургаба" по их иконографическому содержанию – их различают только по форме и возможному происхождению.

Тем не менее помимо происхождения форм и долгого существования архаизмов цивилизация Окса проявляет изобретательность в заимствованиях. Так же, как планы замков, храмов или дворцов, печати тяготеют – и это давно уже отмечают во всем мире – к геометрическим формам с осевой или центральной симметрией, – одним словом, к геометрически центризованным композициям. Это пристрастие указывает на некоторый архаизм, так и использование разорванного изображения абсолютно симметричных лиц («расколотое изображение»), столь излюбленного для сознания старой Евразии. Однако – и именно в этом заключается ее оригинальность и изобретательность, даже если она пользуется старыми представлениями – цивилизация Окса почти систематически добавляет на печатях дополнительное измерение, которое можно назвать вертикальным. «Амулеты Мургаба», многогранники, диски, ступенчатые кресты несут изображение на лицевой и на обратной стороне. Перегородчатые печати несут на обратной стороне тонкое резное рельефное изображение. Некоторые медные печати являлись навершиями булавок. Даже цилиндрические печати видоизменяются, чтобы добавить это вертикальное измерение: у них и на торце вырезается изображение. Это отличает их и от печатей Инда и Персидского залива, и от месопотамских цилиндрических печатей, украшенных только в двух измерениях, т.е. на одной поверхности. Независимо от этого объяснения пространства с пятью измерениями, которое нарушают печати цивилизации Окса, не подлежат сомнению, что добавление на печати дополнительного украшения вместо надписей, которые встречаются на печатях цивилизаций той эпохи, означает, что они не использовались рациональной и эффективной администрацией. Снова функция этих печатей частично совпадает с функцией тех, которым они подражают и смысл которых расширяют. Булла из Южного Гонура, как и оттиски на керамике, является в этом отношении показательной из-за четырех симметричных оттисков, перпендикулярных главному оттиску с мифологическим сюжетом. Мифологический смысл и символическая функция здесь еще связаны с административной функцией. Однако не следует ли узнать, маркирует ли след шнура или какой-либо оттиск обратную сторону этой буллы?

К этому добавляется, естественно, наложение на эти формы печатей оригинальной иконографии, принадлежащей цивилизации Окса, о которой мы кратко упомянули выше, но по поводу которой следует ясно повторить, что ни в сюжетах, ни в композиции она не копирует иконографию ни Инда, ни Месопотамии, ни эламского Ирана, даже если она иногда черпает оттуда частные сюжеты или произвольные элементы, такие, как дракон, повелитель или повелительница животных, или – более широко –

художественный язык. В сравнении с древним Ираном, чья иконография наиболее близка к иконографии Окса, можно заметить как преемственность, так и разрывы. Один из важнейших разрывов – почти полное исчезновение образа бога-козла, часто встречающегося на древних иранских печатях, которые, как мы уже видели, могли стоять у истоков некоторых типов печатей цивилизации Окса. Большую важность этого образа доказала Э. Порада[41], а П. Амье указал на его близость к миру змей и, следовательно, к дракону[42]. В Бактрии это божество засвидетельствовано лишь на бронзовом флаконе, где оно представлено пирующим, причем угощают его обезьяны[43]. Таким же образом легко отличить иконографию цивилизации Окса от иконографии цилиндрических печатей из пустыни Лут или Юго-Западного Ирана той эпохи[44]. Итак, мы имеем дело с ви́дением природного и сверхъестественного мира, характерным для цивилизации Окса, которое еще далеко не полностью разъяснено.

На этом этапе и следует поставить вопрос о социальной значимости этих инсигний, что ведет к сложной проблеме эмблем семей, фратрий или кланов и, следовательно, к проблеме тотемизма.

В заключение этого краткого очерка нам приходится констатировать, что нужно провести еще много исследований, прежде чем мы можем полностью понять смысл и функции печатей цивилизации Окса*.

SEALS OF THE OXUS: DIVERSITY OF FORMS AND VARIABILITY OF FUNCTIONS

H.P. Francfort

Glyptics of the civilization of the Oxus was an obvious anomally because all macrotypes of seals (square, round, cylinder, compartmented) characteristics of the cultures of the Indus, the Arabic Gulf, Mesopotamia and Turkmenistan coexisted there. According to the author, the diversity of forms of the Oxus seals was the result of the polyethnic character of the population which created civilization of the Oxus (first half of the III millennium B.C.) rather than the consequence of the cultural influence of its neighbours. The author supposes that the Oxus seals were symbolic marks of status of an individual (together with luxurious metal axes), but not real administrative attributes.

The author porposes a classification of the seals based on the material and subjects represented on them: 1) gold and silver compartmented seals with representations of the highest goddess; 2) metal compartmented seals and stone cylinder and lens seals with images of eagleheaded demons and dragons; 3) stone (sometimes copper) selas with geometric ornaments and images of animals and plants.

According to the author, amazing scenes of tauromachy and some other motifs of the Oxus seals do not presuppose migration of ethnic groups from the Aegean and Syro-Hittite West. It is the result of excerption from the vast corpus of artistic imagery of the epoch by the Oxus dwellers for the illustration of their native myths. The creators of the Oxus civilization usually added some local traits to the things they had adopted from their neighbours.

---

[41] *Porada E.* Man and Images in the Ancient Near East. Wakefield–Londres, 1995.

[42] *Amiet.* L'iconographie archaïque de l'Iran...

[43] *Сарианиди В.И.* Два уникальных флакона из Бактрии // ВДИ, 1992. № 3. С. 81–93.

[44] *Amiet.* L'âge de échanges... P. 165–169.

* Перевод И.С. Клочкова.

© 1997 г.

КИММЕРИЙЦЫ В ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ*

(По поводу монографии: A.I. Ivantchik. Les Cimmériens au Proche-Orient. Editions Universitaires. Fribourg, Suisse, Vandenhoeck und Ruprecht. Göttingen, 1993 (Orbis Biblicus et Orientalis, Bd 127). 325 p. (Русское издание: А.И. Иванчик. Киммерийцы. Древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII–VII веках до н.э. М., 1996)

Интерес, издавна проявляемый отечественной исторической наукой к киммерийцам на протяжении многих десятилетий, определялся в первую очередь той оценкой их места в истории, которая в свое время была четко сформулирована А.И. Тереножкиным: «Киммерийцы являются древнейшим из числа известных по своему имени народов, обитавших в Европе к северу от Черного моря и Дуная»[1]. Базирующееся на античной традиции – прежде всего на свидетельствах Геродота – это представление об истории киммерийцев как о древнейшей странице этнической истории Восточной Европы, отраженной не только в археологических, но и в вербальных источниках, обусловило подход к киммерийской проблеме как к комплексной: любые ее разработки предпринимались на основе сопоставления письменных (как античных, так и древневосточных) и археологических данных.

На практике, однако, реализация такого подхода в нашей специальной литературе страдала тем же существенным недостатком, который был отмечен одним из авторов данной статьи применительно к смежной – скифской – проблеме, в работах отечественных ученых неразрывно связанной (благодаря нарисованной античными авторами картине взаимоотношений скифов и киммерийцев) с проблемой киммерийской. Недостаток этот состоит в том, что при сопоставлении представляющих интерес в указанном контексте разноприродных данных «...материалы археологии именно и с с л е д у ю т с я, а письменные источники скорее лишь п р и в л е к а ю т с я (к тому же нередко далеко не в полном объеме)»[2]. Не случайно остававшаяся до последнего времени единственной отечественная монография о киммерийцах – уже цитированный труд А.И. Тереножкина – принадлежит перу археолога и содержит подробную сводку и детальный анализ археологических комплексов, оставленных, по мысли автора, киммерийцами, тогда как нарративные данные об этом народе лишь кратко излагаются на нескольких страницах ее вводной и заключительной глав.

---

* Данная работа выполнена в рамках реализации научного проекта, осуществляемого при финансовой поддержке Международного научного фонда.

[1] *Тереножкин А.И.* Киммерийцы. Киев, 1976. С. 7.

[2] *Грантовский Э.А.* Выступление на Круглом столе «Дискуссионные проблемы отечественной скифологии» // НАА. 1980. № 6. С. 68. Применительно к киммерийской проблеме сказанное в несколько меньшей степени, чем к античным свидетельствам, относится к древневосточным текстам, поскольку содержащиеся в них сообщения о киммерийцах рассматривались, как правило, не сами по себе, а в контексте изучения тех областей древнего Востока, где эти тексты фиксируют пребывание киммерийцев; см., например: *Дьяконов И.М.* История Мидии с древнейших времен до конца IV в. до н.э. М.-Л., 1956; *он же.* Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту // ВДИ. 1951. № 2, 3 (далее – АВИИУ). Естественно, однако, что при высоком профессионализме анализа этих текстов в таких работах интересующий нас аспект их содержания оказывался все же на периферии внимания исследователя. Те же, кто обращался к этой проблеме специально, чаще всего в силу своей профессиональной ориентации могли пользоваться лишь результатами этого осмысления.

Устранить эти пробелы и перекосы в разработке киммерийской проблемы призваны две недавно опубликованные монографии российских исследователей, специально посвященные киммерийцам, основанные на тщательном изучении источников разных категорий и потому удачно дополняющие друг друга. Коллективная работа трех петербургских авторов[3] включает осуществленный С.Р. Тохтасьевым детальный источниковедческий и содержательный анализ античной литературной традиции о киммерийцах, а также очерк, посвященный археологическим аспектам киммерийской проблемы, написанный А.Ю. Алексеевым и Н.К. Качаловой. В этой работе, таким образом, охвачены две из трех групп источников, традиционно привлекаемых при рассмотрении вопроса о киммерийцах. В основном вне поля зрения авторов остались источники третьей группы – древневосточные тексты. Зато именно они составили предмет исследования в монографии А.И. Иванчика «Киммерийцы в Передней Азии»[4], которой и посвящена данная статья. Конечно, автор не мог вовсе отказаться от привлечения античных свидетельств, особенно в тех разделах работы, которые посвящены заключительному этапу пребывания киммерийцев на Ближнем Востоке. Но главным объектом его внимания являются клинописные тексты. В целом же две названные монографии в совокупности рисуют картину, беспрецедентно полную по охвату привлеченных данных, и их выход служит хорошим поводом для обсуждения различных аспектов киммерийской проблемы и основательной базой для ее дальнейшей разработки[5].

Начать такой разговор с обсуждения работы А.И. Иванчика представляется целесообразным по ряду причин. Неоднократно отмечалось, что источники трех названных категорий освещают киммерийскую проблему с разной мерой полноты и достоверности. Археологические материалы, при всей их важности, выступают здесь в определенном отношении как вторичные, ибо сам выбор привлекаемого в таком контексте круга памятников диктуется предшествующей ему трактовкой нарративных данных, что, конечно, не исключает последующего внесения в эту трактовку определенных корректив, базирующихся уже на археологической информации. Что касается самих вербальных источников, то античная традиция, претендующая на освещение самых разных сторон киммерийской истории, сложилась, как известно, много позже описываемого в ней периода в отличие от ассирийских текстов, в целом синхронных упоминаемым в них событиям. Зато клинописные источники вообще не содержат информации о ранних этапах истории киммерийцев (о локализации их прародины, о причинах, путях и способе их проникновения в страны Ближнего Востока и т.д.) и освещают по существу лишь одну – собственно переднеазиатскую – страницу этой истории. Тем не менее, по мнению А.И. Иванчика (с. 10 = с. 12)[6], изучение именно

---

[3] *Алексев А.Ю., Качалова Н.К., Тохтасьев С.Р.* Киммерийцы: этнокультурная принадлежность. СПб., 1993 (публикация Информационно-исследовательского института «Ермаков». Малая серия. Вып. I).

[4] Настоящая статья была завершена в начале 1995 г., и одной из ее задач было познакомить российского читателя с мало ему доступной, но представляющей несомненный интерес изданной за рубежом монографией нашего соотечественника на тему, активно разрабатываемую в отечественной науке. Мы выражали надежду, что эта работа будет опубликована и в России. Сейчас такая публикация уже увидела свет. Автор, знакомый с нашей статьей, учел некоторые из содержащихся в ней замечаний и отметил свое несогласие с другими. Однако мы сочли нецелесообразным вносить в статью радикальные изменения, тем более что один из ее авторов, Э.А. Грантовский, уже не может принять участие в такой переработке.

[5] Одновременно с названными монографиями или чуть позже появились и другие работы, в большей или меньшей степени связанные с киммерийской проблемой. Так, можно назвать монографию: *Эрлих В.Р.* У истоков раннескифского комплекса. М., 1994. Те же вопросы затрагивали многие участники дискуссии, развернутой на страницах журнала «Российская археология» (1993. № 2; 1994. № 1, 3) вокруг статьи И.Н. Медведской «Периодизация скифской архаики и древний Восток» (РА, 1992. № 3). Все это показывает актуальность широкого обсуждения данной проблемы. Мы, разумеется, не претендуем на полный ее охват.

[6] Далее ссылки на обсуждаемую книгу даются непосредственно в тексте. Дабы избежать обратного перевода, цитаты из монографии А.И. Иванчика первоначально, как правило, давались по любезно предоставленной нам автором рукописи русскоязычной версии его труда – за исключением тех случаев, когда между ней и опубликованным французским вариантом имелись смысловые расхождения. Сейчас они

этих документов ценно не только само по себе, но и «является главным способом определения достоверности данных античных текстов и отделения в них фактов от более поздних домыслов и ученых теорий». Итак, в определенных аспектах клинописные источники по истории киммерийцев обладают приоритетом по отношению ко всем прочим.

Книга А.И. Иванчика состоит из двух частей. Часть I – «История киммерийцев» – содержит анализ и интерпретацию имеющихся в древневосточных текстах свидетельств по исследуемой теме, тогда как часть II представляет собой корпус самих аккадских текстов, упоминающих киммерийцев. Можно без преувеличения назвать появление такого тематически выдержанного свода, базирующегося на всех предшествующих публикациях надписей и учитывающего новейшие достижения в их изучении (в том числе новые находки), этапным событием в разработке киммерийской проблемы. До последнего времени причастные к ней отечественные исследователи из смежных областей исторической науки обращались по преимуществу к уже упомянутому своду И.М. Дьяконова (АВИИУ). Но свод этот был составлен достаточно давно и уже потому не является на сегодняшний день полным. К тому же он не содержит наряду с переводами текстов их транслитераций и, наконец, не ориентирован на собственно киммерийскую проблематику, остававшуюся для составителя периферийной. В посвященных киммерийцам работах постепенно накапливались искажения источников, в частности, происходило смешение реально содержащихся в них свидетельств о киммерийцах и восстанавливаемых пассажей. А.И. Иванчик подчеркивает, что те тексты, в которых имя киммерийцев лишь реконструируется, в его корпус не включены (с. 13 = с. 15). Утверждение это, впрочем, не вполне точно, ибо мы находим здесь и те документы, где, по мнению составителя, подобные восстановления бесспорны благодаря существованию других аналогичных текстов (см., например, документы № 23, 28 и др.). Но располагая столь тщательной публикацией, читатель легко определит степень сохранности текстов.

Нужно сказать, что появление данного корпуса важно не только с точки зрения перспектив разработки киммерийской проблемы, но позволяет читателю более основательно подойти к историческим построениям самого А.И. Иванчика, содержащимся в первой части его работы, ибо демонстрирует их источниковую базу. В этой связи хотелось бы отметить один формальный недостаток франкоязычного варианта книги. Все ссылки на клинописные тексты даются в ней под номерами, приданными этим текстам в предшествующих публикациях, и лишь при первом упоминании (и то не всегда) дается отсылка к номеру соответствующего документа в прилагаемом корпусе. Это весьма затрудняет использование корпуса при чтении работы. Логичнее было бы следовать обратному порядку: при первом упоминании документа в тексте (и в комментариях в самом корпусе) дать ссылку на все авторитетные его публикации, а в дальнейшем оперировать уже номером по собственному корпусу. В русской публикации этот недостаток устранен. Именно такие ссылки даются и в нашей статье.

Все включенные в свод надписи снабжены комментариями. Здесь, однако, можно было бы поспорить о правомерности принципа, которым руководствовался автор, вынося определенную информацию в комментарий, а другую – в исследовательскую часть монографии. Так, при комментировании запросов к оракулу Шамаша больше внимания уделено смысловому аспекту (был ли оракул положительным или отрицательным), чем формальным данным об источнике – основанию для восстановления лакун, контексту интересующего нас сообщения и т.д. Порой лишь в исследовании, а не в комментариях к корпусу можно найти и данные о датировке как самого документа, так и упоминаемого в нем события. Между тем рассматриваемый корпус – не просто приложение к определенному исследованию. Он, как уже отмечено, имеет

сверены с опубликованным русским текстом, на который также даны ссылки – вторая цифра в тех же скобках, что и ссылка на франкоязычное издание. В случае расхождения между двумя вариантами цитируется, как правило, французский текст.

самостоятельную ценность, и стоило бы подумать о тех читателях, которые в дальнейшем будут обращаться именно к нему (в том числе – как к справочному изданию).

Наконец, сделаем одно замечание к составу корпуса в франкоязычном издании. А.И. Иванчик отмечает (с. 13 = с. 15), что тесная связь между упоминаниями в надписях киммерийцев и скифов и существование в научной литературе гипотезы, согласно которой этноним «киммерийцы» часто обозначает здесь реальных скифов, побудили его включить в свод и надписи, упоминающие скифов. К сожалению, этот принцип был выдержан лишь в отношении одной группы текстов – запросов к оракулу Шамаша. В результате мы не находим здесь такого важнейшего источника, как пассаж из анналов Асархаддона, содержащий древнейшее известное в клинописных текстах упоминание скифов и их предводителя Ишпакая (см. АВИИУ. № 65), хотя смысловая связь между ним и свидетельствами о киммерийцах может оказаться по крайней мере не менее тесной, чем в упомянутых запросах (подробнее об этом аспекте киммерийской проблемы см. ниже). В русском издании это упущение исправлено[7]. Повторим, однако, то, что ограничиваясь этими, во многом формальными, замечаниями к составленному А.И. Иванчиком корпусу ассирийских свидетельств о киммерийцах, мы, безусловно, приветствуем его появление.

Обратимся теперь к предпринятой автором интерпретации таких свидетельств. Нет сомнений, что это – первый в отечественной науке опыт столь детальной реконструкции истории пребывания киммерийцев в Передней Азии. Весьма существенно, что А.И. Иванчик очень внимательно подошел к вопросу о природе имеющихся в нашем распоряжении данных на этот счет. Так, принципиально важно его замечание о различной жанровой принадлежности упоминающих киммерийцев клинописных текстов (с. 10–11 = с. 12–13) – о неравноценной исторической информативности написанных «высоким стилем» и зачастую подвергшихся конъюнктурной редактуре анналов, с одной стороны, и «предназначенной для внутреннего пользования, а не для общения с богами» переписки – с другой. В то же время, как уже говорилось, автор отдает несомненное предпочтение с точки зрения такой информативности всей совокупности клинописных текстов по сравнению со свидетельствами античной традиции, по его мнению, содержащей «сведения не столько о реальном народе, сколько об о б р а з е киммерийцев, существовавшем в этой традиции и зачастую весьма далеком от реального о б л и к а этого народа» (с. 11 = с. 13 – *разрядка автора*). Несмотря на критический подход к имеющимся в его распряжении источникам, автор все же полагает возможным на их основе реконструировать (в более или менее полном виде) историю пребывания киммерийцев в Передней Азии. В ходе этой попытки он поднимает множество принципиально важных вопросов, всю совокупность которых детально проанализировать в статье невозможно. Поэтому мы ограничимся кратким их обзором, более или менее подробно останавливаясь лишь на некоторых из них.

Глава I монографии – «Киммерийцы и Урарту при Саргоне II» – посвящена древнейшим известным нам страницам переднеазиатского этапа киммерийской истории – поражению урартского царя Русы I в стране Гамир и вторжению киммерийцев из Манны на территорию Урарту; основой для их воссоздания служат шесть писем из царских архивов Саргона II[8]. Наряду с текстами, упоминающими эти события, автор рассматривает и «другие письма Куюнджикской коллекции, которые посвящены событиям, так или иначе связанным с интересующими нас», поскольку это, как он

---

[7] Ввиду того, что текст оракула Ашшурбанипалу, в франкоязычной версии корпуса помещенный под № 51, в русском издании имеет № 12, нумерация № 12–51 в этих изданиях расходится на единицу. Далее – ссылки на тексты даются по франкоязычной версии свода.

[8] Эта глава по существу воспроизводит – с некоторыми уточнениями – статью А.И. Иванчика «Киммерийцы и Урарту накануне восьмого похода Саргона II» (ВДИ. 1990. № 3). В число документов автор включает и письмо № 1 по прилагаемому корпусу (ABL 1079), руководствуясь новейшими чтениями, предполагающими наличие здесь упоминания киммерийцев. В своде И.М. Дьяконова (АВИИУ. № 50, 5) соответствующий пассаж представлен как не поддающийся прочтению.

полагает, позволяет «поместить киммерийский поход в общий контекст урартской истории и выяснить логику развития событий» (с. 20 = с. 22).

Путем тщательного сопоставления упоминаемых в исследованных письмах реалий автор обосновывает последовательность их составления, реконструирует ход событий и приходит к обоснованному, на наш взгляд, заключению, что данные документы возникли незадолго до известного восьмого похода Саргона II на Урарту, причем не в 715 г. до н.э., а в том же 714 г., которым датируется этот поход. Правда, последнее уточнение базируется в значительной степени на предложенной автором локализации страны Гамир, ибо, как пишет А.И. Иванчик (с. 26 = с. 28), поскольку в 715 г. урарты вели боевые действия против Ассирии и Манны, т.е. на юге страны, они не могли в это же время «думать об организации похода в совершенно противоположном направлении». Между тем проблема локализации страны Гамир и ее решение, предложенное А.И. Иванчиком, требуют специального разбора.

Как неоднократно отмечалось, единственное указание на местоположение этой страны содержится в донесении Ашшурицуа Саргону II (№ 4 = ABL 146), где сказано, что между Урарту и Гамир лежит область Гурианиа (^{kur}Gu-ri-a-ni-a), местонахождение которой А.И. Иванчик пытается определить уже по урартским текстам. Приходится, однако, признать, что единичные и не вполне внятные указания этих текстов делают остроумные построения автора лишь возможными, но отнюдь не неопровержимыми.

Известно, что в анналах самого Русы I, потерпевшего поражение в стране Гамир, единожды – в надписи, высеченной на скале на южном побережье оз. Севан, недалеко от селения Цовинар (Келагран) – упомянута область Гуриаини (^{kur}Gu-ri-a-i-ni). Надпись эта сообщает о победе Русы над 23 странами, четыре из которых достаточно убедительно локализуются на западном побережье Севана. Что касается остальных 19 стран (в том числе Гуриаини), располагавшихся, согласно надписи, «с той стороны озера в горах высоких», то их локализация целиком зависит от понимания оборота «с той стороны озера» и соответственно достаточно произвольна[9]. Поэтому А.И. Иванчик в своем анализе основывается прежде всего на локализации упоминаемой в анналах Сардури II – предшественика Русы I – страны Куриани (^{kur}Qu-ri-a-ni)[10], многими исследователями отождествляемой с Гуриаини Цовинарской надписи[11]. Местонахождение же Куриани определяется, как известно, указанием на ее соседство с хорошо локализуемой страной Эриахи.

А.И. Иванчик, сравнивая все имеющиеся данные о расположении упоминаемых вблизи Эриахи областей, приходит к выводу, что Куриани могла находиться только к северу от нее, и, добавляя к этому трактовку «той стороны озера» Цовинарской надписи как северного побережья оз. Севан, заключает, что Гурианиа ассирийского текста следует помещать «к востоку и северо-востоку от озера Чалдыр и к северу и северо-западу от озера Севан» (с. 28 = с. 29). Страна же Гамир как «граничащая со страной Куриани» оказывается помещенной, таким образом, «в Центральном Закавказье, вероятно, к югу от Дарьялского или Клухорского прохода» (с. 53)[12].

---

[9] Подробно об этом см., например: *Пиотровский Б.Б.* Ванское царство (Урарту). М., 1959. С. 91–92.

[10] *Меликишвили Г.А.* Урартские клинообразные надписи. М., 1960. № 155F.

[11] АВИИУ. № 50, *11*, прим. 2; *Пиотровский*. Ук. соч. С. 92 и др.

[12] Напомним, что в ассирийском тексте, согласно принятому самим А.И. Иванчиком переводу, говорится о стране, «лежащей между Урарту и Гамирра», что отнюдь не идентично указанию на смежность стран Гамир и Гурианиа. Если же принять последнее толкование, то либо страна Гурианиа должна быть огромных размеров, несоизмеримых с другими упоминаемыми в той же связи областями, либо Гамир окажется не дальше Северной Армении, а тогда нельзя говорить о Центральном Закавказье – об областях к югу от Дарьяла и Клухора. Нужно добавить, что на помещенной в обсуждаемой книге карте, явно неточной (так, Эриахи на ней неоправданно сдвинута к югу), страна Гамир оказалась чуть севернее линии Чалдыр–Севан, что явно не согласуется с описанием ее местоположения в тексте монографии. Напомним, что некоторые авторы считали возможным локализовать Гамир в районе современного г. Гори или в Западной Грузии (см. *Diakonoff I.M., Kashkai S.M.* Geographical Names according to Urartian Texts (Répertoire géographique des textes cunéiformes, v. 9). Wiesbaden, 1981. P. 71; *Алексеев, Качалов, Тохтасьев*. Ук. соч. С. 49).

В русском издании (с. 57) она локализуется иначе – «видимо, в районе Южной Грузии».

Рассуждения автора, несомненно, логичны и построены на прекрасном знании источников. В свое время предложенную им локализацию страны Гамир (с некоторыми, правда, коррективами) приняли и двое из авторов настоящей рецензии[13]. Но именно предпринятый А.И. Иванчиком детальный анализ всего комплекса сведений о киммерийцах в Передней Азии заставляет нас теперь признать, что эти построения в достаточной мере уязвимы – в силу хотя бы уже упомянутой лапидарности имеющихся источников, да и по ряду других причин.

Так, представляется, что на основании единичных упоминаний в разновременных текстах областей Гурианиа, Гурианини и Куриани невозможно получить абсолютную уверенность, что все эти источники подразумевают одну и ту же закавказскую область, тем более что нельзя исключить и возможность существования омонимичных или имеющих весьма сходные названия областей (ср., например, ниже о странах Хубушна и Хубушкия). Кроме того, не все выводы полностью соответствуют той «логике развития событий», о которой упоминает сам А.И. Иванчик, приступая к данному пассажу.

Так, прежде всего в письме № 4 (ABL 146) Гурианиа характеризуется как область, которая «дань Урарту дает». Более того, именно туда бежали урарты после нанесенного им киммерийцами поражения[14]. Речь, таким образом, идет о территории, которую урарты считали своей. Однако, как известно из многочисленных урартских текстов, завоевание ими Южного Закавказья проходило с трудом. В одни и те же места неоднократно совершались военные походы, и севернее линии, соединяющей Чалдыр и Севан, урартам закрепиться не удалось, что подтверждается и отсутствием там урартских крепостей и надписей. Существование достаточно стабильного и надежного форпоста, хотя бы и не входившего в границы самого Урарту, севернее Эриахи выглядит в этой связи сомнительным.

В сравнительно далекий, по реконструкции А.И. Иванчика, северный поход против киммерийцев Руса ведет «чуть ли не все урартские войска» (с. 22 = с. 24)[15]. Такое развитие событий предполагает достаточно спокойную ситуацию на других участках урартской границы, в частности на юге, чего, как известно, не было. Вскоре после воцарения в Ассирии Саргона II борьба между Урарту и Ассирией развернулась с особой силой, причем главной ее ареной стал Приурмийский район[16]. Эта ситуация сохранялась по крайней мере вплоть до 715 г. включительно, на что указывает сам А.И. Иванчик, и на чем он, как уже сказано, строит датировку похода Русы I в страну Гамир, отмечая, что в охарактеризованной ситуации уход урартского войска в противоположном от зоны напряженности направлении, да еще на значительное расстояние, невероятен. Но мы знаем, что тот же Приурмийский район явился одним из главных плацдармов ассиро-урартской борьбы во время восьмого похода Саргона II в 714 г.[17] Правомерно ли в этих условиях предполагать кратковременное – всего на несколько месяцев – но столь радикальное изменение ситуации, чтобы экспедиция Русы в далекие северные земли оказалась возможной?

А. Кристенсен обратила внимание на тот факт, что первые сообщения о поражении

---

[13] *Погребова М.Н., Раевский Д.С.* Ранние скифы и древний Восток. М., 1992. С. 189 сл.

[14] Первоначально А.И. Иванчик (Киммерийцы и Урарту... С. 11) поддержал мнение некоторых своих предшественников, согласно которому именно на территории страны Гурианиа урартский царь реорганизовал свое разбитое киммерийцами войско перед повторным наступлением на них. Однако в обсуждаемой книге автор совершенно, на наш взгляд, оправданно отказался от такой достаточно произвольной трактовки сильно поврежденного текста (с. 29–30).

[15] Это толкование основано на предложенном К. Деллером и С. Парполой и принятом А.И. Иванчиком уточненном чтении письма Синаххериба (№ 2 = ABL 197), согласно которому в этом походе приняли участие по крайней мере 13 урартских областеначальников.

[16] *Меликишвили Г.А.* Древневосточные материалы по истории народов Закавказья. I. Наири–Урарту. Тбилиси, 1954. С. 282 сл.

[17] *Медведская И.Н.* К уточнению маршрута похода Саргона II в 714 г. до н.э. // ВДИ. 1989. № 2. С. 101.

урартов в стране Гамир ассирийцы получили из Мусасира и от уккийцев, т.е. от юго-восточных соседей Урарту, и на этом основании предположила, что сам конфликт должен был происходить поблизости от этих районов[18]. А.И. Иванчик легко отмахивается от этого довода, полагая, что «обязанностью всех пограничных ассирийских областеначальников, как и зависимых и полузависимых от Ассирии царей, был сбор всей возможной информации об Урарту, и только от них она и могла поступать к начальнику разведки Синаххерибу», а значит, на основе этих данных «невозможно судить о месте, где происходили описанные события. Следуя той же логике, можно было бы утверждать, что все, о чем сообщает в своих донесениях Синаххериб, находившийся в Ниневии, происходило в окрестностях этого города» (с. 29 = с. 31). Последний аргумент абсолютно некорректен, ибо Синаххериб представлял ц е н т р а л ь н у ю разведывательную службу и к нему стекалась информация из в с е х соседних с Ассирией земель, чего нельзя предполагать для местных правителей, сообщавших о происходящем в зоне их внимания. Тем не менее можно согласиться с А.И. Иванчиком, что отмеченного А. Кристенсен факта недостаточно для локализации арены урарто-киммерийского столкновения и страны Гамир. Однако нельзя игнорировать существование и некоторых дополнительных обстоятельств, представляющих в этой связи определенный интерес.

Так, возникает вопрос, почему вскоре после разгрома Русы I в далекой северной (по А.И. Иванчику) стране Гамир он, как свидетельствует одно из писем Синаххериба (№ 2 = ABL 197), оказывается в области Уацаун, т.е. опять-таки на юго-востоке от территории Урарту[19].

Мы прекрасно сознаем, что перечисленным фактам можно придумать более или менее правдоподобные объяснения, хотя все они будут лишь допущениями – возможными, но отнюдь не обязательными. Одно обстоятельство придает, однако, этим фактам особый интерес: все рассмотренные свидетельства независимо друг от друга приводят нас в области к юго-востоку от Урарту – в Приурмийский район и на границу с Манной, т.е. на территорию, где достоверно и совершенно не зависимо от трактовки рассматриваемых событий зафиксировано как пребывание киммерийцев и в эпоху Саргона II и позже, так и киммерийско-урартские столкновения. О вторжении киммерийского вождя в Урарту с территории Манны сообщает, к примеру, донесение Урда-Сина (№ 5 = ABL 112). По мнению А.И. Иванчика (с. 50 = с. 54), с тем же событием может быть связано содержание плохо сохранившегося документа из Нимруда (№ 6 = = SAA. 5, *144*). Автор полагает, что это вторжение «скорее всего, должно относиться ко времени, очень близкому походу урартов на страну Гамир» (с. 51 = с. 55), и не исключает, что последний явился «ответной акцией на киммерийский набег» со стороны Манны. Впрочем, он же допускает, что «оба урарто-киммерийских конфликта вообще не связаны между собой и что во втором случае речь идет о совершенно отдельном отряде киммерийцев, действовавшем в районе Манны» (там же). Последнее представляется единственно возможным в случае принятия отстаиваемой А.И. Иванчиком северной локализации страны Гамир. Иначе пришлось бы допустить сохранение теснейшей связи и даже политического единства между группами киммерийцев, пребывающими на разделенных огромными по переднеазиатским масштабам расстояниями территориях (включая всю территорию Урарту), что весьма сомнительно. Еще более неправдоподобным представляется предположение самого

---

[18] *Kristensen A.K.G.* Who were the Cimmerians and where did They come from? Sargon II, the Cimmerians, and Rusa I (Historisk-filosofske Meddelelser. Det Kongelige Danske Videnskabernes Selskab, 57). Copenhagen, 1988. P. 20.

[19] Другой документ (№ 4 = ABL 146) сообщает о пребывании Русы I после поражения в стране Гамир в его столице Тушпе. По мнению А.И. Иванчика (с. 30 = с. 32), это сообщение описывает ту стадию развития событий, которая предшествует появлению урартского царя в области Уацаун; но само это заключение опирается исключительно на представление автора о взаиморасположении страны Гамир, урартской столицы и Уацауна, т.е. в конечном счете – на локализацию первой. Мы, таким образом, оказываемся в порочном круге.

А.И. Иванчика, что, видимо, «киммерийцы в это время базировались на территории к северу от Урарту (страна Гамир), но могли проводить и весьма дальние рейды через Манну и нападать на юго-восточные границы Урарту» (там же). Рассматривать два засвидетельствованные источниками для эпохи Саргона II урарто-киммерийские столкновения как взаимосвязанные было бы логично лишь при локализации их обоих (а следовательно, и страны Гамир) близ юго-восточных рубежей Урарту, недалеко от Манны, как уже полагали некоторые исследователи и на что, как мы видели, постоянно наводили нас различные детали имеющихся свидетельств. Если же помещать эту страну в Закавказье, то следует, видимо, признать самостоятельными действия разных киммерийских отрядов.

В этих условиях особую ценность приобрело бы привлечение для локализации страны Гамир каких-то данных, независимых от рассмотренных свидетельств. В свое время двое из авторов настоящей рецензии, приняв в основном, как уже сказано, гипотезу о закавказском ее местоположении, попытались опереться в качестве дополнительного аргумента на археологические реалии и помещали Гамир в зону наибольшей в Закавказье концентрации элементов скифского архаического культурного комплекса, понимая его как присущий в равной мере и скифам, и киммерийцам. Зона эта отчасти совпадает с территорией, на которой помещает искомую страну А.И. Иванчик. Однако, несмотря на соблазнительность возможности подкрепить его построения археологическими данными, что в свою очередь позволило бы конкретизировать наши представления о реальном содержании понятия «страна Гамир» и о ее обитателях, приходится все же отказаться от этого аргумента, поскольку привлекавшиеся в этой связи закавказские памятники «скифского типа», обнаруживающие, как отмечалось, определенные связи и с урартскими древностями, относятся к датируемому несколько более поздним временем периоду активности Урарту в Закавказье. Этот период ознаменован, в частности, строительством Русой II во второй четверти VII в. до н.э. крепости Тейшебаини, предметы из которой представляют наиболее близкие аналогии находкам из привлеченных «скифских» комплексов. Таким образом, следует признать, что археологическими подтверждениями гипотезы о локализации страны Гамир, воевавшей с Русой I, в Закавказье мы не располагаем.

По другому пути для подтверждения той же гипотезы идет С.Р. Тохтасьев[20]. Считая свидетельства античных авторов об обитании киммерийцев в Северном Причерноморье ненадежными, он исходит из того, что «ассирийские данные, относящиеся к 720–714 гг., о "стране киммерийцев" – ^{kur}Gamir(ra), отделенной от Урарту "страной Гурианиа", напротив, не вызывают сомнений». По его мнению, «удобными для кочевников» (а принадлежность киммерийцев к кочевым народам признается им однозначно) являются как область Гори, о помещении в которую страны Гамир уже упоминалось выше, так и «собственно колхидский регион».

Даже если отказаться от достаточно распространенного мнения, что киммерийские (а позже скифские) отряды проникали в Закавказье и Переднюю Азию исключительно как воинские, без женщин и стад, и потому не были жестко связаны с кочевым укладом, и признать весомость хозяйственно-географического аргумента в споре о локализации страны Гамир, то нельзя не отметить, что район Гори, т.е. внутреннекартлийская равнина, вряд ли мог быть местом обитания киммерийцев. Во всяком случае кочевники, в разные исторические эпохи оказывавшиеся на территории Грузии, никогда не делали ее местом своих кочевий[21]. Очевидно, одной из причин этого была густая заселенность этой равнины земледельцами и оседлыми скотоводами, что, в частности, относится и к интересующему нас периоду. Пребывание – хотя бы и недолговременное – на этой территории кочевников неизбежно привело бы к полному разрушению земледельческо-скотоводческого хозяйства, чего, как следует из археоло-

---

[20] *Алексеев, Качалова, Тохтасьев.* Ук. соч. С. 49.

[21] *Шамиладзе В.М.* Хозяйственно-культурные и социально-экономические проблемы скотоводства в Грузии. Тбилиси, 1979. С. 191 сл.

гических данных, не произошло. То же, в общем, относится и к Колхиде, где хорошо было представлено отгонное, а не кочевое скотоводство. Лишь на небольших участках между Батуми и Озургети (Махарадзе) этнографически засвидетельствовано присутствие кочевников. Что же касается рассматриваемого периода, то неоднократно упоминаемый в литературе разгром ряда колхидских поселений, иногда связываемый (в том числе и С.Р. Тохтасьевым) с киммерийцами, не является достаточным основанием, чтобы полагать, что эта территория была занята кочевниками.

Все изложенное заставляет нас не отвергать столь решительно, как это делают А.И. Иванчик и С.Р. Тохтасьев, мнение исследователей, помещающих страну Гамир вне Закавказья, возможно, в районе оз. Урмия, где, как сказано, присутствие киммерийцев надежно засвидетельствовано. В целом тема эта не может считаться закрытой и требует дальнейшего специального изучения, конечно, с непременным учетом критического анализа источников и существующих гипотез, осуществленного А.И. Иванчиком.

После краткого экскурса в проблему интерпретации текста письма ABL 473, не включенного в прилагаемый корпус, ибо имя киммерийцев восстанавливается в нем сугубо предположительно (с. 53–55 = с. 58–59), автор обращается к свидетельствам об этом народе, относящимся к эпохе Асархаддона. Им посвящена глава II его монографии.

Уже сам факт того, что история пребывания киммерийцев в Передней Азии имеет лакуну протяженностью около 35 лет, включая все правление Синаххериба, достаточно показателен: он, на наш взгляд, наглядно демонстрирует, насколько проблематичны любые попытки целостной реконструкции этой истории и установления причинно-следственных связей между известными нам ее эпизодами. Будем ли мы объяснять существование указанной лакуны неполнотой имеющихся источников, военной пассивностью киммерийцев в отмеченный промежуток или же их временным полным исчезновением из поля зрения ассирийцев, любое из этих толкований останется не более чем argumentum ex silentio. Следует лишь отметить, что документированное присутствие киммерийцев в Манне и ее окрестностях как в эпоху Саргона II, так и во времена Асархаддона необходимо принимать во внимание при оценке вероятности их временного ухода из Передней Азии.

В правление Асархаддона источники фиксируют киммерийцев преимущественно в двух достаточно удаленных друг от друга регионах древнего Востока – в уже упомянутой Манне и на востоке Малой Азии. С последней, в частности, связаны, по принятому А.И. Иванчиком мнению, сообщения о разгроме киммерийского вождя Теушпы (№ 7–9) в стране Хубушна, которую автор уверенно локализует в Табале, полемизируя по этому вопросу с точкой зрения о ее идентичности с Хубушкией, находившейся к западу от оз. Урмия, на границе между Урарту и Ассирией (с. 59 = с. 61–62). Этот же конфликт, относимый к 679/8 г. до н.э. (с. 59–61 = с. 60–64)[22], отражен, возможно, в вавилонской «хронике Асархаддона» (№ 10). А.И. Иванчик подробно анализирует вопрос об этимологии имени упомянутого киммерийского вождя, важный для решения проблемы этнической принадлежности этого народа, и обоснованно считает, что все предлагавшиеся иранские его толкования «базируются на компоновке иранских слов малой длины и потому, хотя и возможны, но не обязательны и не могут окончательно убедить именно в иранской принадлежности данного имени» (с. 62 = с. 65).

К сожалению, два момента, отраженные в сообщениях о разгроме Теушпы, оставлены в монографии по существу без внимания, а между тем они могут оказаться весьма существенными для понимания всей истории пребывания киммерийцев в Передней Азии.

Первый из них – определение обиталища Теушпы в призмах Асархаддона (№ 7) как

[22] Датируемое тем же годом упоминание в хозяйственном документе из Ниневии (№ 41 = SAA, 6, 204) «начальника киммерийского подразделения» А.И. Иванчик (с. 63 = с. 65–66) считает возможным трактовать не обязательно как свидетельство о появлении в ассирийской армии подразделений, состоящих из этнических киммерийцев, но и как указание на наличие в ней отрядов, вооруженных на киммерийский манер.

«отдаленного». Во франкоязычной редакции А.И. Иванчик не высказывает никаких соображений относительно его местоположения (в русской – с. 65 – он, отвечая на нижеследующее замечание, характеризует этот оборот как «орнаментальный топос возвышенного стиля... не несущий никакой смысловой нагрузки»), если только не оно позволило автору в другом месте монографии (с. 86 = с. 91) предположить, что «основная часть киммерийцев в эпоху Асархаддона продвинулась на запад, в Малую Азию, но какая-то их группа осталась в Манне и продвинулась дальше на юг, в Мидию». Не следует ли из этого, что отдаленным обиталищем, откуда войско Теушпы пришло в Малую Азию, А.И. Иванчик считал именно Манну? В таком случае здесь мы опять сталкиваемся с настойчивой тенденцией автора рассматривать всех действовавших в Передней Азии киммерийцев как достаточно единый этнополитический массив. В действительности ничто в источниках не указывает на связь войска Теушпы с той территорией и именно с теми киммерийцами, которые в это время и ранее пребывали в Манне. К тому же, даже если допустить возможность беспрепятственного перемещения этого войска через всю Ассирию (или севернее – через Урарту?), то контекст документа позволяет полагать, что обиталище Теушпы воспринималось как отдаленное скорее не относительно его местопребывания в момент описываемого конфликта, т.е. восточных областей Малой Азии, а относительно самой Ассирии, что не слишком подходит к прекрасно известной ассирийцам Манне.

Второй момент, не привлекший должного внимания при анализе сообщений о поражении Теушпы, равно как и других аккадских текстов, содержащих упоминание киммерийцев, – выбор придаваемого этому этнониму детерминатива[23]. В большинстве интересующих нас документов этот этноним употреблен с детерминативом LÚ, обычным при словах, обозначающих принадлежность субъекта (субъектов) к какой-либо совокупности – этнической, профессиональной и т.п. Но на этом фоне интерес представляют случаи (№ 2–4, 6–8, 10, 51, 52, 54), когда он снабжен детерминативом KUR, прилагаемым к названию страны (области)[24]. Иногда такое предпочтение может быть достаточно просто объяснено контекстом, но в иных случаях именно оно может, как представляется, пролить дополнительный свет на смысл данного сообщения, да и других текстов, и на некоторые общие вопросы киммерийской истории (ср., впрочем, ответ А.И. Иванчика на нижеследующие соображения на с. 186 русского издания его работы).

Первую из обозначенных ситуаций мы обнаруживаем прежде всего в рассмотренных выше текстах эпохи Саргона II, где ^{kur}Ga-mir (^{kur}Ga-mir-ra) – это совершенно определенная область, четко соотносимая со смежными областями, арена конкретных событий. Потому-то исследователи, опираясь на эти документы, заняты поисками «страны Гамир». Но о «стране киммерийцев» в связи с другими страницами переднеазиатской истории этого народа, как правило, не говорят, предпочитая почти во всех случаях перевод «киммерийцы/киммериец» вне зависимости от употребленного при этом этнониме детерминатива.

Между тем тот же детерминатив KUR придан этому этнониму в свидетельствах о победе над Теушпой в призмах и цилиндрах Асархаддона и потому словосочетание ^{m}Te-uš-pa-a ^{kur}Gi-mir-ra-a-a[25] в этих текстах может означать не только «Теушпа,

---

[23] Авторы статьи признательны Г.Ю. Колгановой, с которой они подробно обсудили данный вопрос.

[24] Аналогичную вариативность мы встречаем в ассирийских документах при имени скифов: ^{kur}Iš-ku-za-a-a в текстах № 20, 22, ^{lú}Iš-ku-za-a-a в документах № 23, 33. Имеются также случаи, когда детерминатив при имени киммерийцев восстановлен издателем (№ 1, 18).

[25] Так именуется этот киммерийский вождь почти во всех полностью сохранившихся текстах. Исключение составляет одна из редакций призм Асархаддона (№ 7; см. с. 180 = с. 185), и потому непонятно, отчего при восстановлении соответствующего пассажа стелы из Тиль-Барсиба (№ 9), повествующего о том же событии и текстуально почти идентичного призмам и цилиндрам, утраченный детерминатив восстанавливается по наиболее редкой аналогии: ⌜Te-uš⌝-pa-a [lú]Gi-mir-ra-a-a. Это – один из упомянутых выше случаев, когда в комментариях к франкоязычному изданию корпуса, составленного А.И. Иванчиком, отсутствует необходимое, на наш взгляд, обоснование восстановления лакун.

киммериец», но и «Теушпа, (царь/вождь) страны киммерийцев». Конечно, и в этих случаях выбор детерминатива при этнониме можно было бы, пожалуй, объяснить контекстом; сам этноним входит здесь в «титул» вождя некоего политического образования, что в неявной форме предполагает существование занимаемой этим образованием и контролируемой его вождем территории[26] – хотя бы уже упомянутого «отдаленного обиталища» Теушпы.

В этой связи любопытно, что в том пассаже вавилонской «хроники Асархаддона» (№ 10), который, как говорилось выше, посвящен, видимо, той же победе над Теушпой, название киммерийцев употреблено уже без имени их предводителя. В таком случае, казалось бы, можно было ожидать употребления ^{lú}Gi-mir-ra-a-a, как в целом ряде свидетельств о сходных событиях (ср., например, № 13, 24, 26, 53 и др.). Но здесь мы видим тот же детерминатив KUR, причем «страна киммерийцев» упомянута здесь в одном ряду с другой «страной» (ее название частично утрачено) и указано, что обе они находятся в Хабусну (Хубушне?). Это – единственный случай, когда А.И. Иванчик трактует интересующее нас слово как хороним, переводя: «Сражение бы[ло] в стране Бу[...] и Гимирра в Хабусне (?)», хотя смысловая и текстуальная близость этого пассажа и текстов призм и цилиндров не дает никаких оснований для сколько-нибудь различного их толкования. Не свидетельствуют ли данные всех этих текстов, рассмотренные в совокупности, что киммерийцы Теушпы воспринимались ассирийцами не только как особый этнос, пришедший издалека, но и как определенная политическая единица (страна), отнюдь при этом не идентичная «отдаленному обиталищу» их вождя, а локализуемая там, где разворачивались описанные события, – на востоке Малой Азии?

Чтобы завершить этот экскурс, нарушим хронологический принцип рассмотрения переднеазиатской истории киммерийцев и кратко остановимся на остальных документах, демонстрирующих то же словоупотребление. Среди них особый интерес представляет письмо астролога Аккуллану к Ашшурбанипалу (№ 52 = ABL 679 + 1391), ибо в нем имя киммерийцев в разных контекстах употреблено с разными детерминативами. В строках 13–15, где говорится, что, какое бы могущество не захватили киммерийцы, боги вернут его ассирийскому царю, мы читаем ^{kur}Gi-mir-ra-a-a, тогда как в строке 27, содержащей разъяснение, что «умман-манда [это] киммерийцы», использован детерминатив LÚ. Пример этот объясняет, возможно, основной принцип, определяющий интересующее нас различие: в первом случае речь идет о политической единице на международной арене, тогда как во втором – просто об определенном этносе.

Этот принцип объясняет и упоминание ^{kur}Gi-mir-a-a, в едином смысловом ряду с Эламом (^{kur}NIM^{ki}) и в общем контексте пророчества о судьбе разных стран в оракуле Ашшурбанипалу (№ 51). Столь же естественно такое словоупотребление в инвентарном списке эпохи Саргонидов (№ 54 = SAA. 7. 12), где среди прочих предметов названа пара обуви šа ^{kur}Gi-mir-a-a – киммерийской (из страны киммерийцев). Гораздо сложнее объяснить использование того же детерминатива при имени киммерийцев в письме, приписываемом Мардук-шакин-шуми (№ 14 = ABL 1168), вследствие утраты значительной части контекста.

В целом, подводя итог проведенного сравнения разных контекстов, в которых при имени киммерийцев употреблен детерминатив KUR, можно сказать, что, если выбор его не случаен, то в большинстве таких пассажей речь, видимо, идет о конкретной занятой представителями этого народа области, причем скорее всего в разных документах подразумеваются разные территории. Последнее наблюдение немаловажно, в частности для толкования существа древнейших сообщений эпохи Саргона II о стране Гамир.

---

[26] Ср. замечание об именовании скифского вождя в призмах того же Асархаддона: «Определение "скиф" вовсе не исключает, что Ишпакай считался ассирийцами царем, а также правителем конкретной страны (он и называется Ашкузцем, букв. "из страны Ашкуза": ^{kur}Aš-qu-za-a-a, "Скифии" или "страны скифов"); так же "Урарт", "Маней" и т.д. может стоять вместо "царь Урарту" и т.д.» (*Грантовский Э.А.* Проблемы изучения общественного строя скифов // ВДИ. 1980. № 4. С. 135).

Возвратимся к истории пребывания киммерийцев в Малой Азии в период правления Асархаддона. О ней, помимо рассмотренных документов, сообщают и некоторые запросы ассирийского царя к оракулу Шамаша. Они рассмотрены А.И. Иванчиком на фоне большой совокупности иных текстов того же рода, свидетельствующих, по мнению автора, что победа 679 г. над Теушпой не была решительным успехом Ассирии и не только не привела к покорению региона, где разворачивались упомянутые события, но даже не обеспечила безопасности ассирийских границ, почему и потребовались повторные действия в тех же краях (с. 65 сл. = с. 68 сл.). В одном из запросов, относящемся ко второй половине 670-х годов, киммерийцы фигурируют как союзники царя мушков (фригийцев) и противники Ассирии (№ 17 = SAA 4,1). А.И. Иванчик сопоставляет это свидетельство с сообщениями Страбона, Евстафия, Стефана Византийского о пребывании киммерийцев во Фригии, видя в нем подтверждение принципиальной историчности этих свидетельств, хотя они в отличие от ассирийского текста отражают враждебные отношения между киммерийцами и Фригией (видимо, иную стадию их развития). Та же опора на ассирийское свидетельство позволяет автору предпочесть один из существовавших в античной традиции вариантов хронологической привязки киммерийско-фригийских столкновений (с. 68–74 = с. 72–77), что немаловажно ввиду крайней искусственности предпринимавшихся в античности построений в сфере абсолютной хронологии малоазийской истории[27].

Небесспорным – прежде всего в силу значительной удаленности друг от друга упоминаемых в этой связи областей – представляется предположение А.И. Иванчика (с. 74–76 = с. 77–79), что киммерийцы, в союзе с Русой II грозившие Шубрии – области к западу от оз. Ван (№ 19 = SAA. 4,18), принадлежали к «той же группе киммерийцев, которая фиксируется в Табале, Хилакку и Фригии». Здесь обнаруживается та же тенденция автора трактовать всех действовавших в Передней Азии киммерийцев как единую и достаточно централизованную политическую силу.

Самое пристальное внимание уделил А.И. Иванчик свидетельствам о «восточных киммерийцах» – тех, кто в эпоху Асархаддона и Ашшурбанипала засвидетельствованы в Манне и Мидии. Эти свидетельства, как и рассмотренные ранее, представлены в документах различного характера. Автор группирует их как хронологически, так и по содержанию, вычленяя отдельные или, по его мнению, связанные между собой эпизоды. Для нас этот блок сообщений представляет особый интерес, ибо именно здесь мы впервые в истории встречаемся не только с киммерийцами, но и со скифами. Оба народа в запечатленных этими документами событиях фигурируют либо совместно, либо параллельно, и потому данные источники дают реальную возможность уточнить и историю этнокультурных и политических отношений между скифами и киммерийцами, и характер употребления их этнических наименований в этнополитическом контексте того времени. Вопрос этот весьма дискуссионен и потому достаточно актуален. Преимущественно в этом ракурсе и стоит рассмотреть здесь проблему «восточных киммерийцев» и ее толкование А.И. Иванчиком.

Как известно, существует мнение, что в древневосточных текстах термины «киммерийцы» и «скифы» в известной мере синонимичны и взаимозаменяемы. Так, И.М. Дьяконов в свое время допускал возможность того, что под киммерийцами источники рассматриваемой группы «в ряде случаев имеют в виду также и скифов-шкуда»[28]. Позже, уточняя свою позицию, исследователь отмечал, что, когда в текстах «названы скифы, то это скифы, но когда в них названы Gimirri, то нельзя сказать с уверенностью, скифы это или киммерийцы»[29]. А.И. Иванчик достаточно детально разбирает все те основания, на которых базируется данный взгляд.

---

[27] Об этом в самое последнее время в контексте интересующей нас проблемы см. *Грантовский Э.А.* О хронологии пребывания киммерийцев и скифов в Передней Азии // РА. 1994. № 3.

[28] *Дьяконов.* История Мидии. С. 265.

[29] *Он же.* К методике исследований по этнической истории («Киммерийцы») // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н.э.). М., 1981. С. 93.

Прежде всего И.М. Дьяконов полагал, что разница словоупотребления в данном случае определяется в значительной степени языком источника: для вавилоноязычных текстов при обозначении северных кочевников характерно предпочтительное использование имени киммерийцев (как и в более поздних вавилонских документах, где тот же термин служит для обозначения и скифов, и среднеазиатских саков[30]), тогда как ассироязычные надписи часто употребляют имя скифов. Это положение оспорено А.И. Иванчиком (с. 86 = с. 90–91), указавшим, что имеется достаточное количество текстов, написанных нововавилонским письмом и содержащих имя скифов.

Высказывалось также предположение, что свидетельство анналов Асархаддона о победе над маннеями и их союзником скифом Ишпакаем, с одной стороны, и содержащееся в письме Белушезиба (№ 13 = ABL 1237) сообщение о планируемом походе против Манны и о ее союзниках (хотя и ненадежных) киммерийцах, с другой, имеют в виду одну и ту же кампанию; в таком случае можно было бы допустить, что речь в обоих случаях идет об одном и том же союзнике Манны, обозначаемом взаимозаменяемыми этнонимами. Но, по наблюдениям А.И. Иванчика (с. 78–79 = с. 82), события, запечатленные в названных документах, отделены друг от друга промежутком минимум в два года. То, что после первого поражения маннеев скифы больше не фигурируют в качестве их союзника, автор склонен объяснять договором между ними и Ассирией, заключенным после знаменитого сватовства Бартатуа к дочери Асархаддона (№ 20-SAA. 4,20); киммерийцы же остаются враждебным Ассирии народом (с. 93–94 = с. 97–99).

Наконец, пристальное внимание в последнее время уделяют тому обстоятельству, что известны случаи употребления обоих интересующих нас этнонимов в одном тексте. И.М. Дьяконов, отмечая, что имеется лишь один такой документ, был склонен объяснять это небрежностью писца[31]. Другие же авторы исходят из того, что такое сочетание засвидетельствовано неоднократно, в чем усматривается доказательство четкого различения двух названных народов ассирийцами[32]. Между тем абсолютно достоверно имя и скифов, и киммерийцев в самом деле читается лишь в одном тексте (№ 22 = SAA. 4, 24)[33], в остальных же (№ 23–26 = SAA. 4,35,36,39,40) тот или иной этноним восстанавливается по аналогии. Судя по тому, что А.И. Иванчик включил все эти тексты в свой корпус, он считает такое восстановление бесспорным (см. выше о принципе составления корпуса). На этой-то базе и строится возражение против мнения И.М. Дьяконова о понимании ассирийцами этих этнонимов как взаимозаменяемых и даже реконструируются различия в политике скифов и киммерийцев по отношению к Ассирии. Уже упоминалось предположение А.И. Иванчика о политических последствиях брака Бартатуа с ассирийской царевной. Не менее принципиальным считает автор (с. 85–86 = с. 90) тот факт, что среди противников Ассирии во время известного восстания Каштарити фигурируют лишь киммерийцы, а скифы не упомянуты ни разу, тогда как угрозу ассирийским провинциям Бит-Хамбан и Парсумаш представляют и те, и другие. Как киммерийцы, так и скифы названы среди народов, препятствующих сбору ассирийцами дани лошадьми в Мидии (с. 87 = с. 91; см. № 32–34 = SAA. 4, 65, 66, 71).

Предположение, что ассирийцы нисколько не смешивали киммерийцев и скифов, в принципе не исключено. Но следует признать, что со всей убедительностью такой вывод из рассмотренных источников не следует, поскольку почти каждый из аргу-

---

[30] *Дьяконов*. История Мидии. С. 238; *он же*. К методике... С. 99; *Дандамаев М.А*. Данные вавилонских документов VI–V вв. до н.э. о саках // ВДИ. 1977. № 1. С. 31.

[31] *Дьяконов*. К методике... С. 93.

[32] См., например: *Алексеев А.Ю*. Скифская хроника (Скифы в VII–IV вв. до н.э.: историко-археологический очерк). СПб., 1992. С. 29; *Медведская*. Периодизация... С. 104 сл.

[33] Этот текст интересен, помимо прочего, и в том аспекте, который был обозначен выше: имя скифов сопровождается здесь детерминативом KUR ([k] ^{ur}Iš-ku-za-a-a), тогда как имя киммерийцев в сохранившемся фрагменте (об., стк. 8), судя по публикации А.И. Иванчика, вообще без детерминатива; в лакуне же (стк. 9) автор восстанавливает ^{kur}Gi-mir-ra-a-a, никак опять-таки не мотивируя свой выбор.

ментов в защиту этой гипотезы чреват и контраргументами. Почему, скажем, в текстах запросов, связанных со сбором дани лошадьми, фигурируют исключительно л и б о скифы (№ 33, 34), л и б о киммерийцы (№ 32)? Насколько надежно восстановление, предполагающее упоминание как скифов, так и киммерийцев в документах, сообщающих об угрозе Бит-Хамбану и Парсумаш, если имя скифов сохранилось в одном из них (№ 23), имя же киммерийцев – в трех других, а единственный текст, содержащий о б а этнонима и служащий той аналогией, на которую опирается указанное восстановление, повествует о совершенно другом событии, связанном с другим районом Передней Азии, – об угрозе ассирийскому гонцу, посылаемому в Хубушкию? Существование же самого этого текста отнюдь, на наш взгляд, не означает, что в иных контекстах один из этих этнонимов не мог служить ассирийцам обобщающим термином, покрывавшим разные этнические группы – в том числе и те, чье собственное наименование было известно в Ассирии[34]. Использование имени киммерийцев для обозначения всех ираноязычных кочевников в более позднюю эпоху А.И. Иванчик (с. 86–87 = с. 91) объясняет тем, что оно было лучше известно ассирийцам, чем имя скифов. Но представляется достаточно сомнительным обретение им такого обобщающего значения лишь на том этапе, когда сами киммерийцы уже исчезли с исторической арены. Ведь тогда осознание близости их уклада к укладу скифов или саков уже не могло повлиять на словоупотребление. Основы такого использования этнонима, видимо, должны были быть заложены все же тогда, когда и киммерийцы, первыми попавшие в поле зрения Ассирии, и пришедшие сюда несколько позже скифы были для коренных обитателей региона живой реальностью.

Конечно, и сказанное является лишь гипотезой, но такой, которая, на наш взгляд, соответствует несколько большему числу имеющихся в нашем распоряжении фактов, чем изложенное выше альтернативное толкование. Достоверно же можно утверждать лишь то, что в эпоху Асархаддона ассирийцы знали как киммерийцев, так и скифов, и в о т д е л ь н ы х с л у ч а я х их различение было релевантным для составителей изучаемых текстов.

Завершая рассмотрение второй главы монографии А.И. Иванчика, стоит остановиться еще на одном вопросе. Мы убедились, что, согласно восточным текстам, в первой половине VII в. до н.э. киммерийцы и скифы проявляют активность преимущественно в двух районах Передней Азии – у западных (киммерийцы на востоке Малой Азии) и восточных (киммерийцы и скифы в Манне и Мидии) рубежей Ассирии. Показательно, что в общем это совпадает с рассказом Геродота (IV. 12) о проникновении названных народов в страны Ближнего Востока через Кавказ двумя путями – восточным и западным, – в результате чего они оказываются в Малой Азии и Мидии. Но Геродот, как известно, четко разводит эти два народа, отправляя киммерийцев на запад, а скифов – на восток; киммерийцев в Мидии он не знает вовсе, а скифы, по его данным, появляются в Малой Азии лишь на последующей стадии развития событий. Такая жесткая схематизация соответствует фабуле Геродотова рассказа с его четким противопоставлением этих народов, не всегда, как мы пытались показать, соответствующим ассирийскому о них представлению. Однако сравнение повествования «отца истории» с восточными текстами показывает, что знание Геродотом подлинной истории пребывания этих народов в Передней Азии не ограничивалось знакомством с самим фактом их туда проникновения, но включало по крайней мере и определенные

[34] Осознавая всю приблизительность подобной аналогии, напомним, что, к примеру, в оставленных современниками описаниях событий 1812 г. рядом с наиболее частым именованием наполеоновской армии «французами» можно по временам обнаружить упоминания о входящих в ее состав, помимо собственно французских, также польских, немецких, голландских и иных частях. Все определяется контекстом и мерой детализации описания, продиктованной конкретной ситуацией. В результате термин «французы» выступает здесь в двух значениях – конкретном и обобщающем. Ср. замечание Страбона (XII. VIII. 7), что Гомер называет троянцами всех, кто был их союзниками, так же как их противников – данайцами и ахейцами.

сведения о путях их передвижения[35]. Это немаловажно для оценки ряда других его сообщений на данную тему.

III глава монографии А.И. Иванчика называется «Киммерийцы в эпоху Ашшурбанипала. Вторжения в Лидию и Ионию». Как и предыдущие главы, она построена на тщательном анализе текстов и содержит целый ряд интересных и ценных наблюдений. Так, сопоставление последовательных редакций анналов Ашшурбанипала позволяет автору предложить реконструкцию развития отношений между киммерийцами, Лидией и Ассирией в правление Гига. Кроме того, именно в этой главе А.И. Иванчик наиболее активно прибегает к сопоставлению ассирийских свидетельств с данными античной традиции. Такое сопоставление оказывается важным при воссоздании картины захвата киммерийцами Сард или при оценке принятой в античном мире хронологии лидийской истории, о чем подробно идет речь и в уже упомянутой недавней статье Э.А. Грантовского. Не разбирая детально этих разделов монографии, хотелось бы привлечь внимание читателя к двум пассажам этой главы, опирающимся исключительно на клинописные тексты. Если согласиться с содержащимися в этих пассажах суждениями А.И. Иванчика, то мы получаем основания для принципиально нового взгляда на переднеазиатских киммерийцев.

Первое из интересующих нас наблюдений автора базируется на анализе лексики посвященных киммерийцам строк из письма астролога Аккуллану к Ашшурбанипалу (№ 52 = ABL. 679 + 1391). Принимая чтение, согласно которому в этом письме царь киммерийцев наделяется титулом šar kiššati «царь вселенной», А.И. Иванчик делает из этого вывод, что около 657 г. до н.э. он воспринимался в Ассирии как «правитель, по меньшей мере столь же значительный и могущественный, как Ашшурбанипал», хотя и признает беспрецедентность подобной оценки иностранного (к тому же враждебного) правителя во всей ассирийской истории (с. 100 = с. 105–106).

Второе наблюдение касается упоминания в редакции А анналов Ашшурбанипала (№ 46) киммерийских «градоначальников» (^{lú}EN.URU.MEŠ). Из этого обстоятельства автор заключает, что «киммерийцы в описываемую эпоху имели какие-то оседлые поселения в Малой Азии или во всяком случае назначали свою администрацию в подвластные им города. Если это предположение верно, можно заключить, что киммерийское владычество в Малой Азии не всегда было ἐξ ἐπιδρομῆς ἁρπαγή, как его обозначает Геродот (I.6.3)» (с. 104 = с. 108 сл.).

Кардинальное значение такого вывода очевидно. Но нельзя исключать, что в данном пассаже привлекший внимание А.И. Иванчика термин не имеет столь определенного содержания, а служил ассирийцам вообще для обозначения киммерийской знати, подобно тому как в целом ряде ассирийских текстов им обозначались правители небольших мидийских областей независимо от того, имелись ли в этих областях города и крупные сельские центры или нет. Поэтому радикально пересматривать наши представления о переднеазиатских киммерийцах, опираясь исключительно на рассмотренный пассаж анналов, представляется все же рискованным.

Наконец, принципиальным для автора является содержащийся в той же главе языковой анализ сохраненных клинописными текстами имен двух вождей малоазийских киммерийцев – Дугдамме и Сандакшатру (Сандакурру). Считая неубедительными предлагавшиеся иранские их этимологии, А.И. Иванчик склоняется к их анатолийской принадлежности, что, впрочем, не указывает, конечно, на соответствующую этническую принадлежность самих киммерийцев (с. 123 = с. 130). Тем не менее данное

---

[35] Предпринимавшуюся в литературе попытку обнаружить еще одну перекличку между Геродотом и клинописными текстами А.И. Иванчик оспорил, отвергнув то толкование одного пассажа письма Белушезиба (№ 13), согласно которому киммерийцы именуются в нем «племенем (семенем) беглых» (см. *Дьяконов*. История Мидии. С. 264. Прим. 3; *Хазанов А.М.* Социальная история скифов. М., 1975. С. 209). Соответствующее выражение А.И. Иванчик характеризует как «условный термин высокого стиля», который наиболее адекватно может быть передан словом «варвары» и не имеет ничего общего с конкретными обстоятельствами киммерийской истории – их бегством от преследователей-скифов (с. 79–80 = с. 83).

утверждение существенно сужает круг и без того скудных лингвистических данных, на которых может базироваться определение последней.

Этой сложнейшей теме посвящена последняя, четвертая глава обсуждаемой монографии – «Этноним киммерийцев и проблема их этнической принадлежности». Глава эта построена на детальном анализе всех известных в иноязычных передачах форм интересующего нас этнонима. Оставляем лингвистам судить о корректности и убедительности построений автора. Напомним лишь, что выдвинутые А.И. Иванчиком возражения против предложенного И.М. Дьяконовым[36] объяснения начального k- в греческом варианте этнонима при начальном g- во всех вариантах аккадского и предлагаемое взамен альтернативное толкование были недавно приняты самим И.М. Дьяконовым[37]. В кратчайшем изложении выводы этой главы сводятся к следующему. Подлинная исконная форма интересующего нас этнонима – *Gime(i)r- (с. 152 = с. 158). Все предлагавшиеся до сих пор его этимологии не соответствуют этой реконструкции и потому должны быть отвергнуты. Предлагать же новую этимологию в условиях, когда не ясна этнолингвистическая принадлежность самих киммерийцев и нет надежных данных для ее определения, не имеет смысла. Что касается широко распространенного мнения об ираноязычии киммерийцев, то оно опирается главным образом на экстралингвистические данные. Однако предположение об этнокультурной близости киммерийцев и скифов и о принадлежности как тех, так и других, к иранскому миру остается все же наиболее вероятным (с. 153 сл. = с. 153–160).

Все изложенное выше, надеемся, позволило читателю убедиться, что в монографии А.И. Иванчика подняты ключевые вопросы, связанные не только с пребыванием киммерийцев в Передней Азии, но и с историей этого народа в целом, а также предложены оригинальные и заслуживающие пристального внимания решения многих из них. Безусловно, появление этой ценной работы значительно активизирует исследование дискуссионных аспектов киммерийской проблемы. А таковых по-прежнему остается немало. Продолжает их разработку и сам автор.

Так, им уже опубликованы некоторые уточнения текстологического плана к документам № 11 и 51, основанные на неизвестных ему в момент завершения книги колляциях[38]. Еще существеннее, что А.И. Иванчик приступил к новому этапу своей работы над проблемой. Если в монографии высказывается убеждение, что «идентификация киммерийцев с какой-либо археологической культурой на нынешнем уровне исследования представляется преждевременной», поскольку эта задача «может быть решена лишь после того, как будут установлены районы их достоверной локализации», что в свою очередь достижимо лишь «в результате исследования письменных источников, упоминающих исторических киммерийцев» (с. 12 = с. 15), то в самое последнее время он обратился и к этому аспекту изучения киммерийцев[39]. Вопрос этот тесно связан с толкованием происхождения киммерийцев, в частности, с оценкой меры достоверности античной традиции об их пребывании в Северном Причерноморье. Поскольку, как уже было сказано, эта традиция, так же как археологический аспект киммерийской проблемы, явилась предметом исследования в монографии трех петербургских исследователей[40], оценку новейших построений А.И. Иванчика представляется целесообразным объединить с рассмотрением этой книги, которое авторы предполагают предложить читателям «Вестника древней истории» в ближайшее время.

Э.А. Грантовский, М.Н. Погребова, Д.С. Раевский

---

[36] *Дьяконов.* К методике... С. 94–97.

[37] *Он же.* Киммерийцы и скифы на древнем Востоке // РА. 1994. № 1. С. 109.

[38] *Ivantchik A.* Corrigenda aux textes akkadiens mentionnant les Gimmériens // NABU. 1993. № 2. P. 39–41. Этим обусловлены, в частности, изменения в интерпретации текста № 12 в русском варианте свода и его перемещение в составе свода по сравнению с франкоязычным изданием (см. прим. 7).

[39] *Иванчик А.И.* К вопросу об этнической принадлежности и археологической культуре киммерийцев. I. Киммерийские памятники Передней Азии // ВДИ. 1994. № 3; То же. II. «Раннескифские» находки в Малой Азии // ВДИ. 1995. № 1.

[40] *Алексеев, Качалова, Тохтасьев.* Ук. соч.

P.S. Недавно опубликована (ВДИ. 1997. № 2) принадлежащая перу польского исследователя С. Завадского рецензия на франкоязычную версию книги А.И. Иванчика. В ряду заслуженных похвал в ее адрес здесь содержится оценка предпринятой автором «попытки обнаружить основу геродотовой хронологии лидийской и мидийской истории» как одного из наиболее важных открытий исследователя.

Поскольку одного из авторов данной статьи – Э.А. Грантовского – уже нет с нами, М.Н. Погребова и Д.С. Раевский считают своим долгом напомнить тот, вероятно, неизвестный зарубежному рецензенту факт, что в освещении названной проблемы А.И. Иванчик во многом следовал направлению, предложенному Э.А. Грантовским в 1980-х гг. Рукопись его монографии тогда обсуждалась на заседании Отдела Древнего Востока ИВ АН СССР; соответствующий раздел ее позже был опубликован в виде упомянутой выше статьи (Российская археология. 1994. № 3). В связи с этим приведенный пассаж рецензии С. Завадского может невольно поставить А.И. Иванчика в ложное положение перед памятью его учителя и научного руководителя.

CIMMERIANS IN THE NEAR EAST (REVIEW OF A MONOGRAPH)

E.A. Grantovsky, *M.N. Pogrebova, D.S. Raevsky*

The paper presents a review of A. Ivanchik's monograph «Les cimmériens au Proche-Orient». Fribourg-Göttingen, 1993.

The reviewers focus on the issues concerning the «Cimmerian's» stay in the Middle East.

Recognizing the value of A. Ivanchik's book, they nevertheless set forth their own reflections on the suggested localization of the country of Gamir known from the Assyrian texts of the Sargon II reign.

They also question the possibility of a clear-cut distinction between the Scythians and the Cimmerians in Assyrian sources and argue that Teushpa's Cimmerians formed a stable political unit in eastern Asia Minor.

The reviewers are sceptical about the alleged interaction of geographically remote groups of the Cimmerians.

© 1997 г.

A POST-IMPERIALIST PERSPECTIVE ON THE ROMAN EMPIRE

In 1992 a thoughtful French reviewer of my book «Hellenism in Late Antiquity» briefly summarized its overarching argument and then posed a question that has haunted me ever since. It went straight to the heart of the problem of imperialism and colonization, and I begin by quoting his words:

> «N'ignorant rien des discussions sur la résistance et l'assimilation de l'hellénisme par les peuples indigènes, l'auteur déplace le point de vue et veut montrer que l'hellénisme a été un instrument de l'expression des cultures indigènes. Bowersock est-il, parmi les spécialistes de l'Antiquité, le premier historien qui ait digéré les années de décolonisation?»[1].

The writer goes on to invoke, in support of my position, what he calls *une romanisation destructrice* in the western Roman empire as something different from what I seemed to discern in the East. He is certainly right to link the whole question of Romanization with the role of Rome as an imperial power. But, as I have pointed out before, Romanization is a modern term. It has no equivalent in Greek or Roman diction, and muddies the important distinction between the exercise of power and the transmission of cultures. The poet Horace two thousand years ago recognized the ambivalence of imperial control in two celebrated lines in the first poem of his second book of epistles: *Graecia capta ferum victorem cepit et artis / intulit agresti Latio*[2]. The counterweight to this realistic perception is Virgil's no less celebrated utterance in the sixth book of the Aeneid: *tu regere imperio populos, Romane, memento; / hae tibi erunt artes; pacisque imponere morem, / parcere subiectis et debellare superbos*[3].

The superiority of the ruler over the ruled seemed to justify the suppression of peoples in the interest of a forced peace, but Horace knew that although an imperial power might coerce an indigenous culture, it not only could not annihilate it but ran the risk of being transformed by it. The attempt to write a history of the Roman Empire in terms of the Romanization of its provinces presupposed a simple model in which one culture would be replaced or irreversibly altered by another. This model grew out of the experience of the Spanish and French in the New World, the British in North America and India, the Belgians in Africa, the Dutch in East Asia, and the Russians in the Soviet Union. It bears no resemblance to the Ottoman Empire, the Hapsburg Empire, or the Roman Empire, for which power did not entail the forcible imposition of a culture. In those three great empires the secret of longevity and success was the knowledge that local traditions could not be constrained but could, in fact, be mobilized to strengthen the power base of the ruler.

Virgil's noble lines never described what the Roman government did at any time. The pragmatic absorption of provincials into the core of government and the retention of local customs throughout the empire ultimately gave stability to the whole edifice of empire. Although Rome had planted colonies in the republican period and these provided security in some areas, this was not a colonial empire. Athens' empire had been, and that is why it was so brittle and lasted such a short time. My attempt to assess the role of Hellenism in late antiquity

---

[1] *Gatier P.-L.* «Le spectacle d'un ciel qui se défait» ou l'agonie du paganisme // Topoi. 1992. 2. P. 174–182. The citation comes from P. 177.

[2] *Hor.* Epist. II. 1. 156 f.

[3] *Virg.* Aen. VI. 851–853.

rejected equally the notion that the eastern provinces had been romanized and the notion that Semitic culture had been hellenized. Greek and its heritage of myth and symbol served to integrate a diverse world that had been and continued to be Semitic, Persian, Greek, and Roman all at the same time. When the Prophet brought Islam to the region, it was not so much imperial power as religion that gradually changed the culture of the Eastern Mediterranean. Furthermore, this happened by transforming, and arguably only by transforming, the nature of Islam itself.

Empire as a civilizing mission was a dream of the modern world. Not even the ghost of Anchises, who delivers the famous lines in Virgil, imagines that his Roman will civilize the world he pacifies. The only *artes* the Roman will possess are those of rule. That was not enough; and Augustus knew it, Horace knew it, and the unhappy Virgil, who wanted his poem destroyed, may have known it too. What was required in addition to the apparatus of government and defense was a certain toleration, even support of distinctive cultures within the empire. It is historiography of the last four centuries that has been mesmerized by the idea of a *mission civilisatrice*. Before their inherent weaknesses became apparent through collapse the empires of Spain, Britain, France, and Russia were the models that consciously or unconsciously historians of Rome applied to her empire.

If we leave out of account the much discussed issue of the causes of the acquisition of provinces during the Roman republic and the whole problem of whether there could be any structured policy with annual changes in the leadership at the highest level, two of the earliest emperors show us clearly the solutions they chose for the world they inherited. Augustus and Claudius were both canny and thoughtful administrators (the latter was a serious scholar), and their policies contrasted strikingly with the capricious instability of Tiberius and the growing megalomania of Caligula, the two rulers whose work lay in between. Pragmatism ultimately moved both Augustus and Claudius. They had a sense of what could and could not be achieved within the frame of Roman power. Both emperors were concerned to hold on to what they possessed and to make it run as smoothly as possible. They were not concerned with changing the world or anything remotely resembling what modern historians intend by the word «Romanization».

In the first phase of the Principate, Augustus, like the republican generals before him, saw aggression and conquest as a vehicle of propaganda and a source of enlarged power. Hence the expeditions to Ethiopia, South Arabia, Spain, and the Rhineland. All these expeditions were represented as triumphant successes, whatever we may think of them today. For understanding the temper of the time no testimony is so eloquent or so accurate as the series of victory reliefs on the north portico of the Sebasteion at Aphrodisias in western Asia Minor[4]. Claudius shared the pragmatic approach of the first princeps, and the Claudian conquest of Britain as represented on the south portico at Aphrodisias proclaims the same triumphant attitude as the Augustan conquests. Expansion came when it was available but not at any risk. The absence of annexation, as in Ethiopia and Arabia, need not be construed as failure, since the victory alone served perfectly well for propaganda purposes without entailing the dangers of ruling a remote or ungovernable people.

Augustus ended his days with the celebrated advice known to us from Tacitus as the *consilium coercendi intra terminos imperii*, but, as Dick Whittaker has recently reminded us, this advice did not constitute the establishment of any formal policy of containment within frontiers determined by a «grand strategy» of empire[5]. It represented the emperor's view of what was possible when he died. Not even his aged successor, who made such a fetish of following Augustus' will, forbore to annex Cappadocia when the opportunity came his way only four years into his reign.

Whittaker's question in responding to the new generation of advocates of a grand strategy

---

[4] *Smith R.R.R.* The Imperial Reliefs from Sebasteion at Aphrodisias // JRS. 1987. 77. P. 88–138; and *Simulacra Gentium*: The *Ethne* from the Sebasteion at Aphrodisias // JRS. 1988. 78. P. 50–77.

[5] *Tac.* Ann I. 11. 4 (*incertum metu an per invidiam*). Cf. Whittaker C.R. Where are the Frontiers Now? // The Roman Army in the East / Ed. D.L. Kennedy. Ann Arbor, 1996. P. 25–41. See also: Elton H. Frontiers of the Roman Empire. Indiana, 1996.

was «Where are the frontiers now?». His answer was, in effect, that they were there when and as they were needed to keep the Roman empire in business. The Rhine, Danube, and Euphrates provided convenient borders, but over the course of time Roman armies marched beyond them whenever it was desirable to do so, for administrative, propagandistic, or purely political reasons. In this way both Dacia and Mesopotamia were later added to the imperium of Rome. But of consistent, designed frontier policy, founded upon longrange considerations of geography and ultimate objectives of keeping a civilization within manageable bounds, there was none. If there is any broad conclusion from the frontier studies and *limes* conferences of the last forty years, it is that all Roman frontiers were porous in the extreme. They bore no resemblance at all to an iron curtain or a Berlin wall. Yet parallels of that kind were what had insensibly guided scholars in the middle years of this century.

A view of Roman imperialism after the Velvet Revolution and the collapse of the Soviet Union necessarily takes us as far away from those parallels as from the equally misleading parallels of the British, Dutch, and French *missions civilisatrices*. The openness of Rome's empire and its porousness (in more ways than frontier administration) was addressed in a characteristically scholarly manner by Claudius. We know from his speech on the famous bronze tablet from Lyon, as well as from Tacitus' paraphrase of his words, that Claudius knew that the undoing of the Athenian empire was the result of the Greeks' arrogance in refusing to admit subject peoples into the citizenship and the running of government[6]. The exclusivism of the Athenians, which depended upon the acceptance of their own culture as superior to any other, brought their empire to grief in the end.

Claudius recognized that the cultures of peoples within his empire simply could not be eradicated but had rather to be respected and incorporated. A famous incident, recorded by Cassius Dio, in which the emperor stripped a Lycian of his citizenship because he failed to understand spoken Latin, is, as Dio goes on to show, simply an outburst of ill temper: in general Claudius granted the citizenship generously both to individuals and to whole groups[7]. The widening of the citizenship and the gradual absorption of provincials into the equestrian and senatorial orders owed much to the wisdom and vision of Claudius. This openness – this porousness – may be held, in large part, to have assured the longevity of the Roman empire until bureaucratic chaos at home and economic chaos abroad began to transform it in the third century.

Transformation is the proper term rather than collapse or fall. It has in fact become the dominant concept in post-colonial or post-imperial interpretations of Rome's empire. Certainly the Roman empire did not fall in A.D. 476, despite what one reads. Momigliano's well known reference to a collapse that passed unnoticed, «La caduta senza rumore di un impero», catches the point[8]. By the late fifth century it was very different from what it had been in the second, but the continuity was more prominent than any discontinuity. The porousness of which we have been speaking was the empire's salvation, and it is nicely symbolized in the revaluation of the old dichotomy of barbarian and Greek that had originally encapsulated the ruinously exclusivist concept of the Greeks.

In the Hellenistic age Greek colonists in the West came inevitably into contact with the emerging Roman republic. The encompassing culture slowly transformed the Greek communities. Civic institutions, cults, and language all changed without the Greeks' losing any fundamental sense of their own distinctiveness. Yet these changes appeared to the Greeks of the homeland as a form of barbarization[9]. They had no word or concept to embrace Romanization or any kind of mixed culture. By contrast the Romans, particularly traders, who operated in the Greek East and even settled there, did not appear to the Latin-speaking population of Italy as no

---

[6] ILS 212. Cf. *Tac.* Ann. XI. 24.

[7] *Dio Cass.* 60. 17. 4–5.

[8] *Momigliano A.* La caduta senza rumore di un impero nel 476 D.C. // Annali della Scuola Normale Superiore di Pisa. Cl. Lett. e Fil. 1973. Ser. III, 2. P. 397–418, repr.: Sesto Contributo alla storia degli studi classici e del mondo antico. Rome, 1980. P. 159–179. Cf. *Bowersock G.W.* The Vanishing Paradigm of the Fall of Rome // Bulletin of the American Academy of Arts and Sciences. XLIX. May 1996. 18. P. 29–43.

[9] On this theme in relation to Strabo's observations on southern Italy, see: *Bowersock G.W.* Les grecs «barbarisés» // Ktema. 1996. 17. P. 249–257.

longer Roman. The Romans had no barbarians in the sense of peoples different from themselves. Their *barbari* were savages, tribes who dwelled in remote places, worshippers of strange gods, warriors, but they were not defined by *not* being Roman or sharers in Roman culture. That was why the Romans so easily and readily accommodated the Greek and Hellenized peoples of the eastern Mediterranean into their empire. The Romans admired Greek art and literature. They felt no embarrassment in adapting it for their own houses, building, and language.

Prejudice towards the Greeks in the Roman world certainly existed but was no more than that. Some Greeks were seen as effeminate or as hostile to Roman virtue. Greek doctors, upon whom the Romans had to rely, were feared at one time as insidious traitors dedicated to wiping out their patients, but this childish fear was largely grounded in recognition of the all too apparent superiority that the Greeks themselves proclaimed for their own culture. It is symptomatic that the Greek friends of Rome in the early empire, of whom Dionysius of Halicarnassus is the best surviving example, chose to win sympathy for Rome by arguing that the Romans were really Greeks by origin, not by presenting any catalogue of their merits. Even in the second century the great doctor Galen, who was on excellent terms with the Roman aristocracy, found himself obliged to circumvent the traditional notion of Romans as barbarians by advancing the idea that some of them had actually been partially hellenized[10]. In short, Roman acceptance of established cultures, including one that was no less illustrious than its own, was a precondition of the survival of the empire it administered. Gauls, Germans, and Greeks alike saw Roman legions in their land, and heard their commanders speaking in Latin, but their own way of life, with its ancient traditions, was tolerated for the most part (human sacrifice was an exception), and the local aristocracies were gradually welcomed into the governing hierarchy of Rome itself.

This meant that there was little overt resistance to the empire. Acts of provincial rebellion were normally part of the internal power plays of the Roman state and resembled civil unrest more than anything else. The support accorded to a series of pretenders claiming to be the emperor Nero demonstrates the extent to which any resistance was a profession of support for one Roman force as opposed to another, rather than an effort to unsettle the Roman state altogether[11]. This alone should have discouraged those who tried to find signs of hostility to Rome in Greek literature of the second and third centuries of our era. The Greeks admired their past and received their education through studying it. The never gave up their idea of cultural superiority, but a sense of superiority is a very different thing from hostility or resistance. The Greeks were above such things, and the Romans had no problem in accepting their attitude. Modern historians, by contrast, have had trouble with this kind of imperial rule for the simple reason that it was so alien to the empires they have known.

Theodor Mommsen is perhaps the best exhibit here. He believed in imperial control, based upon law and coercion. He could only conceive of an empire that wished to impose itself upon its subject peoples, and therefore his greatest contribution to Roman imperial history lay in the domain of *Staatsrecht* and *Strafrecht*. But he found it impossible to segregate the organizing rules of the state from the social and cultural forms of its constituent parts. It is a notorious fact that he never completed the volume for his Roman History on the imperial period, although he was able to assemble a series of essays on the provinces of the empire. As he declared more than once, he saw Roman imperial history as a tedious and unedifying record of court intrigues, which he had not the heart to chronicle. The recently published transcript of Mommsen's lectures on the Empire show how little he understood of its working outside the legal framework (of which he was obviously a master), and it is now evident that he exercised his best judgment in refusing to publish any synthetic study. Even Wilamowitz, who saw some of this material, counselled against publishing what survived, because it showed the great historian at his weakest[12].

---

[10] *Gal.* De sanitate tuenda. I. 10. 17 (VI. 51 Kühn) // CMG V. 4. 2. P. 24, ll. 22–25.

[11] Cf. *Bowersock G.W.* The Mechanics of Subversion in the Provinces of the Roman Empire // Opposition et résistances à l'empire d'Auguste à Trajan. Entretiens Hardt XXXIII. Genève, 1987. P. 291–320.

[12] *Mommsen Th.* A History of Rome under the Emperors / Ed. A. Demandt. L., 1996, transl. from the German, originally published as «Römische Kaisergeschichte». Münich,1992.

It is strange that a scholar who was so committed to an important epigraphical project such as the corpus of Latin inscriptions should have failed to see that the missing history of the Empire – free from court intrigues– could be constructed, at least initially, from the immense resources of Greek and Latin epigraphy. Inscriptions provide direct access to the society, economy, and religion of the Roman Empire as it was locally constituted and really live – on occasion in relation to the imperial government but essentially perpetuating traditions that antedated it. These documents commemorated families, towns, and territories that flourished in regional context. Papyrology soon added to the evocation of local life, and by the early years of this century a new generation of scholars and historians, especially Wilcken, Wilhelm, and Holleaux, had succeeded in doing what Mommsen had failed to do. They brought back to life the local cultures that made the Roman Empire so much more than a central government and a system of administering its possessions. In resuscitating these cultures the papyrologists and epigraphists saw the first major fruit of their labors in Rostovtzeff's «Social and Economic History of the Roman Empire», a work that would surely have amazed Mommsen. The next generation of scholars in these disciplines, notably Louis Robert, were able to go still farther in revealing the vigour and tenacity of the empire's indigenous peoples, and they were free of the ideological bias that Rostovtzeff brought with him from the Bolshevik revolution.

At the same time as papyrology and epigraphy were importing radical changes into social, religious, and economic history the new science of prosopography, developed by Dessau, Münzer, and Gelzer in Germany and later brought to spectacular fruition by Syme, enriched our knowledge of local aristocracies so that the entire process of assimilation championed by Claudius could be observed in detail over the course of several centuries. The ways in which the leading representatives of these aristocracies could mediate between provincial or urban priorities and those of the imperial government could now be examined with minute precision. All this tended to evoke an empire that was more like a living organism, growing, changing, and adapting, than a rigid system of dictatorial control. The emergent ancillary disciplines of ancient history proved to be the key to unlocking the secret of Rome's longevity as an empire.

Those who were steeped in the Mommsenian view of Rome found it hard to adjust to this new perception of empire, and as long as the Soviet Union existed and the British Empire was still a fresh memory they had contemporary history on their side. Historians who wrote of Rome in terms of subjugation, Romanization, coercion, legal constraints, fixed frontiers, and a grand strategy constructed an empire that was brittle like modern empires and yet mysteriously survived without a catastrophic collapse. Modern historians found it impossible to confront an empire that did not fall, even thought Gibbon had demonstrated, almost in spite of himself, that the story of the alleged decline and fall of the Roman Empire had strangely to be extended all the way down to 1453, nearly a millennium after the alleged *caduta senza rumore*.

Now, at the end of the twentieth century, we have learned that Balkan nationalism once buried under supranational political entities never really died and that the formerly Soviet states stood ready to reclaim their indigenous heritage just as soon as the stranglehold of the central government was released. Now at last we can appreciate how different Rome's rule had been. In her important book of 1993, *Graecia Capta*, evoking by its title Horace's famous paradox, Susan Alcock was alert to recognize the change in perspective. She observed that recent revisionist work on the constituent peoples of the Roman Empire differs from histories «written by outsiders in order to define their own modern and western identity». She detected «a greater sensitivity to the implications of imperial activity for subordinate societies», and she associated this sensitivity explicity with «the post-colonial world». She identified a new «archaeology of imperialism», that turns away from imperial architecture and prestigious objects in favor of settlement studies and concern with acculturation[13].

In late antiquity flexibility in the Roman imperial system, in terms of personnel, administration, and frontiers, allowed the division into western and eastern empires to take place with astonishing ease. This division was, in a sense, the old Roman policy writ large. Each half of the empire pursued its own traditions and grew according to its own priorities. Both

[13] *Alcock S.E. Graecia Capta*, The Landscapes of Roman Greece. Cambr., 1993. P. 3, 5.

halves managed to accommodate other peoples in the govenment. By the end of the fifth century Goths felt themselves the heirs of Augustus and patronized a Cassiodorus no less gratefully than Augustus had patronized Virgil. In the East an Arab sheikh looked after the interests of Constantinople as well as his own, and pagans and Christians alike studied Demosthenes and Aelius Aristides with equal enthusiasm. By this time the Hellenic world looked back with respect, but with no palpable nostalgia, not merely to the classical age of Pericles and Plato but to the Second Sophistic. Greek *paideia* had been built on study of the past for a thousand years, and the Romans as well as the Greeks had profited from the encouragement of such a curriculum.

Others profited as well, as I endeavoured to suggest in the book of Hellenism with which I began. The voices of many disparate communities and local cultures were able to be heard through the medium of Greek language and myth. This universal tongue of the eastern Mediterranean in no way represented an imperialist triumph on the part of the Greek. Their claims to empire had come resoundingly to an end in the fourth century B.C. It represented a triumph on the part of the Romans in allowing Greek cultural supremacy to furnish a cohesion for its hugely diverse communities. Obviously this did little to advance Roman culture as such, although the East soon developed a taste for some Roman institutions such as gladiatorial sport. Greek simply facilitated communication, so that Julian and Gregory of Nazianzus could argue against one another in the same language, and Bishop Rabbula of Edessa could bring the perspectives of the leading Syriac congregation of Mesopotamia to the attention of the court at Constantinople[14]. The importance of local traditions that survive, not in spite of a common culture but through it, is something that perhaps we can appreciate only now. In that sense mine may well be a post-colonial or post-imperialist interpretation of the later empire. The new voices that speak to us from the nations of central and coastal Africa in English or in French do so because this is their best means of communication, not because they are subjects of empire. The Balkan, Ukrainian, or Georgian leaders who speak good English are not subservient to Britain or America. They are availing themselves of a *lingua franca*. When the Romans not only allowed but actively supported the diffusion of Hellenism in their own eastern empire, they understood what most modern imperialists have not: the prodigious tenacity of local cultures and the usefulness of an alien cultural system that has evolved over a broad region without seriously threatening indigenous traditions.

The Romans did not practice Romanization and had no word for it. If they had, their empire would have been much less successful, and it would undoubtedly have broken apart. As it was, it evolved according to pressures both inside and outside its areas of influence. It endured multiple invasions from Persia, incorporated Goths of many stripes, recovered from many civil wars, and created a whole world for Christianity to absorb. The Christian empires in East and West were no longer exactly the Roman Empire, but they grew naturally out of it. It may even be argued that the empire of Islam, constructed in its first century largely on the foundations of Rome's imperial possessions in Palestine, Syria, and North Africa gave new life to the chamaeleon that, in a post-imperialist perspective, we see Rome's empire to have been. It was hardly an accident that the study of Neoplatonism lasted longer in the city of Harran than in most other places. On a memorable page of the Arab historian Mas'ûdî we can still read an Arabic translation of a line from Plato that adorned a building in that remote place[15]. The famous translators of Plato in Baghdad in the ninth century were clearly not alone in continuing a grand Hellenic tradition that received its long life from Rome and bestowed a comparably long life upon her empire. The interpretation of Rome's empire that I have been exploring here takes its place in the discussions of modern historiography that Guiseppe Giarrizzo has well analyzed in his recent contribution to the article «Storiografia» in the new edition of the

---

[14] On Rabbula's Hellenism, see the forthcoming paper by the present writer, «The Syriac Life of Rabbula and Syrian Hellenism», to appear at the University of California Press in the publication of the contributions to the conference on «Greek Biography and Panegyrics in Late Antiquity» held at Bergen from 28–30 August 1996.

[15] Maçudî, Murûj IV. 64–65 (Barbier de Meynard). Cf. M. Tardieu, «Sabiens coraniques et "Sabiens" de Harrân» // Journal asiatique. 1986. 274. P. 1–44, particularly 13–14.

«Enciclopedia Italiana»[16]. In reviewing current debates over historical objectivity and the nature of «historicity», he observes, «Si suole fare, a tal proposito, referimento alla decolonizzazione e alla fine dell' egemonia coloniale 'europea' », although he rightly notes that even non-European historians still tend to work with European problems and models. Nonetheless, within this framework, many traditional categories of historical thinking have been substantially altered. Giarrizzo, as an important authority on Gibbon and eighteenth-century historiography, knows this as well as anyone. In surveying modern historiography he chose imperial Spain rather than Rome to illustrate the decline of an empire, and he chose wisely because modern Spain, with its *mission civilisatrice*, would appear to be a far more compelling example of decline than ancient Rome. Yet the notion of decline still fails to produce a satisfactory explanation. As Giarrizzo says, «È stato facile liquidare il concetto di decadenza, e trovare misure meglio adeguate a comprendere la realtà di quell'impero». In short, decline is not a useful concept in looking at empires. It tells us far more about the viewer than the object. A persuasive appreciation of the Roman empire requires the utterly different perspective that the late twentieth century has now dramatically opened up before our eyes.

G.W. Bowersock

РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ В ПОСТИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Г. Бауэрсок

Автор рассматривает отношения между имперской властью и местными культурами и дает общую характеристику Римской империи в духе нового подхода, складывающегося под влиянием крушения современных колониальных империй и возрождения местных культур в постимпериалистическом мире конца XX века. В последние четыре столетия историки приписывали Риму цивилизаторскую миссию и нередко рассматривали историю Римской империи в свете романизации ее провинций. Однако уже Горацию было известно, что политическое и культурное господство не обязательно совпадают и что имперская власть не только не способна уничтожить местную культуру, но и сама рискует подвергнуться трансформации под ее воздействием.

Концепция романизации исходит из простой модели, в соответствии с которой одна культура либо вытесняется другой, либо подвергается под ее воздействием необратимым изменениям. Эта модель сложилась на опыте испанцев и французов в Новом Свете, британцев в Северной Америке и в Индии, бельгийцев – в Африке, голландцев – в Восточной Азии и русских – в Советском Союзе. Но она совершенно не соответствует Оттоманской, Габсбургской и Римской империям, у которых власть не была связана с насильственным насаждением своей культуры. Секрет долговечности этих трех великих империй заключался в знании того, что для укрепления опоры власти правителя следует не стеснять, а наоборот, мобилизовывать местные традиции. У римлян не было представления о политике романизации, и они никогда не пытались проводить подобную политику. Современный термин «романизация» не имеет эквивалентов у римлян и греков. Прагматичные римляне стремились не к осуществлению какой-либо цивилизаторской миссии, а к сохранению своих владений и обеспечению их нормальной жизнедеятельности. Благодаря свойственной Риму открытости по отношению к другим народам и культурам римская граница никогда не походила на железный занавес или Берлинскую стену.

В противоположность грекам римляне считали варварами не все народы, отличающиеся от них самих, а лишь дикарей, обитателей отдаленных стран, почитателей странных богов. Именно поэтому римляне так легко и охотно предоставили почетное место в своей империи грекам и эллинизированным народам Восточного Средиземноморья. Признание римлянами устоявшихся культур, включая и не менее блистательную, чем их собственная, было предпосылкой сохранения их империи. Галлы, германцы и греки могли вести под властью

[16] *Giarrizzo G.* Enciclopedia Italiana. Rome, 1996, *s.v.* Storiografia. P. 292–299 («Età moderna e contemporanea»). The citations are taken from p. 293 and 298.

римлян привычный образ жизни, а местные аристократии – инкорпорироваться в правящую иерархию самого Рима. Следствием этого было отсутствие сколько-нибудь значительного сопротивления империи. Отдельные случаи восстаний в провинциях обычно были связаны с борьбой за власть внутри Римского государства, а не с попытками его низвергнуть.

Современные исследования, в которых широко используются эпиграфические и папирологические данные, а также просопографический метод позволяют увидеть в империи не просто жесткую систему диктаторского контроля, но живой организм, растущий, развивающийся и адаптирующийся. Именно в наше постимпериалистическое время можно было выявить и оценить по заслугам тот факт, что в Римской империи местные традиции выживали и развивались не вопреки общей (например, греческой в ее восточной половине) культуре, но в ней, благодаря ей и внутри нее.

Этим объясняется жизнеспособность империи, которая не распалась и не погибла в 476 г. н.э., а постепенно трансформировалась, сохраняя высокую степень преемственности по отношению к прошлому. Именно поэтому формула А. Момильяно – «падение империи без грохота» – как нельзя более подходит для описания того явления, которое иногда по инерции называется *падением* Римской империи. Она выдержала многочисленные персидские нашествия, инкорпорировала несколько волн готского переселения, перенесла немало гражданских войн и создала целый мир для христианства. Христианские империи Востока и Запада не были в точности тем, чем была Римская империя II в. н.э., но они выросли из нее естественным образом.

ЯЗЫК И ИМПЕРИЯ

В конце XX века мысль о том, что язык и даже орфография могут быть выражением национальной гордости и самосознания, кажется нам совершенно естественной. Мы можем вспомнить пример Кемаля Ататюрка, который повелел своим соотечественникам перейти с арабского алфавита на видоизмененный латинский и начал чистку турецкого языка от арабских и персидских заимствований – процесс, продолжающийся и по сей день. Если обратиться к истории XVII в., когда при Людовике XIV возникло, может быть, первое национальное государство, не покажется парадоксом тот факт, что отец «короля-солнце» основал Французскую Академию. Ее главной миссией было «дать твердые правила нашему языку» и «очистить его от неправильностей, которые он приобрел в устах простонародья, от жаргона юристов, от неправильных словоупотреблений невежественных придворных и злоупотреблений проповедников»[1].

Современные национальные государства, даже те, которые гораздо менее озабочены чистотой языка, чем Франция, часто стремились навязать господствующий язык не только своим подданным (в колониях) или союзникам, но в равной, если не в большей мере, инакоговорящим группам внутри собственных границ. В качестве примера можно привести отношение к кельтским языкам в имперской Британии или все еще продолжающиеся дебаты о роли английского языка в США. Поскольку язык имеет значительно большее значение в самоопределении группы, чем родственные связи или даже культура, он легко становится движущей силой сопротивления меньшинств ассимиляции, как в случае с басками в современной Испании. У меня, прожившего более 25 лет в Канаде, было более чем достаточно возможностей наблюдать объединяющее и разделяющее воздействие языка, который, быть может, является величайшей и единственной угрозой существованию Канады как единого государства.

Что касается Римской империи, которой главным образом и посвящена эта статья, то в ней едва ли мог возникнуть вопрос о языковом подавлении как о сознательно проводимой политике. Конечно, признаки определенных попыток содействовать распрост-

[1] Encyclopaedia Britannica. 11th ed. V.I. L., 1910. P. 100.

ранению римской культуры на западе империи налицо. Тацит говорит об Агриколе, что тот поощрял занятия риторикой в Британии, «и те, кому латинский язык совсем недавно внушал откровенную неприязнь, горячо взялись за изучение латинского красноречия» (Tac. Agr. 21. 2. Пер. А.С. Бобовича). Однако это скорее свидетельствует о попытке романизации сыновей местной элиты, а не о стремлении к подавлению языка большинства населения. Император Клавдий за незнание латинского языка лишил некоего грека из Ликии римского гражданства, «говоря, что не должен быть римлянином тот, кто не знает их языка» (Cass. Dio 60. 17.4–5), но и это тоже не подавление. Видимо, как в латиноязычной, так и в грекоязычной частях Римской империи шел процесс отмирания некоторых языков, таких, как этрусский и лидийский – оба, как представляется, исчезли где-то в период ранней Империи[2]. Однако в целом показатель выживаемости «неэлитных» языков, таких, как ликаонский, выглядит на удивление высоким, хотя, как и можно было ожидать, соответствующие свидетельства содержатся в меньшей степени в надписях, отражавших официальную культуру, а в большей степени – в рукописных текстах, по преимуществу христианских, которые лучше отражают жизнь деревень и низших классов городов[3].

Проблема, имеющая тенденцию доминировать в дискуссии о языке в Римской империи, касается тем не менее не таких языков, как кельтский или мисийский, а греческого языка. Филологи-классики и историки-антиковеды долгое время были зачарованы вопросом о греках под властью Рима с их «geistiger Widerstand» («духовным сопротивлением»), с «греками и их прошлым». Это стало любимым занятием англоязычных ученых по обе стороны Атлантики с 1945 г., потому что, как нетрудно догадаться, установление американской гегемонии в Западной Европе после этой даты и закат Британской империи, казалось, ставили проблемы, аналогичные «Graecia capta». Саймон Суэйн недавно вновь исследовал эти проблемы в книге «Эллинизм и империя: язык, классицизм и власть в греческом мире в 50–250 гг. н.э.»[4], которую я стану использовать как отправной пункт. Моя главная цель – выдвинуть предположение, что Суэйн и другие приверженцы подобных взглядов подразумевают модель, которую в действительности невозможно приложить к Римской империи; надеюсь, что альтернативная модель, предлагаемая мной, может быть применима и к другим древним империям, таким, например, как Хеттская и Ахеменидская.

В первой части книги, разбираясь в спорах о чистоте языка, бушевавших среди самих греков, Суэйн стремится доказать, что именно гнетущее присутствие Рима стало причиной или способствовало появлению греческой грамматики как науки в эпоху поздней Республики. Цитирую: «Причина, по которой традиционная языковая экзегеза выбрала именно этот момент для того, чтобы кристаллизоваться в формальную науку о языке, неясна. Но утверждение латинского языка как мирового там, где до того на эту роль мог претендовать один только греческий, не кажется невероятным в качестве одного из факторов, стоящих за новым явлением»[5]. Далее эта идея выражена более уверенно: «Рост значения латинского языка был... внешним фактором, который привел к появлению барьеров вокруг 'правильного' греческого языка»[6].

Во второй части своей книги Суэйн обозревает ряд наиболее известных представителей греческой литературы в эпоху Римской империи – от Плутарха до Филострата Младшего. Согласно его постановке проблемы, он хочет «посмотреть с

---

[2] Для этрусского языка см. *Kaimio J.* The Ousting of Etruscan by Latin in Etruria // Studies in the Romanisation of Etruria / Ed. P. Bruun et al. Rome, 1975. P. 89–245, особенно p. 228; о языковой ситуации в Малой Азии в период империи см. *Mitchell S.* Anatolia. Oxf., 1983. P. 170–176.

[3] *MacMullen R.* Provincial Languages in the Roman Empire // AJPh. 1966. 87. P. 1–17; *Millar F.* Local Cultures in the Roman Empire // JRS. 1968. 58. P. 125–134; *Mitchell.* Op. cit. P. 170–176; *Shaw B.* Review: Millar F. The Roman Near East // CPh. 1995. 90. P. 289–293.

[4] *Swain S.* Hellenism and Empire: Language, Classicism and Power in the Greek World. A.D. 50–250. Oxf., 1995.

[5] Ibid. P. 40.

[6] Ibid. P. 64.

точки зрения греческой культуры, каковы были взгляды ведущих греческих интеллектуалов эпохи второй софистики на Рим и римское господство в Греции и в греческом мире»[7]. Результаты этого рассмотрения замечательно последовательны. Опять привожу собственные слова Суэйна: «В своих мыслях и по духу те, кого я детально изучил в моей книге, несомненно осознавали себя греками... тем не менее в то же самое время они, как и другие представители элиты, принимали римскую политическую идентичность. В политико-административном смысле это означало, что эти люди зачастую были римскими гражданами, либо (в том, что касается незначительного меньшинства) делали карьеру на службе Риму. В политико-идеологическом смысле это означало, что правление элиты было как в интересах Рима, так и в их собственных. Но такая приверженность «греческой идее» была также политической в идеологическом смысле... Даже те, кто были вовлечены в римскую администрацию, не ставили свою римскую идентичность выше греческой»[8].

Давайте выделим главное: связь между языковым сознанием и политическим либо национальным самоопределением. Как я предположил в начале своей статьи, такая связь в эпоху современных национальных государств кажется нам естественной. Но было ли это столь же естественным для эпохи Римской империи? Дают ли тексты основание предполагать, что греческие лексикографы и грамматики или греческие интеллектуалы, озабоченные правильностью языка, ставили перед собой цель, сопоставимую с той, которая была у Французской Академии или у составителей «Итальянской энциклопедии»?

В одном отношении сходство и вправду довольно значительное. Как было сказано выше, в начале своей истории Французская Академия была призвана очистить язык «от неправильностей, которые он приобрел в устах простонародья» и т.п.; нынешняя задача Французской Академии, заключающаяся в защите французского языка от англицизмов, таких, как «компьютер», – это уже феномен совсем другой эпохи, отличной от эпохи Людовика XIII. Ведь в Римской империи если и ломали копья по поводу языка (о чем нам обычно приходится слышать), то не по поводу латинизмов, сколь бы многочисленными они ни были, но из-за отступлений от классической нормы, где бы эту классическую норму ни находили.

Филострат описывает случай с киликийским софистом Филагром, который во время вечерней прогулки по Керамику встретил одного из учеников Герода Аттика – в ту пору «царя риторики». Вспыхнула перепалка, в ходе которой из уст гостя в порыве гнева вырвалось неканоническое слово, ῥῆμα ἔκφυλον. Ученик Герода, как нам сообщают, «вцепился в это словцо и спросил: "Какой из признанных авторов употреблял это слово"? Ответом было: "Филагр"». «Эта стычка, – продолжает Филострат, – не имела продолжения в тот день, однако на следующий (Филагр) написал письмо (Героду), нападая на эту знаменитость за то, что тот не обращает внимание на поведение своих учеников» (Philostr. Vitae soph. 578–579). Жаркие споры по поводу языка, с которыми мы часто сталкиваемся в сочинениях Лукиана и Фриниха, были прежде всего стычками внутри образованного класса – внутри того, что мы сейчас можем назвать интеллигенцией или мандаринатом. Эти споры представляют собой разновидность трудноуловимого и всепроникающего социального явления – обоснования своего достоинства высотой своего положения (one-upmanship), и мы не должны отворачиваться от них на том основании, что это всего лишь «споры внутри элиты», незначительные на фоне некоей более крупной, хотя и несформулированной политической программы.

Действительно, время от времени мы слышим о диспутах, затрагивающих проблему взаимовлияния латинского и греческого языков. Лукианов герой – киник Демонакт – поднимает на смех «очень необразованного и дурно говорящего человека», который радостно кричал: «Царь меня с римским гражданством пожаловал» (ὁ βασιλεύς με τῇ

[7] Ibid. P. 1.
[8] Ibid. P. 70–71.

Ῥωμαίων πολιτείᾳ τετίμηκεν) – предложение, порядок слов, в котором ясно говорит о влиянии латинского языка. На что Демонакт сказал: «Лучше бы он тебя не римлянином, а греком сделал» (Luc. Dem. 40. Пер. Н.П. Баранова)[9]. Кто-то может углядеть здесь скрытую критику римского господства, насмешку над ассимилированным греком, чье стремление к продвижению испортило его речь. Другое прочтение, впрочем, не менее возможно, и более соответствует тому, что мы слышим везде: это всего лишь еще один пример обоснования на словах своего достоинства высотой своего положения (one-upmanship), вполне в духе обращения мистера Подснепа с путешественником-французом в забавной сцене из диккенсовского «Нашего общего друга».

Для характеристики этого типа языкового взаимовлияния лучше всего обратиться к свидетельствам эпиграфических источников, которыми напрасно пренебрегают историки античной культуры. Пример можно привести из одной из столиц «второй софистики» – Смирны императорского периода[10]. Речь идет о прекрасно выполненном саркофаге с греческой надписью с сильным влиянием латыни, в особенности юридической. Так, ὅ καὶ τοῦτο τὸ μνημῆον κληρονόμῳ οὐκ ἀκολοθήσει передает не только обычную формулу hoc monumentum heredem non sequetur, но и отсутствие в латинском языке определенного артикля. Луи Робер предположил, что владелец этой гробницы был римлянином по происхождению, представителем низших слоев императорской администрации, по необходимости двуязычным. Похожие примеры влияния юридической латыни мы находим на надгробиях других людей подобного типа и прежде всего императорских вольноотпущенников и, вероятно, можем рассматривать этих чиновников как главных проводников романизации на грекоязычном Востоке. Но, конечно же, они не входили в интеллектуальную элиту, не были теми плутархами и дионами хрисостомами, из чьих сочинений состоит литература, в чтении которой традиционно упражняются так называемые классики. Я взял бы на себя смелость утверждать, что подобные литературные источники являются только частью свидетельств, которые необходимо рассматривать, если мы хотим решить проблему «эллинизма и империи». Сами будучи мандаринами, мы испытываем чрезмерную нежность к нашим античным визави. Нам нужно не поддаваться их очарованию, но постараться, какими бы неудовлетворительными и неоднозначными ни были соответствующие свидетельства, рассмотреть все, что поможет нам понять взимоотношения между греческим и латынью, между Грецией и Римом в Римской империи.

Давайте тем не менее присмотримся поближе к этим профессорам философии и риторики, которым мы обязаны подавляющим большинством письменных источников; но одновременно давайте уточним, что, собственно говоря, мы стремимся обнаружить. Что значит сказать об этом социальной группе, что она демонстрирует «определенную дистанцию, сопротивление интеграции»? Или о таком авторе, как Элий Аристид, что «его подлинная лояльность, его мыслительная и духовная идентичность прочно принадлежат Греции»?[11]. Эти авторы мыслили и писали по-гречески, они постоянно обращались к греческим образцам, они рассматривали эллинистический период в целом как период упадка греческой культуры; даже тем из них, у кого, как у Плутарха, имелись высокопоставленные друзья в Риме, была не по вкусу мысль о погоне греков за продвижением в Риме и о вмешательстве римлян в дела греческих городов. Арнальдо Момильяно однажды сказал, что существует «другой Иосиф в Иосифе – тот, который, возможно, предпочел бы умереть в Масаде»[12]. Подобно этому мы можем сказать, что и в Плутархе есть Плутарх, который предпочел бы, чтобы греки не уничтожали друг друга в привычных междоусобицах и не навлекали на свою голову необходимость римского господства ради того, чтобы получить мир ценой свободы. Однако еще требуется доказать, что только этого Плутарха можно считать «настоя-

---

[9] О нем. см. *Jones C.P.* // CPh. 1996. 91. P. 241–253.

[10] О нижеследующем см. *Robert L.* Documents d'Asie Mineure (BEFAR 239 bis). P., 1987. P. 1–10.

[11] *Swain.* Op. cit. P. 89, 297.

[12] *Momigliano A.* // Opposition et Résistances à l'Empire d'Auguste à Trajan. (Entretiens Hardt. 33). Genève, 1987. P. 117 = Nono contributo alla Storia degli Studi Classici. Roma, 1992. P. 691.

щим», признавать «мыслительную и духовную идентичность» только за этой стороной его мировоззрения и отвергать ее для Плутарха, который написал «Сравнительные жизнеописания» от Тесея и Ромула до Деметрия и Антония.

К тому же я бы предложил, чтобы понять языковые и культурные различия между греками и римлянами в Римской империи, прежде всего обратиться к самой Римской империи. На Западе латинский был языком культурной элиты и, возможно, большинства населения, так же как греческий на Востоке, хотя, без сомнения, двуязычие было более характерным для Запада, чем для Востока. На севере, особенно на Балканах, картина более запутанная, и было бы нелегко определить четкие языковые границы между греческим и латынью; на юге, где связи между Востоком и Западом были затруднены, такой барьер, возможно, более различим: Киренаика была преимущественно грекоязычной, Проконсульская Африка – латиноязычной. По всей империи латинский был языком армии, подобно тому как английский сейчас служит рабочим языком для некоторых международных организаций, таких как НАТО; он был также, хотя и это и менее ярко выражено, языком римского права. На Западе латинский был языком администрации, как на Востоке греческий, несмотря на живучесть других языков, иным из которых, как сирийскому, было суждено блестящее будущее.

В пропорциях, удивительных для империй Нового времени (возможно, это не относится к Китаю), высшие звенья администрации, начиная с самого императора, рекрутировались, по крайней мере вплоть до III в. н.э., из высокообразованных слоев. Такой император, как Марк Аврелий, мог излагать свои философские раздумья по-гречески, но его императорские послания, даже обращенные к столь им любимым Афинам, показывают, что он диктовал их по-латыни, а затем его текст переводился образованными греками[13]. Подобным образом один из императоров III в. Гордиан III, почти наверняка грекоязычный по происхождению, облекал свой «крестовый поход» против сасанидской Персии в одежды классических Афин и Афины Промахос[14]. Эта управленческая элита частично совпадала с академической, но не была ей вполне тождественна. Что касается последней, то некоторые ее представители находились на императорской службе в качестве прокураторов или возглавляли ведомства, например, переписки на греческом языке. Другие получали жалование от императоров или от своих городов как преподаватели риторики, философии или медицины. В числе тех, кто оставил после себя опубликованные работы, были, с одной стороны, люди, глубоко вовлеченные в управление Римской империей, как, например, Арриан из Никомедии, а с другой – люди, почти никогда не упоминавшие о современной им действительности.

Примером последних может быть Элиан из Пренесте, который заслуживает краткого рассмотрения, поскольку те, кто увлечен поиском ностальгии или неудовлетворенности среди греческой интеллигенции, склонны уделять ему очень мало внимания. Филострат восхваляет его за то, что он «хотя был римлянином, владел аттическим языком так же хорошо, как те, которые живут в центре Аттики. Мне думается, человек этот заслуживает всяческой похвалы, во-первых, потому что добился чистоты языка, живя в городе, где на нем не говорили... Этот человек уверял, что не выезжал никуда за пределы Италии, ни разу не ступал на корабль и не знаком с морем. За это его еще больше превозносили в Риме как блюстителя древних нравов» (Philostr. Vitae soph. 2. 31; пер. С.В. Поляковой, с исправл.)[15]. Сохранившиеся сочинения Элиана подтверждают это суждение как стилистически, так и по существу – демонстрируя, что его автор, хотя и сдержанно, но твердо гордился своим римским гражданством. Поэтому после перечня греков, которым много помогали их советники, как Алкиной Одиссею, он пишет: «Чтобы сказать о тех, кто связан со мною не менее, чем греки (ведь римляне близки мне, поскольку родом я – римлянин), напомню, что великую

---

[13] SEG 29. P. 27. Табл. II, сткк. 94–95; *Oliver J.H.* Greek Constitutions of Early Roman Emperors. Philadelphia, 1989. № 184.

[14] *Robert L.* Opera minora selecta. 5. P. 657–658.

[15] PIR^2 C 769; *Bowie E.L.* // Cambridge History of Classical Literature. I. Greek Literature. Cambr., 1985. P. 680–682; *idem* // ANRW. II. 33.1. B.–N.Y., 1989. P. 244–247.

пользу принес Лукуллу Антиох из Аскалона, Арий Меценату» и т.д. (Ael. Var. hist. 12. 25; пер. С.В. Поляковой; cf. 14. 45). Элиан более, чем большинство других греческих авторов, склонен упоминать римлян республиканской эпохи, а Август – последний император, которого он упоминает (хотя Филострат сообщает, что он составил поношение умершему Элагабалу). Элианово римское гражданство спокойно сосуществовало с тем, что мы при желании можем назвать «греческим образом мыслей», и было бы абсурдно отождествлять «настоящего» Элиана либо с тем, либо с другим по отдельности.

Таким образом, нам не следует рассматривать греков в Римской империи как «народ под иностранным господством»[16] подобно фламандцам при Бурбонах или Франции во время второй мировой войны; Римская империя скорее была подобна Австро-Венгрии, в которой сосуществовали две господствующие элитарные культуры. Из них одна была более престижной именно потому, что была древнее и повлияла на формирование другой. Среди представителей образованных элит, как с той, так и с другой стороны, несомненно были и такие, которые невысоко ставили своих визави и их культуру. Однако совершенно несомненно, что, по крайней мере среди греков, были и те, которые, подобно Плутарху, хотя и с печалью вспоминали славные времена Греции, но их сожаление смягчалось реалистическим взглядом на то, что эти цветущие дни были омрачены гражданскими войнами и междоусобной враждой.

Если не брать уровень элиты, мы должны думать не только о греках и сирийцах, которые заполонили Рим и вызывали насмешки Ювенала и Тацита. Мы должны также думать и о мощных культурных потоках с Запада на Восток, особенно повлиявших на правящие классы греческих городов. Подобные потоки обретали видимую форму в процессе распространения римских обычаев, таких, как гладиаторские игры, римских архитектурных форм, таких, как амфитеатр и форум, предметов художественного ремесла, таких, как, например, саркофаг (в частности, я имею в виду тот его тип, в котором две фигуры, в натуральную величину и объемные, полулежат, опираясь на крышку, – тип, который ассоциируется у нас с Этрурией, но который встречается в погребениях представителей высших слоев на востоке империи во II и III вв. н.э.)[17]. В сфере языка аналогом подобных заимствований может быть медленное, но верное проникновение латинизмов в греческий язык в устной и письменной речи секретарей, авторов сочинений прикладного характера, даже тех, кто составлял тексты для надписей в таких культурных центрах, как Пергам и Эфес. И прежде всего мы должны стремиться отвести профессуре Римской империи ее надлежащее место, а не обольщаться тем, будто история языка и литературы – **это и есть** история Римской или любой другой империи*.

К. Джоунс

LANGUAGE AND EMPIRE

Chr. Jones

The Roman empire contained many language groups, and in general terms Latin dominated in the West, Greek in the East. The mutual interaction of these two languages, and of their speakers, has been much discussed; in English-language scholarship in particular, debate has centered on the Greek intellectuals of the Second Sophistic, both on those speakers designated by the Younger Philostratus and on others moving in the same cultural atmosphere such as Plutarch and Galen. The issues are now

[16] *Swain*. Op. cit. P. 71.

[17] *Morey C.R.* The Sarcophagus of Claudia Antonia Sabina // Sardis. 5. 1. 1924; *Rudolf E.* Der Sarkophag des Quintus Aemilius Aristides // DAWW. 1992. 230; общую картину см. *Toynbee J.M.C.* Death and Burial in the Roman World. Ithaca. N.Y., 1971. P. 272.

* Перевод С.Г. Карпюка.

presented in a book of Simon Swain, "Language and Empire" (Oxford, 1996). According to Swain, the growing predominance of Latin caused educated Greeks to systematize their language in order to prevent its contamination by Latin, and intellectuals such as Aelius Aristides, even when they appear to be well disposed to Rome, always had a Greek «cognitive identity». In the present essay, it is argued that this is to impose on the Roman empire anachronistic models drawn from the modern nation-state. The ancients had no conception of using the study of language to manipulate national feeling; there was no equivalent of the dictionaries created by modern national academies to purify usage; there is no sign of language as a vehicle of political resistance, or of the deliberate suppression of language by a dominant power. Intellectuals of antiquity who battled over usage were engaged in a struggle about classical norms and in process of self-valuation, not in a war against Latin. It is self-evident that Greeks such as Aristides had a Greek 'cognitive identity', if that means that they thought and spoke in Greek; by the same criterion, a resolute Italian such as Claudius Aelianus also had such an identity. Even linguistic and literary controversies among the intellectual elite represent only one level of the interaction of Latin and Greek; at a lower level, especially on the lower rungs of the imperial administration and in the Greek cities of the east, Latin influenced Greek in the same way that Roman customs such as gladiatorial games influenced civic life. To focus exclusively on the intelligentsia courts the danger of mistaking intellectual history for political and cultural history.

© 1997 г.

ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗ БОСПОР КИММЕРИЙСКИЙ*

Одним из самых интересных вопросов в истории Боспорского царства является определение места переправы через Боспор Киммерийский. В современной исторической науке устоялось мнение, что переправа в древности существовала в районе современного поселка Жуковка на окраине Керчи и оконечности косы Чушка на Таманском п-ове, где функционирует современная паромная переправа. Здесь до разрушения дрейфом льдов из Азовского моря в 1945 г. существовал временный железнодорожный мост через пролив. В 1950 г. на городище, расположенном между поселками Жуковка и Опасное, на продолговатом холме длиной около 400 м главный инженер строящейся тогда переправы В.В. Веселов локализовал античное поселение Порфмий[1]. Собственно слово πορθμός означает «переправа», что и послужило основанием для локализации переправы через Боспор в этом месте. Порфмию приписывалась функция охраны переправы с европейского Боспора на азиатский[2]. Раскапывавшие это городище Е.Г. Кастанаян[3] и М.Ю. Вахтина приняли эту локализацию. Она же приведена и в справочнике античных городов Северного Причерноморья[4]. Основываясь на расположении на этом месте Порфмия, геологи сделали вывод о существовании косы Чушка в античный период[5].

Между тем эта локализация Порфмия противоречит сообщению Псевдо-Арриана, что Порфмий находится в самом узком месте пролива, на самой оконечности Керченского полуострова[6]. Именно в самом узком месте пролива, в районе мыса Фонарь, недалеко от Еникальского маяка, описывал развалины Парфениона П. Дюбрюкс[7]. Находка граффити [...]ξ Παρθένω[ι–] из раскопок последних лет на городище у поселка Жуковка заставляет усомниться в традиционной локализации Порфмия[8] и вполне ясно указывает, что исследуемое городище – Парфений.

Городище, ранее приписываемое Парфению, расположено западнее на плато площадью 150 × 85 м на северной окраине пос. Опасное. Оно было открыто в 1949 г. В.В. Веселовым и в том же году экспедицией ЛОИА АН СССР был заложен шурф, в котором зафиксирован материал с VI в. до н.э. по II в. н.э.[9] В настоящее время городище застроено современными постройками. Все эти данные заставили меня вновь обратиться к вопросу о локализации Порфмия и местонахождения переправы через Боспор Киммерийский.

---

* Статья написана в рамках научного проекта «Историческая география античного Причерноморья», поддержанного РФФИ. Код проекта № 96–06–80053.

[1] *Веселов В.В.* Древние городища в районе Синягино (К вопросу о местоположении Парфения и Порфмия)//Археология и история Боспора. I. Симферополь, 1952. С. 227.

[2] *Шургая И.Г.* Порфмий // Античные государства Северного Причерноморья. Археология СССР. М., 1984. С. 69–70.

[3] *Кастанаян Е.Г.* Раскопки Порфмия в 1968 г. // КСИА. 1972. 130. С. 77–82; *он же.* Порфмий // Etudes et Travaux. XIII. T. 26. P. 162–168.

[4] *Качарава Д.Д., Квирквелия Г.Т.* Города и поселения Причерноморья античной эпохи. Тбилиси, 1991. 656 с.

[5] *Болдырев В.Л.* История развития и современная динамика косы Чушка // ТИО. 1961. 48. С. 68.

[6] Ps.-Arr. 69; 76: SC. I. 1. P. 280, 282.

[7] *Дюбрюкс П.* Описание развалин и следов городов и укреплений, некогда существовавших на европейском берегу Босфора Киммерийского, от входа в пролив близ Еникальского маяка до горы Опук включительно, при Черном море // ЗООИД. 1858. IV. С. 3–84.

[8] *Тохтасьев С.Р.* Посвятительное граффито из Порфмия // Древнее Причерноморье. КСОАО. Одесса, 1993. С. 74–75.

[9] *Кастанаян Е.Г.* Археологическая разведка на городище Парфений в 1949 г. // МИА. 1958. 85. С. 254–265.

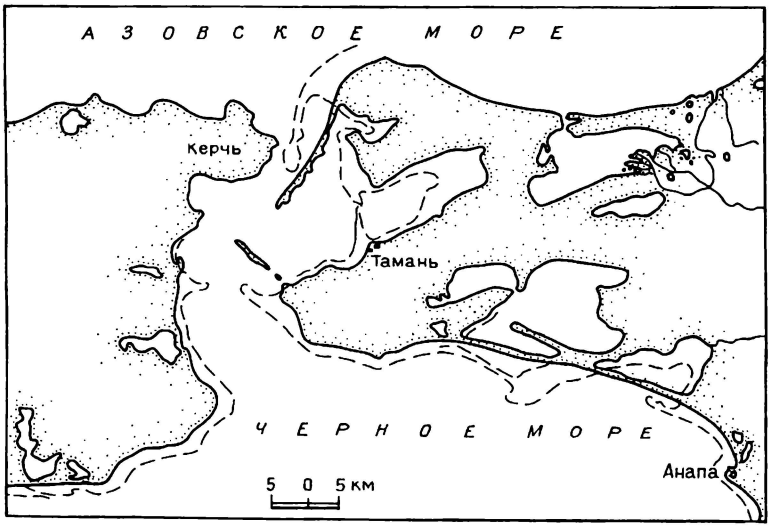


Рис. 1. Палеографическая схема района Керченского пролива по Невесскому (1958 г.)

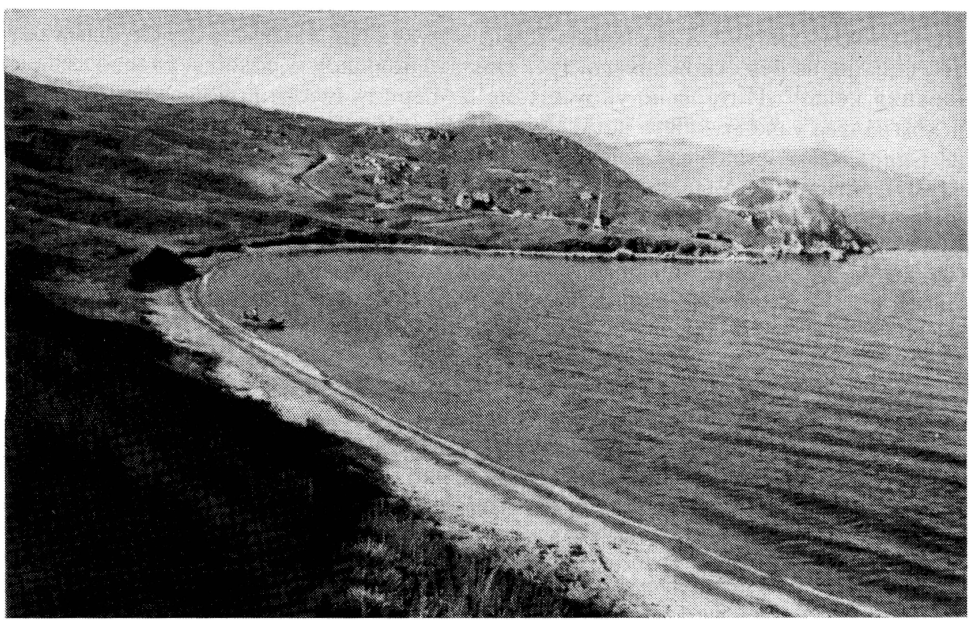


Рис. 2. Вид на «Порфмион» (Парфенион по Дюбрюксу) с юга

Прежде всего следует установить локализацию Порфмия. Данные античных авторов прямо указывают, что Порфмий находился в самой северной части Керченского п-ова. Этот участок значительно севернее городища у поселка Жуковка – в створе мыса Фонарь (на крымской стороне) и на месте соединения косы Чушки с коренным берегом (мыс Ахиллеон) или даже несколько западнее последнего, поскольку берег здесь в прошлом занимал более выдвинутое положение[10] (рис. 1). Палеочушка не

[10] *Болдырев*. Ук. соч. С. 68.

могла быть выдвинута далеко в пролив, а должна была занимать положение, близкое к одной из первых стадий нарастания современной косы, так как выступ коренного таманского берега (от которого нарастает коса) занимал тогда более выдвинутое к западу положение[11]. О возможной локализации Порфмия в районе Еникальского маяка писал и К.Э. Гриневич, отмечая, что «местность обезображена производившейся здесь ломкой камня»[12].

Что же помешало современным исследователям искать следы Порфмия здесь? И.Т. Кругликова помещала в этом месте поселение Глейки, где отмечала находки эллинистического времени (фрагменты амфор Фасоса и Синопы, черепицы)[13]. Е.А. Кислый шурфовал это поселение и зафиксировал находки бронзового века совместно с античным материалом.

Во время осмотра в июне 1996 г. места, где локализуется Парфенион (Порфмий) П. Дюбрюкса (рис. 2) выяснилось, что в бухте, у берега, четко фиксируются следы большого карьера. В начале 1950-х годов здесь в больших количествах брали камень и перерабатывали на щебень для строительства портов «Крым» и «Кавказ». В настоящее время лишь в некоторых местах можно проследить культурный слой. Восточнее проходящей в бухту грунтовой дороги виден ров с материалом эллинистического времени, упоминаемый П. Дюбрюксом. Фрагменты боспорских и синопских соленов позволяют датировать его IV в. до н.э. Таким образом, приходится признать, что античный город, развалины которого наблюдал П. Дюбрюкс, практически уничтожен антропогенной деятельностью в XIX в. и в 1950-е годы.

В этом месте находилась одна из переправ через Боспор Киммерийский. Важным показателем переправы в этом месте служит локализация на противоположном берегу местечка «Ахиллион»[14]. По мнению В.Ф. Гайдукевича, наиболее вероятными остатками Ахиллия не без основания следует считать большое городище, расположенное у основания косы[15]. Интересно упоминание К. Герцом шести колонн храма Ахилла в Динском заливе у оконечности косы Чушка[16].

И. Бларамберг, описывая в начале XIX в. этот район Таманского п-ова, отмечал, что берег активно размывается. Весь прилегающий к косе участок коренного берега до 40-х годов нашего столетия интенсивно размывался и отступал со скоростью 2 м в год. Таманские берега сильно изменили свои очертания со времени античности. Они интенсивно абразируются и выравниваются вдоль всего побережья. Замедление этого процесса вызвано как естественными причинами, так и постройкой гидротехнических сооружений[17].

Еще одно свидетельство существования переправы в этом месте – древние дороги, вдоль которых располагались курганы[18]. Методика определения местоположения древних дорог по скоплению курганов с блеском опробована на реконструкции древних дорог в степи[19]. На картах Керченского п-ова начала XIX в., где городская застройка еще незначительно исказила ландшафт, цепочки курганов, которые можно связать с древними дорогами, фиксируются достаточно четко. Одна из них тянется от Темир-

---

[11] Там же. С. 78.

[12] *Гриневич К.Э.* Археологические разведки в северо-восточной части Керченского полуострова // ИТОИАЭ. 1927. I. С. 47–52.

[13] *Кругликова И.Т.* Сельское хозяйство Боспора. М., 1975. Рис. 100, *1*.

[14] «Затем 20 стадий до Ахиллова селения, в котором есть святилище Ахилла. Здесь самое узкое место в устье Мэотиды, шириною около 20 стадий или несколько более; на противоположном берегу лежит селение Мирмекий (вблизи Ираклия) и Парфений» (Strabo. XI. 2.6).

[15] *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М.–Л., 1949. С. 205.

[16] *Герц К.* Археологическая топография Таманского полуостровва. М., 1870. С. 39.

[17] *Болдырев.* Ук. соч. С. 78.

[18] *Цветаева Г.А.* Курганный некрополь Пантикапея // МИА. 1957. № 56. С. 229.

[19] *Болтрик Ю.В., Фиалко Е.Е.* К вопросу о локализации гавани Кремны // Скифы Северного Причерноморья. Киев, 1987. С. 40–48; *он же.* Сузопутные коммуникации Скифии // СА. 1990. № 4. С. 30–31.

горы к мысу Фонарь и двумя распадающимися цепочками ведет в бухту Парфениона Дюбрюкса. Характерно, что древние дороги Таманского п-ова на карте Я.М. Паромова подходят к тому месту, где располагается Ахиллион[20].

Небольшое расстояние между Порфмионом П. Дюбрюкса и новой локализацией Парфения, отсутствие других крупных античных памятников между ними вполне согласуется с данными античных авторов, в частности Стефана Византийского[21]. Расположение Порфмия на мысе Фонарь, на берегу моря, рядом с удобной бухтой более соответствует определению πορθμός – «Место для переправы», а Парфений (Παρθένιον), что значит «место изобилующее цветами», вполне подходит к поселению на окраине пос. Жуковка.

Вплотную к этому примыкает и локализация Гераклия, местонахождение которого, по всей видимости, следует искать на месте крепости Еникале. Расположение Еникале вполне отвечает критериям основания античных поселений. Единственный недостаток – отсутствие воды – возмещался многокилометровым древним водопроводом с горы Хрони к поселению на месте Еникале[22], просуществовавшему до нового времени. Для сбора воды татары использовали античный мраморный саркофаг. Обширнейший некрополь античного времени к северо-западу от Еникале также свидетельствует о существовании античного поселения. Наконец, во время охранных раскопок в крепости зафиксированы находки античного времени[23]. Вполне вероятно, что будущие исследования позволят выявить слои античного поселения на месте крепости Еникале.

Однако район косы Чушка не единственное место в проливе, удобное для переправы. Дорога, отмеченная цепочкой курганов Юз-Обинской гряды, тянется из степи к мысу Ак-Бурун. В этом месте П. Дюбрюкс описывал развалины античного «Нимфеума»[24]. В комментарии к публикации рукописи П. Дюбрюкса сообщается, что подробного «плана Нимфея не отыскано», но в архиве ИИМК[25] хранится копия этого плана, составленная Н. Сусловым в 1895 г.

По замечанию И.П. Бларамберга, «частые остатки башен, рвов, стен, множество могильных холмов свидетельствовали о существовании древнего и довольно значительного поселения» у Павловской батареи[26]. Он также отмечает, что часть берега уже обрушилась в море. «Нет сомнения, что плиты почти в сажень длиною, которые находят здесь под водою вдоль берега, составляют часть какого-нибудь укрепления, принадлежавшего к этому порту». О разрушении берега после сильных дождей известно из сообщения сотрудников Керченского музея[27]. В апреле 1958 г. они описывали это место как поселение Ак-Бурун, где зафиксировали при пахоте развалы бутовых камней, обломки боспорской черепицы, фрагменты амфор, рыбного блюда, чернолаковой керамики и «мегарок»[28] (рис. 3). Известны многочисленные находки со дна моря напротив Павловской батареи[29].

---

[20] *Абрамов А.П., Паромов Я.М.* Раннеантичные поселения Таманского полуострова // Боспорский сборник 2. М., 1993. С. 25–98; *Паромов Я.М.* Основные этапы освоения Таманского полуострова в античную эпоху: Автореф. дис... канд. ист. наук. СПб., 1994.

[21] SCI. С. 264: «Πορθμία καὶ Πορθμίον, κώμη ἐπὶ τῷ στόματι τῆς Μαιώτιδος λίμης».

[22] *Веселов.* Ук. соч. С. 235.

[23] ЛОРКИАМ. Запись от 18 ноября 1973 г. Архив Керченского музея. Оп. 2. Ед. хр. 1038. Л. 38.

[24] *Дюбрюкс.* Ук. соч. С. 34–49; см. приложение.

[25] Архив ИИМК. Р–1. № 1215. Л. 5.

[26] *Бларамберг И.П.* Замечания на некоторые места древней географии Тавриды // ЗООИД. II. 1850. С. 11.

[27] ЛОРКИАМ, 1960 г. Архив Керченского музея. Оп. 2. Ед. хр. 420. Л. 44.

[28] ЛОРКИАМ, 8 ноября 1959 г. Архив Керченского музея. Оп. 2. Ед. хр. 420. Л. 27.

[29] Находки сделаны в точке 45° 18'8 с. ш., 36°31' в.д. См. *Бессонова С.С.* Дневник археологических обследований и разведок № 1. Архив Керченского музея. Оп. 2. Ед. хр. 352. С. 6; кроме того, в одной из частных коллекций г. Керчи хранится весьма многочисленный материал V–III вв. до н.э., вынесенный волнами из моря и собранный военными на мысе Ак-Бурун; о находках под водой в районе мыса Ак-Бурун сообщил А.Н. Шамрай.

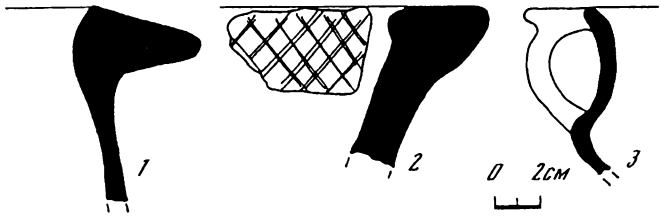


Рис. 3. Находки с поселения Ак-Бурун: *1* – венчик амфоры; *2* – закраина синопского лутерия; *3* – фрагмент чернолакового канфара

В настоящее время на мысу зафиксировано три поселения: Ак-Бурун I, Ак-Бурун II и Ак-Бурун III[30]. П. Дюбрюкс идентифицировал городище Ак-Бурун II с Нимфеем. С.А. Шестаков локализует на этом месте упомянутый автором I в. н.э. Помпонием Мелой[31] и Плинием Старшим (IV.87) боспорский город Гермисий[32]. Не вдаваясь здесь в дискуссию по этому вопросу, отмечу, что для локализации Гермисия на этом месте требуются дополнительные доказательства.

В настоящее время городище занимает площадь 150 × 100 м. По его западной и северной границам проходит оборонительный вал с проходами для въезда Ак-бурунский земляной вал общей длиной более 3 км, охватывает все три городища. Культурный слой на поселении мощностью до 3 м датируется с V в. до н.э. по IV в. н.э.[33] К востоку от городища находится некрополь[34].

Одним из свидетельств того, что вдоль Юз-Обы проходила античная дорога, может служить существование поселения у второго Змеиного кургана, которое, по моему мнению, несло функции сторожевого поста. Это поселение, расположенное в 200 м к востоку от кургана, исследовалось Н.П. Кивокурцевым в 1938 г. По информации Ю.Ю. Марти, Кивокурцев обнаружил здесь погребения и жилища II в. н.э. Однако интерпретация находок – «очевидно, здесь жили рабы-каменоломщики... у подошвы Юз-Обы брали камень для сводчатых построек кургана»[35] – результат явного недоразумения, поскольку датировки материалов не соответствуют времени захоронения в курганах Юз-Обы. К.Э. Гриневич считал его поселком каменотесов и погребальщиков[36]. К несчастью, Н.П. Кивокурцев погиб во время войны, так же как и материалы раскопок; сохранилась лишь мраморная плита с надписью I в. н.э.[37] В 50-х – начале 60-х годов поселение неоднократно обследовалось сотрудниками музея С.А. Семеновым и В.Э. Куниным, которые на основе подъемного материала сделали вывод, что его следует датировать более поздним временем, чем погребения Юз-Обы

---

[30] *Шестаков С.А.* Отчет о разведках на Керченском полуострове в 1988 г. Архив Керченского музея. Оп. 2. Ед. хр. 1084.

[31] *Mela.* II. 3: «Затем косая полоса земли, спускающаяся к Босфору, ограничивается Понтом и Мэотидою. Сторону ея, обращенную к болоту, занимают Сатархи, со стороны Босфора лежат Киммерийские города Мирмекий, Пантикапей, Феодосия, Ермисий, со стороны Евскинского моря живут Таврики. Выше их залив с удобными гаванями, называемый поэтому Прекрасным портом, ограничивается двумя мысами: один из них, прямо противоположный упомянутому нами Карамбийскому в Азии, зовут Бараньим лбом, другой – Парфением. Вблизи лежит город Херрониессус, основанный, по преданию, Дианою и славящийся особенно нимфейскою пещерою, которая посвящена нимфам в его кремле» (пер. В.В. Латышева).

[32] *Шестаков С.А.* О локализации Боспорского города Гермисия // Проблемы археологии и истории Боспора. Тез. докл. конф. Керчь, 1991. С. 37–38.

[33] Там же. С. 38.

[34] *Чевелев О.Д.* Отчет Керченской экспедиции за 1989 г. Архив Керченского музея. Оп. 2. Ед. хр. 1032.

[35] *Марти Ю.Ю.* Научно-исследовательская работа Керченского историко-археологического музея им. А.С. Пушкина в 1937–1938 гг. // ВДИ. 1939. № 2. С. 133.

[36] *Гриневич К.Э.* Юз-Оба (Боспорский могильник IV века до н.э.) // Археология и история Боспора. 1. Симферополь, 1952. С. 146.

[37] Керченский лапидарий № 1074; КБН 519; см. также *Марти.* Ук. соч. С. 133.

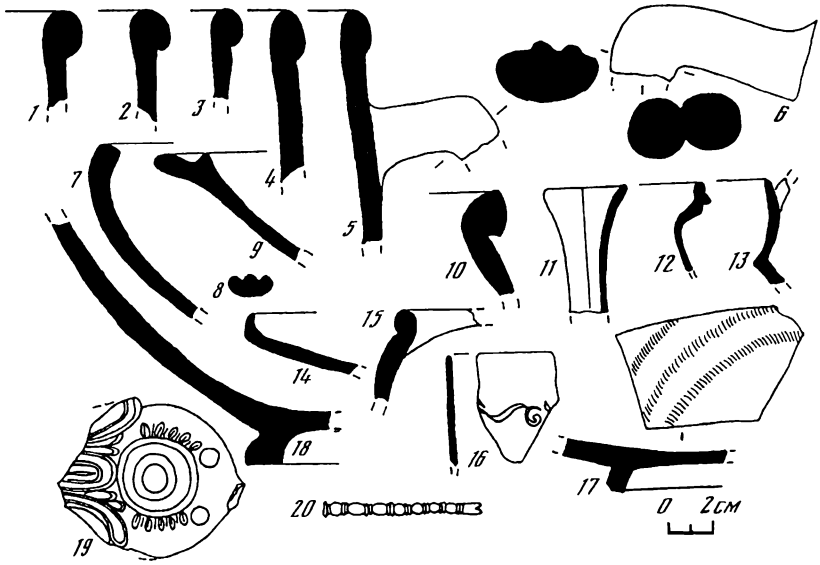


Рис. 4. Находки из шурфа поселения на Юз-Обе: *1–5* – амфорные венчики; *6* – ручка двухствольной амфоры; *7, 18* – фрагменты миски с полосами бурого лака; *8* – рука краснолакового сосуда; *9* – закраина миски; *10* – венчик сосуда; *11* – горло краснолакового сосуда; *12–13* – венчики тонкостенных сосудов; *15* – закраина кострюли; *16* – буролаковый кубок с орнаментом белой краской; *14, 17* – фрагменты краснолаковой миски; *19* – фрагмент светильника; *20* – костяная поделка

(IV – началом III в. до н.э.), а именно II в. до н.э. – I в. н.э. В марте 1971 г. С.С. Бессонова заложила шурф в зольном слое на окраине поселения. Исследовались лишь верхние слои зольника, находки из которых (рис. 4) действительно дают дату рубежа эр[38]. Обнаруженные мной в фондах Керченского музея несколько клейм[39] с этого поселения свидетельствуют о том, что нижняя граница существования поселения должна быть несколько ниже – начало III в. до н.э. Таким образом, поселение датируется значительно более поздним временем, чем сооружение погребальных комплексов Юз-Обы, – с III в. до н.э. по I в. н.э. и соответственно не может быть поселком строителей курганов. Скорее всего оно несло охранные функции, когда некрополь Юз-Оба уже перестал существовать. Именно в этом месте Юз-Обу пересекает тиритакский вал и проходящая по его хребту древняя дорога должна была иметь сторожевой пункт. Аналогичные функции выполняло поселение, раскопанное на Узунларском валу[40].

Цепь курганов Юз-Обы продолжается цепочкой курганов на берегу Таманского п-ова на Васюринской горе и особенно от Тузлы до Тамани. Эти курганы имеют много общего с курганами Юз-Обы по способу погребения и по конструкции могильных склепов[41]. Вполне вероятно, что эти курганы входили в один общий некрополь, расположенный вдоль дороги. О том, что в этом некрополе хоронили представителей верхушки Боспорского царства, писал еще П. Дюбрюкс[42].

---

[38] *Бессонова С.С.* Дневник археологических обследований и разведок № 2. Архив Керченского музея. Оп. 2. Ед. хр. 354. С. 15–20.

[39] В фондах КГИКЗ обнаружено два синопских клейма: (12.05.1963) магистрат Эсхин, эмблема «палица», (14.02.1962), ККК 6011/кп 94157 – легенда не ясна. Дата находок – рубеж IV – III вв. до н.э.

[40] *Масленников А.А.* Раскопки на Узунларском валу (Восточный Крым) // РА. 1994. № 4. С. 183.

[41] *Гриневич.* Юз-Оба... С. 131.

[42] *Дюбрюкс.* Ук. соч. С. 54.

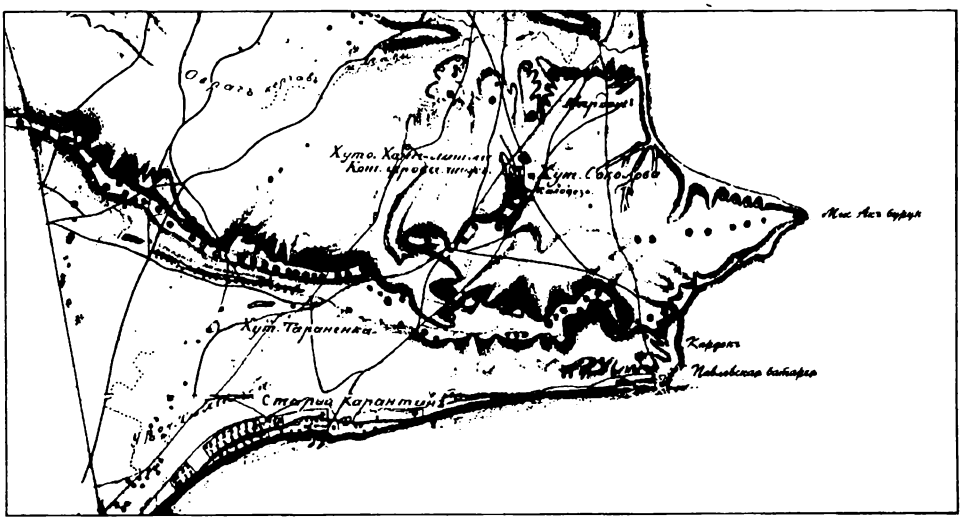


Рис. 5. Фрагмент карты Литвиненко 1835 г. с цепочкой курганов на Юз-Обе

Дорога на Тамани ведет еще к одному локализуемому в этом месте боспорскому городу – Корокондаме, откуда она шла к Фанагории[43]. Исследователи традиционно располагают Корокондаму у мыса Тузла, к югу от которого на высоком обрывистом берегу исследован богатый некрополь. Город площадью около 12 га оказался под водой в результате абразии берега. Подводные исследования выявили здесь культурный слой, остатки стены и какого-то здания[44]. Корокондама была разрушена не только войной и временем, значительная часть того места, где существовало поселение, унесена морем. Упоминания о месте, где находился этот город, в 10 верстах от Бугаза, сохранились в преданиях местных жителей. Развалины в этом месте видел и Дюбрюкс[45].

Еще одна, третья возможная переправа локализуется в районе Камыш-Бурунской косы, у основания которой находились античные поселения Тиритака и Нимфей. Цепочка курганов, отмечающая направление дверей дороги, отходит от южной части Юз-Обинской гряды в сторону Тиритаки (рис. 5). Это же направление фиксируется на карте полковника Бетева 1837 г.[46] и на карте 1775 г.[47] Е.И. Невесский показал, что в античности существовали две активно растущие навстречу друг другу песчаные косы-стрелки: пра-Камыш-Бурунская и пра-Тузла[48]. Камыш-Бурунская коса, растущая от крымского берега навстречу косе Тузла, по мере размыва постепенно смещалась к северу от своего первоначального положения, пока не оказалась полностью срезанной морем[49] (рис. 1). Тем самым намечены пункты, соединяющие оба берега пролива. Но насколько Керченский пролив был доступен для переправы?

Нужно ли говорить, что в древности карта пролива значительно отличалась от

---

[43] *Абрамов, Паромов.* Ук. соч.

[44] *Шилик К.К.* Обнаружение двух античных городов на дне Керченского пролива // Тракия Понтика IV. София, 1991. С. 427–434.

[45] *Дюбрюкс.* Ук. соч. С. 13.

[46] Карта топографическая полковника Бетева 1837 года. Архив Керченского музея (КМТИ–2574).

[47] Карта с показанием границы, отведенной к г. Еникале и Керчи и с лежащей в оной границе ситуацией. 1775 г. ЦГВИА СССР. Ф. 349. Оп. 18. № 10.

[48] *Невесский Е.Н.* К вопросу о новейшей Черноморской трансгрессии // ТИО. 1958. Т. 28. С. 23–29.

[49] *Болдырев В.Л.* Процессы отмирания аккумулятивных береговых форм на примере Керченского пролива // Там же. С. 87.

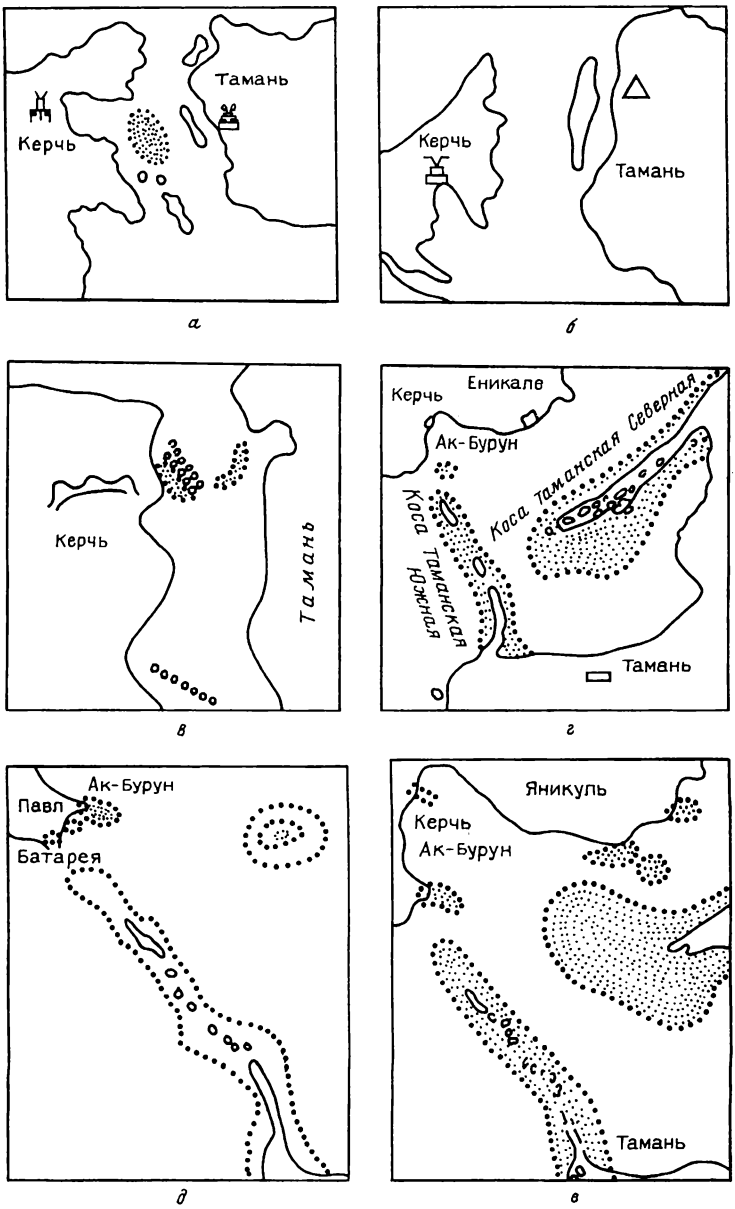


Рис. 6. Средневековые карты Керченского пролива [Шнюков и др. 1981 г. С. 9]: *а* – по карте Крюйса (1899 г.); *б* – по карте Шхонбека (1701 г.); *в* – пролив и коса Тулза по карте Виллингса (1797 г.)

современной[50]. Его геология изучена достаточно хорошо, выявлены основные этапы ее истории[51]; в настоящее время все аккумулятивные формы пролива, кроме косы Чушка, отмирают, что обусловлено сокращением наносов[52], идет интенсивное

[50] *Куликов А.В.* К реконструкции природных условий Керченско-Таманского района в античную эпоху // Проблемы истории, филологии, культуры. II. Москва – Магнитогорск, 1995. С. 100.

[51] См. *Шнюков Е.Ф., Аленкин В.М., Путь А.Л., Науменко П.И., Иноземцев Ю.И., Скиба С.И.* Керченский пролив. Киев, 1981.

[52] *Болдырев.* Процессы отмирания...; *он же.* История развития...

опускание пролива от 0,5–1,5 мм/год[53] до 7 мм/год[54]. Попытка реконструкции древних берегов представлена в работе Ф.В. Шелова-Коведяева[55].

Коса Тузла (Средняя) у Страбона не отмечена, поэтому наиболее узким местом пролива является район косы Чушка. Д.Я. Беренбейм считает самым узким местом район Парфения, где от оконечности Церковной банки до косы Чушка 3,5 км[56]. Первой морской картой Керченского пролива является карта П. Весконте (P. Vesconte) 1318 г.[57] С этого времени карты пролива служат материалом для анализа его геологического формирования (рис. 6). Посещавшие в середине XIX в. Керченский пролив П. Беккер[58], С.А. Шестаков (1847) и К. Герц (1859) фиксируют неустойчивое равновесие и развитие косы Тузла, то выступающее как единое целое, то распадающееся на острова[59]. В.Ю. Визе рассмотрел геологическую историю Тузлы и Чушки, показав постепенную эволюцию косы Тузла от небольшого продолговатого острова в XIV в. до системы островов, а затем крупной косы, спорадически меняющей очертания. Характерно, что на рукописной «карте Литвиненко»[60] Тузла показана островом. Известно сообщение о появлении в 1880-х годах в Керченском проливе небольшого островка, который недели через две исчез[61]. В настоящее время коса Тузла – остров, образовавшийся в результате прорыва косы 29 ноября 1925 г. при сильном шторме. По мнению геологов, в античный период коса Тузла не существовала[62]. Можно отметить также наличие в этом месте отмелей, позволяющих удобно переправиться через пролив.

О ширине Боспорского пролива пишет Гай Плиний Секунд: «По середине этого изгиба Понт соединяется с устьем Меотийского озера. Это устье называется Киммерийским Боспором и в ширину имеет 2500 шагов»[63]. Далее Плиний сообщает: «От города Киммерия, лежащего на другой стороне пролива, как сказано, на 2500 шагов. Столь незначительное пространство отделяет здесь Азию от Европы, да и оно по большей части может быть пройдено пешком, когда замерзает пролив. Длина Боспора Киммерийского – 12500 шагов; здесь лежат города Ермиссий и Мирмекий, а внутри (пролива) – остров Алопека»[64]. Античные авторы отмечали, что Меотида представляет собой пресноводное и заболоченное озеро. Изображение Меотиды на картах Птолемея удивительно совпадает с возможными очертаниями Азовского моря, восстанавливаемыми по изучению осадков и рельефу дна[65].

Ценные сведения о Керченском проливе и переправе через него содержатся у Страбона (VII. 4.5): «Вход в Мэотиду называется Киммерийским Боспором; начинается он с значительной ширины, именно около 70 стадий, где переправляются из окрестностей Пантикапея в ближайший азиатский город Фанагорию, а оканчивается гораздо более узким проливом. Этот проход отделяет Европу от Азии, подобно тому как и река Танаид, текущая с противоположной стороны с севера в озера в его устье. Она изливается в озеро двумя рукавами, находящимися один от другого на расстоянии

---

[53] *Куликов*. Ук. соч. С. 100.

[54] *Панов Д.Г.* История развития Азовского моря в голоцене // Океанология. 1965. 4. С. 677.

[55] *Шелов-Коведяев Ф.В.* История Боспора в VI–IV вв. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1985. § 2.

[56] *Беренбейм Д.Я.* Керченский пролив во времена Страбона в свете новейших данных об изменении уровня Черного моря // СА. 1959. № 4. С. 51.

[57] Подробно историю геологическго изучения Керченского пролива см. *Шнюков и др.* Ук. соч.

[58] *Беккер П.* Керчь и Тамань в июле месяце 1852 г. // Пропилеи. М., 1853.

[59] *Визе В.Ю.* Историческое прошлое наносных образований в Керченском проливе, в особенности косы Тузлы // Изв. Центрального гидрометеорологического бюро. 1927. Вып. 7. С. 129–167.

[60] Топографическая карта окрестностей Керчи, снятая в 1835 году с обозначением древних курганов. Архив Керченского музея (КМТИ–2475).

[61] *Зенкевич Х.* Керчь в прошедшем и настоящем. Керчь, 1894. С. 162.

[62] *Невесский.* Ук. соч.; *Куликов.* Ук. соч. С. 101.

[63] 2500 шагов соответствует 2 км. См. *Plin.* IV. 76: SC. II, 1. P. 170.

[64] См. *Plin.* IV. 87: SC. II, 1. P. 173.

[65] *Панов.* Ук. соч. С. 679.

около 60 стадий. [...] Влево для въезжающего в Боспор Киммерийский лежит городок Мирмекий в 20 стадиях от Пантикапея. Вдвое дальше от Мирмекия отстоит деревня Парфений, у которой самая узкая часть пролива всего около 20 стадий; на азиатской стороне против него лежит деревня, называемая Ахиллием».

У древних авторов Керченский пролив упоминается как «болото» (Mela. I. 7) с островами, который зимой замерзает, что свидетельствует о небольших глубинах и низкой солености вод. При описании климата северного побережья Понта Страбон отмечает, что виноград на Боспоре мелкий и на зиму окапывается землей. (II. 1. 16): «Лед в этих местностях столь крепок у устья Мэотийского озера, что в том месте, где зимою Мифридатов воевода победил варваров в конной битве на льду...». В пантикапейском храме хранилась бронзовая гидрия, лопнувшая от мороза. «Вся эта страна очень холодна вплоть до мест, лежащих у моря между Борисфеном и устьем Меотиды... Холода этой страны, хотя ея обитатели и живут на равнинах, доказываются седующими фактами: жители не держат ослов (ибо это животное не выносит холода); быки – одни родятся безрогими, а у других отпиливают рога (ибо эта часть тела также не выносит холода); лошади здесь мелки, а овцы – крупны. Здесь трескаются медные водоносы (χαλκαῖ υ'δρίαι), а содержимое в них замерзает. Сила морозов лучше всего видна из того, что бывает около устья Мэотиды: по проливу из Пантикапея в Фанагорию переезжают на повозках, так что тут бывает то канал, то сухой путь» (Strabo. VII. 3.18)[66]. По мнению А.В. Куликова в античный период глубины в Керченском проливе колебались до 2 м[67], что делало переправу возможной практически в любом месте от мыса Фонарь до Нимфея. В этом случае определяющую роль для переправы играли дороги и удобство спуска на берег. В зимний период, по сведениям Страбона, лед в проливе доходит до линии Акра-Корокондама (Strabo. XI. 2.8), что делает возможным переправу в зимний период в любом месте. По сообщению Геродота (IV.28), пролив замерзает, и скифы по льду с повозками переправляются на другую сторону.

Сомнения в достоверности описанной Геродотом ситуации высказал Ю.А. Виноградов, предположив, что в первые века освоения греками данного района колонисты столкнулись с условиями более суровыми, чем сейчас[68]. Не оспаривая вывод Ю.А. Виноградова о снижении на 2° температуры климата в скифскую эпоху, замечу, что автор не учитывает меньшие глубины и бóльшую опресненность вод пролива, в значительной степени влияющие на ледяной режим Керченского пролива.

В 1068 г. князь Глеб мерил по льду Керченского пролива расстояние от Тмутаракани до Корчева – событие, зафиксированное на знаменитом тмутораканском камне. Еще более поздние сообщения о переправе по льду содержатся в отчетах Керчь-еникальского градоначальника в 1856 г.: «При замерзании Керченского рейда и Еникальского пролива – временная переправа действует от Павловского мыса к косе Тузла»[69], в 1881 г. существовали «два перевоза – 1) между Еникале и косой Ческе, 2) между Керчью и Таманью, а когда пролив замерзает – между Старым Карантином (Павловский мыс. – *Н.Ф.*) и косой Тузла»[70]. По свидетельству Х. Зенкевича, Керченский порт в суровые зимы закрывался для навигации[71]. Существуют и совершенно недавние факты, еще не зафиксированные в литературе, когда с образованием границы между Россией и Украиной жители, живущие по обе стороны Керченского пролива, переходили по льду на другую сторону. Это свидетельствует о том, что и в более ранние времена Керченский пролив замерзал, и переход по льду с повозками в скифскую эпоху был вполне возможен.

---

[66] Перевод В.В. Латышева [SC. I. 121].

[67] *Куликов*. Ук. соч.

[68] *Виноградов Ю.А.* Природный фактор в развитии Боспора в скифскую эпоху (VI–IV вв. до н.э.) // ВДИ. 1996. № 3. С. 83 – сводка литературы по климатическим условиям района.

[69] ЦГИА (РГИА). Ф. 1281. Т. 6. Л. 93.

[70] ЦГИА (РГИА). Ф. 1284. Т. 70. Л. 452.

[71] *Зенкевич*. Ук. соч. С. 48.

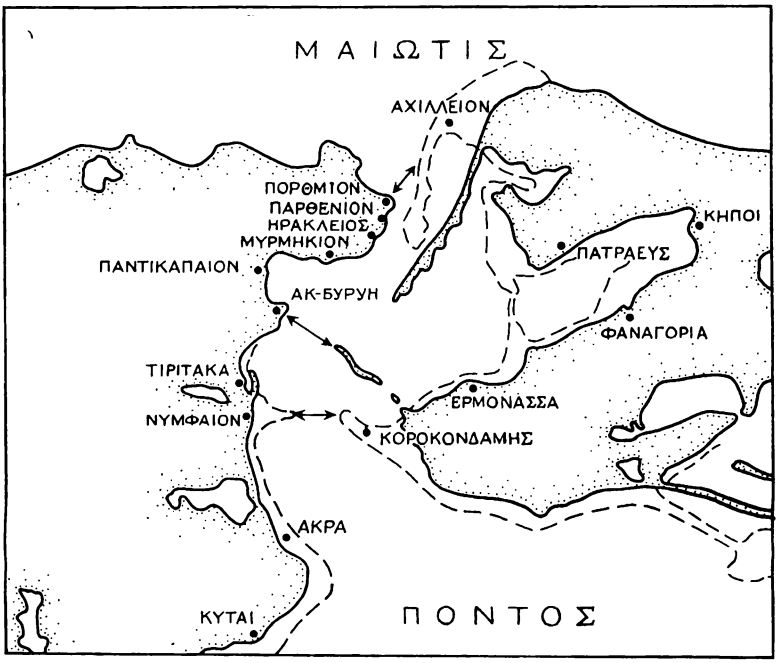


Рис. 7. Реконструкция переправы через Боспор Киммерийский

Таким образом, переправа через Боспор Киммерийский достоверно может локализоваться как минимум в трех местах: 1) Порфмий (Парфенион П. Дюбрюкса) на мысе Фонарь – Ахиллий; 2) Ак-Бурун (Нимфея П. Дюбрюкса) – Корокондама – Тиритака; 3) Нимфей – Корокондама (рис. 7). Могли существовать и другие переправы в мелководном проливе. В зимний период переправа через пролив была доступна практически везде. Вывод о существовании косы Чушка значительной длины на протяжении 2500 лет[72], опирающийся в основном на локализацию Порфмия, теперь представляется не столь убедительным.

Н.Ф. Федосеев

CROSSINGS OVER THE CIMMERIAN BOSPORUS

N.F. Fedoseev

The article provides data for a new localization of Parthenium on the Fonar' promontory on the extremity of the Kerch peninsula. The fortified city on the outskirts of the village of Zhukovka is Parthenium. Heraclea should be localized on the site of the fortress of Yenikale.

The crossings over the Cimmerian Bosporus could be localized with some certainty at least in three places: Parthenium on the Fonar' promontory – Achilleum Ak-Burun – (P.O. Nymphaeum) – Korokondama, Tiritake, Nymphaeum – Korokondama. The existence of crossings there is borne out by the ancient roads on both sides of the Straits. Actually, other crossings may have existed in the shallow waters of the Straits. In winter time the Straits could have been crossed practically everywhere. The conclusion about the existence of the long Chushka spit for 2500 years, based primarily on the localization of Parthenium does not seem convincing in view of the data described.

The settlement on the Yuz-Oba ridge previously regarded as «a settlement of stonemasons and gravediggers» is dated to a later period than the burials in Yuz-Oba, and in all probability it carried out defense functions at the crossroads to Yuz-Oba and the Tiritake rampart.

[72] *Болдырев*. История развития... С. 68 слл.; *он же*. Процессы отмирания... С. 84.

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

© 1997 г.

EXEGETICA 1 – 2

Настоящими заметками мы открываем серию работ, посвященных проблемам текстологического и исторического изучения ряда библейских памятников. Эта серия направлена на подготовку нового комментария к древнейшим библейским книгам исторического цикла – книгам Судей, Самуила и Царей, – а также к одному тексту Пятикнижия (книге Бытия). Известная работа в этом направлении нами уже проделана (см. прим. 22). На данном этапе представляется полезным не только сплошное чтение библейских текстов, но и выборочное рассмотрение узловых по своему значению фрагментов.

1. НОЧНАЯ ТРАПЕЗА В АЭНДОРЕ*

Заключительная часть рассказа о визите царя Саула к волшебнице[1] в Аэндор (1 Сам. 28 : 20–25) обычно не привлекает внимания современного читателя. Полная внешне малозначительных деталей, она кажется невыразительной и теряется на фоне торжественных и мрачных стихов, в которых дух пророка Самуила, явившись по зову волшебницы, предрекает Саулу и его царству скорую гибель. Даже авторы научных комментариев, подробно анализируя сцену вызывания духа и диалог царя и пророка под самыми разными углами зрения, после ст. 19 неизменно сбиваются на скороговорку[2], а иногда и просто заявляют, что в последних шести стихах 28-й главы едва ли удастся найти сокровенный смысл[3].

Нельзя, однако, не отметить, что эти шесть стихов, на протяжении которых, как открыто утверждает Р. Ползин и осторожно намекают его коллеги, ничего существенного не происходит, составляют по объему почти треть повествования о пребывании Саула в Аэндоре, если считать, что оно охватывает 1 Сам. 28 : 8 – 25. А ведь перед нами – глава из книги Самуила, где события, составляющие сюжетную канву,

---

* Здесь и далее имена собственные передаются в соответствии с Синодальным переводом, тексты также цитируются по этому изданию, но с некоторыми исправлениями. Названия библейских книг даются в соответствии с еврейской традицией, в частности, 1 и 2 Сам. вместо 1 и 2 Цар. и 1 и 2 Цар. вместо 3 и 4 Цар.

[1] В еврейском тексте – b^{c}lt$^{\flat}$wb, букв. «хозяйка$^{\flat}$wb», «обладательница$^{\flat}$wb». Что до$^{\flat}$wb, то это обозначение либо духа, либо приспособление, с помощью которого общаются с духом, ср. Ис. 8: 19; 29 : 4; Иов 32: 18 – 19. Ср. еще *Lust J.* On Wizards and Prophets. Studies in Prophecy // Vetus Testamentum Supplement. 1974. 26. P. 136–139.

[2] См., например: *Smith H.P.* A Critical and Exegetical Commentary on the Books of Samuel. Edinburgh, 1899. P. 242; *Hertzberg H.W.* I and II Samuel. L., 1964. P. 220; *McCarter P.K.* I Samuel. N.Y., 1980. P. 421; *Klein R.W.* 1 Samuel. Waco, 1983. P. 272–273; *Frazer J.G.* Folklore in the Old Testament. V. II. L., 1919. P. 522–554; *Gaster T.H.* Legend and Custom in the Old Testament. N.Y., 1969 passim. Приводя множество примеров некромантии у различных народов, исследователи даже не пытаются найти какую-либо аналогию для трапезы, к которой Саул приступил после встречи с духом Самуила.

[3] См. *Polzin R.* Samuel and the Deuteronomist: A Literary Study of the Deuteronomistic History. Pt. 2. 1 Samuel. N.Y., 1989. P. 229. Явно надумано предположение Р. Ползина о том, что трапеза Саула символизирует ежедневные обеды Иехонии у царя вавилонского, о которых сообщается в 2 Цар. 25 : 29.

большей частью только регистрируются, подробные же описания происходящего крайне редки и даются лишь в особо важных случаях. Можно ли представить себе, что автор одной из исторических хроник, составивших эту книгу, вдруг изменил общему – и своему собственному – правилу, принявшись без всякого на то основания подробно излагать более чем обыденный сюжет? И это при том, что в сцене вызывания духа Самуила ничего не говорится о том, каким образом явилась тень пророка Саулу и волшебнице и как она исчезла. Ничего удивительного нет в том, что царю, который готовился к решительной битве с филистимлянами и только что выслушал о своем поражении и гибели, было совсем не до еды. Так же естественно и то, что волшебница и слуги уговаривали его подкрепиться перед боем. Почему же рассказчик так упорно стремится довести эти банальности до сведения читателя?

Отвечая на этот вопрос, У. Бойкен и – под его влиянием – Р.У. Клейн предполагают[4], что подробное описание трапезы и предшествовавших ей уговоров призваны доказать, что к концу жизни Саул отринул Бога Израиля и впал в язычество. Приняв приглашение к столу аэндорской волшебницы, он тем самым якобы заключил символический союз с ней и через нее с потусторонними силами, которые, впрочем, не в состоянии изменить его судьбу, предначертанную Yhwh. Одновременно еще раз подчеркивается, что к такому исходу привели царя присущие ему непоследовательность и бесхарактерность. Саул сначала отвергает пищу, а затем уступает уговорам, что напоминает его поведение в 1 Сам. 14 и 15 (прощение Ионафана и недостаточное рвение в уничтожении амаликитян), а также в начале главы 28-й, когда царь преступает установленный им самим запрет на вызывание мертвых.

Эту концепцию обоснованно, хотя и чрезмерно резко, критиковал Дж.П. Фоккельман[5], верно заметивший, что она основана на предвзятом отношении к некромантии и ко всему, что связано с миром мертвых. Такое отношение, видимо, обусловлено христианским мировоззрением, которое в свою очередь сформировалось на основе предписаний Пятикнижия: «Мужчина ли или женщина, если будут они вызывать мертвых или волхвовать, да будут преданы смерти; камнями должно побить их, кровь их на них» (Лев. 20: 27); «Не должен находиться у тебя... обаятель, вызывающий духов, волшебник и вопрощающий мертвых... ибо мерзок перед Yhwh всякий, делающий это...» (Втор. 18: 10 – 12). Однако никаких доказательств, что автор повествования опирался на эти нормы, нет. В самом тексте его отношение к происходящему никак не выражено[6]. Итак, тезис о том, что текст 1 Сам. 28: 20 – 25 написан исключительно для диффамации Саула, недоказуем.

Собственная трактовка Фоккельмана, предложенная им для интересующего нас отрывка, крайне малоправдоподобна. Исследователь полагает, что рассказчик, благожелательно относясь к волшебнице, стремится показать ее заботу о находящемся на краю гибели царе. Для целых шести стихов, образующих к тому же почти самостоятельное повествование[7], этой мотивировки недостаточно. По той же причине нельзя принять и другую версию[8], согласно которой рассказчик, сочувствуя Саулу, пытается отвлечь читателя от духовного краха царя, мотивируя его состояние и грядущее поражение причинами чисто физического, даже физиологического порядка.

Рассмотренные объяснения так или иначе основаны на буквальном понимании текста в том смысле, что его стержнем признается тема насыщения царя. Лишь У. Бойкен не упускает из виду возможного символического значения отрывка.

Действительно, тема голода – и как индивидуального страдания, и как коллективного бедствия – не редкость в книгах Самуила. Однако в нашем случае основной

---

[4] См. *Beuken W.A.M.* I Samuel 28: The Prophet as 'Hammer of Witches' // JSOT. 1978. P. 3–17, а также *Klein*. Op. cit. P. 272–273.

[5] См. *Fokkelman J.P.* Narrative Art and Poetry in the Books of Samuel. V. 2. Asse – Dover, 1986. P. 619.

[6] Усмотренная Р.У. Клейном ирония повествования – бесспорный анахронизм.

[7] См. *Fokkelman*. Op. cit.

[8] См. *Gunn D.M.* The Fate of King Saul: An Interpretation of a Biblical Story // JSOT. Supplement Series. 1980. 14. P. 109.

темой является вовсе не голод как нехватка пищи, а пост, намеренный отказ от еды. Этот мотив в книгах Самуила всегда имеет ритуальную подоплеку. Так, в 1 Сам. 1: 7 – 8 Анна уклоняется от семейной обрядовой трапезы во время zbḥ hymym, ежегодного жертвоприношения. В 1 Сам. 7: 6 пост израильтян в Массифе символизирует их возвращение к Yhwh. В 1 Сам. 14: 24 Саул запрещает воинам вкушать пищу до наступления вечера, чтобы магическим образом обеспечить себе полную победу над филистимлянами. Наконец, в 2 Сам. 12: 16 – 17 Давид постится и, подобно Саулу, не ест хлеба, моля Yhwh не губить его первого сына от Вирсавии. Не следует ли поставить в этот ряд и наш фрагмент? Не скрыт ли за ним ритуал?

Такие предположения высказывались и прежде. В частности, предпринимались попытки доказать, что аэндорская волшебница – жрица языческого ханаанейского культа, составной частью которого была некромантия[9]. Сам текст позволяет достаточно точно восстановить структуру предполагаемого ритуала. Он, видимо, состоял из двух этапов: 1) отказ от хлеба[10], 2) ночная трапеза, в ходе которой подаются жареное мясо специально откормленного теленка[11], опресноки.

Подобный ритуал хорошо знаком нам по другим библейским текстам – это праздник Пасхи. В Исх. 12: 5 – 6, 8 читаем: «Агнец без порока, самец однолетний должен быть у вас; из овец или коз возьмите его. И да будет он у вас в хранении до четырнадцатого дня сего месяца, тогда пусть зарежет его все собрание общины Израиля в вечерние сумерки... И пусть съедят мясо в ту же самую ночь, жаренным на огне, с опресноками и с горькими зельями будут есть его...».

Библейский текст содержит и указания на то, что аэндорская волшебница действительно могла быть ханаанейской жрицей. Об Аэндоре в Иис. Нав. 17: 11 – 12 сообщается: «... у Манассии Беф-Сан... Ивлеам... жители Дора и зависящие от него места, жители Аэндора и зависящие от него места... Сыны Манассиевы не могли выгнать жителей городов сих, и Хананеи остались жить в земле сей». Отсюда следует, что и после Landnahme Аэндор оставался ханаанейским городом[12], так что этническая принадлежность гостеприимной колдуньи не вызывает сомнений. Это позволяет разрешить и бросающееся в глаза противоречие, на которое обращают внимание комментаторы[13]: несмотря на «уничтожение вызывающих мертвых и знахарей» по всей стране (1 Сам. 28: 3), Саул обращается к слугам с просьбой отыскать для него «женщину, вызывающую мертвых» (1 Сам. 28: 7). По всей видимости, запрет на колдовство распространялся на израильтян, но не на ханаанеев. По той же причине Саул, вероятно, поменял одежду перед тем, как отправился в Аэндор, он оделся как ханаанеянин. Впрочем, волшебница сразу же угадала в нем израильтянина и возмутилась: «Зачем же расставляешь ты сети душе моей, чтобы погубить меня?»[14].

Отождествление аэндорского ритуала с Пасхой как будто бы вступает в противоречие с ханаанейской этнической принадлежностью волшебницы. Однако противоречие это сугубо поверхностно, и разрешиться оно может, если признать за ханаанеями схожий с Пасхой обряд. Более того, это соображение, как мы полагаем, проливает дополнительный свет на происхождение и историю еврейского праздника.

---

[9] См. *Caspari W.* Die Samuelbücher. Lpz, 1926. S. 363 f.; *Reinach S.* Le souper chez la sorcière // Revue d'histoire des religions. 1926. 42. P. 45–50. Слабость этих построений в том, что, как верно указал У. Бойкен (Op. cit. P. 11), «они основаны на данных, не связанных с Писанием».

[10] *Gunn.* Op. cit. P. 109 – речь не идет о посте перед битвой (ср. Суд. 20: 26; 1 Сам. 14: 24). Саул воздерживается только от хлеба, начиная с «куска», pt lḥm в ст. 22. См. также *Klein.* Op. cit. P. 272.

[11] ᶜgl mrbq, terminus technicus, означающий способ откорма или содержания (в тесном стойле, для получения особо жирного мяса?); ср. Иер. 46: 21; Амос 6: 4; Мал. 3: 20.

[12] В Иис. Нав. 17: 13 говорится, что, «когда сыны Израиля вошли в силу, оставили они ханаанеев выполнять трудовую повинность». Как было замечено (*Butler T.C.* Joshua. Waco, 1983. P. 191–192), этот стих отражает события периода Объединенного (израильско-иудейского) царства, ср. 2 Сам. 20: 24; 1 Цар. 5: 27; 9: 15, где употреблен тот же термин ms в значении «трудовая повинность».

[13] См. *Hertzberg.* Op. cit. P. 218.

[14] Ситуация с переодеванием в данном случае имеет, таким образом, вполне реальную подоплеку: *Coggins R.* On Kings and Disguises // JSOT. 1991. 50. P. 62.

Уже в прошлом веке были замечены многочисленные расхождения в библейских заповедях, относящихся к Пасхе[15]. Мы полагаем, что речь идет о двух основных вариантах обряда. В Лев. 23: 5 – 8 и Чи. 28: 16 – 25 ритуал распадается на две части – принесение в жертву домашних животных (всесожжение) и следующий на другой день праздник опресноков (ḫg hmṣwt). В этом варианте Пасхи – обозначим его А – ночная трапеза не упоминается (хотя в Лев. 23: 5 и говорится, что жертву следует приносить в сумерки), нет и строгого запрета на квасное. В то же время Исх. 12: 1 – 20; Чис. 9: 1 – 14 и Втор. 16: 1 – 8 представляют собой вариант В; в нем требуется, чтобы жертвенное животное (во Второзаконии – не только ягненок или козленок, но и любой «мелкий и крупный скот», включая, разумеется, и телят) не сжигалось, а съедалось без остатка вместе с опресноками в первую пасхальную ночь. Квасное категорически запрещено, но об отдельном ḫg hmṣwt ничего не говорится.

Что до исторически засвидетельствованных случаев празднования Пасхи, то о них сообщается в Исх. 12: 28; Иис. Нав. 5: 10–11; 2 Цар.: 23: 21 – 23 (вариант того же описания – 2 Хр. 35: 1 – 19); 2 Хр. 30: 1 – 22 и Ез. 6: 19 – 22. Первое из этих сообщений есть не более чем развитие указанной выше нормы (Исх. 12: 1 – 20), последнее относится к сравнительно позднему периоду строительства Второго Храма. Таким образом, мы имеем три точки отсчета: Пасха в Галгале, проведенная в соответствии с вариантом А, и массовые праздники в Иерусалиме во времена Езекии и Иосии, близкие к В – в двух последних, весьма схожих описаниях[16], акцент сделан на пасхальной трапезе, а «праздник опресноков» упоминается лишь как синоним Пасхи или как неотъемлемая его часть. О варианте А в данном случае напоминает параллельное с трапезой всесожжение жертвенных животных.

Не менее пяти веков отделяют Пасху в Галгале от массовых празднований в Иерусалиме. Сведения об эволюции праздника за эти 500 лет отсутствуют, имеются только «крайние точки». А между тем примерно на середину этого периода приходится тот обряд, которому посвящена настоящая заметка. Аэндорский ритуал, несомненно, относится к варианту В. Лишь один важный элемент связывает его с галгалской Пасхой, а через нее – с вариантом А. Главной целью Пасхи, проведенной Иисусом Навином, была, как считают, ритуальная подготовка к войне за Ханаан[17]. Однако и Саул в Аэндоре готовится к решающей битве с филистимлянами.

Каковы же были пути формирования Пасхи[18]? Мы разделяем общепринятое мнение о том, что начало обряду положил пастушеский ритуал защиты стад, существовавший у израильтян еще в доханаанский период[19]. Этот ритуал, суть которого заключалась в принесении в жертву домашнего скота, являлся одновременно и праздником календарного цикла, и обрядом напутствия тех, кто весной отправлялся в далекий и небезопасный путь на новые пастбища. В процессе Landnahme израильтяне переняли у ханаанеев земледельческий праздник опресноков – так возник описанный в Иис. Нав. 5: 10 – 11 «двойной» праздник жертвоприношения и опресноков, ставший чисто сезонным ритуалом. Выше мы обозначили его как вариант А. Однако взаимодействие культов шло и в обратном направлении. Как свидетельствует наш фрагмент, ханаанеи заимствовали у израильтян идею пасхального жертвоприношения, едва ли

---

[15] См. *Wellhausen J.* Prolegomena to the History of Israel. Edinburgh, 1885. P. 83–87, 99–108.

[16] 2 Хр. 30: 1 – 22, возможно, является вариантом рассказа о праздновании Пасхи при Иосии, ошибочно включенным автором Хроник в повествование о царстве Езекии. Призыв собраться на Пасху в Иерусалиме, обращенный к северным коленам (ст. 6 – 10), больше соответствует политической ситуации во времена Иосии, в сфере влияния которого после падения Ассирии в 620-х – 610-х годах оказалась значительная часть территории бывшего Израильского царства.

[17] См. *Boling R.G.* Joshua. N.Y., 1982. P. 194. Ср. также Суд. 6: 19 – 21, где Гидеон, готовясь к войне с мадианитянами, совершает жертву всесожжения, причем использует опресноки и мясо козленка.

[18] Обзор имеющихся теорий см. *Soggin J.A.* Gilgal, Passah und Landnahme: eine neue Untersuchung des kultischen Zusammenhangs der Kap. III–VI des Josuabuches // Vetus Testamentum Supplement. 1966. 15. P. 263–277; *Butler*. Op. cit. P. 53–54.

[19] См. *De Vaux R.* Ancient Israel: Its Life and Institutions. L., 1965. P. 489 f.

уместную в регионе, не знающем отгонного скотоводства. У ханаанеян это жертвоприношение тоже слилось с праздником опресноков, но не в «двойной» календарный праздник, а в единый и проводившийся по конкретному поводу обряд напутствия тех, кто отправлялся на войну или в длительную поездку. Он включал общение с духами умерших, у которых испрашивались помощь или совет.

Так как Саул без колебаний прибег к аэндорскому обряду[20], ясно, что он не был чужд израильтянам. Не случайно, чтобы запретить его, потребовался особый законодательный акт (1 Сам. 28: 3). Поскольку именно вариант В лег в основу Пасхи при последних иудейских царях, очевидно, что он был воспринят израильтянами, переработан ими и превращен – снова! – в сезонный обряд. Инновация отмечена в 2 Цар. 23: 22: до реформ Иосии «не был совершаем такой Песах во дни судей, которые судили Израиль, и во все дни царей Израильских и царей Иудейских». Иная и весьма любопытная датировка дается в 2 Хр. 35: 18: «И не был совершаем такой Песах у Израиля от дней Самуила-пророка», что могло бы быть прямо связано с появлением духа Самуила на трапезе в Аэндоре.

Начальный этап обратного заимствования отражен в Исх. 12: 1 – 20, где сохранился мотив напутствия: «Ешьте же его так: пусть будут чресла ваши препоясаны, обувь ваша на ногах ваших и посохи ваши в руках ваших, и ешьте его с поспешностью; это Песах Господень». Более далека от ханаанейской основы формулировка варианта В, зафиксированная во Втор. 16: 1 – 8 и предусматривающая централизованное празднование Пасхи. Эту формулировку, позволившую, в частности, сохранить обряд всесожжения, характерный для А, принял Иосия, реформировавший ритуал в соответствии с книгой завета, spr hbryt (2 Цар. 23: 21), которую обычно идентифицируют со Второзаконием[21]. С реформой Иосии процесс сложения праздника завершился – иудейскую Пасху начали праздновать, в целом, так, как это делается сегодня[22].

2. РИЦПА НА СКАЛЕ

Среди действующих лиц повествования о гибели семи потомков Саула от рук мстительных гивонитян (2 Сам. 21: 1 – 14) Рицпа, наложница первого израильского царя, занимает особое место. К моменту ее появления действие как будто бы близится к развязке: семь человек из «кровавого дома» Саулова уже казнены, предписание оракула Yhwh (ст. 1) и соглашение между Давидом и гивонитянами (ст. 6), таким образом, выполнены. Однако бдение Рицпы на скале резко меняет направленность сюжета, и кульминацией повествования становится не казнь Саулидов, а то, чем кончается вигилия Рицпы – «воды, льющиеся с неба». Неожиданные перемены происходят и с персонажами. Вопреки тому, какой выглядит позиция Давида в ст. 2 – 8, он приказывает убрать останки Саулидов и тем спасает их от окончательного осквернения, а затем лично участвует в перенесении праха Саула из Иависа Галаадского в фамильную гробницу в Цела – того самого Саула, который был сперва обвинен в тяжком преступлении оракулом, а затем опозорен казнью своих потомков. Присутствие Давида придает перезахоронению все черты государственной церемонии, сравнимой лишь с перемещением ковчега Завета из Кириафиарима в Иерусалим (2 Сам. 6: 2 и далее). Отсутствие логики в поведении Давида показывает, что он здесь в отличие от первых стихов нашего отрывка, уже не контролирует положение. Ход собы-

---

[20] Отказ царя от трапезы и уговоры волшебницы представляются нам диалогической частью ритуала.

[21] См. *Driver S.R.* Deuteronomy. Edinburgh, 1960. P. XLIV–XLV; *Cogan M., Tadmor H.* II Kings. N.Y., 1988. P. 294. На этой стадии важно было устранить черты сходства еврейского и языческого ритуалов – отсюда и энергичные действия Иосии против волшебников и колдунов (2 Цар. 23: 24).

[22] Предварительную разработку вопроса, рассмотренного в настоящей заметке, см. *Орел В., Фролов С.* Царь Саул и ханаанейская волшебница // Иерушалаим. 1993. 1(4). С. 25–27. См. также *Frolov S., Orel V.* The Men of God and the Men of War (forthcoming). Об идеологии 1 Сам. в целом см. также *Адлер Ш.* Человек и его Книга. Иерусалим, 1993.

тий теперь определяет Рицпа. Известная нам ранее лишь как безгласный предмет спора между Авениром и Иевосфеем (2 Сам. 3: 7 – 8), она превращает самого всесильного Давида в орудие своей воли. Лишь после того, как пребывание Рицпы на скале заканчивается и Давид об этом узнает (21: 11), он снова начинает действовать.

Для читателей-современников причины подобной смены ролей были вполне очевидны: хозяином положения оказался тот, на чьей стороне – притом не на словах, а на деле – стоит Yhwh. Однако в тексте (из дидактических соображений) еще и расставлены все точки над i: поскольку «Бог смилостивился над страною» не раньше, чем Давид выполнил все пожелания Рицпы (ст. 14)[23], нет никаких сомнений в том, что именно она и выполняла истинную волю Yhwh. Это помогает понять общий смысл происходящего и нам, но – в отличие от читателей эпохи Первого Храма, для которых вся ситуация была, конечно же, насыщена легко узнаваемыми деталями – мы не можем с уверенностью сказать, что именно делала Рицпа на скале и почему ее действия так повлияли на царя. Между тем, именно ответ на эти вопросы может скорее всего расширить наши представления о религиозно-политической ситуации в Израиле времен Давида, тем более что для рассказчика история Рицпы была, как кажется, не менее значима, чем казнь Саулидов как таковая. Пожалуй, даже именно ст. 10 – 14 выражают суть идеологической позиции, занятой автором, и окрашивают ст. 1 – 9 нужным ему образом[24].

Между тем в современных исследованиях Рицпа остается в тени; иногда текст анализируется так, словно ее там вообще нет[25]. Оставляя за рамками нашей работы анахронистические комплименты Давиду, якобы способному дезавуировать самого себя из восхищения материнской любовью и доблестью Рицпы[26], отметим две правдоподобные интерпретации 2 Сам. 21: 10 – 14. Согласно одной из них[27], царь вынужден был захоронить спасенные Рицпой останки, чтобы те не стали источником опасных для него злых духов. Однако Писание нигде не подтверждает наличие у израильтян верований во вредоносных духов умерших. Кроме того, остается непонятным, почему царь не попытался, используя свою власть, просто удалить Рицпу со скалы. Еще непонятнее в рамках этой концепции – зачем Давиду переносить прах Саула с одного места на другое.

Иную гипотезу выдвинул Н. Поульсен[28]. По его мнению, Рицпа, охраняя на скале трупы казненных, деятельно помогает Давиду, продолжив и доведя до конца магический обряд, начатый казнью Саулидов (и в том числе двух ее сыновей!) и направленный на преодоление засухи. Сотрудничество Рицпы с Давидом по сути своей было капитуляцией дома Саулова. Осознав это, Давид закрепил примирение и демонстративно выразил уважение к останкам основателя династии и трупам Саулидов. В этой концепции, однако, есть одно слабое звено: исследователь принимает за аксиому способность матери (и вдовы) при определенных обстоятельствах примириться с убийством сыновей и даже одобрить его. Однако в Израиле (как библейском, так и современном), где сыновья – главная, а иногда и единственная ценность для женщины[29], это едва ли было бы возможно. Мать – и тем более вдова – отстаивала сына до

---

[23] *Smith*. Op. cit. P. 376 и мн. др.

[24] Заметим, что о двучастной структуре нашего текста свидетельствует и такое немаловажное обстоятельство: в ст. 1–9 упоминается исключительно Yhwh, притом семь раз; в ст. 10–14 – однократно упоминается 'lhym.

[25] Ср. *McCarter*. Op. cit. P. 445.

[26] См. *Smith*. Op. cit. P. 376; *Anderson A.A.* 2 Samuel. Dallas, 1989. P. 250.

[27] *Cazelles H.* David's Monarchy and the Gibeonite Claim // Palestine Exploration Quarterly. 1955. 87. P. 165–175; *Gaster T.H.* Myth, Legend and Custom in the Old Testament. N.Y., 1969. P. 482.

[28] *Poulssen N.* An Hour with Rispah. Some Reflection on II Sam. 21: 10. Von Kanaan bis Kerala. Neukirchen – Vluyn, 1982. P. 185–211.

[29] См. 1 Sam. 1: 11 (молитва Анны о даровании детей мужского пола). См. *De Vaux*. Op. cit. P. 54. Не имея сыновей, вдова не могла наследовать покойному мужу и, по сути, становилась юридически бесправной (Быт. 30: 1: «Дай мне сыновей, а если нет – я мертва»).

последнего, даже если он был заведомым преступником, даже если он был, как в истории женщины из Фекои (2 Сам. 14: 5 – 7), братоубийцей. Таким образом, трудно ожидать от Рицпы пособничества тем, кого она не могла не считать виновниками гибели ее сыновей.

В то же время в концепции Н. Поульсена имеются вполне рациональные соображения, которые следует принять. К ним, в частности, относятся следующие утверждения: 1) бдение Рицпы на скале есть обряд, и содержание его обусловлено ритуальным значением казни Саулидов; 2) действия Рицпы предприняты ею (помимо всего прочего) в качестве политической представительницы дома Саулова.

Отсюда следует, что мы прежде всего должны разобраться в смысле и целях казни Саулидов. Считают, что дело здесь в ритуальной ответственности царя (как посредника между Богом и народом) за благосостояние страны, в том числе за плодородие. Продолжительная засуха вынудила Давида принести особенно ценную жертву – в качестве таковой он выбрал представителей прежней правящей династии. В рамках этой концепции казнь Саулидов понимается либо как попытка умиротворения бога Šmš[30], либо как гивонский (sc. ханаанейский) обряд, возвращающий плодородие[31]. При этом обращение Давида к гивонскому божеству или ритуалу может свидетельствовать о стремлении царя добиться мирного слияния нееврeев-гивонитян с народом Израиля[32].

Эти предположения, однако, кажутся в известной мере надуманными. Трудно представить себе, что акт, совершенный по наущению оракула Yhwh (ст. 1) и в его честь (ст. 6, 9)[33], был прямо связан с божеством или ритуалом явно языческого происхождения. Ничто не свидетельствует о попытках Давида ассимилировать гивонское меньшинство[34], навязывая его религию израильтянам. Интересно, что жертвами экзекуции в Чис. 25: 4, используемой сторонниками этой концепции как важная параллель, стали именно те, кто поклонялся языческим божествам. Кроме того, данная концепция игнорирует «объяснение причин казни [Саулидов. – *Авт.*], предлагаемое в самом тексте»[35], т.е. ответ оракула Yhwh на вопрос Давида о причинах засухи: «За Саула это и за кровавый дом его, за тот, что умертвил гивонитян» (ст. 1)[36].

Отталкиваясь от этого стиха, ряд исследователей доказывает, что казненным Саулидам пришлось расплачиваться за прегрешения основателя династии: Саул каким-то образом нарушил договор, заключенный с гивонитянами во времени Иисуса Навина именем Yhwh (Иис. Нав. 9: 18 – 19). Разгневанный Yhwh обрек всю страну на голод. Умилостивить Бога можно было, только казнив тех, на ком после смерти

---

[30] См. *Dus J.* Gibeon – eine Kultstaette des ŠMŠ und die Stadt des Benjaminitischen Schicksals // Vetus Testamentum. 1960. 10. P. 353–374; *Helles J.* Die schweigende Sonne // Communio Viatorum. 1966. 9. P. 73–79. Как считают эти авторы, Гивон, где, видимо, и состоялась казнь Саулидов, был главным культовым центром Šmš. При этом сопоставляют hwqyʿ l-Yhwh «расчленить перед Yhwh» в 2 Сам. 21: 6, 9 (ср. Быт. 32: 26) с Чис. 25: 4: hwqʿ ʾwtm l-Yhwh ngd hšmš – «Расчлени их у/для Иеговы под солнцем (šmš)».

[31] Согласно *Cazelles*. Op. cit. P. 168–170, который сопоставляет 2 Сам. 21: 1 – 14 с угаритским текстом об Анат, убивающей и расчленяющей Мота для прекращения засухи. Ср. *Kapelrud A.S.* König David und die Söhne des Saul // Zeitshrift für die alttestamentliche Wissenschaft. 1955. 67. P. 198–205.

[32] См. *Cazelles*. Op. cit. P. 70–72; *Blenkinsopp J.* Gibeon and Israel: The Role of Gibeon and the Gibeonites in the Political and Religions History of Early Israel. Cambr., 1972. P. 91–94.

[33] *Wellhausen*. Op. cit. P. 40.

[34] Если это меньшинство вообще нуждалось к тому времени в ассимиляции. Согласно 1 Хр. 8: 29 – 33; 35 – 39, Саул принадлежал к гивонскому клану. См. *Blenkinsopp*. Op. cit. P. 58–62; *Walters S.D.* Saul of Gibeon // JSOT. 1991. 52. P. 61–76. Если такой ярый националист и заклятый враг язычества, как Самуил, счел при этом возможным помазать Саула на царство, это должно означать лишь одно: к моменту его восшествия на престол гивонитяне уже утратили всякую политическую и идеологическую обособленность и слились с народом Израиля.

[35] *McCarter*. Op. cit. P. 444.

[36] Наш перевод учитывает эмендацию С. Драйвера для трудного byt hdmym (*Driver S.R.* Notes on the Hebrew Text and the Topography of the Books of Samuel. Oxf., 1913. P. 349 f.)

Саула лежало бремя вины. Не удивительно, что привести приговор в исполнение было поручено жертвам преступления, т.е. гивонитянам[37].

Изложенная точка зрения может быть дополнительно аргументирована. В 1 Сам. 26: 20 Давид, пытаясь доказать Саулу свою преданность, восклицает: «Да не прольется же моя кровь на землю пред лицем Yhwh», тем самым признавая смертную казнь перед лицом Бога (в случае с Саулидами – lpny Yhwh) достойным наказанием за вероломство.

Принимая трактовку казни Саулидов как ритуального наказания за нарушенные клятвы именем Yhwh, отметим, что эта трактовка, на первый взгляд, делает содержание 2 Сам. 21: 10 – 14 еще менее логичным. В ст. 10 Рицпа, как мы теперь видим, не только вторгается в санкционированную монархом церемонию, но и срывает ее. Ведь выставление трупов предателей на съедение диким зверям и птицам было ничуть не менее важным компонентом в искуплении греха, чем сама казнь[38]. Рицпа же «не давала отдыхать на них [sc. трупах] ни птице небесной днем, ни зверям полевым ночью». Что же помешало Давиду прогнать мятежницу со скалы и примерно наказать ее? Почему он принялся с завидным усердием разрушать ту религиозно-правовую концепцию, которая оправдывала смерть Саулидов? Зачем он лишил казнь ее основания?

Ответ на эти вопросы кроется в действиях Рицпы. Обратим внимание на то, с чего началось ее бдение: «И взяла Рицпа, дочь Айя, мешковину и ṯthw ее себе на скале» (ст. 10). Упомянутая здесь мешковина обычно трактуется как знак скорби (по аналогии с Быт. 37: 34 и другими подобными пассажами в Писании), однако это явно не так. Символом скорби было одеяние из мешковины, но глагол ḥṯh (ṯthw – его форма) вовсе не значит «надевать». Его наиболее распространенные значения: «направить», «отклонить» и, что особенно важно, «возвести, установить, разбить (о шатре)», см., к примеру, 2 Сам. 17: 22 и Ис. 54: 2. Таким образом, Рицпа не просто «растянула» или «разложила» мешковину (как принято переводить), она соорудила из нее нечто вроде палатки. Шатер из мешковины закрывал трупы от стервятников, однако было у него, видимо, и символическое значение. Какое?

Описывая засуху от лица Yhwh, пророк Исайя говорит: «Вот, прещением Моим Я иссушаю море, превращаю реки в пустыню; рыбы в них гниют от недостатка воды и умирают от жажды. Я облекаю небеса мраком, и мешковину делаю покровом их» (Ис. 50: 2 – 3). Этот поэтический отрывок прямо говорит нам о значении шатра, возведенного Рицпой, он был знаком засухи, символом засушливого, затянутого пылью неба, столь характерного в дни сильных хамсинов. Перед нами, иначе говоря, интересный вариант «гомеопатической магии»[39], случаи которой хорошо известны в Библии, ср. Чис. 21: 6 – 9 (Моисей спасает народ от нашествия змей, соорудив их медное подобие) и 1 Сам. 6: 4 и сл. (филистимляне, пораженные «пузырями», т.е. бубонной чумой, пытаются прекратить эпидемию, изготовив золотые изображения пузырей и разносчиков болезни – мышей[40]).

Как ни парадоксально, магический обряд Рицпы имел ту же цель, что и казнь Саулидов – прекращение засухи. Поэтому Давид и не мог предпринять какие-либо шаги против Рицпы – ведь она действовала в том же направлении, что и он сам. Таким образом, царь оказался втянут в соревнование, отчасти схожее с тем, на которое вызвал Илия жрецов Ваала (1 Цар. 18: 19 и сл.). Ставкой при этом была фамильная

---

[37] См. *Malamat A.* Doctrines of Causality in Biblical and Hittite Historiography: A Parallel // Vetus Testamentum. 1955. 5. P. 1–12; *Fensham F.C.* The Treaty between Israel and the Gibeonites // The Biblical Archaeologist. 1964. 27. P. 96–100; *Polzin R.* HWOY and Covenental Institutions in Israel // Harvard Theological Review. 1969. 62. P. 227–240.

[38] *Fensham.* Op. cit. P. 100.

[39] См. *Frazer J.G.* The Golden Bough: A Study in Magic and Religion. L., 1949. P. 11–37. Любопытно, что данная метафора обнаруживается и в других местах Писания, где мы встречаем формулу nṯh šmym – «натягивать небеса (как палатку)» (Ис. 45: 12; Иер. 10: 12; 2 Сам. 22: 10).

[40] См. *Frolov, Orel.* Op. cit.

честь и политическое реноме дома Саулова. Воды, хлынувшие с неба в разгар сухого сезона[41], ознаменовали победу Рицпы: поскольку обряд искупления мнимого греха Саула еще не был завершен, ясно было, что не этот грех – причина трехлетней засухи.

Давид оказался в сложном положении. Сам Yhwh засвидетельствовал невиновность дома Саулова, и теперь царь мог быть, вообще говоря, обвинен (и вероятно, с полным на то основанием) в политическом убийстве. Нарушив данную Саулу клятву не истреблять его потомков (1 Сам. 24: 21 – 22), Давид впал в тот самый грех, в котором обвинял покойного царя. Поэтому Давид поспешил признать судебную ошибку, убрав со скалы трупы Саулидов, и одновременно продемонстрировал полную непричастность и незаинтересованность, приняв участие в переносе царских останков и, тем самым, выразив свое уважение к Саулу. Именно этого, вероятно, и желала Рицпа, которая, при всей своей изощренной мстительности, конечно, не могла и помышлять о подготовке государственного переворота.

Противостояние Давида и Рицпы, однако, не сводимо к междинастической борьбе. Уже в эпоху Талмуда отмечалось (трактат Jebamoth 79a), что, обрекая Саулидов на смерть за преступления их отца и деда, Давид грубо нарушил заповедь Второзакония: «Да не будут наказываемы смертью отцы за детей, и дети да не будут наказываемы смертью за отцов, каждый за свой грех должен быть наказываем смертью» (Втор. 24: 16). Оставив трупы казненных на растерзание зверям и птицам, царь нарушил еще одну заповедь: «Если окажется на ком-либо грех смертного приговора, и он умерщвлен будет, и ты повесишь его на дереве, то не дай трупу его ночевать на дереве, а погреби его в тот же день; ибо поругание Бога повешенный, и не оскверняй земли твоей, которую Yhwh, Бог твой дает тебе в удел» (Втор. 21: 22 – 23)[42]. Таким образом, конфликт между Рицпой и Давидом оказывается также противостоянием между защитницей Второзакония и монархом, выступающим против этих идеалов и норм или не считающимся с таковыми. Учитывая финал, нетрудно понять, кому симпатизирует рассказчик[43]. Если так, приходится признать существование деутерономистской традиции, безусловно, враждебной Давиду. Образ Давида как ослушника воли Yhwh и нарушителя заповедей, однако, вступает в противоречие с многочисленными указаниями на особо тесные отношения Давида с Yhwh (ср. 1 Сам. 16: 13; 18: 14, 28; 24: 4, 25; 25: 28 – 30; 2 Сам. 3: 9 – 10; 2: 5; 6: 21 и др.), а равно и с Давидом–исполнителем воли Божьей и идеальным монархом в книгах Царей (1 Цар. 8: 17 – 18; 9: 4; 11: 4 – 6, 33, 38; 14: 8, 2 Цар. 14: 3; 16: 2; 18: 3 и т.д.). Поскольку принято считать, что тексты книг Самуила и Царей были обработаны редактором или редакторами, находившимися под влиянием Второзакония, причем почти все перечисленные контексты принадлежат как раз редакторскому слою[44], перед нами оказываются две традиции, восходящие к одному источнику, но расходящиеся в оценке одного из главных персонажей. Возможно ли это?

Зададимся вопросом о датировке 2 Сам. 21: 1 – 14. Обычно считают, что этот отрывок был включен в текст уже после того, как была проведена деутерономистская

---

[41] Рицпа начала свое бдение «в первые дни жатвы ячменя», т.е. в апреле, а закончилось оно в мае или июне. Хотя в эти месяцы в Израиле обычно не бывает осадков, однако возможны иногда внезапные и чрезвычайно сильные ливни. 16 июня 1992 г. авторы этих строк видели в Иерусалиме «воды, льющиеся с неба» – в тот день в городе выпало около 30 мм осадков. Такие ливни значительно улучшают шансы на урожай, см. *Baly D.* The Geography of the Bible. N.Y., 1974. P. 50–51; *Hertzberg.* Op. cit. P. 384.

[42] Хотя в данном случае речь идет только о повешенном, правило талмудической логики qal w^{a}-ḥomer автоматически распространяет эту заповедь и на случай брошенных на землю останков.

[43] Вопреки *Anderson.* Op. cit. P. 251 f. и *McCarter.* Op. cit. P. 445 f. – это повествование никак не могло выражать точку зрения Давида или его окружения.

[44] Согласно концепции М. Нота, «...Dtr is at one with the whole Old Testament tradition in seeing the figure of David, despite his weakness, as a model against which to judge the later Judaean kings» (*Noth M.* The Deuteronomistic History // JSOT. Supplement Series. 15. Другие исследователи принимают более чем одного редактора-деутерономиста, но это не ведет к принципиальным изменениям. См. *Nelson R.D.* The Double Redaction of the Deuteronomistic History // JSOT. Supplement Series. 1981. 18. P. 13–23; *McCarter.* Op. cit. P. 4–8.

редакция, т.е. в период вавилонского пленения или даже позже[45]. Однако такая датировка включения отрывка в текст еще не есть датировка его возникновения. Автор нашего пассажа отлично разбирается в реалиях описываемой эпохи (от редактора она, к слову, отстоит не менее, чем на 350 лет) и оставляет их без пояснений, рассчитывая на понимание современников. Единственное исключение – ст. 26. Тот, кто писал его, туманно представлял себе, кто такие гивонитяне[46], не догадывался о более позднем происхождении антиномии Израиль – Иудея и не понимал, что у Саула едва ли могли быть веские причины для акции против гивонитян (см. выше). Однако ст. 2b – бесспорная глосса[47], неуклюже втиснутая в текст после verbum dicendi, который в результате пришлось продублировать в ст. 3 (иначе текст утратил бы всякую связность). Если эта глосса принадлежит историку-деутерономисту[48], то основной текст данного отрывка старше редакторского слоя книг Самуила, который выдержан в духе Второзакония и возник не ранее второй половины VII в. до н.э. Язык и стиль 2 Сам. 21: 1 – 14 не обнаруживает влияния пророческой литературы или окончательного письменного варианта Второзакония[49], а хаотичное состояние масоретского текста (на четырнадцать стихов – семь расхождений между q^{e}rî$^{\circ}$ и k^{e}tîb) свидетельствует о древности документа[50].

О раннем происхождении текста свидетельствует и его злободневность. Подобно 2 Сам. 24: 1, наш фрагмент проводит мысль о том, что оракул Yhwh способен давать неверные советы, если Бог задался целью испытать или погубить вопрошающего. Так, расправа с Саулидами, произведенная по инициативе оракула, оборачивается беззаконием, а перепись, навязанная Давиду Yhwh, ставит страну на грань катастрофы. Эта концепция полностью противоречила основному пропагандистскому тезису сторонников Давида, которые обосновывали его претензии на престол прежде всего волей Yhwh, выраженной через оракула. При этом, видимо, не последнюю роль играло то обстоятельство, что в распоряжении Давида еще при жизни Саула находился эфод – культовый объект, обеспечивавший прямое общение с Yhwh (см. 1 Сам. 23: 6, 9 – 13; 30: 7 – 8). Политико-идеологическая ценность нашего фрагмента, однако, сохранялась только в период царствования самого Давида и его сына Соломона. После распада Объединенного царства, когда потомки Давида превратились в племенных царьков колена Иуды, легитимность династии уже не имела значения.

Если так, текст 2 Сам. 21: 1 – 14 (за исключением ст. 2b) был составлен не позднее второй половины X в. до н.э. Зададимся теперь вопросом: если бы Второзаконие создавалось в тот период, каким было бы отношение его автора к Давиду и Соломону? Вне всякого сомнения, резко отрицательным. Вопреки Втор. 17: 14 Давид стал царем, не дожидаясь всенародной просьбы о создании новой монархии взамен распавшегося государства Саула. Вопреки Втор. 2: 4 – 5 Давид напал на Эдом и покорил его (ср. 2 Сам: 8: 14). Вопреки Втор. 12: 10 – 14 он не запретил жертвоприношения на высотах (bmwt). Выше говорилось о его действиях вопреки Втор. 24: 16 и 21: 22 – 23. Что до Соломона, то он грубо нарушил предписания Втор. 16: 16 – 17, обзаведясь множеством жен (1 Цар. 11: 1 – 3) и большим количеством коней и колесниц (1 Цар.

---

[45] См. *Noth*. Op. cit. P. 124 f. Ср., однако, аргументированные возражения: *McCarter*. Op. cit. P. 16–18.

[46] Согласно Иис. Нав. 9: 7, гивонитяне были евеями. В ст. 2 сообщается, что они происходили «из остатка Аморреев», т.е. употребляется расплывчатый этноним, обычно используемый для обозначения ханаанеев доизраильского периода в целом, см. *Liverani M*. The Amorites. Peoples of Old Testament Times. Oxf., 1973. P. 100, 123–126.

[47] Вопреки *Malamat*. Op. cit. P. 9.

[48] См. *Veijola T*. Die ewige Dynastie: David und die Entstehung seiner Dynastie nach der deuteronomistischen Darstellung // Annales Academiae Scientiarum Fennicae. Ser. B. V. 193. Helsinki, 1975. P. 108.

[49] Ср., например, использование глагола hwqy^{c} в его исходном значении «расчленять» в 2 Сам. 21: 6, 9 в противоположность переносному употреблению у пророков (Иер. 6: 8; Изе. 23: 17 – 18).

[50] Так, оборот $^{\circ}$yn lnw + X в значении «не нужно нам X» связывает наш фрагмент с хроникой восстания Авессалома (ср. 2 Сам. 19: 7), которая относится к первой половине X в. до н.э., см. *Anderson*. Op. cit. P. XXXIV.

10: 26, 28 – 29). Даже построив Храм, Соломон не запретил жертвоприношения на высотах, а в самом Храме, вопреки Втор. 4: 15 – 18, были размещены изображения херувимов (= крылатых быков[51]), ср. 1 Цар. 6: 23 – 29.

Таким образом, наш фрагмент – это не что иное, как один из немногих реликтов протодеутерономистской традиции X в. до н.э., традиции, которая могла развиваться в оппозиции к династии Давида и как результат критического переосмысления всего политического и духовного опыта Объединенного царства[52]. Такая традиция могла развиваться в силомском святилище, которое после поражения при Авен-Эзере (1 Сам. 4), вероятно, сохранилось, хотя и утратило свое влияние[53]. Именно Ахия Силомлянин поднял Иеровоама на восстание против внука Давида – Ровоама (1 Цар. 11: 29 и сл.), а «книга закона», в которой обычно видят Второзаконие или его ядро[54], оказалась в руках царя Иосии (2 Цар. 22: 8 и сл.) не раньше, чем под его контроль перешла после падения Ассирии большая часть Самарии, включая и Силом.

В. Орел, С. Фролов

EXEGETICA 1–2

V. Orel, S. Frolov

The present paper deals with the historical and textological analysis of two Biblical episodes (1 Sam. 28 and 2 Sam. 21) where new interpretations may be suggested. The authors show that in both Biblical texts archaic religious rites of pre-Judaic nature are described.

[51] *Albright W.F.* What Were the Cherubim? The Biblical Archaeologist 1, 1938 (New Haven). P. 1–3; *Cross T.M.* Canaanite Myth and Hebrew Epic. Cambr., 1973. P. 35–36.

[52] Ср. 1 Сам. 8: 10–18 с его мрачной и отталкивающей картиной, напоминающей по своим реалиям царство Соломона, ср. 1 Цар. 1: 2–3; 4: 7; 10: 26; 12: 3–4.

[53] О сложной археологической картине Силома см. *Schley D.G.* A Biblical City in Tradition and History // JSOT. Supplement Series. 1989. 63.

[54] *Driver.* Deuteronomy. P. XLIV – XLV; *Cogan, Tadmor.* Op. cit. P. 294.

VULGUS И TURBA: ТОЛПА В КЛАССИЧЕСКОМ РИМЕ*

Проблема «толпы», влияния спонтанных массовых скоплений людей на развитие исторического процесса, привлекла внимание исследователей еще в начале XX в. Что касается истории античности, то здесь проблема «толп» обычно связывалась с проблемой социальной борьбы народных масс (можно сослаться хотя бы на классическую концепцию «кризиса III века» М.И. Ростовцева). Однако, поскольку для историков античности основным источником служат сочинения античных авторов, «спор о терминах», т.е. изучение социальной лексики, представляется по крайней мере небесполезным.

На первый взгляд, проблема римской толпы не прошла мимо внимания исследователей. Однако она обычно рассматривалась на материале авторов сравнительно позднего времени, либо исключительно в контексте социально-политической борьбы

* Написание этой статьи стало возможным благодаря работе в римских библиотеках, за что автор выражает глубокую признательность Римскому университету «La Sapienza», а также профессору Луиджи Капогросси-Колоньези за весьма полезные консультации. Публикация статьи осуществлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта «Становление гражданского общества в древности» (код проекта 96-01-00508).

в Риме во II–I вв. до н.э.[1] Единственный автор, который, насколько мне известно, рассматривал употребления слова vulgus в сочинениях авторов республиканского периода, – это польский филолог-классик Бронислав Билиньский, впервые исследовавший эволюцию употребления vulgus во II – начале I в. до н.э.; он уделил особое внимание сохранившимся фрагментам трагедий Акция[2]. Билиньский рассматривал vulgus как социально-политический термин, подчеркнув его важность для изучения истории римских плебеев[3]. Однако он совершенно необоснованно связал проблему родовой принадлежности слова с социально-политической историей, использовав при этом рискованные исторические аналогии[4].

Особо следует отметить работы зарубежных историков, посвященные римской толпе раннеимператорского времени: благодатный материал сочинений Тацита и Светония дает много оснований для исторических обобщений. В известном труде израильского историка Цви Явеца «Плебс и принцепс» специальному анализу подвергнуты термины, обозначающие plebs urbana[5], в статье австралийского ученого Р. Ньюбоулда рассматривается употребление слова vulgus Тацитом[6], статья чешской исследовательницы Б. Моуховой посвящена рассмотрению употребления populus, plebs и vulgus в биографиях Светония[7]. Впрочем, Ц. Явеца и Б. Моухову интересовал прежде всего плебс per se и в гораздо меньшей степени проблема толпы. В работе А.Б. Ковельмана затрагивается отношение к толпе, в ней проведено сопоставление талмудических текстов и сочинений некоторых римских авторов[8]. В целом в историографии утвердилось мнение об отрицательном отношении римских авторов к vulgus, однако выводы делаются на основании словоупотребления отдельных авторов, а не всей совокупности текстов[9]. Нам же представляется необходимым обратиться к истокам феномена толпы, исследовать употребление vulgus и близкого ему по значению turba, начиная с первых известных нам случаев, и проследить эволюцию этого понятия вплоть до раннеимператорского времени, охватив, таким образом, весь классический период римской литературы – от II в. до н.э. до начала II в. н.э., от Плавта и Теренция до Тацита и Светония. При этом мы отдаем себе отчет в том, что ни vulgus, ни turba нельзя рассматривать как термины в собственном смысле этого слова; римские авторы императорского времени часто использовали vulgus и turba как

---

[1] Это касается как интересной статьи П. Бранта (*Brunt P.A.* The Roman Mob // Past and Present. 1966. № 35. P. 3–27), так и последней работы Вольфганга Виля (*Will W.* Der römische Mob. Soziale Konflikte in der späten Republik. Darmstadt, 1991), подзаголовок которой в гораздо большой степени соответствует ее тематике. Что касается знаменитой работы Эллегуарка о «политическом словаре» республиканского периода (*Hellegouarc'h J.* Le vocabulaire latin des relations et des parties politiques sous la republique. P., 1963), то в ней рассматриваемым нами понятиям посвящено лишь несколько абзацев (ibid. P. 126, 497, 514), поскольку оба этих слова малозначимы для политической терминологии.

[2] *Biliński Br.* Accio ed i Gracchi. Contributo alla storia della plebe e della tragedia romana // Accademia Polacca di scienze e lettere. Biblioteca di Roma. Conferenze. Fasc. 3. Roma, 1958; *idem.* Intorno alla semasiologia del termine «vulgus» // Synteleia Vincenzo Arangio-Ruiz. V. II. Napoli, 1964. P. 722–730.

[3] *Biliński.* Intorno... P. 722 sg.

[4] Ibid. P. 723 sgg. По мнению польского исследователя, переход слова «vulgus» из мужского в средний род отражал процесс дегенерации римского плебса во II–I вв. до н.э., вырождения его в люмпен-пролетариат, «пассивный элемент в политической борьбе группировок». При этом априорно предполагается, что средний род отражал уничижительное значение, подобно der Mensch и das Mensch в современном немецком языке (ibid. P. 729). Подобное предположение нам кажется весьма сомнительным хотя бы потому, что родовую принадлежность слова vulgus можно установить лишь в небольшом числе его употреблений.

[5] *Yavetz Z.* Plebs and Princeps. Oxf., 1969. P. 6 ff., 141 ff. См. также *idem.* Plebs sordida // Athenaeum (Pavia). 1965. 93. P. 295–311.

[6] *Newbold R.F.* The *vulgus* in Tacitus // RhM. 1976. Bd 119. 1. S. 85–92.

[7] *Mouchová B.* Die Ausdrücke *populus, plebs* und *vulgus* bei Sueton // Acta Universitatis Caroninae. Philologica 2. 1991 (Graecolatina Pragensia, XIII). P. 87–101.

[8] *Ковельман А.Б.* Толпа и мудрецы Талмуда. М., 1996.

[9] См., например, *Крюков А.С.* Vulgus у Горация // Филологические записки (Воронеж). 1995. Вып. 5. С. 154–160. Автор этой интересной статьи безосновательно обнаруживает «пейоративный социальный оттенок, изначально содержащийся в vulgus» (с. 156).

синонимы для усиления риторического эффекта[10]. Однако изучение всего корпуса текстов позволяет, на наш взгляд, выявить важные тенденции социальных изменений в римском обществе.

Наречная форма vulgo (volgo)[11] наряду с глаголом vulgare и отглагольной формой vulgatus встречается уже у Плавта[12]. В комедии «Хвастливый воин» раб Палестрион, обращаясь к солдату Пиргополинику, говорит: «На меня накричи, что настолько тебя я доступным для всех выставляю (quia sic te volgo volgem)» (Mil. 1035. Пер. А.В. Артюшкова). Эпидик в одноименной комедии, оправдывая придуманный им неологизм, говорит: «Мне не нравятся старые и общеизвестные слова (nil moror vetera et volgata verba)» (Epid. 351).

Зато turba (как и глагол turbo и производные от него) часто встречается в плавтовских комедиях; это слово обычно означает скопление рабов и домочадцев, суматоху, смятение, беспорядок, беспокойство (Aulul. 340, 342, 405; Curcul. 651; Amph. 476; Bacch. 375; Mil. 479, 583), неприятности (Menaechm. 846), свару, ссору (Stich. 83), бурю на море (Pseudol. 110), даже помутнение глаз (turba oculis) (Cist 699A). В комедии «Ослы» Диабол советует Параситу устроить своему противнику свару, суматоху (tu ergo fac ut illi turbas lites concias) (Asin. 824); также и в комедии «Перс» Токсил советует Сатуриону поднять шум, суматоху (tum turbam facito) (Pers. 729). Плавтовский герой Филоксен, говоря о беспутной жизни своего сына, характеризует ее как «quas meus filius turbas turbet» (Bacch. 1076) – употребление существительного вместе с глаголом усиливает эффект (такой же прием, как и в «Хвастливом воине» с наречием vulgo – см. выше).

И только в двух комедиях Плавта turba обозначает толпу, скопление людей в общественных местах. В комедии «Амфитрион» turba обозначает войско, причем драматург противопоставляет его вождям, imperatores (Amph. 224). В комедии «Пуниец» turba дважды обозначает толпу, собравшуюся у алтаря Венеры (Poen. 265, 336); в обоих случаях речь идет о толпе продажных женщин,

...подонков, непотребных баб, подружек мельников,
Для услуг рабам готовых...
(Poen. 266 sq. Пер. А.В. Артюшкова).

Как существительное vulgus впервые встречается у Теренция[13]. В комедии «Девушка с Андроса» раб Симон говорит о «толпе рабов» (volgus servorum) (Andr. 583), в «Свекрови» упоминается, а в «Самоистязателе» подразумевается «толпа женщин» (volgus mulierum) (Hec. 600; cf. Heaut. 386). Однако при более внимательном рассмотрении оказывается, что никакого «социального подтекста» (тем более осуждающего) здесь нет и речь идет об общем мнении, типичном поведении той или иной группы населения. В этом смысле употребление существительного vulgus очень тесно соотносится с употреблением наречия vulgo (Andr. 426; Heaut. 421, 447, 957)[14].

Достаточно часто (22 раза) встречается у Теренция и существительное turba[15], обычно обозначающее беспокойство, суматоху, беспорядок (Andr. 235; Hec. 43; Eun. 800 etc.). В «Братьях» turba обозначает скопление людей, однако при этом подразумевается суматоха, беспорядок (Adelph. 907, 912). И только однажды, в «Самоистязателе», под turba имеется в виду толпа гостей, заполонивших дом. Раб Сир восклицает: «О боги, что за толпа» (Di boni, quid turbaest!) (Heaut. 254).

Для первых римских комедиографов vulgus – слово малознакомое и малоупотреби-

---

[10] Например, «turba tantum et imprudens vulgus» (*Sen.* De brev. vit. 1.1). Примеры можно продолжить. См. *Yavetz*. Plebs and Princeps. P. 7 f.

[11] Основа *volg-* характерна для более ранних словоупотреблений, соответственно основа *vulg-* – для более поздних.

[12] *Lodge G.* Lexicon Plautinum. V. II. Lpz, 1933. P. 942.

[13] *McGlynn P.* Lexicon Terentianum. V. II. London–Glasgow, 1967. P. 292.

[14] Можно сравнить: «...quod volgus servorum solet» (Andr. 583) и «volgo quod dici solet» (Andr. 426), а также «volgus quod male audit mulierum» (Hec. 600) и «quod volgo audio dici» (Heaut. 421).

[15] *McGlynn.* Op. cit. P. 256.

тельное, это – то, откуда исходит «общественное мнение», и никакого пейоративного оттенка данное слово не содержит. Гораздо более привычно для них turba, которое обозначает и суматоху, беспорядок, и скопление людей (причем иногда с пейоративным оттенком).

Между Теренцием и авторами I в. до н.э. не сохранилось крупных произведений художественной римской литературы. Нашими сведениями об употреблении vulgus авторами этого времени мы обязаны прежде всего позднему комментатору Нонию Марцеллу, который в своем сочинении «De compendiosa doctrina»[16] специально рассмотрел вопрос о колебании родовой принадлежности слова vulgus. Значительная часть фрагментов Афрания, Пакувия, Акция, Сисенны и Луцилия дошла до нас благодаря этому автору IV в. н.э.

В сохранившихся фрагментах трагедий Афрания, акме которого приходится, как предполагают, на вторую половину II в. до н.э., vulgus не встречается, но в трагедии «Privignus» герой отвергает (презирает) свойственное толпе легкомыслие:

Dehinc temeritatem repudo vulgariam

(fr. XIII, l. 258)[17].

Vulgo в значении обычного действия встречается также в одном из неидентифицированных фрагментов того же автора (fr. II, l. 404).

В трагедии «Dulorestes» другого римского драматурга примерно того же времени, Пакувия, vulgus, очевидно, синонимично плебсу, причем контекст свидетельствует об отрицательном отношении автора либо его персонажа к vulgus[18].

Луций Акций был одним из самых плодовитых римских драматургов II – начала I в. до н.э., но и от его трагедий сохранились лишь незначительные фрагменты[19]. В плохо сохранившемся фрагменте трагедии «Еврисак» (fr. XXVI) некий узурпатор будоражит народ (turbat vulgus) в попытке не допустить возвращения законного правителя Теламона (стк. 367 сл.). Сохранившая строка трагедии «Эпигоны» (fr. II), сюжетом которой был второй поход против Фив, содержит замечательную аллитерацию:

Et nonne Argivos fremere bellum et velle vim vulgus videt?

(И не видно ли, что аргосцы кличут войну и толпа жаждет насилия?)

(l. 588).

Vulgus в данном случае обозначает народ. Если vulgus и имеет в трагедиях Акция слегка пейоративный оттенок, то он почти незаметен. В любом случае на основании двух дошедших до нас употреблений трудно делать решительные выводы[20]. Что же касается turba, то это слово совершенно определенно в трагедиях Акция означает беспорядок, мятеж, которого следует остерегаться:

Ah! dubito; ah! quid agis? cave ne in turbam te implices!

(Ах, я колеблюсь. Ах, что ты делаешь? Берегись, не ввязывайся в мятеж!)

(Athamas, Fr. I, l. 432).

Non vides quam turbam, quantos belli fluctus concites?

(Не видишь, какое смятение, сколь многочисленные волны войны ты возбуждаешь?)

(Stasiast., fr. III, l. 403).

---

[16] Нами использовано издание: *Nonius Marcellus*. De compendiosa doctrina / Ed. W.M. Lindsay. V. I–II. Lpz, 1903.

[17] Цитаты даются по изданию в серии «Les belles lettres»: Comoedia togata. Fragments / Par A. Daviault. P., 1981.

[18] Nonne officium fungar vulgi atque aegre male factum feram (стк. 126 Warmington). Turba в другом месте обозначает толпу (стк. 117). См. Remains of Old Latin / Ed. E.H. Warmington. V. II. Cambr. Mass. – L., 1967. О синонимичности vulgus плебсу у Пакувия см. *Biliński*. Intorno... P. 726.

[19] Мы пользовались последним изданием Акция, которое надавно появилось в серии «Les belles lettres»: *Accius*. Oevres (fragments) / Par J. Dangel. P., 1995. Нумерация дается по этому изданию, однако для сопоставления было использовано издание Уорминтона.

[20] Б. Билиньский явно преувеличивает, считая Акция чуть ли не идеологом сенаторской аристократии (Accio...).

В сохранившихся стихах Луцилия vulgus упоминается дважды: один раз vulgus обозначает хор жрецов-салиев, которые должны были синхронно повторять замысловатые прыжки лидера-солиста (praesul ut amptruet inde, ut vulgus redamptruet inde)[21]; в другом месте речь идет о толпе, ожидающей хлебных раздач (dilectum video studiose vulgus habere)[22]. Совершенно очевидно, что vulgus для Луцилия означал скопление людей и никакого пейоративного оттенка не нес. Напротив, vulgus для Луцилия – не только ожидающие хлебных раздач беднейшие граждане, но даже коллегия жрецов-салиев.

Анналист Сисенна в книге III «Историй» пишет о том, что «неискушенный (политик?) приводит в движение толпу» (inperitus concitat vulgum) (Sisenna. Fr. 48 P = Non. Marc. 341 L). Часто встречается vulgus (volgus) и в сохранившихся сочинениях, и фрагментах энциклопедиста Варрона. В «Менипповых сатурах» vulgus встречается в самых разных контекстах: это и противопоставление философов (речь идет о Демокрите и Гераклиде Понтийском) народу (Fr. 81, Fr. 359 = Non. Marc. 342 L), и обозначение населения Аттики (vulgus Atticus) (Fr. 480); vulgus – также скопление рабов и служанок (Fr. 146). В трактате «О латинском языке» мнение Катона и Энния противопоставляется общераспространенному (ut Cato et Ennius scribit, non ut dicit volgus) (De ling. lat. 9. 107). Несомненно, однако, что для Варрона vulgus – это просто народ, скопление людей; нет никаких признаков негативного отношения ученого-энциклопедиста к данному феномену. Vulgus вызывала у Варрона опасений не больше, чем римский народ в целом (De ling. lat. 5. 48, 5. 58, 6. 42, 9. 107).

Единственное упоминание vulgus в надписях города Рима (к остальным томам CIL нет указателя) относится примерно к тому же времени, концу II – началу I в. до н.э. В надгробной надписи, найденной на via Nomentana в Риме, восхваляется некая Aurelia Philematium, «чистая, стыдливая, толпе незнакомая, мужу верная (casta, pudens, volgei nescia, feida viro)» (CIL VI. 9499; *ei* = *i*). Очевидно, в данном случае подчеркивалось то, что женщина редко покидала свой дом. Впрочем, другая надгробная надпись (via Pinciana, Рим), напротив, превозносит некую Перузину как раз за то, что все ее достоинства и она сама были известны всем (notissima volgo) (CIL VI. 37965). Надписи мало что добавляют к письменным текстам по рассматриваемому нами вопросу.

Значительный интерес представляет рассмотрение употреблений vulgus и turba в сочинениях Корнелия Непота. Несмотря на то что большая часть биографий подвергалась сокращению в период поздней Империи, сомнительно, чтобы изменения коснулись лексики. Очевидно и то, что римский биограф использовал греческие источники, и поэтому возникает проблема передачи греческой социальной лексики. Корнелий Непот однозначно переводит δῆμος в значении гражданского коллектива как populus (Milt. 8. 4; Alcib. 6. 4; Epam. 7.5 и т.п.). Естественно, что римский народ обозначается так же, как populus (Han. 1.1). Plebs употребляется лишь однажды в исключительно римском контексте: речь идет об избрании Катона плебейским эдилом (Cat. 1.3). Multitudo обозначает скопление солдат (Milt. 2.1; Dat. 6.2, 7.3), кораблей (Them. 3.3, 4.5) и даже животных (Han. 5.2, 10.4 sq.) и не несет никакого социального смысла.

Как же римский биограф переводит ὄχλος? Для этого следует рассмотреть употребления turba (одно) и vulgus (13) Корнелием Непотом. Turba и vulgus в биографии Датама встречаются в одном пассаже: «Узнав об этом, Датам сообразил, что если до простых воинов дойдет слух (in turbam exisset) об измене столь близкого ему человека, то найдутся и другие, которые последуют его примеру. Поэтому он во всеуслышание объявил (in vulgus edit)...» (Dat. 6.3 sq.). Оба слова в данном случае предполагают обнародование, распространение известий среди рядовых солдат; никакого пейоративного оттенка в данном случае нет. Подобное значение (обнародования, опубликования, известности) vulgus имеет и в ряде других случаев (Pelop. 1.1; Att. 16.3). Vulgus

[21] *Lucil.* Sat. Fr. 323 – lib. IX Krenkel (*Lucilius.* Satiren / Lat. und deutsch von W. Krenkel. Teil I–II. B., 1970) = Fr. 348 Warmington (Remains of Old Latin / Ed. E.H. Warmington. V. III. Cambr. Mass. – L., 1979).

[22] Fr. 459 – lib. XIV Krenkel = Fr. 483 Warmington (cf. Fr. 484).

у Непота – это и толпа воинов (Alc. 8.2; 8.6), но чаще – жители как греческих полисов, так и Рима. Погребальные носилки Аттика сопровождали и добропорядочные граждане, и толпа простонародья (vulgus) (Att. 22.4). В противоположность vulgus, которая охотилась за проскрибированными во время второго триумвирата, Аттик как истинный представитель boni помогал жертвам триумвиров (Att. 11. 1). Непот, таким образом, проводил четкую грань между этими двумя категориями римских граждан.

В греческих биографиях картина несколько иная, хотя и здесь vulgus – это граждане полиса. Vulgus призывают к оружию (Pelop. 3.3), толпа афинских граждан (vulgus) восторженно встречает Алкивиада (Alcib. 6.1, 6.3), широкий образ жизни и независимое поведение афинского стратега Хабрия навлекли на него зависть сограждан (vulgus) (Chabr. 3.3), настроение сиракузских граждан (vulgus) меняется не в пользу Диона (Dio 7.3, 10.2). В некоторых случаях можно усмотреть осуждение автором vulgus, но в греческих биографиях Непота отсутствует противопоставление vulgus – boni, для римлянина Непота весь греческий демос – это vulgus.

Употребление vulgus и turba в речах, письмах и трактатах знаменитого римского оратора Марка Туллия Цицерона заслуживает, несомненно, отдельного рассмотрения; обширность дошедших до наших дней сочинений Цицерона дает исследователям возможность для обобщений[23].

Речи Цицерона, как и всякого другого оратора, были рассчитаны на его аудиторию; однако аудитория эта, как указывал сам оратор, была, по крайней мере в идеале, аудиторией добропорядочных граждан (boni)[24]. В речи в защиту Секста Росция оратор сделал специальную оговорку, что его речь ни при каких условиях не должна распространяться среди толпы (in vulgus emanare) (Sex. Rosc. 3). Если при этом мнение толпы и принималось Цицероном во внимание, то только для корреляции действий политиков (Verr. I. 1; Sest. 113 etc.) по отношению к невежественной (по сравнению с римским народом – populus) толпе (imperitorum vulgus) (Muren. 38). О самой толпе оратор (подчеркивая при этом, что разделяет мнение других мудрецов – sapientes) был самого низкого мнения: «У толпы нет разумности, расчета, способности различать, основательности (non est... consilium in vulgo, non ratio, non discrimen, non diligentia)» (Planc. 9); «Нет ничего более ненадежного, чем толпа (nihil est incertius vulgo)» (Muren. 36)[25]. «Такова толпа: из истины она ценит немногое, а из предрассудков – многое» (sic est vulgus; ex veritate pauca, ex opinione multa aestimat – Qu. Rosc. 29).

В речах Цицерона vulgus означает низшие слои римского гражданства, которые интересовали оратора по большей части в период предвыборной борьбы[26]. Позиция толпы ясно отделяется оратором от позиции гражданского коллектива (patimini me delicta vulgi a publica causa separare – Flacc. 58).

Письма Цицерона, хотя и предназначались для опубликования, неизбежно имели именно «риторический» характер, чем речи. Поэтому vulgus зачастую используется для обозначения общего мнения, народной молвы (Fam. III. 11.1; VII. 1.3; Att. IX. 5.2); на это сборище простонародья в Риме (Att. II. 22. 3) или в своей Формийской усадьбе (Att. II. 14. 2) оратор смотрит свысока и слегка иронично, не забывая при этом о

---

[23] Эллегуарк в значительной мере основывает свои выводы на материале сочинений Цицерона (Op. cit. Passim).

[24] О boni см. подробнее: *Трухина Н.Н.* Политика и политики «золотого века» Римской республики. М., 1986. С. 52–55.

[25] Иногда речь Цицерона почти неотличима от стандартных высказываний значительно более поздних критиков демократии: «Часто, даже без всякой видимой причины, исход выборов не соответствует нашим ожиданиям, так что иногда народ даже удивляется тому, что совершилось, как будто не сам он это совершил. Нет ничего менее надежного, чем толпа, ничего менее темного, чем воля людей, ничего менее обманчивого, чем весь порядок выборов» (Muren. 35–36. Пер. В.О. Горенштейна).

[26] Что же касается turba, то это слово в речах Цицерона обозначает беспорядок, мятеж (например, Sex. Rosc. 91), схватку, суматоху (например, Mil. 33), сброд (Muren. 49 – имеются в виду сторонники Катилины). В письмах, наряду с указанными значениями (например, «замешательство» – Att. VI. 1. 14), turba может иметь значение толпы (к примеру, сборища клиентов и просителей – Att. VI. 2. 10).

дистанции между vulgus (multitudo) и boni (honesti) (Fam. II. 6. 3; 21. 1). Свои же настоящие чувства без ложной скромности выразил Цицерон в письме Катону в январе 50 г.: «Если когда-нибудь был кто-либо, и по своей природе и, более того, как мне, по крайней мере, кажется, по образу мыслей и образованию далекий от стремления к пустой славе и пересудам черни (ab inani laude et sermonibus vulgi), то это, конечно, я» (Fam. XV. 4. 13. Пер. В.О. Горенштейна). Но даже в этом месте нет явного пейоративного оттенка, скорее – констатация социальной и культурной дистанции. В письмах Цицерона vulgus – масса рядовых граждан (vulgus ac multitudo – Fam. II. 6. 3), которым нужен вождь (Fam. II. 6. 3 sq.).

В трактатах Цицерона vulgus – невежественная масса (vulgus imperitorum – De nat. deor. I. 43, 101; III. 39; cf. De off. II. 35; III. 84); учитывая opiniones vulgi, необходимо поддерживать и общественные нравы, и религию (De divin. II. 70). Vulgus не понимает, что относится к совершенному (De off. III. 15) и противопоставляется «образованным» (sapienti) (Lael. 7). Вообще vulgus для Цицерона – это прежде всего рядовые граждане (De off. III. 73), даже зрители, которые должны оценить произведение искусства (De off. I. 147). Политика по отношению к vulgus, несомненно, важна для государства, и сам Цицерон не снисходит до осуждения этого необходимого общественного элемента – для него пропасть между vulgus и boni, а тем более между vulgus и sapientes совершенно очевидна. Однако vulgus сама по себе особой ненависти у знаменитого оратора не вызывает.

Употребления vulgus и turba в сочинениях Саллюстия сравнительно немногочисленны. Наиболее «знаковое» употребление vulgus – в речи Катилины, призывающего своих сторонников выступить против традиционной системы власти сенаторской аристократии. «Ибо с того времени, как кучка могущественных людей целиком захватила власть в государстве, цари и тетрархи – их постоянные данники, народы и племена платят им подати, мы, все остальные, деятельные, честные, знатные и незнатные, были чернью, лишенной влияния, лишенной авторитета (strenui boni[27], nobiles atque ignobiles, volgus fuimus sine gratia, sine auctoritate), зависевшей от тех, кому мы, будь государство сильным, внушали бы страх. Поэтому всякое влияние, могущество, магистратуры, богатства находятся у них в руках» (Sall. Cat. 20. 7 sq. Пер. В.О. Горенштейна). В этой речи vulgus, включающая в себя даже boni, представляется безликой массой рядовых граждан, которая не оказывает влияния на принятие политических решений и не получает материальных выгод от господства Рима над Средиземноморьем; vulgus противопоставляется potentes – политической элите, которая и обладает реальной властью. Конечно, для честолюбца Катилины было совершенно неприемлемо оказаться в рядах этой массы.

В «Югуртинской войне» Саллюстий дает характеристику vulgus, и, хотя речь идет о Нумидии, эта характеристика имеет для историка всеобщее значение: «Ибо, как бывает в большинстве случаев, чернь, особенно нумидийская, отличалась непостоянством, склонностью к мятежам и раздорам, жаждала переворотов, спокойствию и миру была враждебна» (Nam volgus, uti plerumque solet et maxume Numidarum, ingenio mobili, seditiosum atque discordiosum erat, cupidum novarum rerum, quieti et otio advorsum) (Bel. Jug. 66. 2. Пер. В.О. Горенштейна). Здесь, как и несколько ниже (69.2), речь идет о рядовых горожанах. Народные трибуны возбуждали vulgus против Метелла и превозносили Мария (Bel. Jug. 73.2), vulgus поддерживала Мария (Bel. Jug. 84. 3). В «Заговоре Катилины» говорится о volgi rumoribus – «пересудах толпы» (Cat. 29. 1).

Turba у Саллюстия имеет значение беспорядка, волнений (плебс под воздействием заговорщиков стремится к turba atque seditionibus – Cat. 37. 3). Римский историк, несомненно, относился свысока и осуждал способы действий vulgus – низших слоев населения.

---

[27] «Деятельные добрые (мужи)»; ср. ниже, «храбрейшие мужи» (fortissimi viri) (20.9). Здесь очевидно противопоставление «boni», деятельных, храбрых, но при этом необязательно знатных, «viri boni», которые традиционно составляли римскую элиту.

У его современника, знаменитого полководца и государственного деятеля Юлия Цезаря мы обнаруживаем несколько другой подход к vulgus. Наречие vulgo отмечает либо обыденное, постоянное действие, либо действие, совершенное толпой (Bel. Gall. 1. 39. 5; 2. 1. 4; Bel. Civil. 1. 28. 2; 1. 74. 7; 3. 29. 3; 3. 48. 2; Bel. Alex. 6. 2). В «Записках о Галльской войне» in vulgus militum означает «в солдатской среде» (Bel. Gall. 1. 46. 2), а когда римское войско стало терпеть неудачи, солдаты стали толпой покидать строй («отступать от значков» – ut vulgo milites ab signis discederent – Bel. Gall. 5. 33. 6).

Цезарь использует также vulgus для обозначения непривилегированных слоев населения галльских городов (oppides). «Купцов в городах окружает толпа» (mercatores in oppidis vulgus circumsistat – Bel. Gall. 4. 5. 2), друиды не желают «нести в народ» свое учение (neque in vulgum disciplinam efferi velint – 6. 14. 4), жалость к толпе (misericordia vulgi) вынудила Верцингеторига отказаться от своего намерения сжечь Аварик (7. 15. 6). Наконец, Конвиктолитав доводит плебс эдуев до крайней ярости, и тот выступает против римлян (7. 42. 3). Тем не менее сам Цезарь решил не наказывать все племя (civitas) эдуев «из-за невежества и легкомысленности толпы» (propter inscientam levitatemque vulgi – 7. 43. 4). Только в этом месте действия vulgus (т.е. плебса эдуев) однозначно осуждаются Цезарем, который сам был непосредственным участником описываемых событий.

Лишь один раз в своих сочинениях Цезарь использует turba (вместе с multitudo) для обозначения бегущих помпеянцев (Bel. Civ. 2. 35. 3).

В отличие от сочинений Саллюстия в трудах Цезаря vulgus, за исключением одного случая, имеет вполне нейтральное значение. Это нас не должно удивлять: Цезарь заигрывал с этой самой vulgus и стремился заслужить ее симпатии. К тому же сам жанр «Записок» не предполагал морализаторства, а стиль был подчеркнуто антириторичен. Вероятно, всеми этими факторами и можно объяснить различия в отношении двух современников к vulgus.

Интересно рассмотреть употребление vulgus в сочетаниях римских поэтов I в. до н.э. – I в. н.э.

В знаменитой поэме «О природе вещей» Лукреций шесть раз употребляет vulgus и девять раз – turba[28]. Vulgus поэт использует обычно для обозначения множества людей: мостовая, стертая ногами толпы (vulgi pedibus) (1. 315), головы свергнутых на заре человеческой истории царей скатываются под ноги толпы (sub pedibus vulgi), после чего наступает смута (turba) (5. 1138 sqq.). Во время процессии в честь Матери богов (Deum Mater) толпа (vulgus) приходит в священный трепет перед божественной волей (2. 622). Говоря о происхождении живых существ, поэт утверждает:

Но коль и можно, то все ж из их сочетаний друг с другом
Только б одна мешанина созданий живых получилась
(Nil facient praeter vulgum turbamque animantum)...
(2. 921. Пер. Ф.А. Петровского).

Здесь vulgus и turba выступают как синонимы.

К учению эпикурейцев, по мнению Лукреция, «толпа испытывает отвращение» (retroque/vulgus abhorret ad hac), и поэтому поэт хочет его представить в стихах (1. 945 = 4. 20). Здесь нет осуждения мнения толпы; наоборот, поэт сообщает другу, что стремится приспособиться к нему, смягчая поэтической формой сухость эпикурейской доктрины.

В поэме «О природе вещей» turba обычно означает беспорядочно движущуюся материю (1. 1113; 2. 127; 3. 928; cf. 2. 550), скопление облаков (6. 465, 511), множество первоначал голосов (4. 530).

В дошедших до нас стихах Катулла зарегистрировано всего два употребления vulgus[29]. Одно из них достаточно тривиально – поэт спрашивает своего оппонента Рави-

---

[28] *Wacht M.* Concordantia in Lucretium. Hildesheim et al., 1991. P. 747, 808. Следует отметить, что некоторые употребления повторяются, будучи частью постоянных эпитетов.

[29] При этом поэт ни разу не употребил ни наречия vulgo, ни слова turba. См. *McCarren V.P.* A Critical Concordance to Catullus. Leiden, 1977.

да: «Иль у всех на устах (in ora vulgi) ты быть желаешь?» (40. 5. Пер. С.В. Шервинского). В другом стихотворении поэт обращается к Лесбии:

Dilexi tum te non tantum ut vulgus amicam,
Sed pater ut gnatos diligit et generos.
И полюбил я тебя не так, как обычных подружек,
Но как родитель – сынов или дочерних мужей
(72. 3–4. Пер. С.В. Шервинского).

Здесь мы видим не только характерное для Катулла противопоставление любви – страсти (amor) и любви деятельной, благожелательности (benevolentia)[30], но и противопоставление vulgus – familia, причем именно familia рассматривается как неоспоримая ценность.

Vulgus у Вергилия может обозначать и стадо (Aen. 1. 190; Georg. 3. 149), и толпу воинов (Aen. 12. 223; Georg. 4. 69), и народ (Aen. 11. 451). В некоторых случаях подчеркивается беззащитность толпы – безоружная толпа (Aen. 12. 131), толпа, вызывающая жалость (miserabile vulgus – Aen. 2. 798), но в целом сочинения Вергилия не свидетельствуют о каком-то осуждении поэтом толпы, vulgus.

Совсем другую картину мы наблюдаем у Горация. Употребление vulgus и turba Горацием достаточно любопытно и, на первый взгляд, выделяется из общего ряда. Vulgus употребляется дважды в одном и том же сочинении – третьей сатире второй книги «Sermones», повествующей о людском безумии. В первом случае vulgus соотносится с толпой зрителей в театре (Serm. 2. 3. 62), во втором – речь идет о суеверных людях из низших слоев общества (выше упомянут некий вольноотпущенник):

Hoc quoque volgus
Chrysippus ponit fecunda in gente Meneni.
Эту всю сволочь Хрисипп[31] в собратьях Менения числит
(Serm. 2. 3. 286. Пер. М. Дмитриева).

Еще более явно отношение Горация к vulgus проявилось в знаменитой первой оде третьей книги горациевских «Carmina»: «Odi profanum vulgus et arceo» («ненавижу и прочь гоню невежественную толпу»). Отношение Горация, сына вольноотпущенника, к невежественной толпе было крайне отрицательным. Противопоставление поэта и толпы проходит через все творчество Горация[32].

В отличие от прозаических текстов turba у Горация не несет значения беспорядка, суматохи, мятежа, а имеет вполне нейтральный оттенок и обозначает скопление гостей – толпу на аукционе (Ars poet. 419), толпу мальчишек (Serm. 1. 3. 135), толпу гостей (Serm. 2. 8. 26), а в знаменитой первой оде – толпу римских граждан, квиритов (Carm. 1. 1. 7). Однако в десятой сатире первой книги Гораций, возражая воображаемому стороннику Луцилия, решительно отделяет себя от «толпы старших поэтов» (poetarum seniorum turba) (Serm. 1. 10. 67) и призывает не ориентироваться на вкусы толпы (turba) (Serm. 1. 10. 73).

При анализе стихотворений Горация следует учитывать особенности поэтического языка: multitudo, обычно обозначающее множество людей, не подходит ни под какой поэтический размер. Поэт вместо него употреблял более нейтральное (с его точки зрения) turba, а не vulgus, которое, похоже, имело отрицательный оттенок. Таким образом на Горация повлияла риторическая традиция осуждения vulgus.

Младший современник Горация Тибулл писал о том, что толпу более всего вводит в заблуждение то, к чему она относится с обожанием (falso plurima vulgus amat – III. 4, стк. 20); в другом приписываемом Тибуллу стихотворении подчеркивается непостоянство толпы (III. 7, стк. 45).

Может показаться, что в конце республиканского – в начале императорского

---

[30] *Гаспаров М.Л.* Поэзия Катулла // *Гай Валерий Катулл Веронский.* Книга стихотворений / Изд. подг. С.В. Шервинский, М.Л. Гаспаров. М., 1986. С. 201 слл.

[31] Характерно противопоставление vulgus Хрисиппу, известному философу-стоику III в. до н.э., чье учение было рассчитано именно на элиту.

[32] *Крюков.* Ук. соч.

периода в римской литературе оппозиция творца и толпы (vulgus) приобретает всеобщий характер. Обратимся к сочинениям авторов раннеимператорского периода. В труде Тита Ливия turba выражает неустойчивость, изменчивость, свойственные народной массе, vulgus характеризует прежде всего социальную дистанцию между humilliores и людьми, причастными к власти (сенаторами и др.); при этом vulgus обычно не несет никакого отрицательного оттенка, поскольку обозначает достаточно незыблемую реальность[33].

«История Александра Македонского» Курция Руфа, автора I в. н.э., не считается вершиной ни римской словесности, ни римской историографии. Автор, компилируя материалы греческих источников, описал деятельность знаменитого завоевателя. В труде Курция Руфа vulgus и turba встречаются довольно часто (14 и 21 раз соответственно)[34]. Vulgus используется для обозначения скопления воинов Александра (например, 6. 2. 21, 8. 24; 7. 2. 33; 9. 9. 10; 10. 6. 4) или народа (персов или жителей индийских городов – 3. 3. 7; 4. 10. 5, 10. 7; 9. 1. 20 и т.п.) и не несет никакого пейоративного оттенка. Что касается turba, то этим словом Курций Руф чаще всего обозначает толпу нестроевых, сопровождавших войско (актеров, обозных слуг, женщин и т.п.) (3. 3. 22, 3. 27, 11. 25; 6. 2. 5, 8. 23), побежденных врагов (жителей Тира – 4. 4. 14); иногда turba прилагается и к македонцам (толпа друзей царя – 10. 6. 17). И только дважды turba приобретает отчетливо отрицательный оттенок, обозначая большое по численности, но неорганизованное войско варваров – индийцев, бактрийцев, согдийцев, скифов (9. 2. 22, 2. 25). Курций Руф не стремился противопоставить себя толпе. Vulgus для него – это толпа рядовых солдат, незнатных граждан, даже друзей царя, которые занимают вполне определенное место в обществе[35].

Поэтические тексты этого времени также не содержат сентенций, осуждающих vulgus. Так, в поэме Лукана «Фарсалия» vulgus, как правило, – народ (1. 352, 486, 509; 3. 58; 10. 11, 178 etc.), иногда – войско (7. 47, 249), толпа женщин (7. 39)[36]. Единственный (и не бесспорный) пример пейоративного оттенка можно усмотреть в стихе, в котором Цезарь обвиняется в увеселении толпы, добиваясь народной любви (multa dare in vulgus, totus popularibus auris – 1. 132).

Такое же отношение к vulgus и в «Сатириконе» Петрония. Arbiter elegantiarum использовал vulgus сравнительно редко, в основном в цитатах. Vulgus для него – народ (незнатные, простонародье), turba – толпа, скопление людей. Однако невозможно уловить различимый пейоративный оттенок ни в том, ни в другом слове.

Примерно такое же отношение к vulgus можно наблюдать и в трагедиях Сенеки[37]. Для Сенеки vulgus – это народ как вообще, так и собравшийся по какому-либо поводу, причем без всякого пейоративного оттенка (см., например, Herc. Oet. 605, 608, 1745; Troad. 67, 80, 1098). Напротив, turba – активное сборище; это слово очень часто встречается в негативном контексте (см., например, Herc. Oet. 560, 962 sq., 1902). Подобное словоупотребление – не просто индивидуальная черта творчества Сенеки; подобную картину мы можем наблюдать в исторической драме (fabula praetexta) «Октавия»[38]. В уста Нерона ее автор вкладывает такие слова:

---

[33] *Карпюк С.Г.* Полибий и Тит Ливий: ὄχλος и его римские соответствия // ВДИ. 1996. № 3. С. 44–53.

[34] *Therasse J.* Quintus Curtius Rufus. Index verborum. Hildesheim – New York, 1976. P. 478, 508.

[35] Можно также с большой долей вероятности предположить, что Курций Руф словом vulgus передавал πλῆθος своих греческих источников, а словом turba – ὄχλος. Во всяком случае характерно, что Ксенофонт последовательно употребляет для обозначения обозных слуг, женщин, сопровождавших войско, и т.п. См. *Карпюк С.Г.* Ὄχλος от Эсхила до Аристотеля: история слова в контексте истории афинской демократии // ВДИ. 1995. № 4. С. 31–50.

[36] Впрочем, для обозначения толпы Лукан обычно использует слово turba (например, 1. 512; 5. 333; 6. 593). См. также *Deferrari R.J., Fanning M.W., Sullivan A.S.* A Concordance of Lucan. Washington, 1940. P. 555 f., 592.

[37] Следует отметить, что Сенека гораздо чаще употреблял turba, нежели vulgus. См. *Oldfather W.A. et al.* Index verborum quae in Senecae fabulis necnon in Octavia Praetexta reperiuntur. Illinois, 1918. P. 246, 262.

[38] Ее авторство традиция ошибочно приписывает Сенеке. Однако очевидно, что она была написана вскоре после гибели Нерона.

Male imperatur, cum regit vulgus duces
(Плохо осуществляется верховная власть, если народ повелевает властителями)
(Oct. 579).

Vulgus – в данном контексте обозначает римский народ (cf. Oct. 455, 796) и противопоставляется правителям, duces (как и в Troad. 1098). Напротив, turba немилосердна (Oct. 835), пытается напасть на императорский дворец и диктовать императору свою волю (Oct. 851 sq.). В устах Нерона turba – это возмущенная и активная толпа граждан (cives – Oct. 856), и, очевидно, что именно ее и следует опасаться императору. При этом было явным преувеличением говорить о противопоставлении vulgus и turba в трагедиях Сенеки: иногда они используются почти как синонимы (Troad. 1098 sqq.). Сенековская патетика не предполагает «терминологичности», скорее наоборот. Однако характерно, что даже в рамках этой патетики не нашлось места для обличения vulgus.

На первый взгляд, в «Нравственных письмах к Луцилию» мы наблюдаем другую картину. Сенека пишет о том, что счастливый человек – совсем не тот, кого толпа таковым именует (quem vulgus appellat) (Sen. Ad Lucil. 45. 9), что лишь мудрец может обладать честностью, а толпа (vulgus) – лишь ее призраками и подобиями (Ad Lucil. 81. 13), и вообще все, что жаждет толпа, скоротечно (Ad Lucil. 72. 7). Примеры противопоставления философа (мудреца, правителя) толпе (vulgus) можно и продолжить (Ad Lucil. 55. 4, 66. 31), однако важно, что они никакого специального социального подтекста не содержат – лишь обычное у стоиков (и не только у них) противопоставление мудрого человека профанам. Vulgus для Сенеки – воплощение всеобщности (Ad Lucil. 67. 12, 98. 13); толпа – не только низшие слои общества, но все немудрецы, и философам не стоит идти наперекор людским обычаям (Ad Lucil. 5. 3; cf. De brev. vit. 1. 1).

И только размышляя о поведении толпы во время цирковых зрелищ, философ не мог скрыть своих чувств: жестокость зрителей вызывала в нем резкое неприятие и отвращение, но здесь толпа – не столько vulgus, сколько populus, homines (Ad Lucil. 7. 1 ff.), целью философа в данном случае было осуждение свойственных всему человечеству низменных страстей.

Зато исторические сочинения Корнелия Тацита дают множество примеров неприязненного отношения автора к черни (plebs, turba, vulgus). Идеальному народу былых времен (populus) Тацит противопоставил современную ему безликую чернь[39]. Тацит, как и другие римские авторы императорского времени, использует turba, vulgus, plebs, multitudo как синонимы, обозначая этими словами всех тех, кто не относился к сенаторскому либо всадническому сословию[40]. Однако vulgus все же имеет более выраженный пейоративный оттенок: так, германских общинников Тацит обычно называет plebs (Hist. 2. 61; Germ. 10, 11, 12 etc.), а горячо им нелюбимое население восставшей Иудеи, как и другие народы, выступившие против владычества Рима, – vulgus (Hist. 4. 62, 5. 3, 5. 8; Ann. 1. 55, 2. 19). Как справедливо отметил Ц. Явец, vulgus вообще встречается чаще в сохранившихся книгах «Истории», наполненной описаниями социальных потрясений, нежели в «Анналах»[41]. Тацит не жалеет самых сильных эпитетов для характеристики vulgus: vulgus pronum ad suspitiones (Hist. 2. 21), vulgus stolidum (Hist. 2. 61), vulgus credulum (Hist. 2. 72), vulgus improvidium (Hist. 3. 20), vulgus ignavum et nihil ultra verba ausurum (Hist. 3. 58)[42]. Vulgus – это и социальная среда

---

[39] По этому поводу можно привести авторитетное мнение Г.С. Кнабе: «История империи для Тацита есть процесс углубляющегося разложения былой целостности народного бытия... Понятие римского народа у Тацита двоится: рядом с "народом" как носителем идеального величия и мощи Рима появляется "чернь" – беспринципная, продажная, подверженная случайным настроениям и разрушительная в своей слепой ярости масса – plebs. Бушующая толпа солдат или горожан – непременное действующее лицо почти всех книг "Истории"» (*Корнелий Тацит*. Сочинения в двух томах. Т. 2. Л., 1969. С. 257. Прим. 115).

[40] *Yavetz*. Plebs and Princeps. P. 7 f., 154 f.

[41] Ibid. P. 147. Cf. *Newbold*. Op. cit. P. 85 ff.

[42] *Yavetz*. Plebs and Princeps. P. 142.

для распространения самых вздорных и вредных, с точки зрения историка, слухов[43]. Конечно, в некоторых контекстах vulgus может иметь вполне нейтральное значение. Однако весьма характерно, что в тех случаях, когда Тацит обобщает, высказывает свое отношение к данному феномену, резко отрицательное отношение преобладает[44]. Тацит, вероятно, пытался подчеркнуть социальную дистанцию между сенаторами и всадниками и plebs sordida, vulgus, multitudo; возможно, это хоть в какой-то мере служило компенсацией за все увеличивавшийся отрыв социальных верхов от политической власти.

Плиний Младший был современником и другом Тацита, можно ожидать найти соответствия в отношении обоих авторов к римской толпе. Рассмотрим употребление vulgus и turba в письмах и в «Панегирике» Плиния Младшего[45]. Важно то, что до нас дошли как письма этого автора (в том числе и вполне официальная переписка с императором Траяном во время исполнения Плинием обязанностей наместника провинции), так и его риторическое сочинение – «Панегирик», что дает возможность для сопоставления.

Turba обычно имеет негативный оттенок, обозначая, как правило, возбужденную, руководствующуюся эмоциями, а не разумом, толпу, собравшуюся в определенном месте. Такая толпа противопоставляется не «сенаторам», «немногим», но одиночеству, уединению. Плиний советует своему корреспонденту: «Приветствуй других некоторое время сам, чтобы стало приятнее слушать приветствия, потолкайся в этой толпе, чтобы насладиться уединением (terere in hac turba, ut te solitudo delectet)» (Epist. VII. 3. 3.). Более того, сами сенаторы в момент раздоров в их среде обозначаются как turba: «Вот и выходит, что мысль, поддержанную беспорядочными криками многих, никто не выскажет вслух среди окружающего молчания: сущность дела, невидная в толпе (turba), раскрывается, когда из толпы (turba) выйдешь» (Epist. II. 11. 7).

Особенно опасливо относится к turba сам император Траян. Даже вполне мирные толпы (turba) путешественников, перемещающиеся через Византий, вызывают в нем стремление усилить гарнизон города, «поставив для охраны легионного центуриона» (Epist. X. 78. 1); что же касается кассы взаимопомощи (eranum) в Амисе, то она ни в коем случае, пишет Траян Плинию, не должна использоваться «для смут и недозволенных союзов» (ad turbas et ad inlicitos coetus) (Epist. X. 93). Поэтому совсем неудивительно, что в письме к Траяну Плиний называет примкнувших к христианам turba hominum (Epist. X. 96. 10).

Однако в «Панегирике» turba, как будто бы, приобретает совсем другой оттенок. Восторженная толпа (turba) приветствовала Траяна перед входом в храм (Paneg. 5. 4), толпа зрителей обступила его около курии (Paneg. 23. 2), задерживала движение императора, не использовавшего ликторов (Paneg. 76. 8), толпа на комициях пришла в движение (Paneg. 64. 1), даже толпа младенцев должна появиться на свет благодаря щедрой социальной помощи (Paneg. 28. 6), во время правления Траяна «двери государя не осаждаются толпою отвергнутых посетителей» (Paneg. 79. 6), толпа сенаторов на островах, служивших местом ссылки, сменяется толпой доносчиков (Paneg. 35. 2).

В чем причина такого различия? Прежде всего речь должна идти о разном характере текстов: «Панегирик» – риторическое сочинение, письма носят личный либо деловой (переписка с императором) характер. Turba писем – это «незаконное сборище»; аналогично употребляется turba в современных Плинию юридических текстах (см. ниже). Turba «Панегирика» – это вполне доброжелательно настроенный к императору народ. Соответственно и отношение к turba в письмах и в «Панегирике» прямо

---

[43] *Крюков А.С.* Устная традиция в «Анналах» Тацита // ВДИ. 1997. № 1. С. 139.

[44] Из 36 случаев у Тацита нет ни одного положительного контекста, а резко негативное отношение отмечается в 17 случаях. См. *Newbold.* Op. cit. P. 89.

[45] Цитаты даются в переводах М.Е. Сергеенко и А.И. Доватура (с некоторыми незначительными изменениями) по изданию из серии «Литературные памятники»: Письма Плиния Младшего / Изд. 2-е, подг. М.Е. Сергеенко, А.И. Доватур. М., 1982.

противоположно: решительное пресечение в первом случае и благожелательство и осыпание всевозможными благодеяниями – во втором.

Насколько же отличается употребление vulgus?

Vulgus для Плиния – не просто столпившаяся масса людей, но олицетворение простонародья, низкого, но необходимого элемента общества. Плиний может свысока относится к vulgus, но для достижения известности и славы должен заискивать перед этой полуграмотной массой[46].

Плиний в одном из писем описывает свое выступление перед земляками в Комо: «Я говорил эту речь не перед народом (populus), а перед декурионами, и не на площади, а в курии. Боюсь оказаться непоследовательным: при моем выступлении я хотел избежать громкого одобрения и согласия толпы (vulgus); теперь, издавая свою речь, я ищу его. А я ведь не пустил этот самый народ (plebs), о котором заботился, на порог курии, чтобы не показалось, будто я перед ним как-то заискиваю...» (Epist. I. 10. 16 sq.). Здесь vulgus синонимичен и плебсу, и коллективу граждан (populus), противопоставлен декурионам и обозначает народные массы, читающую публику; отрицательного оттенка в данном случае это слово не имеет, подчеркивая лишь вполне объективную социальную и интеллектуальную дистанцию между элитой и массой. Еще нагляднее эта дистанция проявляется в отношении Плиния к приверженцам цирковых партий («белых», «красных», «голубых», «зеленых»): «Если бы их еще привлекала быстрота коней или искусство людей, то в этом был бы некоторый смысл, но они благоволят к тряпке, тряпку любят... Такой симпатией, таким значением пользуется какая-то ничтожнейшая туника, не говорю уже о толпе (vulgus), которая ничтожней туники, но и у некоторых серьезных людей (graves homines)» (Epist. IX. 6. 2 sq.).

Описывая извержение Везувия и землетрясение в Кампании, Плиний подчеркивает свое хладнокровие, даже после гибели дяди (Epist. VI. 20. 2 sqq.). Однако его родные решили покинуть Мизен, и «за нами идет толпа людей, потерявших голову (sequitur vulgus attonitum) и предпочитающих чужое решение своему» (Epist. VI. 20. 7).

В «Панегирике» vulgus имеет то же значение, что и turba – это толпа восторженных почитателей императора (Paneg. 46. 5; 75. 3). Отношение Плиния к толпе достаточно «практично» и непредвзято. Ни vulgus, ни даже turba не стали для него объектом риторического осуждения, что отличается от точки зрения Тацита. Впрочем, сам жанр сочинений Плиния, возможно, и не требовал такого осуждения.

Жизнь и деятельность римских императоров была описана еще одним человеком из круга Тацита и Плиния Младшего – их младшим современником Светонием. Написанная им в начале II в. н.э. «Жизнь двенадцати царей», по мнению некоторых современных исследователей, не является ни образцом биографического жанра, ни вершиной политического анализа, хотя здравый смысл автора и компенсирует в какой-то степени вышеназванные недостатки[47]. Большинство ученых, среди которых наиболее авторитетные[48], высоко оценивает сочинение Светония. Для нас важнее рассмотреть отношение Светония к народной массе, к толпе, выявить специфику взгляда Светония в сопоставлении с сочинениями Тацита.

В труде Светония turba, в отличие от Тацита, употребляется более часто, нежели vulgus[49]. Turba обычно обозначает достаточно активно действующее сборище людей (например, Jul. 84. 3; Aug. 14; Cal. 14. 1; Claud. 10. 1, 12. 2, 18. 2, 27. 2; Galb. 18. 1, 19. 2; Vit. 7. 2). Подобное сборище могло даже представить угрозу для жизни императора (впрочем, случай, произошедший с императором Клавдием, скорее уникален для ранней Империи): «Однажды его самого среди форума толпа осыпала бранью и

---

[46] Как и у других авторов vulgo dicitur, vulgo loquebantur и т.п. обозначают у Плиния общее мнение, общераспространенное выражение (Epist. II. 3. 9; IV. 2. 2; VIII. 15. 1, 18. 1).

[47] См., например, *Baldwin B.* Suetonius. Amsterdam, 1983. P. 339.

[48] *Wallace-Hadrill A.* Suetonius. The Scholar and his Caesars. L., 1983.

[49] *Howard A.A., Jackson C.N.* Index verborum C. Suetoni Tranquilli. Cambr. Mass. – L., 1922. P. 253, 269.

объедками хлеба, так что ему едва удалось черным ходом спастись во дворец» (Claud. 18. 2. Пер. М.Л. Гаспарова). Иногда у Светония turba просто означает толпу, скопление людей (Jul. 79. 1; Aug. 40. 5, 53. 3, 98. 4; Cal. 4, 26. 4, 42, 58. 2; Ner. 2. 1; Galb. 17), редко turba (точнее, turbae) обозначает смуту, беспорядки (Jul. 20. 1; Tib. 4. 1).

Атрибутом turba (а не vulgus!) является толчея, давка (Jul. 39. 4); turba в данном значении обычно синонимична multitudo. Перечисляя знаменитых женщин из рода Клавдиев, Светоний отмечает одну из них, «которая была обвинена в оскорблении величия за то, что она, с трудом пробираясь на повозке сквозь густую толпу (multitudo), громко пожелала, чтобы ее брат Пульхр воскрес и снова погубил флот, и этим бы уменьшил в Риме сутолоку (turba)» (Tib. 2. 3)[50].

Светоний не использует turba для социальной характеристики низших слоев римского общества. К концу гражданских войн численность сената перевалила за тысячу, причем в него вошли люди, по мнению Светония, недостойные, в результате чего сенат «превратился в безобразную и беспорядочную толпу (deformi et incondita turba)» (Aug. 35. 1); совершенно естественно, что Август стремился покончить с таким положением. Те два места из биографии Калигулы, которые можно привести в подтверждение «социального значения» turba, при более внимательном рассмотрении не свидетельствуют в пользу подобного прочтения. Когда биограф сообщает о том, что Калигуле «была поручена высшая и полная власть по единогласному приговору сената и ворвавшейся в курию толпы (turba)» (Cal. 14. 1), то речь идет именно о сборище людей разного социального происхождения, которые оказались в курии. Описывая отношение Калигулы к разным сословиям (выше речь шла о сенаторах и всадниках), Светоний пишет: «Когда чернь (turba) в обиду ему рукоплескала другим возницам, он воскликнул: "О, если бы у римского народа (populus) была одна шея!"» (Cal. 30. 2). В данном случае под turba понимается именно сборище простонародья в цирке, но для обозначения рядовых римских граждан Светоний использует populus. Таким образом, turba не использовалась Светонием для социальной характеристики.

Рассмотрим немногочисленные употребления Светонием слова vulgus. О Цезаре Светоний говорит, что тот был причислен к богам «не только словами указов, но и убеждением толпы (non ore modo decernentium, sed et persuasione vulgi)» (Jul. 88), имея в виду низшие слои населения Рима. В биографии Нерона толпа (vulgus) специально отделяется от солдат (Ner. 21. 1); vulgus – это толпа, простонародье, и Нерон «ревновал ко всем, кто в чем бы то ни было возбуждал внимание толпы (qui quoquo modo animum vulgi moverent)» (Ner. 53), а в биографии Вителлия vulgus – это римские низы, которые хулили Вителлия (Vitel. 17. 2).

Таким образом, vulgus, в отличие от turba, имеет определенный социальный оттенок, однако никаких следов осуждения vulgus сочинение Светония не содержит. Vulgus у Светония также имеет значение общего мнения, обнародования, источника слухов и т.п. (например, Aug. 35. 1, 51. 1; Claud. 21. 5; Ner. 6. 4; Galb. 20. 2); Калигула в детстве был «так мил народу» (sic vulgo favorabilis) (Cal. 4).

Глагол vulgo и производные от него у Светония обычно обозначают распространение информации (официальным порядком либо посредством слухов – Aug. 70. 2, 94. 5, 94. 12; Tib. 66; Claud. 1. 1; Ner. 39. 2; cf. Gram. 8) и не имеют пейоративного оттенка. Биограф охарактеризовал как vulgatissimus (т.е. получившую широчайшую известность) шуточную песню, которую пели воины Цезаря на его триумфе (Jul. 49. 4)[51].

Итак, отношение Светония к vulgus решительно отличалось от тацитовского. Как было отмечено одним из исследователей творчества Светония, слово vulgus «обычно использовалось биографом во фразах, описывающих общераспространенные обычаи

---

[50] О феномене тесноты см. *Кнабе Г.С.* Метафизика тесноты. Римская империя и проблема отчуждения // ВДИ. 1997. № 3. С. 73–76.

[51] Причастие vulgatissimus использовалось также для обозначения проституток самого низкого пошиба (Domit. 22).

или общеизвестный факт»[52]. Но этот феномен нельзя рассматривать изолированно: Светонию было совершенно несвойственно тацитовское презрительное отношение к низам общества, и он не использует совсем столь любимые Тацитом выражения как promisca multitudo, fanatica multitudo, vernacula multitudo и т.п.[53] Поэтому семантический анализ, который столь тщательно провел Цви Явец[54], приложим именно к Тациту, но никак не к Светонию. Хронологическая близость обоих авторов не должна вводить в заблуждение: в своем презрении к vulgus Тацит очень схож с Цицероном, Саллюстием, Горацием, отношение же к vulgus Светония очень напоминает отношение Курция Руфа и Плиния Младшего. Необходимо отметить и отличие тацитовской аудитории от светониевской[55]. Мы вновь видим противостояние двух традиций – риторически оформленной традиции презрения к черни образованной сенатской элиты и традиции спокойного (можно сказать, делового) отношения к проблеме взаимоотношения власти и низов (прежде всего – plebs urbana).

Но чтобы расставить все необходимые акценты, следует обратиться к римскому праву, к Дигестам. Право консервативно, и может отражать реалии как современной, так и предшествующей эпохи. К тому же правовые тексты почти не подвержены влиянию риторики, и слова в них «имеют свою собственную цену». Как справедливо отмечал В.М. Смирин, римские юристы пользовались вполне обычным языком[56], но словоупотребление у них в силу специфики жанра более терминологично, и не случайно титул 16-й 50-й книги Дигест так и называется – «De verborum significatione». В этом титуле приводится краткое определение плебса, восходящее к Гаю: «*Plebs* est ceteri cives sine *senatoribus*» (D. 50. 16. 238).

Достаточно определенное значение имеет в Дигестах и turba. Иногда turba обозначает множество людей, но как бы «излишнее множество». Помпоний, обозревая причины изменений в римском государственном строе, писал: «Затем, поскольку было трудно плебсу, а еще сложнее всем гражданам собираться в такую людскую толпу, именно необходимость привела к передаче власти в государстве сенату» (Deinde quia difficile plebs convenire coepit, populus certe multo difficilius in tanta turba hominum, necessitas ipsa curam rei publicae ad senatum deduxit) (D. 1. 2. 2. 9). В другом месте он писал о большой толпе перегринов (multa turba peregrinorum) в Риме, что вызвало необходимость создания специального претора по делам перегринов (D. 1. 2. 2. 28). Гораздо чаще, однако, turba используется как terminus technicus, обозначающий и беспорядки, и преступное сообщество (шайку), состоящее не менее чем из 10–15 человек. Наиболее показателен в этом смысле титул 8-й 47-й книги Дигест «Vi bonorum raptorum et de turba». В нем дается и качественное (противозаконное сборище, причем turba согласно, очевидно, народной этимологии, возводится к греческому θορυβεῖν)[57], и количественное определение понятию turba[58].

Определения vulgus мы в Дигестах не находим, и это неудивительно: что может быть более неопределенно и менее подходяще для правового сознания, чем понятие толпы, множества. Наречие vulgo обозначает нечто общепризнанное, всеобщее[59];

---

[52] *Baldwin*. Op. cit. P. 341.

[53] Ibid. P. 342.

[54] *Yavetz*. Plebs and Princeps. P. 141 ff.

[55] «Идеальный читатель Тацита – это, несомненно, сенатор. Читатель Светония – не таков, но это и не человек с улицы» (*Wallace-Hadrill*. Op. cit. P. 24). Светониевские биографии – не альтернативный (по отношению к Тациту) тип исторического сочинения, но ученый труд, имевший целью информировать читателя безо всяких претензий на морализаторство (ibid. P. 25).

[56] «Ни специальные технические выражения, ни устойчивые формулы не были необходимы римским юристам для адекватного описания правовых ситуаций или изложения каких-нибудь правил древнего права» (*Смирин В.М.* Сравнение со смертью в языке римских юристов // ВДИ. 1996. № 1. С. 137).

[57] Turbam autem apellatam Labeo ait ex genere tumultus idque verbo ex Graeco tractum ἀπὸ τοῦ θορυβεῖν (Ульпиан, D. 47. 8. 4. 2).

[58] Двое, трое, четверо – не turba, 10–15 человек – это уже turba (Ульпиан, D. 47. 8. 4. 3). Таким образом на уровне правовой литературы решается извечная философская проблема «кучи».

[59] Quod vulgo dicitur – D. 43. 16. 1. 25; vulgo receptum est – D. 22. 1. 2.

соответственно прилагательное vulgaris обозначает обычное, общераспространенное действие[60], а vulgaris mulier – проститутку[61].

На весь корпус Дигест приходится всего несколько употреблений существительного vulgus[62]. Vulgus рассматривается и Гаем (D. 41. 1. 9. 7), и Ульпианом (D. 9. 3. 1. 2) как безликая толпа прохожих, которой можно нанести вред, швыряя в нее сверху разнообразные предметы (Ульпиан), либо облагодетельствовать какой-то собственностью, очевидно, во время раздач (Гай). Vulgus выражает общее мнение: «Почти все называют родственников четвертой степени родства кузенами» (sed fere vulgus omnes istos communi apellatione consobrinos vocant) (Гай, D. 38. 10. 1. 6). И, наконец, мнение этого большинства воспринималось римскими юристами как некий эталон обыденности, обычности: на vulgi sermone ссылается Помпоний (D. 50. 16. 162. 1), свое мнение профессионала-юриста противопоставляет vulgus opinatur Павел (D. 21. 2. 56).

Таким образом, в языке римских юристов vulgus не несет отрицательных коннотаций; это добропорядочное, хоть и обнищавшее сборище можно облагодетельствовать мелкими подачками, решительно противостоять же нужно разбойничающей и устраивающей беспорядки turba. Удавалось это не всегда. Жертвой такой агрессивной толпы своих подчиненных и стал в 223 г. Ульпиан.

Итак, подведем некоторые итоги. Слово vulgus появляется у латинских авторов II в. до н.э. (Теренция, Акция, Луцилия и др.); как обозначение простонародья оно частично заменяет plebs. Пока социальная структура Рима не испытывала потрясений, отношение к vulgus пренебрежительно нейтрально. Ситуация меняется с наступлением эпохи гражданских войн, когда низшие слои римского гражданства начинают принимать активное участие в политической борьбе. Опасность потери власти была причиной того, что на vulgus обрушивают свою ненависть boni – защитники римской олигархии. В сочинениях Корнелия Непота, Саллюстия, Катулла и Горация (а в меньшей степени – Акция и Цицерона) противопоставление vulgus и boni (potentes) становится риторическим штампом. Такое противопоставление было характерно только для этих авторов, и в сочинениях других авторов I в. до н.э. (Лукреций, Цезарь, Вергилий, Тит Ливий) vulgus рассматривается вполне спокойно.

С установлением императорской власти vulgus в лице римского plebs urbana приобретает стабильное место в обществе, и раздражение вызывают лишь некоторые эксцессы, при описании которых обычно употребляется слово turba. Совершенно нейтральное отношение к vulgus мы можем наблюдать в сочинениях Курция Руфа, Лукана, Сенеки и даже Петрония.

Только Тацит в стремлении восстановить утраченную идиллию сенатской республики обрушивается на vulgus, которой потакали императоры. Но это лишь заключительный аккорд сенатской традиции, своеобразная «риторическая ностальгия». Его современники Плиний Младший и Светоний были в этом вопросе значительно более бесстрастными. Отношение к vulgus в Дигестах также нейтрально, при этом решительное неприятие вызывает turba, которая приобретает даже значение шайки разбойников.

Vulgus – не «социальный термин», не terminus technicus. В I в. до н.э. vulgus стало бранным словом у части римской элиты, пытавшейся поставить риторический барьер между «нами, образованными, которые у власти» и основной массой населения (мы – другие, мы – не vulgus). Новая власть, однако, числила vulgus в числе своих опор, и не случайно не только Цезарь и вполне лояльные новой власти Плиний Младший, Курций Руф и Светоний, но и сенатский оппозиционер Лукан не стремились осуждать

---

[60] Например, vulgaris modo – «обычным образом» (Африкан, D. 30. 109).

[61] *Gai*. 1. 64; 1. 69; 1. 91: речь идет о незаконнорожденных детях, quos mater vulgo concepit. См. также *Berger A*. Encyclopedic Dictionary of Roman Law // Transactions of the American Philosophical Society. 1953. 43. 2. P. 771.

[62] Vocabularium iurisprudentiae Romanae. T. V. B., 1939. Sp. 1463. В «Институциях» Гая vulgus не встречается; несколько раз употребляется это слово также в более позднем «Кодексе Юстиниана». См. *Mayr R*. Vocabularium Codicis Iustiniani. V. I. Prag, 1923. Sp. 2571 f.

«невежественную толпу». Знаменитая Vulgata (латинский перевод Библии) перекликается с луцилиевским хором, но не с саллюстиевско-горациевской чернью.

Такое отношение к толпе, ὄχλος, совершенно невозможно представить в Греции. Но охлос – это деградировавший полновластный демос, в Риме же vulgus изначально не обладала реальной властью. Существование vulgus – специфика Рима, и это нашло отражение в сочинениях римских авторов.

С.Г. Карпюк

VULGUS AND *TURBA:* MOB IN CLASSICAL ROME

S.G. Karpyuk

The aim of the article is to consider the attitude of the Roman authors of the classical period towards the mob, their use of the words *vulgus* and *turba*. There is a common opinion about the pejorative attitude of the Roman authors towards *vulgus*, but this conclusion is based on the analysis of individual authors, rather than on the corpus of texts.

The word *vulgus* first appears in the works of the authors of the 2nd c. B.C. as the definition of common people and partly replaces *plebs*. For the first Roman comedy writers *vulgus* is an unfamiliar and seldom used word, denoting something where in public opinion originates without a pejorative connotation. *Turba* is more familiar to them, it denotes commotion, disorder, concentration of people (with sometimes a pejorative connotation). As long as the social structure of Rome did not experience upheavals, the attitude towards *vulgus* was disdainfully neutral. The situation changed with the advent of the epoch of civil wars when the lower strata of Roman citizens began to take an active part in the political struggle. The danger of losing power was the reason for the hatred of the «old» *boni*, defenders of the Roman oligarchy, to *vulgus*. For Sallustius and Catullus (and to a lesser extent for Accius and Cicero) the opposition of *vulgus* and *boni* (*potentes*) became a rhetorical cliché. Such an opposition was typical only of that social milieu, and in the works of the other authors of the 1st c. B.C. *vulgus* is treated quite neutrally. Unlike Sallustius, Caesar used *vulgus*, with one exception, neutrally. It is not surprising: Caesar appealed to this *vulgus* and sought to win its sympathies.

With the establishment of the emperors' power, *vulgus* represented by the Roman *plebs urbana* acquired a stable place in society and only some excesses, which aroused indignation on the part of some authors, made them use the word *turba*. We can find a completely neutral attitude towards *vulgus* in the works of Seneca and even of Petronius. Only Tacitus attempting to restore the lost idyll of the senate republic denounces *vulgus* catered to by the emperors. But it was the final accord of the senate tradition, a peculiar «rhetorical nostalgia». His contemporaries, Pliny the Younger and Suetonius, were far more impartial. We can see again the opposition of two traditions – a rhetorically expressed contempt for the mob on the part of the educated senate elite and a bureaucratically calm (one can say businesslike) attitude towards the relationship between those who had power and the low strata (first of all, *plebs urbana*).

In Digestae *vulgus* has no pejorative connotation; this well-behaved, if impoverished, group can be made happy with insignificant hand-outs; it is the riotous and looting *turba* that should be resolutely rebuffed.

Vulgus is not a social term. Nor is it terminus technicus. In the 1st c. B.C. *vulgus* became a swearword of the part of the Roman elite trying to put up a rhetorical barrier between «us, well-educated, holding power» and the main population (we are different, we are not *vulgus*). The new power, however, considered *vulgus* among its supporters, and it is not accidental that not only Caesar, and loyal to the new power Pliny the Younger and Suetonius, but also Lucan, a senate oppositionist, did not seek to denounce «the ignorant mob». Name of the famous Vulgata (the Latin translation of the Bible) has a lot in common with the Lucilius' choire, but not with the Sallustius-Horace riff-raff.

It is impossible to imagine this kind of attitude to ὄχλος in Greece. *Ochlos* is degenerating but full-powered *demos*, whereas *vulgus* in Rome initially has no real power. The existence of *vulgus* is a specific feature of Rome, and this fact is reflected in the works of Roman authors.

© 1997 г.

К ИЗУЧЕНИЮ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ВОСТОЧНОЙ ПАРФИИ

(*По археологическим данным*)

Высокий уровень развития музыкальной культуры Парфии нашел отражение как в письменных источниках, так и в сфере музыкальной археологии. Отрывочные сведения античных авторов по мере накопления новых данных все больше материализуются в находках археологов, уточняя и обогащая представления о развитых и разнообразных формах музыкального искусства Парфии. Музыкальные инструменты парфян – флейта, труба, барабан, самбука (арфа), перечисленные Геродианом[1], представляют собой разнотипный инструментарий, запечатленный художниками в скульптурных произведениях: в западнопарфянских терракотах, на рельефах Хатры[2], в ольвийских пластинках-обкладках позднепарфянских ритонов III–IV вв. н.э.[3], воспроизводивших реальных участников дворцовых танцевально-акробатических зрелищ, помпезная торжественность которых подчеркнута введением эллинистических образов – музицирующих Эротов (рис. 1). В этих сохранившихся археологических находках зримо оживает искусство менестрелей (поэтов, певцов, сказителей, музыкантов), процветавшее при дворах парфянской знати, где и начинается его история[4]. Творчество менестрелей впоследствии достигло вершины в мастерстве знаменитого музыканта Борбада, по мнению ряда ученых, уроженца древнего Мерва[5].

Тесная связь музыкального искусства с придворным церемониалом подтверждается данными парфянской нумизматики. Уникально само по себе помещение музыкальных инструментов на реверсах монет Аршакидов. Термин Страбона «азиатская кифара», указывающий на давнее бытование на Востоке этого популярного в Греции инструмента, вполне можно принять за название лиры, изображенной на обороте монет Фриапата, сына Аршака, правившего во II в. до н.э.[6]

Парфянской знатью были восприняты античные традиции театрального искусства. Об этом свидетельствуют открытый в Вавилоне театр, театроподобные помещения при храмах в Дура-Европос (где исполнялись священные танцы и песни[7]), а также сообщения древних авторов о постановках трагедий Еврипида[8] и об участии в триумфальных шествиях трубачей вместе с актрисами-гетерами, высмеивающими в песнях побежденных римлян. Плутарх, касаясь военной музыки парфян, описывает барабаны-литавры, обтянутые кожей, кругом обвешанные медными погремушками, издававшие низкий устрашающий звук, подобный звериному реву и раскату грома. Оглу-

---

[1] *Herodian*, IV, 11, 3. Ссылка на Геродиана дается по изданию: *Rawlinson G.* The Sixth Great Oriental Monarchy. L., 1873. P. 422. См. *Массон М.Е., Пугаченкова Г.А.* Парфянские ритоны Нисы // ТЮТАКЭ. 1954. Т. IV. С. 214.

[2] *Subhi Anwar Rashid.* Mesopotamien Musikgeschichte in Bildern. Bd. II. Musik des Altertums. Lief. 2. Lpz, 1984. Abb.154–202.

[3] *Фармаковский В.В.* Раскопки в Ольвии // Отчеты Императорской археологической комиссии за 1906 г. СПб., 1909. С. 40–44; *Pharmakowsky W.* Archäologische Funde in Jahre 1906 // Südrussland. Beiblatt zum Jahrbuch des Arch. Inst. XII. 1907. S. 147–153; *Chirshann R.* Notes iraniennes V. Scènes de banquet sur l'argenterie Sassanide // Artibus Asiae. V. XVI. 1//2.MCMLIII. P. 55, 56, Fig. 8.

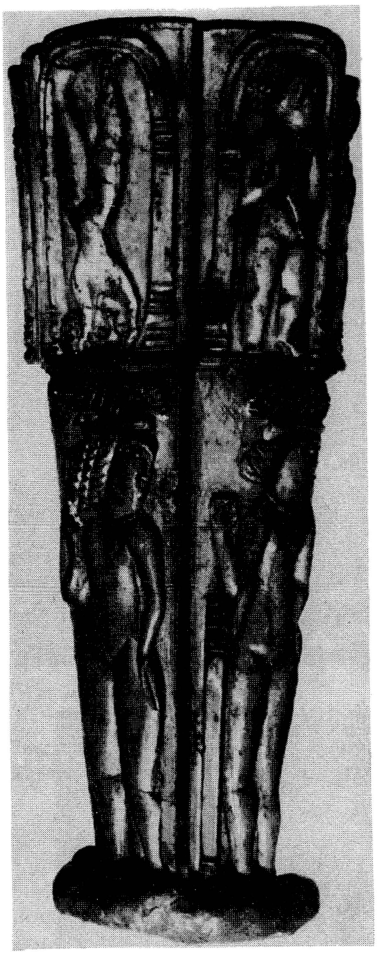
[4] *Boyce M.* The Parthian Gōsan and Iranian Minstrel Tradition // JRAS. 1957. Pt. 1, 2.

[5] Борбад, эпоха и традиции культуры. Душанбе, 1989; Борбад и художественные традиции народов Центральной и Передней Азии. История и современность. Тез. док. и сообщ. Душанбе, 1990.

[6] *Markoff A.* Les monnaies des rois parthes. M., 1877. № 34 (Phraapates); *Массон, Пугаченкова.* Ук. соч. С. 212.

[7] *Кошеленко Г.А.* Культура Парфии. М., 1966. С. 155.

[8] *Массон М.Е.* Народы и области южной части Туркменистана в составе Парфянского государства // ТЮТАКЭ. 1955. Т. V. С. 59 сл.



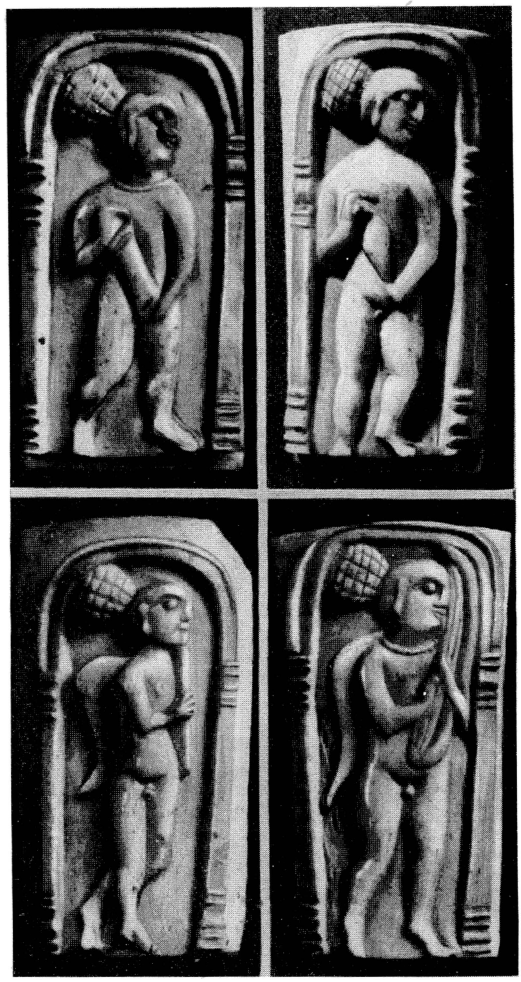


Рис. 1. Ольвийские пластинки-обкладки позднепарфянских ритонов II–IV вв. н.э.

шительными звуками таких бесчисленных литавр, криками и песнями воинственные парфяне нагоняли страх на римлян, ожидающих начала битвы[9].

В последние десятилетия представления о музыкальной культуре парфян значительно расширились благодаря открытиям на территории Южного Туркменистана – коренных восточных парфянских землях. Конкретный материал позволил прийти к заключению о том, что процесс формирования высокоразвитой музыкальной культуры Парфии был многофакторным, основанным на взаимодействии эллинистических эталонов и восточных компонентов.

В Парфиене осваивались античные традиции театрального искусства, на городище Старая Ниса обнаружена форма для декоративной комической театральной греческой маски мима[10]. Ритоны Нисы, хотя и спорные по происхождению (М.Е. Массон и

---

[9] *Plut.* Crass. 23; 26.

[10] *Массон М.Е.* Некоторые итоги работ ЮТАКЭ и перспективы археологического изучения Южного Туркменистана // Изв. АН ТуркмССР. 1951. № 1. С. 93.

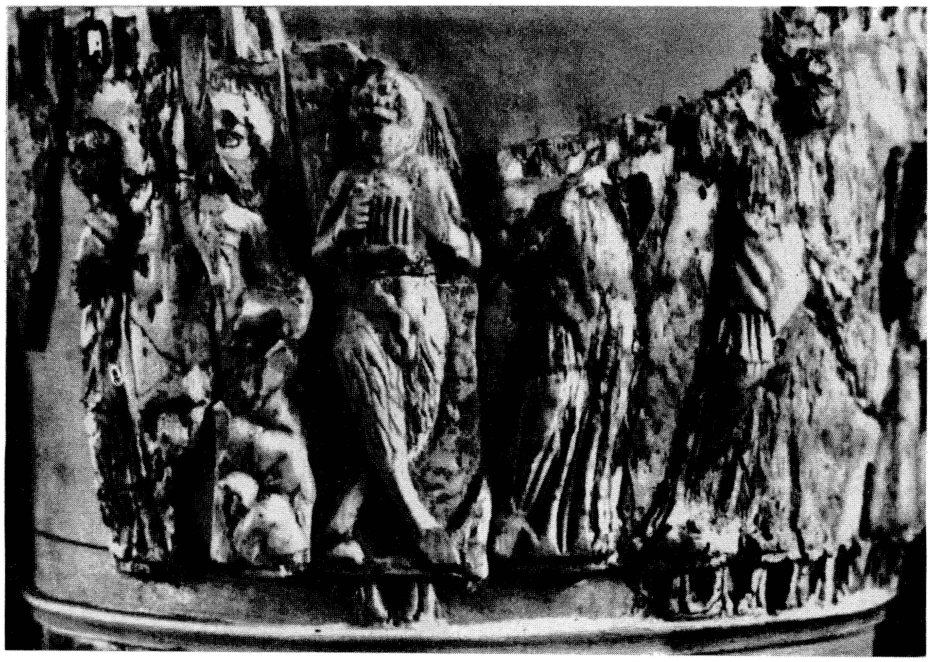


Рис. 2. Дионисийские сцены нисийских ритонов с участием Сатира и музыканта, играющих на сиринксе (флейте Пана)

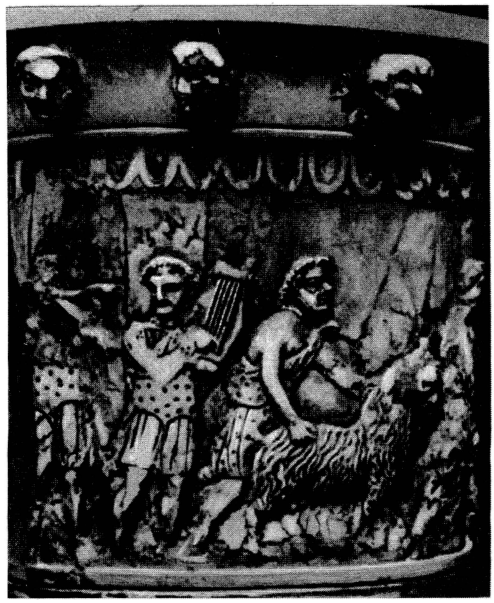


Рис. 3. Дионисийские сцены нисийских ритонов: *1*. Танец вакханки под аккомпанемент бубна. *2*. Сцена жертвоприношения с участием авлетиста и кифариста

Г.А. Пугаченкова, Г.А. Кошеленко считают их парфянскими[11], Р. Гиршман, Т.В. Сергеева, П. Бернар – бактрийскими или гандхарскими[12]), так или иначе отражают восприятие греческой музыкальной культуры ранними Аршакидами (рис. 2, 3). Восточноэллинистический синтез инструментария, запечатленный на нисийских ритонах, воплотился в терракотах Западной Парфии (Селевкии на Тигре, Варки, Ниппура)[13]. Западно-парфянские статуэтки представляют аналогичный состав музыкального инструментария, включающего наряду с переднеазиатской длинной лютней кифару, сиринкс, авлос и бубен, которые, придя с Востока, стали типичными греческими музыкальными инструментами[14]. Подробный анализ этих инструментов приведен в специальных трудах М.Е. Массона, Г.А. Пугаченковой и Т.С. Вызго[15], в которых

---

[11] *Массон, Пугаченкова*. Ук. соч.; *Пугаченкова Г.А*. К проблеме изучения искусства Северной Парфии и Северной Бактрии // ОНУ. 1964. № 6. С. 53; *Кошеленко*. Ук. соч. С. 40–42.

[12] Цит. по ст.: *Пилипко В.Н., Кошеленко Г.А*. Северная Парфия // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985. С. 224. См. приведенную литературу.

[13] *Ingen W*. Figurines from Seleucia on the Tigris // University of Michigan Press. Numismatic Series XLV. Ann Arbor – London, 1939; *Ziegler Ch*. Die Terrakotten von Warka // Ausgrabungen des Deutschen Forschungsgemeinschaft in Uruk-Warka. Bd. 6. B., 1962; *Legrain C*. Terracottas from Nippur // University of Pennsylvania, the University Museum. Publications of the Babylonian Art. V. XVI. Philadelphia, 1930.

[14] *Вызго Т.С*. Музыкальные инструменты Средней Азии. Исторические очерки. М., 1980. С. 31.

[15] *Массон, Пугаченкова*. Ук. соч. С. 211–215; *Вызго*. Музыкальные инструменты ... С. 27–34; *Vyzgo T.S*. Ostparthien // *Karomatov F.M., Meškeris V.A., Vyzgo T.S*. Mittelasien / Unter Mitarbeit von A. Häisler, A. Mal'keeva (Musikgeschichte in Bildern. Bd. II. Musik des Altertums. Lief. 9). Lpz, 1987. S. 11–15 (далее – Mittelasien).

выявлены генетические связи и миграционные процессы в формировании восточно-эллинистического инструментария.

В этом анализе особый интерес представляет замечание Т.С. Вызго[16] о том, что не все инструменты, изображенные на ритонах, были заимствованными из переднеазиатского и эллинистического мира и что некоторые из них, очевидно, веками существовали в быту скифских племен, одной ветвью которых были протопарфяне, пришедшие, по утверждению античных авторов, с севера – из Скифии[17]. Юлий Полидевк, автор II в. н.э., сообщая о музыкальной культуре скифов, выделяет два типа музыкальных инструментов (Polyd. IV. 76): пятиструнный хордофон, видимо, кифару, на которой играли плектром, и примитивные флейты, сделанные из костей орлов и коршунов. Музыка и танец в ритуальной обрядности скифо-сакских племен нашли отражение в иконографических материалах. На бляшках из курганов Куль-Оба, Большая Близница изображены танцовщицы, на росписи склепа Неаполя скифского – танец с тимпаном. В церемониальной сцене с возлияниями и песнопениями на сахновской пластинке участвует музыкант, играющий на кифаре. О развитой инструментальной музыкальной культуре алтайских саков свидетельствуют находки в Пазырыкских курганах самих инструментов – арф и барабанов[18].

И.М. Вызго-Иванова ставит вопрос о причастности скифов к распространению танбуровидного инструмента с длинным грифом, который греки называли пандура. Греческая скульптура IV в. до н.э. «Муза с пандурой» (чуждым для греческой среды музыкальным инструментом) представляет собой уникальный пример восприятия греками иноземных традиций[19]. Длинная нисийская лютня с каплевидной декой, аналогичная лютне западнопарфянских терракот, не свойственна ни для греко-римского мира, ни для Средней Азии. Косвенно ее лишь можно сопоставить с длинной хорезмийской двухструнной лютней, которая, однако, сильно отличается от нисийской угловатым рубленым корпусом[20].

Наряду со скифским элементом в музыкальном инструментарии нисийских ритонов прослеживается генетическая связь с архаической музыкальной культурой индоевропейской общности. Древнейшие истоки усматриваются в изображении искривленной длинной трубы, завершенной на конце изображением головы животного (по-видимому собаки) в руках жреца в сцене жертвоприношения[21]. Подобный инструмент был известен в кельтской среде[22] и вполне мог быть принесен в Иран арийцами. На одной из ваз IV в до н.э. изображены греческие и персидские воины-музыканты, трубящие в длинные прямые трубы и в изогнутые горны типа карная, т.е. в военные инструменты мифологических царей Шах-наме[23]. Однако эти древнейшие истоки

---

[16] *Вызго.* Ук. соч. С. 33.

[17] *Абаев В.И.* К вопросу о прародине и древнейших миграциях индоиранских народов // Древний Восток и античный мир. М., 1972. С. 34.

[18] *Латышев В.В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1948. № 2. С. 265 сл.; *Artamonov M.* Goldschatz der Scythen. Prag–Leningrad, 1970. Ill. 234, 266, 267; *Бабенчиков В.П.* Неаполь скифский: Автореф. дис. ... канд. ист. наук.. Киев, 1957. С. 11; *Раевский Д.С.* Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977. С. 99, 152. Рис. 9; Mittelasien. Abb. 32–37; *Lawergren B.* The Ancient Harp from Pazyryk // Beiträge zur allegemeinen und vergleichenden Archäologie. Bd. 9–10. Mainz am Rhein, 1990. S. 111–118. Taf. 57–61; The Ancient Harp of Pazyryk: a Bowed instrument? // Foundations of Empire, Archaeology and Art of the Eurasian Steppes. Gary Seamon and University of Southern California. Los Angeles, 1992. P. 101–117.

[19] *Вызго-Иванова И.М.* К проблеме генезиса и исторических взаимодействий музыкальных культур народов Евразии // Исторические взаимосвязи музыкальных культур. Сб. науч. тр. СПб., 1992. С. 53; *Wegner M.* Griechenland // Musikgeschichte in Bildern. Bd II. Musik des Altertums. Lief. 4. Lpz, 1986. Abb. 67. S. 106.

[20] *Садоков Р.Л.* Загадочные глиняные музыканты // СЭ. 1971. № 3. С. 120–131; *он же.* Музыкальная культура древнего Хорезма. М., 1970. С. 83–84.

[21] *Массон, Пугаченкова.* Ук. соч. С. 214.

[22] *Mallory J.P.* In Search of the Indo-Europeans. Language, Archaeology and Myth. L., 1990,. P. 172 f. Ill. 11, 20.

[23] *Farmer H.G.* An Outline History of Music and Musical Theory // A Survey of Persian Art. V. III. L. –N.Y., 1939. P. 2785 f.

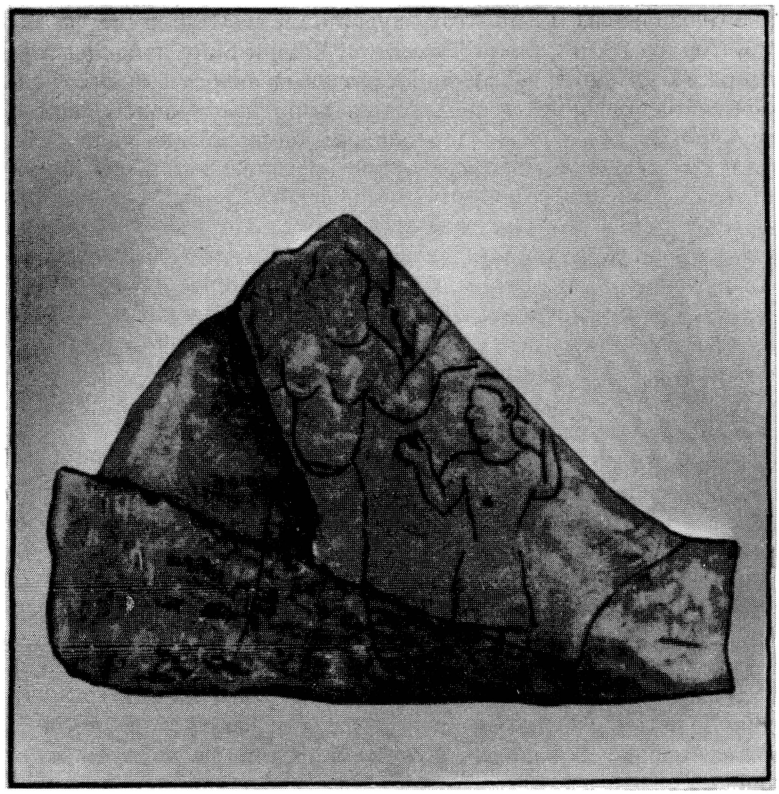


Рис. 4. *1*. Статуэтка обнаженного музыканта, играющего на короткой лютне округлой формы (Гяур-кала). *2*. Погребальный танец на фрагменте оссуария из Байрам-Али

музыкального искусства Парфиены, уходящие корнями в индоевропейский пласт культуры, не являются определяющими, так как ритоны представляют собой типичные восточноэллинистические произведения. Процесс освоения эллинистических традиций в музыкальной культуре Парфиены на раннем этапе может рассматриваться как всеобщий. Если раньше исследователи нисийских ритонов в основном базировались на привлечении археологических материалов самой Греции и древнего Востока, то теперь открывается перспектива синтезированного изучения взаимодействия восточных и эллинистических тенденций в музыкальной культуре Средней Азии на местных материалах постахеменидской и парфяно-кушанской эпохи во всей совокупности. Трансформированные греческие инструменты – кифара, лира, сиринкс, авлос нисийских ритонов – обнаружены в других историко-культурных областях Средней Азии.

В Хорезме, в слое IV в. до н.э. Кой-Крылган-калы найдена статуэтка музыканта с кифарой или, скорее, сиринксом[24]. Богата материалами эллинизированная Бактрия: в

---

[24] *Воробьева М.Г.* Памятники искусства. Терракоты, рельефы и алебастровые статуэтки // Кой-Крылган-кала – памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н.э. – IV в. н.э. М., 1968. С. 184. Табл. XXVIII, 32; *Садоков Р.Л.* Музыкальная культура древнего Хорезма. С. 85, 86; см. *Мешкерис В.А.* Коропластика Средней Азии IV–III вв. до н.э. – VII–VIII вв. н.э. (периодизация, типология, динамика стилей): Дис... д-ра ист. наук. М., 1992. С. 50; *она же*. Античные параллели в музыкальной культуре Средней Азии // КСИА. 1993. 209. С. 24–25.

Тахти-Сангине обнаружены бронзовая фигурка Силена-Марсия II в. до н.э., медная – Эрота с лирой (I в. н.э.)[25], в Старом Термезе и Шахри-Бану найдены терракотовые статуэтки сатира и музыкантши[26] с длинноствольным авлосом, аналогичным авлосу парфянских ритонов, который отличается от короткоствольной двойной флейты музыкантши Айртамского фриза. Персонажам дионисийских сцен ритонов Нисы близки статуэтки Зар-тепе и Кампыр-тепе с многоствольной флейтой Пана (сиринксом)[27]. Нисийские бубен-дойра и кимвалы также находят аналогии в Бактрии, на Айртамском фризе и в терракотовой статуэтке с Барат-тепе[28]. Крылатый Эрот с вертикальной флейтой позднепарфянского ольвийского ритона обнаруживает неожиданные параллели с Эротами Тахти-Сангина (один из которых играет на кифаре)[29] и крылатым Эротом-музыкантом росписей реликвария из Кучи Восточного Туркестана[30]. Таким образом, как показывает сопоставительный анализ, музыкальные сюжеты нисийских ритонов вписываются в общее русло взаимообогащающих процессов, происходивших на раннем этапе формирования музыкальной культуры эллинистического Востока.

В отличие от Парфии, музыкальная культура Маргианы испытывала слабое воздействие эллинистических влияний, сказавшееся в редких терракотах Гяур-калы, в раннепарфянских статуэтках вакхических менад, свободной пластикой танцевальных поз напоминающих участниц дионисийских сцен ритонов Нисы[31]. На скудном материале археологии Маргиана представляет собой центр самобытного лютневого инструментария и погребальной обрядности, включавшей элементы мусических искусств.

На сотни терракот Гяур-калы приходится всего лишь пять статуэток музыкантов, опубликованных В.Н. Пилипко[32]. Две статуэтки воспроизводят двухструнную лютню с округлой декой (рис. 4, *1*), аналогичную трех- или черырехструнной согдийской, изображенной на терракотах Афрасиаба, и бактрийской (с неизвестным количеством струн из-за плохой сохранности), воспроизведенной в скульптуре Халчаяна[33]. Лютня третьей статуэтки музыканта в кушанском кафтане – гитарообразная[34], близка по форме лютне Айртамского фриза и бактрийских статуэток (Сариасия, Будрач)[35]. Этот маргианский образец свидетельствует о тесных контактах в области музыкального творчества в парфяно-кушанской среде, охватывающей не только Бактрию, но и Гандхару, где гитарообразная лютня с талией также была одним из типичных инструментов. Появление аналогичной лютни в росписи Мирана III в. н.э. связано с

---

[25] *Литвинский Б.А., Виноградов Ю.Г., Пичикян И.Р.* Вотив Атросока из храма Окса в Северной Бактрии // ВДИ. 1985. № 4. С. 84–110; *Литвинский Б.А., Пичикян И.Р.* Кушанские Эроты // ВДИ. 1979. № 2. С. 89–109; *Пичикян И.Р.* Культура Бактрии. М., 1991. С. 160–172.

[26] *Вызго Т.С., Мешкерис В.А.* Терракотовые фигурки музыкантов из Термеза // ОНУ. 1983. № 2. С. 29–34; *Carl J.* Fouilles dans le site de Shahr-i-Banu et sondage au Zakar-tepe // MDAFA. 1959. VIII. P. 59–73.

[27] *Завьялов В.А., Мешкерис В.А.* Бактрийские музыканты с флейтой Пана // ОНУ. 1985. № 1. С. 52–65; Mittelasien. Abb. 75.

[28] *Пугаченкова Г.А.* Искусство Бактрии эпохи Кушан. М., 1979. Илл. 227; Mittelasien. Abb. 68.

[29] *Литвинский, Пичикян.* Ук. соч. С. 90–94. Рис. 4; *Пичикян И.Р.* Городище Тахти-Сангин // Древности Таджикистана. Каталог выставки. Душанбе, 1985. № 225–230. С. 94–95; Mittelasien. Abb. 64.

[30] *Bussagli M.* Central Asian Painting. L., 1978. P. 86.

[31] *Пугаченкова Г.А.* Коропластика Мерва // ТЮТАКЭ. 1962, Т. XI. С. 123. Рис. 3; *Она же.* Искусство Туркменистана. М., 1967. С. 75, 76. Илл. 53; *Ремпель Л.И.* Терракоты Мерва и глиняные статуи Нисы // ТЮТАКЭ. 1949. Т. I. С. 349.

[32] *Пилипко В.Н.* Терракотовые статуэтки музыкантов из Мерва // ВДИ. 1969. № 2. С. 101–193; Mittelasien. Abb. 52, 53.

[33] *Пугаченкова Г.А.* Девушка с лютней в скульптуре Халчаяна // Культура античного мира. М., 1966. С. 214–223.

[34] *Пилипко.* Ук. соч. С. 103. Рис. 2,2.

[35] *Мешкерис В.А.* Три новых памятника коропластики Бактрии (переднеазиатские параллели) // КСИА. 1985. 182. С. 63–66; Mittelasien. Abb. S. 63.

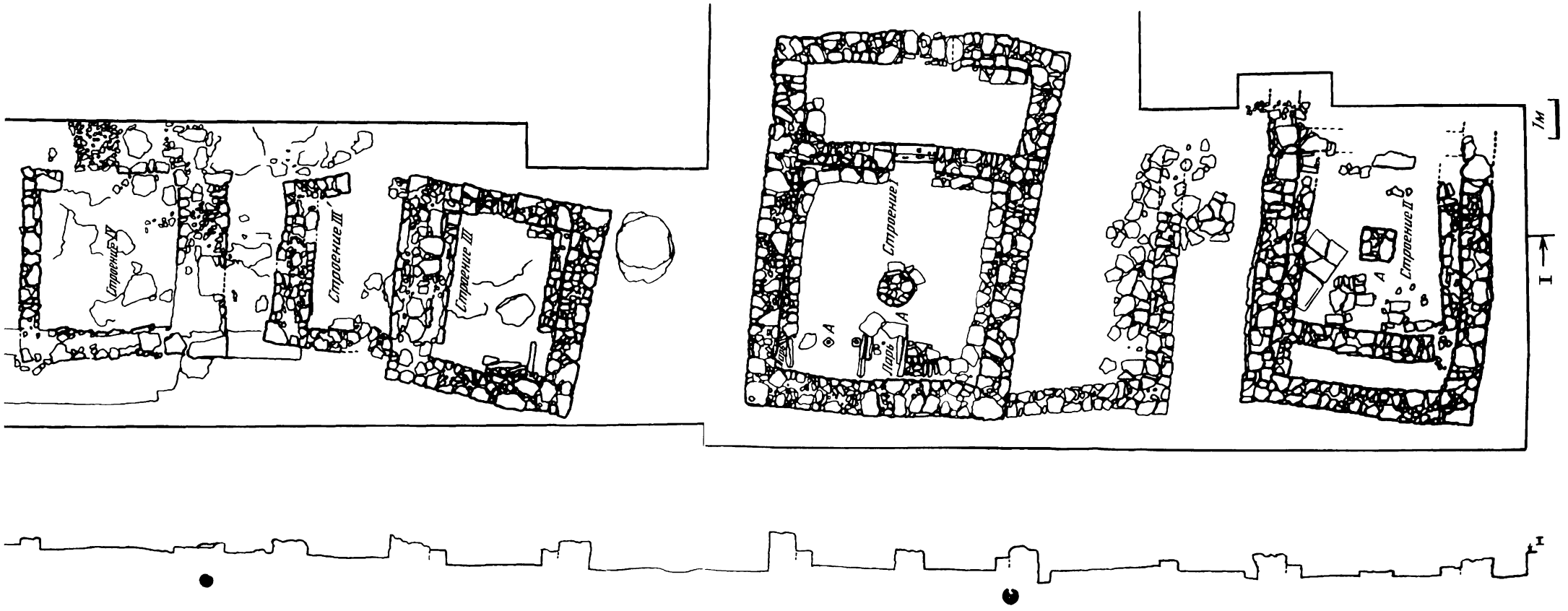


Рис. 2. Общий план раскопа «восточный комплекс»

А.А. Масленникова)

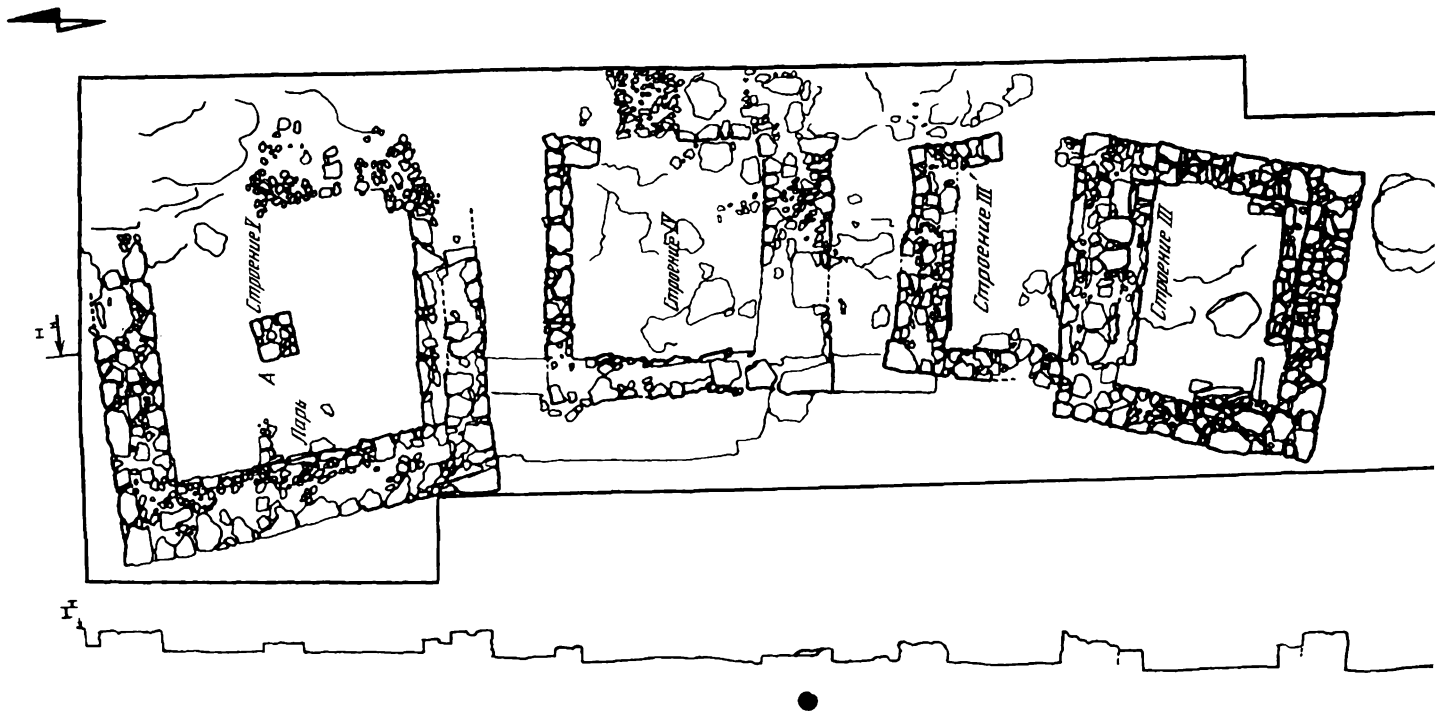


Рис. 2. Общий план раскопа «восточный к

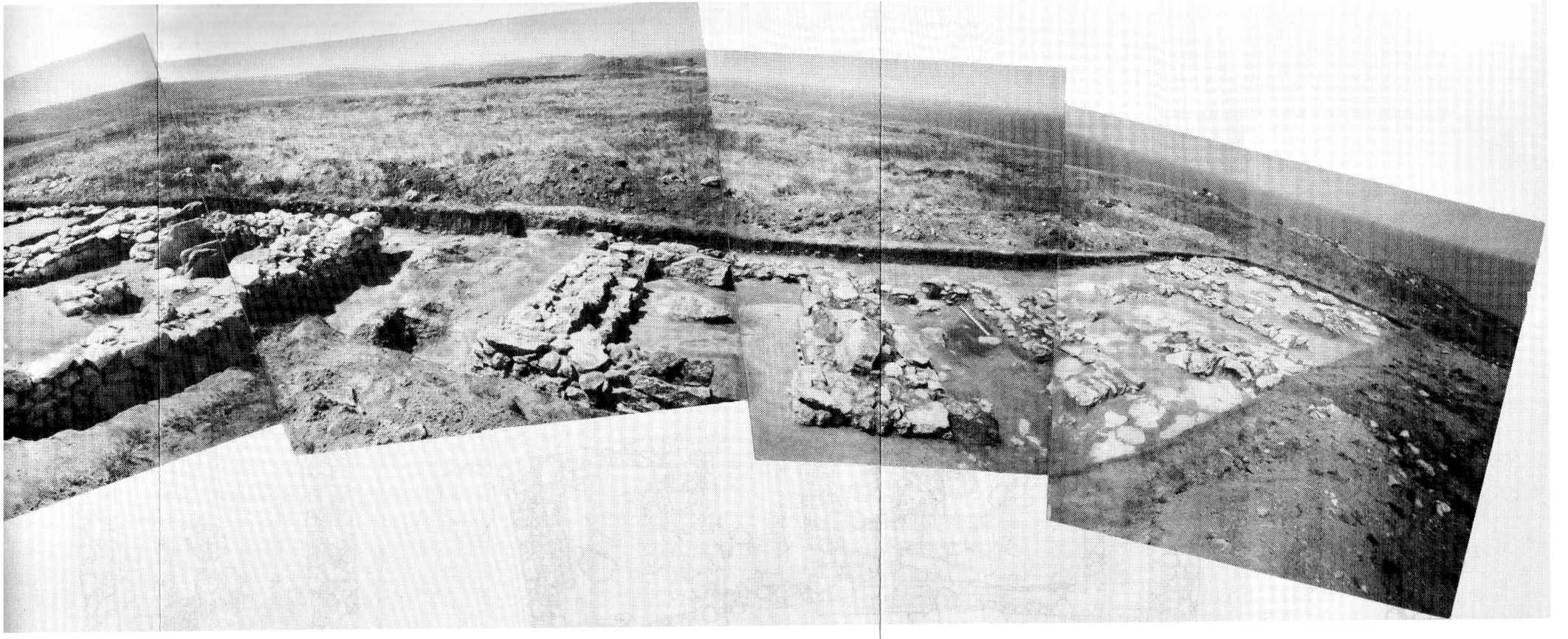


Рис. 3. Панорама раскопа «восточный комплекс» . Вид с востока

Рис. 3. Панорама раскопа «восточный комплекс» . Вид с востока

проникновением в этот регион среднеазиатских традиций[36]. Форма деки с узкой талией, как предполагает В. Бахманн[37], могла быть приспособлена для свободного ведения смычка, это дает ученому основание высказать предположение о том, что именно в Средней Азии следует искать истоки смычковых инструментов. Косвенным подтверждением его концепции является находка в Старом Мерве лепной статуэтки сидящего по-азиатски музыканта, играющего на смычковом инструменте(?)[38]. К. Назаров отмечает, что вертикальное положение плохо различаемого инструмента на этой статуэтке повторяет способ держания национальных смычковых инструментов типа ребаба, кобыза, гиджака[39].

Рис. 5. Средневековая статуэтка певца-менестреля с короткой лютней из Мерва IV в. н.э.

В Маргиане были известны и индийские музыкальные инструменты. На уникальной гандхарской скульптуре, найденной в Мерве, изображена музыкантша, играющая на дуговой арфе[40]. Однако традиционным, исконно местным маргианским инструментом следует признать короткую лютню, которая зафиксирована не только на статуэтках парфянского времени, но и на средневековой статуэтке персонажа, условно названного певцом – менестрелем (рис. 5)[41]. Короткая лютня маргианских терракот традиционно среднеазиатская, по всей вероятности, именно она впоследствии была лютней Борбада[42]. Распространение типа короткой лютни на юг, связанное с усилением сакопарфянских тенденций в восточно-эллинистической культуре, прослеживается на

---

[36] *Stein A.* Ruins of Desert Gathay. L., 1912. 146.

[37] *Bachmann W.* Die Anfänge des Streichinstrumentenspiel. Lpz, 1946. S. 63.

[38] *Пилипко.* Ук. соч. С. 103. Рис.1,*1*.

[39] *Назаров К.* Истоки туркменского народного смычкового инструмента // Памятники Туркменистана. 1976. № 1/20. С. 18.

[40] *Пугаченкова Г.А.* Гандхарская скульптура в Мерве // Искусство. 1968. № 6; Mittelasien. Abb. 54.

[41] *Пилипко.* Ук. соч. С. 103. Рис.2, *3*; Mittelasien. Abb. 52.

[42] *Барсегян Э.А.* Лютня Борбада и ее аналогии в музыкальном инструментарии древних народов // Борбад и художественные традиции народов Центральной и Передней Азии. История и современность. Тез. докл. Душанбе, 1990; *Вызго Т.С.* На чем играл Борбад? Там же. С. 56–57.

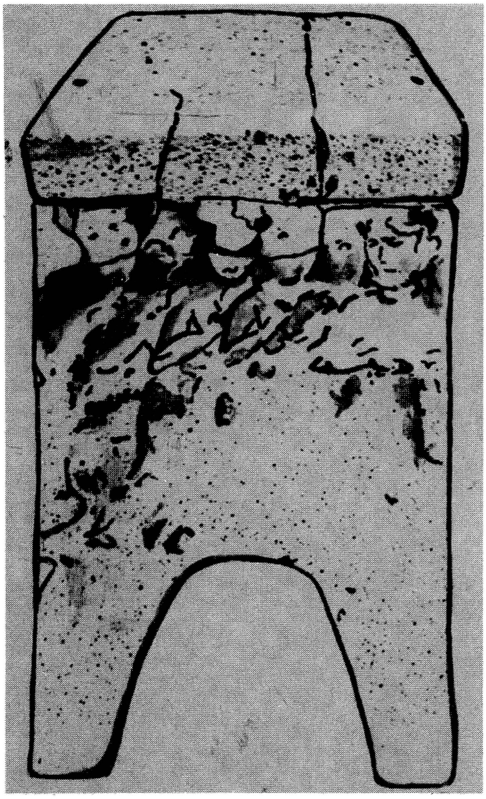


Рис. 6. *1, 2*. Погребальный танец плакальщиц и плакальщиков (роспись на оссуариях Миздахкана и Токкалы).*3*. Деталь алкинского блюда

Рис. 7. Алкинское блюдо V–VI вв., сохранившее парфянские традиции

археологическом материале в бактрийско-индийском регионе в Тилля-тепе[43] и Ахиччхатре[44].

Особой страницей истории музыкальной культуры Восточной Парфии является иконографический материал, иллюстрирующий погребальную обрядность. Ритуальная пляска, исполняемая не то родственниками умершего, не то наемными плакальщицами, воспроизведена в рельефе оссуария некрополя парфянского времени Мунон-тепе близ Байрам-Али. Странные позы ниспадающих на землю фигур объясняются рисунком танца, подчиняющим неестественные ракурсы и резкие жесты общей согласованности ритмических движений. С одинаковыми ритуальными жестами – поднятыми руками – изображены персонажи, исполняющие погребальный танец, на фрагменте оссуария из Байрам-Али (рис. 4, *2*)[45], относящегося к V–VI вв. н.э.

---

[43] *Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И.* О «золоте безымянных царей» из Тилля-тепе (К проблеме стиля и связей) // Из истории культурных связей народов Средней Азии и Индии. Ташкент, 1986. С. 22; *Sarianidi V.* Bactrian Gold. Leningrad, 1985. P. 115. Ill. 59.

[44] *Agrawala V.S.* Terracotta Figurines of Ahiechehatra // Ancient India. № 4. New Delhi. 1947–1948. P. 124–128. Pl. XXXII.

[45] *Кошеленко Г.А., Оразов О.* О погребальном культе Маргианы парфянского времени // ВДИ. 1965. № 4. С. 48; *Кошеленко Г.А.* Родина парфян. М., 1977. С. 162 сл. Илл. 82; *Crenet F.* Les Pratiques funéraires dans L'Asie Centrale sédéntaire de la conquête grecque à l'islamisation. P., 1984. Pl. XLII, *b*.

Аналогичные плакальщицы с такими жестами рук известны на изображениях из Западной Парфии, на статуэтках из Луристана[46], а также соседнего Хорезма, в росписях Миздахкана и Ток-калы (рис. 6, *1, 2*)[47]. Преемственность традиции в погребальных обрядах, которая была обстоятельно прослежена в специальной статье Г. Кошеленко и О. Оразова на богатом этнографическом материале Горного Таджикистана (Язгулем, Ягноб), Афганистана, Армении, Осетии, открывает важную связь траурной церемонии с музыкой и инструментальной традицией. К древнейшим традициям, видимо, восходят похоронные пляски в Армении, которые исполнялись по аккомпанемент труб, кифар, арф; у кафиров Гиндукуша аналогичный обряд совершался при слабых звуках дудок и барабанов[48]. Туркменская национальная пляска «чапак», имеющая погребальную функцию, повторяет танцевальную пластику поднятых, скорее всего, хлопающих рук участников похоронного ритуала парфянской Маргианы[49]. Мусический характер парфянского обряда оплакивания в сравнительном контексте представляет собой существенный компонент местных обычаев, которые несмотря на запреты ортодоксального зороастризма веками сохранялись в консервативно-народной среде.

Что касается сцены пиршественного ритуала мервской вазы, то она, хотя и не «музыкальная», имеет неоценимо важное значение в привязке к восточнопарфянскому региону ряда предметов восточного серебра с аналогичной традиционной сценой, сопровождающейся музыкой. Ближе всего к мервской вазе по сюжету композиции, обстановке, одежде, атрибутам и деталям стоит блюдо из Персии, на котором изображены пирующий вельможа в интимном кругу, слуги с перекрещенными руками и музыканты с короткой лютней и длинной изогнутой трубой[50]. Парфянская труба, по-видимому, была прототипом карная[51], который применялся с устрашающей целью[52] во время битв у ираноязычных народов с ахеменидской эпохи. Ряд исследователей считал блюдо из Персии парфянским произведением искусства[53]. Р. Гиршман на основании чтения пехлевийской надписи относил его к сасанидскому времени[54]. Однако, как ваза из Мерва, так и блюдо из Персии, обнаруживая более древние параллели, чем сасанидские, безусловно, восходят к традициям парфянской культуры. Блюдо из Персии и аналогичные по сюжету луковское и строгановское блюда[55] изображают варианты сходной сцены с участием одного царя или четы в придворном церемониале, возможно, связанном с Михраганом – ирано-среднеазиатским аналогом дионисийских празднеств[56], в которых непременно музицировали профессиональные менестрели-госаны,

---

[46] *Ghirshman R.* Iran. Parthians and Sassanians. P., 1969. P. 105. Ill. 120.

[47] *Ягодин В.И., Ходжайов Т.* Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент, 1970. С. 80; 112 (вклейка); *Гудкова А.В.* Ток-кала. Ташкент, 1964. С. 96, 97. Рис. 27, 28.

[48] *Кошеленко, Оразов.* Ук. соч. С. 48.

[49] *Эсенов Т.Д.* Мервские погребальные пляски // Мерв в древней и средневековой истории Востока. Ч. III. Мерв и парфянская эпоха. Тез. докл. Ашхабад, 1992. С. 55–57.

[50] *Смирнов Я.И.* Восточное серебро. СПб., 1909. Табл. XXXVII. *66*; *Ghirshman.* Notes iraniennes. V. P. 69. Fig. 17.

[51] *Массон, Пугаченкова.* Ук. соч. С. 214.

[52] *Джумаев А.Б.* Правила и традиции военной музыки в Средней Азии в древности и средневековье // Междунар. конф. «Средняя Азия и мировая цивилизация». Ташкент, 1992. С. 45–49.

[53] *Массон.* Народы и области... С. 66; *Массон, Пугаченкова* .Ук. соч. С. 193 сл.

[54] *Ghirshman.* Notes iraniennes. V. P. 66–69. Fig. 17.

[55] *Смирнов.* Ук. соч. Табл. XXXV, *64; Орбели И.А., Тревер К.В.* Сасанидский металл. М.–Л., 1935. Табл. 16, 18.

[56] *Даркевич В.П.* Художественный металл Востока VIII–XIII вв. М., 1976. Табл. 75; пиршественные сцены с участием царственной четы запечатлены на блюде из Пенджаба (*Смирнов.* Ук. соч. Табл. XVI, *39*) и на балтиморском блюде, где царственная музыкантша держит в руке кротал-кастаньеты (*Луконин В.Г.* Искусство древнего Ирана. М., 1977. С. 219; илл. на с. 209); *Негматов Н.Н., Мальцев Ю.С.* Борбад – основоположник персидско-таджикской классической музыкальной культуры // Борбад, эпоха и традиции культуры. Душанбе, 1989. С. 16.

прославляющие царственных персон[57]. В алкинском блюде предположительно парфянского происхождения[58], однако датируемом Б.И. Маршаком V–VI вв. н.э. (рис. 4, *3*; 7)[59], нашли отражение эллинистические и местные тенденции парфянского искусства. Античные традиции воплотились в трактовке сцены празднества Диониса, изображенной крупным планом в верхней части блюда, местные ирано-среднеазиатские черты проявились в его нижнем секторе, где изображены музыканты азиатского облика, играющие на барабане в форме песочных часов, и на длинной лютне.

Слияние двух художественных направлений элитарно-эллинистической Парфиены и традиционной «местной» Маргианы является особенностью музыкальной культуры Восточной Парфии.

В.А. Мешкерис

ON THE STUDY OF MUSICAL CULTURE OF EASTERN PARTHIA

(On the Basis of Archaeological Sources)

V.A. Meshkeris

The summarizing of archaeological sources together with written evidence, comparison of iconographic material with due account of the recent discoveries on the territory of Central Asia have made it possible to raise the issue of universal phenomena of Asian transformation of ancient instrumental culture, genesis and diversity of the developed forms of musical art of Eastern Parthia reflecting palatial, religious rituals, popular cults, funeral rites. The author has outlined a promising aspect of studying musical culture of Parthia as a distinctive phenomenon synthesizing two stylistically different trends, elitarian – Hellenistic of Parthia and traditional – local of Margiana.

[57] *Boyce*. The Parthian Gōsān... P. 10.

[58] *Смирнов А.П.* Новая находка восточного серебра в Приуралье. М., 1957. С. 24; Mittelasien. Abb. 50, 51.

[59] *Marschak B.* Silberschätze des Orients. Lpz, 1986. S. 25. Abb. 174.

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ: НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

© 1997 г.

А.А. Масленников

СЕЛЬСКИЙ ТЕМЕНОС(?) В ВОСТОЧНОМ КРЫМУ
*(Предварительная информация)**

Как известно, хора античных государств представляла собой весьма сложное явление. В географо-археологическом плане она включала в себя различные ландшафты и типы памятников. В полной мере это относится и к сельской территории Боспорского государства. Так, в Восточном Крыму благодаря широкомасштабным исследованиям последних десятилетий удалось выявить не только десятки поселений, селищ и крепостей, но и следы древних дорог, земельных участков, антропогенного террасирования и т.п. Особое значение имеют, на наш взгляд, находки, свидетельствующие о существовании здесь сельских святилищ, культовых мест и даже центров.

На одном из таких объектов, раскопанном Восточнокрымской экспедицией ИА РАН в 1991–1992 гг., мы и хотели бы остановиться, оговорив, что речь пойдет лишь о его предварительной публикации[1].

Объект расположен приблизительно в 23,5 км северо-западнее Керчи на относительно ровной и довольно значительной по площади вершине большого скалистого холма (абсолютная отметка высоты – 56,4 м), входящего в цепь возвышенностей, тянущихся вдоль морского побережья от мыса Чегене до горы Мысыр близ Чокракского озера (рис. 1). Эта вершина как бы замыкает с юго-востока так называемую Генеральскую бухту. Она находится в 250–350 м от берега моря и примерно на таком же расстоянии к югу от большого городища первых веков нашей эры Генеральское Восточное. Восточный склон этой вершины относительно полог, хотя и каменист, зато в остальных местах довольно крут.

Еще в 1986 г. в западной части этого плато, около обрыва, были раскопаны остатки двух очень плохо сохранившихся построек, получивших впоследствии название «западный комплекс». Первая из них, условно называемая «башня», находилась на самом высоком месте, у северо-западного края плато. Внизу между скалами имелся проход в долину и к прибрежному большому холму с упомянутым городищем. Раскопками выявлены остатки нескольких стен, возведенных на материковой скале и щебне и примыкающих к выступающему скальному массиву. По-видимому, они служили основанием какой-то террасы или платформы размером не менее чем 6–7 × 11–12 м, на которой было построено здание (сторожевая башня или святилище). Довольно широкая датировка в целом маловыразительных находок (несколько фрагментов терракотовых статуэток, ручка фасосской амфоры с клеймом третьей четверти IV в. до н.э., обломки синопских, фасосских и типа Солоха II амфор, венчик тонкостенной красногли-

* Данная статья написана в рамках программы «Античная культура и местные племена. Динамика контактов, границ и проблем культурно-этнических взаимоотношений», поддержанной Российским гуманитарным научным фондом.

[1] Непосредственное участие в раскопках принимали специалисты и аспиранты ИВИ и ИА РАН С.Ю. Сапрыкин, С.В. Мокроусов, И.М. Безрученко, В.Н. Розов и А.В. Куликов.

няной чашки, край такой же тарелки и лутерия синопской глины, обломки нескольких «мегарских» чаш) позволяет предположить последовательное существование того и другого. В 11м юго-восточнее, на месте скопления камней и фрагментов керамики, расчищено основание стен почти квадратного в плане строения размером 3,8 × 4 м, ориентированного по сторонам света. Характер кладки и материал весьма непритязательны. В центре восточной стены имелся проход шириной 0,9 м. Все помещение до скалы было заполнено умеренно рыхлым суглинком и щебнем, причем мощность слоя не превышала 0,25 м. Здесь найдено несколько десятков фрагментов простой красноглиняной посуды (чашек, кувшина) и не менее трех лепных открытых светильников на высоких цилиндрических ножках.

В юго-западном углу помещения прослежено квадратное (1 × 1 м) пространство, отгороженное небольшими плоскими камнями и заполненное слоем более плотного светло-серого суглинка с включением большого количества измельченных и целых раковин морского гребешка. Толщина этого слоя около 0,2–0,25 м. Здесь обнаружены фрагменты не менее пяти терракотовых статуэток, терракотового миниатюрного алтарика со ступенчатым основанием, несколько лепных светильников на ножках, тонкостенной красноглиняной чашечки, медная трехлопастная втульчатая стрелка, мелкие косточки животного и совсем маленькая красноглиняная амфорка.

Параллельно южной стене зафиксированы остатки еще одной стены, назначение которой неясно.

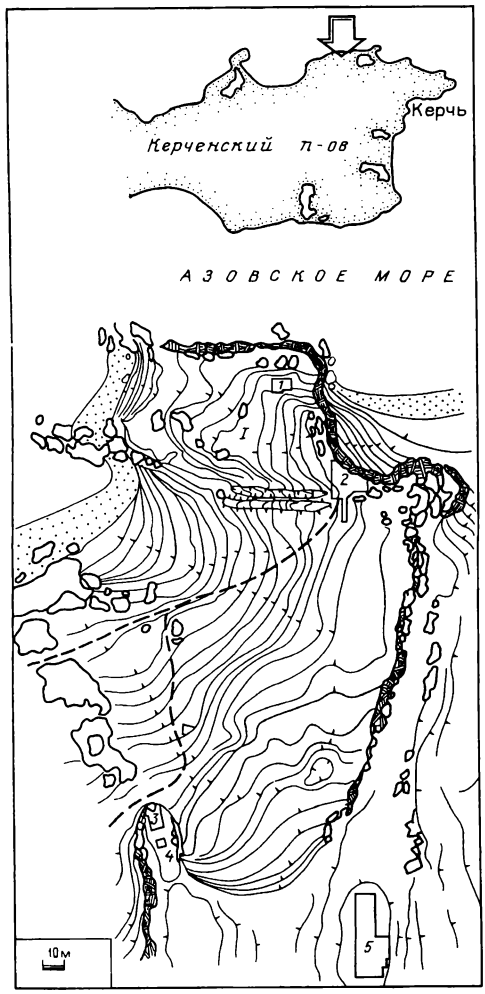


Рис. 1. План-схема расположения сельского святилища в районе Генеральской бухты (стрелкой на верхней схеме указано местоположение объекта). *1–2* – раскопы на городище Генеральское Восточное; *3–4* – объекты святилища «западный комплекс»; *5* – раскоп «восточный комплекс»

Большая часть упомянутых терракот представляла собой хорошо известный поздний вариант изображений богини на троне в высоком головном уборе, с круглым и плоским предметами (чаша и яблоко?) в вытянутых руках. Черты лица переданы грубо. Они отличаются лишь степенью стилизации. Достаточно многочисленные аналогии, особенно на Европейском Боспоре, датируются первой половиной III в. н.э.[2] Несколько обломков относятся, по всей видимости, к протоме мужчины (Аттис?) или женщины в невысоком остроконечном головном уборе. Полностью сохранилась терракотовая статуэтка сидящей собаки. Отмеченные на Боспоре аналогии датируются временем от эпохи эллинизма до II–III вв. н.э. Последние – наиболее близкие найденным[3]. Терракотовые алтарики-курильницы на фигурных ножках, украшенные рельефными полосами, также встречаются в слоях первых веков нашей эры в городах и поселениях Боспора. Общеизвестно широкое

[2] Терракоты Северного Причерноморья // САИ. Г 1–11. М., 1970. Табл. 48,*5*; 55,*3*; 56,*3*; *Денисова В.И.* Коропластика Боспора. Л., 1981. Табл. 24, *а,б*.

[3] Терракоты Северного Причерноморья. Табл. 52, *10*; *Гайдукевич В.Ф.* Античные города Северного Причерноморья. Л., 1987. С. 137. рис. 161,*1*.

распространение в это же самое время в Северном Причерноморье, в частности на Боспоре[4], лепных светильников-плошек на высоких цилиндрических ножках. Таким образом, датировка объекта II – первой половиной III в. н.э. вряд ли вызывает сомнение.

Другие постройки компактно располагались в восточной части плато на площади не более 370 кв.м (рис. 2–3 (см. вклейку)). Они были как бы вытянуты почти строго в ряд в направлении юг–север. Слабо выраженная холмообразная, продолговатая возвышенность прослеживалась здесь на фоне выходов материковой скалы и тонкого слоя гумуса еще до раскопок.

Постройка № 1 сохранилась наиболее полно и весьма примечательна. Культурный слой вне ее стен достигал мощности 0,85–1 м и состоял из гумуса, светло-коричневого суглинка с включением небольшого количества камней, измельченных морских раковин и известняковой крошки (особенно к югу от здания). По мере удаления от стен толщина этого слоя быстро убывает. Находки снаружи строения немногочисленны: обломки красноглиняных кувшинов и чашек, реже – лепных горшков и мисок. Встречаются фрагменты сероглиняных и краснолаковых чашек, терракотовых статуэток. Довольно много обломков «мегарских» чаш красной, коричневой или серой глины, покрытых бурым или серым (с разными оттенками) лаком. Орнаментация их поверхности самая разнообразная, но преобладают растительные мотивы. Аналогии им также хорошо известны по материалам раскопок в Средиземноморье и Северном Причерноморье и датируются второй половиной III – началом I в. до н.э.[5] Упомянем также стенку сосуда в стиле barbatin, край толстостенного красноглиняного чернолакового открытого сосуда (кратер?), украшенного изображением гирлянды, нанесенной белой краской, несколько обломков светлоглиняной амфоры с двухствольными ручками второй половины I в. до н.э. – начала I в. н.э. Среди более десятка невыразительных фрагментов терракот отметим нижнюю часть женской фигурки, задрапированной в длинные одежды, маленькую женскую головку и верхняюю часть статуэтки Эрота (?) с птицей. Скорее всего они могут быть отнесены к типам и формам, распространенным в эллинистическую эпоху (вторая половина III – начало I в. до н.э.). У юго-восточного угла здания была найдена медная монета Митридата VIII (III) (39–45 гг. н.э.)[6]. Основная масса находок происходит из нижнего горизонта вышеописанного слоя и в целом может быть продатирована соответствующим периодом. Более поздние находки обнаружены на незначительной глубине и довольно редки.

Сама прямоугольная постройка № 1 занимала площадь около 62 кв. м, стены ее ориентированы почти по сторонам света, а продольные – обращены на юг и север. Длина их соответственно 6,2 м (западная), 9,4 м (северная), 7,2 м (восточная) и 9,6 м (южная). Она состояла из двух смежных помещений, а вход находился в центре восточной стены (внутренней и внешней) (рис. 4–5).

Кладка их почти повсеместно трехслойная, двухрядная, постелистая, иррегулярная из средних и мелких необработанных известняковых камней на глиняном растворе. На внешних углах (особенно у основания стен) использовались крупные подпрямоугольные блоки. Толщина внешних стен колеблется в пределах 0,7–0,88 м, а сохранившаяся высота – от 0,3 до 1 м. Длина внутренней стены-перегородки – 5,1 м при ширине 0,6 м и высоте 0,4–0,6 м. Фасы всех стен достаточно ровные и вертикальные, хотя восточная стена несколько выгнута. Щели между камнями невелики и как правило заделаны глиной и щебнем.

Восточное помещение (№ 1) как бы предваряло основное – западное (№ 2). Занимаемые ими площади равнялись соответственно: 12,4 и 23,6 кв. м. Проход шириной 1,1 м, находившийся первоначально в восточной внешней стене, был лишен порога, но выделен аккуратно уложенными и крупными камнями. Впоследствии его почему-то заложили (по крайней мере до высоты 0,4 м), причем ширина этого заклада была меньше основной кладки стены. Пол помещения № 1 сохранился плохо в виде ровного слоя серого или серо-коричневого суглинка.

---

[4] *Арсеньева Т.М.* Светильники Танаиса. М., 1988. С. 101 сл.

[5] Из последних по времени и важности работ упомянем: *Забелина В.С.* Импортные «мегарские» чаши из Пантикапея // СГМИИ. 1984. Вып. 7. С. 153–172; *Коваленко С.А.* Античная рельефная керамика III–I вв. до н.э. в Северном Причерноморье: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1989. С. 4 сл.; *Rotroff S.J.* Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Moldmade Bowls // The Athenian Agora. V. XXII. Princeton – New Jersey, 1982. P. 2, 6, 32, 34–42, 45, 95.

[6] *Зограф А.Н.* Античные монеты // МИА. 1951. № 16. Табл. XLVI, 7.

Рис. 4. Строение 1. Общий вид с востока (внешний проход еще заложен камнями)

Рис. 5. Строение 1. Общий вид с запада

Его уровень в целом выше, чем в основном помещении. Вдоль северной стены помещения, начиная от северо-западного угла, имелась невысокая (0,32–0,34 м) дополнительная кладка шириной 0,46–0,48 м, сохранившаяся в длину на 1,15 м. Основание ее находится на уровне основной кладки, а верхняя часть этого «пристенка» выложена из относительно плоских камней. Несколько камней, вероятно, составляли аналогичную пристройку и у юго-восточного угла помещения № 1, вдоль восточной стены. Всю постройку перекрывал тонкий гумусный слой, затем повсеместно шел серый, светло- или темно-серый сухой суглинок с большим

количеством камней и редкими обломками керамики. Среди них мелкие обломки «мегарских» чаш и терракотовых статуэток. Особо отметим две мелкие медные боспорские монеты конца II в. до н.э. Ниже грунт заполнения помещений исследовался раздельно. В помещении № 1 это в основном коричневый, коричнево-серый или серый суглинок, умеренно рыхлый и заметно более сухой в южной части. Местами в нем встречались золистые включения, многочисленные раковины морского гребешка и обломки красноглиняных кувшинов, лягиносов, в том числе с красно-бурым покрытием. Найдены также фрагменты краснолаковых чаш, лепных сероглиняных горшков, кувшинов и мисок, светильников-плошек на цилиндрических или четырехугольных высоких ножках, а также в основном мелкие фрагменты терракотовых статуэток (23 экз.), несколько обломков красно- и сероглиняных «мегарских» чаш, часть донца краснолаковой тарелки с граффито в виде свастики, два небольших обломка красноглиняных закрытых светильников, покрытых темно-красным лаком. Слой, непосредственно перекрывавший пол, представлял собой светло-серо-коричневый или серый и темно-серый (в южной части), немного обгорелый суглинок, в котором по-прежнему попадались морские раковины, песок, мелкие камни и обломки розовоглиняных амфор, красноглиняных кувшинов, чашек, лепных мисок и светильников на высоких ножках, ножки красноглиняного амфориска. При разборе упомянутого заклада в восточной стене обнаружено небольшое число фрагментов буролаковых «мегарских» чаш, стенок лепной и красноглиняной посуды и обломок краснолаковой тарелки с остатками граффито.

Наибольший интерес представляет центральное помещение (№ 2). Именно здесь находились культовые алтари, «лари» и своеобразные пристройки-пристенки по периметру почти всех стен. Проход между двумя помещениями шириной 1 м примечателен большой порожной плитой длиной 1 м и шириной у основания 0,48 м, изготовленной из местного известняка. Она была обработана и приспособлена для крепления каких-то деревянных конструкций. Учитывая, что в греческой традиции двери всегда были двухстворчатые и открывались вовнутрь, данная плита была установлена правильно и служила по прямому назначению (рис. 4).

Следующая примечательная особенность помещения, зафиксированная практически во всех других постройках восточного комплекса рассматриваемого памятника, это – скамьи-пристенки. Они сложены из средних и мелких необработанных камней, имеют высоту 0,33–0,37 м, ширину 0,38–0,48 м и пристроены впритык к основным стенам помещения. Их верх почти повсеместно составлен из относительно крупных, плоских камней (рис. 5). Назначение данной конструкции не вполне ясно. С одной стороны, греческие храмы и святилища как будто бы не служили местами сбора молящихся, тем более церемоний, при которых присутствующие бы сидели. Они мыслились прежде всего как местопребывание богов. С другой стороны, в обычных жилых и хозяйственных постройках, по крайней мере в Северном Причерноморье, подобные сооружения нам не известны. Однако, как о том свидетельствуют письменные и археологические источники, нечто похожее – особые возвышения, площадки вдоль стен, пристроенные к ним столы, скамьи – в греческих храмах все же существовало. Они служили для размещения приношений и небольших статуэток богов и были характерным элементом храмового интерьера с глубокой древности[7], так как их происхождение связывают еще с критомикенскими культурными традициями[8]. Разумеется, внешнее оформление и исполнение этих конструкций было различным: от простых возвышений из необработанных камней до мраморных, соответствующим образом поставленных и украшенных плит.

Однако в нашем случае ни на этих пристенках, ни непосредственно рядом с ними ни разу не зафиксировано следов приношений. Между тем здание было заброшено внезапно и многие предметы были найдены in situ. Поэтому следует сделать ряд оговорок, касающихся традиционно господствующих взглядов. По-видимому, не всегда можно с уверенностью

---

[7] *Paus.* IX. 40.6; *Marinatos Sp.* Le temple géométrique de Dréros // BCH. 1936. 60. P. 214 suiv. Pl. 26–27; *Yavis C.G.* Greek Altars. Sain-Louis, 1949. P. 226; *Shaw J.W.* Phoenicians in Southern Crite // AJA. 1989. № 93. P. 117; *Lawrence A.W.* Greec Architecture. Penguin Book, 1983. P. 115–122; *Etienne R.* L'éspaces sacrificiels et autels déliens // L'éspace sacrificiel dans les civilisation Méditerraneens de l'antiquitè (Acte du colloque tenu à la Maison d l'Orient). Lyon, 1988. P., 1991. P. 76.

[8] *Goldstream J.N.* Geometric Greece. L., 1977. P. 280; *Pernie L.* New Elements for the Study of the Archaic Temple of Prinias // AJA. 1934. 38. P. 174; *Yavis.* Op. cit. P. 226–228.

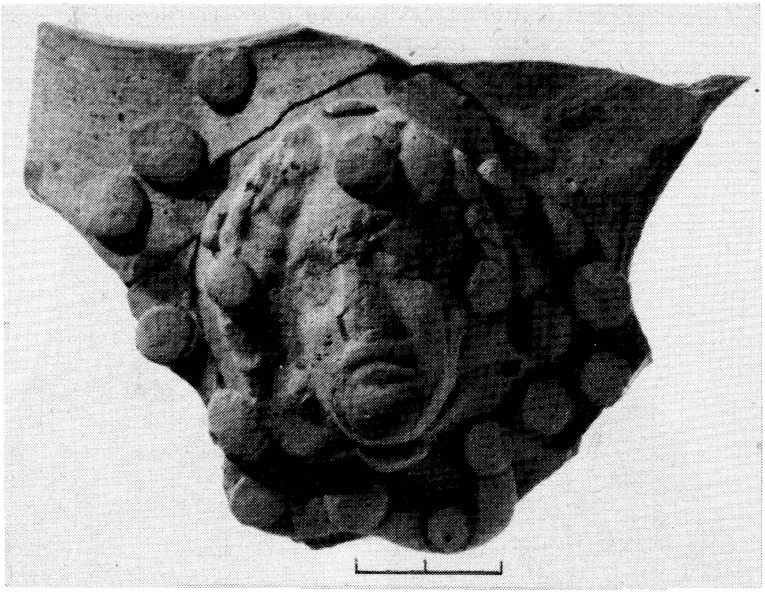


Рис. 6. Рельефное украшение красноглиняного сосуда из помещения № 2 строения 1

отличить столы для приношений, расположенные вдоль стен святилищ и храмов, от скамей для сиденья. О том, что таковые все же имелись, сообщает Павсаний (II. 35.8).

Данное обстоятельство не должно смущать и не противоречит вышесказанному. Ведь греческий храм, возникший из семейно-родового святилища[9], в какой-то степени оставался местом совместного отправления культов и даже особых, священных трапез, а также собраний общины вокруг жертвенника[10]. Естественно, это предполагало введение некоторых особенностей в его интерьер. По всей видимости, по мере того как храм все более становился центром полисной, государственной идеологии, отрываясь «от традиций жилого дома»[11], эта функция постепенно затухала. И напротив, на далекой боспорской периферии, к тому же на сельской территории с ее вообще более сильными семейно-родственными связями и древностью традиций, мог иметь место своего рода возврат к прежним обычаям. Добавим к этому достаточно сильное влияние сопредельных варварских общин. Впрочем, рассматриваемый памятник заставляет поднять целый ряд вопросов. Однако, ограничившись лишь публикацией нового материала, отметим, что описанные пристенки явно указывают на необычное и неординарное предназначение постройки. Прочие же находки из помещения № 2 лишь подкрепляют это предположение, не оставляя сомнения в сакральной принадлежности всего здания.

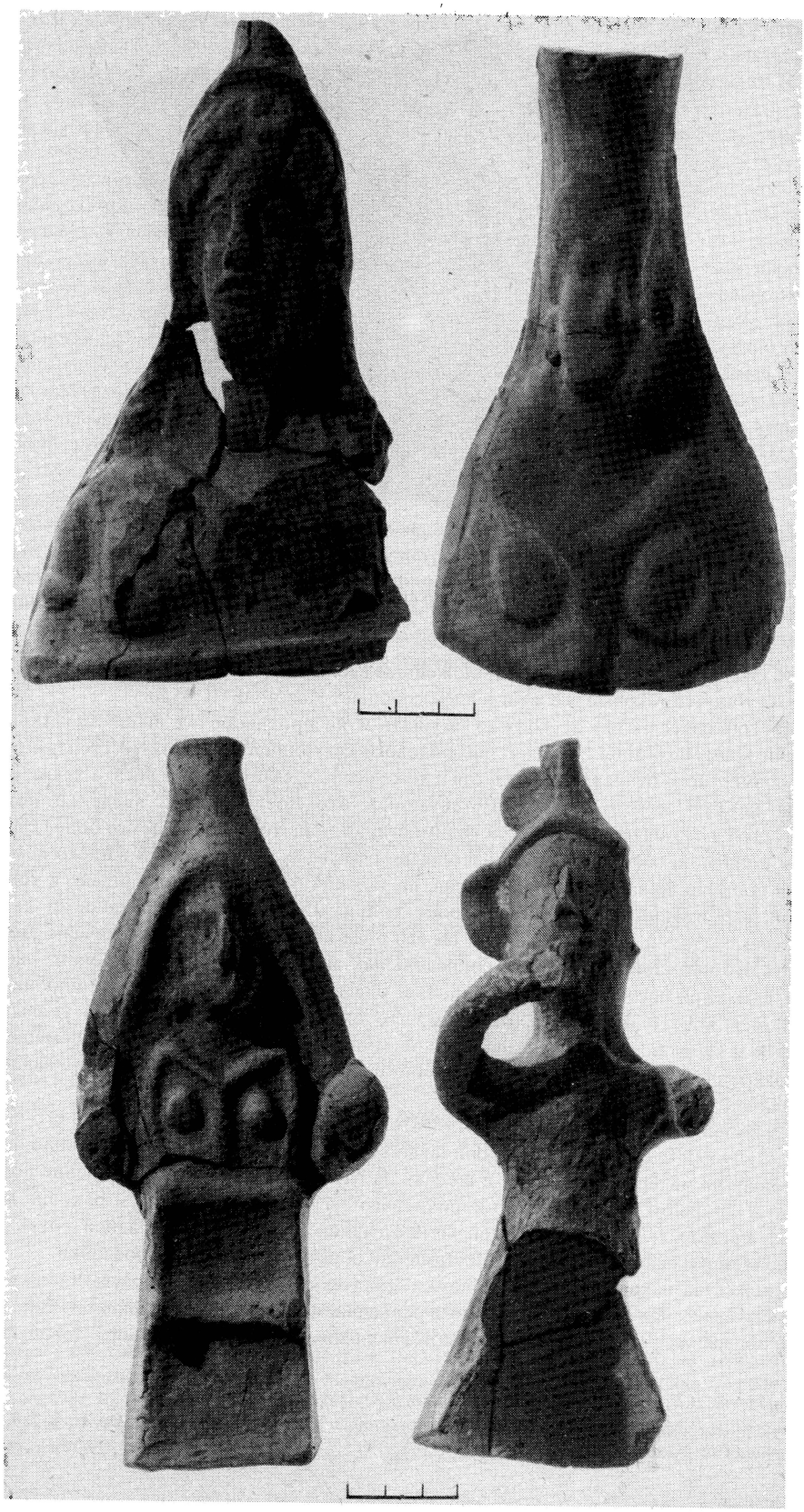
Пол в помещении № 2 сохранился относительно хорошо только в западной его части: это ровный, плотный слой обгорелого коричнево-серого глинистого суглинка толщиной 0,06 м, положенный на материковую скалу и щебень на глубине 0,68–0,79 м. Заполнение помещения состояло в основном из светло-серо-коричневого суглинка с включением раковин морского гребешка и редких камней. В восточной части суглинок более сухой, в западной – чуть влажный с насыщением раковинами и песком. Местами они образуют сплошные прослойки.

Из множества находок выделим обломки простой красноглиняной посуды (чашки, кувшины). Некоторые с фигурными налепами и рельефным изображением женского лица (рис. 6). Изредка попадаются стенки красно -и оранжевоглиняных реберчатых амфор. Довольно много

[9] *Блаватский В.Д.* О развитии эллинского храма // ААИМ. С. 32.

[10] *Пичикян И.Р.* Малая Азия – Северное Причерноморье. М., 1984. С. 32; *Etienne*. Op. cit. P. 7–9.

[11] *Блаватский.* Ук. соч. С. 52.



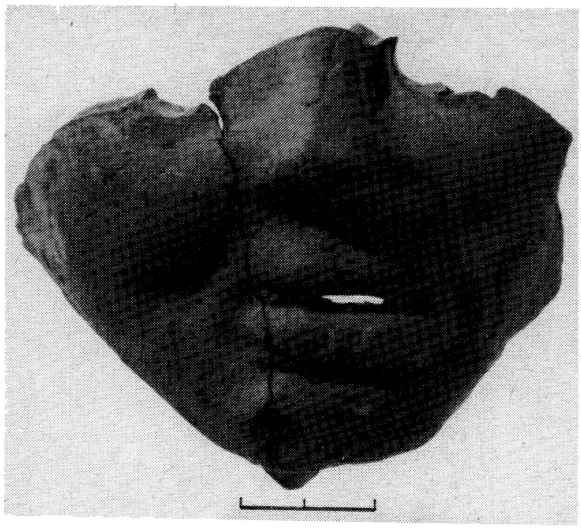


Рис. 7, 1–5. Терракотовые статуэтки из северо-западного угла помещения № 2 строения 1

фрагментов сероглиняных лепных мисок, горшков и особенно светильников или курильниц на высоких круглых либо треугольных в сечении ножках с коническими вместилищами. Попадаются кусочки стеклянных сосудов. Отметим медную бляшку (щиток фибулы?) со стеклянной вставкой. Обращает на себя внимание обилие мелких и невыразительных обломков терракот и, видимо, вотивных сосудиков, особенно в северо-западном углу помещения, на уровне пола. Вероятно, некоторые из них также являлись курильницами, крайне редко встречающимися при раскопках на территории боспорской хоры. Здесь же найдены практически целые или относительно хорошо сохранившиеся экземпляры терракотовых статуэток (рис. 7, *1–5*). Почти все они имеют аналогии среди боспорских терракот II – первой половины III в. н.э.[12] Видимо, первоначально они стояли на особой сегментовидной плите, помещавшейся в свою очередь на каком-то возвышении или на плитах так называемого ларя в северо-западном углу постройки. При падении она частично их накрыла. Кроме того, отсюда же происходят еще несколько обломков терракот: масок мужских и женских божеств, собачки (?), сидящего львенка, вероятно от статуэтки Кибелы, мужских и женских фигур, задрапированных в длинные одежды и стоявших на квадратных «пьедесталах», «марионеток» с подвесными конечностями. Одни из них датируются указанным временем, другие относятся еще к позднеэллинистическому периоду. Редкие фрагменты краснолаковых чашек подтверждают верхнюю дату.

У западной стены помещения и в центре располагались культовые сооружения: алтари и конструкции, напоминавшие большие лари (рис. 8). Одна из них, как уже говорилось, находилась в северо-западном углу. Она сооружена из поставленной на ребро большой, но тонкой необработанной известняковой плиты и двух относительно небольших плоских камней. Ширина ее внутреннего пространства, таким образом, составляла 0,22–0,25 м, а высота 0,8 м. Заполнение в верхнем горизонте (до глубины 0,25–0,3 м) состояло из светло-коричневого, серого или серо-коричневого суглинка с примесью морского гребешка и мелких камней. Здесь найдена сильно фрагментированная терракотовая статуэтка Афродиты в распахнутых одеждах с птицей (гусь, лебедь?) у ног (рис. 9). Близкие аналогии датируются III–I вв. до н.э. – I в. н.э.[13] Ниже прослежен слой влажного, серо-коричневого суглинка без посторонних включений. Отсюда происходит часть статуэтки Геракла в плаще, два сероглиняных флакона-унгвентария, закрытый однорожковый светильник из серо-коричневой глины, несколько фрагментов

[12] *Кобылина М.М.* Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М., 1961. Табл. XXXVI,*1*; Терракоты Северного Причерноморья. Табл. 56,*3*; *Денисова*. Ук. соч. Табл. XXV,*д*; XXVI, *в*.

[13] *Кобылина*. Ук. соч. Табл. XI, *3*; *Денисова*. Ук. соч. Табл. XVIII, *е*.

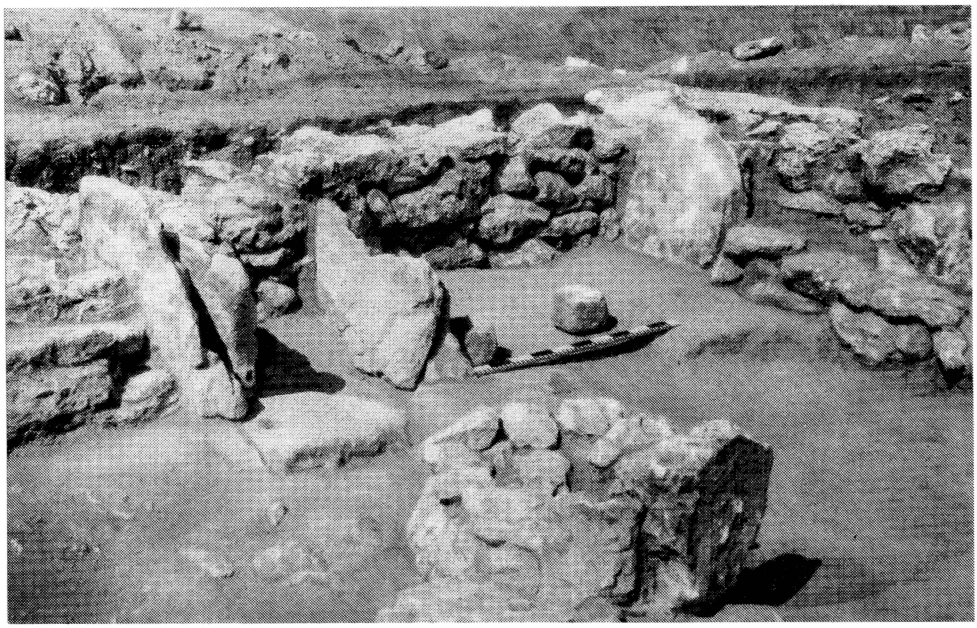


Рис. 8. Вид на северо-западную часть помещения № 2 строения 1 с юго-востока. На переднем плане круглый алтарь, в углу и слева плиты двух алтарей-ларей, между ними два переносных кубической формы известняковых алтаря

большой стеклянной чаши полусферической формы и медная монета города Амиса 110–105 гг. до н.э.[14] Близкие статуэтки Геракла датируются III–I вв. до н.э.[15], а флаконы, по-видимому, II–I вв. до н.э.[16] Судить о форме стеклянной чаши сложно, вероятно, это I в. до н.э. – I в. н.э. А вот близкие по форме светильники – явно поздние и датируются I–III вв. н.э.[17]

Второй «ларь» значительно больше и расположен в центре, у западной стены помещения. Его образуют четыре (по две с каждой стороны) плоских, необработанных известняковых камня, поставленных на ребро. Плита (или плиты), составлявшие его восточную стенку, не сохранились или отсутствовали изначально. Ширина «ларя» 0,8–0,82 м, длина не менее 1,1 м, высота 0,8–0,84 м (рис. 8).

Его заполнение в верхнем горизонте состояло из плотного серо-коричневого суглинка с включением песка, раковин «гребешка» и нескольких мелких и средних камней. Ниже (с отметки 0,25–0,3 м) шел слой серо-коричневого суглинка с очень большим количеством раковин. Из находок выделим многочисленные фрагменты красноглиняного кувшина с ребристой поверхностью, ряд сосудов или курильниц (?) с двумя ручками, нескольких краснолаковых чашек, обломки «мегарской» чаши, лепных сероглиняных светильников-курильниц на круглых или квадратных в сечении довольно крупных ножках. Отметим почти полностью сохранившуюся женскую терракотовую статуэтку, скорее всего Деметры (рис. 10,*1*), прямых аналогий которой нам на боспорском материале найти не удалось. Вероятная ее датировка – I в. до н.э. – I в. н.э. Вторая статуэтка сильно затертая и небольшая по размерам, изображала скачущего всадника с поднятой правой рукой (рис. 10,*2*). Ее датировка I–II вв. н.э.[18] не вызывает сомнений. Прочие обломки терракот невыразительны. Среди них отметим лишь часть руки с круглым плоским предметом, по-видимому, от статуэтки сидящей Богини в

---

[14] *Зограф*. Ук. соч. Табл. XVIII, *21*.

[15] Терракотовые статуэтки Пантикапея // САИ. 1974. Табл. XVII,*1*; XXX, *5*; *Денисова*. Ук. соч. Табл. XXIII, *3*.

[16] *Парович-Пешикан М*. Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев, 1974. С. 110. Рис. 95,*5*.

[17] *Арсеньева*. Ук. соч. С. 25. Табл. VIII, *1–2*.

[18] Терракотовые статуэтки Пантикапея. Табл. XLVI,*4*.

Рис. 9. Терракотовая статуэтка Афродиты из алтаря-ларя в углу помещения № 2

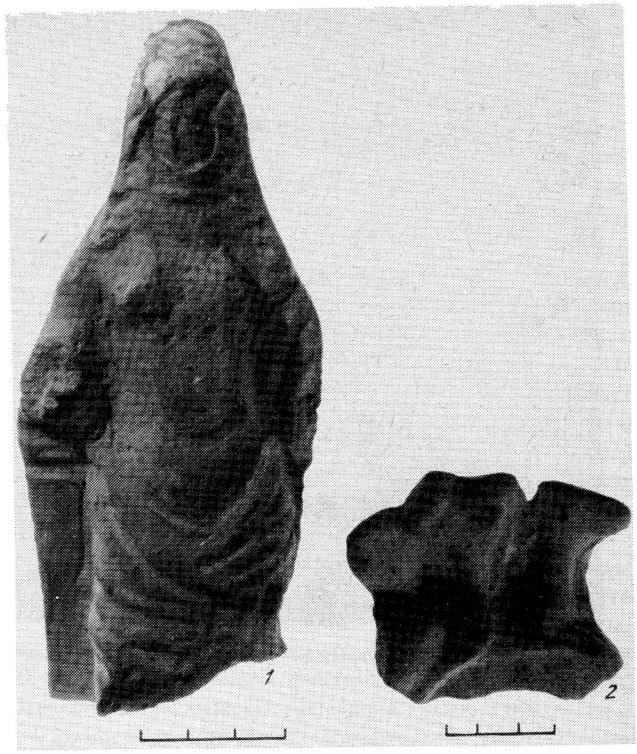


Рис. 10. Терракотовые статуэтки из алтаря-ларя у западной стены помещения № 2: *1* – Деметра (?), *2* – всадник

высоком головном уборе II–III вв. н.э. На полу между двумя описанными выше «ларями» стояли два маленьких, кубической формы, грубо обработанных известняковых алтаря (рис. 8), почти одинакового размера: 0,2 × 0,21 м, высотой 0,17 и 0,18 м. На их верхней плоскости имелись овальное и прямоугольное углубления. Такие домашние или переносные алтарики изредка встречаются при раскопках в городах Северного Причерноморья, но на поселениях боспорской хоры они крайне редки.

Почти в центре помещения находился еще один алтарь (рис. 11) цилиндрической формы из необработанных известняковых камней, диаметром 0,85–0,98 м, высотой 0,45–0,47 м. У его основания стояли два небольших плоских камня. Пространство внутри было плотно заполнено темно-серым суглинком с камнями. На алтаре лежала (или первоначально стояла?) плита из плотного светло-серого известняка с рельефным изображением (в момент раскопок она лежала несколько на боку, как бы сползшей с алтаря) длиной 0,62 м (верх 0,59 м), высотой 0,39–0,35 м, толщиной 0,08–0,12 – 0,13–0,14 м. Обратная грубо обработанная сторона имела вверху узкий паз. На внешней поверхности по краям плиты была оставлена «рамка» шириной 2,5–4,5 см. В центре имелось рельефное изображение двух взрослых и двух детских полуфигур en face (рис. 12) в одинаковых позах и одеждах. Последние представляли собой покрывала, скрывающие голову и тело. Взрослые фигуры держат в поднятых к груди одинаковым образом руках какие-то предметы (чаши, плоды?). Высота фигур справа налево: 0,26, 0,28, 0,15, 0,16 м. Максимальная высота рельефа 3,6 см. Местами на нем заметны следы розовой краски. Вторая взрослая женская фигура и крайняя детская – выглядят крупнее. Вероятная атрибуция этих изображений имеет ключевое значение при выяснении функциональной принадлежности здания, а возможно, и всего комплекса построек на плато.

Рис. 11. Круглый алтарь в помещении № 2 строения 1. Вид с юго-запада

Рис. 12. Вотивный рельеф с круглого алтаря

Однако эта задача достаточно сложна, и предлагаемый вариант спорен. К тому же прямых аналогий рельефу нам отыскать пока не удалось.

Несколько слов о датировке. Анализ находок свидетельствует о том, что данная постройка возникла не ранее середины III в. до н.э. Вероятно, где-то во второй половине I в. до н.э. (или несколько позднее) здесь имели место перестройки и изменения: был заложен проход, а большая часть предметов эллинистического времени, к тому же разбитых, оказалась за пределами здания. Самые поздние находки относятся к первой половине – середине III в. н.э., что, впрочем, может быть пересмотрено. Определить точное время изготовления рельефа мы не беремся.

Позами и одеждой изображения почти идентичны широко распространенным с V в. до н.э. по всему северопричерноморскому региону протомам богинь, в которых обычно видят Деметру или Кору. Думается, и мы вправе остановиться на этом варианте. Гораздо сложнее обстоит дело с трактовкой детских фигур. Видимо, здесь необходим внимательный анализ и привлечение всех «действующих лиц» преданий и традиций, связанных с культами этих богинь[19]. Наиболее подходящие кандидатуры из этого круга, представляется, Триптолем (первый земледелец) и Плутос (бог богатства). Не касаясь особенностей их иконографии, отметим, что на некоторых совместных с Деметрой и Корой изображениях они предстают в юном возрасте[20]. Объединение культов Деметры, Коры, Триптолема и Плутоса как нельзя лучше соответствует идеям плодородия, земледелия и благополучия.

Если данное предположение верно, то несложно объяснить и все прочие объекты, предметы и саму сакральную направленность раскопанного комплекса. Все женские статуэтки – это характерные для позднеэллинистического и римского времени изображения Деметры, возможно, Афродиты и, по-видимому, синкретического женского божества плодородия и животворных сил природы, вобравшее в себя традиционные функции и атрибуты Деметры, Коры, Афродиты и Кибелы[21]. Их соответствующие мужские паредры в культе плодородия – Аттис, Геракл, конное божество – олицетворение бога Посейдона[22]. Не случайно вышеупомянутые статуэтки были найдены в отдельных комплексах попарно.

Терракоты с подвесными конечностями, конечно, являлись гротескными изображениями жрецов, участников таинств, мистерий, видимо, элевсинского круга[23]. С ними неразрывно связан и культ священного огня, что объясняет большое количество светильников и курильниц[24]. Последние, как лепные, так и гончарной выделки, вероятно, наряду с отсутствием следов долговременных сожжений (зольные холмы и т.п.) свидетельствуют о том, что здесь совершались бескровные жертвы и приношения (венки, плоды, цветы, злаки)[25]. Об этом же говорят находки монет и маленькие переносные алтарики, непригодные для иных целей. «Лари», возможно, служили для хранения каких-то, в том числе и пришедших в негодность, предметов культа (Paus.VI.9.3). Так, во флаконах и миниатюрных кувшинчиках, по всей видимости, содержались масло, благовония и вино, используемые во время совершения обрядов. Ими, в частности, могли периодически обмазывать статуэтки божеств[26]. Большая стеклянная чаша как нельзя лучше символизировала фиалу в руке Верховного женского божества. В несколько более раннее время этой же цели могли служить «мегарские» чаши. Фрагменты их, порой довольно крупные, как мы увидим ниже, встречаются на раскопанных

---

[19] *Nilsson M.P.* La religion populaire dans la Grèce antique. P., 1954. P. 63; *Mylonas G.* Eleusis and the Eleusinian Mysteries. Princeton, 1961. P. 127; *Mèautis G.* Les dieux de la Grèce et les mystères d'Eleusis. P., 1959. P. 67–74; *Séchan L., Lévêque P.* Les Grandes Divinitès de la Grèce. P., 1966. P. 135–166; *Bruneau Ph.* Recherches sur les cultes de Délos a l'epoque hellénistique et à l'epoque impériale. P., 1970. P. 269 et suiv.; *Burkert W.* Greek Religon. Archaic and Classical. Oxf., 1985. P. 159 f.

[20] *Paus.* VIII. 31.1; *Séchan, Lévêque.* Op. cit. P. 139–141. Pl. 12; P. 158. Fig. 9.

[21] *Кругликова И.Т.* О культе верховного женского божества на Боспоре в II–III вв. н.э. // КАМ. С. 110–115.

[22] *Séchan, Lévêque.* Op. cit. P. 105, 134–135, 382; *Burkert.* Op. cit. P. 159–161.

[23] *Новосадский Н.И.* Элевсинские мистерии. СПб., 1887. С. 57; *Milonas.* Op. cit. P. 261–262; *Сазанов А.В.* Происхождение одной группы боспорских ритуальных терракот // КСИА. 1985. № 182. С. 21.

[24] *Séchan, Lévêque.* Op. cit. P. 146–157; *Mylonas.* Op. cit. P. 40–45.

[25] *Paus.* V. 15.10; VIII. 42. 1–5.

[26] *Séchan, Lévêque.* Op. cit. P. 146, 155.

объектах во множестве. Начатки плодов уже в виде пищи[27] (каши?) приносились в соответствующей посуде, может быть кастрюлях, лепных горшках. Но все они были невелики по размерам.

Впрочем, вышеупомянутое назначение «ларей», вероятно, было не единственно возможным. Так, не просто объяснить явно не случайное обилие в одном из них морских раковин. Конечно, ими было удобно время от времени посыпать пол святилищ, что фиксируется почти повсеместно, но вряд ли здесь (как и в строении № 2 западного комплекса) мы имеем дело только с их запасом для этой цели. Напомним, что среди терракот, найденных в «ларях», есть изображение Афродиты, одним из атрибутов которой издавна считалась морская раковина. Правда, теоретически, ей бы скорее посвятили одну чем-либо примечательную раковину, а не просто массу, взятую с близлежащего пляжа. Хотя, впрочем, может быть, именно это обстоятельство призвано было символизировать изобилие, заменяя собой реальное зерно или дары моря.

Помимо обрядов в честь божеств плодородия и природы, здесь могли даваться предсказания, совершаться заклинания и т.п. Все эти функции в греческом святилище были тесно связаны. Павсаний упоминает в одном из таких святилищ жертвенники со стоявшими на них светильниками и курильницами, возле которых пришедшие за предсказаниями клали медные монеты[28]. Наконец, отметим отсутствие внутри помещений костей животных и птиц. Все вышесказанное, на наш взгляд, не оставляет сомнений в сакральном характере строения. В свою очередь это позволяет сделать такой же вывод и в отношении всех прочих, но хуже сохранившихся построек на плато.

Обратимся теперь к его архитектурной и планировочной специфике. Прежде всего довольно приличная сохранность делает возможным уверенно отнести данное здание к постройкам мегаронного типа. Эволюция греческого храма от микенских жилых мегаронов и священных домов как будто бы общепринятое мнение[29]. Мегаронная планировка святилищ и ранних храмов с соответствующим членением на пронаос и наос характерна и для архаического времени.

Их сходство с рассматриваемым зданием подчеркивается его ориентацией и расположением входа на востоке. Впрочем, последнее не было в храмовой архитектуре обязательным[30]. Та же планировка лежала в основе всех храмов «в антах», известных в городах Северного Причерноморья[31]. Перечень и анализ этих аналогий был бы весьма обширным, что, как нам кажется, и некорректно и нескромно, учитывая время и место раскопанных строений. Ведь в данном случае речь идет всего лишь о сельских святилищах, да еще и «на краю ойкумены». Вместе с тем необходимо отметить, что в первые века нашей эры и несколько ранее постройки мегаронного типа существовали и на крупнейших позднескифских городищах. При этом часть их носила сакральный характер[32].

Обращает на себя внимание расположение переносных и, по-видимому, стационарных алтарей внутри исследованных приазовских святилищ. Размещение алтарей в целле характерно для собственно греческой традиции архаического периода. Впоследствии они чаще находились перед храмом[33]. Наличие алтаря в храме указывало, хотя и с известными оговорками, что он служил для приношений хтоническим богам, в то время как дым от сожжений и соответственно

---

[27] *Mylonas*. Op. cit. P. 142; *Séchan, Lévêque*. Op. cit. P. 155–156; *Блаватская Т.В., Розов В.Н.* Граффити Зенонитов // Эпиграфические памятники древней Малой Азии и античного Северного и Западного Причерноморья как исторический и лингвистический источник. М., 1985. С. 129 сл.

[28] *Paus*. VII. 22.2.

[29] *Lawrence*. Greek Architecture... P. 115–122; *Пичикян*. Малая Азия... С. 29–52; *Блаватский*. Ук. соч. С. 50 сл.

[30] *Lawrence*. Op. cit. P. 115–120; *Burkert*. Op. cit. P. 31–33, 88–92; *Пичикян*. Ук. соч. С. 32–52.

[31] *Крыжицкий С.Д.* Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Киев, 1993. С. 66, рис. 37; 111 сл., рис. 75–76.

[32] *Высоцкая Т.Н.* Неаполь – столица государства поздних скифов. Киев, 1979. С. 60–71; *Пуздровский А.Е.* Мегароны позднескифского поселения у с. Доброе // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. Киев, 1988. С. 157–163; *Крыжицкий*. Архитектура... С. 225–227. Рис. 158; *Зайцев Ю.П.* Мегарони Неаполя скіфського // Археологія. 1995. № 1. С. 88–89.

[33] *Yavis*. Op. cit. P. 56; *Пичикян*. Малая Азия... С. 32–48, 50–55.

Рис. 13. Строение 2 «восточного комплекса». Вид на центральную часть с севера

алтари под открытым небом посвящались богам-олимпийцам[34]. Разумеется, при этой общей схеме случались и исключения. Данное обстоятельство только укрепляет нас в предложенной интерпретации этого и других объектов как святилищ, первоначально богинь Деметры и Коры с их паредрами, а на заключительном этапе – Верховного женского божества. Хтонизм в культах практически всех греческих божеств и героев – это общепризнанный факт[35]. Это особенно очевидно в отношении Деметры и Коры, учитывая их связь с обрядами, призванными обеспечить плодородие земли и природы.

Итак, постройка № 1 восточного комплекса являлась не только самой крупной, но и во многих отношениях характерной для всего памятника на вершине холма. Основные ее черты и особенности присущи и другим открытым здесь строениям, хотя полного сходства мы не наблюдаем. Постройка № 2 располагалась южнее, и культурный слой тут заметно тоньше. Наибольшее количество камней и находок происходит с пространства непосредственно к северу от северной стены строения. Мощность каменного завала достигает здесь толщины 0,3 м и ширины до 1,5 м. За его пределами, между постройками № 1 и 2, прослежены остатки вымостки и какой-то неширокой каменной кладки, возможно, от стены или загородки, окружавшей вышеописанное здание в позднейший период его существования. Это подтверждают стратиграфические наблюдения и анализ некоторых находок, например, фрагменты керамики, терракот, «мегарских чаш». Хронологический рубеж приходится скорее всего на вторую половину или даже конец I в. до н.э.

Сохранность здания № 2 в целом можно считать удовлетворительной, хотя восточная его часть была разрушена полностью еще в древности (рис. 2, 13). Прямоугольное в плане, оно было ориентировано продольными стенами на оси восток–запад. Существующие размеры 6,6 × 5,6 м. Кладка стен, как внешних, так и внутренних, поперечных, а равно и материал, из которого они сложены, идентичны постройке № 1. Фасы стен, за исключением северной, достаточно ровные и вертикальные. Эта последняя в верхних рядах кладки сильно сдвинута по центру к северу, образуя нечто вроде «козырька». Учитывая упомянутый завал камней, такое смещение можно объяснить лишь общей деформацией стены с северным фактором. Одной из

[34] *Yavis*. Op. cit. P. 56–57; *Roux G.* L'autel dans le temple // L'especе sacrificielle... P. 297–299; *Burkert*. Op. cit. P. 189–200.

[35] *Burkert*. Op. cit. P. 189f. В известной мере это подтверждается и находками терракотовых статуэток в могилах. В частности, две из них – богиня на троне и протома Аттиса (?) – были обнаружены в одном из погребений близлежащего некрополя Салачик II. Обе – аналогичны найденным в святилище.

причин этого могло быть землетрясение, случившееся еще в древности. Ширина стен в среднем 0,7–0,8 м, сохранившаяся высота 0,35–0,6 м.

Вдоль внутренних фасов южной и северной стен здания имелись уже знакомые нам пристенки шириной 0,4–0,5 м и высотой 0,36–0,4 м, несколько отличавшиеся по длине. Как и в здании № 1, верхние ряды кладки там, где не сохранились, состояли из плоских камней. Остатки одной из внутренних стен (восточной) ограничивали лишь часть всей постройки, являясь границей двух основных помещений. В ней имелся проход шириной не менее 1 м, оформленный порожными плитами. Однако сохранность этого участка намного хуже, чем в постройке № 1.

О точных размерах восточного помещения и внешнего входа в здание мы, к сожалению, ничего не знаем. Но их существование несомненно. Возможно, оно здесь совершалось антами. Вторая внутренняя стена уцелела хорошо и проходила параллельно западной внешней стене строения всего в 1,1 м от нее образуя еще одно помещение. Возможно, в южной части этой стены существовал неширокий проход. Итак, постройка состояла из трех помещений (пронаос, наос, опистодом-адитон?) площадью соответственно около 7; 18,2 и 3,9 кв.м.

Заполнение всех помещений в верхнем горизонте однородно: гумус, плотный завал камней в сером и серо-коричневом суглинке общей глубиной до 0,33 м. Находок мало, отметим лишь фрагмент горла амфоры светло-оранжевой глины с профилированной ручкой, явно позднеантичного, если не раннесредневекового времени, несколько обломков лепных сосудов, красноглиняного кувшина, венчик сероглиняной «мегарской» чаши и мелкие невыразительные кусочки терракот, в том числе фрагмент грубого изображения животного (быка?). В этом же слое, над западным помещением, упомянем еще один обломок терракоты – головы лошади от статуэтки всадника. Здесь же, ниже, в слое серого суглинка с камнями, среди незначительного числа маленьких обломков посуды встречен довольно большой лепной светильник (курильница?) на высокой, круглой в сечении ножке. Далее прослежен более плотный, темно-серый грунт без находок (погребенная почва). Следов пола не выявлено.

При расчистке завала камней в главном помещении установлено, что часть их непосредственно к югу от северной стены лежала на ребре. Среди них выделялась массивная плита из светло-серого с фисташковым оттенком местного известняка размером 1,3 × 0,9 м и толщиной 0,16 м. Она упала плашмя на край пристенка и раскололась на три части. К ней снизу первоначально примыкали еще два обломка общим размером 0,5 × 0,9 × 0,16 м. Таким образом, это была довольно высокая стела (1,8 м). Общий вектор падения ее обломков – северо-запад. Не исключено, что первоначально в верхней ее части существовало какое-то изображение, выполненное в невысоком рельефе и обрамленное рамкой шириной 5–6 см. Позднее оно было преднамеренно сбито и выскоблено, причем удалось уловить ширину рабочей части использованного для этого инструмента: 4 см. Контуры же рамки местами уцелели. Изначально стела могла стоять приблизительно в центре западной части данного помещения.

Под вышеупомянутым завалом камней находился слой (0,1–0,22 м) серо-коричневого, светлого, довольно рыхлого суглинка, в котором найдено несколько невыразительных обломков амфор, лепных горшков, сероглиняных чашек и открытого сосуда, украшенного по поверхности рельефными «чешуйками», маленький кусочек сероглиняной «мегарской» чаши, мелкие фрагменты терракотовых статуэток и редкие кости животных – кости и зубы мелкого и крупного рогатого скота. Еще ниже шел слой более плотного светло-коричневого суглинка с включением, хотя и неравномерно в пределах площади помещения, большого числа измельченных морских раковин и песка. Возможно, что это была подсыпка пола. При зачистке на этом уровне найдены отдельные стенки розовоглинятой амфоры и обломки красно- и коричневоглиняных кувшинов, венчики и стенки лепных горшов, чашек и тарелок, несколько фрагментов краснолаковых чашек, ножка рюмкообразного лепного светильника, обломки серо- и оранжевоглиняных «мегарских» чаш, часть дна краснолаковой тарелки с остатками граффито, венчик сосуда с «чешуйчатой» поверхностью, большой обломок лепной, сероглиняной курильницы с конусовидным вместилищем и несколько невыразительных терракотовых статуэток. В районе предполагаемого порога и входа в помещение, на полу, обнаружен

закрытый светильник из светло-оранжевой глины, датируемый обычно первой половиной III в. до н.э.[36]

В углу пристенка и поперечной стены с порогом (северо-восточный угол помещения), по-видимому, имелся небольшой каменный ларь, от которого сохранилось три плоских камня. Первоначальные его размеры 0,45 × 0,5 м при высоте 0,33 м. Он был перекрыт одной плитой и заполнен до самого верха рыхлым и влажным коричневатым суглинком, в котором встречены лишь отдельные раковины «гребешка» и фрагмент большой лепной миски. Ряд плоских камней зачищен на уровне пола в юго-западной части центрального помещения. А в северо-западной – группа больших камней, поставленных вертикально. Среди них один довольно высокий (0,8–0,9 м) и почти квадратной формы. Конструктивно это скопление пока не нашло объяснения («алтарь» или часть «трона»?). В центре помещения находился квадратный алтарь, вернее невысокая – 0,14–0,15 м, сложенная из средних и мелких необработанных камней квадратная в плане площадка, может быть, основание алтаря. Вблизи обнаружено несколько косточек молодой овцы, но следов огня не выявлено.

Раскопками в районе восточного помещения не было обнаружено остатков пола и даже ям выборки на месте продолжения внешних продольных стен здания. Но при этом были сделаны некоторые находки, в частности: большой фрагмент краснолаковой чашки с плохо сохранившимся клеймом в виде ступни на дне, обломки лепной и гончарной посуды, несколько кусочков терракотовых статуэток (часть протомы женского божества, женской фигуры в задрапированных одеждах, подвесных масок мужских и женских божеств, нижняя часть фигурки всадника с изображением бегущих под ногами коня, собаки и зайца).

Итак, за редким исключением, все находки из здания № 2 относятся к позднеэллинистическому времени или первым векам нашей эры. Не исключено, что оно также сильно пострадало на рубеже нашей эры. Не вполне ясно, использовалось ли оно по своему прямому назначению впоследствии, но следы явных разрушений здесь отчетливее, причем они носили, быть может, даже преднамеренный характер. Планировка и весь «интерьер» не оставляют сомнений, что перед нами святилище, здание мегаронного типа, может быть, в антах. Со зданием № 1 у него много общих черт, но есть и особенности. Обращает на себя внимание странная каменная конструкция в северо-западной части центрального помещения. Невольно в памяти возникают аналогии из текста Павсания, где говорится о поклонении греков (правда, в наиболее глухих, сельских районах) святыням в виде простых камней, стел и менгиров[37].

Набор терракот и прочих культовых предметов здесь ограничен, что весьма затрудняет конкретную сакральную идентификацию святилища. Ясно лишь, что тут поклонялись каким-то женским божествам, скорее всего Деметре и Коре и их мужским паредрам. По-видимому, вновь мы имеем дело с их почитанием в хтонической сущности.

Следующие постройки этого комплекса раскопаны к северу от первого здания. Они, как уже говорилось, расположены в ряд, соблюдая ту же ориентацию стен, но сохранились заметно хуже вышеописанных (рис. 2–3). Мощность культурного слоя здесь небольшая. Постройка № 3 открыта в 3,5 м от первой и состояла, видимо, из двух разновременных помещений (условно № 1 и 2). Примыкая друг к другу, они ориентированы в продольном направлении по оси: север–юг. Сказать уверенно, какое из них построено раньше, исходя из датировок находок, нельзя. Но облик строительных остатков, характер сочленения стен и некоторые другие детали заставляют склониться к мнению, что северное строение появилось раньше и отчасти было перекрыто южным. Оно уцелело лучше. Это почти квадратная в плане постройка с заложенными камнями проходом шириной 0,86 м.

Площадь помещения 9,8 кв.м. Пол относительно ровный, состоял из слоя плотного желтовато-коричневого суглинка и плоских выходов материковой скалы на глубине 0,52–0,84 м. Вдоль северной и южной стен имелись уже знакомые нам пристенки, сложенные из небольших камней, но внешние камни были покрупнее и поставлены на ребро. Ширина пристенков 0,34–0,4 м, высота 0,26–0,32 м, длина 3,14 и 2,4 м. Несколько камней у южного участка восточной стены позволяют предположить существование и здесь короткого

---

[36] *Арсеньева*. Ук. соч. С. 43–46. Табл. XIX–XXIII.

[37] *Paus*. VII. 22.3.

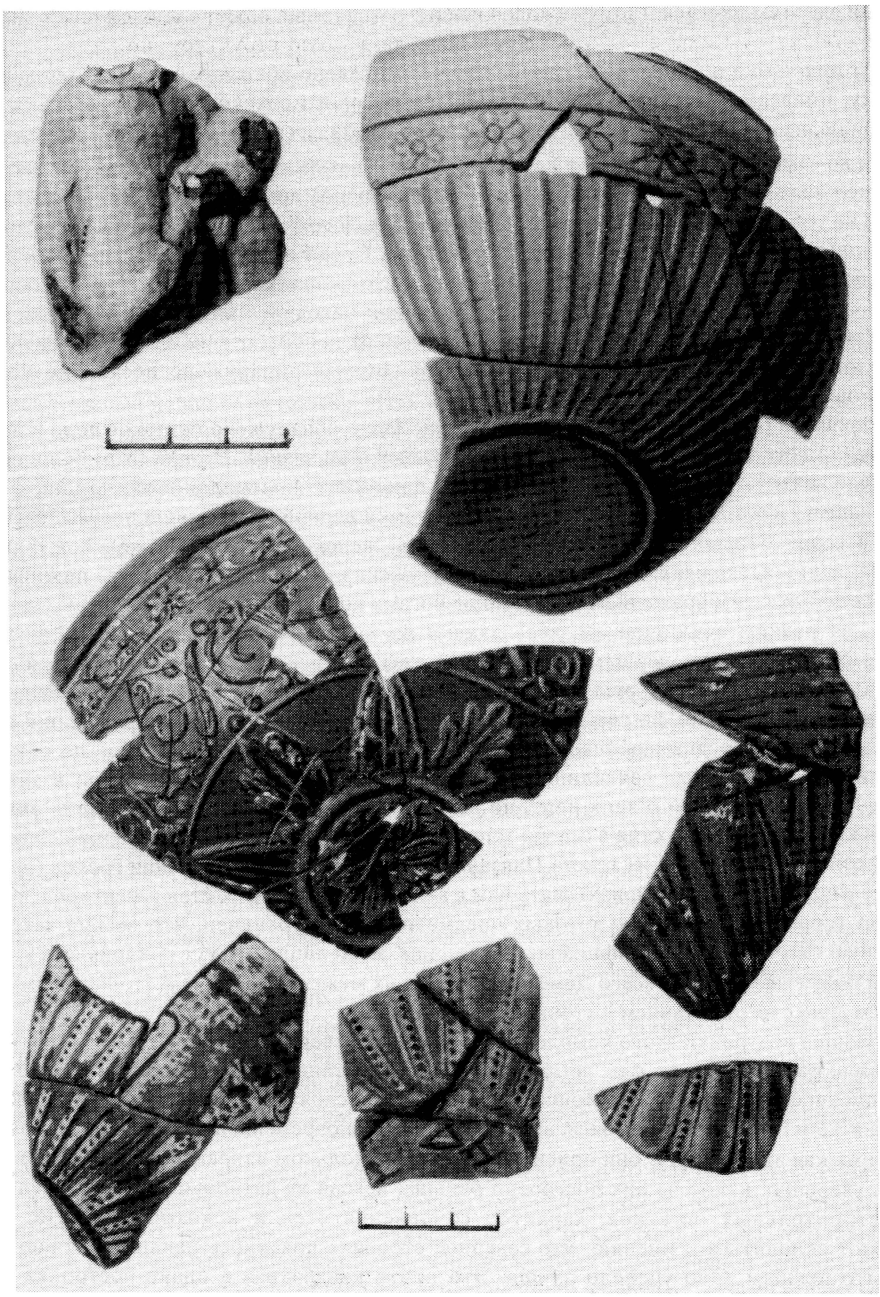


Рис. 14, 1–7. Фрагменты терракот и «мегарских» чаш из слоя у строения 3 «восточного комплекса»

пристенка. В юго-западном углу помещения было отгороженное поставленной на ребро плитой пространство (0,38 × 1,05 м), заполненное серым рыхлым суглинком без находок («ларь»?). Рядом с ним, у западной стены, стояло на ребре еще несколько плоских камней (крышка «ларя»?). Помещение было заполнено серым, серо-коричневым, умеренно рыхлым суглинком с довольно значительным количеством камней, особенно в верхнем горизонте слоя, и фрагментами керамики.

Датировка этих находок – вторая половина III–II в. до н.э., может быть даже I в. до н.э.[38] Непосредственно снаружи стен грунт имел несколько иную структуру, но также содержал камни, фрагменты керамики и терракот. Особенно много их найдено к востоку и северо-востоку от постройки. Отметим донце чернолаковой чашки, несколько фрагментов серо- и красноглиняных «мегарских» чаш хорошего качества второй половины III–начала I в. до н.э.[39] (рис. 14). Среди обломков терракот выделяется торс женской обнаженной фигуры. Вся сероглиняная лепная посуда представлена обломками горшков, в том числе с ручками.

Таким образом, если время бытования данного помещения определяется достаточно уверенно, то «культовые персоналии» его пока не ясны. Вероятно, это также женское божество плодородия.

Кладка стен северного помещения выглядит менее основательно. Западная и восточная стены примыкали к северной стене помещения № 1, но не впритык к соответствующим углам, а немного отступя «внутрь». По-видимому, в восточной стене имелся проход шириной 0,9 м. Южная торцовая часть его, как и подобает, была оформлена более или менее крупным блоком. Бросается в глаза неодинаковая ширина стен и разница в типе кладки. Создается впечатление, что южная стена строения была разрушена при сооружении вышеописанного помещения № 1. И площадь образовавшегося пространства (помещение № 2), составляя всего 5,58 км.м, первоначально была на четверть больше. Заполнение северного помещения – это светло-серо-коричневый умеренно рыхлый, сухой суглинок с камнями в верхнем горизонте. Его сменяет коричневый суглинок. Пол не «читается». Находок в заполнении мало: мелкие аморфные стенки, обломки красноглиняных кувшинов, лепных сероглиняных горшков и мисок, маленькие фрагменты каких-то терракотовых статуэток, красно-коричневоглиняных «мегарских» чаш[40] и уже упоминавшегося кубка с рельефными насечками.

В культурном слое вокруг помещения № 2 также обнаружено несколько аморфных стенок, стенка пифоса, обломки лепных горшков, отдельные маленькие фрагменты простой красноглиняной посуды и терракот. В совокупности с найденными внутри помещения они позволяют датировать его в пределах того же времени, что и помещение № 1. Но оно было построено немного раньше, хотя в какой-то период, возможно, оба помещения сосуществовали.

Следующее к северу строение № 4 дошло до нас в еще худшей сохранности (рис. 2–3). Выявленные стены были ориентированы так же, как и у других строений. Восстановить его первоначальную планировку мы не беремся, поскольку стены так сильно различаются между собой, что вообще не известно, одновременны ли они и объединены ли общим замыслом. Вот почему само название – «строение № 4» в известной мере условно. Если брать за основу стены 1–4, то размеры этой постройки, отстоявшей от предыдущей всего на 0,8–1,2 м, составляли 4,6 × 5,2 м или немного более. Внутренняя площадь этой довольно странной постройки составляла по крайней мере 3,6 × 3 м. Вся она почти до материка была заполнена серо-коричневым сухим суглинком с мелкими камнями и невыразительными керамическими обломками. Упомянем медную боспорскую монету 321 г. н.э., несколько фрагментов терракот, в том числе маленькую головку в остроконечной шапочке (Аттис?), более десятка обломков красно-буролаковых и «мегарских» чаш (в том числе сероглиняной с остатками клейма), стенки и венчики лепных сероглиняных горшков и мисок, стенку розовоглиняного пифоса, ручку синопской амфоры и стенки амфор различных центров, стенку большого открытого сосуда с остатками плохого черного лака (кратер?) и стенку чернолакового кубка с остатками растительного орнамента, выполненного резцом. Грунт вокруг постройки ничем не отличался от вышеописанного и почти не содержал находок. Отметим лишь ножку синопской амфоры, стенку «мегарской» чаши и часть терракотовой статуэтки всадника на спокойно стоящем коне. Аналогии ей датируются второй половиной III в. до н.э.[41] (Аттис на коне?).

---

[38] *Забелина В.С.* Эллинистическая импортная керамика из Пантикапея // СГМИИ. 1984. VII. С. 136. Табл. 1, 2; *она же.* Импортные «мегарские» чаши из Пантикапея // СГМИИ. 1984. VII. С. 155–158. Рис. 2.

[39] *Забелина.* Импортные «мегарские» чаши... С. 154–170. Рис. 3, *г*; 5, *д*; 7, 11; *Rotroff.* Op. cit. P. 37.

[40] *Забелина.* Импортные «мегарские» чаши... С. 154–156. Рис. 1, *а*; 2; С. 160–161. Рис. 7, *а*; *Rotroff.* Op. cit. P. 37–39.

[41] *Денисова.* Ук. соч. Табл. XII, *ж*.

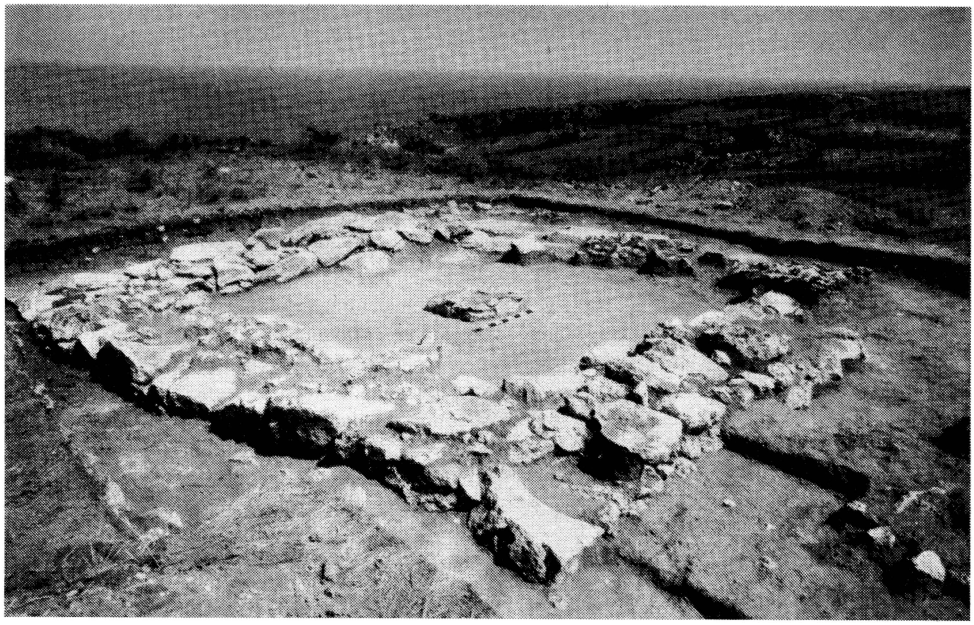


Рис. 15. Строение 5 «восточного комплекса». Вид с юго-востока

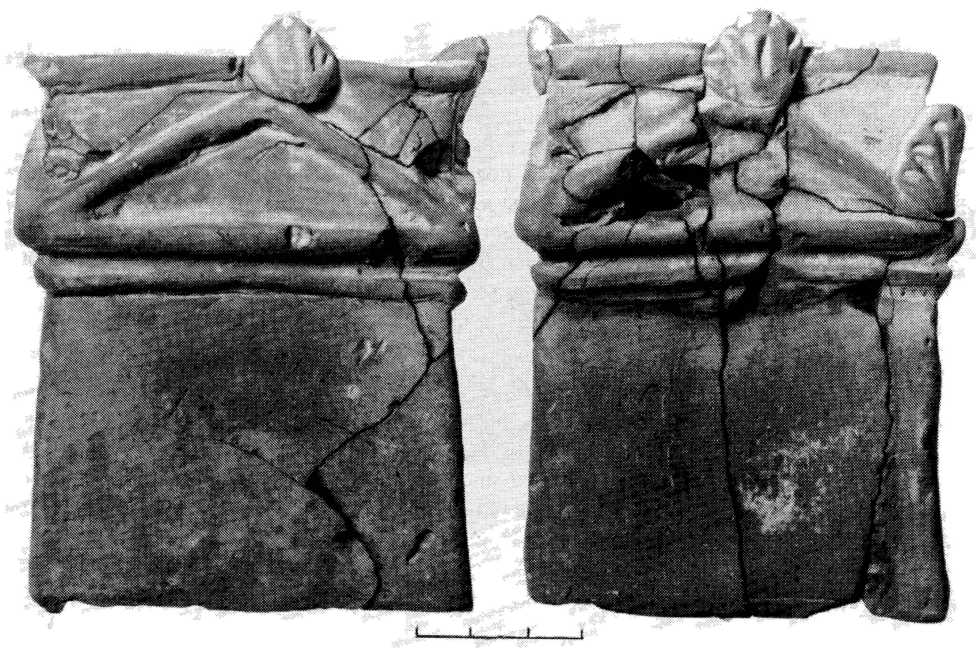


Рис. 16, 1–2. Терракотовая модель храма (?) из строения 5

Итак, если в отношении планировки и функционального назначения постройки № 4 возможны сомнения, то датировка ее вполне определенна – это вторая половина III–I в. до н.э. Монета IV в. н.э. явно случайна и происходит к тому же из слоя гумуса.

Значительно лучше сохранились остатки самого северного строения восточного комплекса. Постройка № 5, по-видимому, прямоугольная в плане, также была ориентирована по сторонам

света (рис. 15). Восточная часть здания полностью разрушена, но несомненно, что вход в него был с этой стороны. Размеры его не менее 6,5 × 6,4 м. Стены двухрядные, трехслойные, иррегулярные из средних и мелких камней на растворе глины схожи между собой по размерам и основным параметрам кладки. Основания их покоились на материковой скале. Фасы ровные, щели между камнями частично заделаны глиной. Сохранившаяся длина южной стены 4,1 м при ширине 0,65–0,7 м и высоте 0,2–0,64 м. Довольно толстые затеки желтовато-коричневого сырца на ряде участков ее поверхности, возможно, свидетельствуют, что верх этой и других стен возводился из сырцовых кирпичей. Внутри к ней примыкал пристенок шириной 0,4–0,44 м и высотой 0,3 м во всю длину стены. Примечательно, что следы сырца над камнями пристенка также зафиксированы. Западная стена длиной 6,9 м, шириной 0,76–0,8 м и высотой 0,28–0,36 м снабжена нешироким пристенком. Северная стена уцелела на 4–4,2 м в длину при высоте 0,28–0,48 м, но толщина ее около 1 м.

Мощность культурного слоя в районе постройки не превышала 0,45 м. Пол – относительно ровный, его подстилал плотный (толщиной до 0,05–0,07 м) слой мелких морских раковин, песка и серо-коричневого суглинка, а также желтоватой глины над предскальным щебнем. В восточной несохранившейся части строения он переходит в несколько повышающийся горизонтальный выход материковой скалы.

В центре внутреннего пространства площадью примерно 20,5 кв.м находился квадратный в плане алтарь (?). Это возвышение, довольно аккуратно сложенное из средних и мелких камней на глине, имело размеры 0,64 × 0,74 м при высоте 0,15–0,18 м и ориентировано по сторонам света. У стены 2 (западной), приблизительно по центру, имелось скопление камней, вероятно, от разрушенного «ларя». Грунт здесь в большей степени насыщен раковинами морского гребешка и песком. Заполнение помещения – относительно однородный, сухой, умеренно плотный суглинок с камнями, более многочисленными в восточной части. Ближе к полу грунт становится золистее, и более рыхлым. За исключением небольшого числа мелких аморфных стенок находок в этом слое почти нет. Зато непосредственно у пола их число резко возрастает. Помимо стенок амфор, в том числе светлоглиняных с двухствольными ручками, обломков простой красноглиняной посуды (кувшины) и лепных горшков много фрагментов «мегарских» чаш, среди которых попадаются и сероглиняные местного, боспорского производства. Отмечены также фрагметы тонкостенных буролаковых кубков и терракотовых алтариков. Особо упомянем маленькую терракотовую головку в остроконечном уборе, терракотовую модель храмика со следами раскраски (алтарик?) (рис. 16, *1–2*). Прямых аналогий ему нам найти не удалось, но, по-видимому, это изделие близко к миниатюрным алтарям с рельефными украшениями из эллинистических слоев и комплексов ряда центров[42].

Рядом найдена терракотовая статуэтка воина с "кельтским" щитом (утрачена голова), обычно датируемая II–I веками до н.э.[43] (рис. 17). Обе статуэтки обнаружены возле алтаря, на котором, вероятно, и стояли. Культурный слой вне здания очень тонок (0,15–0,25 м) и практически лишен находок.

Относительно последней постройки можно предположить, что это было святилище, посвященное скорее всего хтоническому культу какого-то мужского божества[44], связанного в пределах данного комплекса с определенным женским началом. Этот «союз» в целом был характерен для всего памятника. При этом конкретные иконографические особенности культовых мужских (Аттис, Мен, Геракл, всадник, воин), а в какой-то степени, особенно в поздний период, и женских статуэток, возможно, не имели большого значения.

Подведем некоторые предварительные итоги. Во-первых, раскопанный комплекс не являлся совокупностью жилых и хозяйственных строений. Специфика находок и его планировки как будто бы не оставляют сомнений в его сакральном назначении. Вместе с тем мы сознательно избегали определения «храм», ограничившись термином «святилище», или лучше «священное

---

[42] Терракоты Северного Причерноморья // САИ. 1970. Табл. XIII, *4–4а*; XXI; *Денисова*. Ук. соч. Табл. XV, *д, е*; *Finogenova S.* Les petite autels en terre coite de la Mer Noir // L'espace sacrificiel... P. 141–145.

[43] *Денисова В.И.* Позднеэллинистические боспорские терракоты, изображающие воинов // КАМ. С. 205–213; *Кобылина*. Терракотовые статуэтки... Табл. XXI, *2–3*.

[44] *Денисова*. Позднеэллинистические боспорские терракоты... С. 205–213.

Рис. 17. Терракотовая статуэтка воина из строения 5

пространство»[45], как более широким и соответствующим объектам на сельской территории, к тому же столь удаленной от античных центров.

Очевидно, все рассмотренные постройки появились практически одновременно не ранее второй половины III в. до н.э., хотя этот вопрос менее ясен в отношении восточного комплекса. До второй половины или конца I в. до н.э. либо даже до рубежа эр (?) здесь отправлялись культы женских божеств плодородия и живородящих сил природы, прежде всего Деметры и Коры, и их мужских паредров. Не исключено, что первый период их истории завершился внезапной катастрофой, после которой часть строений уже не восстанавливалась и даже не разбиралась в поисках предметов культа и иных пригодных вещей. Впрочем, последнее не более чем догадка. В уцелевших или восстановленных зданиях были произведены незначительные перестройки, удален мусор и убраны пришедшие в негодность вещи. Их функции и религиозная направленность принципиально не изменились, но определенные синкретические явления, видимо, усилились. К концу второго периода, около середины III в. н.э., можно, по-видимому, говорить о почитании здесь культа Верховного женского божества.

Отдельные находки говорят, что это место продолжало посещаться и в IV в. н.э., а может быть и позднее. Наше представление о прекращении функционирования этого сельского теменоса противоречиво. С одной стороны, налицо явные разрушения и даже преднамеренное уничтожение рельефа (строение № 2, восточный комплекс). С другой стороны, прекрасная сохранность находок на соседнем объекте (постройка № 1). Да и сама дата – середина III в. н.э. – в достаточной мере условна. Ведь мы исходили из господствующих датировок ряда терракотовых статуэток и в меньшей степени – прочей керамики. Между тем многие типы посуды, зафиксированные здесь при раскопках (особенно лепной), встречаются на соседних поселениях, где хорошо документированы слои и комплексы III–начала VI в. н.э.[46] В частности, это касается и близлежащего городища Генеральское Восточное. Тогда встает вопрос: следует ли связывать быстрое и повсеместное затухание античной религиозной традиции на Боспоре с катастрофой, наступившей в результате готских походов (50–70-е годы III в. н.э.) или это происходило позднее и постепенно, по мере христианизации местного, в том числе сельского, населения? И не сопровождалось ли последнее борьбой и сопротивлением в той или иной форме? Ответить на эти вопросы мы не готовы, как, впрочем, и на целый ряд других. Например, почему были заложены проходы, как минимум, в двух зданиях, ведь это бессмысленно, если святилищами пользовались, и еще более нелепо, если они были уже заброшены. Может быть, их периодически разбирали во время празднеств? Если наше предположение о том, что в течение по крайней мере первого периода своей истории все эти постройки являлись святилищами Деметры и Коры, то непонятно, почему нельзя было ограничиться одним, может быть, более монументальным зданием? Отсюда напрашивается

[45] *Etienne*. Op. cit. P. 7–10.

[46] *Масленников А.А.* Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1993. С. 16.

следующая гипотеза: перед нами культовый центр нескольких сельских общин одного региона – района Меотийского побережья. Имеющиеся в нашем распоряжении археологические данные, прежде всего о наличии по соседству синхронных поселений, не противоречат этому. Однако в первых веках нашей эры ситуация не только не изменилась, но стала еще более наглядной, а число сакральных объектов на вершине сократилось. Можно было бы отметить и другие вопросы и противоречия, ответы на которые отсутствуют, а если и даются, то будут неубедительны.

Очевидно одно – перед нами достаточно новый для Боспора археологический памятник, который можно отнести к группе хорошо известных в Средиземноморье еще с крито-микенской эпохи так называемых святилищ на вершинах[47]. О них, в том числе посвященных богиням Деметре и Коре, неоднократно упоминает тот же Павсаний. Помимо чисто религиозных эти сельские святилища выполняли и иные функции, являясь центрами или пограничными пунктами отдельных общин либо их групп[48]. Рассуждения по данной тематике применительно к сельской территории Боспора, а равно и к вышерассмотренному объекту, можно было бы продолжить, но исходя из того, что наше личное мнение гораздо менее интересует возможного читателя, нежели фактический материал, считаем за лучшее ограничиться уже высказанными соображениями.

В заключение несколько слов в защиту выбранной терминологии. Действительно, под теменосом принято понимать специально огороженное священное пространство, где находились святилища, храмы и алтари[49]. Насколько же правомерно употребление этого слова в данном случае? Думается, для этого есть основания. В ранний период существования святилищ на вершине этой одной из наиболее примечательных возвышенностей побережья такой границей вполне могли быть крутые склоны плато. Позднее там существовала даже специальная ограда-стена вокруг уцелевшего здания.

A RURAL TEMENOS? IN THE EASTERN CRIMEA
(*PRELIMINARY INFORMATION*)

A.A. Maslennikov

The article is devoted to the results of the excavations of the cult complex on the Azov coast of the Kerch peninsula. Here, on a flat summit of one of the heights, not far from a number of settlements and tumuli of the Hellenistic and Roman times, a few non-residential and non-economic structures have been discovered.

The majority of them are represented by more or less-preserved remains of rectangular, relatively small structures oriented with the longitudinal wall to EW. The entrance to the structures was from the East. Some of them were divided by wall partitions, into two uneven parts. Distinctive features of the interior of all the buildings were bench-steps along the walls, square and rectangular enclosed granaries and round or square stone constructions in the centre of bigger rooms.

---

[47] *Langdon M.* A Sanctuary of Zeus on Mt. Hymettos. Princeton, 1976 (Hisperia. Suppl. V. 16); *Pernie L.* New Element for the study of the Archaic Temple of Primas // AJA. 1934. 38. P. 170–180; *Martienssen R.* The Idea of Space in Greek Architecture. Johanesburg, 1956; *Scully V.* The Earth, the Temple and the Gods. Greek sacred, Architecture. New Haven, 1979; *Rutkowski B.* Les sanctuaires crétoirs et les «Brandopferplätze» de l'arc Alpin // Les sanctuaires celtiques et leurs rapport avec le Monde mediterraneen (Actes du colloque...). Archéologie aujourdui. Dossiers de protohistoire. P., 1991. № 3. P. 185–188.

[48] *Polignac F.* Couvergence et compétition: aux origines des sanctuaires de souverainite territoriale dans le Monde Grec // Les sanctuaires celtique... P. 97–103.

[49] *Bergquist B.* The Archaic Greek Temenos. Gleerup. L., 1967. P. 5; *Etienne.* Op. cit. P. 7–10.

Everywhere one can see fragments and whole terracotta figurines representing mainly female and, less often, male deities, fragments of votive tin-walled utensils, «Megarian bowls». Several coins of the 2nd c.B.C.–1st c.A.D., fragments of glass vessels and pot-sherds have been found. Particularly noteworthy is the limestone votive relief representing two female and two children's half-figures in characteristic attitudes.

The dating of the complex is the 3rd c.B.C.–3rd c.A.D. But two periods in the history of its existence can be singled out, the borderline being probably a destructive earthquake of the mid 1st c.B.C.

On the whole this unique complex may be interpreted as «a sanctuary on the summit», a kind of a rural temenos of a specific part of the Bosporan chora. It is for the first time that such a monument has been discovered and studied.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

© 1997 г.

R.H. SACK. Cuneiform Documents from the Chaldean and Persian Periods. London – Toronto: Associated University Presses, 1994. X. 129 p., 64 pl.; Neriglissar-King of Babylon. Neukirhen – Vluyn: Verlag Butzon-Bercker (Alter Orient und Altes Testament. Bd 236), 1994. XIII. 241 p. 28 pl.

В первой из рецензируемых книг известного американского ассириолога Роналда Зака опубликованы 113 клинописных документа халдейского и ахеменидского времени, которые составляют часть коллекции Музея мирового наследия (World Heritage Museum) при Иллинойском университете. В этой коллекции насчитывается 1700 клинописных табличек, 250 из которых относятся к VII–IV векам до н.э., хотя только 122 из них датируются более или менее точно. Эта коллекция была куплена в 1913 г. у специалиста по библейской археологии и коллекционера Эдгара Бакса. Тексты эти в своем большинстве сохранились довольно плохо, так как они происходят из нелегальных раскопок, и, следовательно, с ними обращались небрежно.

Опубликованные документы происходят из архива Эанны, главного храма города Урука. В хронологическом отношении они датируются временем от первого года Набополасара до шестого года Камбиза (604–524 гг. до н.э.). Документы отражают различные аспекты храмовой экономики и содержат информацию о повседневной жизни, будучи долговыми расписками, арендными контрактами, повестками в суд, текстами о выделении овец и крупного рогатого скота для жертвоприношений и о пайках для храмовых рабов и выплатах чиновникам и свободным ремесленникам, работавшим на Эанну. Документы даны в транслитерации, переводе и в фотографиях, но без клинописной автографии, что в ряде случаев создает трудности в их чтении, так как фотографии не всегда отчетливо воспроизводят вавилонскую скоропись. Книга содержит также каталоги текстов, указатели собственных имен, географических названий и профессиональных обозначений.

Книга открывается обстоятельным введением, в котором рассматриваются состав правления Эанны и функции высших храмовых чиновников. Самый высокопоставленный гражданский чиновник Урука носил титул šākin ṭēmi. Зак сомневается в правильности перевода рецензентом этого титула как «наместник» и считает, что он скорее был должностным лицом, распоряжавшимся деньгами («comptroller», см. с. 27, прим. 7). Однако, как мне представляется, высший гражданский чиновник, назначенный царем в Урук или в другие города, мог быть только наместником. По мнению Зака, деятельность управляющего (šatammu) Эанной в основном ограничивалась внутренними делами храма, в то время как «попечитель» (qīpu) часто находился вне Урука, выполняя различные поручения храмовой администрации. Один из попечителей Эанны (Син-иддин) владел домом в Вавилоне, который он время от времени сдавал в аренду, выговаривая при этом для себя право останавливаться там, когда он находился в столице. Вероятно, как полагает Зак, он был жителем Вавилона, которого царь направил на службу в Урук. Данная в книге хронологическая таблица чиновников Урука и Эанны с указаниями их имен и ссылками на документы (с. 30–41) является ценным и удобным источником для дальнейшего исследования административной структуры нововавилонских городов и их храмов.

Зак считает, что титул «писец (DUB.SAR) Эанны» следует переводить «счетовод Эанны», поскольку, по его мнению, писцы не составляли документы и упоминаются в последних лишь в связи с получением храмом различных доходов (например арендной платы с полей, см. с. 19). Это не совсем верно. Хотя храмовые писцы, прежде всего, выполняли функции учетчиков храмового имущества, тем не менее все дошедшие до нас документы из архивов Эанны были несомненно составлены писцами этого святилища.

До сих пор ассириологи полагали, что значительное вмешательство царской власти в храмовые дела началось лишь в конце правления последнего вавилонского царя местного происхождения Набонида и затем продолжалось и после завоевания Месопотамии персами в 539 г. до н.э. Считается также, что для осуществления контроля над храмом Эанна Набонид назначил туда чиновника, который носил титул ša rēš šarri bēl piqitti («представитель царя, распорядитель имуществом»). Зак считает, что это мнение следует полностью пересмотреть, поскольку, по его мнению, контроль дворца над храмами был значительным в течение всего нововавилонского периода. При этом он ссылается на текст, опубликованный А. Гетце в «Yale Oriental Series» (том 15, № 10), где указанный выше титул засвидетельствован в Эанне еще при Навуходоносоре II (с. 19–20). Это издание мне пока недоступно, однако единичное упоминание данного титула вряд ли может поколебать вывод, основанный на многих сотнях текстов из архивов Эанны и других храмов. Этот вывод заключается в том, что до времени Набонида государство вмешивалось в экономическую жизнь храмов лишь в слабой степени.

Остановимся кратко на некоторых текстах. Судя по № 2 (583 г.), 23 мины 30 сиклей бронзы стоили 6 мин 40 сиклей железа. Согласно № 15, три дубленые шкуры стоили 3 $^3/_4$ сикля серебра. По свидетельству № 6, меч с изображением льва был передан для ремонта двум мастерам золотых дел. В № 77 отмечается, что два поименно названных человека привели своего отца в собрание граждан Урука и обратились к ним с просьбой установить, что он по своему статусу был свободным человеком. № 83 является долговой распиской на 9 талантов (270 кг) шерсти. Кредитором являлось частное лицо, а должником – храм Эанна, чиновники которого поручились друг за друга в погашении ссуды.

Ряд текстов, как мне представляется, переведен неточно. Например, в № 23 говорится о получении одним храмовым пастухом пяти овец (а не «пятилетних овец»), которые стоили 5 сиклей серебра. В № 39 отмечается выдача 30 овец для «жертвоприношений старших пастухов» (naqīdu), а не «садовников». В переводе № 71 опущена часть важной информации. Текст фиксирует выплату 2 кур (360 литров) ячменя в качестве продовольствия кирпичникам, которые были наемниками, а не просто кирпичниками. Перевод № 111 явно неверен. В документе говорится о выдаче 18 литров (учитывая, что 1 ка приблизительно равнялся 1 л) пива «работникам, которые посланы за финиками» (ср. перевод издателя: «за финики, которые доставлены и вручены»).

Вторая из рецензируемых книг посвящена вавилонскому царю Нериглиссару (Нергал-шар-упур, 560–556 гг. до н.э.). Во вводных главах (с. 1–47) автор рассматривает клинописные источники (надписи самого Нериглиссара и сообщения вавилонской хроники), а также греческие, латинские и еврейские (в том числе и средневековые) сообщения о нем. Клинописные данные о его деятельности довольно скудны и главным образом ограничиваются описанием строительства и ремонта им храмовых зданий, а также указанием на один поход против страны Пиринду в Малой Азии. Из двух документов, датированных соответственно 9-м и 34-м годами царствования Навуходоносора II (596 и 571 гг.) видно, что еще до вступления на трон Нериглиссар был уже пожилым человеком и находился в активных связях с известными деловыми домами нур-Сина и Эгиби. Контракты, датированные правлением Амель-Мардука (562–560 гг.) также свидетельствуют о том, что Нериглиссар активно сотрудничал с Набу-аххеиддином, главой дома Эгиби, покупая при его посредстве поля и дома, а также ссужая деньги третьим лицам.

Античные источники содержат сведения о Нериглиссаре, которых нет в клинописных текстах. Особую ценность представляют сообщения Беросса, Мегасфена, Иосифа Флавия и Клавдия Птолемея. В III и IV вв. н.э. стали появляться многочисленные хроники, целью которых было увековечение важных исторических событий, начиная со времен Адама. Среди таких сочинений самой важной была хроника Евсевия (ок. 265–340 гг.), в которую включены ценные фрагменты из произведений Беросса и Мегасфена.

Если верить Бересcу, правление Амель-Мардука было прервано его убийством заговорщиками, которые поставили царем Нериглиссара. По мнению Зака, данные вавилонских документов подтверждают, что Нериглиссар был узурпатором. Укрепившись на троне, он устранил от должностей влиятельных чиновников в тех городах, где его не поддерживали. Например, Сиппар и Борсиппа входили в сферу его влияния еще в те времена, когда он был частным лицом. Но, по-видимому, в Уруке к захвату им престола отнеслись отрицательно, и он сместил там в храме Эанна ряд важных чиновников, заменив их другими (с. 27–29).

Имевшиеся до сих пор свидетельства указывали на то, что царствование Амель-Мардука окончилось в середине августа 560 г. и через шесть дней после последнего документа, датированного по его правлению, был составлен самый ранний из известных документов времени Нериглиссара. Однако в рецензируемой книге опубликован документ из Сиппара от 4

дня месяца аяру, т.е. 27 мая 560 г. (№ 91). Ссылаясь на этот текст, Зак датирует начало царствования Нериглиссара концом мая 560 г. Фото этого документа, на мой взгляд, довольно неотчетливо, но если транслитерация верно воспроизводит текст таблички, то возникает явное противоречие с датировками двух давно известных текстов, которые были соответственно составлены 3 и 7 августа 560 г. и относятся к царствованию Амель-Мардука. Можно надеяться, что будущие находки клинописных табличек внесут ясность в этот вопрос.

К настоящему времени опубликовано около 200 документов времени Нериглиссара, 104 из которых даны в рецензируемой книге в транслитрации и переводе, в том числе 19 ранее не издававшихся табличек из Британского музея (№ 85–104). Часть документов, датированных по правлению Нериглиссара, не включена в рецензируемый корпус, либо потому, что они сильно разрушены и поэтому не поддаются связному переводу, либо уже были опубликованы недавно другими ассириологами и поэтому не нуждаются в переиздании. Болеее двадцати текстов происходит из Сиппара, остальные из Ниппура, Киша, Вавилона, Урука и других городов. Остановимся на некоторых наиболее интересных текстах.

№ 82 содержат поручительство одной женщины за своего мужа перед его братом и ее обязательство привести его к брату, когда тот вернется «из той стороны» города Акшака. № 85 фиксирует денежную ссуду под залог рабыни, отданной в антихрету. По условиям документа, в течение двух лет кредитор не будет платить за труд рабыни, но также не будет получать проценты на ссуду, которая составляла 30+ [...] сиклей серебра. Однако если рабыня «уйдет куда-либо», должник обязан за каждый день ее отлучки платить кредитору по три литра ячменя. Документ был написан в Вавилоне самим должником в присутствии своей матери. № 87 является контрактом о продаже дома «в центре Сиппара» за 1 мину 5 сиклей серебра. № 93 фиксирует выдачу одного сикля серебра, чтобы законопатить лодки. В № 95 некий Лабаши сдал на склад храма Эбаббарра в Сиппаре 38 талантов (1140 кг) муки. По свидетельству № 97, 18 литров семян кресс-салата стоили 60 литров ячменя. В № 100 два родственника выделяют соответственно 20 кувшинов «отменного» пива и 30 сиклей серебра для совместной торговли, доходы от которой предполагалось поделить поровну. Кроме того, один из контрагентов отдал для торговых целей свой дом в Сиппаре, за который его компаньон обязался платить 8 сиклей серебра в год (перевод Зака «в месяц» является явным недосмотром). В № 104 отмечается выдача 56 литров ячменя в качестве корма для 390 птиц.

В заключение мы должны сказать, что благодарны проф. Заку за публикацию значительного количества вавилонских документов разнообразного содержания, которые являются ценным дополнением к многим тысячам ранее изданных синхронных текстов. Хотя единичный документ о ссуде, аренде земли или дома или контракт об обучении какому-либо ремеслу иногда может многое сказать об эпохе, в большинстве случаев такие документы, взятые сами по себе, изолированно от других текстов, не представляют значительного интереса. Лишь составляя из отдельных документов целые архивы, относящиеся к жизни одного и того же индивидуума или одних и тех же семей на протяжении нескольких поколений, можно максимально использовать информацию, содержащуюся в документах повседневной жизни. Поэтому публикация новых текстов независимо от того, являются ли они уникальными или заурядными, еще долго останется важной задачей ассириологов.

М.А. Дандамаев

© 1997 г.

CARL A. ANDERSON. Athena's Epithets. Their Structural Significance in Plays of Aristophanes. Stuttgart – Leipzig: B.G. Teubner, 1995. XV, 99 S.

Всякому, конечно, ясно, что переработанная для печати диссертация по классической филологии, даже если она, как в нашем случае, выходит в солидном зарубежном издательстве, не ставит перед собой целью решить какие-либо глобальные задачи или прийти к всеобъемлющим теоретическим выводам. Хорошо, если удается добавить какие-то незамеченные штрихи к характеристике того или иного явления, к образу того или иного автора. Особенно это касается знаменитых афинских драматургов, о каждом из которых в истекающем столетии

написаны десятки книг и сотни (если не тысячи) статей. Аристофан в этом смысле не составляет исключения, и поэтому я с некоторым недоумением воспринял сообщение в Тойбнеровском каталоге о выходе в свет названной выше книги. Испокон веку имя Афины сопровождало около десятка постоянных, «сросшихся» с ней эпитетов (Παλλάς, πολιοῦχος γλαυκῶπις, τριτογένεια), и оставалось загадочным, каково могло быть их «структурное значение» в пьесах Аристофана. Недоумение мое несколько рассеялось, когда я прочитал саму книгу, любезно присланную мне издательством.

Отметим сразу же два ее главных положительных качества. Во-первых, обследование эпитетов Афины включено в достаточно широкий социальный (точнее – социально-психологический) контекст. Во-вторых, автор явно не склонен расценивать каждое слово Аристофана как сказанное только ради возбуждения смеха – такая точка зрения, достаточно распространенная в середине нашего века, все больше уступает место серьезной оценке общественно политических и эстетических принципов «отца комедии» (см., например, главу о комедии, принадлежащую Э. Хэндли, в «Кембриджской истории античной литературы». Т. I. 1985).

В рецензируемой книге после краткого введения (с. 1–8) наиболее обширную I главу (с. 9–38) составляет рассмотрение эпитетов Афины во «Всадниках», следующую, II – в «Лисистрате» (с. 39–55), II – в «Фесмофориазусах» (с. 57–68); в IV собраны упоминания Афины или обращения к ней в «Облаках», «Птицах», «Мире», «Экклесиазусах» и «Плутосе» (с. 69–78). Существенной роли характеристика богини в них не играет, но вносит кое-какие дополнительные нюансы в уже сложившуюся картину (в «Ахарнянах`», «Осах» и «Лягушках» Афина вообще не упоминается.) Работа завершается двумя приложениями (эпитеты наиболее значительных богов в алфавитном порядке и по пьесам), весьма обширной библиографией (с. 85–96) и индексами использованных греческих слов, авторов и надписей.

Чтобы понять метод исследования и ход мысли автора, остановимся в качестве самого репрезентативного примера на главе I. Десять эпитетов Афины распределены здесь по трем пассажам: *1*) в антоде парабасы (ст. 581–94); *2*) в начале второго агона (763–68) и *3*) в соревновании между Пафлагонцем и Колбасником, кто лучше накормит Демос (1151–1263). В первом случае хор взывает к Афине как πολιοῦχος, Παλλάς и μεδέουσα. Первые два эпитета достаточно традиционны, но, поскольку хор просит богиню и о помощи в войне, и о победе в сценическом состязании, то призыв этот приобретает двойное значение: он исходит от всадников как непосредственных участников действия и одновременно от хора, заинтересованного в успехе пьесы. Последнее пожелание подкрепляется просьбой к богине явиться, взяв с собой «нашу помощницу Нику, подругу хоров». В этой связи Андерсон напоминает, что на время постановки «Всадников» приходится завершение строительства храма Афины-Ники на Акрополе, вызывавшее в городе всеобщий интерес. Таким образом, традиционные эпитеты богини наполняются втройне актуальным содержанием: с позиции хора как действующего лица; от имени хора как исполнителя, поддерживающего своего автора; с точки зрения аудитории, для которой постройка храма Ники означала вечное поселение на Акрополе столь желанной победы.

Что касается словосочетания μεδέουσα χώρας, то при богатой эпико-поэтической родословной причастия μεδέουσα наиболее близкую ассоциацию оно, по мнению автора, вызывало с известным декретом Фемистокла. Хотя между этим документом и временем постановки «Всадников» прошло более полвека, это выражение возвращало зрителей к славной эпохе марафономахов, т.е. предвещало омоложение Демоса в финале.

Опуская роль эпитетов Афины в агоне, где их торжественность приходит в явное противоречие с наглостью Пафлагонца, перейдем сразу к сцене «кормления» Демоса. Здесь автор противопоставляет друг другу эпитеты Афины, используемые соответственно Пафлагонцем и Колбасником. Для первого она πυλαίμαχος, φοβεσιστράτη и γοργολόφα (1172, 1177, 1180), т.е. в первую очередь олицетворение столь ненавистной для Аристофана войны и соответствующего ей поведения Пафлагонца. К тому же πυλαίμαχος («сражающаяся у ворот») звучит двусмысленно: Пафлагонец подносит Демосу сворованную ячменную лепешку, подобно тому, как он украл у Демосфена победу при Пилосе (ср. 54–57). Два других, торжественно звучащих эпитета (φοβεσιστράτη – «устрашительница войска», определение, вероятно, специально придуманное Аристофаном для данного случая, и γοργολόφα – буквально: «с горгоной на гребне от шлема»; здесь, вероятно, «горгоносултанной», ср. «Ахарняне», 567), создают комический эффект в сочетании с теми дарами, которые подает Пафлагонец.

Для Колбасника (и соответственно Демоса) Афина ὁμβριμοπάτρα, τριτογενής или просто ἡ θεός (1178, 1185, 1189). Из них первый эпитет напоминает знаменитую элегию Солона («дочь

могущественного отца», Афина простерла над Афинами свою длань, фр. 4*W*, 3–4) с той лишь разницей, что вторую половину пентаметра («длани простерла свои») Колбасник заменяет прозаическим «полным похлебки горшком», в придачу к которому подносит гигантскую выдолбленную хлебную корку, этим нехитрым «столовым прибором» афиняне, как известно, пользовались вместо ложки. Эпитет τριτογενής ставится в комедии в связь с аристофановским неологизмом ἐνετριτώνισεν: Колбасник подает Демосу вино, которое сама Афина смешала с водой в пропорции 3:2, считавшейся наиболее здоровой. Наконец, от имени Афины – ἡ θεός тот же Колбасник преподносит вовсе несъедобные кишки, которые он с помощью нехитрой словесной игры превращает в предмет, необходимый для оснастки корабля (τὰ ἔντερα – τὰ ἐντερόνεια, нынешние «шпангоуты»). Таким образом, эпитеты Афины, будучи количественно распределены поровну между двумя спорщиками, создают два прямо противоположных образа: ярого сторонника войны, прикрывающегося «грозными» эпитетами богини, и несравненно более близкого к нуждам простого народа его нового потенциального предводителя, трактующего эпитеты богини на сугубо бытовом уровне.

Достаточно подробное изложение основной главы рецензируемой книги дает, как нам кажется, адекватное представление о методе, в ней принятом. При этом нам пришлось, естественно, опустить в аргументации автора множество чисто филологических, эпиграфических и археологических деталей, которые он привлекает для всестороннего раскрытия анализируемых им эпитетов в контексте повседневной жизни Афин. В остающихся главах следует отметить также целый ряд интересных наблюдений. Так, старики в «Лисистрате», апеллирующие к Афине в образе δέσποινα Νίκη (317), готовы сжечь живьем женщин, захвативших Акрополь, не замечая при этом, что вместе с женщинами сгорит и сам Акрополь – оплот богини, который они так рьяно собираются защищать, – парадоксальная ситуация, никем, кажется, до сих пор не замеченная. В «Фесмориазусах» выделяются две группы стихов, в которых призыв к Афине насыщен ее эпитетами. Первый случай – ст. 317–319. Женщины просят Афину явиться в качестве παγκρατής – этот эпитет соединяется с образом Афины только здесь, поднимая ее на один уровень с Зевсом; κόρα γλαυκῶπις – каждое из слов, входящих в сочетание, традиционно для Афины, но, взятые вместе, они во всей драме V в. встречаются опять же только здесь, хотя известны из посвятительных надписей, найденных на Акрополе; таким образом, богиня ощущается как «своя», «домашняя», покровительствующая городу; наконец, эпитет χρυσόλογχος, засвидетельствованный еще раз только у Еврипида (Ион, 8 сл.), имеет в виду огромную статую Афины Промахос с золоченым наконечником копья, видным с мыса Сунион, – так подчеркивается авторитет Афины, выходящий далеко за пределы охраняемого ею города. В другом случае (1136–1142), где сосредоточены пять эпитетов Афины и одно относящееся к ней придаточное предложение (ἣ πόλιν ἡμετέραν ἔχει, «расшифровка» определения πολιοῦχος), выделим прилагательные φιλόχορος и κληιδοῦχος (оба они встречаются вместе с именем Афины только здесь). Первое из них свидетельствует о близости к богине, которую ощущают участники хора; второе напоминает знаменитое место из «Евменид» Эсхила (827–28) – здесь Афина говорит, что она – единственная из богов, знающая, где хранятся ключи от молний Зевса (κλῆιδας οἶδα δώματος) – это параллельное место поднимает для всех граждан авторитет Афины на недосягаемую высоту. Так объединяются общегосударственная символика образа и его истолкование в конкретной сценической обстановке.

Этот обзор обидно заключать указанием на явную натяжку в духе психоанализа при трактовке названных выше ст. 1172 и 1178 и их окружения из «Всадников». Андерсон находит здесь и sexual joke, и отождествление ложки из хлебной корки, и Πύλος – с vagina Афины. Подобные двусмысленные спекуляции, на мой взгляд, недостойны серьезного исследователя, каким я считаю автора этого добросовестного и скрупулезного (в самом лучшем значении слова) труда.

В.Н. Ярхо

© 1997 г.

E.M. HARRIS. Aeschines and Athenian Politics. N.Y. – Oxf.: Oxford University Press, 1995. X, 223 p.

История Эллады в IV в. до н.э. остается одной из наиболее волнующих историков античности тем. Проблемы так называемого кризиса полиса, возвышения Македонии и утраты Грецией своей независимости, их причин и обстоятельств по-прежнему привлекают внимание исследователей. Естественно, особое внимание уделяется Афинам и столь же естественно, что одним из наиболее важных вопросов в таком случае становится вопрос о характере политической борьбы в Афинах, и здесь на первое место выходят фигуры двух протагонистов – Демосфена и его непримиримого врага – Эсхина.

Отражением постоянного интереса к этим фигурам являются книги, представляющие собой их политические биографии. Совсем недавно вышла в свет книга известного специалиста по истории Греции IV в. до н.э. К. Моссе о Демосфене[1], которая вызывает значительный интерес несмотря на свой научно-популярный характер[2].

Объектом рассмотрения в данной рецензии служит биография другого крупнейшего политического деятеля Афин той же эпохи – Эсхина, написанная молодым историком Э.М. Харрисом. В «Предисловии» к своей книге автор объясняет причины появления ее. Он справедливо указывает, что в последние годы не было настоящих исследовательских работ об Эсхине, тогда как его речи представляют собой один из главных источников по истории греческого мира в поворотный ее момент. Все сказанное заставляет еще раз обратиться к этой незаурядной личности.

Книга состоит из «Введения», семи глав основной части и «Заключения». В конце ее имеется несколько «дополнений», посвященных отдельным частным вопросам, и «Указатель». Глава первая называется «Кому верить?», вторая – «Семья, ранняя карьера и начало политической деятельности» (параграфы: «Семейное окружение», «Ранняя карьера», «Вступление Эсхина в политику»), третья – «Знакомство с Филиппом» (параграфы: «Афины и Македония к 348 г. до н.э.», «Решение начать переговоры с Филиппом», «Первое посольство»), четвертая – «Наконец-то мир» (параграфы: «Первое посольство возвращается в Афины» и «Заседание народного собрания 18, 19 и 25 элафеболиона»), пятая – «Конец Третьей священной войны» (параграфы: «Второе посольство», «Заседание Совета после возвращения второго посольства и заседание Народного собрания 16 скирофориона», «Покорение Фокиды», «Осуждение Тимарха»), шестая – «Между двумя войнами», седьмая – «Упадок и уход» (параграфы: «От осады Византия до битвы при Херонее» и «В ожидании последнего действия»). В «Заключении» автор достаточно кратко подводит итоги своего исследования.

Оглавление показывает, что Э.М. Харрис должен был, в силу самих особенностей материала, рассматривать не только собственно биографию Эсхина, но и целый ряд важнейших вопросов политической истории Афин и Эллады в целом.

Начиная свою книгу, он справедливо оценивает десятилетие 348–338 гг. до н.э. как критическое в греческой истории. До этого года Македония, в сущности, оставалась маргинальным политическим образованием эллинского мира, которому не удавалось играть сколь-нибудь серьезной роли в греческих делах. Попытки территориальной экспансии в V в. до н.э. были остановлены Афинским морским союзом, а в начале IV в. до н.э. – Спартой и Фивами. Только битва при Мантинее в 362 г. до н.э. сняла барьеры перед македонской экспансией, и взошедший на престол в 359 г. до н.э. Филипп II умело воспользовался новыми обстоятельствами. Он смог стабилизировать внутреннюю ситуацию в стране, увеличил ее военный потенциал, и благодаря этому те возможности, которые появились у Македонии, были реализованы. К 348 г. до н.э. македонский царь достиг значительных успехов. Были разбиты племена пеонийцев и иллирийцев, перестала существовать Халкидская лига, а центр ее – Олинф – был захвачен, македоняне и их союзники фессалийцы разгромили фокидян. Но все эти успехи были только прелюдией к тому, что произошло позднее. Через десять лет Филипп стал полным хозяином в Элладе и начал войну с Персией, которую победоносно завершил его сын.

Естественно, встает вопрос, почему все это стало возможным и каким образом произошло. Такой вопрос задавали себе древние, задают его себе и современные историки. Один из возможных ответов был предложен Демосфеном, который утверждал, что главная причина

[1] *Mossé Cl.* Démosthène ou les ambiguïtés de la politique. P., 1994.

[2] См. нашу рецензию на данную книгу: ВДИ. 1996. № 2. С. 218–221.

поражения греков – наличие среди них предателей, которые были подкуплены Филиппом и срывали все усилия по организации сопротивления македонской экспансии. Он поименно называл их, и в его «черном списке» оказались такие политические деятели, как Фрасилох из Мессены, Даох из Фессалии и, разумеется, афинянин Эсхин. Влияние Демосфена на современников было огромным, очень велико оно и на историков последующего времени. Оценки, даваемые им отдельным лицам, как и его интерпретации событий, весьма часто оказывают решающее воздействие на суждения исследователей нового времени. Естественно, что враждебное отношение Демосфена к Эсхину сильно повлияло на всю последующую историографию. Хотя сейчас редко кто из исследователей слепо повторяет слова великого афинского оратора, тем не менее, пусть и в несколько смягченной форме, его сугубо негативная оценка Эсхина продолжает жить в современной науке.

В связи с этим важно детальное исследование деятельности Эсхина, в частности, выявление тех мотивов, которыми он руководствовался, вырабатывая свою политическую линию и методы ее осуществления. Следующий вопрос, который ставит автор, – уяснение причин принятия афинянами политической линии, проводимой Демосфеном, и отвержение ими политики Эсхина.

Э.М. Харрис особое внимание обращает на характер источников, имеющихся в нашем распоряжении для решения этих вопросов. Он справедливо отмечает, что основой наших знаний служат судебные речи, произнесенные Эсхином и Демосфеном. Хотя можно и нужно использовать и иные свидетельства (сообщения Плутарха в его биографиях, в частности, в «Жизнеописаниях» Демосфена, Фокиона и Александра, соответствующие разделы трудов Диодора и Юстина, сохранившиеся фрагменты из утраченных исторических сочинений Анаксимена, Андротиона, Деметрия Фалерского, Дуриса Самосского, Гермиппа, Идоменея, Марсия, Филохора и Феопомпа, а также некоторое количество надписей), тем не менее ни один из этих источников не сообщает ни одного факта, который мы бы не знали из речей Демосфена и Эсхина.

Стремясь выявить своеобразие именно этой категории источников, Э.М. Харрис обращается к афинской судебной практике. Афинский суд обладал своеобразными особенностями, сильно отличающимися от современного суда. Прежде всего, суд представлял собой очень мощное оружие в политической борьбе: поражение обвиняемого в судебном процессе, подобно тем, в которых участвовали Эсхин и Демосфен, могло означать смерть, изгнание или конфискацию имущества, с другой стороны, если обвинитель не мог собрать более одной пятой голосов судей, он должен был уплатить тысячу драхм и более не имел права выступать обвинителем ни по какому другому общественному делу. Все это приводило к большому накалу страстей во время процесса, а поскольку афинский суд проходил по своеобразной процедуре, то и обвинитель и обвиняемый в своих речах могли использовать не только твердо установленные факты, но и всякого рода слухи, предположения, не исключая и прямой клеветы. Сложность в изучении такого вида источников состоит не только в том, что часто Эсхин и Демосфен давали различную интерпретацию одним и тем же фактам, но еще больше в том, что они по-разному описывали сами произошедшие события. Вдобавок, и Эсхин, и Демосфен иногда одно и то же событие в различных речах сами описывают по-разному.

В таких условиях при оценке сведений, сообщаемых ораторами, необходимо выработать какие-то правила или критерии, чего, к сожалению, до сего времени не сделано, хотя этот период многократно являлся объектом исследования. Э.М. Харрис предлагает несколько приемов выявления правдивых сообщений: *1)* уделять большое внимание расхождениям между произнесенным текстом речи и опубликованным, что устанавливается путем сопоставления текстов речей обвинителя и обвиняемого; *2)* если оратор ссылается на какой-либо документ или свидетельство, то это сообщение можно принять как правдивое, если же этого нет, то оно должно рассматриваться как сомнительное и требующее дальнейшего изучения. Ценность подобного подхода к источникам автор доказывает очень наглядно, показывая, что в речах обоих ораторов, когда они сообщают существенно различающиеся версии событий, никогда не бывает такой ситуации, когда они в равной мере ссылаются на документы или свидетельства. В подобных случаях один из них всегда приводит такого рода аргументы, а второй старается «проскочить» событие, упоминая его как нечто общеизвестное; *3)* придавать особое значение тому, что́ именно подтверждали свидетели; *4)* обязательно сверять утверждения ораторов с существовавшей тогда практикой афинской политической жизни; *5)* четко отделять сведения, реально содержащиеся в документе, который цитирует оратор, от его интерпретации документа; *6)* учитывать, была ли анализируемая речь обвинительной или защитительной, т.е. имел ли возможность участник процесса ответить на упреки противника или он произносил

речь последним. При втором варианте, как правило, смело пускались в ход самые неправдоподобные измышления, не имеющие отношения к действительности, тогда как в первом случае оратор вынужден держаться ближе к истине.

Строгое следование этим принципам приводит, как отмечает Э.М. Харрис, к тому, что только очень небольшая часть информации, сообщаемой Демосфеном и Эсхином, может быть использована для надежных исторических реконструкций. Однако, как он полагает, лучше опираться на эти немногие, но твердо установленные факты, чем создавать конструкции, опирающиеся на недостоверную информацию.

Э.М. Харрис достаточно строго использует выработанные им принципы критики источников и поэтому основные его выводы кажутся обоснованными. Поскольку в журнальной рецензии невозможно сколько-нибудь подробно изложить хотя бы самые основные положения книги, коснемся только того, что, как нам представляется, заслуживает особого внимания.

К числу таких вопросов, видимо, нужно прежде всего отнести соображения о происхождении Эсхина, его личном и социальном окружении, ранних годах его жизни. Эсхин, по мнению автора, происходил из семьи, которую можно считать принадлежащей к числу «средних» семей Афин, не обладавших ни значительным богатством, ни известными предками. Вместе с тем, и отец оратора, и он сам, и его брат служили гоплитами, что позволяет отвергнуть предположение о большой бедности семьи. Эсхин однако имел одно преимущество по сравнению с большинством молодых людей его круга: его отец, который был какое-то время школьным учителем, смог дать ему и его брату традиционное образование, что очень помогло ему позднее. В годы юности Эсхин вынужден был работать, исполняя обязанности секретаря при различных магистратах (с оплатой 2 или 3 драхмы в день). Эти занятия в дальнейшем также очень ему помогли, дав ему знания афинских законов. Затем Эсхин выступает как актер, что тоже оказалось весьма полезным, дав опыт обращения к большой аудитории, столь необходимый политическому оратору. Эсхин включается в политическую деятельность уже в достаточно зрелом возрасте. Возможно, определенную помощь в этом оказала его удачная женитьба, поскольку его тесть принадлежал к «литургическому» классу и, очевидно, передал какие-то средства зятю в качестве приданого дочери. Во всяком случае, теперь Эсхину не нужно было заниматься каждодневным трудом для обеспечения своего существования.

Для вхождения в политику было несколько путей, но некоторые из них для Эсхина были закрыты. В частности, он не мог из-за явного недостатка средств выполнять какие-либо литургии, что автоматически повышало социальный престиж. Видимо, по причинам, связанным с его характером, Эсхин не хотел зарабатывать известность путем, который был для него возможен – выступая в судах с общественными обвинениями сограждан. Он выбрал путь более отвечающий и его характеру и его происхождению. Своим вхождением в политику Эсхин обязан Фокиону, под началом которого он служил во время афинской экспедиции на Эвбею в 348 г. до н.э. Во время решающего сражения этой кампании Эсхин настолько отличился, что был увенчан золотым венком в народном собрании. Именно тогда и началась длительная дружба между Фокионом и Эсхином. Очевидно, благодаря Фокиону Эсхин познакомился и подружился с Эвбулом, вскоре впервые выступил в народном собрании (поддерживая предложение Эвбула), а после принятия этого предложения был избран одним из послов для выполнения миссии в соответствии с этим решением экклесии. Именно так началась его общественная карьера. Благодаря Эвбулу Эсхин познакомился с несколькими важными на политической сцене Афин лицами (в том числе с Мидием). Очевидно, Фокион и Эвбул среди прочих достоинств Эсхина обратили внимание именно на его ораторские способности, тем более ценные для обоих, что ни тот, ни другой такими способностями не обладали. Таким образом, политическая карьера Эсхина оказалась после этого достаточно быстрой и достаточно успешной.

Прежде чем рассматривать отдельные эпизоды политической карьеры Эсхина, необходимо особо оттенить главный вывод Э.М. Харриса. Он приходит к совершенно обоснованному, с нашей точки зрения, заключению, что Эсхин никогда не был и не мог быть агентом Филиппа. Он был афинским патриотом, который, однако, совершенно по-иному, чем Демосфен, понимал потребности своего родного полиса и, в соответствии с этим, строил и свою политику. Вместе с тем автор очень точно, как нам кажется, показывает основной источник политических ошибок Эсхина (и Демосфена). Оба были афинянами и афинскими патриотами, и оба в равной мере оказались заражены «афиноцентризмом», воспринимая политику сквозь призму своих представлений о роли Афин в тогдашнем мире. Они по-прежнему считали Афины «центром мира» и поэтому политику Филиппа видели только в одном аспекте, хотя и по-разному. Для Демосфена вся политика Филиппа определялась желанием сокрушить Афины, для Эсхина, наоборот, главная цель политики македонского царя – достижение соглашения с афинским

полисом. Оба взгляда совершенно неправильны, оба не отвечали реалиям тогдашнего времени и оба приводили к фатальным ошибкам в их собственной деятельности и, в конечном счете, – в международной политике Афин.

Более конкретные выводы Э.М. Харриса можно сформулировать следующим образом. Конечно, нет никаких оснований говорить о существовании какой-то единой промакедонской партии ни в Афинах, ни в других городах Греции. В частности, позиция самого Эсхина очень серьезным образом отличалась и от позиции Исократа, и от позиции Демада. Кроме того, взгляды Эсхина в процессе развития политической ситуации неоднократно менялись. В самом начале своей политической карьеры Эсхин был настроен достаточно враждебно по отношению к царю Македонии, изменение же его позиции объяснялось не подкупом со стороны Филиппа, как пытался утверждать Демосфен, а все большим пониманием растущей мощи Македонии. Его политическая деятельность начинается в 348 г. до н.э. при поддержке Эвбула, который стремился объединить греков в сопротивлении македонскому царю. Афины первоначально пытались опереться на своих союзников в Северной Греции, но те один за другим пали в результате мастерских дипломатических и военных ударов Филиппа. Теперь же настала пора попытаться поднять всю Грецию для сопротивления Македонии.

Миссия Эсхина в Пелопоннес для осуществления этого плана оказалась обескураживающе безуспешной. Многие греческие города видели в Филиппе не угрозу, а возможного благодетеля при решении их бесчисленных мелких споров. Даже в момент начала переговоров с Филиппом в 346 г. до н.э. Эсхин не терял надежды объединить греков хотя бы для того, чтобы остановить его дальнейшее продвижение, однако греки предпочитали отдельные посольства к Филиппу в расчете на благодеяния с его стороны. Афиняне и сами стремились достигнуть такого соглашения с Филиппом, поскольку македонские завоевания во Фракии угрожали их владениям в районе Геллеспонта и соответственно ставили под угрозу снабжение Афин хлебом. Видя невозможность создать такой эллинский союз, Эсхин (как Демосфен и Филократ) выступил сторонником скорейшего заключения мира и союза, предложенного Филиппом.

В отличие от Демосфена, Эсхин никогда более не обращался к идее широкого союза греков против Македонии. И это было результатом не подкупа, а собственного тяжелого опыта.

Второе посольство в Македонию привело к еще большему отходу Эсхина от его первоначальных позиций. Он встретил здесь множество посольств из греческих городов, уговаривавших Филиппа вмешаться в «Священную войну». Эсхин, понимая, что это вмешательство неизбежно, постарался добиться решения, наиболее выгодного для Афин. Хотя Филипп и не дал безоговорочного обещания учитывать афинские интересы, тем не менее Эсхин считал, что царь это сделает. Он предполагал, что только Фалек и его непосредственное окружение будут наказаны, а Фокида в целом прощена, кроме того, города Беотии освободятся из-под власти Фив. Подобное решение проблемы оказалось бы весьма выгодным для Афин.

По возвращении посольства Демосфен обвиняет Эсхина и других послов в предательстве, а развернувшиеся позднее события придают его обвинениям еще большую убедительность: Филипп позволяет Фалеку избежать наказания, на Фокиду накладывается тяжелейшее наказание, а беотийские города остаются под властью Фив. Но эти действия продиктованы не желанием Филиппа «насолить» Афинам, как позднее утверждал Демосфен, а единственно собственными интересами и расчетами македонского царя.

Хотя Эсхин смог затем смягчить условия наложенного на Фокиду наказания, Демосфен и Тимарх хотели воспользоваться случаем, обвиняя Эсхина в несчастьях Фокиды. Однако их попытка расправиться с политическим противником не удалась: Эсхин выдвинул против своего обвинителя Тимарха встречное обвинение в безнравственности.

В этой ситуации Эсхин продолжал верить в обещания Филиппа, но переговоры с ним ничего не дали, и оратор оказался в сложном положении, так как пришлось защищаться от обвинений в том, что Эсхин поддерживал македонского царя, за взятки от него умышленно затянув переговоры. Враги македонской политики перешли в наступление, и Гиперид выступил с обвинениями в измене против Филократа, который, поняв, чем ему грозит процесс, бежал из Афин. Суд заочно приговорил его к смерти. Воодушевленный успехом Гиперида, Демосфен в 343 г. до н.э. начал против Эсхина процесс. Эсхин, благодаря поддержке Эвбула, Фокиона и Навсикла, смог его выиграть. Но сам процесс подорвал репутацию Эсхина и ослабил влияние в народном собрании.

В это время, когда влияние Эсхина падало, а влияние Демосфена росло, последный снова пытается объединить греков в коалицию против Филиппа, и деятельность его оказалась более успешной, чем попытка Эсхина, предпринятая несколькими годами ранее. Причина заключается в том, что изменились обстоятельства. Ранее Филипп действовал в Северной

Греции, и полисы Средней Греции и Пелопоннеса не ощущали угрозы с его стороны, теперь же, когда Македония столь активно вмешалась в дела Средней Греции, многие стали осознавать опасность.

Когда война с Филиппом разразилась, Эсхин, естественно, защищал афинские интересы, как мог и как считал правильным. Он критиковал Демосфена, в частности, за недостатки в проведении реформы триерархии и отказ начать мирные переговоры с Филиппом. После поражения при Херонее Афины призвали Эсхина, Демада и Фокиона выступить послами в переговорах с Филиппом, Эсхин смог добиться достаточно приемлемых условий мира, что, однако, не прибавило ему престижа, поскольку Афины все-таки лишались остатков своей империи.

Последняя фаза политической карьеры Эсхина – до известного процесса о венке – время ожидания решающего удара со стороны Демосфена и его политических соратников.

После достаточно подробного рассмотрения конкретного хода политических и военных событий, как мы видели, Э.М. Харрис в коротком «Заключении» снова обращается к общей оценке политической линии каждого из протагонистов. Он справедливо указывает, что оба, и Демосфен и Эсхин, были не правы в определении целей политики Филиппа, который отнюдь не хотел уничтожить Афины, как предполагал Демосфен (и его поведение после Херонеи это доказывает), но и не хотел иметь в лице Афин могущественного союзника, как предполагал Эсхин. Единственное, чего желал Филипп – равновесия в Элладе, отсутствия возможности у какого-либо полиса создать сильную коалицию против Македонии. Таким образом, оба политических деятеля ошибались в главном, хотя и по-разному. Для Филиппа взаимоотношения с Афинами не составляли основу его политики. Афины были только одной из составляющих общей картины, но афинские патриоты никак не могли понять этого.

Таковы основные выводы Э.М. Харриса, создавшего достаточно прочную конструкцию, с которой мы в основном согласны. Уточним только некоторые вопросы. Например, в описании начала политической карьеры автор очень невысоко оценивает роль Навсикла, отдавая пальму первенства Фокиону (включая даже подбор невесты для своего протеже). Между тем в одной из статей, предшествующих книге, эта роль оценивалась значительно выше и, как представляется, правильнее[3]. Гораздо более важная проблема, о которой следует сказать хотя бы несколько слов, – вопрос о политических группировках в Афинах в рассматриваемую эпоху. Э.М. Харрис справедливо отвергает старую идею относительно промакедонской «партии» в Афинах (как и в Элладе в целом), однако одного этого отрицания на современном уровне изученности, как нам кажется, недостаточно. Хотелось бы получить более принципиальное суждение о характере этих политических группировок. Без рассмотрения этой проблемы некоторые естественно встающие вопросы не получают адекватного ответа. Один из них – вопрос о том, следует ли видеть в Эсхине лидера самостоятельной группы или только «рупор» других политиков[4]. Другим, без ответа на который трудно понять истоки конфликта между Эсхином и Демосфеном, является вопрос об эволюции взглядов Демосфена. Как известно, в начале своей политической карьеры Демосфен также принадлежал к группе, возглавляемой Эвбулом[5]. Какие причины привели его к отходу от нее и созданию своей группы? Этот вопрос, видимо, можно решать только в рамках более общей проблемы – о характере политических группировок Афин IV в. до н.э. Еще один вопрос, который возникает в рамках этой же проблемы, – о политической дружбе Эсхина и Мидия. Связи с Мидием неизбежно предполагают контакты с большой группой влиятельных в Афинах людей, которые принадлежали к так называемому «рудничному лобби»[6]. В какой мере связь с этой группой влияла на политические пристрастия Эсхина? Наконец, последнее замечание – относительно причин конечного поражения Эсхина. Все те соображения, которые в этой связи высказал Э.М. Харрис, вполне справедливы, однако, думается, им упущено одно достаточно важное обстоятельство. Процесс имел место семь лет спустя после Херонеи, когда забылся ужас, охвативший город при известии о поражении, когда забылась и та огромная услуга, которую оказал городу Эсхин. С другой стороны, в годы восточного похода Александра контроль Антипатра в Афинах практически не ощущался, что создавало иллюзию безопасности для большинства граждан Афин и возродило у

---

[3] *Harris J.M.* Demosthenes Loses a Friend and Nausicles Gains a Position: A Prosopographical Note on Athenian Politics after Chaeronea // Historia. 1994. 43. P. 378–384.

[4] См. соображения по этому вопросу: *Fox L.* Aeschines and Athenian Democracy // Ritual, Finance, Politics. Athenian Democratic Accounts Presented to D. Lewis / Ed. R. Osborne, S. Hornblower. Oxf., 1994. P. 135–156.

[5] См. *Mossé Cl.* Politique et société en Grèce ancienne. Le modèle athénien. P., 1995. P. 106.

[6] Данное заключение является результатом нашего исследования относительно XXI речи Демосфена («Против Мидия»).

них традиционный «имперский» взгляд на ситуацию, активно поддерживаемый Демосфеном и его сторонниками[7].

Подводя итоги, скажем, что данная книга заслуживает высокой оценки и прежде всего за большую трезвость взгляда на события и участвовавших в них политических деятелей. Подкупает и достаточно твердое следование выработанным самим автором критериям в работе с источниками, что делает его выводы трудно уязвимыми для критики. Можно полагать, что созданная им политическая биография Эсхина – наиболее удачная и наиболее объективная среди всех жизнеописаний этого весьма незаурядного гражданина Афин. Вместе с тем, правильная оценка его политических позиций и деятельности позволяет лучше понять и общие процессы, имевшие место в Элладе того времени.

Л.П. Маринович

© 1997 г.

COHEN G.M. The Hellinistic Settlements in Europe, the Islands and Asia Minor. University of California Press. Berkeley–Los Angeles–Oxford, 1995. XIII. 481 p. 12 maps.

Одним из феноменов в истории эллинистического мира, привлекающих наибольшее внимание исследователей, является огромная по масштабам колонизация путем создания новых городов и поселений иного типа, бывшая одной из самых характерных особенностей первого периода эллинизма. Несмотря на всю важность проблемы последняя попытка дать всеобъемлющую картину этого процесса относится к 1927 г.[1], хотя по частным вопросам, отдельным городам и регионам литература очень велика. Существуют также и различного вида общие очерки (чаще всего в форме особых разделов или глав в книгах, посвященных истории эллинизма в целом), но в них отсутствует деятельная проработка всего имеющегося материала.

Автор рецензируемой монографии поставил своей задачей дать отвечающую современному уровню изученности проблемы сводку, которая бы представила полный список тех новых населенных пунктов, которые были основаны в эллинистическую эпоху на территории Балканского полуострова, на островах (имеются в виду острова Эгейского моря, а также Крит и Кипр) и в Малой Азии[2].

Рецензируемая работа включает в себя «Предисловие», затем следует раздел «Исследования и источники», затем «Введение» (со следующими подразделениями: «Исторический фон», «Поселения и цари», «Географический обзор», «Цели создания поселений»). Наконец, после этого идут главы основной части, в которых рассматриваются в географическом порядке области эллинистического мира, где были созданы в эту эпоху новые населенные пункты: «Иллирия и Эпир», «Фракия», «Македония и Пэония», «Фессалия, Этолия и Беотия», «Пелопоннес», «Острова», «Троада», «Мисия и Элоида», «Иония», «Лидия», «Кария», «Фригия», «Ликия», «Памфилия», «Писидия и Ликаония», «Киликия», «Каппадокия и Галатия», «Понт и Пафлагония», «Вифиния». В конце книги – несколько «Дополнений», «Библиография» и «Указатели».

С самого начала отметим, что данная работа обладает некоторыми особенностями, которые отличают ее от предшествующей подобной сводки. Помимо само собой разумеющихся отличий, порожденных резко возросшим объемом материала и иным уровнем изученности проблемы в целом, имеются некоторые специфические особенности, о которых необходимо сказать особо. Прежде всего автор начинает свое исследование не со времени Александра Македонского, а со времени его отца и предшественника на македонском престоле – Филиппа. Во-вторых, обычно исследователи практически все внимание уделяют

---

[7] О ситуации в Афинах в эти годы см. *Маринович Л.П.* Греки и Александр Македонский. М., 1993. С. 56 сл.

[1] Мы имеем в виду известную монографию В. Чериковера: *Tscherikover V.* Die hellenistischen Städtgründungen von Alexander dem Grossen bis auf die Römerzeit. Lpz, 1927.

[2] В «Предисловии» автор указывает, что он рассчитывает продолжить свое исследование и посвятить следующую книгу остальным регионам эллинистического мира.

только новым основаниям в Азии, практически забывая Европу. Подход Дж.М. Коэна, уделяющего значительное внимание и Европе, выглядит более рациональным, поскольку благодаря этому более ясной становится политика Александра по основанию городов, так как появляется возможность понять, что в этой политике можно считать использованием предшествующего опыта, а что – его собственными инновациями. Точно так же детальное исследование материалов по созданию новых населенных пунктов в Европе (как на территории Эллады и Македонии, так и на территории соседних варварских народов), делает картину оснований населенных пунктов во вновь завоеванных странах более рельефной.

В исследуемом регионе В. Чериковер в свое время насчитывал 97 вновь основанных населенных пунктов, по подсчетам Дж.М. Коэна их более 180. Это увеличение произошло как благодаря открытию новых документов (основная заслуга здесь принадлежит эпиграфике), так и благодаря новой интерпретации уже ранее известных источников. Кроме того, новые материалы позволили во многих случаях углубить наши знания об уже известных ранее городах и военных колониях. С другой стороны, из списка новых оснований исчезли некоторые населенные пункты, которые там долгое время присутствовали, так как новые открытия показали, что в источниках, из которых была почерпнута информация о них, содержались ошибки.

Автор, естественно, работает со всеми источниками, которые обычно используются для подобного рода исследований: нарративными, эпиграфическими, нумизматическими, археологическими. Отметим только одну особенность в его книге – очень широкое и внимательное исследование данных византийской литературной традиции (свидетельств Стефана Византийскго, Tabula Peutingeriana, сочинение Гиерокла Synekdemos, Notitiae Episcopatuum и т.д.).

В каждой из глав Дж.М. Коэн детально рассматривает источники, говорящие об основании того или иного населенного пункта, кроме того, дается краткая справка о его дальнейшей истории, при этом, естественно, детальному исследованию подвергаются источники, если в них присутствуют сообщения о вторичном основании, и т.п.

Рецензировать книги такого типа достаточно сложно, поскольку, естественно, невозможно пересказать выводы по всем 180 с лишним населенным пунктам, которые исследуются в работе, и высказать о них свое суждение. Поэтому мы ограничимся только несколькими примерами того, какие изменения внес автор в устоявшуюся картину наших представлений.

Касаясь политики основания новых населенных пунктов в Европе, Дж.М. Коэн обращает внимание на то, что здесь были совершенно не известны военные колонии, столь типичные для центральной Анатолии. Основной метод основания городов здесь – традиционный для Эллады синойкизм. Практически все новые города, основанные на территории Греции и Македонии, а также прилежащих к ним варварских территориях (Фракия, Иллирия), занимали важные стратегические позиции. Необходимо обратить внимание на то, что в книге большое внимание уделяется новым основаниям на старых греческих территориях (что обычно не исследуется специально). На территории Фессалии были основаны: Деметриада, Олимпиада, Филиппополис; на территории Этолии: Арсиноя-Канопе, Лисимахия, Птолемаида, Атталия. В Пелопоннесе: Деметриада (Сикион), Антигония (Мантинея), Арсиноя (Мефана). Последняя – единственное новое основание Птолемеев на территории материковой Греции.

Любопытным обстоятельством является то, что на островах мы находим восемь населенных пунктов с названием Арсиноя, что является отражением египетской талассократии.

В Малой Азии одним из наиболее важных районов была Троада, среди городов которой наибольшее внимание привлекает Александрия. Город был основан Антигоном Одноглазым путем синойкизма ряда небольших городков, существовавших в окрестностях. Город получил наименование Антигония. После битвы при Ипсе в 301 г. до н.э. эта область перешла под власть Лисимаха и город был основан вторично, на этот раз он получил имя Александрия. После 281 г. до н.э. Троада стала частью Селевкидского царства. В Александрии был создан один из государственных монетных дворов. Затем город переходит под контроль Антиоха Гиеракса, некоторое время, возможно, находится в сфере влияния Птолемеев, а затем – Атталидов.

В Ионии интересные факты связаны с деятельностью Лисимаха, который вторично основал Смирну как Эвридикию, а Эфес – как Арсиною. Очень активной была колонизационная деятельность эллинистических правителей в Лидии и Фригии, где она была, видимо, начата Атигоном Одноглазым, а затем приобрела очень большой размах при Селевке I. Основная масса этих населенных пунктов была основана для того, чтобы охранять главную магистраль, ведущую из Сирии и Месопотамии к портам западного побережья Малой Азии. Большинство из них были не полисами, а небольшими военными колониями. Когда этот регион перешел под

власть пергамских царей, изменилась и стратегия колонизации: теперь поселения основывались не на стратегически важных местах, а на территориях с наиболее плодородной землей.

Важными кажутся и соображения автора относительно колонизационной активности эллинистических царей на южном побережье Малой Азии (в частности, в Памфилии и Киликии). Он считает, что исследователи, изучающие так называемые сирийские войны, в которых находило свое выражение соперничество между Птолемеями и Селевкидами, сконцентрировали свое внимание исключительно на сирийском театре, в то время как не менее напряженная борьба шла и в этом регионе. Одним из путей достижения успеха в этой борьбе являлось и основание здесь той и другой стороной своих поселений. Однако селевкидские основания более многочисленны, чем птолемеевские, кроме того, последние располагались только на побережье, хотя Птолемеи иногда распространяли свой контроль и на внутренние территории этих областей. Киликия была особенно важна для Селевкидов, и соответственно мы находим здесь большое число созданных ими населенных пунктов. Здесь фиксируется два периода их активности: при первых царях династии и при Антиохе IV. Селевкидские поселения в Писидии были созданы на ее северных рубежах, чтобы охранять страну от галатов.

В Каппадокии, где с самого начала эллинистической эпохи правила местная династия, также было создано царями этой династии несколько городов, часть их которых, в соответствии с обычной для этого времени практикой, носила династические имена.

В области Понта, которая в основном оставалась сельской, местные правители из династии Митридатидов также основали несколько городов, но это явление было характерно только для последнего периода истории государства (при царях Фарнаке I и Митридате VI). Основания носили династийные имена. В Вифинии процесс создания новых городов начался раньше. Особое значение имело основание Никомедии, давшей Вифинии доступ к морю. В целом было основано достаточно большое число городов. Важным автор считает то обстоятельство, что города были созданы по «греческой модели» и служили центрами распространения греческой культуры.

Из более общих идей Дж.М. Коэна, которые достаточно подробно развиваются во «Введении», мы хотели бы обратить внимание на следующие. Автор достаточно подробно описывает политику основания новых городов Филиппом II и указывает, что Александр в известной мере учитывал опыт отца, но, поскольку масштабы его государства были иными, он должен был модифицировать свою политику. В частности, он не использовал практику массовых депортаций, которая в какой-то мере присутствовала в деятельности его отца и вообще широко использовалась на Востоке начиная с ассирийской эпохи. Александр предпочитал использовать в качестве граждан создаваемых им городов солдат своей армии, закончивших срок службы, и совершенно не привлекая гражданское население Македонии в качестве новых поселенцев.

Автор обращает внимание на то, что основная часть оснований Александра находилась в восточной части его империи. Он, вопреки мнению В. Тарна, считавшего, что причина этого заключается в том, что на востоке (в отличие от запада) почти не было городов, предполагает, что причина была иной. Главную роль он отводит не географическому, а временно́му фактору: Александр стал основывать новые города в массовом порядке только тогда, когда окончательно сокрушил власть персов и из завоевателя превратился в легитимного правителя. Именно в этом качестве он и начал осуществлять свою градостроительную программу.

Автор обращает внимание и на то, что первые попытки продолжить традиции Александра в области градостроительства имеют место в Европе. Он говорит о деятельности Кассандра, который основал в 316 г. до н.э. два города: Кассандрию п Фессалоники. При этом, как показывают источники, использовался традиционный греческий метод синойкизма, а не переселения населения. В этом же году он восстановил Фивы.

В литературе, посвященной проблемам эллинистической колонизации, как справедливо отмечает Дж.М. Коэн, основное внимание обычно уделяется деятельности Селевка I. Однако нельзя забывать, что очень активные усилия в этом же направлении предпринимали и другие диадохи, в частности Антигон Одноглазый[3] (а затем его преемники: Деметрий Полиоркет и позднее Филипп V), Лисимах. Последний, в частности, основал (или вторично основал) такие города, как Лисимахия во Фракии, Александрия в Троаде, Арсиноя-Эфес и Эвридикия-Смирна).

---

[3] Автор считает, что многие из новых населенных пунктов раннеэллинистической эпохи были первоначально основаны Антигоном и позднее вторично основаны Селевком I или Антиохом I. Он в этом отношении следует Р. Биллоузу (*Billows R.A.* Antigonos the One-Eyed and the Creation of the Hellenistic State. Berkeley, 1990).

Велики были и успехи Атталидов в этом деле. Птолемеи создавали военные колонии во многих портах Восточного Средиземноморья, находившихся под их контролем. Практика основания новых городов присутствовала в деятельности и правителей малых эллинистических государств (Вифинии, Понта, Каппадокии). Пик Селевкидской колонизации охватывает время с конца IV в. до н.э. по середину III в. до н.э., в более позднее время масштабы ее резко уменьшаются. Так, Антиох I основал в Малой Азии примерно 13 колоний, заселенных греками и македонянами. Аналогичная деятельность Антиоха III имела гораздо меньшие масштабы, и в число основанных им колоний входят три, заселенных азиатами (две еврейские колонии – в Лидии и Фригии, и Кардаке кома – в Ликии). Что касается Антиоха IV, то его градостроительная деятельность вряд ли выходила за пределы простого переименования городов.

Самой большой, по мнению автора, проблемой эллинистической эпохи была проблема взаимоотношений полиса, где живы были идеи абсолютной его свободы, с монархией, для которой очень важным было установить контроль над всеми политическими образованиями, находившимися под ее властью. В конечном счете, хотя цари постоянно подчеркивали свое стремление сохранять свободу греческих городов, во всех тех случаях, когда это им было необходимо, они ее нарушали. Право царя на послушание со стороны полиса определялось тем, что царь постоянно выступал с позиций эвергета (благодетеля) полиса[4]. Взамен полисы должны были демонстрировать свою добрую волю по отношению к правителям. Наивысшее проявление доброй воли – установление царского культа. Именно эта форма взаимоотношений позволяла отчасти согласовывать традиционные полисные ценности с новой исторической реальностью.

Автор особо останавливается на проблеме целей, которыми руководствовались государства эллинистической эпохи, создавая новые населенные пункты. Он указывает, что эти цели были военными, экономическими, политическими и административными. При этом, как он справедливо отмечает, в каждом отдельном случае могли совмещаться несколько мотивов. Каждый из мотивов в свою очередь мог иметь несколько аспектов. Так, военные причины оснований новых населенных пунктов явно представляли два аспекта: чисто военный – например, служить оплотом на границе, и одновременно служить базой, где в дальнейшем рекрутировались солдаты для армии. Отставные солдаты, ставшие гражданами военной колонии, не только обеспечивали наличие лояльного царю населенного пункта, но и их дети затем также становились солдатами регулярной армии. Военным целям часто служило и вторичное основание старых городов, расположенных в стратегически важных местах.

Экономические причины были в первую очередь связаны с обеспечением коммуникаций, которые одновременно были и важнейшими торговыми путями. Иногда эти населенные пункты создавались там, где их расположение обеспечивало доступ к жизненно важным ресурсам. Для Птолемеев, например, важен был доступ к местам, где имелся лес, годный для строительства кораблей, для Атталидов – долины с плодородной землей.

Соображения административные и политические находили свое выражение в том, что многие из вновь основанных городов становились царскими резиденциями или резиденциями высших чиновников, управлявших территориями.

Особый вопрос – входила ли эллинизация в число тех мотивов, которые определяли политику создания новых населенных пунктов. Автор считает, что соображения этого порядка не играли роли в реальной политике. При этом надо постоянно помнить, что все эллинистические государства (за исключением царства Антигонидов), существовали на завоеванной земле с чуждым населением. Греческие города (и иные поселения) были опорными пунктами нового порядка. Эллинизация была только побочным результатом ее. Она ограничивалась лишь высшими слоями местного общества, вошедшими в состав гражданства вновь основанных городов, и практически не затронула деревню. Именно из деревни приходило и активное сопротивление эллинизации, как это прекрасно показыаает история Иудеи эллинистической эпохи.

Эта теоретическая часть работы нам кажется очень удачной, поскольку выводы автора опираются на практически исчерпывающее знание источников по проблеме, а подход отличается большой трезвостью. В отношении выводов Дж.М. Коэна, видимно, необходимо сделать только некоторые замечания. Автор сам сознает, что в памяти последующих поколений эллинов именно Селевк I остался самым выдающимся из строителей новых городов. Он приводит свидетельства об этом Аппиана (App. Syr. 57), Аммиана Марцеллина (Amm. Marc.

---

[4] Сходные идеи см. *Bringmann K.* The King as Benefactor: Some Remarks on Ideal Kingship in the Age of Hellenism // Images and Ideologies. Self-Definitions in the Hellenistic World / Ed. A. Bulloch, E.S. Gruen, A.A. Long and A. Stewart. Berkeley–Los Angeles–London, 1993.

XIV.8.6) и Либания (Lib. Or. XI.101–103). Однако он не ставит вопрос о том, почему именно Селевк вошел в историю таким образом. Нам представляется, что причина состоит действительно в том, что Селевк создал огромное (по масштабам того времени) число новых населенных пунктов. Но это только половина ответа, поскольку остается неясным, почему ему удалось осуществить эту грандиозную программу. Думается, ответ заключается в том, что Селевк (в отличие от Александра Македонского) нашел тот способ колонизации, который удовлетворял греков, становившихся гражданами новых полисов[5]. В связи с данным замечанием находится и другое. Дж.М. Коэн неоднократно обращается к свидетельству Диодора (Diod. XVIII.7.1) о причинах восстания греков–колонистов Бактрии и Согдианы. Они были недовольны тем, что в новых колониях отсутствуют греческие ἀγωγὴ καὶ δίαιτα. В свое время мы постарались показать, что эти термины означают «эллинский образ жизни» в широком смысле этого слова, включая политические институты, и именно отсутствие их в колониях, основанных Александром, стало причиной восстания[6].

Как мы указывали, в конце книги имеется несколько «Дополнений». Необходимо отметить, что «Дополнения» играют важную роль в книге, превращая ее в очень удобный справочник для всех тех, кто будет обращаться к работе по специфическим поводам. Первый раздел этой части книги дает список основателей населенных пунктов с указаниями, какие именно города и военные колонии они основали (при этом здесь же указывается, какие факты являются твердо установленными, а какие – только предположениями). Следующее дополнение представляет собой краткий обзор тех населенных пунктов Малой Азии, которые либо их древними обитателями, либо современными исследователями считаются созданными Александром. Автор показывает, что серьезными основаниями для подобных утверждений не обладает ни один из городов этого региона. Следующий раздел посвящен вопросу о том, в каких городах Малой Азии фиксируется присутствие македонян. Отдельно представлен особый список («Дополнение IV») населенных пунктов, которые в предшествующей литературе рассматривались как эллинистические основания, но которые автор отвергает в качестве эллинистических или в которых он сомневается. Очень важную роль играет еще один список («Дополнение V»), в котором представлены как города, основанные на ранее ненаселенной земле, так и города, которые были основаны путем преобразования существующих населенных пунктов или путем синойкизма. Поражает малое число первых по сравнению со вторыми. Следующее «Дополнение» – список городов, основанных в главных религиозных центрах или рядом с ними. Затем следует перечисление тех населенных пунктов, при создании которых использовалось массовое переселение населения. Наконец, еще одно «Дополнение» представляет собой список «гражданских институтов», зафиксированных в различных городах исследуемого региона (народное собрание, совет, различные магистратуры, стратеги, архонты, казначеи, эпистаты, специфические полисные институты – гимнасии, эфебия, филы, демы, специфические межполисные институты, как, например, исополития или сингения), а также список городов, в которых располагались царские резиденции. Кроме того, приводится список населенных пунктов, в которых засвидетельствовано существование специфической военной организации, указывающее на их происхождение из военных колоний. Наконец, в самом конце данного «Дополнения» находится перечисление городов, в которых существовал культ царей. Последнее «Дополнение» – список этнонимов и топонимов.

Подводя общий итог, мы должны сказать, что рецензируемая работа заслуживает самой высокой оценки. Полнота использовавшегося материала источников и их детальное и глубокое исследование позволили автору создать впечатляющую картину, которая вряд ли потребует в ближайшие годы серьезного пересмотра. Это работа не только с точки зрения своего содержания, но и с точки зрения организации очень полезна для всех, кто будет к ней обращаться. Вероятнее всего, она будет служить (как это было ранее с книгой В. Чериковера) стандартным справочником по исследуемым в ней проблемам в течение нескольких десятилетий.

Г.А. Кошеленко

---

[5] Подробнее см. *Кошеленко Г.А.* Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979.

[6] *Кошеленко Г.А.* Восстание греков в Бактрии и Согдиане в 323 г. до н.э. и некоторые аспекты греческой политической мысли IV в. до н.э. // ВДИ. 1972. № 1.

ROSTOVTZEFF M. Per la storia del colonato romano. Edizione italiana a cura di Arnaldo Marcone. Brescia: Paideia Editrice, 1994. – 423 p.; *ROSTOVTZEFF M. Scripta varia. Ellenismo e Impero romano.* A cura di Arnaldo Marcone. Bari: Edipuglia, 1995. – XXXIII, 490 p; *ROSTOVTZEFF M. Per la storia economica e sociale del mondo ellenistico-romano.* Saggi scelti. A cura di Tommaso Gnoli e John Thornton. Introduzione di Mario Mazza. Catania: Edizioni del Prisma, 1995. – LXXXV, 237 p.

Издание в Италии трех книг с работами М.И. Ростовцева[1] – еще одно веское подтверждение того, что творческое наследие великого ученого не просто стало предметом международной научной моды последнего десятилетия, но оказалось востребовано всерьез и, пожалуй, иначе, чем прежде[2]. Теперь Ростовцев с каждым годом все более утверждается в положении классика науки[3], а не только знаменитого автора спорных идей, вызывающих по сей день оживленнные

---

[1] Ниже для ссылок на рецензируемые книги используются следующие сокращения: *K* = Per la storia del colonato romano; *SV* = Scripta varia. Ellenismo e Impero romano; *SS* = Per la storia economica e sociale del mondo ellenistico-romano. Saggi scelti. Считаю целесообразным привести перечень работ, вошедших в эти три тома, с указанием места первой публикации: Капитализм и народное хозяйство в древнем мире // Русская мысль. 1990. № 3. С. 195–217 (= *SS*, 1–28); Мученики греческой культуры в I–II вв. по Р. Хр. Публичная лекция // Мир Божий. 1901. Май. С. 1–22 (= *SV*, 1–21); Studien zur Geschichte des römischen Kolonates. Lpz.-B., 1910 (= *K*); Kolonat // Handwörterbuch der Staatswissenschaften. 3. Aufl. Iena, 1910. Bd 5. Sp.913–921 (= *SV*, 23–38); Римский колонат // Современный мир. 1911. № 1. С. 260–280; № 2. С. 143–159 (= *SV*, 39–75); The Foundations of Social and Economic Life in Egypt in Hellenistic Times // Journal of Egyptian Archaeology. 1920. 6. P. 161–178 (= *SV*, 77–99; *SS*, 29–61); Cities in the Ancient World // Urban Land Economics. Ann. Arbor, Michigan, 1922. P. 17–58 (= *SV*, 101–138); International Relations in the Ancient World // History and Nature of International Relations / Ed. E.A. Walsh. N.Y., 1922. P. 31–65 (= *SV*, 139–162); Закат античной цивилизации // Русская мысль. 1922. № 6–7. С. 190–214; № 8–12. С. 3–36 (= *SS*, 89–155); La crise sociale et politique de l'Empire romain au IIIe s. après J.-C. // Le Musée belge. 1923. 27. P. 233–242 (= *SV*, 163–169; *SS*, 157–165); The Problem of the Origin of Serfdom in the Roman Empire // Journal of Land and Public Utility Economics. 1926. 2. P. 198–207 (= *SV*, 171–181; *SS*, 183–197); Les classes rurales et les classes citadines dans le Haut-Empire romain // Mélanges d'histoire offerts à Henri Pirenne. Bruxelles, 1926. P. 419–434 (= *SV*, 183–194; *SS*, 167–181); Roman Exploitation of Egypt in the First Century A.D. // Journal of Economic and Business History. 1929. 1. P. 337–364 (= *SV*, 195–214); The Decay of the Ancient World and its Economic Explanation // Economic History Review. 1930. 2. P. 197–214 (= *SV*, 215–230; *SS*, 199–218); Foreign Commerce of Ptolemaic Egypt // Journal of Economic and Business History. 1932. 4. P. 728–769 (= *SV*, 231–263); P. Tebt 703. Instructions of a Dioecetes to a Subordinate // The Tebtunis Papyri / Ed. A.S. Hunt, J.G. Smyly. Vol. III. 1. L., 1933. P. 66–102 (= *SV*, 265–304); L'hellénisme en Mésopotamie // Scientia. 1933. 53. P. 1–15 (= *SV*, 305–316); La Syrie romaine // Revue historique. 1935. 175. P. 1–40 (= *SV*, 317–350); The Hellenistic World and its Economic Development // American Historical Review. 1936. 41. P. 233–252 (= *SV*, 351–369; *SS*, 63–87); рец.: Wilcken U. Griechische Ostraka aud Ägypten und Nubien. Ein Beitrag zur antiken Wirtschaftsgeschichte. I–II, Lpz. – B., 1899 // Wochenschrift für Klassische Philologie. 1990. 17. S. 113–125 (= *SV*, 373–382); Zur Geschichte des Ost- und Südhandels im Ptolemäischen Ägypten [рец. на книгу М. Хвостова] // Archiv für Papyrusforschung. 1908. 4. S. 298–315 (= *SV*, 383–397); рец.: Otto W. Priester und Tempel im hellenistischen Aegypten. Bd I, II. Lpz. – B., 1905–1908 // Göttingische Gelehrte Anzeigen. 1909. 171. S. 603–642 (= *SV*, 399–434); Эллинистическая Азия в эпоху Селевкидов (по поводу книги: A. Bouché-Leclercq. Histoire des Séleucides. Paris, 1913) // Научный исторический журнал. 1913. 1. С. 39–63 (= *SV*, 435–452); рец. Abbott F.F. and Johnson A.C. Municipal Administration in the Roman Empire. Princeton, 1926 // Gnomon. 1929. 5. S. 231–236 (= *SV*, 453–458); рец. Hasebroek J. Griechische Wirtschafts- und Gesellschaftsgeschichte bis zur Perserzeit. Tübingen, 1931 // Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaften. 1932. 92. S. 333–339 (= *SV*, 459–464); рец.: An Economic Survey of Ancient Rome. Vol. IV. Ed. by T. Frank e.a. Baltimore, 1938 // AJPh. 1939. 60. P. 363–379 (= *SV*, 465–481); Proletarian Culture. L., 1919 (= *SS*, 219–236).

[2] Ср. *Андро Ж.* Влияние М.И. Ростовцева на развитие западноевропейской и североамериканской науки // ВДИ. 1991. № 3. С. 166–176; *он же.* М.И. Ростовцев и экономическое поведение элит («буржуа» и «рантье») // ВДИ. 1994. № 3. С. 223–229.

[3] Самым ярким свидетельством именно такого отношения к нему стало недавнее появление прекрасно изданного и богато иллюстрированного тома, в котором на основе многочисленных архивных материалов воссоздаются важнейшие этапы биографии ученого, его отношения с коллегами и друзьями, а также публикуется часть обширного эпистолярного наследия М.И. Ростовцева и записи нескольких его публичных лекций, не говоря уже о самой полной на сегодняшний день библиографии, включающей как произведения, вышедшие из-под пера историка, так и посвященные его творчеству и биографии работы

дискуссии. Как известно, классика предполагает постоянное к ней обращение, а потому классические тексты должны быть доступны. И если публикация обнаруженных в архиве глав второго тома «Скифии и Боспора» сначала (в 1989–1990 гг.) в ВДИ, а затем и отдельной книгой в переводе на немецкий язык[4] представляла собой скорее дань памяти великого историка, то книги, недавно вышедшие в Италии, – это именно издание классики, пусть и не все из включенных туда работ были в равной степени известны при жизни автора.

Всем трем книгам предпосланы обширные введения, которые написали соответственно Арнально Марконе (*K*, 7–23; *SV*, VII–XXXIII) и Марио Мацца (*SS*, VII–LXXXV). На итальянский язык работы Ростовцева перевели А. Марконе, Ф. Д'Агостино, Т. Ньоли, Дж. Торнтон, С. Чильяна (т.е. в роли переводчиков выступают сами же составители). Таким образом, публикацией классика занимаются "практикующие" историки, а стало быть, вполне закономерен вопрос, почему и с какой целью они это делают.

Две из трех книг изданы стараниями Арнальдо Марконе, вклад которого в изучение наследия Ростовцева широко известен[5]. При этом следует иметь в виду, что сделанные им переводы работ Ростовцева о колонате очевидным образом вписываются в исследование более широкой темы – историографии колоната, которой Марконе посвятил специальную книгу[6], где Ростовцев занимает одно из центральных мест (имя русского историка вынесено в заглавие третьей главы). Видимо, именно немалая роль Ростовцева в изучении колоната и послужила импульсом к переводу и изданию на итальянском языке соответствующих его работ: о намерении опубликовать свой перевод вышедших в 1910 г. "Studien zur Geschichte des römischen Kolonats" сообщается в упомянутой монографии Марконе (с. 67, прим. 50).

Коль скоро речь зашла о переводах[7], следует отметить, что в этом отношении рецензируемые книги неоднородны: если в сборнике, подготовленном Ньоли и Торнтоном (*SS*), все включенные в него работы даны в итальянских переводах (при том, что с русского переведены лишь две из девяти статей), то Марконе (*SV*) воспроизводит статьи и рецензии Ростовцева в том виде, как они были когда-то напечатаны – на немецком, английском или французском языках, переводя на итальянский язык лишь публикации, вышедшие по-русски. Очевидно, такое решение свидетельствует о замысле, выходящем за рамки издания для итальянской, и прежде всего студенческой, читающей публики, к которой, по всей видимости, как раз и обращен другой сборник (*SS*).

Заметим, что весьма непростая «лингвистическая» история научного творчества Ростовцева уже становилась предметом специального рассмотрения[8]. Составляя антологию, претендующую на то, чтобы отразить основные этапы жизненного пути русского историка, умершего в эмиграции в 1952 г., подчеркивая редкую для среды антиковедов взаимосвязь и переплетенность в жизни этого человека личной биографии, политических событий и научной деятельности, Марконе пишет как об одном из особых талантов Ростовцева о его гибкости и способности органично входить в иную культурную среду, выражавшихся и в том, что он писал «можно сказать, на всех языках, бывших в ходу в научном сообществе» (*SV*, VIII). Сохранение этого «многоязычия» при издании трудов Ростовцева представляется существенно важным для наиболее точного понимания его места и роли в современной историографии античности.

российских и зарубежных исследователей (см. Скифский роман / Под общей ред. акад. РАН Г.М. Бонгард-Левина. М., 1997).

[4] *Rostowzew M.* Skythien und der Bosporus. Band II. Wiederentdeckte Kapitel und Verwandtes auf der Grundlage der russischen Edition von V.Ju. Zuev mit Kommentaren und Beiträgen von G.W. Bowersock, E.D. Frolov, N.A. Frolova, I.A. Levinskaja, D.S. Raevskij, Ju.G. Vinogradov und V.Ju. Zuev, übersetzt und herausgegeben von Heinz Heinen. Stuttgart, 1993 (Historia-Einzelschr. Ht 83).

[5] Только в ВДИ были опубликованы две его статьи: *Марконе А.* Петербург – Рим – Берлин: встреча М.И. Ростовцева с немецким антиковедением // ВДИ. 1992. № 1. С. 213–224; *он же.* Ростовцев в Италии // ВДИ. 1994. № 4. С. 183–190. См. также: *Марконе А.* Ростовцев и Италия. IX Перуджийский коллоквиум по истории историографии (Губбио, 25–27 мая 1995 г.) // ВДИ. 1995. № 4. С. 223–224.

[6] *Marcone A.* Il colonato tardoantico nella storiografia moderna (da Fustel de Coulanges ai nostri giorni). Como, 1988.

[7] Традиция переводов научной литературы, в том числе и исторической, давно существует в Италии. О переводах на итальянский язык книг М.И. Ростовцева см. например: *Каньетта М.* Ростовцев в Италии: культурные связи и издательские дела // ВДИ. 1997. № 3. С. 158–172.

[8] *Shaw B.D.* Under Russian eyes // JRS. 1992. 82. P. 217–228.

Марконе, ранее уже исследовавший тесные связи русского историка с немецким антиковедением, которые завязались еще в самом начале его научной карьеры, считает необходимым подчеркнуть: «если слава, еще и сегодня окружающая русского историка, связана с двумя его главными трудами, изданными на английском языке – "Социально-экономической историей Римской империи" и "Социально-экономической историей эллинистического мира", ей предшествовала известность, которую он снискал в Европе еще раньше, публикуясь прежде всего по-немецки» (*SV*, IX). Разумеется, Ростовцев много писал и по-русски, и без этой части его наследия никакое представление о творчестве историка никогда не будет полным. Но, – горестно замечает Марконе вслед за своим героем, – rossica sunt, non leguntur! Именно в этом обстоятельстве он усматривает основание для того, чтобы издать в итальянском переводе некоторые работы, в ином случае обреченные на забвение.

Мнение о том, будто русский историк публиковал на родном языке преимущественно произведения популярного характера, а наиболее важные работы переиздавал на иностранных языках, верно лишь отчасти (*SV*, IX sg). Для западного читателя особый интерес, со строго научной точки зрения, представляют опубликованные в России рецензии Ростовцева, в которых историк нередко выходил далеко за рамки обсуждения той или иной книги, высказывая в диалогической форме свои собственные взгляды и методологические принципы, «как будто только что попавшая на его стол книга представляла собой вызов, на который должно ответить без промедления» (*SV*, X). Именно рецензии поэтому могут дать отчетливое представление о подходах Ростовцева к историческому исследованию. Так, в рецензии на «Историю Селевкидов» Буше-Леклерка были намечены темы, представлявшиеся Ростовцеву центральными для изучения истории эллинизма (формы земельной собственности, отношения между гражданином и государством, между городом и деревней), так что в результате получился своего рода набросок книги, которой в силу разных обстоятельств суждено было появиться лишь спустя четверть века и на английском языке (*SV*, XII). Другие рецензии (например, на книги Э. Гримма и М. Хвостова) лишний раз доказывают, что интерес Ростовцева к экономической истории и археологии зародился в контексте русской науки, а не только вследствие знакомства с западной литературой.

Объединение в одном томе (*SV*) не только переводов с русского, но и статей и рецензий, появившихся на европейских языках, да и то, что книга о колонате (*K*) переведена вовсе не с русского, а с немецкого, свидетельствует о замысле, куда более широком, чем просто перевод с мало доступного большинству современных историков языка. Действительно, как представляется, Марконе куда в большей степени движим убежденностью в том, что творчество зрелого Ростовцева, автора двух заслуженно знаменитых «Историй», изданных на английском языке, не просто нельзя в полной мере оценить в отрыве от его дореволюционных работ, но вообще в его исследованиях, от самых ранних и до самых последних, присутствует весьма значительная преемственность основных тем и идей. Опыт революции и эмиграции, пусть и сместил акценты и внес некоторые изменения в перспективы исследования, все же не определил собой все зрелое творчество русского историка (*SV*, XX). В подчеркивании такой преемственности Марконе солидаризируется с Хайнцом Хайненом (*K*, 9, n. 9; *SV*, XX, n. 30). В похожем ключе высказывается в своем введении и Марио Мацца (*SS*, L).

Таким образом, все три книги вписываются в перспективу актуальных историографических исследований, связанных с научной биографией Ростовцева и прежде всего с созданием двух его фундаментальных «Социально-экономических историй», оказавших огромное воздействие на все современное антиковедение. Собранные вместе, работы, публиковавшиеся подчас в весьма труднодоступных изданиях, предоставляют удобную возможность как для изучения эволюции взглядов Ростовцева, так и для более взвешенных и обоснованных оценок его представлений об эллинизме и Римской империи в целом. При этом, хотя область "пересечения" между двумя сборниками достаточно велика[9], и тот и другой обладают самостоятельной ценностью. Гораздо бóльшая по объему и, соответственно, более богатая по содержанию антология, составленная Марконе, включает в себя статьи о колонате, работы, посвященные отдельным регионам, а также семь рецензий, написанных Ростовцевым в разные годы жизни. А сборник, подготовленный Ньоли и Торнтоном, открывается переводом важной статьи «Капитализм и народное хозяйство в древнем мире» (1900), которую не так давно ввел в научный оборот Ж. Андро, включив ее детальный разбор в свое введение к французскому изданию «Социально-

[9] Ср. выше, прим. 1: шесть своего рода «ключевых» статей, на которые ссылаются все исследователи творчества Ростовцева, фигурируют как в *SV* (по-английски или по-французски), так и в *SS* (по-итальянски).

экономической истории Римской империи»[10]. В этом же сборнике публикуется впервые переведенная с русского языка большая статья «Закат античной цивилизации» (1922).

В рецензии, даже весьма развернутой, едва ли возможно дать хотя бы самую краткую характеристику всех работ Ростовцева, вошедших в книги, изданные итальянскими коллегами. Да это и не нужно: ведь речь идет о произведениях, написанных и опубликованных много десятилетий назад и давно известных специалистам. Гораздо более насущны вопросы иного рода: чем привлекают работы нашего великого соотечественника внимание современных антиковедов? Представляют ли они чисто историографический интерес или все еще сохраняют свою актуальность как предмет обсуждения и осмысления?

Введение к книге по истории колоната (*K*, 7–23) носит подчеркнуто историографический характер. Напомнив основные вехи профессионального становления Ростовцева, Марконе показывает, как подходы русского историка к проблемам колоната определялись, с одной стороны, специфическими проблемами России и традициями российской науки, а с другой, – связями русского историка с европейскими, прежде всего германскими, коллегами, с лучшими специалистами в области эпиграфики и папирологии (Гренфеллом и Вилькеном), в общении и активном диалоге с которыми сложился арсенал методов его исследовательского мастерства. Кратко охарактеризованы работы Ростовцева о колонате, предшествовавшие появлению в 1910 г. его специальной монографии, которая наряду с «Аграрной историей древнего мира» М. Вебера стала самым заметным в начале века общим трудом, посвященным эллинистическо-римской аграрной истории (*K*, 18). В «Studien» Ростовцева колонат предстал как важный момент эволюции аграрных отношений, в свою очередь вписанных в более общий историко-экономический контекст, в котором действовали самые различные факторы, и не в последнюю очередь фискальный интерес государства (*K*, 19). Еще две статьи Ростовцева о колонате, по-своему дополняющие книгу 1910 г., включены в *SV*. Та, что была опубликована по-немецки в «Handwörterbuch des Staatswissenschaften» (*SV*, 23–38) интересна в особенности тем, что в ней Ростовцев рассматривает и позднеантичный колонат, тогда как в монографии он доводит изложение только до периода Ранней империи. Русский вариант «Studien» (*SV*, 39–75), претерпевший значительные сокращения, главным образом, за счет отказа от воспроизведения сносок и сокращения комментариев папирусов и надписей, отличается более четкой и ясной формой изложения и обоснования основных идей (*K*, 18–19).

Задаваясь в конце концов вопросом о том, в какой мере вклад Ростовцева в изучение колоната сохраняет свое значение в контексте современных исследований (поскольку критическое отношение большинства папирологов к его идеям, в особенности в том, что касается экономической природы государства Птолемеев и – шире – роли государственной власти в экономике, ни для кого не составляет секрета), Марконе замечает, что если и в самом деле с Ростовцевым нужно прощаться[11], то прощание с ним происходит не без сожаления, ибо присущее ему умение прочитывать документы какого бы то ни было характера в строго историческом ключе и ставить проблемы решающей важности все так же достойны упоминания (*K*, 22).

Кроме того, в своем историографическом исследовании Марконе справедливо отмечает, что в настоящее время в изучении колоната наметился тупик, что проявляется и в отсутствии крупных обобщающих работ, и в появлении «еретических» статей Ж.-М. Карье, провозгласившего позднеантичный колонат историографическим мифом[12]. Ростовцев же писал о колонате в те годы, когда тема эта была живой и находилась в центре внимания крупнейших специалистов; когда все новые и новые эпиграфические и папирусные находки чередой следовали одна за другой; когда еще не сложились специализированные отделы науки, синтез был возможен и к нему стремились. Так что переиздание штудий Ростовцева о колонате может иметь двоякий смысл: с одной стороны, свойственное ему подчеркивание региональных и хронологических различий (ср. *K*, 26) во многом близко современным подходам с их вниманием к локальным вариантам аграрной эволюции; с другой же стороны, его исследования, всегда

---

[10] *Andreau J.* Introduction // *Rostovtseff M.* Histoire économique et sociale de l'Empire romain. P., 1988. P. XLIX–LII; *idem.* M. Rostovtzeff et le «capitalisme» antique vu de Russie // Pallas. 1987. 33. P. 7–17 (эти заметки Ж. Андро предваряют французский перевод статьи Ростовцева: Capitalisme et économie nationale dans l'Antiquité // ibid. P. 19–40).

[11] Часто встречающийся мотив «прощания с Ростовцевым» родился из названия известной статьи: *Pleket H.W.* Afscheid van Rostovtzeff // Lampas. 1975. 8. P. 267–284.

[12] *Marcone.* Il colonato tardoantico... P. 11, 101, 124 sg.

основанные на интерпретации и обобщении данных самых разных типов источников, намного шире и богаче одной темы – колоната, в силу чего именно в момент, когда тема эта во многом исчерпана и, может быть, на некоторое время закрыта, они заслуживают того, чтобы их извлекли из узких рамок библиографии этого специфического института и поместили в гораздо более широкую перспективу истории аграрных отношений античности, а не только истории науки.

Во взглядах Ростовцева Марконе особо выделяет «эллинистическую перспективу» (*SV*, XIII sg.), т.е. подчеркивание преемственности между эллинистическим миром, в свою очередь наследовавшим древневосточным монархиям, и Римской империей. Едва принявшись в 1900 г. за изучение происхождения и эволюции римского колоната, Ростовцев сразу обратил свой взор на Восток, «в заповедник эллинистических царств», как делал это и прежде, занимаясь историей государственного откупа и других вопросов экономической истории (*K*, 17). Эллинизм навсегда останется для Ростовцева основной темой его исследований.

В контексте споров об экономическом развитии древнего мира особое место в творчестве Ростовцева занимал Египет, изучению социально-экономических структур которого тот уделял особое внимание на протяжении значительной части своей научной карьеры (*SV*, XVII). Именно Египет послужил отправной точкой для рассуждений Ростовцева в упоминавшейся уже выше статье 1900 г. «Капитализм и народное хозяйство в древнем мире» (*SS*, 1–28). Марконе считает нужным подчеркнуть, что здесь, как и в лекции 1901 г. «Мученики греческой культуры» (*SV*, 1–21), появление Рима на мировой арене отнюдь не рассматривается как позитивный факт. Все симпатии Ростовцева лежат на стороне эллинистических монархий и достигнутого ими уровня экономического развития, которому римская мощь насильно положила предел (*SV*, XIX). При этом Ростовцев положительно оценивает роль государства Птолемеев в экономике, не считая ее несовместимой с принципами экономического либерализма. Стремясь объяснить истоки такой позиции историка (заметно отличающейся от его позднейших взглядов), Марконе высказывает весьма интересные соображения относительно опыта Ростовцева как гражданина страны, отсталость которой могла быть преодолена, как казалось тогда многим российским либералам, только сознательными и целенаправленными усилиями государственной власти (*SV*, XX).

Гипотезы и выводы, сформулированные в этих ранних работах Ростовцева, были затем им развиты и дополнены в ходе последующих исследований. В статье 1920 г. об основах социально-экономической жизни в Египте периода эллинизма (*SV*, 77–99) дано систематическое изложение его взглядов на Египет как на страну с централизованной и плановой экономикой. Утверждение в историографии представлений об экономике дирижистского типа, достигшей своего полного развития уже в древнем мире, было связано с проблемами, волновавшими сознание европейских интеллектуалов в период между двумя мировыми войнами (*SV*, XXII). В целом, Марконе отмечает, что в посвященных Египту работах Ростовцева (монографии о поместье Аполлония, главе для «Кембриджской древней истории») проявились точность и тщательность в проработке деталей общей картины, более взвешенный подход к интерпретации источников и отдельных аспектов изучаемых проблем.

Ростовцев с готовностью откликался на вызовы современности, в том числе и на страницах своих исторических исследований. Связь «Социально-экономической истории Римской империи (SEHRE)» с осмыслением опыта русской революции слишком хорошо известна. В рецензируемых сборниках значительное место занимают статьи и опубликованные устные выступления, в которых Ростовцев излагал основные моменты своей концепции социального кризиса Римской империи в III в. как антагонизма между сельским и городским населением. Эти работы в известном смысле составляют единое целое с SEHRE, и можно только радоваться тому, что теперь они собраны вместе.

Стоит отметить также, что Марконе включил в сборник еще одну статью, написанную Ростовцевым на злобу дня (*SV*, 139–162); она посвящена международным отношениям в древнем мире, которые рассматриваются сквозь призму системы международных отношений, сложившейся в результате I мировой войны.

В 30-е годы научные интересы Ростовцева вновь смещаются в сторону эллинистического мира, возвращаясь к центральной теме его творчества – эллинизму, о чем свидетельствуют в том числе и работы, вошедшие в рассматриваемые сборники.

Введение А. Марконе к сборнику статей Ростовцева, посвященных эллинизму и Римской империи, заканчивается тем же, с чего М. Мацца начинает свое введение к другому сборнику. Речь идет об уже упоминавшемся «прощании с Ростовцевым», которое Х. Плекет провозгласил более двадцати лет назад (см. прим. 11), когда господство «школы Финли», отвергающей

всякую модернизацию, было подавляющим, а конкретно-исторические исследования носили все более частный характер. Марконе связывает «возвращение» Ростовцева в конце 80-х – начале 90-х годов с наметившейся в это время потребностью в новых обобщающих трудах по социально-экономической истории (*SV*, XXXIII, n. 73). Мацца считает «возвращение к Ростовцеву» фактом, весьма важным для современного антиковедения, так как сопоставление собственных взглядов с идеями такого великого историка, как Ростовцев, всегда ведет к научному обогащению собеседника, даже если тот придерживается противоположного мнения (*SS*, VIII).

Введение Маццы по своему характеру значительно отличается от введений Марконе. Последний видел свою задачу в том, чтобы в довольно сжатом виде представить читателю те работы Ростовцева, с которыми тому предстоит познакомиться, а также определить их место в творческом наследии историка. Очевидно, такой «пунктирный» стиль вполне соответствует общему замыслу: и весьма трудная для восприятия даже в итальянском переводе специальная монография по истории колоната, основанная на детальном анализе папирусных и эпиграфических текстов, и внушительных размеров сборник статей и рецензий на четырех языках адресованы преимущественно специалистам, которые не нуждаются в подробных комментариях. Сборник же, подготовленный Ньоли и Торнтоном, как уже говорилось, предназначается в большей степени для студентов. Этой же дидактической цели служит и основательное введение. В нем Мацца весьма подробно, с развернутыми цитатами разбирает включенные в сборник статьи. Причем анализ этот органично включается в последовательное изложение перипетий историографической «судьбы» Ростовцева.

Среди факторов, которые способствовали недавнему возвращению интереса к трудам Ростовцева, Мацца называет эволюцию взглядов Финли и его последователей в сторону признания большей сложности и преемственности в развитии социально-экономических структур эллинистического и римского мира, а также ослабление того марксистского направления в изучении античной экономики, которое искало опору в трудах молодого Маркса и отличалось известными «антиэкономизмом» и идеализмом, сближавшими его с «примитивизмом» Финли. Охватившая многих усталость от избыточной специализации исторических исследований также ведет к более высокой оценке общих трудов Ростовцева, и прежде всего обеих «Социально-экономических историй» с их широкими географическими и хронологическими рамками. К этому добавляются и факторы внутреннего развития антиковедения: изучение средиземноморского бассейна как взаимозависимой системы, новый подъем интереса к эллинизму, в особенности к эллинизму в провинциях Римской империи и, соответственно, переосмысление связи эллинизм – Римская империя, игравшей ключевую роль в исторической концепции Ростовцева.

Мацца рассматривает творческий путь русского историка на фоне дискуссий о древней экономике, происходивших на рубеже веков главным образом в Германии[13]. Ростовцев не был в полном смысле их участником, однако был связан научными интересами с многими из тех, кто был вовлечен в эти споры. Поэтому он и не мог оставаться в стороне, выступив с уже не раз упоминавшейся статьей «Капитализм и народное хозяйство» (*SS*, 1–28). Из многих важных наблюдений Маццы приведем одно: для конца XIX – начала XX в. ошибочно говорить о контрасте между «примитивистами» и «модернистами» как главном противостоянии (эта терминология появится лишь позже, во времена Салина, Хазебрёка и Поланьи). Правильнее говорить об эволюционизме сторонников Бюхера и циклическом подходе приверженцев Мейера. Ростовцев определенно отвергает эволюционистскую концепцию Бюхера, его схему последовательной смены трех ступеней хозяйства в развитии человечества. И хотя несомненно, что Ростовцев выступает на стороне Мейера, признавая существование в древнем мире развитой капиталистической экономики, его позицию отличает своеобразие, она гораздо более сложная и развернутая, чем это кажется на первый взгляд (*SS*, XXV, XXXVI sg.).

С самого начала в исторической реконструкции, предлагавшейся Ростовцевым, Египет занимал важнейшее место. При этом «здоровый» капитализм восточных эллинистических монархий противопоставлялся «больному», «грабительскому» капитализму, сформировавшемуся в экономике Римской республики. Весьма деликатной была интерпретация роли государства в эллинистической экономике; оценка отношений между государством и капиталистической организацией экономики. Ростовцев склонен подчеркивать экономическую функцию государства, используя уровень развития финансового аппарата и систем

[13] Ср. *Mazza M.* Meyer *vs.* Bücher: il dibattito sull'economia antica nella storiografia tedesca tra Otto e Novecento // Società e storia. 1985. 29. P. 507–546.

налогообложения в качестве критериев для оценки экономического развития. Для него «здоровая» капиталистическая экономика не обязательно должна была быть либеральной. У русского «либерала» Ростовцева государство и экономика в действительности всегда предстают тесно взаимосвязанными.

Когда под воздействием грандиозных событий русской революции Ростовцев оказался лицом к лицу с центральными проблемами социально-экономической истории Римской империи, он сосредоточил свое внимание на вопросах социального равновесия, социальных конфликтов, кризиса и упадка античного общества. В этих исследованиях на первый план все более выдвигалась городская буржуазия и ее судьбы в Римской империи.

В заключительной части своего в высшей степени интересного и глубокого введения Мацца настойчиво подчеркивает разделенность экономического и социального момента в исторической концепции Ростовцева, даже если в конкретно-исторических реконструкциях они и предстают взаимосвязанными. Так, причины катастрофических кризисов и вообще упадка человеческих сообществ, согласно Ростовцеву, следует искать во внеэкономических факторах: в нарушении социальной гармонии, в политической эволюции, в психологических изменениях, но в любом случае в факторах, посторонних по отношению к развитию производительных сил данного общества (*SS*, LXXIV). Постулируемый таким образом разрыв между социальными силами и экономическим развитием и, соответственно, рассмотрение в первую очередь политических и социальных, а не экономических условий как раз и позволяли Ростовцеву снять с господствующих классов эллинистических монархий и ранней империи, с идеализированной и недостаточно четко определенной «буржуазии» всякую историческую ответственность за кризисы и экономические катастрофы. В этом смысле показательно изображение кризиса III в. Ростовцев решительным образом отвергает экономическое истолкование событий; для него, в конечном счете, причина упадка Римской империи кроется в неизбежных и неразрешимых антагонизмах между социальными классами, в результате которых буржуазия гибнет под ударами сверху и снизу. Чтобы объяснить этот «упадок», можно приводить причины политического, культурного, даже психологического порядка. Но одно должно оставаться неизменным в анализе Ростовцева: в экономической структуре имперского общества решающую причину искать не следует.

Из всего сказанного, как представляется, становится ясным, что объявленное возвращение к Ростовцеву происходит под знаком все более пристального внимания к внутренней структуре его концепций, к тому, как на их формировании сказывались внешние обстоятельства и условия его жизни и деятельности. В итоге, за последние годы уровень историографической рефлексии, предметом которой не раз становился Ростовцев, ощутимо вырос, о чем убедительно свидетельствуют и все три рецензируемые книги.

В заключение позволю себе высказать несколько отдельных соображений, возникших в ходе работы над настоящей рецензией.

Своего рода «аппендиксами» в обоих сборниках выглядят статьи, связанные с культурой. Это «Мученики греческой культуры в I в. по Р. Хр.» (*SV*) и «Пролетарская культура» (*SS*). И одна, и другая выделяются на общем фоне своей полемической заостренностью. В публичной лекции 1901 г. – работе популяризаторского характера – блестяще описывается противостояние представителей александрийской культуры, с одной стороны, и римской политической власти, с другой. Та же тема свободы как необходимого условия всякой творческой созидательной деятельности снова звучит рефреном в политическом памфлете 1919 г., где культурная политика большевиков уподобляется тому пути, которым следовала Римская империя в период своего упадка. Ростовцев предвещает скорое пришествие на смену Платону, Аристотелю, Эратосфену, Аристарху Самосскому Геллиев и Афинеев, после чего наступит сон средневековья (*SS*, 226).

На первый взгляд, эти статьи не слишком хорошо вписываются в по преимуществу социально-экономический контекст обоих сборников. И все же не случайно и в том, и в другом случае нашлось место для произведений подобного рода. Может быть, именно в них очевиднее всего проявляются «пружины» так называемого модернизма Ростовцева. Для него сближение античности и современности было естественным и необходимым следствием преемственности культуры. Любые параллели были возможны и оправданны, коль скоро те, к кому он обращался в своих публичных выступлениях и статьях, считали себя потомками и преемниками эллинов и римлян, наследниками и хранителями античной культуры и цивилизации. «Коль скоро наша точка зрения более или менее совпадает с точкой зрения классических народов», – писал Ростовцев даже в статье, которая, как будет показано ниже, дальше всего отстояла от такой самоидентификации с античностью.

Речь идет о статье «Упадок древнего мира и его экономическое объяснение» (*SV*, 215–230; *SS*, 199–218). Этой работе 1930 г. посвящено немало комментариев, ибо в ней Ростовцев наиболее четко формулирует свои взгляды на античную экономику и даже излагает собственное определение капитализма (об этом упоминают и Марконе, и Мацца). Однако речь не о статье в целом, а лишь о небольшом наблюдении. Уже было замечено (например, Ж. Андро), что именно в этой статье Ростовцев высказывает некоторые положения, под которыми могли бы подписаться самые последовательные «примитивисты» (например: «Я усматриваю очень мало сходства в развитии экономической жизни в древнем мире и в современности в целом. Есть некоторые явления, которые похожи, но общая тенденция глубоко отлична" – *SV*, 222). Чем объяснить необычную для Ростовцева строгость и осторожность в этой и других формулировках? Едва ли глубокими переменами в его теоретических представлениях, которые, как справедливо пишет Мацца, были весьма простыми, если не упрощенными (*SS*, LXIII). Скорее, как кажется, здесь мы имеем дело с присущей Ростовцеву манерой подстраиваться под запросы аудитории: ведь статья была напечатана в журнале, посвященном экономической истории. И обращаясь к аудитории экономистов, Ростовцев вполне осознавал трудности взаимопонимания историков и экономистов, о чем сам говорит в начале статьи. Таким образом, говоря о проблемах античной экономики со специалистами в экономике, а не историками или археологами, Ростовцев заметно смягчал свою модернизирующую манеру изложения, отличавшуюся проведением рискованных аналогий в тех случаях, когда речь шла о культуре и политике. А если это так, то модернизирующий подход, отличавший того, кто «может считаться самым великим историком античности первой половины нашего века» (Мацца: *SS*, LXXV), был не столько делом интеллектуального выбора и сознательно выработанной научной позиции, сколько фактом культуры, естественным следствием непосредственного и живого отношения к античности. В этом смысле Ростовцев все же был скорее историком XIX, а не XX в.: относиться к древности как к по сути дела постороннему предмету строгого изучения ему удавалось с трудом.

Возможно, именно этим объясняется притягательность Ростовцева для современных историков: с одной стороны, в его работах неизменно присутствует страстное, эмоционально и идеологически окрашенное отношение к древности как к близкому и все еще непосредственно переживаемому прошлому, а с другой стороны, они содержат великолепные образцы интерпретации многочисленных, разнообразных и сложнейших источников. И если в статье 1991 г. Ж. Андро писал, что издание французского перевода обеих «Социально-экономических историй» по существу подобно изданиям таких классиков, как Гиббон или Мишле, а вовсе не свидетельство «возвращения» к Ростовцеву[14], а спустя пару лет все же счел возможным «рассмотреть ход мыслей Ростовцева, разнообразие и внутреннюю логику его исследований, соотнося их с дискуссиями, ведущимися в наши дни», на примере одной конкретной проблемы – экономической роли и поведения элит – и сделал при этом вывод, что некоторые из замечаний русского историка все еще могут служить предметом размышлений и исследований[15], то мы в праве предположить, что наследие Ростовцева пока не отошло в область исключительно историографических исследований и продолжает сохранять научную актуальность. Свидетельством далеко не бесстрастного отношения к историку, умершему более сорока лет назад, может служить недавнее полемически заостренное замечание А. Джардины о том, что «бесспорно великая фигура Ростовцева в настоящее время вызывает чувства, порой граничащие с агиографией», так что насущным становится поиск «противоядия» от столь некритического отношения[16]. Представляется, что появление рецензируемых трех книг как раз и способствует более полному и точному пониманию роли и места Ростовцева как в историографии антиковедения, так и в практике современных исследований.

Е.В. Ляпустина

---

[14] *Андро*. Влияние М.И. Ростовцева. С. 176.

[15] *Он же*. М.И. Ростовцев и экономическое поведение элит. С. 229.

[16] *Giardina A*. L'Italia romana. Storie di un'identità incompiuta. Roma–Bari, 1997. P. 239; 258. Not. 15.

© 1997 г.

К 80-ЛЕТИЮ ТАТЬЯНЫ ВАСИЛЬЕВНЫ БЛАВАТСКОЙ

В декабре 1997 г. исполняется 80 лет выдающемуся российскому ученому-антиковеду, доктору исторических наук Татьяне Васильевне Блаватской.

Т.В. Блаватская родилась 28 декабря 1917 г. в г. Звенигородка Киевской области. В 1925 г. вместе с родителями она переехала в Москву. В 1936–1941 годах Татьяна Васильевна училась на историческом факультете Московского Государственного института истории, философии и литературы (ИФЛИ) и одновременно работала преподавателем истории в средней школе. С начала Великой Отечественной войны и до конца 1942 г. она работала браковщиком военной приемки в Главном артиллерийском управлении Красной Армии. В декабре 1942 г. она поступила в аспирантуру МГУ, а через год перевелась в аспирантуру Института истории АН СССР, научным руководителем ее стал проф. Н.А. Машкин. В 1948 г. Татьяна Васильевна защитила кандидатскую диссертацию, посвященную политической истории греческих народов Западного Понта. В 1948–1961 годах Т.В. Блаватская – младший, а затем старший научный сотрудник Института истории АН СССР (после его реорганизации в 1968 г. – Институт всеобщей истории). В 1966 г. она защитила докторскую диссертацию по истории Ахейской Греции и в настоящее время работает в отделе византиноведения Института всеобщей истории РАН.

Многочисленные труды Т.В. Блаватской по истории, археологии, эпиграфике, культуре древней Греции и Причерноморья являются неотъемлемой частью отечественной школы антиковедения. Она начала свой творческий путь в науке в 1939 г. с участия в археологических экспедициях – на раскопках античных и скифских центров Северного Причерноморья, работала в 14 археологических экспедициях, в 1951–1952 гг. вела самостоятельные раскопки, в 1958–1960 гг. принимала участие в Советско-албанской экспедиции, раскапывавшей Аполлонию Иллирийскую. Практическая работа Татьяны Васильевны на античных центрах придала основательность ее подготовке как специалиста по антиковедению.

Перу Т.В. Блаватской принадлежат монографии «Западнопонтийские города в VII – I веках до н.э.» (1952), «Очерки политической истории Боспора» (1959), «Ахейская Греция» (1966), «Греческое общество II тысячелетия до н.э.» (1976), «Из истории греческой интеллигенции эллинистического времени» (1983); множество статей, обзоров, рецензий опубликовано в отечественной и зарубежной периодике, сборниках статей – их тематика настолько многообразна и широка, что нет возможности дать их полную характеристику. Отметим лишь, что она активно работает на ниве древнегреческой эпиграфики: опубликовала ряд новонайденных надписей из Северного Причерноморья. Важнейшая из таких публикаций посвящена декретам боспорского царя Аспурга (Советская археология. 1965. № 1, 3).

Т.В. Блаватская – активный участник многих всесоюзных и международных конференций. Татьяна Васильевна являет собой образец скромного и бескорыстного служения науке, она – крупный ученый, добрый и отзывчивый человек. Вся ее жизнь и научная деятельность – прекрасный пример для научной молодежи.

Редсовет, редколлегия и редакция «Вестника древней истории», Центр сравнительного изучения древних цивилизаций, сектор античной истории и сектор византиноведения Института всеобщей истории РАН, ее многочисленные коллеги, друзья, ученики сердечно поздравляют Татьяну Васильевну Блаватскую с 80-летием, желают ей здоровья и новых творческих успехов.

К 80-ЛЕТИЮ ЭЛЛЫ ИСААКОВНЫ СОЛОМОНИК

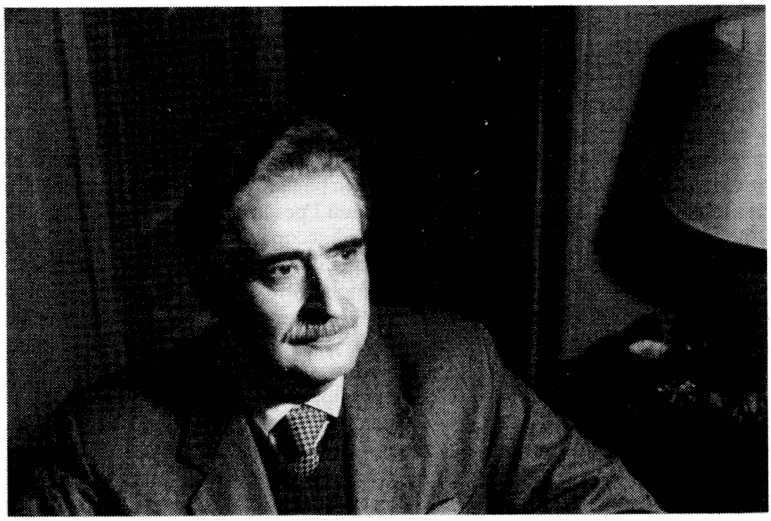
Крупнейшему отечественному эпиграфисту, доктору исторических наук, профессору Элле Исааковне Соломоник исполнилось 80 лет.

Элла Исааковна Соломоник родилась в 1917 г. В 1936 г. она окончила 11-ю трудовую школу Ленинграда (бывшая знаменитая гимназия Аннен-Шулле на Кирочной улице). В том же году она поступила на исторический факультет Ленинградского университета и окончила его в 1941 г., специализируясь по кафедре истории древней Греции и Рима.

Ученица выдающегося ученого-античника профессора С.Я. Лурье, Элла Исааковна стала одним из последних представителей петербургско-ленинградской школы античников-эпиграфистов, так как ее учитель был, в свою очередь, учеником академика С.А. Жебелёва.

После войны, окончив аспирантуру ЛГУ, Элла Исааковна переехала в Симферополь, где она много лет проработала в Крымском отделе Института археологии АН СССР (ныне Крымский филиал ИА НАН Украины). Она активно занималась эпиграфикой Северного Причерноморья, переняв многое у своего учителя С.Я. Лурье, которого неизменно чтила и упоминала в своих работах, несмотря на гонения на него, начавшиеся в послевоенные годы. По ее инициативе в Херсонесском государственном музее-заповеднике был создан лапидарий, по материалам которого в 1964 и 1973 годах она выпустила две книги «Новые эпиграфические памятники Херсонеса». Ею были опубликованы также монографии «Латинские надписи Херсонеса» (М., 1983), «Сарматские знаки Северного Причерноморья» (Киев, 1957), «Древнейшие надписи Крыма» (Киев, 1988), «Каменная летопись Херсонеса» (Симферополь, 1990). Многие книги выходили под ее редакцией (например, «Граффити античного Херсонеса», Киев, 1978 и «Граффити с хоры Херсонеса», Киев, 1984). Э.И. Соломоник – автор множества статей, посвященных эпиграфике, истории и религиозной жизни Северного Причерноморья в античное время. Много лет Элла Исааковна читала курс эпиграфики в Симферопольском государственном университете. Элла Исааковна – многолетний автор «Вестника древней истории», ее статьи и публикации неизменно вызывали и вызывают огромный научный интерес, отражая большую эрудицию и научную проницательность исследователя.

Редакционный Совет, редколлегия и редакция «Вестника древней истории» поздравляют Эллу Исааковну и желают ей долгих лет жизни и творческого вдохновения.



К 60-ЛЕТИЮ ГЕРАРДО НЬОЛИ

6 декабря 1997 г. исполняется 60 лет одному из крупнейших современных иранистов Герардо Ньоли.

Г. Ньоли родился 6 декабря 1937 года в Риме, в знатной семье. Еще в школьные годы проявив интерес к древней истории, он в 1956 г. поступил в Римский университет на факультет искусствоведения и философии. Больше всего его интересовали история иудаизма и гностицизма, а также зороастрийское и манихейское вероучения. За время обучения в университете он сумел овладеть ивритом, арамейским, южноаравийским, авестийским, древнеперсидским и среднеперсидским языками и занимался главным образом древней историей семитского и иранского мира, однако постепенно в область его интересов попали также Средняя Азия и Аравия I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. Среди учителей Г. Ньоли были крупнейшие ученые: семитскими штудиями руководил Сабатино Москати, а иранскими – Антонио Пальярино и Алессандро Баусани, а чуть позднее Джорджио Леви и, наконец, знаменитый Джузеппе Туччи.

В 1962 г. Г. Ньоли окончил университет *cum laude* и под руководством Д. Туччи, а также Марио Буссальи написал свое первое большое исследование «Иранские и индийские элементы в религии и пантеоне кушанских монет. Историко-религиозное и иконографическое исследование». Сейчас Г. Ньоли – автор около 300 научных работ, опубликованных во многих странах. Среди них наиболее заметны: «Иудео-персидские надписи Гура (Афганистан)» (1964), «Историческое исследование о древнем Систане» (1967), «Религиозная политика и концепция царственности при Сасанидах» (1971), «Религиозная политика и концепция царской власти при Ахеменидах» (1974), «К исследованию Арда Вираз Намак» (1979), «Время Зороастра и его родина» (1980); «От Зороастра до Мани. Четыре лекции в Коллеж де Франс» (1985), «Иранская идея» (1989), «Иран как религиозное понятие в маздеизме» (1993), «Шакаб аль-Монасса – каталог южно-аравийских надписей. Часть II» (1993).

Г. Ньоли много сил отдает преподаванию. Сразу после окончания университета он читал курс истории Ирана и Индии в Римском университете на кафедре истории искусства Индии и Средней Азии (1962–1963), позднее преподавал на кафедре иранских языков и литератур (1963–1965) и на кафедре истории религии Ирана и Средней Азии (1965–1968). Одновременно, в 1965 г. Г. Ньоли стал профессором Восточного института при Неаполитанском университете (где постоянно преподавал до 1993 г. на кафедре иранских языков и литератур и кафедре иранской филологии), а с 1993 г. – профессором истории религии Ирана и Средней Азии на факультете искусствоведения и философии Римского университета «La Sapienza».

Один из крупнейших в мире специалистов по истории и филологии Ирана и иранского мира в древности и раннем средневековье, а также по древним религиям Ирана, Средней Азии и Индии, человек поразительной эрудиции, Г. Ньоли обладает блестящим талантом подачи материала, в котором глубина сочетается с ясностью и классической простотой изложения. Его метод работы характеризуется тонким, взвешенным сочетанием филологического, историко-культурного и археологического подходов.

Высокая оценка работ профессора Герардо Ньоли мировым научным сообществом выразилась в его избрании почетным членом ряда национальных и международных академий, среди которых Европейская Академия в Лондоне и Туринская Академия наук, а также престижнейших научных обществ, в частности Азиатского общества (Париж). В 1994 г. профессор Ньоли был избран иностранным членом Российской Академии наук. На протяжении нескольких лет (1981–1983) Г. Ньоли был председателем Правления Европейского иранологического общества, а в 1970–1979 гг. – ректором одного из авторитетнейших востоковедных центров в Европе – Восточного института при Неаполитанском университете. Кроме того, Г. Ньоли – постоянный член Редакционного Совета международной «Иранской энциклопедии», издаваемой Э. Яршатером в Нью-Йорке и объединяющей все лучшие силы мировой иранистики.

Уже много лет Герардо Ньоли является бессменным Президентом всемирно известного Итальянского института Среднего и Дальнего Востока (IsMEO, Рим), недавно переименованного в Институт Африки и Востока (IsIAO). Под руководством Г. Ньоли осуществляется ряд крупных археологических и востоковедных проектов, связанных в том числе и с исследованием древностей на территории бывшего СССР (прежде всего России и Туркменистана).

Коллеги и друзья в России и странах СНГ тепло поздравляют Герардо Ньоли с юбилеем и искренне желают ему здоровья и дальнейших творческих успехов.

Редколлегия и Редакционный Совет
«Вестника древней истории»

© 1997 г.

ПРОФЕССОР ИОСИФ МОИСЕЕВИЧ ТРОНСКИЙ В ЕГО ПИСЬМАХ*

(К 100-летию со дня рождения)

Заслуги И.М. Тронского перед отечественным антиковедением были признаны широкой научной общественностью уже при жизни выдающегося ученого и высоко оценены после его кончины в 1970 г.[1] Гораздо менее известен, особенно нынешнему поколению, он как человек. Восстановлению его облика могут помочь письма, которые сохранились у меня из нашей переписки за последние 15 лет его жизни. Началась она в феврале 1955 г. с его краткого отклика на присланный ему двухтомник Аристофана и продолжилась до сентября 1970 г. На письмо от 14 сентября я ответил ему, что собираюсь с лекциями в Тбилиси, и действительно уехал более чем на месяц, а по возвращении собирался, как обычно, дать полный отчет о поездке, когда 3 ноября мне позвонила из Ленинграда Н.А. Чистякова и сообщила о его внезапной смерти.

Формально я, живя в Москве, не мог быть учеником И.М., но за годы нашего знакомства стольким ему обязан, что имею полное право считать его своим духовным наставником. Переписка наша носила достаточно регулярный характер и наряду с научными вопросами касалась, естественно, многих бытовых и практических тем, имевших сиюминутное значение: заказы на иностранные книги, наведение разных справок в библиотеках, сообщения о планах летнего отдыха и т.п. Эти письма я не сохранял, хотя сейчас об этом и жалею. Сохранилось у меня в оригинале или в выдержках около полусотни из них. Едва ли целесообразно приводить их все целиком, так как письма, содержавшие целую консультацию по специальным научным вопросам, не могут быть одинаково интересны для всех. Кроме того, в ряде писем И.М. довольно высоко оценивал некоторые мои работы. Было бы нескромно с моей стороны доводить до всеобщего сведения эти его высказывания: я предпочитаю оставить их при себе. Поэтому я считаю более уместной тематическую классификацию, при которой легче осветить И.М. как ученого и человека.

Собственно говоря, не считая уже упомянутого письма И.М. от 4.II.1955 г., переписка и началась с чисто научного вопроса. Во время моего пребывания в Ленинграде летом того же года я заручился благословением И.М. писать книгу об Эсхиле и поэтому считал себя морально вправе советоваться с ним в тех случаях, когда у меня возникнут какие-либо сомнения. Как полагается, они не заставили себя долго ждать, и одним из самых трудных вопросов оказалась датировка трагедии «Молящие» в свете опубликованного в 1952 г. в XX томе Оксиринхских папирусов отрывка дидаскалии к «Данаидам» (№ 2256, фр. 3), заставлявшего, на первый взгляд, отнести эту тетралогию к 463 г., а не к числу ранних произведений «отца трагедии», как это делало до тех пор большинство исследователей его творчества.

Мои сомнения на этот счет спровоцировали И.М. обратиться к названному документу, результатом чего явилась его известная статья в ВДИ[2], которой, однако, предшествовали два письма ко мне в ноябре 1955 г., снабженные полным научным аппаратом: вопрос явно заинтриговал И.М. и он считал нужным осветить его в специальной статье, но с присущей ему деликатностью считал за мной «право первой руки». «Вы вызвали у меня такой интерес к этому фрагменту, что мне уже хочется высказаться о нем в печати – с источниковедческой точки зрения, не затрагивая вопроса о датировке в целом», – писал он 25.XI.1955 г. Разумеется, я ему тотчас ответил, что передаю ему свое сомнительное «право», и был вознагражден не только прекрасной статьей, но и посвящением на ее оттиске: «Дорогому В.Н. Ярхо, инициатору настоящей статьи, от ее исполнителя 25.XII.57». Надо ли говорить, как я тогда гордился и до сих пор, спустя 40 лет, горжусь этими словами! Конечно, эсхиловская тема не была этим исчерпана. И.М. терпеливо отвечал на все мои «запросы»: и относительно культа Диониса в микенское время, и по поводу еще одной папирусной дидаскалии – на этот раз к недошедшему «Филоктету» Эсхила, – и о вазовых рисунках, толкование которых вызывало у меня известные сомнения (письма от 31.III и от 11.IV.1957; 23.III.1958). В результате И.М. согласился взять на

---

* Расширенный текст доклада, представленного на заседание, посвященое столетию со дня рождения И.М. Тронского, в Санкт-Петербурге в Институте языкознания РАН в июне 1997 г.

[1] См. ВДИ. 1968. № 2. С. 215–217; 1971. № 2. С. 162–166; 1976. № 3. С. 214–216; Вопросы классической филологии. Львов, 1973. № 11. С. 3–9; Philologus. 1987. S. 309–317.

[2] Оксиринхская дидаскалия и тетралогия Эсхила о Данаидах // ВДИ. 1957. № 2. С. 146–159.

рецензию рукопись книги, очень помог мне своими предложениями и заинтересованно следил за процессом ее доработки. «Движение Вашего "Эсхила" меня очень радует, – писал он 31.III.1957, – но не ставите ли Вы перед собой слишком сложных задач в связи с переработкой? Как известно, лучшее – враг хорошего, и я добавлю, что самый страшный враг. Это относится к таким вопросам, как изображение человека, проблема трагического и т.п.».

Я так подробно остановился на вопросах эсхиловедения, затронутых в переписке с И.М., потому, что они отражают две важнейших стороны его научного облика: разносторонность интересов (как раз в это время он готовился перейти на работу в Институт языкознания, и мысли его были заняты, в общем, лингвистической проблематикой) и готовность оказать помощь всякому, кто за ней обратится. (В те годы мы еще не были так близки домами, как впоследствии, когда я мог позволить себе отрывать И.М. от дел, пользуясь его хорошим ко мне отношением).

О широте и размахе научных планов и свершений И.М. его письма дают достаточно наглядное представление. «Основная задача этого семестра – "запустить" (в значении: приводить в движение) мою "древнейшую историю греческого языка", которая у меня порядком "запущена" (в значении: не выполнена своевременно) по сравнению с плановыми предположениями» (12.IV.1961). Для сборника кафедры я написал статью, дополняющую и развивающую положения книги[3]. Получилось больше, чем они просят; авось, сделают исключение во внимание к старости... Рядом с этим чтение чужих работ. К счастью, этруски (диссертация В. Залесского. – *В.Я.*) отодвинулись, и я ими смогу заниматься в 1962 г. Но все прочее – и поздняя латынь, и Гомер в русских переводах – кумулировались в декабре и еще не полностью доведены мною до конца. Не хочу сказать, чтобы это мне не было интересно – я в принципе готов заинтересоваться любой лингвистической или литературоведческой проблемой, имеющей касательство к античному миру, – но все это требует времени. Гомер, кстати, в 600 страниц величиной». Далее шло подробное изложение истории о конференции по «Дисколу» Менандра в Иене, на которую И.М. не пустили врачи, и переход к следующей теме: «А в Москве я, пожалуй, буду, вместо Иены. Функциональный принцип требует единства при вариантности независимых переменных. Дискуссия, так дискуссия, а в Иене о "Дисколе" или в Москве о системности языка – это безразлично» (31.XII.1961).

«Ровно две недели, как мы с Вами расстались после столь приятно проведенного у Вас вечера. Еще через две недели с лишним – опять Москва, сессия по сравнительной грамматике, которая будет иметь место 17–21 ноября... Ноябрьская программа – сделать доклад на сессии, окончательно настроиться на год сравнительно-грамматических штудий, написать для сборника в честь М.П. Алексеева о "Грамматической трагедии" Каллия, прочесть на заседании памяти И.И. Толстого о его неизданном труде начала 20-х годов о греческой религии...» (31.X.1964). «Год на исходе... у меня последней акцией истекающего года явилась только что законченная статья о "Грамматической трагедии" Каллия для сборника в честь Алексеева[4]. Единственная недоделка плана – статья об изучении античных языков в СССР за пятьдесят лет; нужно будет сделать ее в январе[5]. Есть еще два дела. Я намерен писать о новом "Сикионце" Менандра, но французы, обещавшие выпустить его еще в июне, дотянули до конца года, и вот-вот он должен выйти в свет[6]. Второе дело – Тацит. Как послесловие к переводу Тацита я исписал 6,5 п.л. вместо трех (это в серии "Литературных памятников"). Издательство как будто готово издать этот опус отдельной брошюрой, но просит сохранить запланированный размер статьи. Писать новое я, конечно, не буду, но сокращение тоже отнимает время»[7] (30.XII.1964).

«Колесо вращается неослабно. В 20-х числах мая я был погружен в четвертый том "Сравнительной грамматики германских языков", которую пришлось рецензировать в крайне спешном порядке. Затем последовало составление доклада о греческих диалектах для подготовляемого нашим отделением Института сборника[8]... Сейчас же нужно будет приняться за

---

[3] Имеется в виду книга «Древнегреческое ударение» М.-Л., 1962. Статья, о которой идет речь, опубликована под заглавием: К вопросу о месте греческого ударения // Язык и стиль античных писателей. Л., 1966. С. 171–187.

[4] См. «Грамматическая трагедия» Каллия // Русско-европейские литературные связи. К 70-летию со дня рождения акад. М.П. Алексеева. М.-Л., 1966. С. 332–339.

[5] См. Классические языки // Советское языкознание за 50 лет. М., 1967. С. 143–157.

[6] См. «Сикионец» Менандра // ВДИ. 1966. № 4. С. 54–67.

[7] См. Корнелий Тацит // *Корнелий Тацит*. Сочинения в 2-х т. Т. 2. Л., 1969. С. 203–247.

[8] См. О диалектной структуре греческого языка в раннем античном обществе // Вопросы социальной лингвистики. Л., 1969. С. 266–284.

статью о морфологической структуре греческого слова для другого институтского сборника... Доклад о диалектах не был случайным hors d'oeuvre. Он – предвестник будущего. На пятилетку 1966–1970 я объявил тему об общественно-исторических закономерностях обоих античных языков. Это будут проблемы диалектного членения и диалектной интеграции, соотношения между литературными языками и диалектами, взаимодействия греческого и латыни и т.д. Подробностей "свободного романа" еще не различаю с полной ясностью. В ленинградском отделении Института есть тенденция противопоставить столичной структуральной моде некий социологический аспект... Тема, намеченная мною, привлекает, главным образом, тем, что дает выход в литературоведение, возможность свивать обаполы моих интересов, рища в тропу Трояню...» (7.VI.1965).

«Черт меня угораздил проболеть полторы недели в самое неподходящее время, когда дорог каждый час. Я еще не выхожу на улицу и негодую на мир. "Ларингальная теория" – это одна из глав моей книги. О чем книга в целом, сказать трудно: в основном она посвящена спорным вопросам реконструкции индоевропейского праязыка. Младограмматики в свое время восстанавливали его по греко-санскритскому образцу, со сложной именной и глагольной системой. После открытия хеттского возник соблазн исходить из наименее развернутых систем, вроде германской. Эти проблемы я и обсуждаю – с весьма консервативным уклоном, но рассматриваю также и фонологическую сторону реконструкции. Готово уже около семи листов, но нужно десять. В этих размерах книга будет утверждаться к печати»[9] (17.XI.1965).

«Недавно я узнал из аннотации в "Rivista", что на одном из оксиринхских папирусов найдены три колонки той комедии (по-видимому, меандровской), с которой переведены "Bacchides" Плавта. Я возгорелся желанием включиться в разработку этого вопроса и немедленно заказал соответствующие материалы[10]. Пока это между нами, и прошу навести справку, есть ли в Москве где-нибудь: Plautus, Bacchides, ed. C. Questa, Firenze, 1965» (25.III.1969).

Переходя к разговору о помощи, которую И.М. оказывал своим (и не обязательно молодым) коллегам, я начну с его роли о подготовке нашего кафедрального учебника латинского языка. По своему обыкновению, И.М. написал два варианта рецензии: одну – для издательства, другую – для авторов; в этой последней содержалась как уничтожающая критика структуры учебника (первоначально он строился по грамматическим темам в порядке их прохождения), так и множество крупных и мелких замечаний, вследствие чего я счел наиболее целесообразным поехать в Ленинград и выслушать все предложения и объяснения И.М. лично. На мой телефонный звонок он ответил, что это было бы самым лучшим, и затем в течение трех или четырех дней в две смены (до и после обеда с небольшим перерывом) разбирал со мной слово за словом все наши прегрешения. Самое интересное началось, однако, потом, когда я, вернувшись в Москву, попытался реализовать все его предложения и при этом натолкнулся на массу не ясных для меня лингвистических вопросов. И вот, в ответ на них с осени 1959 г. до весны 1960-го я получил от И.М. три письма общим объемом в один печатный лист с цитатами из Плавта, Цицерона, Горация, Овидия, Тита Ливия, ни одна из которых, как я вскоре убедился, не вошла в его «Историческую грамматику латинского языка». Стало быть, ему пришлось специально для нас заново просматривать свои записи, конспекты, разные справочники и т.д. Добавлю, что еще в процессе работы над учебником в его первоначальном варианте я попросил у И.М. совета по достаточно запутанному в наших учебниках вопросу о долготе и краткости слогов и получил в ответ в письме от 18.VI.58 г. целую статью на трех, исписанных мельчайшим почерком страницах, причем в конце письма И.М. еще извинялся за то, что письмо вышло слишком длинным. Зато, когда учебник вышел из печати и наш рецензент снова просмотрел его, он написал, что «получилась вполне интеллигентная книга». Для его составителей это было наивысшей похвалой.

Точно также обстоятельно И.М. делился своими соображениями о моих работах (как в рукописи, так и уже напечатанных) по истории греческой литературы, иногда – не без иронии. Например, в связи с одним вопросом о языке Алкмана я получил такой совет: «Для некоторых была бы полезна книга "Древнегреческое ударение"...», – оказывается, я не заметил, что в этой его работе уже содержался ответ на мои недоумения. В другой раз на полях посланной ему рукописи я нашел замечание: «Волга впадает в Каспийское море». Не приходится говорить, что на такие его отзывы я и не думал обижаться. Приведу также размышления И.М. в связи с моей статьей о Гомере, в которой содержится сжатая характеристика его позиции по отношению к

---

[9] См. Общее индоевропейское языковое состояние (Вопросы реконструкции). Л., 1967.

[10] См. Комедия Плавта «Bacchides» и новонайденные отрывки ее оригинала (предварительное сообщение) // Проблемы античной культуры. Тбилиси, 1975. С. 139–153.

гомеровскому вопросу. «Пришел номер ВДИ с Вашей статьей[11]. Вы, по-видимому, еще работали над ней после наших бесед. Очень интересно. У меня два замечания. Во-первых, как ни расценивать примитивизацию Греции в по-микенское время, нельзя уже игнорировать то, что в основе гомеровских изображений – классовое общество, и повторять формулы Энгельса. Следы микенской монархии очень ясны у Гомера; возьмите, например, то место в IX книге "Илиады", где Агамемнон обещает в приданное за дочерью семь городов, – это никак не родовой строй. Во-вторых, никто не в праве считать себя разрешившим гомеровский вопрос. При этих условиях вряд ли целесообразно совершенно отвлекаться от аналитических гипотез, особенно современных. И если Вы устанавливаете в "Одиссее" некую двойственность этических оценок, то весьма интересно было бы знать, как это соотносится с А и В фон-дер-Мюля или Шадевальдта. Для меня неважно, что такое эти А и В – разные ли лица, или одно лицо на разных этапах творческой биографии, или даже фантомы. Я только хочу, чтобы всякое исследование Гомера было ориентировано также и в эту сторону, которую абсолютно нельзя считать сданной в архив» (письмо от 5–6.VI.1962 г.).

В начале 1966 г. И.М. взял на рецензию рукопись I тома «Истории всемирной литературы», подготовленную сотрудниками ИМЛИ. Вошли туда и мои главы о древнегреческом эпосе, лирике и трагедии. И.М. похвалил меня за эпос и трагедию, а главу о лирике счел «бледной». «Она мне очень напомнила мое собственное изложение почти тридцатилетней давности, – писал он 23.III.1966 г. – Приятно, конечно, что оно продолжает оказывать помощь ближним, но из всех разделов моей книги, во многом уже ставшей далекой от меня, это – самый устаревший. Я его писал нарочито кратко, считая этот материал недоходчивым для студентов 30-х годов. Сейчас он выглядел бы у меня совсем другим». После этого следовали не только соображения методологического характера по всей книге в целом, но и достаточно обширный список литературы, рекомендуемой мне для повышения квалификации.

В продолжение этой темы напомню, что за время нашего знакомства И.М. неоднократно выступал оппонентом по докторским диссертациям (Н. Гринбаума, В. Залесского, Г. Клычкова, Э. Макаева, Ю. Откупщикова, А. Широковой – перечисляю в алфавитном порядке, кого помню) и обычно делился своими впечатлениями от них в письмах. При этом темы диссертаций, от ларингальной теории и этрусков до языка Пиндара и фонологии балканской латыни, лишний раз говорят о размахе научных интересов оппонента.

Научная активность И.М., естественно, не ограничивалась текущими делами, равно как Москвой и Ленинградом. Он принимал самое деятельное участие в работе всех пяти конференций по классической филологии (в Москве и Ленинграде в 1957 г., в Ленинграде в 1961 г., в Киеве в 1966 г., в Тбилиси в 1969 г.), в международном лингвистическом конгрессе в Бухаресте в 1967 г., куда он поехал по частному приглашению, обманув бдительность врачей; посетил в 1962 г. Львов по приглашению тамошней кафедры классической филологии. Отклики на некоторые из этих мероприятий сохранились в его письмах.

К ленинградской конференции 1957 г. И.М. пришлось взять на себя значительную часть предварительной работы. «Только что принесли мне от Казанского пачку тезисов, в том числе Ваши. Слишком пространные. Если будем их печатать и я буду редактором, безжалостно обкарнаю, особенно по линии формалистических сопоставлений» (письмо от 8.V.1957 г.).

Впечатления от поездок во Львов, Бухарест и Тбилиси привожу без комментариев.

«Уже четыре дня, как вернулся из Львова... В общем поездка прекрасная. И. Кобов, и С.Я. (Лурье. – *В.Я.*) с супругой наперебой окружали нас своими заботами, показывали город и играли роль золотой рыбки при исполнении всяческих желаний. Я еще работал, читал доклады, писал рецензии, давал консультации, а Мария Лазаревна (супруга И.М. – *В.Я.*) почти все время гуляла, съездила в Ужгород, где пользовалась гостеприимством Сака, и пришла в восторг от самого города и от пути – особенно при обратной поездке через Самбор» (письмо от 5–6 VI.1962 г.).

«Бухарест – настоящий большой город, очень оживленный, с динамичным темпом жизни. Прага по сравнению с ним провинция, но Прага чудесна памятниками, а здесь дикая безвкусица, полное смешение стилей, помесь деревни с американизмом, кое в чем напоминающая Москву в ее старых районах... С классиками встречался и в Институте языкознания, и на университетской кафедре. Они все хорошо знают мои работы. Моя "История античной литературы" служит учебником в машинописном переводе. Некоторых работников я уже знал лично или по переписке. Конгресс был многолюдным. Советских приехало – делегатов и туристов – 96 человек, я был 97-м. А потом – представители многих десятков стран; больше всего было

[11] Вина и ответственность в гомеровском эпосе // ВДИ. 1962. № 2.

американцев. Много было лингвистов-классиков: Девото, Пизани, Марцулло, Лойман, Риш, Шерер, Тайарда, вездесущий Георгиев и мн. др. Десятки лекций. Объять это все можно будет только тогда, когда выйдут "Акты". Пленарные заседания посвящены были важным вопросам, но вряд ли продвинули их вперед Девото читал о сравнительном языкознании и современных течениях и призывал к "сосуществованию" – coexistenza politica, coexistenza religiosa, coexistenza scientifica. Но сосуществование еще не дает синтеза... Впрочем, структурализм все менее удовлетворяет широкие круги лингвистов. Справедливо говорят, что значение съездов не в докладах, а в контактах. А контакты были интересные. Я и раньше знал, и еще раз убедился, что, в то время как зарубежные классики как правило по-русски не читают и работы для них terra incognita, лингвисты, в особенности компаративисты, владеют русским языком очень часто, следят за "Вопросами языкознания" и нашей книжной продукцией, и мы для них не какие-то белые вороны, а люди, которых они читали и с которыми они рады познакомиться лично» (30.IX.1967).

«В промежутке между нашими письмами – Тбилиси. Поездку как таковую – а мы езили с М.Л. вдвоем – надо расценить весьма положительно. Погода улыбалась, а люди и того более – разбивались в лепешку, чтобы сделать наше пребывание приятным... Избранное общество все время банкетировало. В промежутках между банкетами происходили доклады (учитель М.Л., Ф.А. Браун, в свое время говаривал, что занятия – неприятный промежуток между каникулами; так было и здесь). Я, наподобие Буриданова осла, разрывался между литературоведческой секцией, одним из руководителей которой я официально считался, и лингвистической, на которой выступали мои институтские ученики, а также почтенные тбилисские лингвисты, на докладах коих мне полагалось присутствовать. Ретроспективно оценивая научное лицо конференции, должен сказать, что участники проявили много доброй воли; темы были разнообразные и, чаще всего, заслуживающие внимания. И, вместе с тем, густой налет провинциализма. Люди сидят в медвежьих углах, новых книг не видят и общаются – в лучшем случае – с "философами" своих институтов. Серьезные доклады были почти только из Москвы, Ленинграда и Тбилиси. Языкознание, как будто, было на более высоком уровне, чем литературоведение, – но мне не пришлось присутствовать на наиболее интересных литературоведческих докладах» (7.XII.1969).

Оценка работ своих коллег, а вместо с этим часто и их научного лица – особая тема, обширно представленная в письмах И.М. Здесь его отличала и строгость суждений, и редкая объективность. Так, отвечая на мое толкование проблемы ответственности в гомеровском эпосе, И.М. замечал: «В том, что Вы пишите о предполагаемой статье, совершенно согласен с Вами. Также насчет модернизаторских тенденций С. Вы напомнили мне о том, что он прислал мне свой оттиск, а я его не открывал, предполагая, что он не содержит ничего нового по сравнению с текстом диссертации. Открыл и нашел полемику со мной. Для него Гомер – все, квинтэссенция содержания жизни. Это очень симпатично, но вне исторической науки» (8.V.1957). На выход в свет книги переводов «Поздняя греческая проза» (1960) И.М. реагировал следующим образом: Сама по себе, конечно, книга это очень полезная, особенно, если учесть всякие "объективные" условия, препятствующие действительно объективному показу литературы этого периода. Статья могла бы быть если не большей по размеру – тут опять "объективные" причины, – то по крайней мере менее апологетической. Во "внутренность" я, разумеется, не входил, но некоторые вещи, сами собой бросающиеся в глаза, раздражают. Так, "великолепен" финал, последняя строчка последнего примечания. В книге, набиравшейся в 1960 г., "Дискол" продолжает оставаться "недошедшей комедией Менандра", хотя о нем трубит весь мир с 57 г. В переводе Флегонта и в примечании к нему говорится об "императоре", согласно примечанию – Адриане, хотя в оригинале идет речь о "царе" и имеется в виду Филипп Македонский. Статья С.И. Соболевского о "Коринфской невесте" вышла, очевидно, уже слишком поздно (в ней упоминается об этом), но повествование Флегонта полностью было объяснено еще Роде в 1877 г., и срок в 83 года оказался недостаточным, чтобы это дошло до уважаемых составителей сборника» (14.III.1962).

Достаточно иронически отозвался И.М. на книгу «Художественный метод П. Теренция Афра», не забыв, однако, сопроводить свое мнение методологическим обоснованием: «В качестве душеспасительного чтения – на сон грядущий – я выбрал книжку С. Для этой цели она вполне пригодна: virtus dormitiva имеется. Вообще, я одобряю такие темы, но сделано сие весьма наивно, много элементарно-общеизвестного. Вопрос об отношении "бытовых" зарисовок римской комедии к реальной действительности, и в частности о фигуре раба, значительно сложнее, чем это представляется не только нашим витязям (вроде Коржинского), но и их зарубежным критикам – имею в виду недавнюю работу Шпрангера о рабах у Плавта и Теренция. Другой камень преткновения – соотношение между римской комедией и νέα. Мне,

например, смешно читать, что образ парасита Гнафона – "большое достижение" Теренция. Думаю, что авторские права принадлежат здесь Менандру. М.б. "Дискол" несколько образумит слишком рьяных сторонников самостоятельности римской комедии. Из книги С. все же можно узнать, что Волга впадает в Каспийское море. Статья Ш. о Катулле – просто макулатура и с методологической, и с филологической стороны. Как видите, я разбрюзжался... Признак подкрадывающейся старости?» (12.IX.1961).

Нет, это не было «старческим брюзжанием». Любой вышедший из печати труд И.М. оценивал очень трезво с точки зрения состояния нашей науки, стремясь найти в ней место для новой работы. Часто он совмещал свою оценку с отношением к автору; здесь субъективный элемент был, конечно, неизбежен, как и в откликах на сообщения о смерти его коллег. Возможно, в наши дни, 30 и более лет спустя, кому-то эти оценки представятся спорными, кто-то не согласится с ними совсем, но не включить их в настоящую подборку значило бы очень обеднить научный облик И.М., тем более что своих мнений он никогда не скрывал. Разве только в письмах высказывался более определенно.

«Вересаевские переводы, наконец, заполучил[12]. Имею также Катулла–Тибулла–Проперция[13]. К переводам Остроумова я в былые дни (лет 25–30 назад) приложил некоторую редакторскую руку, пока не рассорился с "Academia", собиравшейся их издавать. К сожалению, некая цензура исключила из Тибулла его παιδικά. Предисловия – и к Вересаеву, и к римским поэтам – удручающие, ни одной свежей мысли. Единственное положительное качество – краткость. И это печально, потому что при трудностях печатания научных статей, библиотечка Гослитиздата могла бы стать отдушиной для авторов» (26.XI.1963).

«На днях вышла книга А.Н. Егунова "Гомер в русских переводах XVIII–XIX вв." – от Ломоносова до Жуковского и его современников (Минский, 1896 г., уже не затронут). Я в свое время рецензировал эту книгу для ИФЛИ[14], и она мне очень понравилась. Это – первое исследование такого рода у нас, выявляющее место Гомера в созидании русской литературы. Ничто так не свидетельствует о научной бесплодности нашего дореволюционного классицизма, как его полная неспособность показать связи русской и античной культуры» (3.II.1964).

«Река времени в своем стремленьи...
Две смерти встретились...

Не буду писать о Сергее Ивановиче (Радциге. – *В.Я.*) Γλαῦκ' εἰς Ἀθήνας. Вы его знаете гораздо полнее и многостороннее, чем я. Sit ei terra levis! Но я хотел бы сказать несколько добрых слов об Андрее Николаевиче Егунове, человеке большой культуры – еще времен символизма, – несравненной эстетической тонкости и нелегкой судьбы. Его "Гомер в русских переводах XVIII–XIX вв. – ein glücklicher Wurf, книга, не имеющая себе равных в нашей научной литературе. Присудить ему за этот труд докторскую степень было бы плевое дело. Однако он не имел кандидатской степени, никогда не сдавал кандидатского минимума и не хотел его сдавать. Радость его жизни состояла в том, что он переводил Платона – с отличным знанием греческого языка и безошибочным чувством русского стиля» (6.X.1968).

«Соболевского просмотрел. Конечно, архаично и совершенно без знания литературы, даже очень старой, но по-своему солидно и может принести пользу читателю» (23.III.1958).

«Только сегодня мне принесли новую "Античную литературу" Л. и К°. Пока прочел только главу о Гомере и несколько огорчился – ожидал лучшего. Похвальное желание все объяснить, и притом в сжатой форме, делает местами изложение совершенно непонятным, а книга должна быть популярной. Гомеровский вопрос – хаотично. Фольклорные связи не выявлены ни в сюжете, ни в стиле. О крито-микенском говорится мало и в неясной для читателя форме. Посмотрим, как будет дальше» (25.IV.1963).

«Умер Соболевский... Анисимов[15] клялся, что ИМЛИ считает для себя делом чести довести его до 100 лет. Не дотянули... Я узнал об этом не сразу. Номер "Литгазеты" с некрологом почему-то не пришел, а в других центральных газетах как будто ничего не было. Вы знаете, что я не разделял свойственного многим москвичам отношения к нему как к кумиру. Дореволюционные воспоминания неизменно связывали С.И. с черносотенным "Союзом Михаила Архангела" (не знаю, был ли он членом этой организации, но находился в контакте с

---

[12] Речь идет о книге: Эллинские поэты. Пер. В. Вересаева. М., 1963.

[13] Речь идет о книге: Катулл. Тибул. Проперций. М., 1963.

[14] Имеется в виду Ленинградский институт истории, философии и лингвистики, существовавший до войны.

[15] И.И. Анисимов – в те годы директор ИМЛИ.

ней, читал доклады на ее собраниях), с архиреакционнейшим министром Шварцем – одним словом со всем тем, что я слишком ненавидел, чтобы когда-либо позабыть. Не могла меня радовать и позднейшая его деятельность как столпа консерватизма в преподавании древних языков, как вдохновителя фактографии и безыдейности в академических историях античных литератур. Однако известие о кончине человека, жизнь которого обняла длительностью век, который только на три года моложе моего отца и на два года старше моей матери, не могло не погрузить меня в некие раздумья о днях минувших. С.И. был последним, единственным дожившим до наших дней филологом, который был вскормлен еще толстовским – даже не деляновским – классицизмом. И он донес до конца жизни основные особенности этого классицизма – splendid isolation античности с отрицанием полезности всякого сравнения, а внутри классических дисциплин с решительным превалированием формальной филологии в противовес универсальной Altertumswissenschaft Виламовица. Так он и шел своим путем, не примыкая ни к одному из новых (для его времени) направлений. На этом пути он мог приходить к выводам, значительно опережавшим его взгляды. В статье о временах греческого глагола он дал "негативную" формулировку значения аориста, которая под стать любому структуралисту. Но такие находки, конечно, редки. Преобладает чистый эмпиризм.

Фактография заставляет вспомнить и о своей противоположности. Л. я дочитал... Некоторые главы блестящи, рядом с заумью. Творчество педвузовских дам отвратно. Я написал большое письмо, но еще не отправил его. Абсолютно вежливо, с комплиментами (не против совести), но с указанием основного (неровность, спорность, трудность и т.д.). Вокруг этой книги еще может загореться сыр-бор» (12.V.1963).

«Вас похвально упомянул Л. на стр. 250 "Истории античной эстетики". Я прочитал пока только половину: смесь интересного и тонкого с необузданно фантастическим. Он хочет быть plus catholique que le pape и вывести античную эстетику непосредственно из формулы соотношения раба и рабовладельца, логически развивая ее почти на гегелевский манер. Однако рабовладельческими были также Египет, Вавилон, Индия, Китай и т.д. Почему же их идеология столь различна и не столь похожа на античную? Но какая колоссальная работоспособность!

...Дочь С.И. Ковалева прислала мне посмертный труд отца – "Основные вопросы происхождения христианства". К чтению его я еще не приступил. С.И., вообще говоря, относился к этому вопросу более трезво, чем большинство наших историков (включая и Я.А. Ленцмана), хотя и считал Иисуса мифологической фигурой. Обоснованной позиции я в этих делах не имею. Это – особая специальность, для занятия которой надо изучить бездну источников и владеть рядом восточных языков (С.И. всего этого не знал), к тому же я с юных лет активно не любил этой тематики и стал классиком именно из отрицательного отношения к иудео-христианскому мировоззрению. Но в порядке своих домашних представлений я крайне недоверчиво отношусь к мифологическому толкованию личности Иисуса. Мифы создаются – особенно в столь поздние времена – по неким трафаретам, и я никогда не видал мифа, где бог становился бы плотником. Трафарет есть в схеме "смерть–воскресение", но что это – миф, никто ведь не сомневается. Наличие мифа об Иисусе еще не превращает его самого в миф» (3.II.1964).

«Сегодня – печальный день. Утром сообщили, что вчера скончался С.Я. Лурье. Мы во многом не сходились в последние годы, но он был многосторонний и талантливый исследователь, с пытливым умом и богатым воображением. Когда-то мы были очень дружны, и с его смертью уходит в прошлое часть меня самого, часть моего идейного и творческого роста двадцатых и начала тридцатых годов» (31.X.1964).

Когда дело касалось младшего по сравнению с И.М. поколения, он охотно совмещал свой отзыв с шуткой. Такой характер носило его посланное в два адреса письмо в ответ на адресованную ему К.П. Полонской и мною книжку «Античная лирика» с просьбой о милосердном к ней отношении.

«Виктор и Клара чудесная пара. / Прислала мне пара свой труд в виде дара. / В той книжке у пары всей лирики чары. / "Спасибо" шлю паре в одном экземпляре. (Конечно, с копией, но в одной редакции).

Дорогие друзья! Итак, вы жаждете не "справедливого" суда, не "бесстрастного", не "дружески благожелательного", а "милосердного"... Что может быть проще, легче и безответственнее, чем быть милосердным? Нет ничего безжалостнее жалости. Сколько роскошных цветов искренности, гнева, негодования растоптала она, бесшумно ступая по мягкому ковру! Это – декламация? Несомненно. "Лирично?". По крайней мере по замыслу.

Задача облегчается добавочным обстоятельством. Друзья мои! Вы, по какой-то причине (вероятно, основательной – это не упрек), отправили мне книгу, когда она уже давно была на полках ленинградских книжных магазинов. Неужели вы думаете (sic notus Ulixes?), что я могу удержаться от того, чтобы поскорее испить мед из ваших уст и не отстать от новейших научных

достижений? Я всегда так поступаю: завладеваю книгой, как только ее вижу, а когда мне ее присылают, ранее приобретенный экземпляр поступает в собственность секретаря. Таким образом, я книжку прочитал еще до того, как получил от вас, и, твердо зная, что экземпляр у меня не останется, не делал при чтении заметок. Я не могу метать громы: перун выпал из моих рук – βροντᾶν δ'οὐκ ἐμόν, ἀλλὰ Διός[16]. Поэтому оставляю мелочи в стороне. Их очень немного. Самая серьезная из них находится на первой странице римской части. Дорогая Клара Петровна, перечитайте Геллия!

П.Н. Берков всегда негодует, когда видит книгу без предисловия. Я бываю очень часто повинен в этом грехе. Но к вашей книжке предисловие было бы очень нужно для выяснения, какому читателю она адресована. Человеку, знакомому только с кратким учебником, или даже, может быть, не знакомому с ним, она много что скажет. Но она содержит новое и для специалистов – раздел о классической греческой лирике, в которой введены положения из диссертации об Эсхиле, а в римской части особенно Катулл, а также элегики. Должен ли в такой книге быть показан литературно-исторический процесс? Не знаю. Но у вас его нет.

Надо сказать, что из всех тем, посвященных истории античных жанров, ваша самая трудная. С драмой или даже с эпосом было бы гораздо проще и конкретнее. В вашей теме все время путаются два аспекта – лирика в античном смысле слова и в нашем. Где граница лиризма? Хоры трагедии и Аристофана – это лирика или нет? Это объективные трудности. Ваш замысел прибавил к ним новые. У вас получилось чуть ли не по Гегелю: Греция сходит со сцены, чтобы уступить место Риму. Вы закончили греческую лирику I в. до н.э. А что было позже?

Греческую эпиграмматику эпохи империи, тянувшуюся до 6 в., вы гильотинировали, как и позднейшую анакреонтику. Но самое серьезное, на что вы не обратили внимания читателя, это транспозиция лирики в софистическую прозу. Проза замещает лирические жанры со времен Исократа, а вторая софистика называет элабораты своего эпидиктического красноречия гимнами. В римской части тоже можно было бы двинуться дальше II в. н.э. Я очень пожалел, что не встретил своей старой любимицы "Всенощной Венеры", лиризм которой иногда перекликается с поэзией Нового времени.

Около 60-ти лет назад Э. Норден выдвинул ряд требований к исследованию истории античного жанра; к числу их относились: не отделять прозу от стиха и христианскую литературу от языческой. Думаю, что требования эти не устарели» (письмо от 17.XI.1967).

Как видим, начав с шутки, И.М. выдвинул по отношению к нашей работе достаточно серьезные методологические претензии.

Следует заметить, что и к себе самому И.М. относился не без юмора. Сообщая о своем докладе о древнегреческих диалектах, он добавлял «Этим материалом я морил почтеннейших слушателей в течение полутора часов» (7.VI.1965). Или, например, такое письмо: «Я ни на минуту не сомневаюсь, что Вы, как и все советские граждане, в сегодняшний праздничный день едите в радости хлеб свой и пьете с веселием вино свое. А что делает Ваш корреспондент? Всю неделю корпит над корректурой! И какой корректурой? Адской!

Мне на праздники подбросили подарочек – полную верстку "Древнегреческого ударения". С одной стороны, конечно, приятно, quod non dispereunt tui labores и что книга скоро выйдет, – но возни уйма. Приходится разбираться во всем, что напутали автор (Вы видите, что я не страдаю отсутствием самокритики), секретарша, две машинистки, издательские работники, вычитавшие книгу без понимания ее содержания, наборщики и два корректора, из которых ни один не знает греческих букв и которые систематически портили то, что было правильно набрано. То, что один из этих корректоров превратил по дороге "дорян" в "дворян", я расцениваю как положительный факт, как проявление методологической бдительности. В довершение всего у меня много греческого текста, особенно в примечаниях, которые идут в конце книги и занимают свыше трех листов (из семи листов текста). Не могу пожаловаться на типографию, она набрала греческий текст гораздо лучше, чем я ожидал, но тем не менее ошибок достаточно, и если прибавить несовершенства рукописи, вызванные суммой упомянутых выше факторов, сжатый набор петитом, в который нужно вглядываться, и недостаточность полей для правки, Вы поймете, как я провожу праздничные дни» (7.XI.1961).

Вообще, очень ошибались те, кто представлял себе И.М. суровым и нелюдимым затворником, покидавшим свой кабинет только ради университетских лекций и просмотра новой литературы в библиотеках. И.М. любил театр и следил за интересными новинками. Именно от него в одну из наших первых встреч я получил совет посмотреть в Большом

[16] «Метать громы не мое дело, а Зевса» – стих Каллимаха.

драматическом театре только что тогда поставленную пьесу Фигерейдо «Лиса и виноград». О его собственном посещении театральных спектаклей в письмах сохранилось два отзыва.

«Наконец, увидел "Медею"[17]. Впечатление – смешанное. С одной стороны, несомненно, что трагедия Медеи доходит до публики (играла Козырева). Но много дурного трюкачества – с хором, с масками, которые не нужны для тех, кто понимает, в чем дело, и ставят совершенно в тупик широкую публику. Но главное для меня в том, что наши актеры, воспитанные на всяких "под-текстах", ни в какой мере не способны играть в высокой трагедии.

Что делать вам в театре полуслова
И полумаск, герои и цари?
И для меня явленье Озерова –
Последний луч трагической зари.

(Мандельштам)

Сентиментально-декадентский перевод Анненского, вероятно, в свою очередь затрудняет дело, толкая актеров на бытовые интонации вместо "возвышенной боли" (даже у Еврипида)» (5–6.VI.1962).

«Относительно известного Вам дня в конце мая (28 – день рождения И.М. – *В.Я.*) у нас было давно решено отметить его "выходом" в балет, где я уже много лет не был. Билеты были взяты на архимодернистический спектакль – "Двенадцать" плюс "Клоп". Однако благодетельная фея, покровительствующая классикам, озаботилась внезапной переменой программы. Дали "Золушку". Т.о. мое хореографическое образование не повысилось, но зато мы с М.Л. получили истинное удовольствие. "Астральное тело" мое знало, конечно, что Вы в это самое время звонили. Телеграмма Ваша, посланная с отчаяния, пришла рано утром» (7.VI.1965). Оценить значение этого примечания можно, только помня, что И.М. работал обычно до поздней ночи и день в их доме начинался не раньше 10–11 часов утра.

В отношениях с людьми И.М. никогда не отказывался от своих принципов ни в их оценке, ни в верности своим научным взглядам. Но те из его окружения, кого он хоть в какой-то степени ценил (в том числе и приезжавшие в Ленинград), едва ли могут сосчитать, сколько раз они бывали в доме на Невском, 11, за обедом или за ужином, где никогда не было недостатка в шутке и смехе. Несколько примеров юмористических высказываний И.М. сохранилось в его письмах.

Получив изданную В. Мартеном рукопись «Дискола», он писал: «Нового Менандра получил и пришел в телячий восторг от того, как это издание – с внешней стороны – выполнено» (23.IX.1959). Ознакомившись с весьма фантастической второй частью III тома издания аттической комедии Эдмондса, И.М. замечал: «Я взял ее в библиотеке и довольно долго не открывал, но, когда открыл, глаза у меня вылезли на лоб». И далее, в связи с неким документом, якобы обнаруженным Эдмондсом при просвечивании в инфракрасных лучах, добавлял: «Ясно,что все это "филькина грамота" (это видно и из существа дела), но пока я не знаю, стал ли Эдмондс жертвой подделки или сам сочинил все это. Пути человеческого безумия ведь неисповедимы» (19.III.1962).

В том же письме – сообщение о заседании ленинградской кафедры классической филологии с докладом Я.М. Боровского на несколько щекотливую тему: «Кстати о Я.М. Между ним и С.Я. (Лурье. – *В.Я.*) давно уже идет дружеская пря – uberrime per litteras agitur – насчет стиха Тиртея из фр. 7 (Диль): αἱματόεντ'αἰδοῖα φίλαισ'ἐνχερσὶν ἔχοντα. С.Я. (и не он один) выводят отсюда, что у греков был обычай отрезать у убитого врага член и вставлять в руку. Классицистические чувства Я.М. протестуют против приписывания грекам 7 в. такого примитивизма, и он на прошлой неделе читал на кафедре специальный доклад на эту тему, и при том по-латыни, во славу viva Latinitas и чтобы не нарушать стыдливости родной речи. Кафедральные дамы очень забавлялись» (19.III.1962).

По поводу моей попытки уединиться в Звенигороде, чтобы московская суета и телефонные звонки не мешали работе, И.М. писал: «"Если Вы систематически проводите более полунедели за городом, Вы поступаете мудро". Сентенция эта даже кажется мне достойной перевода на латинский язык и помещения в Вашем учебнике в качестве примера то ли на условные предложения, то ли на quod explicativum, которого у Вас, кажется нет. Вы спросите, а как я? Video meliora proboque, / Deteriora sequor...» (14.III.1961). Когда я сообщил ему о гипотонии, нажитой в результате усиленной работы над диссертацией, то получил такой ответ: «...Вот и

[17] Речь идет о постановке Н.П. Охлопкова в московском театре им. Маяковского.

Вы рисуетесь (во время моего одесского детства сказали бы "задаетесь"): у меня, дескать, гипотония. Нашли чем удивить меня, старого воробья! У меня тоже гипотония, и при том всегда, перманентно. И главное, она мне не мешает, и я очень доволен сожительством с нею» (IV.1962). Еще одно письмо начиналось с некоего подобия черного юмора: «Юбилей – генеральная репетиция погребальной церемонии. Разница в одном: в гробу человек лежит, на юбилее стоит. Прошлогодний юбилей прошел в приятной, сердечной атмосфере. Стало быть, есть основания ожидать...». Размышление это, по прошествии года после празднования 70-летия со дня рождения И.М., было вызвано моим отчетом в ВДИ об этом событии, который И.М. весьма одобрил и после выражения благодарности добавлял: «Известная Вам М.Л. утверждает, что Ваша оценка моей деятельности незаслуженно завышена. Несть пророка в своем отечестве!» (24.VI.1968).

Со сдержанной иронией относился И.М. к движению за «живую латынь», самым горячим поклонником которой был, как мы уже знаем, Я.М. Боровский. Обоих ученых связывала почти пятидесятилетняя дружба; Я.М. часто был редактором трудов И.М., что не мешало последнему подтрунивать над ним, называя его в шутку «агентом Ватикана». «Я.М. прислали "Acta omnium gentium conventus Latinis litteris linguaque fovendis" – труды римского конгресса 1966 г., на который он сам не поехал. Однако доклад его читали, и он стал там одним из героев дня. Его бесконечно цитировали, сам Павел VI, принимавший членов конгресса, сослался на него, а председатель конгресса Романелли привел в качестве свидетельств неувядающего значения латинского языка и классической культуры декрет Иоанна XXIII, "сходные мысли" Я.М. и высказывания Антонио Грамши. Соседи Я.М., таким образом, балансируют друг друга» (6.X.1968).

Постоянным объектом насмешек И.М. были врачи. Долечиваясь дома после перенесенной им в начале 1963 г. болезни, он писал: «Ежедневно приходит ко мне моя физкультурница и "учит" меня подыматься по лестнице. "Дошли" уже до двенадцати ступенек. Каждые три ступеньки измеряет пульс. Я отношусь к этому всему как к дуракаваляниюи про себя убежден, что, если бы я спустился с моей лестницы вниз и потом поднялся бы наверх, то ничего бы со мною не произошло. А насчет пульса начинаю верить старому анекдоту: "Ведь мы с вами знаем, что пульса не существует"... По моей теории врачи – профессиональные лжецы, и я принципиально не верю ни одному слову из того, что они лопочут: они либо пугают, либо приукрашивают. Εἰ μὴ ἰατροὶ ἦσαν, οὐδὲν ἦν τῶν γραμματικῶν μωρότερον – если бы на свете не было врачей, самый глупый народ были бы филологи» (27.III.1963). И еще через месяц: «Понемногу "выздоравливаю", т.е. спускаюсь с лестницы и прохожу какой-нибудь квартал в сопровождении физкультурницы, которая ежеминутно измеряет пульс и перманентно находит его вполне удовлетворительным... Дщерь Эскулапа, которая возится со мной, настоятельно рекомендует в конце мая или в июне поехать в Узкое, но у меня нет охоты к этому. Достаточно с "них" того, что я согласился провести июль-август на даче» (25.IV.1963).

Этот год был вообще для И.М. не слишком счастливым: «Еще один месяц выпал из жизни, притом крайне изнурительный. Если верить медикам, это был вирусный грипп. Однако я – скептик, зараженный дурными теориями, и не очень верю в существование такой болезни. Мне легче верить, когда мне говорят, что я перенес вирулентный грипп, – инфекция, действительно, была очень тяжелой. Уже 10 дней, как вернулся из больницы домой, но еще не выходил на улицу. Сначала просто был слишком слаб, а затем ни с того, ни с сего, к изумлению дочерей Асклепия, снова подскочила температура, которая в больнице все время была нормальной. Мудрое заключение – борьба с инфекцией продолжается. Теперь, кажется, все уже прошло, и я собираюсь попробовать прогуляться по Невскому» (26.XI.1963). В связи с отношением И.М. к медицине М.Л., вспоминая недобрые дни начала 1953 г., как-то сделала к его письму приписку: «И.М. стал скандалить: затевает дело врачей. Прямо Тимашук какая-то стал!».

В настоящую подборку вошли, конечно, не все письма, адресованные мне И.М. Осталось за ее пределами то, что носило слишком личный и слишком скоропреходящий характер. По прошествии многих лет я вижу, что не я один злоупотреблял драгоценным временем И.М., но кто же захотел бы и смог отказаться от возможности советоваться с человеком такого ума, таких знаний и такой душевной широты? Льщу себя надеждой, что и наши письма были ему не совсем безразличны, позволяя следить за тем, что происходит вокруг него и в нашей науке. Во всяком случае, мне в течение достаточно долгого времени посчастливилось быть одним из его корреспондентов, благодаря чему в письмах И.М. сохранился для меня образ их автора, который со временем не удаляется от меня, а, наоборот, каждый раз вырисовывается со все большей отчетливостью и рельефностью. Удалось ли мне передать это ощущение тем, кто не мог лично знать И.М., решать не мне.

Хочу закончить выдержкой из уже упоминавшегося в самом начале его письма от

14.IX.1970 г., которому суждено было стать последним в нашей переписке. Я получил его примерно через месяц после неоднократных встреч с И.М. во время XIII Международного конгресса историков в Москве – и в зале заседаний, и в его гостиничном номере, и в домашней обстановке. Давно я не видел его в таком состоянии исключительного творческого подъема, какой он испытывал тогда, приближаясь к завершению своей монографии «Вопросы языкового развития в античном обществе»[18]. По одной из глав этой рукописи И.М. в самом конце октября прочитал в секторе индоевропейского языкознания Ленинградского отделения Института языкознания интереснейший доклад о языке Гомера[19]. Завершить эту книгу он не успел...

Итак, из последнего письма: «Видали ли Вы книгу Каллистова об античном театре и считаете ли Вы, что он исчерпал тему и навеки освободил других исследователей от необходимости возвращаться к ней? Если нет, то почему?... Тружусь... Денно и нощно пишу гисторию злодея, то бишь греческого литературного языка. Московский конгресс и сопряженные с ним встречи уходят в туманную даль...»

В.Н. Ярхо

[18] Опубликована посмертно (Л., 1973).

[19] См. Язык Гомера // ВЯ. 1971. № 3. С. 100–114.

© 1997 г.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ТРОЯ И ЕЕ СОКРОВИЩА»

(ГМИИ им. А.С. Пушкина, 25–28 ноября 1996 г.)

Международная научная конференция, приуроченная к выставке «Сокровища Трои из раскопок Генриха Шлимана» собрала ученых-искусствоведов, археологов, антиковедов, филологов и специалистов в области естественнонаучных методов исследования древних изделий из металла и камня из Бельгии, Германии, Греции, Канады, России, США и Украины. В ходе трехдневных заседаний были заслушаны 25 докладов, сгруппированных по следующим темам: Генрих Шлиман: новые данные; Гомер, троянский миф и ритуал; клады из Троады: хронология, исторический и культурный контекст; естественнонаучные методы в изучении металла Трои; Троада и сопредельные области в эпоху раннебронзового века. Некоторые доклады вызвали оживленную дискуссию.

Со вступительным словом и приветствием к участникам конференции выступила *И.А. Антонова.*

Заседание, посвященное Г. Шлиману, было открыто докладом писателя, члена Шлимановского общества, *И.А. Богданова* (С.-Петербург), посвященным петербургскому периоду жизни Шлимана. Основой его сообщения послужила «русская часть» архива Шлимана, который хранится в библиотеке Геннадиус (Афины), – 34 460 документов, относящихся к 1846–1864 гг. Автор приводит не опубликованные ранее письма, обнаруживающие не только выдающиеся лингвистические способности Шлимана, но и его стремление трудиться, не покладая рук, во имя цели, которую он себе поставил.

Э. Бледов (Оттава) попытался продемонстрировать возможности получения новой информации из дневника Шлимана для анализа проблемы аутентичности и целостности так называемого «Клада Приама». В результате он пришел к выводу о неприемлемости тезиса о фальсификации клада Шлиманом, отстаиваемого рядом исследователей.

А. Йене (Берлин) остановился на контактах Шлимана с А.А. Половцовым (1876 г. – сенатор, 1883 г. – госсекретарь), принимавшим участие в судьбе сына Шлимана, Сергея, и проявлявшим живой интерес к научной работе Шлимана. По просьбе Половцова Шлиман дважды дарил археологические коллекции из раскопок Трои для находящегося в Петербурге музея при Центральном училище технического рисования и ваяния барона Штиглица. Докладчик прослеживает путь троянских древностей в Россию.

Заседание, посвященное Гомеру, троянскому мифу и ритуалу, было открыто докладом *Т.В. Цивьян* (Москва) «В начале был пастух...». Был представлен анализ сюжета о пастушестве в рассказе о Парисе, который слабо отражен в «Илиаде». Обращаясь к образу Париса sub specie мифологии пастушества, докладчик именно в причастности к этому роду занятий видит печать его избранности и прослеживает отчетливую пастушескую ипостась в иконографии «Суда Париса».

Н.Н. Казанский (С.-Петербург) посвятил свой доклад проблеме «перемещения божества», т.е. увоза, похищения, дарения статуи божества или оберега в контексте троянского мифа. Эти эпизоды, как показал докладчик, возможно, отражают исторические события. В этом контексте был исследован отрывок из поэмы, посвященной Илиону, найденный в 1978 г. К. Воткинзом (Kbo IV 11. 46. 6). Мифологическая интерпретация дошедшей строки «Когда они пришли из высокой Вилусы» очевидна – «приход» в культовой песне равнозначен основанию культа. Культовое лувийское предание, по мнению докладчика, отчетливо указывает на

перемещение из Илиона в Истануву божества, сохраняющего в своем имени эгейские черты. Таким образом, можно думать о древности идеи перемещения божества, например похищения Палладия.

Л.С. Клейн (С.-Петербург) проанализировал несовпадения в границах царств, известных по описаниям в «Каталоге кораблей». По его мнению, они зачастую совмещаются друг с другом, а порой и совпадают по территории, что, вероятно, свидетельствует о разновременности включения данных о них в текст «Илиады», а сам Каталог, как полагает докладчик, выступает как искусственная конструкция. По мнению Л.С. Клейна, исходным ядром легенды об ахейском походе на Илион был поход флотилии Пенфила, потомка Агамемнона, которая, по Страбону, намного позднее ахейского времени отплыла из Авлиды на восток, чтобы основать колонии в Малой Азии.

Л.Т. Таруашвили (Москва) посвятил свой доклад морали и тектонике в «Илиаде», обратившись к различиям в нравственно-психологической интерпретации образов троянцев и ахейцев, а также в их визуально-тектонических характеристиках. Статуарный идеал античности, нашедший в «Илиаде» свое первое великое отражение, послужил прояснению лежащей в основе поэмы художественно-образной антитезы *троянцы–ахейцы*.

Л.И. Акимова (Москва) и *А.Г. Кифишин* (Москва) рассмотрели назначение троянских диадем и пришли к выводу, что две троянские диадемы могли быть ритуальными вещами царского культа. Изначально предназначенные для «жертвы» царя, они впоследствии перешли и к царице. Троянские диадемы, как полагают докладчики, могли предназначаться для царской четы, которая одновременно исполняла функции жречества. Большая диадема с ее четным числом подвесок в контексте позднейшей греческой семантики могла быть женской, тогда как малая, с нечетным числом, – мужской.

Одно из заседаний конференции было посвящено кладам из Троады. Выступления *В.П. Толстикова* (Москва) и *М.Ю. Трейстера* (Москва) касались коллекции, хранящейся в настоящее время в ГМИИ им. А.С. Пушкина. Если в первом сообщении был сделан акцент на послевоенной истории коллекции, ее хранении и научной обработке в процессе подготовки выставки и каталога, то в сообщении М.Ю. Трейстера речь шла главным образом о проблеме абсолютной датировки троянских кладов. На основании ряда наблюдений о взаимовстречаемости памятников из разных кладов и анализа деталей соусника и антропоморфного сосуда из клада А в сравнении с одним из классов сосудов из царского некрополя Ура докладчик приходит к выводу о возможности синхронизировать большинство троянских кладов с Раннединастическим IIIа периодом.

К. Демакопулу (Афины) дала общую характеристику троянской коллекции, хранящейся в Афинах, в основном представленной памятниками, относящимися к периодам Троя II–V, в том числе включающей ряд ювелирных изделий из кладов, переданных в музей в Афинах Софией Шлиман в 1892 г. *П. Бетанкур* (Филадельфия) представил коллекцию, приобретенную в 1966 г. музеем Университета Пенсильвании, включающую 24 золотых ювелирных изделия, настолько близких находкам Шлимана, что они могли быть изготовлены в той же или в другой, но непосредственно связанной с нею мастерской в Троаде в середине III тыс. до н.э. Предметы исследовались как стилистически, так и с помощью PIXE, техники неразрушающего анализа, позволившей прийти к выводу о наличии довольно совершенной техники пайки золота в эпоху раннего бронзового века.

Доклады *Р. Лаффинера* (Льеж) и *Ю.Ю. Пиотровского* (С.-Петербург) позволили получить представление о троянских ювелирных изделиях в широком географическом и хронологическом контексте. Ю.Ю. Пиотровский продемонстрировал многочисленные золотые украшения эпохи энеолита – ранней бронзы из Циркумпонтийской зоны, остановившись подробно на изделиях из Варненского некрополя, курганов Майкопа, у ст. Новосвободной и других уникальных памятников Кавказа, обратив внимание на параллели бус в виде шайб с находками в кладе А. Р. Лаффинер сконцентрировал свое внимание на аналогиях троянским украшениям в Месопотамии и Эгейском бассейне и пришел к выводу о существовании в эпоху раннего бронзового века единого культурного ареала, в рамках которого осуществлялись разнонаправленные культурные и технологические влияния и заимствования.

Доклады *Н.М. Никулиной* (Москва), а также *Д. Сайнса* (Лос-Анджелес) и *Н.И. Шишлиной* (Москва) были посвящены последнему из кладов, найденных Шлиманом, а именно: кладу L. В докладах прозвучала мысль о необходимости отнести клад к середине II тыс. до н.э., что Н.М. Никулина обосновывала высоким уровнем исполнения топоров, найденных в кладе, в контексте наблюдений о генезисе камнерезного ремесла, а Н.И. Шишлина – сопоставлениями этих топоров с находками из Бородинского клада. Д. Сайнс представил интересные наблюдения

о линзах из кристаллического кварца, найденных в том же кладе; по его мнению, они могли использоваться и как увеличительные, и как зажигательные стекла. Линзы заслуживают специального оптического исследования, которое, возможно, позволит ответить на вопрос о датировке клада, ведь на сегодняшний день известно, что кристаллический кварц обрабатывался в Египте еще в XXVI в. до н.э.

Блок докладов, посвященных результатам естественнонаучного исследования троянского металла, был открыт выступлением *Е.Н. Черных* (Москва) и *Л.И. Авиловой* (Москва), в котором металлические изделия из Трои рассматривались в контексте Циркумпонтийской металлургической зоны. Докладчики подчеркнули необычайно высокий процент изделий из золота, найденных в Трое, и попытались найти объяснение этому феномену. Касаясь интерпретации троянских кладов, Е.Н. Черных и Л.И. Авилова высказались в пользу того, что клады являются инвентарем богатых погребений.

Н. Гейл (Оксфорд) представил результаты исследований металла более чем 3000 изделий эпохи ранней бронзы из Восточного Средиземноморья. Картина, которая вырисовывается в результате этого исследования, свидетельствует о том, что в большинстве регионов, т.е. Эгейском бассейне, на Кипре, в Болгарии и Анатолии, как правило, использовались местные источники металлов. Между тем по троянским материалам можно выделить высокую пропорцию оловянистых бронз в соотношении с изотопами свинца, что до сих пор неизвестно ни в Греции, ни на Кипре, ни в Болгарии, ни в Турции. Н. Гейл не исключает, что эти минералы могут происходить с Кавказа или из более восточных областей. Указанные результаты, как считает докладчик, показывают, что Троя являлась центральным пунктом распространения металлов с востока в Эгейский бассейн, а возможно, также из Эгейского бассейна на восток.

Коллективный доклад *Э. Пернички, Ф. Бегеманна* и *З.Х. Шмитт-Штрекер* (Гейдельберг и Майнц) был посвящен месту Трои в развитии металлургии на севере Эгейского бассейна. Центральное место в нем занял анализ феномена внезапного использования оловянистых бронз в Трое, Полиохни на Лемносе и Терми на Лесбосе, основанного на привозном металле. Докладчики предположили, что ок. 2500 г. до н.э. население северо-востока Эгейского бассейна приобрело новый статус, скорее всего связанный с географическим положением, а именно – с контролем за входом в Черное море, когда все большее значение приобретало мореплавание.

Б. Армбрустер (Шлезвиг) остановилась на исследовательских методах оценки технологического аспекта доисторической обработки золота. Обозначенные ею подходы (распознание и интерпретация следов изготовления и использования посредством макро- и микроскопического исследования; археометрия, естественнонаучные исследования: анализы металла, металлография, исследования растровым электронным микроскопом, рентген; типологические и культурно-исторические исследования) следует, по мнению докладчика, применять и при междисциплинарном изучении находок из драгоценных металлов, происходящих из Трои.

Заключительное заседание конференции открылось докладом *М. Меллинк* (Филадельфия) о месте Трои в контексте раннебронзового века Анатолии. Исследовательница остановилась на характеристике памятников эпохи «Троя I–II» в Северо-Западной Анатолии (некрополи Йортан в области Балекисир–Киркагач, поселения к западу от Эскишехира недалеко от Демирчиуюк), в Эгейском регионе (Терми, Полиохни, Канлигечит в районе Киркпинар), в Юго-Западной (Афродисий, Караташ-Элмали) и Юго-Восточной (Тарс) Анатолии. В заключение М. Меллинк обратилась к проблеме троянских кладов, спрятанных в потайных местах в толще сырцово-деревянных кладок и, реже, под полами, а также к вопросу о некрополе Трои II, который до сих пор не известен.

Н.Я. Мерперт (Москва) посвятил свой доклад вопросам культурного взаимодействия в Балкано-анатолийском регионе в III тыс. до н.э., придя к выводу, что пик взаимодействий приходится на эпоху ранней бронзы. Докладчик особо остановился на катаклизмах, происходивших на Балканах при переходе от энеолита к раннему бронзовому веку, наглядно проиллюстрировав положения доклада материалами исследований Российско-болгарской экспедиции в Болгарии.

В своих выступлениях *Б.Д. Михайлова* (Мелитополь) и *Ю.А. Шилов* (Киев) связывали троянскую проблематику с Северным Причерноморьем. Продемонстрированные Б.Д. Михайловым петроглифы Каменной Могилы обнаруживают, по мнению докладчика, некоторые связи как с памятниками Переднего Востока, так и с «Илиадой», а Каменная Могила была ведущим религиозным центром северо-восточной части так называемой Циркумпонтийской зоны. Вывод о «главенствующей роли» Каменной Могилы «в идеологическом воздействии на народы древнего Востока и Запада» и «определенных связях с Малой Азией (Троя II)», к которому приходит Б.Д. Михайлов, представляется нам необоснованным. Ю.А. Шилов

предпринял попытку «приоткрыть неизведанные глубины истории» и охарактеризовать предысторию греческой колонизации Северного Причерноморья. Связав ее с историей Троады, докладчик наметил основные линии развития индоевропейской языковой общности, особо остановившись на интерпретации погребений ингульской культуры у с. Каиры, материалы которых имеют «довольно близкие соответствия в догомеровских слоях Трои».

Итоги конференции были подведены в выступлении *Н.Я. Мерперта,* подчеркнувшего исключительную важность предпринятой музеем публикации «Каталога троянских кладов».

М.Ю. Трейстер

© 1997 г.

V МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ ПО ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ КЕРАМИКЕ

Ханья (о. Крит, Греция), 6–13 апреля 1997 г.

С 6 по 13 апреля 1997 г. в г. Ханья (о. Крит, Греция) проходил очередной V Международный симпозиум по изучению эллинистической керамики.

Эти конференции проводятся один раз в три года, обязательно в Греции. Идея организации подобного рода встреч, специально посвященных исследованию эллинистической керамики, принадлежит группе греческих археологов из ведущих музеев и университетов страны. Главная задача – тщательное изучение эллинистической керамики и всего, что с ней связано, со всей территории античного мира, получение и обмен подробной информацией о том, что делается в этой области в каждом регионе. В последнее время рядом ведущих специалистов (С. Ротроф и др.) была пересмотрена хронология многих ставших уже классическими комплексов, например на афинской агоре. В связи с этим неизбежно меняются датировки посуды, основанные на предшествующих хронологических шкалах. Поток материалов из различных регионов античного мира огромен, объять все стало просто невозможно. В этих условиях трудно переоценить роль подобного симпозиума, во многом служащего своего рода координирующим центром исследований эллинистической керамики.

К открытию симпозиума специально была издана книга, посвященная эллинистической керамике на Крите[1], а также материалы предыдущего симпозиума в г. Митилена. Были также опубликованы программа и краткие тезисы докладов (более 50), представленных на симпозиум[2].

В публикуемом обзоре дается лишь достаточно краткая информация о них.

Секции на симпозиуме были организованы по географическому принципу – эллинистическая керамика Крита, Киклад – Лемноса – Малой Азии, и т.д. Большинство сообщений представляли новые материалы из различных регионов античного мира.

Самая представительная группа докладов (К. Дзанаками, С. Маркулаки, Я. Френсис и др.) была посвящена эллинистической керамике Крита, а также Пелопоннеса (В. Андерсон-Стоянович, Е. Колиа, Я. Раутополу, Р. Проскунетополу и др.), Книда (У. Мандел, П. Кеглер), Кипра (И. Николау, Папутсе-Владика и др.) из Малой Азии (Л. Зороглу), Египта (К. Мышлевик, А. Полудникевич и др.) и других регионов античного мира. «Мегарские чаши» и формы для их изготовления были темой докладов (Г. Хюбнера, В. Битраковой-Грождановой, В. Соколовской, П. Пуппо и др.). Доклад *С. Ротроф* касался изучения комплексов керамики с афинской агоры времени разгрома города Суллой. Проблемы хронологии различных групп сосудов затрагивались в докладах *Г. Хюбнер, О. Озюгит* и др. *Б. Барр-Шарар* рассказала о связи рельефных металлических и керамических сосудов.

---

[1] Традиция публикации таких прекрасно иллюстрированных изданий существовала и на предшествующих симпозиумах – см., например, материалы двух последних встреч – в Салониках и Митилене (на греческом и английском языках).

[2] Επιστημονική συνάντηση για την ελληνιστική κεραμική. Προβλήματα χρονολογήσης – Κλειστά σύνολα – εργαστήρια. Χανιά, 6–13 απριλίου 1997.

Эллинистической керамике Понтийского региона было посвящено два доклада. *К. Димитров* (Болгария) проанализировал изображения греческих сосудов на фракийских царских монетах конца V – середины IV в. до н.э. *Д. Журавлев* (Россия) посвятил свой доклад краснолаковой керамике I в. до н.э. и пергамским сосудам с аппликативными рельефами из боспорских памятников («дом Хрисалиска», Пантикапей, Мирмекий и др.).

Я. Туратсоглу (Греция) выступил с докладом о перспективах и важнейших задачах симпозиумов в области изучения эллинистической керамики. Необходимы более подробная и тщательная публикация и анализ находок из закрытых комплексов, особенно содержащих монеты, амфорные клейма и другие хорошо датированные категории материалов, так как хронология многих типов сосудов далека от совершенства[3]. Больше внимания надо уделять анализу изображений сосудов различных форм на монетах, надгробных рельефах, фресках и т.п. Важной и интересной остается тема взаимосвязи форм сосудов из металла и глины. Эти и ряд других тем станут основными на следующем симпозиуме; кроме того, традиционно будут представлены и новые материалы и находки (в виде постеров).

В дискуссии выступил ряд исследователей, предлагающих внести некоторые изменения в программу последующих симпозиумов. Так, например, *В. Андерсон-Стоянович* (США) предложила разделение секций не по географическому принципу, а по категориям находок или проблемам, например, кухонная керамика, рельефная керамика и т.п.

Важное значение организаторы проведения симпозиумов придают изданию библиографических справочников по изучению эллинистической керамики. Поток работ, посвященных этой теме, растет день ото дня во всех странах, поэтому найти необходимую литературу подчас очень сложно. Предполагается издать библиографические указатели по эллинистической керамике из всех регионов античного мира. К настоящему времени уже опубликован первый том этого справочника об эллинистической керамике Греции и Кипра в работах 1980–1990 годов (1145 наименований)[4]. К каждой монографии или статье дается подробная аннотация (в основном на греческом языке) с полным адресом памятника, составом материала, библиографией предварительных публикаций и т.д. Уже в 1998–1999 годах должны быть опубликованы подготовленные по единой схеме на одном из европейских языков (английский, немецкий, французский) последующие тома этого указателя за 1980–1995 годы по эллинистической керамике с территорий России, Украины, Грузии, Болгарии, Израиля, Италии, Египта и других стран. Издание одновременно осуществляется и в виде книги, и в электронном варианте.

Для участников конференции были организованы экскурсии по археологическим памятникам г. Ханьи и округи. Они посетили также археологические музеи Ханьи, Ретимно, раскопки в городе Аптере, раскопки позднеминойского времени в Армени, Кноссе и археологический музей г. Ираклиона.

Тексты докладов конференции будут изданы к началу следующего симпозиума, который планируется провести весной 2000 г.

Д.В. Журавлев

---

[3] В связи с этим возникает вопрос о необходимости переиздания многих важнейших находок прошлых лет и столетий, в частности, с территории Причерноморья на современном научном уровне. Эта проблема и возможные пути ее реализации также обсуждались некоторыми участниками симпозиума.

[4] Важность издания такого рода справочников очевидна – например, греческие работы далеко не всегда известны и доступны не только у нас в стране, но и в Западной Европе. Ситуация с отечественной литературой, интерес к которой в других странах очень большой, также сложная – русский, равно как и другие славянские языки, не принадлежит к числу широко известных, а большинство европейских библиотек имеет очень небольшой выбор книг на русском языке, особенно провинциальных издательств.

© 1997 г.

АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ КАЖДАН

(1922–1997)

В канун своего 75-летия умер Александр Петрович Каждан – один из очень немногих российских византинистов, сопоставимых по значению с замечательными учеными предреволюционной поры: В.Г. Васильевским, А.А. Васильевым, Ф.И. Успенским...

Довоенный московский школьник Каждан наверняка мог стать профессиональным математиком или хорошим поэтом: он завоевывал первые призы на городских олимпиадах и писал весьма неплохие стихи. Стихи А.П. Каждан продолжал писать еще долго, но никогда их не публиковал, поскольку, по собственным его словам, успел вовремя прочесть произведения Бориса Пастернака, соревноваться с которыми был не в состоянии. Деталь эта весьма характерна: оценка своего труда по самым высоким критериям ему была свойственна в течение всей жизни. Не призванный в армию во время войны из-за слабого зрения, он закончил в эвакуации заочное отделение истфака Башкирского педагогического института в Уфе. Вернувшись в Москву, Каждан поступил в аспирантуру Института истории АН СССР и навсегда сохранил благодарную память о своем учителе академике Е.А. Косминском, которого до последних дней считал несправедливо забытым в России и не оцененным на Западе.

После защиты кандидатской диссертации А. Каждана не могли, конечно, оставить работать в Москве: страна активно боролась с «безродными космополитами» – и следующий десятилетний период молодой ученый провел в провинциальных скитаниях, которые завершились лишь с началом «хрущевской оттепели». С 1956 г. А. Каждан начинает работать в только что образованном секторе истории Византии Института истории АН СССР. Следующие 20 с лишним лет московской жизни – очень значительный и переломный период в его творчестве – Каждан начинал так, как это было принято в ту пору в советской науке: с изучения социально-политической и экономической истории. Его достижения в этой области были весьма значительны, но очень скоро он выходит за рамки традиционных тем и его начинают интересовать не столько история безличных социальных процессов, не установление источников текстов и их датировок, а в первую очередь человек с его материальным миром и духовными ценностями. Круг интересов исследователя расширяется, охватывая все новые области, традиционно относящиеся к сфере литературоведения, искусствознания, истории права и так далее. В своих исканиях А. Каждан уже в 60-е годы примкнул к опыту западноевропейской медиевистики, главным образом к школе «Анналов», сочетавшей в лице лучших своих представителей глубину традиционного историко-филологического анализа с современными приемами исследований.

Интерес А. Каждана к проблеме человека был отнюдь не чисто «археологическим». Ученый жил в условиях тоталитарного общества и на примере византийцев как бы проверял наблюдения над своими современниками. Ученая деятельность А. Каждана встречала самый живой общественный отклик в России 60-х – начала 70-х годов, сам ученый активно сотрудничал в «Новом мире» – наиболее прогрессивном литературном журнале того времени.

Последние 20 лет жизни Каждан жил в Дамбартон-Оксе – это были годы итогов и полного раскрытия дарования исследователя. А.П. Каждан был одним из немногих ученых, выработавших свою собственную, во многом полемичную концепцию византийской цивилизации. С его точки зрения, она не была простым синтезом греческой образованности, римской государственности и христианской религии, а представляла собой специфическое формирование, противостоящее как античной традиции, так и западноевропейской средневековой культуре. А. Каждан как-то раз даже заметил в шутку, что самое ненавистное для него слово в византиноведении – mimesis. Он понимал, конечно, огромную роль античных традиций, но стремление некоторых ученых свести к ним всю культуру Византии вызывало в нем постоянное раздражение.

Огромные знания и исследовательский опыт, накопленный десятилетиями систематического труда, позволили А. Каждану возглавить работу по созданию византийского словаря. Ученый

не только сам написал множество статей, но практически определил и общую концепцию всего издания и при этом сам нещадно правил большинство статей, добиваясь лаконичной точности и возможной полноты информации. Можно предъявлять сколько угодно претензий этому изданию, удовлетворить которые во многих случаях просто невозможно, но факт остается фактом: именно Александр Каждан создал первый в истории византиноведения словарь, без которого сейчас не может обойтись ни один исследователь. Весьма важно и то, что в словаре максимально учтены работы отечественных ученых. Пропаганде исследований русских византиноведов Александр Петрович немало способствовал и в других изданиях.

Последней мечтой Каждана было написать историю византийской литературы VII–XII веков. Из шести задуманных томов закончить удалось только два. Этот труд, пожалуй, – самый новаторский из всего созданного А.П. Кажданом: византийская литература рассматривается в нем не как собрание распределенных по жанрам текстов, а как живой эволюционирующий организм.

Александр Петрович Каждан был человеком высоких стандартов в науке, жизни, художественных вкусах. Достаточно сказать, что самым его любимым и постоянно читаемым писателем, писателем par excellance, был Шекспир. Открытый радостям жизни, он сохранял одну область табуированной для семьи и друзей – свои рабочие часы. Систематичность и жесткая регламентированность его труда только усиливались со временем. Еще одно его качество заслуживает быть отмеченным отдельно. Отнюдь не лишенный честолюбия, А.П. Каждан был необычайно щедр научно и радостно делился с коллегами собственными наблюдениями и соображениям. Может быть, поэтому он всегда так хотел иметь учеников, их было у него – увы! – немного.

В Москве Александр Петрович был всегда окружен друзьями, в Америке их почти не стало, и он старался, как мог, поддерживать старые связи, главным образом уже эпистолярные. Если когда-нибудь будет издана переписка А.П. Каждана, особенно первых лет его пребывания в Америке, читатель сможет найти там массу интереснейших замечаний и рассуждений.

Обидно, конечно, что русский читатель должен знакомиться с последними работами А.П. Каждана на английском языке, однако в неродной Америке ученый смог успеть сделать еще больше, чем в родной России. В конце концов, наука интернациональна. Александр Петрович Каждан в этом был всегда глубоко уверен.

Я.Н. Любарский

ПРИЛОЖЕНИЕ

© 1997 г.

Antonini Liberalis

METAMORPHOSES

Антонин Либерал

МЕТАМОРФОЗЫ

Перевод с древнегреческого и комментарии В.Н. Ярхо

XX. Клинис[96]

[Рассказывает Бей в книге II «Происхождение птиц»
и Симмий с Родоса в «Аполлоне»[97]]

(1) В так называемой Месопотамии, в окрестностях города Вавилона, жил богобоязненный и богатый человек по имени Клинис, обладатель множества быков, ослов и овец. Его неумеренно возлюбили Аполлон и Артемида, и очень часто он вместе с этими богами приходил в храм Аполлона Гиперборейского[98] и смотрел, как ему приносят в жертву ослов. (2) Вернувшись в Вавилон, он и сам хотел принести жертву богу, как это делают у гиперборейцев, и выставил у алтаря гекатомбу из ослов[99]. Но появившийся Аполлон пригрозил убить его, если он не прекратит этого жертвоприношения и не станет посвящать ему, как обычно, коз, баранов и быков. (3) Ибо удовольствие ему доставляют только ослы, приносимые в жертву гиперборейцами. И Клинис, испугавшись угрозы, увел от алтаря ослов, а речь ⟨бога⟩, которую

---

[96] История сохранилась только у Антонина Либерала.

[97] *Симмий* (или Симий) – грамматик и поэт с о-ва Родос (ок. 300 до н.э.). От его поэмы «Аполлон» сохранилось несколько гексаметров на папирусе из Мичиганского университета и у поздних авторов.

[98] *Аполлон Гиперборейский*, – т.е. почитаемый гипербореями, которых античная традиция помещала где-то на севере («за Бореем», т.е. за владениями северного ветра).

[99] *...гекатомбу из ослов*. – Ср. *Пиндар*. Пиф. X. 49–55. Первоначальный смысл слова *гекатомба* («сто быков») к этому времени давно забыт.

он услышал, передал своим сыновьям. Были же у него от жены Гарпы сыновья Ликий[100], Ортигий[101] и Гарпас и дочь Артемиха. (4) И вот Ликий и Гарпас, выслушав сказанное, приказали принести в жертву ослов и радоваться празднику, Ортигий же и Артемиха велели им повиноваться Аполлону. И когда Клинис стал убеждать их еще более настойчиво, Гарпас и Ликий силой высвободили ослов с привязи и погнали к алтарю. (5) Тогда бог внушил безумие ослам, и они принялись пожирать[102] и Клиниса, и его детей, и их слуг. Они же, видя свою погибель, стали взывать к богам. Посидон сжалился над Гарпой и Гарпасом и превратил их в птиц, называемых теми же именами[103]; Лето и Артемида решили спасти Клиниса, Артемиху и Ортигия, так как они не были виноваты в нечестивом поступке. (6) Аполлон уступил Лето и Артемиде и до наступления смерти превратил всех в птиц. Клинис стал подорликом[104]; это вторая из птиц после орла, и различить ее нетрудно: орел убивает детенышей оленей, это – мрачная, большая и могучая птица, а подорлик чернее цветом и меньше размером. (7) Ликий после превращения стал вороном с белым оперением, но потом, по воле Аполлона, почернел, так как он первым известил его, что дочь Флегия Коронида вышла замуж за Алкионея[105]. Артемиха стала птицей пифингой[106], весьма угодной и богам, и людям, Ортигий же – синицей, потому что пытался[107] убедить своего отца Клиниса принести в жертву Аполлону коз вместо ослов.

XXI. Полифонта[108]

[Рассказывает Бей в книге II «Происхождения птиц»]

(1) У Терины, дочери Стримона[109], и Ареса родилась дочь Фрасса[110]. На ней женился Гиппоной, сын Трибалла[111], и у них родилась дочь по имени Полифонта. Она презирала дела Афродиты, но, уйдя на гору, стала спутницей Артемиды и подругой в ее играх. (2) Афродита же, за то, что та не почитала ее дел, внушила ей любовь к медведю и лишила ее разума. И она, подстрекаемая богиней, совокупилась с медведем. Увидев ее, Артемида безмерно ее возненавидела и обратила против нее всех диких зверей. (3). Полифонта, испугавшись, что звери ее растерзают, бежала в отцовский дом и родила двух сыновей, Агрия и Орея[112], огромного роста и с неуемной силой. Ни богов, ни людей они не почитали, но на всех нападали и, если встречали чужеземца, загоняли его в дом и съедали. (4) Тогда Зевс, возненавидев их, послал Гермеса наложить на них кару, какую пожелает. И Гермес решил отрубить им ноги и руки. Но Арес, поскольку Полифонта возводила к нему свое происхождение, избавил ее сыновей от такой доли и, вместе с Гермесом, изменил их природу, превратив их в птиц. (5) Полифонта стала филином, кричащим по ночам и живущим без еды и без питья; голову он опускает вниз, а лапы держит высоко вверх и служит для людей вестником войны и смуты. Орей же стал лагом[113], и его появление не сулит ничего хорошего; Агрий превратился в стервятника, самую ненавистную из всех птиц и богам, и

---

[100] *Ликий* (Λύκιος) – собственно, эпитет Аполлона («родом из Ликии», ср. ниже XXXV, или «Волчий» – защитник стад от волков).

[101] *Ортигий* – имя напоминает древнее название о-ва Делос («Ортигия»), где родился Аполлон.

[102] Ср. прим. 38.

[103] *Гарпа* – скорее всего, коршун; *гарпас* (ἅπαξ λεγόμενον) – хищная птица, название которой ассоциируется с глаголом ἁρπάζω («похищать») и птицей гарпа.

[104] Достоверное соответствие какого-нибудь русского названия греческому ὑπαίετος неизвестно. Мы переводим «подорлик», исходя из состава слова.

[105] *Коронида вышла замуж...* – Будучи беременной от Аполлона, фессалийская царевна Коронида, носившая в чреве Асклепия, изменила богу со смертным. Первой принесла эту весть Аполлону белая ворона, за что бог изменил ее цвет. См. эпиллий Каллимаха «Гекала» в кн.: «Эллинские поэты VII–III вв.» М., 1997; *Овидий*. Метаморфозы. II.534–632; *Аполлодор*. III.X.3; Гигин. CCII.

[106] *Пифинга* – неизвестная птица.

[107] *...потому что он пытался* – сближение в духе народной этимологии: основа слова «коза» в греческом αἰγ-; «синица» – αἰγίθαλλος. Ср. прим. 37, 59, 86, 87.

[108] Антонин Либерал – единственный источник этой истории в первой ее части.

[109] *Стримон* – бог одноименной реки во Фракии.

[110] *Фрасса* – собственно, «фракиянка».

[111] *Трибалл* – выходец из одноименного фракийского племени, в классическую эпоху – образец дикости и неотесанности. См. *Аристофан*. Птицы. 1567–1573.

[112] *Агрий* и *Орей* – говорящие имена: «Полевой» и «Горный».

[113] *Лаг* – птица не идентифицированная; вероятно, из породы стервятников. См. превращение Агрия.

людям, так как ⟨Арес и Гермес⟩ внушили ему ненасытное желание человеческого мяса и крови. (7) Их служанку боги превратили в зеленого дятла: во время превращения она умолила богов не делать ее птицей, вредной для людей. Гермес и Арес вняли ее просьбе, так как она по принуждению делала то, что ей приказывали хозяева. Так эта птица служит благоприятным предзнаменованием для идущего на охоту и пир.

XXII. Керамб

[Рассказывает Никандр в книге I «Превращений»]

(1) Керамб, сын Евсира, внук Посидона, и офрейской нимфы Эйдофеи, жил у подножия Офрии, в земле малийцев[114]. Были у него многочисленные стада, и он сам их пас. (2) Его посещали нимфы, потому что он услаждал их в горах своим пением. Говорят, он был лучшим певцом из тогда существовавших, славился своими пастушескими песнями, а живя в горах, изобрел пастушескую свирель[115], первым из людей[116] стал играть на лире и сложил множество прекрасных песен. (3) Говорят, что благодаря этим способностям ему удалось однажды увидеть, как нимфы танцуют[117] под звуки его лиры, а Пан из благосклонности к нему посоветовал оставить Офрию и пасти стада на равнине, так как ожидалась невероятно неблагоприятная зима. (4) Но Керамб из-за высокомерия, свойственного юности, как будто повредившись умом по воле богов, не согласился отогнать скот с Офрии в долину, да к тому же изрек враждебное и глупое слово по отношению к нимфам, что род их – не от Зевса, а родила их Сперхею Дино[118]; Посидон же, охваченный желанием к одной из них по имени Диопатра, снабдил корнями ее сестер и превратил их в тополя[119] до тех пор, пока сам он, насытившись ее ложем, их не освободил и не вернул им изначальную природу. (5) Такими речами Керамб оскорблял нимф. Однако спустя недолгое время неожиданно нагрянули холода, источники замерзли, выпал обильный снег и стада Керамба исчезли вместе с тропами и деревьями. Нимфы же в гневе изменили природу Керамба за то, что он бранил их, и стал из него древоточец керамбик[120]. (6) Он появляется на деревьях, и на вид горбатый с кривыми зубами, и все время ворочает челюстями, черный, длинный, с твердыми крыльями, похожий на больших жуков. Его зовут быком-древопожирателем, у фессалийцев же – керамбиком. Дети пользуются им как игрушкой и, отрезав ему голову, носят ⟨на шее⟩, так как голова с рогами похожа на лиру, сделанную из панциря черепахи.

XXIII. Батт

[Рассказывает Никандр в книге I «Превращений», Гесиод в «Великих Эоях»[121], Дидимарх[122] в книге III «Метаморфоз», Антигон[123] в «Превращениях» и Аполлоний Родосский в эпиграммах[124], как говорит Памфил в книге I]

(1) У Арга, сына Фрикса, и Перимелы, дочери Адмета, был сын по имени Магнет. Он жил вблизи Фессалии, и люди назвали эту землю по его имени Магнесией. И родился у него сын

---

[114] *Земля малийцев* примыкает к Малийскому проливу, отделяющему материк от северо-западной оконечности Евбеи.

[115] *...изобрел... свирель.* – По традиционной версии, изобретателем свирели считается Пан. Ср. *Феокрит.* Сиринга («свирель»); *Овидий.* Метаморфозы. I.689–712.

[116] *...первым из людей...* – По традиционной версии, это – заслуга Орфея.

[117] *...как нимфы танцуют.* – Ср. ниже, XXXI.3.

[118] *Сперхей* – бог одноименной реки, протекающей через Малийскую долину; *Дино́* – одна из трех грай, ужасных своей внешностью (δεινός – «ужасный», «страшный»).

[119] *...превратил их в тополя.* – Ср. ниже, гл. XXXII.4.

[120] *...древоточец керамбик.* – Судя по дальнейшему описанию, в облике керамбика объединены древоточец и жук-олень с рогами, напоминающими лиру.

[121] *«Великие Эои»* – поэма, приписываемая *Гесиоду* и содержащая каталог женщин – прародительниц знатных родов.

[122] *Дидимарх* – александрийский поэт.

[123] *Антигон* из Кариста – поэт начала Римской империи.

[124] *Аполлоний... в эпиграммах.* – По поводу того, писал ли Аполлоний эпиграммы, среди исследователей нет согласия. Может быть, это ошибка, исходящая от александрийского грамматика *Памфила* (I в. н.э.), который проявлял интерес ко всякого рода мифам о превращениях.

Гименей, прославившийся своей красотой. (2) Когда же увидевшего его Аполлона охватила страсть к юноше, и он не покидал дома Магнета, Гермес замыслил хитрость[125] против стада коров Аполлона, которые паслись там же, где коровы Адмета[126]. И прежде всего наслал он на собак, которые их сторожили, удушье и сон, так что они позабыли о коровах и пренебрегли сторожевой службой. (3) Затем он прогнал с пастбища двенадцать телок, сто коров, не знавших ярма, и быка, который покрывал коров. Потом он привязал к хвосту каждого животного ветки, чтобы скрыть следы коров, и погнал их через землю пеласгов, фтиотийскую Ахею, Локриду[127], Беотию и Мегариду и оттуда в Пелопоннес через Коринф и Лариссу[128] вплоть до Тегеи, а оттуда вдоль Ликейской горы[129], Меналия[130] и так называемой «Баттовой Стражи»[131]. (4) А жил этот Батт на вершине скалы, и когда услышал мычание гонимых мимо телок, вышел из дома, понял, что дело идет о краже коров и попросил отступного, чтобы никому о них не сказать. Гермес пообещал дать ему просимое, и Батт поклялся никому не говорить о коровах. (5) Когда же Гермес спрятал их, загнав в пещеру в горе, соседней с Корифасием[132], напротив Италии и Сицилии, он тотчас вернулся в Батту, изменив свою внешность, и пытался проверить, остается ли тот верен клятве. Предложив ему в награду хлену[133], Гермес стал выспрашивать, не знает ли он чего об украденных коровах, которых гнали мимо него. (6) Батт взял хламиду и рассказал о коровах. Гермес, рассердившись из-за его двуличия, ударил его жезлом и превратил в скалу, которую не покидает ни холод, ни жара. И до сих пор проходящие мимо нее называют это место «Баттовой Стражей».

XXIV. Аскалаб

[Рассказывает Никандр в книге I «Превращений»]

(1) Когда Деметра блуждала по всей земле в поисках своей дочери, она остановилась в Аттике[134]. Во рту у нее все пересохло от страшной жары, и здесь Мисма приняла ее к себе и дала ей напиться воды, смешанной с мятой и мукой[135]. (2) Деметра от жажды выпила все одним глотком. Сын же Мисмы Аскалаб поднял ее на смех и приказал подать ей полный кувшин или бочку. (3) Тогда Деметра в гневе вылила на него то, что оставалось от питья. И Аскалаб превратился в пятнистую ящерицу, предмет ненависти[136] богов и людей. Живет она около канав с водой, и кто ее убивает, становится любезен Деметре.

---

[125] *Гермес замыслил хитрость.* – См. гомеровский гимн к Гермесу; *Овидий.* Метаморфозы. II.680–707; *Аполлодор.* III.X.2. В какой связи это находится с любовью *Аполлона* к *Магнету*, – неясно.

[126] *...где паслись коровы Адмета.* – По более распространенной версии, стадо Аполлона находилось в Пиерии или Мессении, а стадо Адмета он пас в Фессалии, будучи отдан ему на один год в услужение за убийство Киклопов. См. *Еврипид.* Алкестида. 1–7; *Диодор Сицил.* IV.71.1–3; *Аполлодор.* III.X.4; *Гигин.* XLIX.

[127] *Земля пеласгов* – Фессалия; *Фтиотида* – область на северном берегу Малийского залива; *Локрида* – область, примыкающая к его южному берегу и Евбейскому проливу.

[128] *Ларисса* – здесь: название аргосского акрополя.

[129] *Ликейская гора* – вероятно, описка Антонина или его источника вместо «Лиркейской горы», хотя и она находится севернее *Тегеи* (в центре Пелопоннеса), т.е. на пути, уже пройденном Гермесом.

[130] *Меналий* (Менал) – город в Пелопоннесе, на северо-запад от Тегеи, у подножья одноименного горного хребта. География Антонина остается достаточно запутанной.

[131] *Баттова Стража* – место неизвестное. Антонин Либерал локализует его, как видно, где-то в Южном Пелопоннесе.

[132] *Корифасий* – мыс в Мессении, близ Пилоса. Из этого видно, что гнать стадо в Меналий Гермесу было незачем.

[133] *Хлена* – одежда из грубой шерстяной пряжи, служившая в V в. наградой победителям на общегреческих состязаниях в Пеллене (город в Ахее). По одной из версий, праздник посвящался Гермесу. Во времена Антонина Либерала он потерял всякое значение и справлялся только местными жителями.

[134] См. гомеровский гимн Деметре; *Диодор Сицил.* V.4.1–3; 68.2; *Аполлодор.* I.V.1; *Гигин.* CXLVI. Роль Метаниры играет у Никандра Мисма.

[135] *...воды, смешанной с мятой...* – состав ритуального элевсинского напитка кикеона, который мог варьироваться.

[136] *...предмет ненависти* – укус пестрой ящерицы считался вредным.

XXV. Метиоха и Мениппа[137]

[Рассказывает Никандр в книге IV «Превращений» и Коринна[138] в книге I «Героев»]

(1) В Беотии, у Ориона, сына Гириея[139], были две дочери: Метиоха и Мениппа. Когда Артемида скрыла Ориона от людских взоров, девушки воспитывались у матери. Афина научила их ткачеству, Афродита же наделила красотой. (2) Когда всю Эонию[140] охватила чума и многие стали умирать, оттуда отправили послов за советом к Гортинскому Аполлону[141], и бог им изрек, что нужно умилостивить двух подземных богов. Он сказал, что их гнев прекратится, если в жертву двум богам принесут себя добровольно две девушки. (3) Но ни одна из девушек в городе не повиновалась этому прорицанию, пока некая служанка не сообщила предсказание дочерям Ориона. Когда они услышали это, сидя за ткацкими станками, они приняли смерть ради своих сограждан, прежде чем самим стать жертвой эпидемии и погибнуть. Итак, трижды воззвав к подземным богам, что они добровольно приносят себя в жертву, они вонзили сами себе челноки около ключиц и вскрыли себе горло. (4) Обе они упали на землю, но Персефона и Гадес сжалились над ними: тела девушек исчезли, а вместо них с земли поднялись две звезды. Появившись, они вознеслись на небо и люди назвали их кометами. (5) Все эонийцы соорудили в беотийском Орхомене знаменитое святилище этих девушек, и каждый год юноши и девушки приносят им искупительные жертвы. И доныне эонийцы называют их девушками-Коронидами[142].

XXVI. Гил[143]

[Рассказывает Никандр в книге II «Превращений»]

(1) Когда Геракл плыл с аргонавтами, выбранный ими в качестве предводителя[144], он взял с собою Гила, сына Кеика, красивого юношу. (2) Когда аргонавты достигли пролива, ведущего в Понт, и плыли вдоль скалистого побережья Арганфоны[145], разразилась буря и началась сильная качка; здесь они бросили якоря и прервали плаванье. Геракл стал готовить для героев угощение. (3) Юноша Гил с кувшином в руках отправился к реке Асканий[146], чтобы принести пирующим воды. Увидев его, нимфы – дочери этой реки, влюбились в Гила и, когда он черпал воду, столкнули его в источник. (4) Таким образом, Гил исчез, Геракл же, когда тот не вернулся, оставив героев, стал повсюду обыскивать лес и часто громким голосом звал Гила. Нимфы, устрашившись, как бы Геракл не нашел спрятанного у них юношу, превратили Гила в эхо, которое часто отвечало на крик Геракла. (5) Поскольку Геракл, приложив величайшие усилия, так и не мог разыскать Гила, он вернулся на корабль[147] и отплыл вместе с героями, а в

---

[137] Рассказ этот, кроме Антонина Либерала, сохранился еще только у Овидия (Метаморфозы. XIII.685–699).

[138] См. прим. 52.

[139] По традиционной генеалогии Орион – сын Посидона и дочери Миноса Евриалы. Ср. также *Палефат*. О невероятном. LI: Гирией – сын Посидона.

[140] *Эония* – древнее название Беотии, преобладающее в эллинистической литературе.

[141] *Гортинский Аполлон* – культовый и пророческий центр в Аркадии, близ Мегалополя (не смешивать с Гортиной на Крите!).

[142] Корониды. – Ср. прим. 105. Не ясно, почему в данном случае говорится о двух Коронидах. Может быть, потому что Гадес и Персефона так же извлекли их из костра, как Аполлон – Асклепия.

[143] О похищении *Гила* нимфами см. *Аполлоний Родосск*. I.1207–1210, 1221–1273; *Феокрит*. XIII; *Проперций*. I.XX.17–50; *Аполлодор*. I.IX.19; *Гигин*. XIV.25. Однако о превращении его в эхо известно только из этой главы Антонина Либерала.

[144] *Геракл, выбранный ими в качестве предводителя*. – На самом деле вождем похода был, естественно, Ясон, а Геракл либо был присоединен к мифу позже, либо история Гила как раз имела целью устранить Геракла из числа участников похода, чтобы не составлять конкуренции Ясону: в поисках Гила Геракл не услышал сигнала к отправлению корабля и отстал от похода.

[145] *Арганфона* – горная цепь на берегу Вифинии; мимо нее аргонавты плыли, миновав *пролив, ведущий в Понт*, т.е. Геллеспонт.

[146] *Асканий* – в историческое время река Киос, впадающая в Пропонтиду (Мраморное море).

[147] *...вернулся на корабль* – вопреки традиционной версии (см. прим. 144).

этом месте оставляет Полифема[148] в надежде, что тот в ходе поисков разыщет ему Гила. Однако Полифем успел умереть ⟨прежде, чем разведал эту местность⟩, Гилу же местные жители до сих пор приносят жертвы у источника, и жрец трижды выкликает его по имени, и трижды ему отвечает эхо.

XXVII. Ифигения

[Рассказывает Никандр в книге IV «Превращений»]

(1) У Тесея и Елены, дочери Зевса, была дочь Ифигения[149], которую воспитывала сестра Елены Клитеместра; Агамемнону она сказала, что это ее дочь, ибо Елена на вопросы своих братьев отвечала, что Тесей отпустил ее[150] девушкой. (2) Когда же ахейское войско задержалось в Авлиде из-за неблагоприятной погоды, жрецы объявили, что отплытие состоится, если в жертву Артемиде принесут Ифигению. По требованию ахейцев Агамемнон отдал ее на заклание; когда же ее вели к алтарю, собравшиеся герои не стали за этим наблюдать, но все отвратили взоры в другую сторону. (3) И Артемида явила на алтаре вместо Ифигении теленка[151], ее же унесла очень далеко от Эллады в край, называемый Евксинским Понтом, к царю Фоанту, сыну Борисфена. Этот кочевой народ она нарекла таврами, так как вместо Ифигении явила на алтаре быка, ее же сделала жрицей Артемиды Тавополы. (4) С наступлением назначенного времени богиня поселила Ифигению на острове, который называется Белым[152], рядом с Ахиллом, и, изменив ее природу, сделала ее не стареющей и бессмертной богиней и назвала ее, вместо Ифигении, Орсилохой[153]. И она стала супругой Ахилла[154].

XXVIII. Тифон[155]

[Рассказывает Никандр в книге IV «Превращений»]

(1) Тифон, сын Геи, был богом непомерной силы и чудовищной внешности, ибо выросло у него множество голов, рук и крыльев, а с боков выступали страшными извивами змеи; он кричал на разные голоса, и никто не мог противостоять его силе. (2) Тифон возжелал захватить

---

[148] *Полифем*, по Аполлонию Родосскому и Аполлодору (см. прим. 143), первым услышал призыв Гила о помощи, разыскивал его вместе с Гераклом и, отстав от корабля, основал город Киос, соименный реке (см. прим. 146).

[149] О происхождении Ифигении от Елены см. *Павсаний*. II.XXII.7. Версия эта оказалась, однако, вытесненной другой, получившей развитие у трагиков V в., согласно которой Ифигения была старшей дочерью Агамемнона и Клитеместры. Дальнейшее изложение представляет, в общем, комбинацию содержания двух трагедий Еврипида – «Ифигения в Авлиде» и «Ифигения в Тавриде». Ср. *Аполлодор*. Эпитома. III.21–22; *Гигин*. LXXXXVIII; *Диктис Критский*. I.19–22.

[150] *...Тесей отпустил ее...* – По более частой версии, Елена была отбита у Тесея ее братьями-Диоскурами. См. *Геродот*. IX.73; *Диодор Сицил*. IV.63.3–5; *Плутарх*. Тесей. XXXII; XXXIV; *Павсаний*. I.XVII.5; II.XXII.6; *Аполлодор*. Эпитома. I.23.

[151] *...явила... теленка.* – Обычно речь идет о лани, животном-тотеме Артемиды. Теленок, а далее – бык, выбран ради очередного «этимологического» сближения: ταῦρος «бык», Ταῦροι – название народа, Ταυροπόλος – эпитет Артемиды.

[152] *Остров Белый* (нынешний «Змеиный» в северо-западной части Черного моря; ср. *Конон*. 18) – один из вариантов Островов Блаженных (Элизия), которые чаще локализовали далеко на Западе тогдашнего мира – в Атлантике. Однако связь именно Ахилла с островом Белым – достаточно древняя и прочная. См. *Толстой И.И.* Остров Белый и Таврика на Евксинском понте. Пг., 1918.

[153] *Орсилоха* – культовый эпитет самой Артемиды – «Помощницы при родах».

[154] *...стала супругой Ахилла* – вполне закономерно, так как под предлогом бракосочетания с Ахиллом Ифигения была доставлена в Авлиду; впрочем, в качестве его жен на Островах Блаженных называли в разных источниках Медею (*Аполлодор*. Эпитома. V.5), Елену (*Павсаний*. III.XIX.11–13), Поликсену (*Сенека*. Троянки. 944).

[155] Наиболее ранний и наиболее подробный рассказ о Тифоне: *Гесиод*. Теогония. 820–868; Аполлодор (I.VI.3) ограничивается достаточно кратким упоминанием, но ни у того, ни у другого, разумеется, нет ничего о превращении испуганных богов в животных, как у Никандра, которому следовал Антонин Либерал (§ 2). Ср. *Гигин*. CXCVI.

власть Зевса, и его натиску не мог противостоять никто из богов, но в страхе все бежали в Египет, остались только Афина и Зевс. Тифон преследовал богов по пятам, они же из предосторожности во время бегства изменили свою внешность в образы животных. (3) И Аполлон стал коршуном, Гермес – ибисом, Арес – рыбой лепидотом[156], Артемида – кошкой, Дионис уподобился козлу, Геракл – олененку, Гефест – быку, Лето – землеройке; словом, каждый из остальных богов изменил свою внешность, как ему удалось. Когда же Зевс поразил Тифона молнией, он, пылая огнем, скрылся в море и сбил пламя. (4) Однако Зевс не прекратил его преследование, а навалил на Тифона огромную гору Этну[157] и сторожем к нему приставил на вершине ее Гефеста. Тот же, установив на его затылке свои наковальни[158], кует там раскаленное железо.

XXIX. Галинфиада[159]

[Рассказывает Никандр в книге IV «Превращений»]

(1) У Прета[160] в Фивах родилась дочь Галинфиада. Эта девушка была подругой в играх Алкмены, дочери Электриона. Когда же у Алкмены наступили роды Геракла, Мойры и Илифия[161], чтобы сделать приятное Гере, продлевали ее мучения. (2) Они сидели вокруг нее, обхватив ее руками, Галинфиада же, боясь, как бы Алкмена не обезумела от тяжких мук, прибежала к Мойрам и Илифии и возвестила, что по воле Зевса у Алкмены родился мальчик, а оказываемые им почести отменены. (3) При этом ⟨известии⟩ оцепенение напало на Мойр, и они тотчас отпустили руки, а Алкмена избавилась от мучений, и родился Геракл. Мойр же охватило горе, и за то, что, будучи смертной, Галинфиада обманула богов, они лишили ее женской природы, превратили ее в хитрую ласку и назначили ей жить в скрытных местах и вступать в неестественный союз: ибо потомство она зачинает через уши, а будучи беременной, изрыгает его горлом. (4) Геката[162] сжалилась над ней, претерпевшей такое превращение, и сделала ее своей священной прислужницей. Геракл же, когда вырос, вспомнил об оказанной ею услуге, поставил статую Галинфиаде у своего дома и приносил ей жертвы. Этот священный обычай фиванцы хранят до сих пор и перед праздником Геракла первой приносят жертвы Галинфиаде.

XXX. Библида[163]

[Рассказывает Никандр в книге II «Превращений»]

(1) У Аполлона и Акакаллиды, дочери Миноса[164], родился на Крите сын Милет. Акакаллида, убоясь Миноса, подбросила его в лесу, и по воле Аполлона к нему приходили волчицы, сторожили его и кормили по очереди молоком. Когда же на него натолкнулись пастухи, они подобрали его и воспитывали дома. (2) Когда мальчик вырос, стал красивым и предприимчивым, а Минос, охваченный страстью к нему, попытался причинить ему насилие, он, по совету Сарпедона[165], взял челн и бежал в Карию. Здесь он основал город Милет и женился на Идофее,

---

[156] *Лепидот* – нильская крупночешуйчатая рыба, разновидность усача.

[157] *...навалил... гору Этну.* – Ср. *Пиндар*. Пиф. I.15–20; *Эсхил*. Прометей. 351–372.

[158] Этна как гора вулканического происхождения вполне годилась как место, где *Гефест... установил свои наковальни.*

[159] К рассказу о *Галинфиаде* см. также *Овидий*. Метаморфозы. IX.281–323; *Павсаний*. IX.XI.3.

[160] *Прета* не следует смешивать с одноименным царем Тиринфа, братом Акрисия и мужем Сфенебеи, о котором см. *Аполлодор*. II.II.1.

[161] *Илифия*, богиня, помогающая родам, считалась дочерью Геры. См. *Гесиод*. Теогония. 922; *Пиндар*. Нем. VII.1–5; *Павсаний*. I.XVIII.5; *Аполлодор*. I.III.1. Об ее участии в задержании родов Алкмены см. *Аполлодор*. II.IV.5.

[162] *Геката*. – См. прим. 76.

[163] История *Библиды* была широко распространена в эллинистическое время. См. *Парфений*. XI; *Конон*. 2; *Овидий*. Метаморфозы. IX. 441–665. О других инцестуозных сюжетах см. ниже, гл. XXIV; *Парфений*. V; XIII; XVII; XXXI; XXXV; *Конон*. 9; *Гигин*. CCLIII.

[164] *Минос* – критский царь. См. ниже, XLI.4–5.

[165] *Сарпедон* – брат Миноса, оспаривавший у него либо царскую власть (*Геродот*. I.173), либо любовь *Милета* (*Аполлодор*. III.I.2). Его часто смешивают с одноименным царем Ликии, участником Троянской войны (*Гомер*. Илиада. XVI.419–505; *Аполлодор*. Эпитома. III.34), хотя по мифологической хронологии их разделяют по меньшей мере 4–5 поколений. Об основании Милетом одноименного города см. *Павсаний*. VII.II.5.

дочери царя карийцев Еврита. И родились у него близнецы: Кавн, по имени которого еще и сейчас есть в Карии город, называемый Кавном, и Библида. (3) У нее появилось множество женихов – и местных, привлеченных ее славой, и из соседних городов. Она же с ними и говорить не стала, ибо ее обуяла до безумия несказанная страсть к Кавну. И поначалу она долго могла скрывать свое желание в тайне от родителей. Но так как со дня на день ею овладевал все более невыносимый демон, она решила ночью броситься со скалы. (4) Она пошла на ближайшую гору и попыталась с нее броситься, но нимфы, сжалились над Библидой, удержали ее, погрузили в глубокий сон и превратили из человека в нимфу гамадриаду[166], которую назвали Библидой и сделали ее своей подругой, разделившей их образ жизни. И до сих пор источник, вытекающий из скалы, зовется у местных жителей «Слезой Библиды».

XXXI. Мессапии[167]

[Рассказывает Никандр в книге II «Превращений»]

(1) У Ликаона[168], ⟨аркадского⟩ автохтона были сыновья Япиг, Давн и Певкетий. Собрав войско, они прибыли в Италию, к адриатическому побережью, и обосновались здесь, изгнав местных жителей авсонов[169]. (2) Большую же часть войска составляли у них иллирийские поселенцы мессапии. Когда же они поделили на три части войско и землю и назвали каждый народ по имени предводителя давниями, певкетами и мессапиями, то земля от Тарента вплоть до границ Италии[170] стала Мессапией, в которой находится город Брентесий; земля рядом с этой страной, по ту сторону Тарента, стала областью певкетиев; за ее же пределами, вплоть до моря, землей владели давнии. Весь же народ назывался япигами[171]. (3) Все это происходило задолго до похода Геракла[172]. Содержанием их жизни было скотоводство и пастушество. Передают, что ⟨однажды⟩ в Мессапии у так называемых «Священных скал»[173] они увидели танцующих нимф эпимелид[174], и мессапские юноши, оставив свои стада и глядя на нимф, сказали, что они сами танцуют лучше. (4) Эта речь сильно задела нимф и привела к упорному состязанию в танце. Юноши, не зная, что они соревнуются с богинями, плясали так, будто перед ними их смертные сверстницы, и их пастушеский танец был лишен изящества; у нимф же все сияло красотой. (5) И они победили в танце молодых людей и сказали им так: «Юноши, неужели вы хотите состязаться с нимфами эпимелидами? Так вот, безумцы, вы побеждены и понесете наказание». И юноши, как они стояли у святилища нимф, так и превратились в деревья. И до сих пор ночью из леса слышатся голоса как будто бы плачущих, и это место называется «У нимф и юношей».

XXXII. Дриопа[175]

[Рассказывает Никандр в книге I «Превращений»]

(1) Дриоп был сыном реки Сперхея[176] и Полидоры, одной из дочерей Даная. Он царствовал в области Эты, и была у него единственная дочь Дриопа, которая пасла отцовских овец.

---

[166] *Гамадриады* – древесные нимфы.

[167] Другой источник этого рассказа – *Овидий*. Метаморфозы. XIV.512–526.

[168] *Ликаон* – древний царь Аркадии, известный своей жестокостью и богохульством. См. *Овидий*. Метаморфозы. I.163–245; *Аполлодор*. III.VIII.1. Имя его производили от λύκος «волк».

[169] *Авсоны* возводили свое происхождение к Авсону, сыну Одиссея, но мифологическая хронология в этом случае не очень выдерживается, так как дети героев Троянской войны – последнее поколение мифологических героев, а Ликаон принадлежит к одному из ранних.

[170] *...вплоть до границ Италии* – в каком направлении? В эпоху Августа мессапии заселяли италийский «каблук» примерно до линии Тарент–Брундизий (*Брентесий*); *певкетии* примыкали к ним вдоль моря вплоть до Бария (см. *Страбон*. VI.III.8); еще севернее располагались *давнии* (*давны*).

[171] *Япиги*, по Страбону, – синоним мессапиев; по другим источникам, они ранее занимали место давнов, от италийской «шпоры» до линии южнее р. Авфид и, таким образом, соседствовали с мессапиями.

[172] *...задолго до похода Геракла* – имеется в виду поход за коровами Гериона. См. выше, гл. IV.6 и прим. 26.

[173] *«Священные скалы»*, – по-видимому, некое святилище Муз в Мессапии.

[174] *Эпимелиды* – букв. «заботящиеся о стадах».

[175] Единственный источник этого рассказа, кроме Антонина Либерала, – *Овидий*. Метаморфозы. IX.329–393.

[176] *Сперхей*. – См. прим. 118. Не смешивать этого *Дриопа* с отцом Крагалея! См. выше, гл. IV.1.

Так как ее сильно полюбили нимфы гамадриады[177] и сделали подругой своих игр, то они научили ее петь гимны богам и танцевать. (2) Увидев Дриопу во время танца, Аполлон возжелал с ней соединиться. Сначала он обратился в черепаху, когда же Дриопа вместе с нимфами стала забавляться с ней и положила ее к себе за пазуху, Аполлон из черепахи превратился в змею. (3) И нимфы в испуге оставили девушку одну, Аполлон же с ней соединился. Она в страхе прибежала в отцовский дом и не сказала ничего родителям. Когда же впоследствии на ней женился Андремон, сын Оксила, она родила от Аполлона сына Амфисса. Так как он очень быстро возмужал, то превосходил всех силой. Он основал у подножья Эты город, соименный горе, и стал царствовать в этих местах. (4) Он основал также в Дриопиде святилище Аполлона, и когда Дриопа пришла ⟨однажды⟩ в это святилище, нимфы гамадриады из благосклонности к ней похитили ее и спрятали в лесу, а вместо нее из земли появился тополь, и около него забил источник. Дриопа же из смертной стала нимфой[178]. (5) Что касается Амфисса, то в благодарность за свою мать он основал святилище нимф и первым учредил соревнование в беге. И еще теперь местные жители соблюдают это состязание, на котором нельзя присутствовать женщине, ибо когда Дриопа исчезла с помощью нимф, две девушки открыли это местным жителям. Нимфы на них разгневались и превратили их из девушек в ели.

XXXIII. Алкмена

[Рассказывает Ферекид[179]]

(1) После исчезновения Геракла из числа людей[180] Еврисфей изгнал его детей из страны и воцарился в ней сам. Гераклиды, спасаясь бегством у Демофонта, сына Тесея, поселились в афинском Четырехградье[181], Еврисфей же, отправив вестника в Афины, был готов объявить афинянам войну, если они не изгонят Гераклидов. (2) Афиняне не уклонились от войны, Еврисфей вторгся в Аттику и, расположив свое войско в боевом порядке, погибает сам в сражении, множество же аргивян обратилось вспять. Гилл и остальные Гераклиды после смерти Еврисфея снова поселились в Фивах. (3) В это время Алкмена умирает от старости, и Гераклиды собрались похоронить ее. А жили они у Электриных ворот, там же, где ⟨некогда⟩ Геракл. Зевс посылает Гермеса с приказом похитить Алкмену, перенести на Острова Блаженных и дать в жены Радаманфу[182]. Гермес, повинуясь, похищает Алкмену, а вместо нее в гроб кладет камень. (4) Гераклиды, неся гроб, почувствовали, что он потяжелел, опустили его на землю и, открыв, обнаружили вместо Алкмены камень. Вынув его, они поставили его в священной роще, – как раз там, где находится в Фивах героон[183] Алкмены.

XXXIV. Смирна[184]

[Так[185]]

(1) На горе Либане у Фианта, сына Бела и Орифии, одной из нимф, была дочь Смирна. Из-за ее красоты ее сватали многие женихи из многочисленных городов, она же придумывала всякие хитрости, чтобы обмануть родителей и оттянуть время, ибо ее обуяла до безумия страшная

---

[177] *Гамадриады* – см. прим. 166.

[178] *Стала нимфой,* – т.е. обрела бессмертие.

[179] *Ферекид* – афинский мифограф начала V в.

[180] *... из числа людей.* – Согласно распространенной версии, Геракл, желая, чтобы его сожгли на горе Эте, в последний момент был похищен богами и взят на небо. См. *Аполлодор.* II.VII.7. Дальнейшее изложение (§ 1–2) совпадает в общем с содержанием трагедии Еврипида «Гераклиды».

[181] *Четырехградье* – союз четырех городов на Марафонской равнине в Аттике, в который входили, кроме Марафона, также Трикоринф, Эноя и Пробалинф. Ср. *Конон.* 27.

[182] *Радаманф* – сын Зевса и Европы, по одной из версий царствовавший на Островах Блаженных; по другой – женившийся на Алкмене после смерти Амфитриона (см. *Аполлодор.* II.IV.11). Тогда их обручение на Островах Блаженных становится вполне закономерным и объединяет обе версии.

[183] *Героон* – святилище, учрежденное в честь особо почитаемого смертного; например, на острове Парос существовал героон поэта Архилоха.

[184] См. изложение этой истории у Овидия (Метаморфозы. X.298–502); ср. *Аполлодор.* III.XIV.4; *Гигин.* LVIII.

[185] См. прим. 70.

любовь к отцу. (2) И сначала она от стыда скрывала это наваждение; когда же страсть ее вынудила, она открыла ее кормилице Ипполите. Та, пообещав добыть ей средство от противоестественной страсти, рассказала Фианту, что к нему на ложе страстно желает тайно взойти девушка из благородной семьи. (3) И Фиант одобрил ее речь, ибо он не знал, что́ против него замышляется. И во мраке дома он ожидал на своем ложе девушку, а кормилица привела Смирну, скрыв ее под покрывалом[186]. И в течение долгого времени это ужасное и нечестивое дело продолжалось, оставаясь тайной. (4) Однако, поскольку Смирна забеременела, Фиантом овладело желание узнать, кто была будущая мать. Он спрятал в комнате светильник, и когда она вошла к нему, он узнал ее, неожиданно внеся огонь. Смирна преждевременно родила и, воздев руки к небу, взмолилась, чтобы ее больше не видели ни среди живых, ни среди мертвых. (5) И Зевс превратил ее в дерево и назвал его ее же именем – смирной. Говорят, что оно каждый год истекает, как слезами, миррой. Отец Смирны Фиант, совершивший такое нечестивое дело, покончил с собой, ребенок же по воле Зевса был выращен, назван Адонисом, и Афродита очень его полюбила за красоту.

XXXV. Пастухи[187]

[Рассказывает Менекрат из Ксанфа[188]
в «Истории Ликии» Никандр]

(1) Лето, родив Аполлона и Артемиду на острове Астерии[189], пришла в Ликию с детьми, чтобы омыть их в водах Ксанфа[190]. И как только она оказалась в этой стране, прежде всего ей попался на пути источник Мелита, и она собиралась омыть детей в нем, прежде чем достигнет Ксанфа. (2) Так как ее прогнали пастухи, чтобы напоить из источника быков, Лето покинула Мелиту и отправилась дальше. Встретившиеся ей волки приветствовали Лето, виляя хвостами[191], прислуживали ей в дороге и довели ее вплоть до реки Ксанфа. (3) Напившись ⟨здесь воды⟩ и омыв детей, она посвятила реку Аполлону, а землю, называемую Тремилидой[192], переименовала в Ликию, в память о волках[193], которые провели ее по дороге. (4) Затем она вернулась к источнику, чтобы наказать прогнавших ее пастухов. Они тогда еще мыли у источника своих быков. Лето превратила их всех в лягушек, и ударами тяжелого камня в бока и спину загнала всех в источник и велела им проводить жизнь в воде. И они до сих пор квакают по берегам рек и болот.

XXXVI. Пандарей

[Так]

(1) Когда Рея, в страхе перед Кроном, спрятала Зевса в пещере на Крите, его выкормила коза[194], подставляя ему вымя. Козу же, по желанию Реи, сторожила золотая собака. (2) Когда Зевс, прогнав титанов, отобрал власть у Крона[195], он сделал козу бессмертной, и образ ее еще и поныне находится среди звезд[196], золотой же собаке он приказал охранять святилище на Крите. Похитив ее, Пандарей, сын Меропа, унес ее на Сипил[197] и отдал сторожить Танталу, сыну Зевса, и Плутосу. (3) Когда же, некоторое время спустя, Пандарей явился на Сипил и стал требовать обратно собаку, Тантал поклялся, что он ее не брал. За

---

[186] Ср. сходную ситуацию: *Парфений*. XVII.

[187] Более подробное изложение – *Овидий* (Метаморфозы. VI.339–381).

[188] *Менекрат из Ксанфа* – историк IV в. до н.э., автор «Истории Ликии».

[189] *Астерия* – древнее название о-ва Делос.

[190] *Ксанф* – река на юге Малой Азии, впадающая в Средиземное море восточнее о-ва Родос.

[191] *... волки приветствовали Лето*, на которую отчасти перенесены признаки Великой матери богов – Реи-Кибелы. См. Древнегреческая мелика. С. 422–424.

[192] *Тремилида* (Тремила) – другое название Ликии.

[193] *... в память о волках* – очередное «этимологическое» сближение: Λυκία – название страны, λύκος – «волк».

[194] См. прим. 66 и 90.

[195] *... отобрал власть у Крона...* – См. *Гесиод*. Теогония (629–641); *Аполлодор* (I.II.1); *Гигин* (CL).

[196] *... находится среди звезд* – созвездие Козерога.

[197] *Сипил* – гора в Лидии, во владениях Тантала.

воровство Зевс превратил Пандарея там, где он стоял, в скалу, Тантала же за ложную клятву[198] сразил молнией и навалил ему на голову гору Сипил[199].

XXXVII. Дорийцы

[Так]

(1) После взятия Трои Диомед, вернувшись в Аргос[200], выбранил свою жену Эгиалею за приверженность делам Афродиты[201], а сам прибыл в Калидон, в Этолии, убил Агрия и его детей и вернул царство своему деду Ойнею[202]. (2) Затем он снова поплыл в Аргос, но буря занесла его в Ионическое море. Когда Давн, царь давниев[203], узнал о его прибытии, он попросил его принять вместе с ним участие в войне против мессапиев, на условии, что выделит ему часть земли и выдаст замуж свою дочь. (3) Диомед согласился с этим предложением, выстроил в боевой порядок своих спутников и, обратив мессапиев в бегство, получил землю. Ее он поделил между теми дорийцами, которые его сопровождали. А от дочери Давния у него было двое детей – Диомеда и Амфином. (4) Когда он умер от старости в земле давнийцев, дорийцы оказали ему погребальные почести на острове, который они назвали «Диомедовым»[204], сами же продолжали обрабатывать землю, поделенную между ними царем, и она приносила им обильный урожай в награду за их опыт в земледелии. (5) Когда же умер и Давн, варвары-иллирийцы замыслили зло против дорийцев из зависти к их земле и убили их всех, появившись неожиданно на острове, где дорийцы приносили жертвы. По воле Зевса тела эллинов исчезли, а души превратились в птиц. (6) И теперь еще, когда подплывает греческий корабль, птицы посещают его, а от иллирийского корабля улетают и исчезают все с острова.

XXXVIII. Волк[205]

[Рассказывает Никандр в книге I «Превращений»]

(1) У Эака[206], сына Зевса и Эгины, дочери Асопа, были сыновья Теламон и Пелей и еще третий – Фок от Псамафы, дочери Нерея. Его Эак безмерно любил, так как был он мужем благородным и прекрасным. (2) Пелей же и Теламон, завидуя Фоку, тайно убили его. Изгнанные за это Эаком, они покинули Эгину. Теламон поселился на острове Саламине, а Пелей пришел к Евритиону, сыну Ира, и как молящий был очищен им от убийства. Но потом и Евритиона он невольно убивает на охоте, метнув копье в кабана. (3) Бежав, Пелей является к Акасту, но, оклеветанный его женой (он якобы пытался соблазнить ее)[207], остается в одиночестве на горе Пелии. Блуждая здесь, он встречает кентавра Хирона, и тот, вняв его мольбам, пускает Пелея в свою пещеру. (4) И он, собрав множество мелкого скота и коров,

---

[198] ... *ложная клятва,* изреченная Танталом, служит обычно только одной из причин наказания, постигшего его в подземном царстве; см. *Аполлодор*. Эпитома. (II.1).

[199] ... *навалил ... гору Сипил.* – Ср. *Павсаний* (II.XXII.3; V.XIII.7).

[200] ... *вернувшись в Аргос.* – Диомед был сыном Тидея, изгнанного из Калидона и нашедшего убежище в Аргосе, где он женился на Деипиле, дочери Адраста. См. *Аполлодор*. I.VIII.5.

[201] ... *за приверженность делам Афродиты.* – Афродита внушила Эгиалее неверность мужу, мстя за ранение, нанесенное ей под Троей Диомедом. (См. *Гомер* (Илиада. V.330–417). По другому варианту, к измене мужьям побуждал жен троянских героев Навплий, мстя за Паламеда. См. *Аполлодор*. Эпит. VI.9; *Диктис Критский*. VI.2.

[202] ... *вернул царство ... Ойнею.* – Об изгнании Ойнея сыновьями Агрия см. *Павсаний*. II.XXV.2; *Аполлодор*. I.VIII.6; *Гигин*. CLXXV; *Диктис Критский*. VI.2.

[203] *Давн, царь давниев,* – вероятно, тот же самый, о котором речь идет в гл. XXXI. Ср. *Страбон*. V.I.9.

[204] ... *который они назвали «Диомедовым».* – Античные источники локализуют этот остров у побережья Иллирии (нынешняя Далмация), вдоль которого тянется целая цепь островов.

[205] Эта история, известная Ликофону (Александра. 901 сл.), подробно рассказана у Овидия (Метаморфозы. XI.266–409).

[206] К истории *Эака* и его сыновей (§ 1–3) см. *Диодор Сицил*. IV.72.5; *Павсаний*. II.XXIX.2; *Аполлодор*. III.XII.6 – XIII.3; *Гигин*. LII.

[207] ... *якобы пытался соблазнить ее.* – Преступная любовь жены хозяина к гостю (и тем более – к члену семьи мужа) – «бродячий мотив» в Средиземноморье. Ср. пары «Иосиф – жена Пентефрия» (Кн. Бытия. 39.7–20), «Беллерофонт – Сфенебея» (Илиада. VI.160–170); «Феникс – наложница Аминтора» (Илиада. IX.437–484; *Аполлодор*. III.XIII.80, «Ипполит – Федра» (*Еврипид*. Ипполит), «Анфей – Клеобея» (*Парфений*. XIV), «Тенес – Филонома» (*Павсаний*. X.XIV.2–4; *Аполлодор*. Эпитома. III.23–25), Клеопатра и оклеветанные ею пасынки (*Аполлодор*. III.XV.3) и т.п.

гонит их к Иру в качестве выкупа за убийство ⟨Евритиона⟩. Ир не принимает этого выкупа, Пелей уводит стадо и, согласно прорицанию бога, отпускает. (5) На скот, оставшийся без пастухов, нападает волк и поедает его. И по воле бога этот волк превратился в скалу и в течение долгого времени оставался на границе Локриды[208] и Фокиды.

XXXIX. Аркеофонт

[Рассказывает Гермесианакт[209] в книге II поэмы «Леонтион»]

(1) Аркеофонт, сын Миннирида, из города Саламина на Кипре, хоть происходил не от знатных родителей (были они из Финикии[210]), значительно превосходил остальных богатством и всяческим благополучием. Увидев однажды дочь саламинского[211] царя Никокреонта, он влюбился в нее. (2) Род же Никокреонта происходил от Тевкра[212], помогавшего Агамемнону взять Илион. По этой причине Аркеофонт еще охотнее стремился к браку с его дочерью и пообещал принести много больше даров по сравнению с другими женихами. Никокреонт же не внял просьбе о браке из-за презрения к происхождению Аркеофонта, ибо родители его были финикийцами. (3) Получив отказ, Аркеофонт еще тяжелее переживал свою любовь и стал ночью приходить к дому Арсинои[213] и проводить там время вместе со своими сверстниками. И так как у него ничего не выходило на пользу дела, он убеждает кормилицу девушки и, послав обильные дары, пытается ее соблазнить: нельзя ли-де ему соединиться с Арсиноей втайне от родителей. (4) А девушка, когда кормилица передала ей эти слова, сообщила их родителям. И они, отрезав у кормилицы конец языка, нос и пальцы и изуродовав ее ⟨таким образом⟩, безжалостно выгнали из дому. И богиня[214] вознегодовала на их дело. (5) Аркеофонт, из-за безмерной страсти и потеряв всякую надежду на брак, кончает с собой после неудачи с кормилицей. А сограждане сожалели о его смерти и опечалились, а на третий день его близкие понесли его тело в назначенное место. (6) Когда они собирались оказать ему последние почести, Арсиноя, пожелав по своей надменности увидеть, как сожгут тело Аркеофонта, свесилась из окна. И пока она глядела, Афродита, возненавидев ее нрав, превратила ее из человека в камень, так что ноги у нее вросли в землю.

XL. Бритомартис

(1) У Кассиопеи, дочери Арабия, и Феника, сына Агенора, была дочь Карма. Соединившись с ней[215], Зевс произвел на свет Бритомартис. Избегая общения с людьми, она предпочла навсегда остаться девушкой. (2) Из Финикии она направилась в Аргос вслед за Бизой, Мелитой, Мэрой и Анхироей, дочерьми Эрасина[216], затем из Аргоса она спустилась, достигнув Кефаллении, и местные жители прозвали ее Лафрией[217] и воздвигли ей святилище как богине. (3) Затем она

---

[208] Имеется в виду озольская *Локрида*, на берегу Коринфского залива, граничащая с *Фокидой*.

[209] *Гермесианакт* (ок. 300 г. до н.э.) – эллинистический поэт; «*Леонтион*» – собрание элегий в трех книгах, дошедшее только в отрывках. История *Аркеофонта* (с измененным именем героя) – также у Овидия. Метаморфозы (XIV.698–764).

[210] *... были они из Финикии.* – Кипр, расположенный на скрещении торговых путей с Ближнего Востока, из Египта и Греции, за свою историю неоднократно переходил из рук в руки. Был он в VIII в. и под властью Финикии, а позже оказывал гостеприимство финикийским купцам.

[211] Имеется в виду г. Саламин на Кипре (не смешивать с одноименным островом у берегов Аттики!). *Никокреонт* – лицо историческое, царствовал с 332 по 312 г. (ср. *Диодор Сицил.* XIX.79.5).

[212] *Тевкр*, сын Теламона (см. гл. XXXVII.2), – лучший стрелок в греческом войске под Троей. Отец изгнал его за то, что он не сумел предотвратить самоубийство Аякса.

[213] Арсиноя. – Имя возлюбленной Аркеофонта появляется впервые, хотя более естественно ожидать его в начале главы.

[214] Богиня, – естественно, Афродита.

[215] По другой версии, матерью *Бритомартис* была Геката.

[216] *Эрасин* – река и речной бог в Арголиде.

[217] *Лафрия* – эпитет, под которым почитали Артемиду в Калидонии, Мессении, но также в Фокиде, Дориде и на о-ве *Кефалления*. О приложении этого эпитета к Бритомартис других свидетельств нет.

приходит на Крит, и Минос, увидев ее, стал преследовать своей любовью. Она же бежала с помощью рыбаков, которые укутали ее сетью, и по этой причине критяне прозвали ее Диктинной[218] и воздвигли ей святилище. Бежав от Миноса, Бритомартис прибыла на рыбацком челне на Эгину вместе с рыбаком Андромедом. (4) И он, желая соединиться с ней, напал на нее, но Бритомартис, выпрыгнув из челна, бежала в рощу, где и теперь стоит ее святилище, и затем исчезла из вида, и ее назвали Афеей[219]. А в святилище Артемиды[220] ⟨появилась статуя⟩. То же место, где Бритомартис исчезла из вида, эгинеты посвятили ей, назвали ее Афеей и воздвигли святилище как богине.

XLI. Лиса

(1) Кефал, сын Деиона[221], женился в аттическом Форике на Прокриде, дочери Эрехфея. Был же он юношей красивым и смелым, и Эос, влюбившись в него[222] за его красоту, похитила его и сделала своим любовником ⟨...⟩[223]. (2) Тогда Кефал начал испытывать Прокриду, хочет ли она сохранить ему верность. Сам он под каким-то предлогом решил отправиться на охоту, а к Прокриде подослал неизвестного ей своего раба с большим количеством золота и научил его сказать ей, что некий влюбленный в нее чужеземец даст это золото, если она с ним сойдется. (3) Прокрида сперва отказывается от золота, когда же Кефал прислал вдвое больше, соглашается и принимает предложение[224]. Когда Кефал увидел, что она вошла в дом и легла на ложе с тем, кого она считала чужеземцем, он внес горящий факел и застал ее на месте преступления. (4) Прокрида, покинув от стыда Кефала, бежала к царю критян Миносу. Застав его в гóре из-за отсутствия детей, она обещала ему исцеление и научила, каким образом у него могут родиться дети. Ибо Минос ⟨во время совокупления⟩ исторгал змей, скорпионов и сколопендр, и женщины, с которыми он соединялся, умирали. (5) Но Пасифая, дочь Гелиоса, была бессмертна. Итак Прокрида придумывает следующее ради появления у Миноса потомства: она ввела мочевой пузырь козы в тело ⟨некой⟩ женщины, и Минос сначала исторг змей в мочевой пузырь козы, а затем вошел к Пасифае и соединился с ней. И когда у них родились дети, Минос дал Прокриде копье и пса; уклониться от них не мог никакой зверь, но всех они настигали. (6) Прокрида, получив дары, вернулась в аттический Форик, где жил Кефал, и стала вместе с ним охотиться; она поменяла одежду и сделала мужскую прическу, так что увидев ее, никто не мог ее признать. Кефал увидев, что охота ему нисколько не удается, а все идет в руки Прокриде, сильно захотел получить это копье. И Прокрида вдобавок пообещала ему отдать и пса, если он захочет одарить ее своей юношеской красотой. (7) Кефал принял предложение и, когда они улеглись, Прокрида открылась ему и стала упрекать его, что он совершил в отношении нее гораздо более позорный поступок, чем она – против него. Итак, Кефал получил копье и пса[225]. Между тем Амфитрион, нуждаясь в собаке, пришел к Кефалу с предложением выйти вместе с ним на лису, взяв с собою пса, и пообещал отдать Кефалу часть добычи, которую он возьмет у

---

[218] Эпитет *Диктинна* сближается здесь со словом δίκτυον «сеть»; в действительности он происходит от названия критской горы Дикты.

[219] ... *Назвали Афеей* (Ἀφαία). – Опять сближение по созвучию с прилагательным ἀφανής «невидимая».

[220] *Бритомартис*, являясь восточнокритской ипостасью Артемиды, (см. *Каллимах*. Гимн Артемиде. 189–203), столь же многоименна, как сама богиня. См. там же, ст.6–7; *Павсаний* (II.XXX.3).

[221] *Кефал, сын Деиона*. – Ср. *Павсаний*. I.XXXVII.6; X.29.6; *Аполлодор*. I.IX.4; III.XV.1; *Гигин*. CLXXXIX; CCLXX. Есть, впрочем, и другая генеалогия, по которой Кефал происходил от Гермеса и Креусы, дочери Эрехфея (*Гигин*. CLX). Ср. рассказ у Овидия (Метаморфозы. VII.661–865).

[222] *Эос, влюбившись в него*... – См. *Гесиод*. Теогония. 986; *Павсаний*. I.III.1 и прим. 221.

[223] *сделала своим любовником*. – Далее в рукописи пропуск.

[224] *принимает предложение*. – Согласно версии Аполлодора, III.XV.1, Прокрида изменила Кефалу с неким Птелеоном, подарившим ей золотой венец, была застигнута Кефалом и бежала на Крит к Миносу (см. *Палефат*. II). Там же у Аполлодора вкратце и несколько иначе излагается содержание следующих § 4–5 Антонина Либерала.

[225] *Получил копье и пса*. – Далее Антонин Либерал опускает историю нечаянного убийства Прокриды во время охоты (см. у Овидия, кроме указанного рассказа в «Метаморфозах», также «Наука любви», III.685–746), после чего Кефал бежал в Фивы и помог Амфитриону избавить кадмейцев от Тевмесской лисы (*Страбон*. X.II. 14, 20; *Павсаний*. I.XXXVII.6). Ср. ниже, § 7–9.

телебоев[226]. (8) Ибо в это самое время объявилась у кадмейцев лиса[227], животное необычное: она постоянно приходила из Тевмесса, часто похищала кадмейцев, и раз в тридцать дней ей поставляли одного ребенка, которого она забирала и съедала. (9) Когда Амфитрион попросил Креонта и кадмейцев пойти с ним войной на телебоев, а те отказались, если он не уничтожит лису, Амфитрион соглашается с кадмейцами на этих условиях. Придя к Кефалу, он сообщил ему об этом договоре и убедил отправиться в Фивы вместе с псом. Кефал принял это предложение и, придя ⟨в Фивы⟩, отправился охотиться на лису. (10) Однако ни лисе не было суждено, чтобы ее захватил какой-нибудь преследователь, ни псу, чтобы что-нибудь избежало его преследования. Итак, когда они оказались на фиванской равнине, Зевс их увидел и превратил обоих в камни.

---

[226] ... *у телебоев*. – Об этой экспедиции Амфитриона против телебоев (племя в Акарнании, на западе Средней Греции) см. *Геродот* (V.59.8); *Страбон* (X.II.20); *Павсаний* (I.XXXVII.6); *Плавт*. Амфитрион (183–256); *Аполлодор* (II.IV.6–7). Поход Амфитриона был ответом на похищение стада коров у его тестя Электриона из Аргоса. В духе античных «этимологий» одно из объяснений имени телебоев возводит его к греческим словам τῆλε οἰκοῦντες («далеко живущие») и αἱ βόες («коровы»): телебои – «далеко угнавшие коров». См. еще у Геродора, вступление к примечаниям к Палефату.

[227] ... *объявилась лиса*. – См. *Овидий* (Метаморфозы. VII. 763–792); *Павсаний* (IX.XIX.1); *Аполлодор* – см. прим. 226.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААИ – Античная археология и история
АО – Археологические открытия
ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей
ИИМК – Институт истории материальной культуры
ИТОИАЭ – Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии
КАМ – Культура античного мира. М., 1996
КБН – Корпус боспорских надписей. М.–Л., 1956
КСИА – Краткие сообщения Института археологии РАН
ЛОРКИАМ – Летопись охранных раскопок, разведок и важнейших случайных находок Керченского историко-археологического музея
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
РА – Российская археология
РГИА – Российский Государственный Исторический архив
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа
ЦГВИА – Центральный Государственный Военно-исторический архив
ЦГИА – Центральный Государственный Исторический архив
AAH – Acta Archaeologica Hungarica
AESC – Annales. Économies. Sociétés. Civilisations (Paris)
AJA – American Journal of Archaeology
AJPh – American Journal of Philology
Ann. Épigr. – L'Annee épigraphique. Revue des publications épigraphiques relatives à l'antiquité romaine
BCAR – Bulletino della Commissione Archeologica Comunale in Roma
BCH – Bulletin de correspondance hellénique. Paris.
CAH – Cambridge Ancient History
CIL – Corpus Inscriptionum Latinarum
CISA – Contributi dell'Istituto di storia antica (Milano)
CIPh – Classical Philology
CIQ – Classical Quarterly
GRBS – Greek, Roman and Byzantine Studies
ICS – Illinois Classical Studies
ILS – *H. Dessau.* Inscriptiones Latinae selectae. Bd I–III. Berlin, 1892–1914
IOSPE – *B. Latyschev.* Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini, Grecae et Latinae
JSOT – Journal of the Study of the Old Testament
LCM – Liverpool Classical Monthly
MDAI(R) – Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Römische Abteilung (Mainz)
MEFRA – Mélanges de l'École Française de Rome. Antiquité (Paris)
PP – La Parola del Passato (Napoli)
QUUC – Quaderni urbinati di cultura classica (Roma)
RA – Revue archéologique
REG – Revue des études grecques
REL – Revue des études latines
RFIC – Rivista di filologia e di istruzione classica (Torino)
RhM – Rheinisches Museum für Philologie
RLA – Reallexicon für Assyriologie
RM – Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Römische Abteilung
SMSR – Studi e materiali di storia delle religioni (L'Aquila)
StudUrb (B) – Studi urbinati di storia, filosofia e letteratura (Urbino)
UE II – Ur Excavations. V. II
ZPE – Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik

УКАЗАТЕЛЬ МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В «ВЕСТНИКЕ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ» в 1997 г.

	№	Стр.
Березкин Ю.Е. (С.-Петербург) – Америка и Ближний Восток: формы социополитической организации в догосударственную эпоху	2	3
Боровская Н.Ф. (Москва) – Лиры из «царских гробниц» Ура как памятники шумерской культуры Раннединастического периода	4	3
Гилембе Ж.П. (Орлеан) – Мифическая модель домов П. Валерия Публиколы	4	36
Дандамаева М.М. (С.-Петербург) – Ассирия и Вавилония в мифологии греков	3	11
Лордкипанидзе О.Д. (Тбилиси) – Божества города Фасиса (*Аполлон или Аполлинарная Триада?*)	1	15
Макаров И.А. (Москва) – Идеологические аспекты ранней греческой тирании	2	25
Симс-Вильямс Н. (Лондон) – Новые бактрийские документы	3	3
Сморчков А.М. (Чехов) – Римское публичное жречество: между царской властью и аристократией	1	35
Смышляев А.Л. (Москва) – *Civilis dominatio*: римский наместник в провинциальном городе	3	24
Суриков И.Е. (Москва) – Перикл и Алкмеониды	4	14
Токмаков В.Н. (Москва) – Сакральные аспекты воинской дисциплины в Риме Ранней республики	2	43
Шер Я.А. (Москва) – Происхождение искусства: одна из возможных гипотез (*К постановке вопроса*)	1	3

ПУБЛИКАЦИИ

Зайцев Ю.П. (Симферополь) – Южный дворец Неаполя Скифского	3	36
Зубарь В.М. (Киев), *Сарновский Т.* (Варшава) – Новая латинская строительная надпись с Ай-Тодора и некоторые вопросы римской военной организации в Таврике во второй половине II в. н.э.	4	50
Ксенофонтова И.В. (Москва) – Серебряный ритон с протомой Пегаса из VI Уляпского кургана (Приложение: *Зайцева Н.Г.* О технологическом процессе изготовления и ремонта ритона; *Виноградов Ю.Г.* Филологический комментарий)	2	60
Сапрыкин С.Ю. (Москва) – Бог войны Арес на оттиске перстня-печати из Восточного Крыма	1	46

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Древний мир: проблемы экологии

Кузьмина Е.Е. (Москва) – Экология степей Евразии и проблема происхождения номадизма. II. Возникновение кочевого скотоводства	2	81
Прусаков Д.Б. (Москва) – «Старые дюны» в Среднем Египте	2	95

Великая греческая колонизация: итоги и перспективы изучения

Цецхладзе Г.Р. (Лондон) – Греческое проникновение в Восточное Причерноморье: некоторые итоги изучения. 1. VI–начало V в. до н.э.	2	100

История, археология, лингвистика

Запорожченко А.В., Черемисин Д.В. (Новосибирск) – Аримаспы и грифы: изобразительная традиция и индоевропейские параллели	1	83
Мэллори Дж.П. (Белфаст) – Индоевропейские прародины	1	61

Глиптика Средней Азии и Ближнего Востока

Амье П. (Париж) – Богини и царицы Элама 1 97

Дюринг Касперс Э. (Лейден) – Маргианско-бактрийский археологический комплекс и харапское письмо 3 51

Клочков И.С. (Москва) – Глиптика Маргианы (*Принципы описания и классификации*) 1 103

Козырева Н.В. (С.-Петербург) – Надписи на старовавилонских частных печатях (1. «раб бога...» / arád DN) 2 116

Коллон Д. (Лондон) – Лазурит с Востока: печать-штамп из Британского музея 2 123

Питтман Х. (Филадельфия) – Памяти Эдит Порады 1 93

Франкфор А.-П. (Париж) – Печати Окса: разнообразие форм и изменяемость функций 4 60

Харпер П. О. (Нью-Йорк) – Памяти Эдит Порады 1 91

Древние империи (Новые подходы к изучению древних империй Запада и Востока)

От редколлегии 3 66

Бауэрсок Г. (Принстон) – Римская империя в постимпериалистической перспективе 4 86

Джоунс К. (Гарвард) – Язык и империя 4 93

Кнабе Г.С. (Москва) – Метафизика тесноты. Римская империя и проблема отчуждения 3 66

Свенцицкая И.С. (Москва) – Отношение «гражданин–полис» в системе Римской империи: проблема отчуждения 3 79

Историческая география античного Причерноморья

От редколлегии 3 84

Сапрыкин С.Ю. (Москва) – Природные катастрофы и явления в идеологии Митридата Евпатора 3 85

Федосеев Н.Ф. (Керчь) – Переправа через Боспор Киммерийский 4 100

Эллинизм: политическая практика и культурные традиции

Виноградов Ю.А., Марченко К.К., Рогов Е.Я. (С.-Петербург) – Сарматы и гибель «Великой Скифии» 3 93

Виноградов Ю.Г. (Москва) – Херсонесский декрет о «несении Диониса» IOSPE I^2 343 и вторжение сарматов в Скифию 3 104

Киммерийцы: проблемы исторической и культурной интерпретации

Грантовский Э.А., *Погребова М.Н., Раевский Д.С.* (Москва) – Киммерийцы в Передней Азии (По поводу монографии: A.I. Ivantchik. Les Cimmériens au Proche-Orient. Editions Universitaires Fribourg Suisse. Göttingen, 1993. Русское издание: *А.И. Иванчик*. Киммерийцы, Древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII–VII веках до н.э. М., 1996) 4 69

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

Беликов А.П. (Ставрополь) – Третья Македонская война: проблема вины сторон 3 149

Бухарин М.Д. (Москва) – Описание индийского государства в «Индике» Мегасфена 3 138

Галанина Л.К. (С.-Петербург) – К вопросу о кубанском очаге раннескифской культуры 3 125

Жамкочян А.С. (Ереван) – У истоков самаритянских исследований в России 2 145

Каковкин А.Я. (С.-Петербург) – Античное наследие в искусстве коптского Египта 1 124

Карпюк С.Г. (Москва) – Vulgus и turba: толпа в классическом Риме 4 121

Крюков А.С. (Воронеж) – Устная традиция в «Анналах» Тацита 1 133

Мешкерис В.А. (С.-Петербург) – К изучению музыкальной культуры Восточной Парфии (*По археологическим данным*) 4 138

Муравьев А.В. (Москва) – Переписка Юлиана Отступника и Василия Великого (BHG 260) в связи с житийной традицией последнего 2 138

Орел В., Фролов С. (Иерусалим) – Exegetica 1–2 ..... 4 111
Скржинская М.В. (Киев) – Изображение поэта на лекифе из Одесского археологического музея 2 130
Ярхо В.Н. (Москва) – Новый папирусный отрывок древней аттической комедии 1 120

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ: НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

ВИШНЕВСКАЯ О.А., Рапопорт Ю.А. (Москва) – Городище Кюзели-гыр. К вопросу о раннем этапе истории Хорезма 2 150
Масленников А.А. (Москва) – Сельский теменос (?) в Восточном Крыму (*Предварительная информация*) 4 150
Сарианиди В.И. (Москва) – Теменос Гонура 1 148

Международный «круглый стол» «Сарматы в I в. н.э.: новейшие открытия»

Фон Галль Х. (Берлин) – Сцена поединка всадников на серебряной вазе из Косики (*Истоки и восприятие одного иранского мотива в Южной России*) 2 174

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

Бонгард-Левин Г.М. (Москва) – М.И. Ростовцев и Э.Х. Миннз (*Новые архивные материалы*) 1 184
Каньетта М. (Бари) – М.И. Ростовцев в Италии: культурные взаимосвязи и издательские дела 3 158
М.И. Ростовцев. Древний мир и современность (*Публичная лекция, прочитанная в Йельском университете 25 января 1944 г.*). Вступительная статья и публикация *Ю.Н. Литвиненко* (Москва) 2 199
Павловская А.И. (Москва) – О роли М.И. Ростовцева в развитии папирологических исследований в России 1 169

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Дандамаев М.А. (С.-Петербург) – J. M a c G i n n i s. Letter Orders from Sippar and the Administration of the Ebabbara in the Late-Babylonian Period. Poznań, 1995 ..... 1 226
Дандамаев М.А. (С.-Петербург) – R.H. S a c k. Cuneiform Documents from the Chaldean and Persian Periods. L. – Toronto, 1994 ..... 4 173
Завадский С. (Познань) – A. I v a n t c h i k. Les Cimmériens an Proche–Orient (OBO 127). Fribourg, 1993 ..... 2 221
Кошеленко Г.А. (Москва) – C o h e n G.M. The Hellenistic Settlements in Europe, the Islands and Asia Minor. University of California Press. Berkeley – Los Angeles–Oxford, 1995. XIII. 481 p. 12 maps 4 183
Литвиненко Ю.Н. (Москва) – D. B o n n e a u. Le régime administratif de l'eau du Nil dans l'Égypte grecque, romaine et byzantine. Leiden, 1993 ..... 3 186
Ляпустина Е.В. (Москва) – R o s t o v t z e f f M. Per la storia del colonato romano. Edizione italiana a cura di arnaldo Marcone. Brescia, 1994; R o s t o v t z e f f M. Scripta varia. Ellenismo e Impero romano. A cura di Arnaldo Marcone. Bari, 1995; R o s t o v t z e f f M. Per la storia economica e sociale del mondo ellenisticoromano. Saggi scelti. A cura di Tommaso Gnoli e John Thornton. Introduzione di Mario Mazza. Catania, 1995 ..... 4 188
Маринович Л.П. (Москва) – E.M. H a r r i s. Aeschines and Athenian Politics. New York–Oxford, 1995 ..... 4 178
Махлаюк А.В. (Нижний Новгород) – М.Г. А б р а м з о н. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. М., 1995 ..... 3 173
Молчанов А.А. (Москва) – V a n s c h o o n w i n k e l J. L'Égeé et la Méditerranée Orientale à la fin du IIe millénaire. Témoignages archéologiques et sources écrites. Louvain-la-Neuve, 1991 ..... 2 217
Муравьев С.Н. (Москва) – Новый труд по древней географии Кавказа и Закавказья (The Geography of Ananias of Širak (AŠXARAC 'OUC'). The Long and the Short Recensions. Introduction, Translation and Commentary by R.H. Hewsen. Wiesbaden, 1992 ..... 2 224
Саль Ж.Ф. (Лион) – Rome and India. The Ancient Sea Trade. Ed. V. Begley and R.D. De Puma. Wisconsin, 1991 ..... 1 228
Соломатин М.Д. (Москва) – М.Г. А б р а м з о н. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. М., 1995 ..... 3 178

Суриков И.Е. (Москва) – The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy. Proceedings of an International Conference celebrating 2500 years since the birth of democracy in Greece, held at the American School of Classical Studies at Athens, December 4–6, 1992. Ed. W.D.E. Coulson, O. Palagia, T.L. Shear, H.A. Shapiro, F.J. Frost. Oxford, 1994 ..... 1 232
Федосеев Н.Ф. (Керчь) – В.И. Кац. Керамические клейма Херсонеса Таврического. Приложение: Таблицы керамических клейм Херсонеса Таврического. Саратов, 1994 ..... 1 221
Фихман И.Ф. (Иерусалим) – J. Mélèze-Modrzejewski. The Jews of Egypt. From Rameses II to Emperor Hadrian. Transl. by Robert Comman with a Foreword by Shaye J.D. Cohen. Philadelphia and Jerusalem, 1995 ..... 3 191
Ярхо В.Н. (Бордо) – Carl A. Anderson. Athena's Epithets. Their Structural Significance in Plays of Aristophanes. Stuttgart und Leipzig, 1995 ..... 4 175

В МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЯХ МИРА

Журавлев Д.В. (Москва) – Коллекции из Херсонеса в собрании Государственного Исторического музея 3 194

PERSONALIA

Гринбаум Н.С. (С.-Петербург) – И.М. Тронский и проблемы микенологии 2 242
К 80-летию Татьяны Васильевны Блаватской 4 196
К 80-летию Эллы Исааковны Соломоник 4 197
К 70-летию Джона Бордмана 3 209
К 70-летию Григория Григорьевича Гиоргадзе 3 208
К 70-летию Гагика Хореновича Саркисяна 1 238
К 60-летию Юрия Викторовича Андреева 2 235
К 60-летию К. Ламберг-Карловски 3 211
К 60-летию Фергюса Г.Б. Миллара 2 236
К 60-летию Герардо Ньоли 4 198
К 60-летию Анны Станиславовны Русяевой 2 237
Ярхо В.Н. (Москва) – К 100-летию со дня рождения Иосифа Моисеевича Тронского 2 238
Ярхо В.Н. (Бордо) – Профессор Иосиф Моисеевич Тронский в его письмах (*К 100-летию со дня рождения*) 4 200

Любарский Я.Н. (С.-Петербург) – Александр Петрович Каждан (1922–1997) 4 216
Н.М. Постовская (1917–1997) 3 216
И.Э. Эдвардс (1909–1996) 3 219

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Галченко Н.В., Федосеев Н.Ф. (Керчь) – Конференция «170 лет Керченского музея древностей» (Керчь, 25–27 июля 1996 г.) 2 252
Гвоздева Т.Б. (Москва) – Конференция «Олимпийские игры в истории мировой культуры. К 100-летию возобновления современных Олимпийских игр» (Москва, 30 мая 1996 г.) 2 248
Журавлев Д.В. (Москва) – V Международный симпозиум по эллинистической керамике. Ханья (о. Крит, Греция, 6–13 апреля 1997 г.) 4 214
Колосова О.Г., Смышляев А.Л. (Москва) – Международный симпозиум «Древние империи и имперские идеологии» (Москва, 9–10 сентября 1996 г.) 2 245
Заседание сектора античной истории Института всеобщей истории РАН, посвященное памяти Е.М. Штаерман 3 212
Кошеленко Г.А. (Москва) – 150-летие Французской школы в Афинах 1 239
Мальчугова Т.Г. (Петрозаводск) – Конференция «Проблемы греческой культуры» (Крым, 16–20 сентября 1996 г.) 2 250
Сини Ф. (Сассари) – Программа итало-русского исследования «Жреческие документы, торжественные формулы и римская архаическая политико-религиозная лексика: к происхождению юридической терминологии и догматики» 1 242
Трейстер М.Ю. (Москва) – Международная научная конференция «Троя и ее сокровища» (ГМИИ им. А.С. Пушкина, 25–28 ноября 1996 г.) 4 211

ПРИЛОЖЕНИЕ

Латинские панегирики. Перевод с латинского и комментарии *И.Ю. Шабаги* (Москва) 1 244
Латинские панегирики. Перевод с латинского и комментарии *И.Ю. Шабаги* (Москва) 2 255
Антонин Либерал. Метаморфозы. Вступительная статья, перевод с древнегреческого и комментарии *В.Н. Ярхо* (Бордо) 3 220
Антонин Либерал. Метаморфозы. Перевод с древнегреческого и комментарии *В.Н. Ярхо* (Бордо) 4 218

Указатель материалов, опубликованных в «Вестнике древней истории» в 1997 г. 4 233

ИСПРАВЛЕНИЯ К РИСУНКАМ В СТАТЬЕ Д.В. ЖУРАВЛЕВА. ВДИ. № 3. С. 194–207.

1. Подпись «Рис. 6» на стр. 201 соответствует иллюстрации на стр. 204.
2. Подпись «Рис. 7» на стр. 202 соответствует иллюстрации на стр. 201.
3. Подпись «Рис. 8» на стр. 203 соответствует иллюстрации на стр. 202.
4. Подпись «Рис. 9» на стр. 204 соответствует иллюстрации на стр. 203.

СОДЕРЖАНИЕ

Боровская Н.Ф. (Москва) – Лиры из «Царских гробниц» Ура как памятники шумерской культуры Раннединастического периода 3
Суриков И.Е. (Москва) – Перикл и Алкмеониды 14
Гилембе Ж.-П. (Орлеан) – Мифическая модель домов П. Валерия Публиколы 36

ПУБЛИКАЦИИ

Зубарь В.М. (Киев), *Сарновский Т.* (Варшава) – Новая латинская строительная надпись с Ай-Тодора и некоторые вопросы римской военной организации в Таврике во второй половине II в. н.э. 50

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Глиптика Средней Азии и Ближнего Востока

Франкфор А.-П. (Париж) – Печати Окса: разнообразие форм и изменяемость функций 60

Киммерийцы: проблемы исторической и культурной интерпретации

Грантовский Э.А., *Погребова М.Н.*, *Раевский Д.С.* (Москва) – Киммерийцы в Передней Азии (По поводу монографии: A.I. Ivantchik. Les Cimmériens au Proche-Orient. Editions Universitaires. Fribourg, Suisse. Göttgingen, 1993. Русское издание: А.И. Иванчик: Киммерийцы. Древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII–VII веках до н.э. М., 1996) 69

Древние империи (Новые подходы к изучению древних империй Запада и Востока)

Бауэрсок Г. (Принстон) – Римская империя в постимпериалистической перспективе 86
Джоунс К. (Гарвард) – Язык и империя 93

Историческая география Причерноморья

Федосеев Н.Ф. (Керчь) – Переправа через Боспор Киммерийский 100

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

Орел В., *Фролов С.* (Иерусалим) – Exegetica 1–2 111
Карпюк С.Г. (Москва) – *Vulgus* и *turba*: толпа в классическом Риме 121
Мешкерис В.А. (С.-Петербург) – К изучению музыкальной культуры Восточной Парфии (*По археологическим данным*) 138

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ: НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

Масленников А.А. (Москва) – Сельский теменос (?) в Восточном Крыму (*Предварительная информация*) 150

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Дандамаев М.А. (С.-Петербург) – R.H. S a c k. Cuneiform Documents from the Chaldean and Persian Periods. London–Toronto, 1994 173
Ярхо В.Н. (Бордо) – C a r l A. A n d e r s o n. Athena's Epithets. Their Structural Significance in Plays of Aristophanes. Stuttgart–Leipzig, 1995 175
Маринович Л.П. (Москва) – E.M. H a r r i s. Aeschines and Athenian Politics. New York–Oxford, 1995 178
Кошеленко Г.А. (Москва) – C o h e n G.M. The Hellenistic Settlements in Erurope, the Islands and Asia Minor. University of California Press. Berkeley – Los Angeles–Oxford, 1995. XIII. 481 p. 12 maps 183
Ляпустина Е.В. (Москва) – R o s t o v t z e f f M. Per la storia del colonato romano. Edizione italiana a cura di Arnaldo Marcone. Brescia, 1994; R o s t o v t z e f f M. Scripta varia. Ellenismo e Impero romano. A cura di Arnaldo Marcone. Bari, 1995; R o s t o v t z e f f M. Per la storia ecomonica e sociale del mondo ellenistico-romano. Saggi scelti. A cura di Tommaso Gnoli e John Thornton. Introduzione di Mario Mazza. Catania, 1995 188

PERSONALIA

К 80-летию Татьяны Васильевны Блаватской 196
К 80-летию Эллы Исааковны Соломоник 197
К 60-летию Герардо Ньоли 198
Ярхо В.Н. (Бордо) – Профессор Иосиф Моисеевич Тронский в его письмах (*К 100-летию со дня рождения*) 200

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Трейстер М.Ю. (Москва) – Муждународная научная конференция «Троя и ее сокровища» (ГМИИ им. А.С. Пушкина, 25–28 ноября 1996 г.) 211
Журавлев Д.В. (Москва) – V Международный симпозиум по эллинистической керамике. Ханья (о. Крит, Греция), 6–13 апреля 1997 г. 214

Любарский Я.Н. (С.-Петербург) – Александр Петрович Каждан (1922–1997) 216

ПРИЛОЖЕНИЕ

Антонин Либерал. Метаморфозы. Перевод с древнегреческого и комментарии *В.Н. Ярхо* (Бордо) 218

Указатель материалов, опубликованных в «Вестнике древней истории» в 1997 г. 233

CONTENTS

N.F. Borovskaya (Moscow) – Lyres from the Royal Tombs of Ur as Monuments of Sumer Culture of the Early Dynastic Period 3
I.E. Surikov (Moscow) – Pericles and the Alcmaeonidae 14
J.P. Guilhembet (Orléans) – The Mythical Pattern of P. Valerius Publicola's Houses 36

PUBLICATIONS

V.M. Zubar (Kiev), *T. Sarnovsky* (Warsaw) – A New Latin Inscription from Ai-Todor and Some Questions of the Military Organization in Tauris in the Second Half of the 2nd c. AD 50

DISCUSSIONS

Glyptics of Central Asia and the Near East

H.P. Frankfort (Paris) – Seals of the Oxus: Diversity of Forms and Variability of Functions 60

Cimmerians: Problems of Historical and Cultural Interpretation

E.A. Grantovsky, *M.N. Pogrebova, D.S. Raevsky* (Moscow) – Cimmerians in the Near East (Review of a Monograph of A.I. Ivantchik) 69

Ancient Empires: New Approaches to the Study of Ancient Empires of West and East

G.W. Bowersock (Princeton) – A Post-Imperialist Perspective on the Roman Empire 86
Chr. Jones (Harvard) – Language and Empire 93

Historical Geography of the Black Sea Region

N.F. Fedoseev (Kerch) – Crossings over the Cimmerian Bosporus 100

REPORTS AND COMMUNICATIONS

V. Orel, S. Frolov (Jerusalem) – Exegetica 1–2 111
S.G. Karpyuk (Moscow) – *Vulgus* and *turba*: Mob in Classical Rome 121

V.A. Meshkeris (St.-Petersburg) – On the Study of Musical Culture of Eastern Parthia (*on the Basis of Archaeological Sources*) 138

ANCIENT CIVILIZATIONS: NEW DISCOVERIES

A.A. Maslennikov – A Rural Temenos (?) in the Eastern Crimea (*Preliminary Information*) 150

REVIEWS AND BIBLIOGRAPHY

M.A. Dandamayev (St.-Petersburg) – R.H. S a c k. Cuneiform Documents from the Chaldean and Persian Periods. London–Toronto, 1994 173
V.N. Yarkho (Bordeaux) – C a r l A. A n d e r s o n. Athena's Epithets. Their Structural Significance in Plays of Aristophanes. Stuttgart-Leipzig, 1995 175
L.P. Marinovich (Moscow) – E.M. H a r r i s. Aeschines and Athenian Politics. N.Y.–Oxf., 1995 178
Koshelenko G.A. (Moscow) – C o h e n G.M. The Hellenistic Settlements in Europe, the Islands and Asia Minor. University of California Press. Berkeley – Los Angeles–Oxford, 1995. XIII. 481 p. 12 maps 183
E.V. Lyapustina (Moscow) – R o s t o v t z e f f M. Per la storia del colonato romano. Edizione italiana a cura di Arnaldo Marcone. Brescia, 1994; R o s t o v t z e f f M. Scripta varia. Ellenismo e Impero romano. A cura di Arnaldo Marcone. Bari, 1995; R o s t o v t z e f f M. Per la storia economica e sociale del mondo ellenistico–romano. Saggi scelti. A cura di Tommaso Gnoli e John Thornton. Introduzione di Mario Mazza. Catania, 1995 188

PERSONALIA

The 80th Birthday of Tatyana Vasilievna Blavatskaya 196
The 80th Birthday of Ella Isaakovna Solomonik 197
The 60th Birthday of Gherardo Gnoli 198
V.N. Yarkho (Bordeaux) – Professor Ioseph Moiseevich Tronsky in his Letters (*To the 100th Birthday*) 200

SCIENTIFIC EVENTS

M.Yu. Treister (Moscow) – International Conference «Troy and its Treasures» (The Pushkin Museum of Fine Arts, Moscow, November 25–28, 1996) 211
D.V. Zhuravlev (Moscow) – Vth International Symposium of Hellenistic Pottery (Greece, Crete, Khanya, April 6–13, 1997) 214

Lyubarsky Ya.N. (St.-Petersburg) – Alexander Petrovich Kazhdan (1922–1997) 216

SUPPLEMENT

A n t o n i n u s L i b e r a l i s. Metamorphoses. Translation from Ancient Greek and Commentaries *V.N. Yarkho* (Bordeaux) 218

Index 233

Технический редактор *Н.С. Евсеева*

Сдано в набор 18.08.97 Подписано к печати 30.09.97 Формат бумаги 70 × 100 1/16
Офсетная печать Усл.кр.-отт. 27,9 тыс. Уч.-изд.л. 24,8 Бум.л. 7,5
Усл.печ.л. 19,5 + 1 вкл. Тираж 1393 экз. Заказ 2169

А д р е с р е д а к ц и и: 117334, Москва, Ленинский проспект, 32А
Институт всеобщей истории РАН. Тел. 938-56-28; 938-19-12
Московская типография № 2 РАН, Москва Г-99, Шубинский пер., 6

Индекс 70119

НАУЧНО–КУЛЬТУРНЫЙ ФОНД «СКИФ»

Фонд учрежден акционерным обществом Генеральная компания

СКИФ ТРОИЦК

Фонд разрабатывает и способствует научной разработке проблем культуры скифо-сармато-аланского мира, этногенеза и истории ираноязычных народов и их роли в судьбах населения евразийских цивилизаций.

Фонд направляет свою деятельность на:

1. Финансирование, организацию и проведение исследований по вопросам истории, археологии, этнографии, лингвистики и фольклора.
2. Организацию и проведение научных конференций, симпозиумов, семинаров, «круглых столов», а также осуществление издательской деятельности, помощь в работе историко-археологических экспедиций.
3. Установление и развитие культурных и деловых связей с российскими и зарубежными учеными, научными центрами и ассоциациями и другими научно-культурными организациями по направлениям деятельности Фонда.
4. Содействие в подготовке квалифицированных исследователей в области науки и культуры.

Почетным Председателем Фонда является выдающийся ученый, профессор В.И. Абаев.

Фонд оказывает спонсорную помощь Центру сравнительного изучения древних цивилизаций.

129327 Москва, Ленская ул., 2/21
Телефон: 470-21-92; факс: 470-02-95

«НАУКА»

ISSN 0321-0391 Вестник древней истории, 1997, № 4